

От редакции.....	3
------------------	---

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Балина М.</i> Пролетарская сказка в детской литературе Веймарской республики: к вопросу о жанровой специфике.....	6
<i>Хабер Э.</i> Яркие образы и прекрасный язык: наследие футуризма в детских стихах В. Маяковского.....	20
<i>Вельд С.</i> Елки и самовары: литература для детей в 1918 г.	39
<i>Мяэотс О.</i> Советские детские книги в Европе и в США в 1920–1930-е гг.	57
<i>Михулка Д.</i> Nadwiślański socrealizm. Ленин и революция в учебниках для детей.....	96
<i>Батчелор К. (Katherine Batchelor)</i> The Russian Revolution: Events and Characters as Depicted in U. S. Young Adult Literature.....	113
<i>Литовская М.</i> Курс молодого бойца: жанр историко-революционной повести для подростков в литературе 1930-х гг.....	138
<i>Абрамова К.</i> Журнал «Товарищ» (1928–1931, г. Новосибирск): авангардные черты сибирского пионерского журнала.....	147
<i>Захаров К.</i> Революция игрушек. К историографии сказочных восстаний.....	160
<i>Костюхина М.</i> Октябрьский сценарий в детском саду.....	173
<i>Де Флорио Дж.</i> «И точно много лет он мне знаком». Максим Горький и Самуил Маршак на фоне эпохи.....	184
<i>Гарциано С.</i> «Мы с Временем рассорились в прошлом Мартобре...»: лингвистические и культурологические анахронизмы в переводе В. В. Набокова «Аня в стране чудес» (1923).....	206
<i>Сенне К.</i> Старая новая сказка: мифопоэтический подтекст пьесы-сказки С. Маршака «Двенадцать месяцев».....	227

«ДНЕВНИК КОСТИ РЯБЦЕВА»: ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ

Архив ДЧ

Три измерения: несколько документов из архива Н. Огнева.....	246
<i>Виноградова О.</i> Огнев, Розанов и Никпетож: об именах и псевдонимах автора «Дневника Кости Рябцева».....	280
<i>Рожков А.</i> Читая «Дневник Кости Рябцева»: школьная действительность 1920-х гг. глазами историка.....	298
<i>Маслинская С.</i> «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева в американской критике конца 1920-х гг.	325

ИНТЕРВЬЮ

«Дневник Кости Рябцева» в отзывах читателей.....	337
--	-----

РУССКО-НЕМЕЦКИЕ КОНТАКТЫ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

<i>Головин В., Николаев О. И.-Г. Кампе</i> “Winterlied” — А. С. Шишков «Николашина похвала зимним утехам»: первый детский хрестоматийный текст в русской поэзии.....	346
--	-----

<i>Сергиенко И.</i> Немецкие авторы — русским детям: опыт библиографии детской книги второй половины XVIII в.	382
<i>Маслинская С.</i> Генрих Вольгаст и развитие отечественной теории детской литературы в 1910–1930-е гг.	412
<i>Симонова О.</i> Политика Детгиза в издании переводной книги ГДР в конце 1940-х — середине 1950-х гг.	421
МАТЕРИАЛЫ	
<i>Головин В.</i> «Если это знамение времени, то это ужасное знамение»: неопубликованный протест Е. Елачича	442
ДЕТСКИЕ КНИГИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ	
<i>Асонова Е.</i> Четыре открытки о Революции	445
SUMMARY	453
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	462

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН

ДЕТСКИЕ ЧТЕНИЯ. ВЫП. 12

ISSN 2304-5817 (Detskie chtenia)
ISBN 978-5-7584-0266-5 (вып. 12)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мария Литовская (*Екатеринбург*)
Светлана Маслинская (*Санкт-Петербург*)
Анна Сенькина (*Санкт-Петербург*)
Инна Сергиенко (*Санкт-Петербург*)
Марина Жуковец (*Санкт-Петербург*)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ирина Арзамасцева (*Москва*)
Всеволод Багно (*Санкт-Петербург*)
Марина Балина (*Bloomington, USA*)
Валентин Головин (*Санкт-Петербург*)
Андрей Костин (*Санкт-Петербург*)
Марина Костюхина (*Санкт-Петербург*)
Сара Панкеньер Вельд (*Santa Barbara, USA*)
Михаил Яснов (*Санкт-Петербург*)

Выпускающие редакторы *Светлана Маслинская* и *Сара Панкеньер Вельд*

© Авторы статей, 2017

© Издательство «Кабинетный ученый», 2017

.....
Екатеринбург — Санкт-Петербург — Bloomington (USA)

ОТ РЕДАКЦИИ

Двенадцатый номер «Детских чтений» посвящен столетию революции 1917 г.

Мы собрали исследования, которые отвечают на вопросы, позволяющие прояснить значение революционных событий 1917 г. в истории детской литературы.

Трансформация содержания и прагматики детской литературы, которая произошла в 1920-е гг., не была одномоментной. Как показывают исследования, в том числе опубликованные в этом номере журнала, процесс советизации детской литературы растянулся на два десятилетия и был достаточно неровным. Сразу после революции произведения для детей издавались не в ответ на новый политический заказ, сформулированный Л. Кормчим в 1918 г., а вопреки экономической разрухе, поэтому книги А. Алтаева, В. Авенариуса, Б. Зайцева и Л. Чарской продолжали выходить в первые два года после революции, возьмемся предположить, — просто по издательской инерции. Сара Панкеньер Вельд обратилась как раз к такому случаю — изданию сборника «Елка» в 1918 г., в котором социальная катастрофа 1917 г. нашла свое выражение в подтексте одного из многих опубликованных текстов — горьковском «Самоваре».

Новые советские ценности начали артикулироваться только в 1923–1924 гг., когда, с одной стороны, в Россию стали более активно проникать сюжеты, связанные с левой идеологией, такие как «пролетарские сказки» Герминии Цур Мюлен, о чем пишет в своей статье Марина Балина. С другой стороны, обновлялись мотивировки вполне канонических сюжетов, например, «бунт игрушек», что на материале раннесоветской агитационной сказки показал Кирилл Захаров. Эрика Хабер, анализируя эволюцию поэтики стихотворений для детей В. Маяковского, раскрывает, как футуристические эксперименты с формой в его поэзии середины 1920-х гг. к концу десятилетия сменились «производством» нового дидактического содержания. В то же время такая идейная перестройка особенно заметна на материале периодических изданий 1920-х гг.,

в том числе издававшихся не в столицах. Именно в периодике появились первые попытки конструирования памяти об октябрьских событиях и времени, которое им предшествовало. Пьесы для самодеятельных театров и небольшие рассказы, публиковавшиеся в газетной и журнальной периодике в конце 1920-х гг., сменились в 1930-е гг. историко-революционной повестью для подростков. Как утверждает Мария Литовская, этот жанр предлагал авантюрную матрицу, мало отличающуюся от авантюрно-приключенческой литературы, вроде Дюма и Купера. Дальнейшей мемориализации революционных событий в словесности, обращенной к детям Советской России и Социалистической Польши, посвящены статьи Марины Костюхиной и Дороты Михулки. Совершенно иные сюжеты и герои 1917 г. обнаруживаются в современной американской литературе, к которой обратилась Катерина Батчелор.

К контекстам создания советской детской литературы обратились Ольга Мязотс, изучив европейскую рецепцию советской детской книги, и Джулия де Флорио, показавшая, как в публичных выступлениях и печати С. Маршак и М. Горький на рубеже 1920–1930-х гг. разрабатывали язык описания новой советской детской литературы.

В блоке статей «Дневник Кости Рябцева: три измерения» собраны материалы, посвященные одному произведению, которое можно назвать «экземплификативом эпохи». Повесть Н. Огнева вобрала в себя жанровые и стилевые поиски авангардного искусства, отразила реформы и эксперименты в школьном образовании 1920-х и стала канонической репрезентацией Советской России на западе. Эти аспекты освещены в статьях Ольги Виноградовой, Александра Рожкова и Светланы Маслинской. Рубрику «Архив ДЧ» составили архивные материалы из личного фонда писателя Николая Огнева (Михаила Розанова): его размышления над процессом создания «Дневника Кости Рябцева» демонстрируют личностные творческие поиски в условиях становления социального заказа, загоняющего писателя в прокрустово ложе соцреалистической эстетики. Документы школьной словесности (стенгазеты школы-коммуны «Искра», в которой работал писатель), так же как и републикация статьи Е. Кирпичниковой «История одного самоуправления в загородной школе II-ой ступени» (Вестник просвещения, 1922, № 8), обнаруживают истоки стилового и сюжетного содержания повести Огнева. В коротких эссе, опубликованных в рубрике «Интервью», собраны воспоминания читателей первого после войны переизда-

ния «Дневника Кости Рябцева» 1966 г. Редакция «Детских чтений» попыталась узнать, как долгий, более чем тридцатилетний, разрыв с читателем сказался на восприятии повести. Н. Огнев писал «Дневник...» по горячим следам школьной и общественной жизни середины 1920-х гг. Нас интересовало, какие темы, проблемы и приемы, использованные в повести, сохранили свое значение, а какие потеряли или обрели новое. На вопросы анкеты ответили известные филологи, журналисты, переводчики и издатели. Среди участников опроса Константин Поливанов, Елена Романичева, Илья Бернштейн, Татьяна Сигалова и другие.

Следующий блок посвящен изучению русско-немецких связей в детской литературе. В статье Олега Николаева и Валентина Головина рассмотрена история создания первого русского хрестоматийного стихотворения «Николашина похвала зимним утехам» А. С. Шишкова и предложен развернутый историко-культурный комментарий. Инна Сергиенко установила книгоиздательские контакты в области образовательной книги для детей в России в последней трети XVIII в. Более века спустя интенсивность русско-немецких контактов вновь усилилась: когда в фокусе внимания отечественных педагогов детского чтения оказались труды немецкого педагога Генриха Вольгаста — рецепции его идей в России посвящена статья Светланы Маслинской. К политическим контекстам послевоенного издания Детгизом переводов немецких произведений для детей обратилась Ольга Симонова.

В рубрике «Материалы» Валентин Головин комментирует неопубликованное письмо Евгения Елачича: авторитетный критик начала XX в. обрушивается на «порнографическое содержание» «Голубей» С. Юшкевича (1914).

Завершает выпуск традиционная авторская рубрика Екатерины Асоновой, в которой она представляет свой взгляд на то, как можно говорить с нынешними юными читателями о революции и какие современные книги могут способствовать этому разговору.

ИССЛЕДОВАНИЯ

М. Балина

ПРОЛЕТАРСКАЯ СКАЗКА В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: К ВОПРОСУ О ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКЕ

В статье рассматриваются условия возникновения жанра пролетарской сказки в немецкой детской литературе 1920–1930-х гг. На примере сказок, написанных в этот период одной из самых популярных писательниц социал-демократического толка, Герминией Цур Мюлен, автор анализирует общие стилистические особенности пролетарской сказки. Ключевым для статьи является вопрос тенденциозности как ведущего требования к политически ангажированной детской литературе. В то время как требования идейности и тенденциозности, предъявляемые к произведениям детской литературы, вызвали гонения на сказку в 1920-е гг. в Советской России, в условиях Веймарской Германии эти же требования привели к созданию нового типа сказочного нарратива. В статье рассматриваются как оригинальные тексты немецких пролетарских сказок, так и примеры произведений Цур Мюлен, переведенные и напечатанные в России в двадцатые годы.

Ключевые слова: пролетарская сказка, тенденциозность, борьба со сказкой, детская литература Веймарской республики, социал-демократическая детская периодика, Герминия Цур Мюлен.

I.

В сказках прежде всего поучительна выдумка...

М. Горький «О сказках» 1929¹

«Как возникают сказки?» — с этого вопроса Мирон Петровский, один из самых интересных исследователей детской литературы, начинает свой анализ «Крокодила» Корнея Чуковского. Далее критик продолжает: «Может показаться невероятным: о происхождении современных литературных сказок, родившихся чуть ли не у нас на глазах, мы зачастую знаем меньше, чем о происхождении фольклорных, созданных неведомо когда, в условиях, которые нынешний человек и представить-то себе может лишь значительным интеллектуальным и волевым усилием» [Петровский 2006,

с. 124]². Сегодняшним читателям сказок потребуются такие же, если не большие, усилия для того, чтобы понять, как и по какой причине сказка оказалась одним из самых «преследуемых» жанров советской детской литературы. Американская исследовательница Жаклин Олич довольно подробно описывает роль Надежды Константиновны Крупской, главного авторитета в области педагогики, библиотечного дела, детской литературы и цензуры, в процессе борьбы со сказкой, относя при этом главные этапы этой борьбы к концу 1920-х гг.³ Олич описывает конфликт между Крупской и Корнеем Ивановичем Чуковским, приводя в качестве примера одновременную публикацию статьи Крупской «О “Крокодиле” К. Чуковского» в «Правде» 1 февраля 1928 г. и в журнале «Книга детям». Крупская, возглавлявшая в 1928 г. Комиссию по детской книге ГУСА, обвинила Чуковского в распространении среди детей «буржуазной мути». Вслед за статьями Крупской последовали разгромные статьи К. Т. Свердловой, Д. Кальма и Е. Л. Флериной, направленные не только против «чуковщины», но и против сказки как жанра, приемлемого для советского ребенка⁴. Сам Чуковский в своих дневниковых записях 1928 г. много и подробно пишет о той борьбе, которая велась вокруг его сказок [Чуковский 1997, с. 430–457]. За Чуковского вступился Максим Горький, который в ответном письме Крупской защищал скорее автора, чем жанр сказки⁵. Сказка же продолжала восприниматься с недоверием в среде советских критиков вплоть до Первого съезда писателей в 1934 г., на котором сам Горький вступил с «реабилитацией» сказки как истинно народного явления⁶.

Однако, как справедливо замечает Хеллман, выступления против сказки начались значительно раньше. Уже в 1918 г. лидеры Пролеткульта выступали против включения фольклорных сказок в список детского чтения на основе того, что эти сказки прославляют «царей и царевичей, корруптируют детское сознание и развивают большое воображение, кулацкий настрой и поддерживают буржуазные идеалы»⁷. С призывом «Новому ребенку новая сказка» выступает в своей брошюре «Этюды для родителей и воспитателей», изданной в Саратове в 1919 г., писатель и критик С. Полтавский. В 1923 г. Есфирь Яновская публикует памфлет «Сказка как фактор классового воспитания»⁸. В 1925 г. А. Кожевников пишет для пионерских сборов пьесу под «говорящим» названием «Эй, сказка, выходи на пионерский суд!»⁹. Все сказочные персонажи были перенесены в пространство реальной действительности с тем, чтобы показать полную несостоятельность волшебства¹⁰.

Попытки внести новое «революционное содержание» в сказку, как правило, заканчивались описанием «бунта» — кукол или животных¹¹. В 1924 г. Крупская, занимавшая позицию председателя Главполитпросвета, издает специальный формуляр по «очистке библиотек»: изъятию подлежат и сборники сказок как «неудовлетворяющие целям классового воспитания» [Добренко 1997, с. 185]¹². В 1932 г. в письме к Горькому в ответ на докладную записку о детской литературе, представленную им в соавторстве с группой детских писателей для обсуждения программ школы и школьного режима, Крупская продолжает свои атаки на сказку:

Переключать внимание на сказки вряд ли стоит. Есть очень много интересных сказок (*здесь явно прослеживается уступка Горькому, который продолжает настаивать на важности сказочного дискурса. — М. Б.*), которые ценны особенно тем, что учат разбираться в людях, разбираться в характерах, бывают сказки — просто художественный прием, помогающий лучше выявлять жизнь, но есть сказки, полные мистики, треплющие нервы, запугивающие, извращающие действительность, внушающие отжившую мораль, разжигающие шовинистические настроения. Сказка сказке рознь. Тут нужна большая осторожность [цит. по: Горький 1968, с. 366].

Заканчивает свое письмо Крупская следующей сентенцией: «Сказка, помогающая понять жизнь, — да. Я всячески за нее. Мистические сказки и повести — ни под каким видом <...> Больше всего хотелось бы, чтобы детская литература помогала бы получше понять реальную жизнь, реальную борьбу живых людей, ту жизнь и борьбу, которая в миллион раз интереснее всякой сказки» [цит. по: Горький 1968, с. 366]. Какие же сказки хотела видеть Надежда Константиновна среди возможных и достойных печати? Сказка Владимира Маяковского «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» (1925), которая, по словам такого тонкого исследователя, как Мирон Петровский, «выглядит <...> как политический справочник, путеводитель по НЭПУ» [Петровский 2006, с. 124], так же не устраивала комиссию по новой детской книге Госиздата [Лупанова 1969, с. 102–104]. А ведь это явно была сказка в стихах о «новой жизни»! Требования Крупской, предъявляемые ею к детской литературе вообще, и к сказке в частности, — это пока не оформившееся до конца требование соцреалистической идейности, одного из основных постулатов литературы социалистического реализма¹³. И хотя до принятия соцреалистического метода остается еще несколько лет, идейность,

часто подменяемая в 1920-е гг. пролетарской тенденциозностью, постоянно дрейфующей между сферой литературы и сферой политических требований, и есть то необходимое условие, соблюдение которого могло обеспечить возврат сказки, и особенно современной литературной сказки, в реестр дозволенных жанров новой детской литературы. И здесь исследователей сегодня подстерегает интересный парадокс: тенденциозная пролетарская сказка появилась совсем не в Советской России, где ее чаще всего ищут современные западные исследователи¹⁴. География пролетарской сказки началась в Веймарской Германии и именно в те годы, когда советские критики детской литературы всячески отрицали нужность сказки в целом, а советские писатели совершали довольно неловкие попытки создания такой новой литературной формы. Дополнительной деталью такого парадокса является еще и тот факт, что пролетарские сказки Веймара *переводились* (курсив мой. — М. Б.) и печатались на страницах детских журналов и выходили отдельными изданиями в 1920-е гг.

II.

Каждый букварь, начиная с XVI в. до наших дней, является идеологически ангажированной книгой.

Джек Зайнс [Zipes 1997, p.VII]

Пролетарская сказка Веймарской республики своими корнями уходит в конец XIX в. Манфред Альтнер пишет, что в период с 1871 по 1914 гг. не было ни одного съезда Социал-демократической партии Германии, на котором бы не обсуждались вопросы детской и юношеской литературы. “Die Neue Zeit” — печатный орган немецких социал-демократов — начиная с 1883 г. регулярно печатает теоретические статьи, материалы дискуссий и рецензии на произведения детской литературы. Детская литература начинает рассматриваться социал-демократами как важный элемент в воспитании в немецкой молодежи соответствующих классовых идеалов. Детская литература видится партийным функционерам фундаментальной основой будущих классовых сражений [Das proletarische Kinderbuch 1988]. Принципы создания новой детской литературы обсуждали такие видные фигуры немецкого социал-демократического движения, как Карл Каутский, главный редактор “Neue Zeit”, Клара Цеткин, Вильгельм Либкнехт, который в своей речи на партийном съезде в Кобурге в 1874 г. говорил

об отборе и создании новых исторических книг для детей. Первые пролетарские сказки возникают именно в этот период и печатаются в качестве приложений к социал-демократическим и коммунистическим газетам и журналам. Собственно, первая теоретическая работа, в которой четко обозначаются главные тенденции новой детской литературы, принадлежит партийному функционеру Рихарду Леви. Она была напечатана в 1902 г. в “*Neue Zeit*” под вполне «говорящим» названием «Детская литература и социализм» [Das proletarische Kinderbuch 1988, s. 74–76]. Среди первых сказок, в которых четко расставлены классовые акценты, — «Книга сказок для детей пролетариата» (1893) и сказка Е. Россбаха «Король Маммон и свобода» (1878). Послевоенное размежевание политических партий в Германии и рабочие восстания в Берлине и Гамбурге (1918 г.), несостоявшиеся попытки создания «советских республик» в Баварии (Мюнхен, 1919 г.) и Венгрии (1920 г.) привели к партийному размежеванию, которое непосредственно отразилось и на состоянии детского движения. Внутри СПГ создается Союз рабочей молодежи Германии, позднее Союз социалистической рабочей молодежи. Для работы с молодежью СПГ публикует два важных для этого времени журнала: *Друг детей/Kinderfreund* и *Детская страна/Kinderland*¹⁵. Публикации в этих журналах были социально ангажированными в меньшей степени. Это были скорее просветительские журналы, не конфликтующие напрямую с постулатами школы, но тем не менее пытающиеся развить у детей критический подход к жизни и гуманистические идеалы. Коммунистическая партия Германии (КПГ) в свою очередь создала свой союз, вначале названный Свободным социалистическим союзом, а затем переименованный в организацию Коммунистической молодежи Германии. У КПГ были свои печатные органы для детей: *Der junge Genosse* и *Jahrbuch für Arbeiterkinder*, которые выходили в основном в период с 1920 по 1925 гг. Издательство “Malik”, тесно связанное с КПГ, а также издательство “Verlag für proletarische Freidenker” активно публиковали детскую литературу для детей рабочих. Так, например, в издательстве “Malik” в 1920-е гг., именно тогда, когда советская детская литература решала для себя вопрос о том, нужна ли сказка пролетарскому ребенку, выходила целая серия пролетарских сказок «Сказки бедных»/“*Märchen der Armen*”.

В предисловии к своим переводам сказок, написанных в период Веймарской республики, один из немногих исследователей этого жанра, американский литературовед Джек Зайпс, формулирует

основные задачи сказочных текстов, предназначенных для нового читателя:

Пролетарские сказки должны были стимулировать юных читателей задуматься об их собственной бедности и обездоленности, но так же [не забывать] о своих потенциальных возможностях изменения такого состояния через политическую активность. Таким образом, эти сказки являлись новым по существу упражнением в воспитании политического сознания. Стиль и содержание этих сказок существенно отличались, но общим в них оставался один неизменный компонент: надежда на лучшее будущее [Zipes 1997, p. 20].

Такой оптимизм был характерен для всех авторов пролетарской сказки: и Берта Ласк (*Мальчик, который хотел победить дракона*, 1921), и Карл Эвальд (*Сказка о боге и королях*, 1921), и Генрих Шульц (*Крепость в три окна*, 1924), и Анна Мозегаард (*Огромный паук*, 1928), наряду с острой критикой существующего социального строя, оставляют своим маленьким читателям надежду на то, что борьба против классового врага и есть та возможность создания нового эгалитарного общества, где именно им, обездоленным беднякам, будет принадлежать будущее. Пролетарские сказки дидактичны, что, собственно, никак не противоречит самой сути жанра, но дидактичность этого типа сказочного нарратива сугубо классовая: бинарность такой сказочной модели полностью исключает традиционное перемещение героя из социальных низов на более высокий (если и не самый высший) социальный уровень. Бедняк в пролетарской сказке всегда остается бедняком, так как успех его в сказочном пространстве не личный, а коллективный. Изменение его/ее социального статуса происходит за счет революционного преобразования всего общества в целом. Пролетарская сказка Веймара была тенденциозна в самом прямом смысле, и авторы сказок никак не стремились скрыть или завуалировать идейную заостренность своих текстов.

Зайпс выделяет пять главных тенденций, на которых строится такой сказочный нарратив:

Во-первых, это создание особой модели общества, при которой наступит конец страданиям эксплуатируемого пролетариата. Вторым условием пролетарской сказки является особая роль героя, как правило, ребенка, неподкупного и честного именно в силу возраста и обладающего особым даром ясновидения. Именно такой герой и становится предвестником будущих социальных изменений. Третьей неотъемлемой тенденцией сказки является организаторская

функция нового героя. Он/она проповедают идеи солидарности и братства в борьбе против эксплуатации и эксплуататоров. С этой тенденцией тесно связана и следующая — необходимость показа на наглядных примерах, как работает схема социальной эксплуатации и как ее можно и нужно разрушить. Пятой и важной тенденцией в пролетарской сказке является ее пацифистский характер, что вполне понятно, так как жанр этот формируется в послевоенное время и в памяти взрослых и детей еще живы ужасы войны. Анализ пролетарских сказок, созданных в послевоенное десятилетие (между 1920 г. и приходом к власти Гитлера в 1933 г.), когда большинство из писателей-сказочников оказались, в лучшем случае, вынужденными покинуть страну, а в худшем в последующее десятилетие закончили свое существование в нацистских лагерях, демонстрирует наличие этих основных тенденций внутри сказочных сюжетов, хотя и в разных комбинациях. Наиболее продуктивным и интересным автором пролетарских сказок стала Герминия Цур Мюлен (1883–1951), произведения которой представляют один из наиболее ярких примеров существования жанра пролетарской сказки в детской литературе Веймарского периода.

Но сначала несколько слов об авторе¹⁶.

Герминия Изабелла Мария Цур Мюлен, урожденная графиня Фолиот де Гренневиль, родилась в Вене в семье австрийских аристократов. Она была известна в среде немецких социал-демократов как убежденная сторонница социалистических реформ. «Красная графиня» вела отнюдь не аристократический образ жизни, принимая участие в политических забастовках и публикуя на страницах социал-демократической и коммунистической прессы полемические статьи о положении рабочего класса. Цур Мюлен получила прекрасное образование, вместе с отцом — австрийским дипломатом — она много путешествовала по миру и довольно долгое время прожила в Ревеле, где тесно общалась с русскими политэмигрантами. С 1898 по 1901 г. Герминия обучалась в закрытой школе для девочек в Дрездене. После окончания школы она хотела стать преподавательницей начальных классов, но аристократическая семья будущей писательницы не дала ее планам реализоваться. Такая карьера не соответствовала благородному происхождению. Первый брак в 1907 г. с Виктором Цур Мюленом, протестантом и владельцем крупного поместья, был явным выпадом против традиций ее собственной консервативной католической семьи. Брак продлился недолго, и уже в 1913 г. Герминия порвала как с мужем,

так и со своей семьей. Ее спутником в жизни стал венгерский коммунист, журналист и переводчик Штефан Кляйн. Под его влиянием Герминия вступила в Коммунистическую партию Германии (КПГ), из которой она, правда, вышла в 1931 г. Но социалистически настроенной писательница оставалась до конца своих дней. В своей первой автобиографии «Конец и начало», которую писательница опубликовала в 1929 г., Цур Мюлен писала о русской революции 1917 г. как о начале новой эры человечества.

Хотя Герминию Цур Мюлен часто относят к кругу австрийских писательниц, ее творчество, как переводческое, так и оригинальное, скорее является достоянием литературы на немецком языке без какой-либо локальной атрибутики. Цур Мюлен долгие годы жила во Франкфурте-на-Майне и в Берлине, она сотрудничала с целым рядом немецких издательств, таких, например, как социал-демократическое издательство “Malik”, в котором вышли ее переводы с английского американских писателей социалистического толка Эптона Синклера и Синклера Льюиса. Герминия свободно владела несколькими иностранными языками, в том числе и русским. Ее первым переводом с русского был роман Леонида Андреева «Иго войны» 1916 г., который писательница закончила в Давосе, где проходила курс лечения из-за слабых легких. Она же перевела на немецкий в 1923 г. для издательства “Jugendinternationale” в Берлине утопический роман Александра Богданова «Красная звезда». В 1924 г. в газете “Sozialistische Republik” Герминия печатает перевод с русского рассказа Александры Коллонтай «Золотое детство». Интерес к России не оставлял писательницу до конца дней, но к переводам с русского она больше не вернулась. В 1933 г. Цур Мюлен вместе с Клейном переехала в Вену, в 1938 после аннексии Австрии и начала немецкой оккупации Клейн, еврей по происхождению, вместе с Герминией сначала переезжает в Братиславу, а затем они эмигрируют в Англию, где в городе Радлетте графства Хертфордшайер писательница и живет до конца своих дней. Она практически перестает печататься, лишь изредка выступая в социалистической прессе со статьями.

Таким образом, наиболее важный период творчества Цур Мюлен приходится именно на десятилетие между 1920 и 1930 гг., именно на тот период, который и сформировал жанр пролетарской сказки Веймара. Герминия работала в этом жанре очень плодотворно. Здесь совместились ее интерес к педагогике и ее социальная ангажированность, ее литературный дар и ее умение в простой и понятной форме

объяснить маленьким читателям политические реалии времени. Немецкий литературовед Манфред Альтнер, ведущий исследователь творчества Цур Мюлен, пишет, что «Герминия рассматривала литературу одновременно и как средство общественного воздействия, и как возможность формирования индивидуального самознания. <...> В литературе для детей ее целью были просвещение ее аудитории и призыв идти от понимания к действию» [Altner 1997, s. 92]. Дети, как утверждает критик, были для нее именно носителями надежды на победу светлых идеалов будущего.

Помимо сказок Цур Мюлен выступает в это время и как публицист и критик современной ей детской литературы. Так, в четвертом номере журнала “Die Erde” за 1919 г. она печатает статью о литературе для девочек, в которой обращает внимание на сентиментальность и тривиальность литературы для девочек-подростков. Цур Мюлен пишет об особой потребности в идеале у девочек, находящихся в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, когда «за внешним непослушанием часто скрывается потребность в справедливости» [Zur Mühlen 1919, s. 473]. В 1922 г. в вечернем приложении к газете “Rote Fahne” от 28 июля Цур Мюлен публикует статью «Дети», в которой она обращает внимание на эксплуатацию детей. Отвечая на вопросы газеты “Berlin am Morgen” от 16 декабря 1931 г. о том, какой должна быть детская книга, писательница начинает с утверждения, что к детской литературе должны предъявляться такие же высокие требования, как и к литературе для взрослых. Среди основных достоинств она называет обязательную связь с современностью, ясность авторской позиции и живой и захватывающий сюжет. Но главное достоинство Цур Мюлен видит в активном противопоставлении новой детской книги существующим пассивным идеалам, которые проповедует немецкая школа. Любопытно, что при всей своей социальной ангажированности и сфокусированности на современности писательница обращается именно к миру сказки, которая, по словам Вальтера Беньямина, была одним из самых «древних воспитателей человечества».

Сказки, написанные Герминией Цур Мюлен, были очень популярны в политически ангажированной среде социал-демократов и читателей коммунистической прессы. При всей незавуалированной тенденциозности этих текстов, трудно отказать писательнице в умении разговаривать со своей детской аудиторией, в создании особой атмосферы ожидания разрешения конфликта, в использовании таких традиционно сказочных элементов нарратива, как антро-

поморфизм, экзотика в выборе места, универсальность сказочного времени и сказочного локуса, а также выбор главного героя. Герой Цур Мюлен — всегда выходец из народа, но главным для него является не восхождение по социальной лестнице, а борьба за правое дело, при этом часто писательница делает из своего героя жертву, но жертву осознанную, во имя светлого будущего всех. Основные сборники сказок Герминии Цур Мюлен выходили в циклах издательства “Malik” в серии «Сказки бедных». В 1921 г. выходит сборник из шести сказок «Что рассказали маленькому Пете его друзья»/“Was Peterchen Freunde erzählen”. Иллюстрации для книги нарисовал знаменитый в то время немецкий художник, представитель немецкого авангарда, дадаист Георг Гросс. Маленький Петя лежит дома со сломанной ногой, и вещи вокруг него начинают оживать и рассказывать ему истории своего происхождения¹⁷. Такая антропоморфная структура повествования, тем не менее, оказывается социально обусловленной, так как помимо происхождения вещи рассказывают Пете об эксплуатации человека человеком: черный уголь рисует страшное положение рабочих на шахте, горшок рассказывает о голодающем рабочем. Бутылка, спички и одеяло — у всех этих предметов есть своя история борьбы. Интересен эпилог сказки: мать приносит мальчику в подарок ландыш; когда наступает ночь, цветок рассказывает историю о том, как хрупкие ростки побеждают суровую зиму, которая стремится не выпускать их из-под земли. Но весна рассылает повсюду своих гонцов — они поддерживают слабые цветы в борьбе со злой зимой, просят их оставаться храбрыми и мужественными. Сила цветов и их обязательная победа в будущем заключается в том, что их много, они вместе и стремятся принести людям радость, а «тот, кто живет и работает из любви к ближнему, тот непобедим!»¹⁸. Писательница выстраивает свою аллегорическую сказку как рассказ о том, что освобождение придет и к людям, только им для этого потребуется больше времени, чем цветам, так как и живут они дольше, чем одну весну. Так, в конце сказки спичечный коробок говорит: «И для людей наступит вечная весна, они только должны за нее бороться» [Zur Mühlen 1924, s. 30]. Тенденциозность этой сказки очевидна: маленький читатель понимает, что к победе есть только один путь, и это борьба, которую ведут даже такие хрупкие предметы, как цветы.

Аллегория и антропоморфизм являются не единственными, хотя и часто повторяющимися элементами сказочного нарратива

Герминии Цур Мюлен. В этом плане интересна ее сказка «Цветы королевского сада», вошедшая в сборник «Замок правды»/“Das Schloß der Wahrheit”, вышедший в том же издании “Malik” в 1924 г. Сказка была в том же году переведена на русский язык, и в пересказе с немецкого М. Переплетчиковой вышла в Москве в издательстве «Красная новь»¹⁹. В сказке довольно интересным образом показан процесс единения человека и природы, при этом писательница рисует одновременное зарождение осознания социальной несправедливости как людьми, так и окружающей их природой. Заканчивается сказка полным союзом человека и сада, который больше не принадлежит королю, а поддерживает рабочих в их справедливой борьбе против тирана. При сравнении немецкого и русского текста становится очевидным, насколько переводчица стремилась «вписать» сказку в контекст русской революционной истории. Так, например, бедные матери несут своих детей на праздник, чтобы попросить королеву о помощи, но их попытка заканчивается массовым расстрелом, что невольно переносит читателя к событиям «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. и началу Первой русской революции. На примере этой сказки можно проследить все основные тенденции пролетарской сказки, о которых пишет Зайпс.

В сказке два параллельных героя: это королевский сад, где живут благоухающие и «успокоенные собственным дыханием и гармонией красок цветы, [которые] пребывали в неведении жизни за решеткой». Но покой цветов нарушает юноша с нежным детским лицом (в реестре тенденций Зайпса это герой-ребенок), которого народ посылает с петицией к королю. Он, чистый и непорочный в своих намерениях и готовый помочь людям, становится первой жертвой. Его протыкают штыками солдаты, и, став свидетелем этого убийства, королевский сад не может больше оставаться безучастным: «Братья, сестры, — шелестели цветы, — огненные цвет крови здесь станет нашим единственным цветом» [Цур Мюлен 1924, с. 11]. Так цветы начинают свой собственный бунт против короля. Герой-юноша погибает, но его смерть приобретает организующий эффект: пролитая кровь «заражает» своим революционным пафосом цветы, которые превращаются в союзников обездоленных. «Станный аромат королевского сада опьянял сердца собравшихся людей, наполняя их непонятной силой и дерзостью» [Цур Мюлен 1924, с. 15]. Люди и природа едины в своей борьбе за справедливость и против эксплуатации, на сторону рабочих переходят солдаты, в петлице каждого

из них — красный цветок. Сад превращается в огромное простертое красное знамя, под которым идут к победе люди, «переставшие быть жалкими» [Цур Мюлен 1924, с. 17].

Вне всякого сомнения, пролетарская сказка Герминии Цур Мюлен серьезно отличается от «кукольных бунтов» начала 1920-х гг. в советской России. Почему эта переводная сказка не повлияла на формирование аналогичных текстов, сказать трудно. Одно бесспорно: когда в 1935 г. Аркадий Гайдар публикует «Сказку о военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове», в ней есть все те важные составные востребованной тенденциозности, которые сделали пролетарскую сказку Веймарской республики удобным рычагом в идеологическом воздействии на детей. Но к этому времени внутри Германии после 1933 г. и прихода к власти Гитлера уже рассказывали другие сказки, а авторы, которые мечтали воспитать новое поколение на идеалах солидарности и равноправия, были вынуждены признать свое поражение.

Примечания

¹ М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 25. Переводы работ по теории литературы и отдельных цитат, не переведенных ранее и опубликованных только на языке оригинала (немецком и английском языке), сделаны мной. Отдельные переводы текстов сказок Герминии Цур Мюлен, выходявшие на русском языке, цитируются по изданиям советского времени. Я хочу поблагодарить Международную библиотеку детской и юношеской литературы в Мюнхене, Германии, за предоставленную мне возможность по сбору материала.

² См. историю создания «Крокодила» К. Чуковского в работе М. Петровского «Книги нашего детства».

³ Крупская в разное время занимала должности заместителя наркома просвещения, была председателем Главполитпросвета, затем уже в 1930-е гг. возглавила библиотечное управление Наркомпроса. Возглавляла научно-педагогическую секцию ГУСА — государственного научного совета Наркомпроса, редактировала журнал «На пути к новой школе».

⁴ Подробно об этом конфликте см.: [Маслинская 2014]

⁵ «Письмо в редакцию» М. Горького было напечатано в «Правде» 14 марта 1928 г. Горький защищает «Крокодила», но главный упор делает на положительной оценке Лениным литературоведческих работ Чуковского о Некрасове. Ленинский авторитет должен был оградить Чуковского от дальнейших нападков, что и случилось, хотя на крайне короткое время.

⁶ См. подробно о докладе Горького на Первом съезде писателей и его значении для развития жанра сказки в советской детской литературе в [Balina 2005, p. 105–119], а также [Hellman 2013, p. 354–362].

⁷ О сложном отношении пролеткульта к фольклору см. [Oinas 1978, p. 77–97].

⁸ В 1925 г. эта же работа Яновской выходит в Харькове под названием «Нужна ли сказка пролетарскому ребенку».

⁹ Описание такого «суда» можно найти в книге [O'Dell 2010, p. 13].

¹⁰ Любопытно, что «Старик Хоттабыч» Лазаря Лагина (1938) строится именно по такому же принципу «разоблачения» и ненужности волшебства. Старый джинн Хоттабыч, освобожденный советским школьником Волькой Коростылевым из многовекового плена, постоянно попадает впросак, а его волшебство только мешает и оказывается невостребованным в новой жизни, которая лучше и прекраснее сказки [Balina 2005, p. 113–115].

¹¹ Агнивец Н. Война игрушек. М.-Л., 1925; Яковлев П. Еж-большевик, М.-Л., 1925; Городецкий С. Бунт кукол. М: Новая Москва, 1925.

¹² Евгений Добренко пишет о практиках «библиотечной чистки» в своем фундаментальном исследовании «Формовка советского читателя» [Добренко 1997, с. 185].

¹³ Об эволюции понятия тенденциозности см.: [Балина 2000].

¹⁴ См. две интересные публикации американских исследователей, затрагивающие вопросы литературных, эстетических и политических связей детской литературы американских «левых» и советской детской литературы: [Michenberg 2006], [Tales for Little Rebels 2008].

¹⁵ Lexikon der Kinder — und Jugendliteratur. Doderer, Klaus, Hrsg. Weinheim/Basel, Belz, 1984.

¹⁶ Биографические сведения о Гермнии Цур Мюлен взяты из ряда источников. См. подробно: [Wallace 2009], [Gossman].

¹⁷ Альгнер пишет о сходстве использования антропоморфизма в сказках Цур Мюлен и Ханса Кристиана Андерсена.

¹⁸ «Was Peterchen Freunde erzählen». Märchen von Hermynia Zur Mühlen. Mit Zeichnungen von Georg Grösz. Berlin: Der Malik-Verlag, 1924. Следует заметить, что в немецком языке существительные «зима» и «весна» мужского рода. Таким образом, в этой аллегории выстраивается картина мужского милитантного единоробства двух враждующих сил.

¹⁹ На русском языке вышли следующие сказки Цур Мюлен: «Сыновья Айши», обработка М. Гершензона с иллюстрациями В. Конашевича, М.: Госиздат, 1927; «Саид-мечтатель», обработка Е. Риттер, М.: Издательство товарищества иностранных рабочих в СССР, 1935. Биограф Цур Мюлен, Манфред Альгнер, пишет о двух изданиях «Что рассказали маленькому Пете друзья», вышедших в 1923 и в 1935 гг., но мне эти издания не удалось обнаружить. В 1989 г. в антологии «Сказки немецких писателей» (Л.: Лениздат, составитель А. Славинская) вышли еще две сказки Цур Мюлен из ее ранних сборников 1920-х гг.

Источники

Агнивец Н. Война игрушек. М.-Л., 1925.

Цур Мюлен Г. Саид-мечтатель/Обработка Е. Риттер. М.: Изд-во товарищества иностранных рабочих в СССР, 1935.

Цур Мюлен Г. Сыновья Айши/Обработка М. Гершензона, илл. В. Конашевича. М.: Госиздат, 1927.

Цур Мюлен Г. Цветы королевского сада. Сказка/Пересказ с нем. М. Переплетчиковой. М.: Красная новь, 1924.

Яковлев П. Еж-большевик, М.-Л., 1925; С. Городецкий, Бунт кукол, М: Новая Москва, 1925.

Zur Mühlen H. Was Peterchen Freunde erzählen. Märchen von Hermynia Zur Mühlen. Mit Zeichnungen von Georg Grösz. Berlin: Der Malik — Verlag, 1924.

Zur Mühlen H. Junge-Mädchen Literatur. Die Erde. Jg.1919, H.14/15, S. 473–474.

Исследования

Балина М. Идеичность, классовость, партийность // Соцреалистический канон / ред. Ханс Гюнтер и Евгений Добренко. СПб.: Академический проект, 2000. С. 362–377.

Добренко Е. Формовка советского читателя / СПб.: Академический проект, 1997. С. 185–189.

Лупанова И. П. Советская детская литература. 1917–1967. М.: Детская литература, 1969.

Маслинская С. Г. Корней Чуковский // Русская литература XX века (1930-е — середина 1950-х годов). Т. 1. Ред. Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий, М. А. Литовская. М.: Академия, 2014. С. 356–359.

М. Горький в детской литературе. Статьи, высказывания, письма. М: Детская литература, 1968.

Петровский М. Книги нашего детства. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2006.

Сказки немецких писателей / Сост. А. Славинская. Л.: Лениздат, 1989.

Чуковский К. Дневник. Книга 1. 1901–1929. М: Современный писатель, 1997. С. 430–457.

Яновская Э. Нужна ли сказка пролетарскому ребенку. Харьков, 1925.

Altner M. Hermynia Zur Mühlen. Eine Biographie. Bern: Peter Lang, 1997.

Balina M. Fairy Tales of Socialist Realism // Politicizing Magic: An Anthology of Russian and Soviet Fairy Tales, eds. Marina Balina, Helena Goscilo, and Mark Lipovetsky. Evanston: Northwestern University Press, 2005. P. 105–119.

Gossman L. Liebe Genossin: Hermynia Zur Mühlen. A Writer of Courage and Conviction. URL: http://upenn.edu/women/muhlen/grossman.html#_ftn2

Das proletarische Kinderbuch. Dokumente zur Geschichte der sozialistischen deutschen Kinder- und Jugendliteratur. Hrsg. von Manfred Altner. Dresden: VEB Verlag der Kunst. 1988.

Fairy Tales and Fables from Weimar Days. Ed. and translated by Jack Zipes. Madison: Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1997.

Hellman B. Fairy Tales and True Stories. The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010). Leiden: Brill, 2013. P. 354–362.

Lexikon der Kinder und Jugendliteratur. Doderer, Klaus, Hrsg. Weinheim/Basel, Belz, 1984.

Michenberg J. L. Learning from the Left: Children's Literature, the Cold War, and Radical Politics in the United States. Oxford: Oxford University Press, 2006.

O'Dell F. A. Socialization through children's literature. The Soviet example. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 13.

Oinas F. J. The Political Uses and Themes of Folklore in the Soviet Union // Folklore, Nationalism and Politics, ed. Felix J. Oinas. Columbus, Ohio: Slavica, 1978. P. 77–97.

Olich J. Competing Ideologies and Children's Literature in Russia, 1918–1935. How powerful actors attempted to establish cultural uniformity, how the process was contested, and how it failed. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2009. P. 201–232.

Tales for Little Rebels: A Collection of radical Children's Literature. Julia L. Mickenberg and Philip Nel, eds. New York: New York University Press, 2008.

Wallace A. Hermynia Zur Mühlen. The Guises of Socialist Fiction. Oxford: Oxford University Press, 2009.

Эрика Хабер

ЯРКИЕ ОБРАЗЫ И ПРЕКРАСНЫЙ ЯЗЫК: НАСЛЕДИЕ ФУТУРИЗМА В ДЕТСКИХ СТИХАХ В. МАЯКОВСКОГО

Революция, как предполагалось, должна была привлечь в детскую литературу новых авторов и привнести в произведения для детей новые темы и стилевые решения. Однако в течение 1920-х гг. дореволюционное прошлое оказывало значительное влияние на развитие детской литературы. Чтобы проиллюстрировать постепенные изменения в советской детской литературе, в статье прослеживается, как проявляется стилистическое влияние футуризма в ранних детских стихах Маяковского и как оно ослабевает в его позднем творчестве, когда поэт в конце 1920-х гг. старался соответствовать меняющимся идеологическим требованиям.

Ключевые слова: В. Маяковский, стихи для детей, футуризм, рифма, аллитерация, неологизмы.

Сразу после Октябрьской революции, несмотря на продолжающуюся Гражданскую войну, большевики признали важность создания новой детской литературы, которая выражала бы потребности и ценности развивающегося постреволюционного общества. Для надзора за народным образованием и культурой в 1917 г. был организован Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) во главе с наркомом А. В. Луначарским. Выступления и статьи Луначарского сыграли центральную роль в формулировании требований к советской детской литературе. В частности, Луначарский считал, что искусство должно вдохновлять на политическую революционную деятельность и поощрять ее [Malli 1990, p. 4–5]. Под его руководством Наркомпрос финансировал Пролеткульт — свободное объединение группировок и художников авангарда, требовавших разрыва с духовными ценностями прошлого и обновления литературы. Вдохновленные современным индустриальным обществом, члены Пролеткульта стремились создать новое пролетарское искусство. Н. К. Крупская, еще одна выдающаяся личность в сфере детского чтения, образования и библиотечного дела, стремилась сместить фокус с новизны литературы на ее качество

и содержание. Она считала, что «детская книга должна давать яркие образы, быть для ребенка источником радости, помогать ему осмыслить окружающую жизнь, явления природы и отношения между людьми» [Крупская 1979, с. 48]. В 1924 г., будучи руководителем Главполитпросвета, Крупская требовала тщательно пересмотреть состав всех публичных библиотек, в том числе фондов детской литературы, чтобы убедиться, что он соответствует верным, с точки зрения большевизма, идеологическим и педагогическим подходам. Луначарский и Крупская были не единственными участниками дискуссии о новой детской литературе, но одними из наиболее влиятельных.

В то время как педагоги и художники в 1920-е гг. спорили о форме и содержании советской детской словесности [Горький 1989], реальная советская литература для детей развивалась медленно, испытывая сильное влияние сложившейся традиции. Литературный критик Николай Саввин в своей книге «Основные тенденции детской литературы» (1926) подчеркивал жизненно важное значение детской литературы для построения нового советского общества, но отмечал в ней явный недостаток прогресса: «Ведь и теперь еще в новых изданиях можно встретить старую литературу, а первые пять лет после революции детская литература представляла собою только переиздание старой» [Саввин 1926, с. 5]. К 1929 г. такое положение стало восприниматься как бедственное; тем не менее, А. В. Луначарский утверждал, что, пока не создана новая литература, дети должны читать лучшие произведения прошлого [Луначарский 1930, с. 7]. Он похвалил Владимира Маяковского за новаторское обращение с языком [Там же, с. 10] и предположил, что «футуристы, у которых есть много ребяческого, должны быть хорошими писателями для детей. <...> Там их заумие или недоумие окажется приспособленным к уровню их читателей. Они могут заниматься этими штучками, игрой и забавлять детей» [Луначарский 1930, с. 12]. Луначарский увидел потенциал футуризма для детской литературы в том, что футуристы стремились к оригинальному иконоборческому подходу к искусству и поэзии, способному вдохновить молодое поколение.

Урбанистическая и утопическая тематика футуризма, его стилистика особенно хорошо соотносятся с требованиями постреволюционного общества. Подобно большевикам, русские кубофутуристы требовали порвать с прошлым. Их манифест «Пощечина общественному вкусу» (1912) призывал «сбросить Пушкина, Достоевского,

Толстого и проч. и проч. с парохода современности», и ясно давал понять, что их искусство приветствует новый мир модернизаций, индустриализации и прогресса. «Права», которые они требовали, включали «увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (Слово-новшество)» и «непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку» [Markov 2006, p. 46]. Футуристы не исповедовали коммунистической идеологии, но они внесли в искусство свежий подход и современную тематику, которые поощрялись после революции.

Одним из тех, кто подписал манифест 1912 г., был Владимир Маяковский, который своим внешним видом и поведением мог практически олицетворять футуризм. Крупный высокий человек с яркой внешностью и низким звучным голосом, Маяковский был как будто создан для футуристической деятельности с характерной для нее зрелищностью. Придя в кубофутуризм через живопись и дружбу с Давидом Бурлюком, которого часто называют «отцом русского футуризма», Маяковский опубликовал свои самые ранние футуристические стихи в конце 1912 г. Хотя после смерти его образ был канонизирован (и упрощен) И. В. Сталиным, который назвал его «лучшим и талантливейшим поэтом нашей советской эпохи» [Сталин 2000, с. 317], Маяковский, по сути, работал в различных направлениях. До своей трагической, преждевременной смерти в возрасте 36 лет он выпускал плакаты агитпропа и рекламные плакаты, работал как график с Российским телеграфным агентством, был одним из создателей и соредактором журнала «ЛЕФ», писал пьесы, ставил спектакли, создавал сценарии и снимался в фильмах, публиковал и политические, и лирические стихи, а также разрабатывал свой собственный уникальный стиль детской поэзии.

Маяковский верил в силу и возможности слова. В публичном выступлении 24 января 1914 г. он пояснял: «Слово не должно описывать, а выражать само по себе. Слово имеет свой аромат, цвет, душу, слово — живой организм, а не только значок для определения какого-нибудь понятия» [Катянян 1948, с. 57]. Свойственная поэту тенденция воспринимать слово, как живое, одушевленное существо, объясняет, почему слова становятся едва ли не героями стихов Маяковского, занимая в них такое же центральное и запоминающееся положение, как любой другой персонаж. Кристина Поморска отмечает, что, «хотя Маяковский не относится к заумникам (заумным поэтам), вроде Крученых и Хлебникова, он все же постоянно, даже после революции, акцентирует внимание на том,

как устроена поэзия, и это заметно по его работе в ЛЕФе и Новом ЛЕФе между 1923 и 1928 гг.» [Pomorska 1992, p. 160].

Еще одним свидетельством связи с футуризмом является статья «Как делать стихи» (1926) — настоящий справочник для начинающих социалистических поэтов, сохранивший, тем не менее, характерное для футуристов подчеркнутое внимание к языку. В этой статье Маяковский «взялся раскрыть двери своей поэтической лаборатории», демистифицируя поэтический процесс, демонстрируя огромные усилия, которых требует поэзия» [McLean 1987, p. 38]. В конце статьи Маяковский формулирует двенадцать выводов, в которых подчеркивает, что хорошая поэзия рождается в результате требующей дисциплины практической неромантической трудоемкой работы. Однако самое главное, по его утверждению, состоит в том, что сочинение стихов чрезвычайно полезно и важно, так как заставляет читателя чувствовать, думать, действовать и верить. Маклин утверждает, что стремление заставить свой стих «служить» советскому государству показывает, насколько Маяковский «хотел чувствовать себя нужным, полезным и ценным». Это также связывало его с давней традицией «социально и морально ответственного искусства», распространенного в России в XIX в. [Там же, с. 40].

Впрочем, признание футуристами значения абстрактных образов и их потребность потрясти читателя радикально новыми рифмами, ритмами и словами означали, что футуристический стих вряд ли можно считать идеальной моделью для новой советской детской литературы, поскольку следование «правилам» футуризма сделало бы ее не до конца понятной юному читателю. Кроме того, футуристической поэзии не хватало того сильного социалистического посыла, что впоследствии стало обязательным элементом советского искусства. В. И. Ленин считал футуризм «чуждым новой пролетарской культуре» [Кассиль 1960, с. 51], но все же наследство авангарда, особенно футуризма, проникло в советские детские стихи 1920-х гг. благодаря усилиям Маяковского и его до-революционной репутации. Критики и комментаторы обычно концентрируются на служении Маяковского социализму после 1917 г. Лев Кассиль писал об этом так: «Он начал как бунтарь... Теперь он говорит как строитель нового социалистического государства, нового справедливого и светлого порядка жизни» [Кассиль 1960, с. 90]. Несмотря на широко распространенные попытки определить творчество Маяковского через «социализм», его произведения

как до, так и после революции, сосредоточены в основном на стиле. По факту детские стихи Маяковского отмечены теми же стилистическими особенностями, что его стихи для взрослых, хотя у них разные темы. Это свидетельствует о расширении бытования футуристических приемов. Владимир Марков пишет о верности Маяковского футуризму:

Футуризм Маяковского остается для советских ученых непростым фактом, и они пытаются решить проблему, либо объявляя его ошибкой юности, либо настаивая на том, что, даже принадлежа к этому сомнительному движению, он был фактически чужд ему. Но любому непредвзятому человеку, однако, очевидно, что Маяковский — классический образец футуриста как до, так и после революции. Сам он считал себя футуристом всю жизнь и, возможно, был более верен основным принципам «Пощечины», чем кто-либо из его друзей: самовитое слово, «стоять на глыбе слова “мы”», ненависть к прошлому, урбанизм, неологизмы, антиэстетические и антиметафизические взгляды, интерес к технологии оставались с ним на протяжении всей его поэтической карьеры [Markov 2006, p. 317].

Роман Jakobson, пионер структурного анализа языка и уважаемый Маяковским друг, замечательно описал поэзию Маяковского, которая «качественно отличается от всего, что было в русском стихе перед ним, потому что структура его поэзии явление глубоко оригинальное и революционное», и это «делает предмет особенно интригующим» [Jakobson 1987, p. 273]. Стилистическое новаторство актуально уже для самых ранних детских стихов Маяковского. Гениальное словесное искусство Маяковского, созданное и отточенное авангардными принципами русского футуризма, делает его произведения для детей интересными и исключительными. По мере того как шло первое послереволюционное десятилетие и Маяковский все больше сосредоточивался на социалистической тематике и прагматике, словесные вспышки в его поэзии для детей исчезали. Чтобы показать эволюцию подхода Маяковского к детскому стиху, далее мы подробно проанализируем два его ранних стихотворения и три более поздних. Мы рассмотрим не только короткие его стихи, но и самое длинное стихотворение, так как оно дает убедительные примеры для обсуждения нашей проблемы. Изучение изменения поэтического стиля Маяковского от ранних к поздним стихотворениям показывает постепенную эволюцию и одновременно развитие тенденций в новой советской детской литературе.

Маяковский написал свое первое стихотворение для детей, озаглавленное «Тучкины штучки», после революции в 1917–1918 гг., но было опубликовано оно в 1919 г.¹ Василий Катанян предполагает, что именно Корней Чуковский предложил Маяковскому включить стихотворение в сборник, предназначенный для маленьких детей², и что этот первый опыт, возможно, был результатом этой просьбы [Лупанова 1969, с. 15]. «Тучкины штучки», хотя и написаны во время революции, удивительным образом не предлагают никаких политических тем или революционных посланий. Поэт не смотрит в будущее и не преподносит социалистических уроков. Вместо этого он дает игровое описание движения облаков в летнем небе. Лидия Кон предполагала, что Маяковский стремился убрать мистику и религиозность, часто связанную с небесами в поэзии [Кон 1960, с. 37], но куда более реалистично предположение, что в стихотворении просто дается зарисовка описания облаков в форме людей и животных. Вполне может быть, что Маяковский намеренно отказался в своей первой попытке поэзии для детей от социального послания, так как детские стихи Чуковского были во многом аполитичны. Тон стихотворения легкий и шуточный, оно, как кажется, адресовано самым маленьким слушателям, но более глубокий анализ языка стихотворения говорит о другом. Красота стихотворения лежит не в его живописных образах, а, скорее, в его языке и рифме. В названии есть игра слов, его можно понять и как «части тучки», и как «тучкин обман», так как Маяковский использует диминутив слова «штука» («штучка»), у которого есть разговорное значение — «уловка». Стихотворение также содержит необычные рифмы «люди»/«верблюдик» и «лоне»/«слоник». Маяковский эффектно завершает стихотворение составной предпоследней рифмой «шестая ли»/«растаяли» и финальной смежной рифмой «сжирав»/«жираф». Короче говоря, этот самый ранний образец шести двуступищ Маяковского для детей уже показывает основные элементы его будущей работы в этом направлении. Образы и рифмы, несомненно, восхитят детей, но язык и грамматика могут быть сложными для самых маленьких, тех, кто больше всех оценит бы образы стиха. Например, устаревшее слово «лоно», неологизм «небосиний», очевидно, придется объяснять ребенку. Первое стихотворение Маяковского для детей показывает, что он исходил из своего футуристического опыта, который предполагал большее внимание к новизне и звучанию, чем к содержанию или идейному посланию.

Маяковский написал еще четырнадцать стихов для детей до своей смерти в 1930 г., и самые ранние из них лучше всего демонстрируют его талант футуриста. В жанровом отношении стихи Маяковского для детей весьма разнообразны, но их стилистика похожа: неологизмы и игра слов, аллитерации и необычные рифмы, реализованные метафоры, а также иным образом созданные запоминающиеся образы. С точки зрения словесного искусства, сильное влияние футуризма сказывается в первой полнометражной книге Маяковского для детей «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий». Он написал эти стихи в 1923 г., но книга вышла два года спустя, в мае 1925 г. с иллюстрациями Николая Купреянова.

«Сказка о Пете» — самое длинное из детских стихов Маяковского, оно в три раза длиннее, чем «Кем быть?», следовательно, позволяет получить более полный обзор раннего постреволюционного стиля Маяковского. Пожалуй, самым любопытным элементом поэмы является ее жанр. В середине 1920-х гг. жанр сказки подвергся нападению за приписываемую ему пропаганду буржуазной идеологии. Организованный по инициативе Н. К. Крупской в 1924 г. пересмотр собраний публичных библиотек привел к изгнанию сказок из детских отделов, в связи с чем споры о сказке стали актуальной темой среди педагогов и писателей. Во время критической атаки на жанр сказки Маяковский пишет и публикует свою «Сказку о Пете» — смелый поступок, который сам по себе отражает бунтарское поведение поэта, столь характерное для футуризма³.

Как и следовало ожидать от Маяковского, его сказка о современности является одновременно и новаторской, и неконвенциональной, но с некоторыми сказочными деталями. Сказочный язык включает и некий реверанс в сторону фольклора (традиционное «жили-были» и менее удачное «сказка сказкою»), но не более того. Эти два выражения, вероятно, попали в стихотворение и за их звучание, и за фольклорную окраску. А. Покровская проницательно отметила, что Маяковский всего лишь использует сказочную форму и что его намерение — пародировать традиционный жанр [Покровская 1930, с. 17–18]. «Сказка о Пете», хоть и не является пародией в чистом виде, безусловно, воспринимается как модернизированная версия жанра: хотя в сюжете и присутствуют сказочные элементы, в том числе волшебство и месть слабым и угнетенным, Маяковский также вводит в свой текст очевидно советских персонажей и узнаваемые ситуации из нового

быта. Стихотворение построено на противопоставлении толстого Пети-буржуя и тощего, но идеологически «правильного» Сими-пролетария. С помощью этого современного варианта черно-белого контраста добра и зла Маяковский выражает свою антипатию как к остаткам дореволюционной культуры, так и к новой экономической политике (НЭП) Ленина, разрешившей частное предпринимательство.

Противопоставление правильного и неправильного социального поведения встречается во многих стихах Маяковского для детей и преследует тяжеловесную цель — научить детей выбирать правильный путь. Но прием противопоставления служит одновременно и великой задаче поэта, который обрабатывает язык так же умело, как резец шлифовальщика драгоценный камень. Д. Левоневский приписывает лапидарный стиль стихов Маяковского влиянию работ, которые поэт выполнял для Российского телеграфного агентства (РОСТА) [Левоневский 1954, с. 76], в чьих плакатах эффективно использовались контрасты, делавшие стихотворные тексты более яркими и запоминающимися. Вместо ожидаемой морали в конце сказки Маяковский предлагает детям усердно трудиться и защищать слабых, чтобы «взрослеть» и стать «истыми силачами-коммунистами» [Маяковский 1978]. Ф. Эбин утверждает, что финальные лозунги у Маяковского призваны «заставить читателя остановиться, задуматься, вернуться мысленно к прочитанному» [Эбин 1989, с. 74]. Действительно, концовки привлекают внимание читателя, но, что еще более важно, они часто включают в себя перспективную составляющую, характерную для футуризма. В «Сказке о Пете» перспектива выражена в директивном требовании Маяковского «взрослеть». Отметив, что будущее время является для Маяковского наиболее важной формой глагола, М. Петровский предполагает, что главным временем для детей в стихах оказывается их будущая взрослая жизнь [Петровский 2006, с. 115], когда, по крайней мере, теоретически, коммунизм будет в полном расцвете. Создавая дифирамбы прекрасному будущему и бросая тень на прошлое, Маяковский перелицовывает взрослую тематику для своих детских стихов, но его сосредоточенность на будущем ниспровергает характеристики традиционной сказки, в которой всегда говорится о прошлом.

Если оставить сказочные элементы в стороне, то нельзя не сказать, что удачность стихов о Пете обусловлена виртуозным искусством слова, которым владеет Маяковский. В очерке «Как делаются

стихи» Маяковский заявлял, что «новизна в поэтическом произведении обязательна» [Маяковский 1988]. Действительно, любовь поэта к языку, тяга к экспериментам и нововведениям, наконец, просто удовольствие от работы со словом отчетливо видны в «Сказке о Пете» и делают это произведение лучшим сочинением Маяковского для детей. Рифмы — это, безусловно, самый хорошо разработанный аспект стихотворения. Маяковский утверждал, что рифма помогает читателю вспомнить предыдущую строчку и таким образом семантически свести воедино всю поэму [Там же]. Владимир Марков считает, что «ключом к поэтике Маяковского является асимметрия, которая объясняет форму строки, систему рифмовки, лексические диссонансы» [Марков 2006, с. 315]. Действительно, Маяковский говорил о том, что рифма должна удивлять, удерживать внимание читателя и, что самое главное, не быть банальной, потому что скучные или очевидные рифмы не могут адекватно передать смысл стихотворения [Рассадин 1967, с. 23]. По этой причине он искал новые и свежие рифмы. Маяковский даже оспаривает определение рифмы как созвучия звуков в последних словах строк и провозглашает, что конечная рифма — это «самое простое и грубое» [Маяковский 1988]. Вместо нее он предлагает использовать рифмы в начале строки, рифмы конца одной строки связывать с началом следующей и т. п. Он подробно объясняет: «Можно рифмовать и начала строк. Можно рифмовать конец строки с началом следующей. Можно рифмовать конец первой строки и конец второй одновременно с последним словом третьей или четвертой строки» <...> и т. д. и т. д. до бесконечности» [Маяковский 1988]. Маяковский пользуется широким разнообразием потенциальных рифменных моделей, чтобы сделать свои детские стихи действительно увлекательными, сосредоточив внимание читателя на языке стиха. Установка на привлечение внимания к языку является еще одной ключевой особенностью футуризма.

В «Сказке о Пете» представлен широкий ассортимент различных типов рифм. Иногда Маяковский использует созвучие согласных конечного слова: «труд»/«тут», «ряд»/«октябрят»; в других случаях он рифмует слова различных грамматических форм, например, деепричастие и существительное («дрожа»/«пожар», «деля»/«кренделя») или прилагательное и наречие («Симина»/«именно»). Он стремится к оригинальности, сторонясь легких или очевидных рифм, использует приблизительные или неточные рифмы («пусто»/«чувство», «бок»/«спек»). Он подбирает интерес-

ные и необычные рифмы к советскому жаргону. Чтобы, например, срифмовать слово «буржуй», Маяковский поочередно использует необычную комбинацию «это ясно ежу», в другом месте «не жуй», а позже «не жуя:/аппетит у буржуя». Он также любит использовать рифмы в неожиданном месте, например, посреди двустипа («Петин папа/был преважным/в доме жил пятиэтажном») или через строку («Да никак не купишь их:/зарботков никаких»). Кроме того, игры Маяковского со звуками, использование аллитераций и созвучий или рифмы на гласный помогают придать тексту игровой характер, лучше его запомнить. Уже в самых первых строчках стихотворения есть замечательный пример аллитерации: «Пете пять,/а Сима семь/и двенадцать вместе всем». Другие восхитительные примеры: «Птицы с песней пролетали,/пели:/“Сима — пролетарий!”»; «Ел он, ел/и еле-еле»; «ливнем льет/и валит валом»; «Петя/взял/варенье в вазе,/прямо в вазу мордой лазит». Некоторые его строчки даже напоминают скороговорки, например, «Сима сам смастачил шлем», где свистящие объединяются повторяющимся “м”. В строчке «шакал из-за леса пришагал» Маяковский рифмует слова, где повторяются “ш” и “к”/“г”. В другом примере мы видим обыгрывание повторения “м”, “с” и “р”: «ровно в восемь/Сима спит./Спит, как надо — /не сопит». Некоторые строки могут быть прочитаны как лозунги («Люби бедняков, богатых круши») или же напоминают юмористические рефрены, организованные по типу скандирования, используемого в детских играх: «храбрый,/добрый,/сильный,/смелый!/Видно — красный,/а не белый». Русский язык, флективный с непостоянными ударениями, дает возможность подбирать интересные рифмы и ритмы, которые создают музыкальность, особенно, когда с языком работает такой блестящий стилист, как Маяковский.

Как в случае с рифмами, использование Маяковским ритма, поддержанного «лесенкой», добавляет дополнительный игровой потенциал его детским стихам, превращая их в марши. Это означает, что, когда стихотворение читают вслух, особенно исполнители с низким голосом, как у самого Маяковского, стихи оживают. Эдвард Дж. Браун объясняет: «Есть четкие правила рифмовки в стихе Маяковского, они основаны на фундаментальном положении о том, что его стих предназначен для громкой декламации огромной аудитории. Ритм его стихов — ритм слов, которые выкрикивают, каждый ударный слог несет такой тяжелый вес гололевой энергии, что безударные слоги почти исчезают...» [Brown

1973, р. 174]. Естественно, установка на устную декламацию также влияет на тщательно продуманную работу Маяковского с рифмами. Используя музыкальность поэзии Маяковского, советские композиторы положили на музыку три его коротких стихотворения «Возьмем винтовки новые» (1927), «Майская песенка» (1928) и «Песня-молния» (1929) [Маев 1952, с. 148]. Возможность мощно декламировать или петь эти стихи доставляет молодым читателям/слушателям дополнительное удовольствие.

Лингвистическое новаторство Маяковского не ограничено рифмой и ритмом, но распространяется на уровень самого слова и его формы — самого фундаментального элемента текста для футуристов. В «Сказке о Пете» поэт демонстрирует преимущество использования неологизмов, которые могут быть новыми словами в языке или же словами, употребляемыми в новом ключе. Маяковский очень умело оперирует обоими типами. Он создает свои собственные слова, объединяя два уже существующих слова («зубы-вилки»), управляется с идиомой «плестись в хвосте», создавая «хвостища-плети», играет с корнями и суффиксами, создавая существительное «жадаба» (от «жадный»). Кроме того, Маяковский широко использует языковые возможности нюансировки значений за счет добавления суффиксов, префиксов и инфиксов к существующим корням: -он («ручонки»); -чик («балкончик»/«обидчик»/«образчик»); -ень («мохнатенький»); -ов («пончиковый»); -еч («ляжечки»); -иц («рожица»); -юш («с краюшкой»), попутно расширяя возможности рифмовки. Он также активно обращается к языку нового общества, многие слова и выражения которого ранее не использовались в детской поэзии. В его стихотворении действуют «буржуй», «пролетарий», «октябрята», «друг ребячьего народца» — игровое, с помощью крошечных суффиксов преобразованное советское выражение «друг народа». Цитируя работу Р. Якобсона, Ася Хумески объясняет, что у неологизмов есть три функции: производить эвфонический эффект, привлекать внимание читателя к форме и делать читателя участником размышлений об этимологии слова. Также от себя она добавляет четвертую функцию — создание эффекта отстранения или отчуждения [Humesky 1964, р. 14 и 16]. Иными словами, использование неологизмов может помочь детям больше узнать о своем языке, его этимологии и синтаксисе; неологизмы могут также развлекать, развивать креативность и воображение, заставляя читателя видеть созданные по-новому слова или образы. Обладающие потенциальной способностью учить и вдохновлять неологизмы, таким об-

разом, могут играть важную роль в новой советской детской литературе, особенно, когда они включают элементы советской культуры.

В дополнение к своей работе с неологизмами Маяковский включал еще один вид игры слов в язык «Сказки о Пете». Коллоквиализмы и идиомы, которых много в этом стихотворении, делают эти стихи восхитительным учебным пособием, сложным для понимания маленьким ребенком с ограниченным словарем. Например, «Сказка о Пете» включает разговорные (или по иным причинам) незнакомые ребенку слова, например, «залихватский», «каланча», «сущий ад», «сладу нет», «брандмейстер». Также Маяковский включает слова из детской разговорной речи: «вперегонки», «вверх тормашками» и «вздуть». Часто, чтобы усилить контраст между «хорошими» и «плохими» гражданами, описывая «плохих», Маяковский использует глаголы и существительные, связанные с внешностью и поведением животных. Например, Петя не только толстый, но он имеет «морду», «пасть», мальчик «пищит», свою еду он «сожрал». Заметнее всего Маяковский добивается новизны, используя разговорный, иногда грубый уличный язык: «образина», «гадюка», «злюка». Его сравнения и метафоры отличаются яркостью и звуковой игрой («злее самой злющей крысы», «автобусы рассыпаются, как бусы»). Особенно незабываема для ребенка реализованная метафора, когда обжора Петя буквально лопается, как воздушный шар. К. Скворцов пишет, что первичная функция семантической игры — обучение креативности и открытости новым идеям [Скворцов 2003, с. 248]. Не удивительно, что Маяковский столь эффективно использовал игру слов в своих детских стихах: она относится к тем особенностям поэзии, которые он особенно ценил. От того, что первоначально цели большевиков в развитии культуры и футуристов были общими, в конечном итоге выиграла литература.

Маяковский, идет ли речь о его поэзии, графике, агитпропе или стихах, адресовал свои произведения массам — по крайней мере теоретически, потому что его сочинения обладают словесной изысканностью и формальной сложностью, которая часто превосходила возможности его читателей-детей. Таким образом, Маяковский нарушал одно из собственных правил композиции, сформулированных в очерке «Как делать стихи» — ориентироваться на аудиторию. Понятно, однако, что Маяковский не видел необходимости упрощать или разговаривать свысока со своей детской аудиторией. Возможно, это было связано с тем, что Маяковский, как кажется, мало

интересовался детьми⁴. Слушатели и выступления, наверное, питали его это, но не они его вдохновляли; более вероятно, что именно стремление ощутить силу написанного и произнесенного слова мотивировало его и вело вперед.

К сожалению, детские стихи Маяковского встречали сильную критику со стороны большинства педагогов и партийных функционеров, требовавших более догматичной советской детской литературы. Они назвали его поэзию «непонятной детям» и отказывались рекомендовать ее для использования в школах и библиотеках [Разова 1978, с. 111]. В 1927 г. в беседе с пражским журналистом Маяковский объяснял свой подход: «Мое последнее увлечение — детская литература: надо дать детям новые представления, новые понятия об окружающих их вещах» [Маяковский 1968, с. 68]. Очевидно, что Маяковский старался идти в ногу со временем, как можно лучше продвигать политику партии, создавать стихи с большим акцентом на социалистические темы, меньше заботясь о творческой словесной игре. ЦК Коммунистической партии в июле 1928 г. принял резолюцию, в которой выразил сожаление по поводу сохраняющегося низкого качества литературы для молодежи, ссылаясь на частое включение в произведения советских авторов «элементов нездоровой авантюры и неуклюжего освещения социальных тем», а также «сухость презентации и отсутствие привлекательного, живого сюжета» [ЦК КПСС 1954, с. 377]. С этого момента советская детская литература должна была больше сосредоточиться на советской тематике. Уважаемые и любимые детские авторы, в том числе Корней Чуковский и Самуил Маршак, подверглись нападкам в прессе, заставляя коллег-писателей и деятелей культуры, вроде М. Горького, вмешиваться и поддерживать их перед властью. В свою очередь, Луначарский высказался в поддержку футуризма Маяковского [Луначарский 1930, с. 12], но было очевидно, что эксперименты в детской словесности больше не допускаются. Сознательно усилив социалистическую тематику, Маяковский попытался найти подходящие форму и содержание, которые соответствовали бы новым требованиям, и его произведения для детей заметно изменились уже в 1927 г.

Р. Якобсон считал, что поэзия Маяковского едина и неделима с первых его стихов периода «Пощечины общественному вкусу» и до последних строк [Якобсон 1987, с. 275]. Но это не относится к детским стихам Маяковского. Существует явный отход от лингвистического новаторства и словесной игры, которых так

много в его ранних стихах, в поздних догматизированных строках. В 1927 г. было написано, а в феврале-марте 1928 г. опубликовано в «Пионерской правде» стихотворение «Прочти и катай в Париж и Китай». В 1929 г. оно появилось в виде книжки с иллюстрациями Петра Алякринского. В этом стихотворении, состоящем из 12 частей, намного реже, чем раньше, встречаются смелые рифмы, аллитерации, неологизмы. Стихотворение по объему составляет примерно треть от «Сказки о Пете», но, тем не менее, словесный артистизм в нем приглушен, чтобы на первый план вышло содержание, заметно менее игровое и куда больше соответствующее духу времени. Среди прочего, Маяковский описывает японцев как «пони», намекая на их небольшой рост, и называет китайцев «кули». В целом словарный запас этого стихотворения намного проще, чем у предыдущих, и куда менее новаторский. Одним из немногих словесных нововведений является использование поэтом гибридизации, когда два слова объединяются, чтобы сформировать новое. В этом случае Маяковский соединил слова «рабочий» и уменьшительное разговорное «ребятишки», чтобы получить неологизм «рабятишки». Он создает интересные неточные рифмы, такие как «башня»/«страшно» и «помеха ли»/«объехали», но чаще всего завершает строку простыми устойчивыми рифмами «света»/«эта», «земля»/«Кремля», «голос»/«волос». Это те самые «банальные» рифмы, которых Маяковский раньше предлагал избегать, так что понятно, что в новых стихах он ставил перед собой другие задачи. Содержание и функциональность в них явно преобладают над формой, так как Маяковский пытается создавать поэзию «полезную», подходящую для самых юных советских граждан.

Написанное после длинного периода путешествий Маяковского в Германию, Францию, Мексику и Америку в 1925 г., стихотворение «Прочти и катай в Париж и Китай» отражает враждебность к иностранным государствам и желание найти утешение дома в Советском Союзе. Рассказчик — однофамилец Маяковского сопровождает читателя в поездке от Кремля до Парижа с короткими остановками в Нью-Йорке, Сан-Франциско, Японии, Китае и возвращается в Москву по Транссибирской железной дороге. Очевидно расистские образы стихотворения (справедливости ради, надо отметить, что в стихотворении невысокие «японцы-пони» противопоставлены «лошадям» — людям обычного роста, а китайцев называет «кули» отрицательный персонаж стихотворения — английский колонизатор. — *Прим. ред.*) сильно контрастируют

с радостными и игривыми облаками, имеющими форму животных, из его первых детских стихов. Кроме того, в этом стихотворении, в целом отражающем особенности поздних произведений Маяковского для детей, гораздо меньше словесного искусства и новаторства; у читателя нет иного выбора, кроме как сосредоточиться на пессимистическом тоне, властной дидактичности и советских ценностях. В «Прочти и катай...» громко и ясно сообщается, что лучше дома места нет. В начале стихотворения звучит решительное «Начинается земля, / как известно, от Кремля». Самолеты, поезда, автомобили, лодки, винты, лебедки, пули, глаголы движения фигурируют в стихотворении, но при всем динамизме и технологических реминисценциях, напоминающих о футуристическом стиле, стихотворение читается, как трудный учебник грамматики, оно лишено очарования и остроумия более ранних произведений Маяковского.

Маяковский снова ставит «полезность» на первое место в своей книге стихов для детей «Кем быть?», вышедшей в 1929 г. (написана в 1928) с иллюстрациями Ниссона Шифрина. Труд и положительное отношение к труду были популярными советскими темами. Ода пролетарским ценностям, «Кем быть?» рассказывает детям старшего возраста об их возможной будущей профессиональной деятельности. Маяковский предлагает им становиться плотниками, инженерами, врачами, фабричными рабочими, водителями трамваев, пилотами и матросами. Он вводит мотив, который повторяется в стихотворении семь раз, немного изменяясь после представления каждой новой профессии. Например, «Инженеру хорошо, / а доктору — / лучше, / я б детей лечить пошел, / пусть меня научат». В идеологически выдержанном стихотворении рефрен создает симметрию в композиции, облегчает чтение, понимание и запоминание. Все это позволяет предположить, что Маяковский пытался реагировать на выпады критиков, делая свои стихи более доступными. Хотя его рифмы в целом менее сложны, чем раньше, мы встречаем интересные вариации («стругаем» / «другая»; «токарном» / «шар нам»; «понемножку» / «ножку»; «столько» / «столиков»). К сожалению, практицизм и утилитарный язык обедняют стилистику этого стихотворения.

Самое последнее произведение Маяковского для детей отмечено значительным отходом от его более ранних стихов и адресовано более старшей — подростковой аудитории, поэтому оно куда более серьезно. В стихотворении «Товарищу подростку» (1930) остались

единичные приемы из тех, что определяли стиль более ранних стихов для детей: не стало игры слов, изобретательных рифм и аллитерации. Оно читается как серия коммунистических императивов, адресованных молодым людям. В шестидесяти словах Маяковский призывает подростков расти, отворачиваясь от темноты и банальности церкви, становиться «борцами и деятелями». Как и стихотворение «Кем быть?», «Товарищу подростку» акцентирует внимание на превращении подростков во взрослых, которые могут помочь построить будущее, судя по всему, все меньше и меньше привлекавшее Маяковского: к 1930-му г. он разочаровался в жизни, любви, политике и, очевидно, в своих стихах тоже.

Маяковский и детская поэзия замечательно подходили друг другу. Ведь поэзия учит детей замечать рифмы, изучать ритм, ценить метафоры, порождать новые значения. Она показывает им красоту и власть языка. Все эти составляющие поэзии имели важное значение для Маяковского, мотивы, которые двигали им при обращении к поэзии для детей, мало отличались от тех причин, что в молодые годы привели его к футуристам. Он подробно объясняет это в конце своего очерка «Как делать стихи», где приходит к выводу, что «поэзия — производство», а «новизна материала и приема обязательна для каждого поэтического произведения» [Маяковский 1988].

Советская государственная школьная программа, довольно стабильная с 1950-х до 1980-х гг., предлагала другой подход к Маяковскому. Используя в качестве основного учебник по литературе В. Ковалева «Русская советская литература», советские педагоги преуменьшали значение футуризма в поэзии и жизни Маяковского, «он рассматривался в негативном свете после начального послереволюционного периода» [Karakulina 2017, p. 101]. Например, уже в 1930 г., рассуждая о детских стихах Маяковского, А. Покровская отметила, что «футуристическая сущность Маяковского слишком заметна в его творчестве для детей» [Покровская 1930, с. 17]. Вместо футуристических идей школьников учили видеть раннюю революционную активность Маяковского, его приверженность социализму, что подтверждали такими советскими шедеврами, как поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» [Karakulina 2017, p. 10]⁵. Упоминания о стилистике поэзии Маяковского и особенностях его поэтического языка в уроки обычно не включалось.

Маяковский, конечно, создал классические советские произведения, но поэзия для детей стоит в его творчестве особняком,

особенно в первых своих образцах, когда в произведениях для советских детей еще допускалась стилиевая и содержательная разнородность. Уроки, которые Маяковский давал своими детскими стихами, заключаются в виртуозном искусстве слова, а не в советской тематике. Его ранняя детская поэзия блестяще продемонстрировала, как можно умело, красиво, играючи использовать язык, создавать стихи, которые заставляли бы читателя останавливаться и обращать внимание не только на значение слов, но также на рифму, ритм и образный строй текста. Языковая и звуковая игра показывала маленькому читателю творческий потенциал самого языка. Подробный анализ стихов Маяковского подтверждает, что главный его подарок своим наследникам — незабываемые образы и превосходный язык.

Перевод с английского Марины Поповой

Примечания

¹ Некоторые критики считают «Сказку о Пете» первым текстом В. Маяковского, предназначенным для детей, но я придерживаюсь классификации, принятой в Собрании сочинений В. Маяковского в 12 тт. (1978) (<http://v-v-mayakovsky.ru/works/>), согласно которой «Тучкины штучки» являются первым детским стихотворением Маяковского; всего их пятнадцать, последнее — «Товарищу подростку» (1930).

² Маяковский планировал включить это произведение в книгу стихов «Для детков», который он предложил Наркомпросу в 1918; к сожалению, издание этой книги не было осуществлено. В этот сборник Маяковский также предполагал включить некоторые его более ранние стихи для взрослых, в частности, «Интернациональную басню» и «Сказку про красную шапочку» [См. Кон 1960, с. 34].

³ К 1923 г. футуризм был официально включен в Левый фронт искусств, который выпускал авангардистские журналы «ЛЕФ» (1923–1924) и «Новый ЛЕФ» (1927–1929). Возглавляемый Маяковским и Осипом Бриком, ЛЕФ представлял произведения ведущих писателей, художников и критиков, которые, продолжая использовать многие инструменты футуризма, охватывали темы и идеологию нового социалистического общества. Детские стихи Маяковского были тесно связаны с судьбой группы «ЛЕФ», которая впала в немилость к власти к концу 1920-х гг.

⁴ Р. Якобсон утверждает, что Маяковский сильно не любил детей, приводя первую строчку стихотворения «Несколько слов обо мне самом» (1913): «Я люблю смотреть как умирают дети» [Jacobson 1987, p. 288]. Хотя, возможно, в повседневной жизни Маяковского просто было мало контактов с детьми. Согласно биографии Бенгта Янгфельдта, Маяковский встречался со своей собственной дочерью только однажды, в Ницце, в 1928 г., когда ей было три года [Янгфелдт 2012, с. 354–355].

⁵ Н. Каракулина, анализируя советскую учебную программу для старших классов, указывает, что «довольно ограниченное количество текстов и авторов изучалось за достаточно большое количество учебных часов». Например, в программе 10 класса на 1970 год на Маяковского отведено более пятнадцати часов, а на Горького более шестнадцати часов [Каракулина 2017, с. 99–100].

Источники

Маяковский В. В. Из беседы с сотрудником газеты «Прагер пресс» // Полн. собр. соч. Т. 13, М.: Художественная литература, 1961. URL: <http://fictionbook.in/vladimir-mayakovskiy-tom-13-pisma-nabroski-i-drugie-materiali.html?page=68#> (дата обращения: 21.05.2017).

Маяковский В. В. Как делать стихи? // Соч. в 2 тт. Т. 2. М.: Правда, 1988. URL: http://a4format.ru/pdf_files_bio2/4b794185.pdf (дата обращения: 21.05.2017).

Маяковский В. В. Кем быть? М.: ГИЗ, 1929.

Маяковский В. В. Прочти и кагай в Париж и Китай. М.: ГИЗ, 1929.

Маяковский В. В. Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий. М.: Московский рабочий, 1925.

Маяковский В. В. Стихи детям // Собр. соч. в 12 тт. Т. 6: М.: Правда, 1978. URL: <http://v-v-maiakovskii.ru/~V-V-Maiakovskii.ru: Владимир Владимирович Маяковский> (дата обращения: 21.05.2017).

Маяковский В. В. Товарищу подростку // Вторая ступень. М.: Молодая гвардия, 1930.

Маяковский В. В. Тучкины штучки // Все сочиненное Владимиром Маяковским (1909–1919). Пг.: Изд. ИМО, 1919.

Исследования

Горький М. Человек, уши которого заткнуты ватой // О детской литературе, детском и юношеском чтении: избранное. М.: Детская литература, 1989. С. 92–95.

Кассиль Л. Маяковский — сам; очерк жизни и работы поэта. М.: Молодая гвардия, 1960.

Катанян В. А. Маяковский. Литературная хроника. Л.: Советский писатель, 1948.

Кон Л. Ф. Советская детская литература, 1917–1929. М.: Государственное издательство детской литературы министерства просвещения, РСФСР, 1960.

Крупская Н. К. О детской литературе и детском чтении: избранное / Под ред. Б. Медведева. М.: Детская литература, 1979.

Левоневский Д. О большой поэзии для маленьких // Ленинградские писатели – детям. Сборник литературно-критических статей и публикации. Л.: Детгиз. С. 71–107.

Луначарский А. В. Пути детской книги // Книга детям. 1930. № 1. С. 4–16.

Лупанова И. П. Полвека. Советская детская литература, 1917–1967. М.: Детская литература, 1969.

Маев С. Г. Маяковский и советская детская литература // Звезда. 1952. № 5. С. 144–155.

Петровский М. Сказка-митинг, сказка-плакат // Книги нашего детства. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2006. С. 95–152.

Покровская А. К. Маяковский как детский писатель // Книги детям. 1930. № 2–3. С. 16–20.

Разова В. Д. Владимир Маяковский (1893–1930) // Советская детская литература. М.: Просвещение, 1978. С. 106–123.

Рассадин С. Так начинается жить стихом. Книга о поэзии для детей. М.: Детская литература, 1967.

Саввин Н. А. Основные направления детской литературы. Л.: Издательство Брокгауз-Ефрон, 1926.

Скворцов К. Н. Нонсенс в «веселой детской книжке»: игра смыслом, словом, звуком // Детский сборник: статьи по детской литературе и антропологии детства, сост. Е. Кулешов и И. Антипова. (ред.). М.: ОГИ, 2003. С. 245–255.

Сталин И. В. Резолюция И. В. Сталина на письме Л. Ю. Брик // «В том, что умираю, не вините никого?...» Следственное дело В. В. Маяковского. Документы. Воспоминания современников / Сост. С. Стрижнева. М.: Эллис Лак, 2000/2005. С. 317.

ЦК КПСС. О партийной и советской печати: сборник документов. М.: Правда, 1954.

Эбин Ф. Маяковский — детям. М.: Детская литература, 1989.

Янгфельдт Б. «Я» для меня мало. Революция/любовь Владимира Маяковского. М.: Колибри, 2012.

Brown E. J. Mayakovsky. A Poet in the Revolution. Princeton: Princeton University Press, 1973.

Humesky A. Majakovskij and his Neologisms. N. Y.: Rausen Publishers, 1964.

Jakobson R. On a Generation that Squandered Its Poets // Language in Literature. Krystyna Pomorska and Stephen Rudy (eds.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1987. P. 273–300.

Karakulina N. Vladimir Maiakovskii and the National School Curriculum // Twentieth-Century Russian Poetry. Reinventing the Canon. Katharine Hodgson, Joanne Shelton, Alexandra Smith (eds.). Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2017.

McLean H. Majakovskij's "How to Make Verses" and Jakobson's Theory of Verse // Language, Poetry and Poetics: The Generation of the 1890s: Jakobson, Trubetzkoy, Majakovskij. Proceedings of the First Roman Jakobson Colloquium at the Massachusetts Institute of Technology, October 5–6, 1984. Krystyna Pomorska, Elzbieta Chodakowska, Hugh McLean, Brent Vine (eds.) Berlin, Germany: Walter de Gruyter GmbH & Co, 1987.

Mally L. Culture of the Future: The Proletkult Movement in Revolutionary Russia. Berkeley, CA: University of California Press, 1990.

Markov V. Russian Futurism: A History. Washington, D. C.: New Academia Publishers, 2006/1968.

Pomorska K. Maiakovskii and the Myth of Immortality in the Russian Avant-garde // Jakobsonian Poetics and Slavic Narrative. Henryk Baran. (ed.). Durham: Duke University Press, 1992. P. 158–186.

Сара Панкеньер Вельд

ЕЛКИ И САМОВАРЫ: ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДЕТЕЙ В 1918 г.

В одной из первых советских детских книг — «Елке» (сборник опубликован в январе 1918 г.) — в первые послереволюционные месяцы российским детям были предложены произведения для чтения, при этом сборник сохранил ряд особенностей того уникального времени, когда был создан. В статье характеризуется непростое сосуществование в сборнике противоречивых художественных явлений и политических представлений, дается детальный анализ сказки М. Горького «Самовар», которая интерпретируется как революционная аллегория, пересматривающая пред- и послереволюционные события, а также их последствия.

Ключевые слова: детская литература, Максим Горький, «Самовар», революция, 1917 г., «Елка».

Поразительно проиллюстрированную художником Юрием Анненковым поэму Александра Блока «Двенадцать» обычно называют одним из первых поэтических ответов на революционные события 1917 г.: поэт писал поэму в январе 1918 г. и закончил 29 января 1918 г. Однако за право первенства с «Двенадцатью» может поспорить «Елка» — сборник для детей, который Александр Бенуа и Корней Чуковский составляли в 1916–1917 гг. и рассчитывали опубликовать весной 1917 г. Но «из-за издательского кризиса в связи с Февральской революцией он вышел только в январе 1918» [Hellman 2013, p. 293]. Сам Чуковский уточняет, что книга «вышла лишь в следующем году в конце января» [Чуковский 1967, с. 156]. Таким образом, «Елка» увидела свет тогда же, когда и «Двенадцать» Блока. Если свою поэму Блок создавал, прямо отвечая на революционные события, то «Елка», хотя и была задумана впервые прежде, чем большевики захватили власть, тем не менее, тоже является ответом на революцию, только предназначенным для детей.

Несмотря на примечательную дату публикации, сборник «Елка» остается библиографической редкостью и мало известен даже по сей день, как заметил Чуковский полвека назад. «Необходимо сказать об этой книге подробнее: в качестве библиографической

редкости она почти никому не известна» [Чуковский 1967, с. 156]. Интересно также, что это первая детская книга, которую редактировал Максим Горький [Чуковский 1967, с. 156], и на самых первых страницах ее опубликована его сказка «Самовар», проиллюстрированная Анненковым.

Взрослые читатели оценили гуманистический отклик на недавние бурные исторические события, предложенный Блоком в «Двенадцати», но детям после революции гуманистический отклик и поддержка, возможно, были нужны еще больше. Сборник «Елка» и произведения, подобные «Самовару» Горького, дали детям революционной эпохи такой гуманистический отклик. Но даже если этого не было бы, сборник заслуживает рассмотрения, как блистательный исторический артефакт, состоящий из произведений непохожих друг на друга художников и писателей.

Хотя сборник «Елка», как замечает Э. Ганкина, не является цельным [Ганкина 1963, с. 59], он дает представление о разнообразии взглядов современников на то, каким должно быть творчество для детей в послереволюционный период [Там же]. Кроме того, он служит своеобразным водоразделом [Сетин 1972, с. 346], в котором, с одной стороны, видно расставание с влиятельными направлениями прошлого, такими, как «Мир Искусства», который проявляется в этом сборнике в последний раз в своей истории, и, с другой стороны, заметны первые признаки нового, поскольку в сборнике приняли участие будущие новаторы детской книги. «Елка», таким образом, открывает новую постреволюционную эру в российской детской литературе. В настоящей статье сборник «Елка» рассмотрен в свете важных исторических событий, происходящих в момент его публикации. Основное внимание уделено теме революции в сборнике, который Бен Хеллман в своей истории российской детской литературы называет «одной из первых, если не самой первой детской книгой, изданной в советской России» [Hellman 2013, p. 293]. Сначала мы характеризуем непростое сосуществование разнородных художественных и исторических влияний, задающих в сборнике тон своеобразного послереволюционного Рождественского перемирия, затем выявляем революционные темы и потаенные течения в отдельных текстах сборника. Наконец, в статье анализируются детали биографического и исторического контекста сборника (особенно на сказке «Самовар» Максима Горького). Мы рассматриваем сказку в совокупности с иллюстрациями к ней как образец революционной аллегии для детей, вербаль-

ные и визуальные составляющие которой пересматривают некоторые точки напряжения революционного и постреволюционного времени в их национальном, историческом и личном измерении.

НЕЛЕГКОЕ РОЖДЕСТВЕНСКОЕ ПЕРЕМИРИЕ

Сборник «Елка» на своих страницах — от привлекающей внимание обложки до широкого спектра стилей, входящих в него, — представляет пример непростого сосуществования исторически и эстетически разнородных влияний и явлений. Можно сказать, что он является результатом послереволюционного рождественского перемирия, заключенного во имя детей революционного времени в первое послереволюционное православное Рождество 1918 г. Этот издательский проект был осуществлен молодым издательским домом «Парус» под руководством Максима Горького и Александра Бенуа. Составители сборника Чуковский и Бенуа привлекли ведущих писателей и художников прошлой и будущей эпох, чтобы создать альманах для детей с рабочим названием «Радуга» [Hellman 2013, p. 292; Ганкина 1963, с. 56; Чуковский 1967, с. 365–377]. Из-за революционных событий 1917 г. и связанного с ними издательского кризиса [Hellman 2013, p. 293], проект столкнулся с многочисленными задержками. В результате его название было изменено с «Радуги» на «Елку», что буквально означает название дерева, но также вызывает в памяти традиционную рождественскую елку и секуляризированный Новый год, заменивший Рождество уже в атеистические советские времена. Первое Рождество после Февральской революции и большевистского Октябрьского переворота 1917 г. во времена голода и начинающейся Гражданской войны могло требовать своего рода подтверждения того, что традиции будут продолжены, нормальная жизнь вернется, и что исторический разрыв не нарушит преемственности в жизни детей революции и населения в целом.

Это рождественское перемирие собрало разнообразных представителей словесности и художеств, чьи литературные и изобразительные произведения соседствуют на страницах сборника во всей несогласованности их эстетики, побуждая к неожиданным ассоциациям и выводам. Например, на обложке мы видим елку, изображенную в жестком примитивистском стиле (Рис. 1)¹ начинающим иллюстратором Владимиром Лебедевым, который впоследствии станет влиятельным художественным лидером в советском книгоиздании для детей. Эта картинка — честное воплощение

Рис. 1. В. В. Лебедев. Обложка «Елки» (ред. Бенуа А. Н., Чуковский К. И. П.: Парус, 1918)

Рис. 2. А. Н. Бенуа. Фронтиспис «Елки» (П.: Парус, 1918)

стихийной природы революции и звериных примитивных сил, которые как будто заполняют страницу тенями, неповоротливыми телами, темным мехом. Только Дед Мороз и елка, увенчанная шестиконечной звездой, напоминают детям, читателям сборника, о преемственности и традиции. Эта новая обложка символически передает нарушение порядка, вызванное революцией, поскольку сцена мрачного звериного праздника заменила изначально запланированную обложку с изображенной на ней радугой и множеством счастливых детей [Чуковский 1967, с. 157].

Фронтиспис А. Бенуа (Рис. 2), датированный 1917 г., также изображает елку, но выполнен в совсем другом стиле и вызывает иные ассоциации. На нем нарисованы дети и ангел перед высокой елкой, украшенной игрушками и крылатыми херувимами. На вершине дерева мы видим натуралистически выполненного младенца Христа со звездой, сияющей, как нимб, над его головой [Hellman 2013, р. 293]. Открыв руки в приветственном жесте, он сидит на вершине облачка. Рождественская елка также располагается на облаке, рядом с ней ангел предлагает тяжело нагруженный поднос с плодами двум милостивым детям, глядящим на дерево. На елку смотрят и кошка с собакой, домашние животные, совсем не похожие на диких зверей на обложке. На картинке изображены также игрушки и открытая книга, на странице кото-

рой мы видим еще одну елку, что создает эффект *mise en abyme* — картины в картине.

Сопоставление елок В. Лебедева и А. Бенуа [см. Weld 2018] раскрывает драматический контраст между языческими духами природы в дикой пляске, символизирующей революцию, и мирной благостной сценой, полной религиозных ассоциаций, которые будут упразднены в советском будущем. Этот стиль со всеми его ассоциациями, как и сам Бенуа, далее могли существовать только в изгнании и эмиграции, поскольку противоречили революционному духу. Динамизм елки Лебедева с дикими тварями, пляшущими вокруг дерева, контрастирует с неподвижностью сцены Бенуа, где дети и домашние животные замирают перед ребенком Христом, и движутся лишь ангелы и херувимы, подчиненные высшей цели. События 1917 г. никак не обнаруживают себя на этом рисунке, невзирая на явно обозначенную дату.

Ни Горький, ни Чуковский не одобрили это изображение и с ужасом увидели его в готовом томе. «Чуковский и Горький были недовольны тем, что название альманаха поменяли на «Елку», хотя это решение было понятно. Еще больше Горькому и Чуковскому не понравился фронтиспис работы Бенуа <...>, все это прямо противоречило содержанию и общей идее альманаха, не говоря уже о текущем историческом моменте» [Hellman 2013, p. 293; Чуковский 1967, с. 156–157]. В книге есть и другие абсолютно разностильные изображения. Изящные декоративные виньетки на полях и натуралистический акварельный портрет Ивана-дурака работы Ильи Репина 1876 г. представляют эстетику, уходящую в прошлое. Напротив, гравюры Юрия Анненкова, стилизованные образы Владимира Лебедева представляют собой новые модернистские направления, которые будут превалировать в искусстве послереволюционного периода. Рождественское перемирие на страницах сборника, где сосуществуют потенциально враждебные эстетические направления, таким образом, убедительно отражает послереволюционный момент: будущее уже стучится в двери, ставя крест на одних и приветствуя других в новом послереволюционном будущем.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ПОДВОДНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В СБОРНИКЕ «ЕЛКА»

На обложке Лебедева изображена революционная смута, а сам сборник наглядно запечатлевает неопределенную атмосферу пост-революционного момента. Конечно, тема революции и связанные

с ней скрытые тенденции занимают важное место в сборнике и сыграли свою роль в процессе отбора текстов, когда предпочтение отдавалось обсуждаемым здесь революционным темам. Например, традиционная русская народная сказка «Про Иванушку-дурачка» в пересказе М. Горького и английская народная сказка «Джек — покоритель великанов» в пересказе Корнея Чуковского повествуют о неудачниках, которые победили мощных противников, неожиданно продемонстрировав свою силу. В сказке Горького Иван-дурак, несмотря на свою глупость, выходит победителем медведей. Джек в сказке Чуковского побеждает злого великана, который третирует жителей целой деревни. В постреволюционной ситуации такие сказки вызывают в воображении революционные ассоциации.

В стихотворении Саши Черного «Трубочист», между тем, прославляется человек, чей статус низок, а работа тяжела. Поэт призывает детей не бояться грязного вида трубочиста, а видеть в нем человека. Повествователь заявляет, что «он совсем, совсем не страшный» и предлагает читателю-ребенку протянуть трубочисту руку: «Дай ему скорее лапку». В послереволюционный момент эти строчки можно прочесть как призыв к примирению. Последняя строчка стихотворения («Сажу смоешь — не беда») делает еще более очевидным, что нам показывают противостояние ребенка «из хорошей семьи» с чистыми руками и неумытого пролетария, занятого тяжелым физическим трудом. В этом смысле стихотворение отражает ситуацию, когда люди привилегированных сословий со страхом и трепетом сталкиваются с революционерами и возвышением рабочего класса, одновременно утешает их, что послереволюционный момент «совсем, совсем не страшен»².

Еще один поэт, который также эмигрирует в 1920-е гг., Владислав Ходасевич, дал в «Елку» стихотворение под названием «Разговор человека с мышкой, которая ест его книги». В этом обращении книголюба к мышке, повредившей заветные тома, герой обвиняет мышку в том, что она пользуется его состраданием к ней: «Не стыдно ль пользоваться тем, / Что не люблю я мышеловок?» В финале стихотворения книголюб предлагает мышке еду в обмен на сохранение своих книг: «Ну, словом, — вот тебе бисквит, / А книг, пожалуйста, не кушай». Хотя юмористическое стихотворение показывает дисбаланс власти (это выражено в несоответствии размеров книголюба и мышки), на более глубоком уровне в нем изображена борьба осажденных интеллектуалов против тех, кто не в состоянии оценить духовное наследие про-

шлого и угрожает ему [Weld 2018]. Герой с состраданием отвечает и предлагает уступки существу, эксплуатирующему его доброту, но противопоставление интеллектуальных достижений материальным лишениям не только отразило атмосферу военного времени ноября 1916 г., когда было написано стихотворение, но и оказалось пророческим в свете грядущих лишений и голода.

ГОРЬКОВСКИЙ «САМОВАР»

Первый текст в сборнике «Елка» заслуживает более пристального внимания, так как рассмотрение его нюансов позволяет лучше понять намерения редактора всей книги. Сказка М. Горького «Самовар», представляющая собой историю антропоморфного и хвастливого самовара, которого настиг печальный конец, была впервые опубликована в 1918 г., но, согласно примечанию к рукописи в архиве А. М. Горького, была написана раньше, в 1913, при этом «автор значительно переработал сказку» [Козьмин 1971, с. 585]. Несмотря на то, что сказка мало обсуждалась исследователями, она содержит потаенные мысли о революции, характерные для сочинений Горького, у которого политически заострена даже его детская автобиография. В «Детстве» Горький объясняет: «и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил, — да и по сей день живет, — простой русский человек» [Горький 1979, с. 214]. Последствия этой удушающей гнетущей атмосферы Горький показывает через аллегории и в сказке «Самовар».

Один из немногих исследователей, обратившихся к этому тексту, Корней Чуковский, охарактеризовал его как сатиру для детей. «Сказка самого Горького “Самовар”, помещенная в начале этой книги, есть именно сатира для детей, обличающая самохвальство и зазнайство» [Чуковский 1967, с. 157]. Обнаружив моралистические намерения сказки, Чуковский заметил, что Горький думал о другом названии: «Вначале он хотел назвать ее “О самоваре, который зазнался”, но потом сказал: “Не хочу, чтобы вместо сказки была проповедь!” — и переделал заглавие» [Чуковский 1967, с. 157]. В этой сказке для детей в первой детской книге, которую он редактировал, Горький реализует то, что в свое время проповедовал, так как когда-то заметил Чуковскому, будущему отцу советской детской литературы, что лучший способ уничтожить убогую детскую литературу прошлого — создать «нечто свое, настоящее художественное, и она сама собою рассыплется. Это будет лучшая полемика —

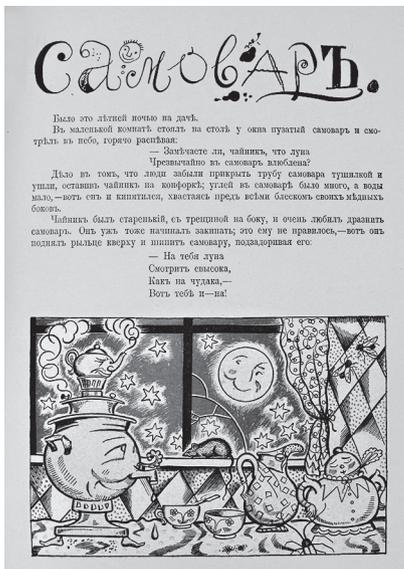
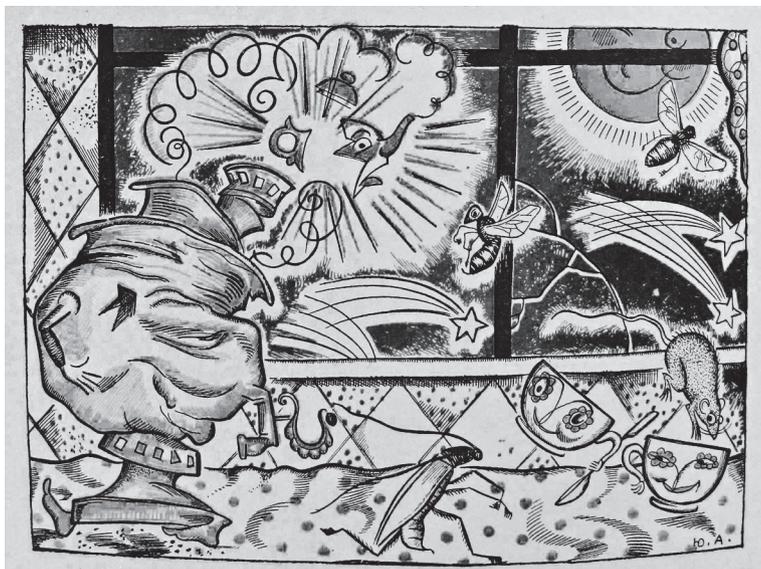

Рис. 3–4. Ю. П. Анненков. Иллюстрации к «Самовару» М. Горького

не словом, а творчеством» [Чуковский 1967, с. 154; см. Ганкина 1963, с. 55]. В своей сказке «Самовар» Горький пытается сделать именно это — разрушить старые традиции детской литературы с помощью творчества. «Самовар» тем самым знаменует попытку самого Горького революционизировать русскую детскую литературу изнутри.

В «Елке» поссорившиеся предметы домашнего обихода из «Самовара» представлены в ярких стилизованных иллюстрациях Юрия Анненкова — выдающегося художника этого периода. Первая (Рис. 3) и последняя (Рис. 4) иллюстрации цветные: черный, синий и бледно-золотой цвет используются, чтобы изобразить самовар и Луну, отношениями с которой самовар страстно увлечен. В конечном счете, хвостун самовар и дразнящий его чайник жестоко пострадали: из-за того, что люди забыли прикрыть трубу самовара тушилкой, чайник и самовар перегрелись, и чайник лопнул, а самовар распаялся. При этом радостное с блестящими глазами лицо самовара, изображенное Анненковым на первой иллюстрации, сменяется помятым, старым, хмурым лицом на последней, а недовольный сначала взгляд чайника показан полным ужаса в момент финального взрыва. На рисунках Анненкова круглая Луна с улыбкой наблюдает за событиями. Другие предметы домашнего обихода беспокоит жаркая перепалка между

самоваром и чайником, но все они выживают, в том числе чайные чашки, изображенные на завершающей иллюстрации. Несмотря на то, что они не упоминаются в тексте, на рисунках Анненкова изображены также домашние паразиты: крыса, таракан и мухи, которые чувствуют себя, как дома, на первой картинке, но кидаются бежать, когда ситуация становится опасной. Даже свидетели несут ущерб от разрушительного события, которое возникает, на первый взгляд, из-за конфликта самовара и чайника. Однако события в сказке на самом деле являются результатом пренебрежения людей народной мудростью: они оставили кипящий самовар без внимания. История, казалось бы, о хвастовстве и ненужном конфликте, который, когда сборник планировался, можно было бы применить к Первой мировой войне, в момент публикации принимает характер притчи о революции: пренебрежение неучтенными силами и сдерживаемой энергией ведет к взрывному конфликту.

Если рассматривать эту сказку как революционную притчу, особое значение приобретает тот факт, что именно хвастливая гордость и грандиозные притязания самовара, считающего себя равным Луне и соперником Солнца, приводят его к гибели. Подобно тому, как гордыня предшествует падению в трагическом смысле, самоуверенность самовара подталкивает его

к разрушению. Самовар гордится своим внешним видом и материалом, из которого он сделан, ему кажется, что эти преимущества позволяют ему считать себя лучше своих сотоварищей и важничать. С революционной точки зрения, именно видимое превосходство обрекает его на уничтожение, в то время как менее значительный чайник с трещиной приносит себя в жертву, ссорясь с самоваром. Между тем, другие обитатели кухонного стола, оставленные в беспорядке небрежными людьми, страдают в результате взрыва. Важно, однако, что неприязательные свидетели, которые не стремятся быть лучше, чем другие, выживают, тогда как хвастливый самовар и чайник, который пошел с ним на конфликт, уничтожены.

«САМОВАР» КАК МОРАЛИЗАТОРСКАЯ СКАЗКА

Обитатели кухонного стола представляют собой микрокосм общества и, как свидетельствует первоначальное название сказки, в тексте разыгрывается нравоучительная драма, которая повествует детям о правильном и неправильном поведении. Самовар сразу же проявляет себя хвастуном. Описанный как «пузатый» и «медно-бокий», он занят только самим собой. Его не интересуют окружающие, он взирает на небо и горячо поет о «чрезвычайной» любви Луны к нему. Повествователь объясняет поведение антропоморфного самовара механистически: люди забыли поставить на самовар тушилку, поэтому, мол, «он и кипятился, хвастаясь пред всеми блеском своих медных боков». Чайник, в отличие от самовара, — старый и с трещиной. Но он тоже перегревается из-за небрежности людей, так как стоит сверху на самоваре; этим, кстати, механистически объясняется и его желание дразнить самовар — кипятиться.

Чайник унижает и провоцирует самовар, утверждая, что Луна смотрит на самовар свысока. Самовар же говорит, что они с Луной сделаны из одного того же материала, тем самым заявляя о своем равенстве с небесным телом, которое находится много выше его: «Мы с ней — соседи./Даже несколько родня:/Оба сделаны из меди». Он даже утверждает свое превосходство, так как на Луне есть пятна. Чайник, приподнявшись от сильного пара, прямо говорит самовару: «Ах, какой ты хвастунишка,/Даже слушать неприятно!» Повествователь подтверждает резкую характеристику самовара: «Этот маленький самовар и вправду очень любил хвастаться; он считал себя умницей, красавцем». К этому моменту перегретый самовар уже посинел и был готов выпрыгнуть из дома: «Самовар до того раскалился, что посинел весь и дрожит, гудит: — Покиплю еще нем-

ножко,/А когда наскучит мне, — / Сразу выпрыгну в окошко/И же-
ноюсь на луне!» Нарастание хвастовства и заметные внешние изме-
нения подчеркивают опасное перегревание самовара.

Невинные свидетели, тем временем, высказывают свои сужде-
ния о том, что происходит. Одни видят утомительную бесперспек-
тивность конфликта, тушилка же осуждает людей, которые забыли
о самоваре, и тем самым ставят «ее самовар» под угрозу:

«Но, взглянув на самовар, испугалась и звенит:/Ай, люди все
ушли/Спать или шляться,/А ведь мой самовар/Может распа-
таться!/Как они могли забыть/Обо мне, тушилке?/Ну, придется им
теперь/Почесать затылки!»

Люди забыли о незаметной тушилке, которая могла бы предот-
вратить конфликт и неминуемые трагические события. Скромные
чашки также высказывают свои мысли:

«Мы скромные чашки,/Нам все все равно!/Все эти за-
машки/Мы знаем давно!/Нам ни холодно, ни жарко,/Мы при-
выкли ко всему!/Хвастун самоварко,/И не верим мы ему».

Сообщество обыкновенных чайных чашек, привыкших ко всему,
определяет самовар как хвастуна. Неисправимый самовар, уже
почти неспособный говорить и разваливающийся на глазах, успе-
вает еще сравнить себя с Солнцем, считая, что он может наилуч-
шим образом заменить это небесное тело: «Я мог бы на себя и днем
и ночью взять/Обязанности солнца!/И света и тепла земле я больше
дам,/Ведь я его и жарче и моложе!/Светить и ночь и день ему
не по годам, — /А это так легко для медной рожи!»

Однако он находит союзника только в своей тушилке, тоже
увлеченной грандиозными устремлениями самовара. Тушилка
хотела бы погасить пылающее солнце так же, как она тушила
пламя в самоваре: «Ах, это очень мило!/Это очень лестно!/Я бы
солнце потушила,/Ах, как интересно!» Как только самовар при-
ходит к своей кончине и распаивается, испуганная тушилка вы-
носит окончательный моральный вердикт людям, которые не-
брежно отнеслись к самовару и к самим себе: «Вот смотрите:
люди вечно/Жалуются на судьбу,/А тушилку позабыли/Надеть
на трубу!» Таким образом, тушилка видит проблему шире, не огра-
ничиваясь только моральными качествами самовара, она объясняет
причину взрыва. В революционном контексте это объяснение легко
применить к людям, скорбящим о своей судьбе, но не принима-
ющим мер для того, чтобы предотвратить неизбежный результат
скрытого напряжения и непреодолимых внешних сил.

Интересно, однако, что последнее слово в сказке Горький дает не всзнающей пророчице-тушилке, а чайным чашкам. Их не волнует трагическая судьба самовара, и они уже забыли о чайнике. Они по-прежнему смеются и поют, равнодушно подводя итоги жизни самовара: «Жил-был самовар,/Маленький, да пыльный,/И однажды не прикрыли/Самовар тушилкой!/В нем/Был сильный жар,/А воды немного; самовар/Распаялся, — /Туда ему дорога,/Туда и дорога-а».

Их заключительная реплика, в конечном счете, вносит механистический привкус в мораль басни, как это могло бы сделать альтернативное название сказки Горького, ибо чашки делают вывод, что самовар заслужил свою гибель. Подобно греческому хору, чашки поют о трагической судьбе самовара, чья гордыня предопределила его падение. Все же в некотором смысле все они реагируют только на неизбежность исхода, которого невозможно избежать.

«САМОВАР» КАК РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРИТЧА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Сказку можно продолжать интерпретировать также в контексте политических событий и революции, что допустимо в случае произведений М. Горького. Самовар гордится совершенством своего облика и качеством своего материала — медью. Он смотрит вверх на небо и луну, уже в начале истории стремится подняться по иерархической лестнице, хочет превратить Луну в поднос, на котором будет стоять, и думает, что он лучше Солнца. Все поведение самовара демонстрирует, что он стремится утверждать и продвигать себя, нарциссически пренебрегая при этом другими. Вред, который он наносит непритязательной и запуганной посуде, свидетельствует, насколько он отличается от нее в своем стремлении к более высокому статусу, пока внутренняя справедливость сказки не наказывает его и не уничтожает за самовлюбленность.

Самовар «пузатый» и толстый, его форма округла, жизнь благополучна и изобильна, он председательствует над другими обитателями чайного стола. В этом смысле, самовар напоминает пухлые фигуры богачей в пропаганде революционного периода — сферические изображения царей, кулаков, «буржуев», неизбежно свергаемых рабочими на пропагандистских плакатах РОСТА того времени. В литературе для детей та же самая политически нагруженная семиотика размера воплощается в образе крупного толстого человека, например, в «Трех толстяках» Юрия Олеши,

в стихотворении Самуила Маршака «Мороженое», где появляется обжора-толстяк, скупающий мороженое, в «Сказке о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» Владимира Маяковского, где действует буржуй Петя. В ранней советской детской литературе поражение толстяков часто изображается через взрыв, в котором мощно и точно манифестируется накопившееся давление и в котором воплощается метафора революции для детей [см. Weld 2018]. Во всех случаях карнавальное низвержение с трона или уничтожение былого правителя сопровождается торжеством коллектива.

ГОРЬКОВСКИЙ «САМОВАР» В КОНТЕКСТЕ

Самовар, таким образом, в сказке Горького выглядит отрицательно, что необычно, особенно учитывая тот факт, что самовар как объект традиционной материальной культуры занимал важнейшее место на русском кухонном столе и, как правило, имел положительные коннотации в культуре. Он обычно символизирует комфорт, уют и гостеприимство, связан с угощением, веселостью и преемственностью поколений. Известные образы самовара в русской детской литературе также положительные: самовары придерживаются положительных взглядов, чистосердечны и доброжелательны, или, по крайней мере, нейтральны. Например, самовар в «Мойдодыре» Корнея Чуковского убегает от мальчика-грязнули: «к самовару подбегаю,/но пузатый от меня/убежал как от огня» [Чуковский 1999, с. 24], самовар в «Федорином горе» предупреждает других об опасности и благодушно пыхтит в финале [Чуковский 1999, с. 58, 62].

Народные эвфемизмы для самовара выражают уважение к нему: прозвище «генерал стола» ставит самовар в положение, достойное почитания, даже немного помпезное, а такие имена, как «Золотой Иван Иванович» или «Самовар Иван Иванович», антропоморфизируют этот предмет кухонной утвари. Даниил Хармс ловко развивает и увековечивает идентичность самовара как «Иван Ивановича» в своем стихотворении 1928 г. «Иван Иванович Самовар». Применяя те же самые «пузатые» прилагательные к самовару, что ранее Горький и Чуковский, «Самовар» Хармса отсылает к «Мойдодыру» Чуковского, отказывая в чае ленивому мальчику: «Кипяточку не дает,/Опоздавшим не дает,/Лежебокам не дает» [Хармс 1997, с. 10]. Все эти самовары выступают носителями авторитета и власти. По контрасту с ними самовар Горького выглядит особенно негативно.

Отрицательное изображение самовара в сказке контрастирует также с другими самоварами в творчестве Горького, где они, как правило, несут значение положительное или нейтральное в сценах, изображающих уют и общность. Обнаружить причины негативных ассоциаций, нашедшие выход в сказке «Самовар», можно в биографии Горького. Во второй части автобиографии Горького «В людях» подростка Алешу отправляют из дома «в люди» на унижительных условиях, чтобы он работал и содержал себя сам. В девятой главе читатель оказывается свидетелем исторически значимого события, показанного глазами подростка. После необъяснимого звона колокола Алешу отправляют ставить самовар. В это время в дом приносят новость: «Царя убили!» [Горький 1979, с. 135]. Известие об убийстве царя Александра II может быть точно датировано 1881 г., когда Горькому было лет двенадцать. Это событие явилось ранним проявлением беспорядков, которые впоследствии привели к революционным событиям и кульминационному в этом ряду 1917 г.

Алеше не дают посмотреть газету с новостями про убийство, его вопросы остаются без ответа, так как он узнает, что «про то запрещено говорить...» [Горький 1979, с. 135–136]. После сцены, когда автобиографический герой ставит самовар в напряженный исторический момент, возникает еще один памятный эпизод с «очень неприятной историей», в которую попал подросток Алеша [Горький 1979, с. 136]. История эта тоже прочно связана с самоваром.

Я, поставив самовар, отправился убирать комнаты. <...> Углей в трубе самовара было много, и, когда вода вытекла из него, он распаялся. Я еще в комнатах услышал, что самовар гудит неестественно гневно, а войдя в кухню, с ужасом увидел, что он весь посинел и трясется, точно хочет подпрыгнуть с пола. Отпаявшаяся втулка крана уныло опустилась, крышка съехала набекрень, из-под ручек стекали капли олова, — лилово-синий самовар казался вдребезги пьяным. Я облил его водою, он зашипел и печально развалился на полу [Горький 1979, с. 136].

Разрушение самовара таким красочным и весьма драматичным образом, на наш взгляд, наверняка оставило след в молодом Горьком. Тем более, что последствия разрушения также оказались значительными.

Во-первых, мальчик из замешательства и страха утвердительно ответил на вопрос, готов ли самовар. За эту дерзость Алешу наказали так, что пришлось доставить его в больницу [Горький 1979, с. 136]. Занозы в спине мальчика настолько явно свидетельствовали об избиении, что врач спросил, желает ли пострадавший от истяза-

ний подать жалобу, но Алеша отказался сделать это [Горький 1979, с. 136]. Стоицизм и сдержанность подростка в этом инциденте привели к тому, что к нему отнеслись как к герою, когда он возвратился к хозяевам [Горький 1979, с. 137]. Воспользовавшись минутой доброжелательности, подросток попросил разрешения брать себе книги для чтения и получил это разрешение. Таким образом, он смог дальше освещать свою тяжелую жизнь в литературе — вот главная тема этой главы автобиографической повести Горького и всей его жизни.

Детский опыт, связанный с разрушением самовара и многочисленными его последствиями, как хорошими, так и плохими, оказался весьма примечательным в жизни Максима Горького. Этот эпизод послужил поворотным моментом в его личной истории, так же, как почти совпавшее с ним убийство царя стало поворотным моментом в истории его нации. По этой причине детская сказка Горького о самоваре кажется «озвученной» автобиографическими модуляциями. В пользу этого свидетельствует деталь — и вымышленный, и автобиографический самовар в произведениях Горького приобретают неожиданный синий цвет. Самовар в автобиографическом пересказе тоже в значительной степени антропоморфизирован, что, возможно, оказалось зерном для более поздней сказки Горького для детей. Например, самовар в детских воспоминаниях Горького наделен волей и эмоциями: напевая «гневно», «хочет подпрыгнуть», свисая «уныло», кажется «вдребезги пьяным», «печально» рухнул [Горький 1979, с. 136]. Это воспоминание Горького объясняет негативную валентность образа самовара в детской сказке: когда-то перегревшийся самовар доставил Горькому-подростку большие проблемы.

В то же время эпизод с самоваром в детстве Горького мог приобрести исторический потенциал в связи как с личными обстоятельствами жизни писателя, так и с важным государственным событием. Напомним, что убийство Александра II, которое можно рассматривать в качестве катализатора массовой революционной активности XX в., непосредственно предшествует эпизоду с самоваром в памяти Горького. Более того, воспоминания о самоваре, необходимость следить за ним, входившая в обязанности Алеши, случайное уничтожение самовара и последующее наказание мальчика могут еще больше политизировать самовар. В конечном итоге, самовар воплощает в себе в этом инциденте угнетенное положение Горького-подростка, одновременно выступая знаком богатства и материального комфорта

для его хозяев. По этим причинам я утверждаю, что этот яркий и кошмарный эпизод из детства наполняет «Самовар» Горького силой, негативизмом, подводит к мрачному финалу, а также вносит своеобразную революционную валентность. История о самоваре, связанная, возможно, с убийством царя — эпизодом из детства Горького, и, возможно, с революционными событиями и отречением последнего русского императора в 1917 г. в момент ее публикации, воплотилась в символическую детскую притчу о революции. В ней горделивый не избежал возмездия, а коллектив непритязательных празднует кончину того, кто считал себя выше других. Герой текста — не самовар, считающий себя лучше всех, а сообщество непритязательной чайной посуды, которое в финальном хоре подводит итоги, направляя читателя к правильному истолкованию сказки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сборник «Елка» был одним из первых послереволюционных гуманистических проектов для российских детей, организованным ведущими литературными и художественными деятелями эпохи, призванным успокоить детей в бурные и тяжелые революционные времена. Но утешение в известной степени оказалось обманом: грубость обложки Лебедева была более честной, чем обнадеживающие уют и благополучие с анахронического фронтисписа Бенуа. Умеренно революционные и политически корректные фольклорные пересказы сборника, например, «Иван-дурак» и «Джек — покоритель великанов», не обеспечили творческой свободы своим авторам: им не удастся даже отстоять жанр сказки, которая вскоре попадет под критический пресс и будет запрещена. Как и обложка Лебедева, сказка Горького о перегретом самоваре приближается к тому, чтобы рассказать правду о революционном времени с его насилием и разрушениями. В этом смысле домашние вредители, едва упомянутые в тексте, но тщательно изображенные Анненковым на иллюстрациях к «Самовару», олицетворяют всех травмированных, но незамеченных свидетелей революционного катаклизма. Планирование сборника, который был задуман как продолжающийся, значительная задержка при выходе его единственного выпуска, временной зазор между предполагаемым изданием летом и реальной публикацией зимой — все это указывает на разорванность революции в целом. Создатели «Елки» стремились успокоить свою юную аудиторию демонстрацией преемственности, но даже их неспособность вовремя опубликовать сборник красноречиво

свидетельствует о том, что жизнь резко поменялась. Утопичность намерений редакции выражалась в мечтах о двенадцати выпусках сборника [Ганкина 1963, с. 55], но в свет он вышел только один раз, и больше издание не возобновлялось.

Напряжение, нашедшее свое выражение в обложке сборника, на его страницах, между страниц и между строк, никогда больше не позволит гармонично соединить разнонаправленные силы, как казалось в короткий послереволюционный момент, когда был напечатан сборник. Перемирие не продолжится долго, идеологическая желчность и политика растворят более слабые узы, соединяющие ведущих деятелей литературы и искусства с политической революцией и, в конечном счете, со своей страной. Как в сказке Горького «Самовар» и в его детстве, сдерживаемая сила и перегретая атмосфера дадут взрывной эффект, от которого пострадают все, даже невинные свидетели. Действительно, можно вспомнить, что в русской традиции развалившийся самовар — плохая примета. Если в 1918 г., когда появилась «Елка», Николай II уже был вынужден отречься от престола в связи с революционными волнениями в феврале-марте 1917 г., то к июлю 1918 г. последний российский император вместе с женой и детьми уже был убит. Об этом событии так же нельзя было говорить, как в детстве Горького об убийстве предыдущего царя. Тем не менее, даже среди травмированных и молчаливых свидетелей травматических событий сохраняется культурная преемственность. Ибо, как показывает автобиография Горького, травмированные русские люди во времена неопределенности всегда стремились утешиться у заботливо поставленных самоваров, и, независимо от возраста, погрузиться в книги, посвященные этим временам или же уводящим из них.

Перевод с английского Марии Литовской

Примечания

¹ Все иллюстрации предоставлены Cotsen Children's Library, Department of Rare Books and Special Collections, Princeton University Library.

² Но уверения Саши Черного в возможности примирения опровергаются фактом его эмиграции вскоре после 1917 г.

Источники

Горький А. М. Детство // Собрание сочинений в 16 т. Т. 8. М.: Правда, 1979. С. 204–392.

Горький А. М. Про Иванушку-дурачка // Елка. Книжка для маленьких детей. Ред. А. Н. Бенуа и К. И. Чуковский. П.: Парус, 1918.

Горький А. М. Самовар // Елка. Книжка для маленьких детей. Ред. А. Н. Бенуа и К. И. Чуковский. П.: Парус, 1918.

Горький А. М. Самовар // Повести, рассказы, очерки, стихи, 1907–1917. Полное собрание сочинений: художественные произведения в 25 тт. Т. 11. М.: Наука, 1971. С. 341–346.

Горький А. М. В людях // Собрание сочинений в 16 тт. Т. 9. М.: Правда, 1979. С. 5–304.

Елка. Книжка для маленьких детей. Ред. А. Н. Бенуа и К. И. Чуковский. П.: Парус, 1918.

Крученых А. Е. Победа над солнцем. СПб.: Союз молодежи, 1913.

Маршак С. Я. Мороженое. Л.: Радуга, 1925.

Маяковский В. В. Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий. М.: Московский рабочий, 1925.

Олеся Ю. К. Три толстяка. М.: Земля и фабрика, 1928.

Хармс Д. И. Иван Иванович Самовар // Полное собрание сочинений. Т. 3. СПб.: Академический проект, 1997. С. 7–10.

Ходасевич В. Ф. Разговор человека с мышкой, которая ест его книги // Елка. Книжка для маленьких детей. Ред. А. Н. Бенуа и К. И. Чуковский. П.: Парус, 1918.

Черный А. М. Трубочист // Елка. Книжка для маленьких детей. Ред. А. Н. Бенуа и К. И. Чуковский. П.: Парус, 1918.

Чуковский К. И. Джек — покоритель великанов // Елка. Книжка для маленьких детей. Ред. А. Н. Бенуа и К. И. Чуковский. П.: Парус, 1918.

Чуковский К. И. Мойдодыр // Стихи и сказки. От двух до пяти. Всемирная детская библиотека. М.: Планета детства, 1999. С. 24–29.

Чуковский К. И. Федорино горе // Стихи и сказки. От двух до пяти. Всемирная детская библиотека. М.: Планета детства, 1999. С. 57–63.

Gorky M. Autobiography of Maxim Gorky. Translated by Isidor Schneider. London, UK: Elek Books, 1953.

Исследования

Ганкина Э. З. Русские художники детской книги. М.: Советский художник, 1963.

Козьмин М. Б. Примечания: Самовар // Горький А. М. Полное собрание сочинений: художественные произведения в 25 тт. Т. 11. М.: Наука, 1971. С. 584–586.

Сетин Ф. И. Русская детская литература. М.: Просвещение, 1972.

Чуковский К. И. Современники. Портреты и этюды. М.: Молодая гвардия, 1967. С. 152–159.

Hellman B. Fairy Tales and True Stories: The History of Russian Literature for Children and Young People (1574–2010). Boston, MA: Brill, 2013.

Weld S. Pankenier. An Ecology of the Russian Avant-Garde Picturebook. Amsterdam, NL: John Benjamins, (2018).

О. Мязотс

СОВЕТСКИЕ ДЕТСКИЕ КНИГИ В ЕВРОПЕ И В США В 1920–1930-е гг.

1920-е гг. — период бурного развития советской детской книги, эпоха авангардных экспериментов с формой и содержанием. Новаторские приемы, предложенные в эти годы советскими писателями, художниками и оформителями, изменили лицо детской книги в целом. Книжки-картинки В. Лебедева, Е. Чарушина, Ю. Васнецова и др. стали «агентами художественного влияния», дав мощный импульс развитию новаторской детской книги в Европе и Америке. В статье очерчивается путь советских детских книг на Запад, рассматриваются некоторые аспекты культурной рецепции и влияния экспериментов советских авторов и иллюстраторов на зарубежную детскую книгу.

Ключевые слова: детская книга 1920–1930-х гг., книжки-картинки, советская детская книга 1920-х гг., художники русской эмиграции.

В начале XXI в. в мире возрастает интерес к советской детской книге 1920–1930-х гг. Забытый на десятилетия этот небывалый по масштабу и значимости эксперимент в детской книге сегодня привлекает внимание не только историков и литературоведов, но и самой широкой публики. Советские детские книги 1920–1930-х гг. начинают активно собирать коллекционеры, а уже имеющиеся коллекции, такие, например, как собрание Александра Лурье в США или коллекция Натали Парэн в Париже, становятся предметом тщательного изучения. Крупнейшие библиотеки и музеи мира — Британская библиотека и Публичная Нью-Йоркская, Музей Виктории и Альберта, Библиотека Франсуазы Саган в Париже, Международный институт социальной истории в Нидерландах и многие университетские библиотеки мира гордятся тем, что имеют в своих собраниях эти уникальные артефакты. Чудом сохранившиеся тоненькие детские книжки даже на фоне новейших достижений печатной индустрии поражают высочайшим мастерством художественного исполнения и воспринимаются не только как историческое свидетельство, но и как образец дерзкого прорыва в будущее, определившего развитие детской книги на столетие вперед в России и в мире.

В данной статье рассматривается путь советской детской книги за рубеж, очерчивается ее влияние на развитие детского книгоиздания на Западе в период между двумя мировыми войнами, анализируется рецепция современников. Для анализа выбран массив детских книг, вышедших в Дании, Великобритании, США и Франции — странах, которые восприняли опыт советского эксперимента и использовали его для развития собственной детской литературы и детского книгоиздания, что позволяет составить представление о тенденции в целом¹.

Изучая европейскую детскую книгу межвоенного периода, особенно 1920-х гг., большинство исследователей отмечают тенденцию репродуцировать идеалы и художественные формы предыдущей довоенной эпохи в качестве доминирующей и называют детскую литературу этого времени «безотрадной и обращенной в прошлое» [Townsend 1965, p. 163]. Пережитая трагедия Первой мировой войны привела к разочарованию в прежних идеалах, а вернувшееся с фронта «потерянное поколение» оказалось неспособно создать новые. Возвращение в безмятежное довоенное прошлое представлялось весьма привлекательной и, главное, безопасной перспективой: авторы пытались удержать детей в мире волшебных сказок и ограничить их пространство защищенной территорией школы и дома². Это неизбежно приводило к противоречию: детская литература обращена в будущее — к новому поколению, а многообразие современной жизни, полной перемен и социальных конфликтов, в детскую книгу почти не пробивалось. «За редкими исключениями мир детской литературы оставался комфортным миром среднего класса; он не допускал и мысли об активной политической миссии литературы» [Hunt 1995, p. 195]. Этим «редким исключением» была литература, которая создавалась писателями, придерживающимися левых взглядов, ищущими путей обновления послевоенного общества и возлагающих большие надежды на воспитание нового поколения, свободного от предрассудков прошлого. Идея изменения общества — не только политическим путем, но и через просвещение и образование, а также с помощью литературы и искусства уже не первый раз в истории человечества овладела умами многих и отразилась в книгах, которые современные исследователи называют «радикальной литературой»³.

В Советской России наблюдалась совершенно иная обстановка — главной задачей было провозглашено построение нового коммунистического общества. Все усилия, таким образом, были

устремлены в будущее. Этим социальным оптимизмом проникнуты и детские книги 1920-х гг. Вера в то, что уже следующее поколение будет жить при коммунизме, придавала особую ценность детству и детям.

Новому поколению нужны были новые книги, причем в огромном количестве. Они воспринимались не только как образовательный ресурс в стране, которой еще только предстояло победить неграмотность, но и как действенное воспитательное и пропагандистское средство, призванное сформировать нового человека.

«Советская детская книга должна быть орудием классового, пролетарского воспитания ребенка», — указывали руководители детским чтением и выдвигали серьезные требования к детской литературе:

<...> надо, чтобы книга зажгла его (ребенка. — *О. М.*) творческим энтузиазмом, раскрыла перед ним величие наших дней; надо, чтобы книга зажгла в ребенке ненависть ко всему старому, отжившему, что путается еще в ногах у поколения строителей социализма; надо, чтобы с детства книга воспитывала из него коллективиста, человека, умеющего сознательно подчинить свою волю воле пролетарского коллектива; надо, чтобы книга сделала ребенка радостным, веселым, бодрым, сильным, смелым, самостоятельным и инициативным [100 книг твоему ребенку 1931, с. 7].

Обращенные к читателю-ребенку, нередко еще малограмотному, новые детские книги должны были быть не просто познавательны и интересны, они должны были увлекать, притягивать внимание не привыкшей к книжной культуре аудитории. И вот тут на помощь приходила и традиция народного лубка, и опыт создания агитационных плакатов. Книга разговаривала с читателем не столько через текст, сколько через изображение, и была понятна даже тому, кто еще не очень силен в грамоте.

Детские книги издавались многотысячными тиражами и поражали количеством и разнообразием наименований. Такой книжный бум могла обеспечить лишь дешевая книжка. Однако усилиями обратившихся к детскому книгоизданию редакторов и художников она, став массовой, не только не потеряла, но значительно повысила художественное качество. Художники-графики, работавшие в детской книге, были не меньшими новаторами, чем их коллеги, создававшие «большое» искусство. Важно отметить и то, что в 1920-е гг. рынок живописи и графики в России практически исчез, и в книжную иллюстрацию в поисках заработка волей-

неволей пришло много выдающихся художников, которые обогатили своим опытом и талантом детскую книгу. Создатели советской детской книги при всей своей революционности впитали многообразный опыт предшествующей эпохи и отталкивались от него в своем развитии.

В 1920-е гг. в культурную жизнь Запада врывается советское искусство авангарда. Демонстрировавшиеся на многочисленных выставках по всему миру работы советских художников поражали не только дерзостью экспериментов, но и социальным оптимизмом, устремленностью в будущее. В те годы отношение к Советской России в мире балансировало между неприятием и страхом и восхищением и надеждой на то, что большевистская революция может указать выход из послевоенного кризиса всему Западному миру.

Интерес к происходившему в Советской России был огромен. «Что происходит в России? Этот вопрос задавали и задают до сих пор даже те, кто никогда не интересовался Россией как страной. <...> почти каждую неделю у нас появляется какая-нибудь новая книга, написанная тем, кто совершил десятидневную поездку в Москву и кто наконец готов сообщить нам “правду о России”», — писал в 1929 г. в предисловии к книге Николая Огнева «Дневник Кости Рябцева» переводчик Александр Верт⁴.

На выставках советского искусства, проходивших в 1920–1930-е гг. по всему миру⁵, детские книги, хоть и не считались главными экспонатами, неизменно привлекали к себе большое внимание: они наглядно рассказывали о жизни в СССР и представляли совершенно новое отношение к детям — не только как к объектам воспитания, но и как к активным созидателям нового общества. Западного зрителя поражало тематическое разнообразие советской детской литературы. Так, датская левая газета “Arbejder Bladet” писала в 1932 г.:

Русские книжки-картинки изображают сказку современной повседневной жизни, то, как люди покорили природу. <...> Детям представляют чудеса техники, керосин и электричество, корабли и самолеты. <...> И все это с иллюстрациями лучших русских художников, яркими красками и с детской фантазией в лучшем смысле слова. Растения и животные, жизнь на ферме, Красная армия, революция, развитие социалистического общества, жизнь пионеров — вся сказка Советского Союза отражена в них, направляя интерес ребенка к природе; труд и жизнь приобретают новое значение и свежие краски, работа больше не бремя, а путь в новую лучшую жизнь [Arbejder Bladet. 1932. May 24].

Вызывали восхищение художественные достоинства детских книг — не только великолепные цветные иллюстрации и их новаторская стилистика, но и многоцветная печать всей книги в целом (что в те времена было редкостью), яркие емкие образы, мастерство дизайнера и типографики.

В 1925 г. детские книги издательства «Радуга» были отмечены на Международной выставке прикладных искусств в Париже. Издательство было награждено серебряной медалью за качество оформления и удостоилось восторженных отзывов западной прессы⁶.

На рубеже 1930-х гг. появляются первые выставки детских книг. Некоторые из них проводятся по инициативе зарубежных издателей, книготорговцев и авторов, симпатизировавших СССР.

В 1927 г. в берлинском Центральном институте по воспитанию и обучению по инициативе Немецкого общества по изучению Восточной Европы и при содействии ВОКСа состоялась выставка, на которой была показана не только советская детская книга «в лучших и типичных образцах продукции Госиздата» [Советская детская книга в Германии 1928, с. 41], но были представлены и дореволюционные издания, в первую очередь, работы художников «Мира искусств», а также переводы книг европейских и американских писателей. Всего — свыше двухсот наименований. Выставка вызвала определенный интерес как в профессиональной среде — у педагогов, издателей, писателей и иллюстраторов, так и у широкой публики — учащейся молодежи и рабочих. На это обстоятельство обращает внимание советский рецензент: «Приходили рабочие, у которых интерес и симпатия к Советскому Союзу так велики, что каждая русская печатная страница в их глазах приобретает особое значение» [Советская детская книга в Германии 1928, с. 41]. Книжная выставка воспринималась как источник информации о жизни в СССР. Репортер коммунистической газеты “Die rote Fahne” специально отмечает для своих читателей, что «благодаря яркому подбору иллюстративного материала, большинство этих книг вполне доступно и не знающим русского языка» [Советская детская книга в Германии 1928, с. 41].

Выставка многообразно была освещена в прессе, причем в изданиях самой разной идеологической направленности. Практически все рецензенты, независимо от их политических взглядов, признавали, что детская книга в Советской России «в последние годы сделала громадные успехи» [Советская детская книга в Германии 1928, с. 42]. Так, например, газета “Deutsche Allgemeine

Zeitung”⁷, не отличавшаяся симпатиями к коммунистам, уделила большое внимание качеству иллюстраций.

В маленьких ярких тетрадах, которые можно купить за небольшие деньги, рассыпано множество живых образов и свежих чувств. <...> Рисунки исполнены в плакатной манере, широкой и плоскостной, и насыщенной стремительной динамикой. Легкие, необычайной выразительности рисунки часто напоминают японское искусство. Мы видим это у К. Кузнецова, а также у Л. Бруни, каждая картинка которого — художественное произведение. Чудесные крестьянские типы, которые дал В. Конашевич в «Народных песенках». Также рисунки В. Лебедева и А. Куликова. Люди, животные, вещи живут на этих картинках, сделанных в беглых штрихах и в немногих красках [Советская детская книга в Германии 1928, с. 42–43].

Эльза Штейп, специалист по детской литературе, в статье в консервативной “Deutsche Tageszeitung”⁸ рассматривала в том числе и педагогические принципы, на которых основывается советская детская книга, и отмечала, что главное ее назначение — воспитать «стойкого борца за идеи рабочего класса». В целом позитивно оценивая советскую детскую книгу, критик обращала внимание на то, что в СССР из детского чтения исключено все то, «что пробуждает детскую фантазию», и сожалела о том, что «эльфы и домовые, говорящие столы и стулья и все прочие милые принадлежности сказки в России не пользуются правом гражданства», как и книги, «связующие нас с прошлым, — легенды и героический эпос» [Советская детская книга в Германии 1928, с. 43]. Размышляя о подобной практике, Штейп колко замечает: «Интересно было бы установить, предпочитают ли дети реалистические рассказы красочным сказкам, когда представляется свободный выбор. Но этот опыт вряд ли был сделан» [Советская детская книга в Германии 1928, с. 44].

Отмечая техническое отставание советской полиграфии, немецкий журнал “Die Literarische Welt” писал в январе 1928 г.: «Русские могут у нас поучиться технике, которая располагает машинами, делающими чудеса (двенадцати красочный офсет!)» [Советская детская книга в Германии 1928, с. 46]. Но в то же время немецкие специалисты признавали, что русские художники сумели найти способы преодолеть технологические трудности и дать детям многообразную по тематике яркую и увлекательную книгу: «В общем можно сказать: нет ни одного уголка детской жизни, которая не нашла бы отражения в книге. Особенно обогатила ее техника. Русские ближе к детскому. У них более молодые глаза. Русские книги

забавнее, динамичнее, ярче наших. Может быть, наши печатники взглянут свысока на внешность этих книжек, но наши дети примут их с восторгом» [Советская детская книга в Германии 1928, с. 47].

После успешной демонстрации в Берлине, где выставка насчитывала порядка тысячи посетителей в неделю, экспозиция переместилась в Лейпциг, где с докладом о советской детской книге выступил детский писатель и педагог Яков Петрович Мексин (1886–1943), сотрудник отдела детской литературы ГИЗа. Выставка породила планы на дальнейшее сотрудничество. «Ряд советских книжек уже переводится на немецкий язык и выйдет в свет в ближайшее время», — сообщает советский рецензент [Советская детская книга в Германии 1928, с. 41]. Возможно, речь идет о готовившихся в берлинском издательстве Verlag der Jugendinternationale переводах книг Н. Огнева и Г. Белых и Л. Пантелеева⁹.

К сожалению, планам на сотрудничество в детском книгоиздании не суждено было сбыться. В том числе и потому, что возникший в 1920-е гг. интерес к советскому эксперименту был подавлен реакционной политикой пришедших к власти национал-социалистов, которые вели яростную борьбу с коммунизмом, а также объявили новаторские эксперименты художников «дегенеративным искусством» и отправили на костер произведения прогрессивных писателей.

Одной из самых известных и значительных по произведенному эффекту стала выставка советских детских книг, устроенная в апреле-мае 1929 г. в Париже в книжном магазине «Эдисон Бонапарт». Одним из ее инициаторов был бывший дипломат, работавший в начале 1920-х гг. в Советской России, а в дальнейшем переводчик и редактор Брис Парэн (1897–1971). К выставке был издан небольшой каталог, предисловие к которому сочинил известный писатель Блез Сандрар. Прославляя отношение к детям в СССР, он писал:

Все знают, что в России дети — единственные, кто «нажился» на Революции, только они. Все принадлежит им — страна с ее городами, поезда, самолеты, будущее. <...> Не пора ли попросить маленьких русских детей показать нам их прекрасные книги с картинками и научить нас читать — нас, неразумных взрослых Запада [Livres d'Enfants Russes 1997, p. V].

На выставке экспонировалось 164 книги. Она проходила всего лишь в течение месяца — с 27 апреля по 22 мая, но стала заметным событием в книжном мире и сумела привлечь внимание

тех издателей и художников, кто, вдохновившись советским экспериментом, мечтал использовать этот опыт для создания новых детских книг в Европе. После посещения выставки французский издатель Гастон Галлимар написал художнику Владимиру Лебедеву письмо, приглашая к сотрудничеству. Друг Галлимара писатель Андре Бекле изложил свои впечатления от выставки в журнале “Arts et métiers graphiques” от 15 января 1930 г.:

Изображения, которые приводят нас в состояние наивности и нежности, были увидены мной этой весной на улице Бонапарта на выставке, посвященной детской книге в СССР. Иллюстрации, созданные для юной души и молодых глаз, пока еще не отягощенных воспоминаниями, обнаруживают глубокое знание темы, почти влюбленность в этот предмет... Лебедев готовит композицию книги, выбирает шрифт, верстает и располагает свои иллюстрации в том порядке и с таким тайным умыслом, которые еще больше увеличивают выразительную силу рисунка. И в результате он очаровывает всеми средствами своей столь яркой доброты и своего столь щедрого таланта как граждан, которые еще читают по слогам, так и тех, кто уже имеет жизненный опыт [Цит. по Сеславинский 2009, с. 30].

В том же 1929 г. в апреле-мае с успехом прошла и выставка в Амстердаме, где демонстрировались 148 советских детских книг и был издан каталог.

В Копенгагене в 1932 г. выставка советской детской книги была организована по инициативе Оге Йоргенсена, заведующего отделом книги универмага «Иллумс», который побывал ранее на выставке в «Эдисон Бонапарт». Бывший учитель, Оге Йоргенсен рассматривал детские книжки как важное средство преобразования общества, именно с этой точки зрения он оценивал и советский опыт: «Я думаю, что все — и те, кто следят за Советским государством с пониманием и сочувствием, и его противники — должны признать, глядя на эти книги, что они представляют высочайший художественный уровень в решении как развлекательных, так и образовательных задач» [Цит. По: Christensen 2016, p. 173].

Советское государство быстро осознало пропагандистский потенциал детских книжек, и с конца 1920-х гг. их стали рассматривать как самостоятельный выставочный проект. В начале 1930-х гг. в Европе — в Таллине, Риге, Гамбурге, Берлине, Праге, Цюрихе и Вене экспонировалась выставка, подготовленная Яковом Мексиним. Несмотря на отсутствие переводов и специально сохраненное автором «внешне скромное оформление» экспозиции [Мексин

1932, с. 55], она производила огромное впечатление. Например, в Вене ее посещало до двух тысяч человек в день, а количество посвященных выставке статей в зарубежной прессе составило около 150 публикаций.

Главную причину успеха Мексин видел «в огромном интересе трудящихся Запада к советской культуре, к успехам нашего социалистического строительства» [Мексин 1932, с. 55]. Он писал: «Даже буржуазия не может не поддаться этому интересу. Оно и понятно: то, что составляет надежду рабочего класса, является для буржуазии грозным призраком» [Мексин 1932, с. 55]. И «буржуазия» прекрасно считывала пропагандистский потенциал советских детских книжек: «Чего хочет советская выставка? Чтобы дети учились самостоятельно думать, разумеется, в советском духе. Всюду чувствуется фанатическая воля к политике, к вколачиванию советских идеалов в восприимчивые детские мозги. Под покровом детской наивности проводится самая ненавистная пропаганда, какую можно себе представить, и которая в десять раз опаснее тем, что облекается в такие наглядные формы», — писал корреспондент австрийской газеты “*Neues Wiener Journal*” [Мексин 1932, с. 55].

Но одновременно критики отмечали и то, что советская детская книга способна обеспечить детям «радостное воспитание» (как писала в январе 1931 г. газета чешских коммунистов “*Rudé právo*”), и высоко оценивали ее воспитательный потенциал. «Это — блистательная живая педагогика, которая имеет мужество из всех путей новейшей детской психологии избрать наименее всего затоптанные и довести тенденцию наглядности до последней степени последовательности»¹⁰. В то же время зарубежные специалисты признавали: «Эта детская выставка наводит нас на грустные размышления о том, что экспериментальные учреждения стареющей Европы не в силах дать западным детям что-либо подобное, и что если нам где-нибудь учиться, то именно здесь»¹¹.

Выставки вызвали не только восхищение, но и желание подражать, использовать советский опыт для обновления детской книги и практики книгоиздания в целом. При сравнении детских книг, выпускавшихся в 1920-е гг. в Европе и США, с советскими книжками, отличия были очевидны: на Западе все еще преобладали толстые издания в твердых переплетах, часто совсем без иллюстраций (или лишь с цветными вклейками), книга оставалась дорогой, «подарочной». Советские книжки, выходившие огромными тиражами на дешевой бумаге и часто печатавшиеся

автолитографическим способом, не в последнюю очередь привлекали издателей, искавших в этот период выход из экономического кризиса, в том числе и своей дешевизной и простотой исполнения. «Технологии позволяли, а политика поощряла — в результате есть сведения, что тиражи достигали 50 000 в 1930 г., а к 1934 г. возросли до миллиона, при этом книги обычно продавались по цене в 10 центов (в то время как в Америке средний тираж составлял 25 000, а средняя цена — 2 доллара)» — восхищенно комментировали ситуацию американские издатели [Bader 1976, p. 88]. Высокое художественное качество делает советские детские книжки объектом изучения и коллекционирования. В 1931 г. Брис Парэн, бывший культурный атташе Франции в Советской России, переводчик и редактор, опубликовал в «Монд» статью о русских детских книгах, где, в частности, писал: «Все представители бомонда, возвращаясь из СССР, привозили детские книги. Они производили не меньший фурор, чем японские рисунки, готические статуи, английские тосты. Им посвящали выставки по всей Европе»¹². Коллекция его жены, русской художницы Натали Парэн (урожденной Натальи Челпановой), собиравшаяся годами, превратилась в крупнейшее зарубежное собрание советских детских книг, часть ее попала в парижскую библиотеку L'Heure Joyeuse («Веселый час»), где книги не только бережно хранились, но и исследовались¹³.

Интерес к советской детской книге проявляли и русские эмигранты. И хотя многие издания обладали ярко выраженной пропагандистской направленностью, перед очарованием книг, оформленных Юрием Васнецовым, Евгением Чарушиным, Валентином Курдовым, Николаем Купреяновым, трудно было устоять, как трудно было не поддаться обаянию тонкого юмора Владимира Конашевича, не признать мастерства Владимира Лебедева, Евгении Эвенбах, Веры Ермолаевой и других.

Находившаяся в это время во Франции Марина Цветаева с восторгом отзывалась о детских книжках, которые она выписывала из Советской России для своего сына Мура. В 1931 г. она написала статью «О новой русской детской книге», где противопоставила советские детские книжки «бездарному, бесстыдному, безграмотному вздору» [Цветаева 1988, с. 354] эмигрантских изданий для детей. Цветаева приветствует жизненную, взятую из реальных условий, тематику новых детских книжек, противопоставленных «так долго и еще так недавно господствовавшей в русской дошкольной литературе лжефантастике, всем этим феям, гномам, цветочкам и мотыльч-

кам, не соответствующим ни народности (первые), ни природе (вторые)» [Цветаева 1988, с. 352]¹⁴. Она признается, что, хотя «техника» ей самой в тягость и даже «враг», но для детей она — важнейшая часть их жизни. Во всех книгах Цветаева отмечает как «высокую культуру стиха», так и изобразительные достоинства — «высокую культуру руки и глаза» [Цветаева 1988, с. 354]. Вывод: «русская дошкольная книга — лучшая в мире» [Цветаева 1988, с. 356].

Помимо неоспоримых художественных достоинств советская книжка-картинка обладала большим образовательным потенциалом, что привлекало внимание прогрессивных педагогов. Авторы советских детских книг всерьез относились к ребенку-читателю и особенностям его мировосприятия, а некоторые, в том числе и С. Я. Маршак¹⁵, были знакомы с зарубежным и отечественным педагогическим опытом и, разделяя прогрессивные идеи, сознательно стремились реализовать их в новом типе книг, предназначенных не только для развлечения, но и в еще большей степени для просвещения — как детей, так и взрослых¹⁶. Эти задачи совпадали с требованиями, которые выдвигали к детской книге прогрессивные педагоги и издатели разных стран, поэтому советский опыт становился особенно важен¹⁷.

Советская детская книга показывала пути обновления детской литературы, примеры освоения новых современных тем, учила говорить о социальных переменах, техническом прогрессе, достижениях науки. Новые детские книги не только агитировали за советскую власть, но и открывали читателю окно в большой мир: рассказывали о природе, индустриальном строительстве и мировой политике. Маленьким читателям предлагали и умело представляли самые большие темы. Новаторством было использование в советской детской книге приемов интерактивности: «предпринимались самые разнообразные попытки усилить игровое начало детской книги, превратить ребенка из пассивного созерцателя чужого произведения в его героя или соавтора» [Детская иллюстрированная книга в истории России 1881–1939. Т. 2, с. 336].

Особой популярностью пользовались за рубежом книги М. Ильина. Они были переведены на десятки языков и выходили в Англии, Франции, Германии, Скандинавии, США, в Южной Америке, Австралии, Китае и других странах. «Учебник, который читается, как сказка!» — восхищался известный знаток книги Хельмут Леман-Хаупт книгой М. Ильина «Черным по белому», рассказывающей об истории письменности [Lehmann-Haupt Hellmut 1932, p. 432].

A LARGE STEAM TURBINE OF FIFTY THOUSAND HORSE-POWER. DO YOU KNOW HOW MANY TIMES STRONGER THAN THE MAN IT IS? ONE MILLION TIMES. AND AFTER ALL, IT DOES NOT OCCUPY SO MUCH SPACE, ONLY ONE ROOM.

Английское издание книги М. Ильина «Рассказ о великом плане». Обложка и иллюстрация художника Уильяма Кермода. Ilin, M. Moscow has a plan: A Soviet primer. ill. by William Kermode. London: Johnathan Cape, 1931

Популярность книг М. Ильина определил не только талант автора, но и его просветительский демократизм: умение обращаться к новому поколению читателей «из народа» — людям, которые только недавно получили доступ к образованию и культуре.

В то же время М. Горький, обращаясь к американским читателям, отмечал как заслугу М. Ильина его классовый подход к социальным преобразованиям, то, что писатель «показывает источник подлейшего испуга буржуазии перед техникой, смысл которой — освободить человека от легко устранимой тяжести физического труда» [Горький 1958, с. 154]. Большой интерес — у взрослых и юных читателей за рубежом — вызвала книга М. Ильина «Рассказ о великом плане» (1930), посвященная первой пятилетке, где автор буквально «с цифрами в руках» объяснял преимущества плановой социалистической экономики и подсказывал западному читателю способ избавления от тисков капиталистического кризиса. Это был новый вид сказки — сказки об индустриализации и техническом прогрессе, о том, как гигантские машины помогают советским людям, преодолев отсталость и неграмотность, вырваться из пут прошлого и преобразить огромную страну. Оптимизм, с которым М. Ильин рассказывал об успехах индустри-

ализации в СССР, был призван внушить зарубежному читателю, что именно СССР демонстрирует миру путь выхода из кризиса, не случайно в немецком переводе книга называлась «Пять лет, которые преобразуют мир» (“Fünf Jahre, die Welt veränderten”, 1932), а в английском — «У Москвы есть план» (“Moscow has a Plan: a Soviet Primer”, 1931). Западный читатель воспринимал книгу М. Ильина как доказательство того, что советская утопия уже стала реальностью¹⁸. Штутгартская газета “Sonntag Zeitung” писала: «Инженер Ильин создал нечто замечательное: он свел сложный грандиозный пятилетний план к общепонятной формуле. Основываясь на статистическом материале, он рассказывает историю самого великого преобразования части земного шара, когда-либо известного в истории. Этот эпос рассказан просто, сжато, с прерывающимся ритмом. Это прозаическое произведение полно романтики действительности» [Глухов 1976, с. 52].

С особым восторгом книга Ильина о первой пятилетке была встречена в США. Книга вышла в Нью-Йорке в 1931 г. в переводе видного американского педагога и публициста Джорджа Каунтса (1889–1974) под названием «Азбука новой России» и сразу же получила широкий отклик. Успех был столь велик, что нью-йоркский «Клуб лучшей книги за месяц» выбрал это произведение для своего майского подарка. Книга оказалась созвучна чаяниям и надеждам американских читателей: индустриальный триумф, описанный Ильиным, воспринимался в годы Великой депрессии как желанный идеал. Леворадикально настроенные американцы (как, впрочем, и европейцы) возлагали утопические надежды на то, что технический прогресс, повсеместная механизация помогут не только справиться с кризисом, но и, освободив людей от тяжелого труда, приведут к созданию свободного общества равных возможностей. Так что «поражающая воображение картина материальных и социальных свершений первой пятилетки подстегивала мечты об экономическом развитии, которые в равной степени лелеяли как граждане СССР, так и американцы» [Mickenberg Julia 2010, p. 103]. Английская исследовательница Кимберли Рейнольдс отмечает, что успеху книги у юных читателей в СССР и за рубежом содействовало и то, что автор «подчеркивал важную роль, которую сами дети могут сыграть в создании обновленного будущего» [Reynolds 2016, p. 92].

Если зарубежных читателей в книгах М. Ильина привлекало увлекательное и доступное описание социально-политических событий современности, то собратьев по перу восхищало его

мастерство рассказчика (Поль Элюар даже назвал М. Ильина «поэтом пятилетних планов» [Ляпунов 1955, с. 75]). Советскому писателю удалось создать новый вид познавательной книги, где напряженный драматизм повествования умело смягчен легким юмором, а факты и цифры, вплетенные в литературный сюжет, придают достоверность событиям, представленным со сказочным размахом — так, что в движение приходят даже горы и реки. Важнейшую роль в книгах Ильина играли иллюстрации — и как элемент наглядности, и как прием, создающий особый эмоциональный настрой¹⁹. Эти новаторские книги не только дали мощный толчок развитию научно-популярных изданий для детей, но и повлияли на детскую литературу в целом. Английский писатель и знаток детской книги Джеффри Триз (1909–1998), вошедший в литературу как раз на волне радикальных настроений 1930-х гг., признавался, что на него сильное впечатление произвела книга М. Ильина:

Будучи в Лондоне, я натолкнулся на книгу, переведенную с русского «У Москвы есть план». Советский автор великолепно драматизировал для юных читателей свершения первой пятилетки, которые уже привлекли внимание взрослых. Я не хотел писать точно так же, да и не смог бы, но Ильин заложил во мне бомбу с таймером, которая вдруг взорвалась, породив различные темы и замыслы [Trease 1971, p. 145].

Триз был не единственным, кто уловил мощный творческий заряд, заложенный в детской книге молодой Страны Советов. Этот опыт осваивался и осмыслялся во многих странах. Рассмотрим несколько примеров.

ДАНИЯ

Импульсом для создания новой детской книги в Дании стали радикальные социальные перемены, начавшиеся с приходом в 1924 г. к власти социал-демократов, которые приступили к реализации важных реформ, в том числе в области народного образования и демократизации школьной системы.

В Дании в 1930-е гг. шли оживленные педагогические дебаты, в которых важную роль играли сторонники прогрессивной педагогики. Среди них были не только педагоги, но и писатели с художниками, такие, например, как Торбен Грегерсен и Йенс Сигсгорд, которые сами сочиняли книжки-картинки, пропагандируя новые педагогические идеи. Они хотели воспитать человека, сочетающего в себе яркий индивидуализм и ответственную общественную

позицию, а также обладающего чувством прекрасного и богатой фантазией.

Важную роль в решении этих задач призвана была играть детская книга, от которой прогрессивная педагогика ждала современного содержания и новых художественных форм его воплощения. Неудивительно, что советский опыт представлял для реформаторов значительный интерес.

После выставки советской детской книги в Копенгагене в Дании было издано несколько новаторских по форме и содержанию детских книг, которые, как считает датский исследователь Нина Кристенсен, «представляли вариации типичных черт русского художественного авангарда» [Christensen 2016, p. 175] и в то же время были тесно связаны с идеями прогрессивной педагогики²⁰.

Так, книга Ханса Кирка с иллюстрациями Арне Унгермана и Эдварда Хейберга «Колесо Йоргена» построена по тому же принципу, что и «Вчера и сегодня» В. Лебедева и С. Маршака: на разворотах на левой странице представлены «старые» виды транспорта, а на правой — «новые», при этом «старые» — велосипед, карета, конка, парусный корабль — изображены «старыми» средствами в «старой» манере, а «новые» на правой странице — поезд, гоночный автомобиль, самолет — в «новой», с использованием фотомонтажа. На обложке провозглашено, что авторы ставили перед собой задачу создать именно «современную книжку-картинку», поэтому они активно используют опыт как Баухауса (где Хейберг преподавал в 1930 г.), так и книжных мастеров советского авангарда. Если в оформлении обложки, заголовков на которой выполнен простым рубленным шрифтом без заглавных букв, прослеживается очевидное влияние Баухауса, то композиции внутри книги построены в соответствии с советской книжной эстетикой и отражают «присущую русскому авангарду склонность использовать один основной цвет в сочетании с черно-белым фоном, композицию, построенную по диагонали, отсутствие центральной перспективы, и стремление изобразить машины и двигатели в таком ракурсе, чтобы максимально выразительно отразить их мощь» [Christensen 2016, p. 176].

Автор другой новаторской книги «Что мы учим в школе?», известный датский писатель-коммунист Ханс Шерфиг, берет на вооружение и пропагандистский потенциал советской детской книги. Он объясняет детям, чему их неправильно учат в школе и чему должны учить на самом деле.

Мы слышим истории о королях и героях, но нам не рассказывают о пользе повседневного труда. Мы узнаем о войнах, энтузиазме и героизме, но ничего не знаем об интересах капиталистов, которые вызывают войны. <...> Нам рассказывают, что в России страшные беспорядки, что люди убивают друг друга или умирают от голода, но нам известно, что это не так. В Советском Союзе рабочие строят новый мир. <...> Религия учит нас быть довольными своим положением здесь на земле <...> если мы терпеливо будем сносить трудности, нам воздастся на небе, мы получим жареное мясо, но только после смерти. Но мы понимаем, что нам надо бороться, если мы хотим улучшить свою жизнь [Цит по Christensen 2016, p. 178].

Знакомство с советскими детскими книгами подсказывало датским авторам и иллюстраторам не только современные художественные решения, но и пути расширения тематики, обогащения литературного содержания, в котором начинают громче звучать социальные мотивы, новые городские и индустриальные темы. Хотя новаторских детских книг в Дании в 1930-е гг. было немного, но именно они положили начало важным переменам в детской литературе, где ребенок начинает рассматриваться не как пассивный объект воспитания, а как активная личность, будущий гражданин страны, где, как надеются авторы, будут воплощены в жизнь левые социал-демократические идеалы.

Эти принципы будут развиты в последующие десятилетия и уже в 1940-е гг. воплотятся в книжках-картинках ведущих датских иллюстраторов Эгона Матисена (1907–1976) и Иба Спанг Ольсена (1921–2012), которые были тесно связаны с прогрессивной педагогикой, а также в творчестве известного детского писателя и психолога Йенса Сиггорда (1910–1991), чья книга «Палле один на свете» (1942) с иллюстрациями Арне Унгермана отразила новое уважительное и заинтересованное отношение к ребенку и его внутреннему миру. Маленький герой воспринимается как активная творческая личность, но в то же время автор сознает и ограниченность возможностей ребенка и ответственность взрослого как воспитателя и защитника. Книга оказалась созвучна настроениям послевоенной Европы, она была переведена на многие языки и остается популярной до сих пор.

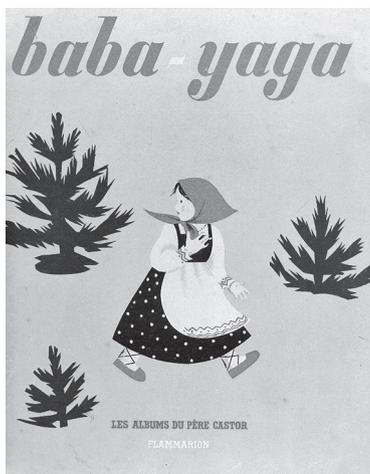
ФРАНЦИЯ

Выставка 1929 г. в Париже имела важные последствия для развития французского детского книгоиздания. В первую очередь это касается таких знаменитых издательств, как «Фламарион»

и «Галлимар», которые в 1930-е гг. начинают выпуск детских книг. Одной из ключевых фигур в этой сфере становится Натали Парэн (1897–1958). Она получила образование в России, в знаменитом ВХУТЕМАСе, где занималась в мастерской П. П. Кончаловского. Ее творческая манера впитала стилистику первого послереволюционного десятилетия: лаконичную и емкую плакатную выразительность, работу цветовыми пятнами, использование коллажа и оригинальный графический дизайн. Оказавшись за границей, художница продолжала обращаться к опыту коллег-иллюстраторов, работавших в СССР: посещала выставки, собирала советские детские книжки, которые специально заказывала из России для своей маленькой дочери Татьяны. Свою первую детскую книгу Натали Парэн оформила в 1930 г. для «Галлимара», с которым в качестве редактора и специалиста по русской книге сотрудничал ее муж Брис Парэн. В духе эстетики конструктивизма Натали Парэн проиллюстрировала книжку «Моя кошка» Андре Бекле²¹.

В 1920-е гг. русские художники-эмигранты воспринимались на западе, в первую очередь, как носители «русского стиля» — яркого, декоративного, нарочито «народного», вошедшего в моду в начале XX в. во многом благодаря «Русским сезонам» Дягилева и закрепившегося как главная художественная ассоциация с Россией. Но работа в сфере детской книги позволила русским художникам проявить иные грани своего таланта: издатели ждали от них не повторения старого, а новых выразительных образов. Натали Парэн не пыталась подражать «русскому стилю», который воспроизводили Иван Билибин, Борис Зворыкин или Наталья Гончарова. В поисках собственной художественной манеры Парэн равнялась на тех, кто вырвался вперед, предлагая новые модернистские художественные решения.

В работах Натали Парэн творческий поиск часто превращался в спор с устоявшейся традицией. Так, в книжке «Баба Яга» (1932), которая вышла в Париже одновременно на русском («ИМКА-Пресс»), пересказ Надежды Тэффи) и французском языках («Галлимар») ²², Парэн вступила в очевидную полемику не только с Иваном Билибиным, чьи книги также выходили в это время во Франции, но и со всей традицией иллюстрирования сказок в экзотическом декоративном стиле. В «Бабе-Яге» Натали Парэн искала ключ к решению типичной задачи переводчика: как сделать народную сказку, сохранив ее национальные особенности, интересной и понятной в иной культурной среде. Отметая

Toute noire de colère, Baba Yaga saute dans un mortier, et, jouant du pilon, effaçant ses traces avec son balai, elle s'élançe à travers la campagne.

La petite fille colle son oreille contre la terre : elle entend que Baba Yaga approche.

Баба-Яга Ивана Билибина (слева сверху) и Натали Парэн (справа сверху, внизу)

псевдоконкретику и нарочитую бутафорию, художница пыталась выразить суть сказочного сюжета в простых, доступных пониманию, но выразительных и запоминающихся образах, одновременно привнося в книгу элементы спектакля, праздника. Лаконичная выразительная художественная манера Натали Парэн очевидно перекликается с эстетикой советской детской иллюстрации, в первую очередь, с работами Владимира Лебедева.

Натали Парэн как талантливая самобытная художница не просто подражала советским иллюстраторам (что само по себе было

сложной задачей, учитывая разнообразие творческих манер и высокое художественное качество), она соединяла русский опыт с тем, что открывала для себя во Франции. Так складывался ее собственный стиль — сочетание русской экспрессивности с французской изысканностью и космополитичной конструктивистской лаконичностью, что рождало образы яркие, плакатные и в то же время изящные, по-детски озорные и шуточные. Таковы иллюстрации к «Каштанке» А. П. Чехова (1934) и «Рассказам для детей» Льва Толстого (1936), выполненные Парэн для «Галлимара». «Каштанка» Парэн — по-цирковому праздничная, красочная, построенная на игре, не только явно противостоит пронизанным трагизмом знаменитым иллюстрациям Д. Н. Кардовского, но и отмечает саму традицию восприятия цирка как веселья поневоле, где грустная интонация непременно пробивается сквозь нарочитый смех. Художница показала, что цирк — не только праздник,

но и упорный труд. В иллюстрациях Натали Парэн отразилось ее восхищение мастерством цирковых актеров, людей и животных, всей атмосферой цирка: цирковым реквизитом — от барабана до обруча, через который прыгают звери, и даже рубанка, пилы, молотка, без которых также невозможно представить себе цирковое хозяйство. В данном случае художница, несомненно, следовала примеру Владимира Лебедева, уважавшего труд и мастерство и ценившего фактуру, материальность предметов.

Чехов А. П. «Каштанка». Иллюстрации Натали Парэн (1934) (вверху) и Дмитрия Кардовского (1903) (внизу)

Параллельно с сотрудничеством в «Галлимаре» Натали Парэн приступила к работе над серией «Альбомы Папаши Бобра» в издательстве «Фламарион». Эта легендарная серия во многом обязана своим успехом именно русским художникам. В начале 1930-х гг. директор издательства «Фламарион» Поль Фоше решил начать выпуск книг для детей. Фоше увлекали идеи чешского педагога Франтишека Бакуле, и он хотел издавать такие детские книги, которые не только бы развлекали, но и развивали детей, побуждая их к самостоятельному творчеству и экспериментам. Так родился замысел новой серии «Альбомы Папаши Бобра», целью которой было, удивив ребенка, пробудить в нем интерес к творчеству и самостоятельному познанию окружающего мира. Книжки «Папаши Бобра» были предназначены для совместного чтения и обсуждения. Это книги-игры с увлекательными заданиями, выполняя которые, ребенок сам экспериментировал, творил, делал открытия. Большое внимание уделялось детскому восприятию: рукописи проходили специальное тестирование в различных детских аудиториях, при создании книг Фоше консультировался не только с детскими психологами, но и с врачами-окулистами. Шрифты специально подбирали очень четкие, современные, размер букв соответствовал возрасту читателя, чтобы ребенку было не трудно и интересно читать.

Эта серия, возникшая на стыке педагогики и искусства, опиралась, в том числе, и на опыт советской детской книги, с которой Поль Фоше познакомился на выставке 1929 г. и счел отличным примером для подражания. Не случайно он пригласил к созданию новой серии Натали Парэн, увлеченную советским экспериментом, а она привлекла к работе других русских художников, находившихся тогда во Франции. В 1930-е гг. в серии «Альбомы Папаши Бобра» выходили книги с иллюстрациями Елены Гертик, Александры Экстер, Александра Шеметова, Ивана Билибина, Юрия Черкесова, Натана Альтмана. Всего с 1931 по 1940 гг. было издано 90 альбомов, из них 49 проиллюстрированы русскими художниками.

В серии вышло немало книг-самоделок со специальными вставками для развития детского воображения — лото, раскраски, чертежи для вырезания, настольные игры; некоторые книги можно было превратить в миниатюрные декорации. Такие издания были популярны и в СССР²³. Призыв Эль Лисицкого «Не читайте — берите бумажки, столбики, деревяшки, складывайте, красьте, стройте»²⁴ успешно воплощался в жизнь не только в Советской России.

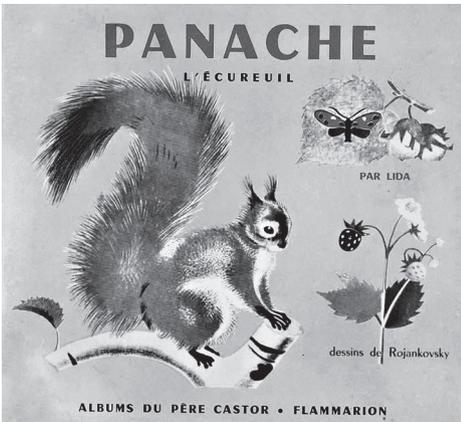
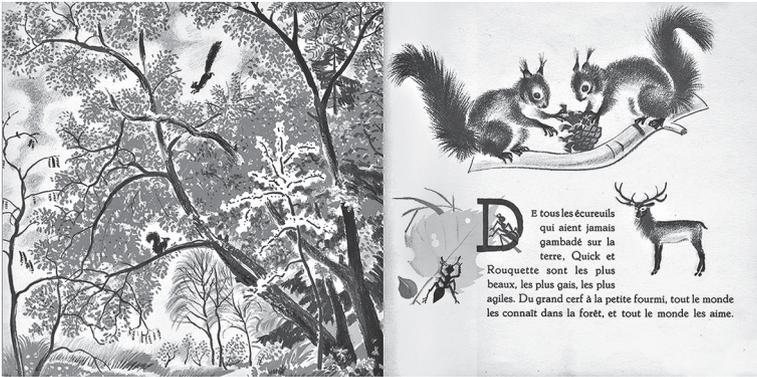
Первой работой Натали Парэн в серии «Альбомы Папаши Бобра» стала книжка «Я делаю маски» (1931). В нем восемь разворотов с рисунками, которые можно вырезать, и объяснение, как сделать готовую маску. К «Волшебному альбому», придуманному Натали Парэн вместе с Еленой Гертик, прилагались специальные очки для создания эффекта объемного изображения, а иллюстрации были выполнены в красных и синих тонах²⁵. Работы Натали Парэн свидетельствуют о том, что она многому научилась у советских художников: это и отказ от перспективы, и работа на плоскости листа локальными цветовыми пятнами, создающими лаконичные образы, и динамичный дизайн разворотов, сочетающий изображение и текст в едином композиционном решении.

Ценно и то, что, несмотря на жесткие рамки серии, у художников оставалась возможность проявлять собственную творческую индивидуальность. Так, Елена Гертик искусно рисовала животных, а Александра Экстер привнесла в книжную иллюстрацию свой талант театрального художника. Она оформила три издания необычного формата: книги-панорамы «Реки», «Горы» и «Морское побережье», которые в развернутом виде похожи на декорации к спектаклю, текст которого напечатан на обратной стороне цветной иллюстрации.

Значительную роль в развитии французской книжки-картинки сыграл и другой русский художник Федор Рожанковский (1891–1970). Он также участвовал в работе над выпусками «Альбомов Папаши Бобра», где подписывал свои работы «Рожан». Немногом раньше, в 1931 г., по заказу американской издательницы Эстер

Три книжки-панорамы Александры Экстер, вышедшие в издательстве Фламмаринон

Иллюстрации Федора Рожанковского к серии «Альбомы Папаши Бобра». Lida Panacheuil-écureuil. Paris: Flammarion, 1934

Эверелл Рожанковский проиллюстрировал книгу «Даниэль Бун. Истинные приключения американского охотника среди индейцев», которая принесла художнику международный успех. «Даниэль Бун» вышел в издательстве «Домино-пресс» одновременно на английском и французском языках не только во Франции, но и в США, где книгу высоко оценили как превосходный рассказ об истории Америки, а также в Великобритании, где она была отмечена корреспондентами британского еженедельника «The Observer» как лучшая детская книга сезона. При этом Рожанковскому ставили в заслугу умение создать яркую увлекательную атмосферу: читатель не столько вчитывается в текст, сколько впитывает настроение, передаваемое иллюстрациями, в которых художник смело сочетает контрастные цвета. «Кто, кроме русского, рискнет соединить зеленый луг, фиолетовые деревья, добавить для усиления эффекта

Иллюстрация Федора Рожанковско­го к книге Lida Scafe le phoque. Paris: Flammarion, 1936

ярко-желтый крон, и все это увенчать скачущей по веткам красной белкой?» — писал немецкий критик [Dupuy 1932, p. 41].

В 1933 г. Федор Рожанковский приступил к работе над серией «Альбомы Папаши Бобра». Умение художника создавать книжный ансамбль, виртуозно соединяя текст и изображение, идеально подходило для задач, которые ставил Поль Фоше. Уже в оформлении книги о приключениях Даниэля Буна проявилась склонность Рожанковско­го к рисованию зверей и деревьев. Это пристрастие нашло отражение почти во всех оформленных им детских книгах. Художник умел создавать естественные образы зверей, которые были лишены сентиментальности. Эта манера, основанная на соединении юмора и анатомической точности, во многом роднит Рожанковско­го с Евгением Чарушиным, на что нередко обращают внимание исследователи²⁶.

«Альбомы Папаши Бобра» на общем довольно безликом фоне массовой книгопродукции для детей поражали новизной графических приемов и цветовых решений, сложностью макета и разнообразием типографики, что было очевидной заслугой русских художников. Эти маленькие книжки о медведях, утках, белочках и других животных стали классикой мировой детской литературы. Уже в 1930-е гг. переводы некоторых выпусков «Альбомов Папаши Бобра» появились в Италии, Великобритании и в США, а во Франции их переиздают до сих пор. Тем не менее, можно отметить, что при всем своем успехе у издателей и читателей «Альбомы Папаши Бобра» не могли соперничать по широте тематического охвата с авторами советских детских книжек. В сравнении с «ударными

Иллюстрации Владимира Лебедева к альбому «Охота», Л.-М.: Радуга, 1925

книгами», предназначенными советским детям, французские книжки-картинки оставались более камерными и в основном ограничивались изображением того, что окружало ребенка в его повседневной жизни — природы, картин повседневной городской и сельской жизни, не затрагивая политических тем.

США

В 1920–1930-е гг. у Страны Советов было немало сторонников за океаном. Попав на американский книжный рынок, советские детские книги выступали не только как «послы культурной дипломатии», но и демонстрировали возможности обновления детской книги. Евгений Штейнер отмечает удивительное сходство — «изоморфизм», как он это называет — в развитии американской и советской детской книги в 1920–1930-е гг. «Как в Советском Союзе, так и в Америке, шли дебаты о роли «производственной» книги, способах социализации ребенка посредством книжного искусства, об идеологическом воздействии разного рода историй и приемлемости изображения оживших машин и механизмов» [Штейнер 2012–2].

Советские детские книги привлекали внимание не только лево-радикальной аудитории, приветствовавшей происходившие в СССР перемены; художественные достоинства этих книг и мастерство

оформления вызывали восхищение издателей и иллюстраторов самых разных взглядов. Как вспоминала Мария Чимино, заведующая детским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки:

Такие художники, как Лебедев, Радлов, Пахомов, Чарушин, Конашевич и Кузнецов иллюстрировали книги об индустриализации в России — во всех ее проявлениях. Пятилетний план, жизнь в городе и на селе, строительство плотины, метро, выпечка хлеба, рыболовный промысел. Самим своим обликом книги передавали ощущение свежести, живого воображения и восторг открытия нового. Эти книги оказали стимулирующее влияние на американских художников, которые постоянно возвращались в библиотеку, чтобы посмотреть их, поскольку те представляли много возможностей для эксперимента в иллюстрации и печати» [Illustrators of Children's Books 1947, p. 142].

Следует отметить, что в 1930-е гг. в США происходит интенсивное обновление жанра книжки-картинки, во многом — за счет усвоения иностранных образцов и привлечения художников-эмигрантов, таких, например, как супруги Мод Петерсхэм (1890–1971) и Мишка Петерсхэм (1888–1960), Ванда Гаг (1893–1946) или Людвиг Бемельман (1898–1962).

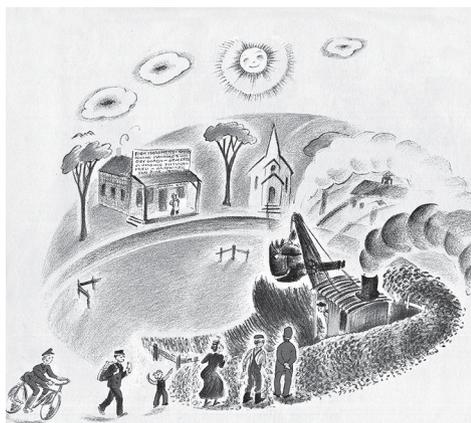
На этой волне Америка открыла для себя и книги Федора Рожанковского, которые появились здесь как в оригинальных изданиях «Домино-пресс»²⁷, так и в перепечатках французских «Альбомов Папаши Бобра», а с началом Второй мировой войны художник и сам перебрался за океан. В сфере книжного дела для детей в США работали и другие русские художники, в том числе — Борис Арцыбашев, Вера Бок и Эсфирь Слободкина. Но, если творческая манера первых восходила, скорее, к формалистическим исканиям русской книги 1910-х гг., то Слободкина стояла намного ближе к художникам советского авангарда. Работа оформителем и иллюстратором детских книг, к которой она приступила в самом конце 1930-х гг., позволяла ей сочетать увлечение абстрактным искусством (долгие годы Слободкина была председателем правления Американского общества художников-абстракционистов) и любовь к рассказыванию историй. Детские книги, проиллюстрированные Слободкиной в технике коллажа с полуабстрактными рисунками²⁸, стали первыми американскими книжками-картинками, оформленными в этом стиле и указали в дальнейшем дорогу таким иллюстраторам? как Эрик Карл и Лео Леонини.

В США так же, как в Европе, инновации в детском книгоиздании происходили под влиянием прогрессивных педагогических

идей. Американских педагогов и социальных реформаторов, в том числе таких, как Люси Спрэг-Митчелл (1878–1967), ученицу знаменитого философа и педагога Джона Дьюи, интересовали происходившие в СССР перемены в образовании; они специально посещали СССР, чтобы познакомиться с этим опытом. Спрэг-Митчелл рассматривала книги как важнейший воспитательный ресурс. На основе многолетних наблюдений за детьми она разработала собственную философию образования — «здесь и сейчас»²⁹ — которая провозглашала, что детям больше не интересны волшебные сказки о феях и гномах, их интересует современность в ее индустриальном воплощении: машины, механизмы, стройки и фабрики. Подобные взгляды были весьма сходны с идеями советских педологов. Митчелл сама была автором детских книг о небоскребах, паровозах, пилах и рубанках, в 1920-е гг. их переводили и издавали в СССР, что говорит о взаимном обмене опытом.

В советских детских книгах американские педагоги и издатели увидели уникальный образовательный ресурс, в котором привлекательность художественной формы виртуозно сочеталась с богатством содержания и эффективностью воздействия. «Дети и детство — вот главное, что привлекало американцев в 1920–1930-х гг. в Русской революции: интерес к советской социальной инженерии в вопросах детского воспитания был равен интересу к индустриальному прогрессу», — отмечает специалист по американской детской литературе Джулия Микенберг [Mickenberg 2010, p. 107].

В США в этот период особый интерес вызывали познавательные советские книги — «Плотина Днепрогэса и огромный колхоз, издание газеты и работа магнитного компаса — все это интересовало американцев, восхищавшихся промышленными продуктами и технологиями машинного века», — пишет американская исследовательница Барбара Бейдер и добавляет: «Любой разговор об информационном детстве следует начинать с русских, именно они, поставив перед собой задачу дать образование всей нации, обратились к книжке-картинке в невиданных доселе масштабах» [Bader 1976, p. 88]. Увлечение американцев техническим прогрессом и всяческой машинерией, вера в то, что именно машина — то волшебное средство, которое способно обновить общество, освободить человека от тяжелого труда, разрешить экономические трудности и создать индустриальный рай «здесь и сейчас», способствовало развитию производственной детской книги, обращенной к новому поколению.

Книжка-картинка американской художницы Вирджинии Ли Бертон «Майк Миллиган и его паровой экскаватор». Burton V. L. Mike Mulligan and his Steam Shovel. Boston: Mifflin, 1939

Однако американская производственная книга, за исключением некоторых образцов — например, книг Вирджинии Ли Бертон или супругов Мишки и Мод Петерсхэмов — оставалась весьма консервативной по форме: «американские издатели придерживались традиционного дизайна» [Bader 1976, р. 89] и сохраняли приверженность реалистическому изображению действительности, избегая слишком дерзких формалистических экспериментов.

В 1930-е гг. в США появляется несколько переводов советских детских книг, но это были лишь случайные единичные публикации, не оказавшие особого влияния на издательскую практику.

Тем не менее, советский опыт интенсивно впитывался и перерабатывался американскими художниками и издателями, именно

он лег в основу не только обновленного жанра информационной детской книги, но и повлиял на разработку массовых серий дешевых детских книг. «Советское влияние на американскую детскую литературу в 1930–1940-х гг. в вопросах эстетики, идеологии и практики неоспоримо; даже появление массовых серий, таких как «Маленькие золотые книжечки» (“Little Golden Books”), было результатом усвоения советского опыта» [Mickenberg 2010, p. 113].

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Английский исследователь Джо Пирсон отмечает, что «чаще всего новости о русских экспериментах достигали Великобритании кружным путем: из Москвы и Ленинграда через Берлин и Париж, а потом Америку и Нью-Йорк» [Pearson 2010, p. 19]. Возможно, с этим отчасти связано то, что в Великобритании результаты советского влияния проявились позднее, чем в Дании или во Франции. Однако интерес к переменам, происходившим в Советской России, был велик и здесь и совпал с развитием радикальной детской литературы левого направления. Потребность в актуальных детских книгах в Великобритании определялась целым рядом причин: демократические перемены в обществе и рост леворадикальных настроений, как и развитие народного образования, требовали новых доступных по цене книг — не только развлекательных, но и познавательных, годных для самообразования, которые давали ребенку представление о современной картине мира, включая развитие науки и техники, побуждая маленького читателя задавать новые вопросы. Английская исследовательница Кимберли Рейнольдс отмечает, что «между 1910 и 1949 гг. британские издатели, писатели и иллюстраторы рассматривали детскую книгу как средство превращения Великобритании в прогрессивное, равноправное современное общество. Одни из них были выходцами из привилегированных слоев, другие — из беднейших районов самых бедных городов страны; некоторые принадлежали столичной богеме, другие были самоучками из рабочих, но все хотели писать для детей, чтобы воспитать из них активных граждан, мечтателей и лидеров поколения будущего» [Reynolds 2016, p. 1].

То, что именно в этой среде возник интерес к советским детским книгам, — не удивительно. «Высокий художественный уровень и изобретательность этих книжек-картинок прославляли не только в детской и классных комнатах, в Британии их воспринимали как доказательство успехов Советской системы и свидетельство того,

что она инвестирует в молодежь» [Reynolds 2016, p. 75]. Нельзя не учитывать и еще один фактор, вызывавший интерес именно к детским книгам из Советского Союза — их эффективность в пропаганде новых идей.

Решающую роль в усвоении опыта советского эксперимента сыграли в Великобритании не писатели и не педагоги, а молодые художники — те, кто, развивая традиции движения «Искусства и ремесел», стремился сделать искусство достоянием широких масс, а также пытался привнести в него актуальную социальную проблематику.

В 1933 г. в Англии была создана «Международная ассоциация художников», МАХ (Artists International Association, AIA) — свободный творческий союз, члены которого (а среди них были не только художники и дизайнеры, но и учителя рисования, студенты и просто художники-любители) занимали активную политическую позицию, отстаивали пацифистские взгляды и поддерживали Советский Союз. Многие ездили в СССР для «обмена опытом», некоторые были членами коммунистической партии. Элитарному искусству, предназначенному для богатых, они противопоставляли искусство демократическое, выбирая общедоступную тематику: сельская жизнь, быт городских окраин, индустриальные пейзажи. Молодые, прогрессивно настроенные художники создавали плакаты просветительского содержания для распространения их в публичных местах: школах, станциях метро и пр. Стремление сделать свои работы общедоступными привело их к увлечению наиболее дешевыми способами тиражирования графических работ, в том числе такими, как автолитография, которая, что не менее важно, позволяла извлекать «максимум выразительных возможностей, добиваться яркости и чистоты цвета, четкости отрисовки» [Фомин 2016, с. 740]; этот метод, уже освоенный советскими иллюстраторами, в дальнейшем был использован и в английском книгоиздании.

Главным реформатором английской детской книги выступил в 1930-е гг. известный дизайнер Ноэль Каррингтон (1895–1989). Когда он стал предпринимать попытки обновления книжного дизайна, а потом и тематики издаваемых книг, сотрудничать с ним согласились многие молодые художники-члены МАХ, в том числе Перл Байндер (1904–1990) и Пегги Ангус (1904–1993). Они не раз бывали в СССР и привозили Каррингтону советские детские книги, которые он впервые увидел на выставке в Париже. Каррингтон вспоминал

впоследствии, какое впечатление произвели на него эти заграничные образцы:

В тридцатые, когда о книжных сериях еще можно было только мечтать, меня вдохновлял пример серий образовательных книжек для детей. Я встречал иностранные книги, которые, как мне казалось, были очень похожи на то, к чему я стремился. Во Франции появились «Альбомы Папаши Бобра». Это были маленькие книжки с короткими историями, проиллюстрированными цветными автолитографиями, которые были выполнены самими художниками и казались поэтому особенно привлекательными — они были похожи на рисунки детей, нарисованные мелом. А еще были книги, изданные в России, познавательные рассказы для детей, и тоже красочно проиллюстрированные литографским способом. Их по моей просьбе покупала Перл Байндер, которая была преданной сторонницей Советов [Цит. по Pearson 2010, p. 197].

Каррингтон хотел издавать высокохудожественные недорогие книги для массового читателя, и советский опыт показывал ему, как можно сделать книгу общедоступной, не жертвуя при этом ее художественными качествами. Подробному анализу этого опыта была посвящена опубликованная в 1934 г. в журнале “Design for To-Day” (редактором которого был Каррингтон) статья Перл Байндер «Детские книги в России». Она стала одной из первых аналитических публикаций, посвященных советским детским книгам, вышедших на Западе, поэтому имеет смысл остановиться на ней подробнее.

«Часто говорят, что главная тематика книг, созданных для просвещения и развлечения детей в современной России, — это советская пропаганда, — писала Байндер. — Но это неверно. Их тематика гораздо разнообразнее: мир животных, описание сельской жизни, рассказы о том, как отправить телеграмму (и тем самым объяснить, как работает международная почта), веселые стихи, физические эксперименты и музыка. В простой и живой манере детям рассказывают о жизни человека на земле, и этот рассказ всегда сопровождается красивыми иллюстрациями, выполненными первоклассными художниками». Автор статьи делает вывод, что «главная задача советской детской книги — познакомить ребенка с чудесами реальной жизни». Художница дает очень точное определение этой новой познавательной книге: «наука, поданная интересно» [Binder 1934, p. 23].

Сравнивая советскую и современную английскую детскую литературу, Байндер, с одной стороны, указывает на сентименталь-

ность как главный недостаток последней, а с другой — обращает внимание на то, что и в ней намечается отход от «сказочности» с целью приблизиться к реальности и объяснить детям явления повседневной жизни. Она хвалит удачно найденную советскими авторами манеру обращения к юному читателю: «Отказ от чрезмерной усложненности позволяет русским прекрасно писать для детей. Они словно инстинктивно угадывают, что нужно детскому разуму. Эти книги <...> написаны простым языком. <...> Художники и авторы заняты тем, чтобы представить повседневную реальность, естественную историю и социальные науки. Их рассказы совсем не скучные» [Binder 1934, p. 23].

Будучи художником, Байндер в первую очередь обращает внимание на оформление и иллюстрации советских книжек, на их высокое полиграфическое мастерство. Она отмечает заслуги Владимира Лебедева — лидера советских художников детской книги:

Работы Лебедева хорошо известны во Франции, но у нас в стране пока о них знают немногие. Он в основном рисует животных и цирк. Цвет и движение — вот что интересует его больше всего, в своих работах он использует различные техники: цветные чернила, гуашь, акварель и пастель, при этом художник всегда учитывает технологические особенности воспроизведения, поэтому его рисунки почти ничего не теряют при печати [Binder 1934, p. 23].

Байндер восхищается не только виртуозность художественных приемов, используемых талантливыми иллюстраторами, но и то, что производство книги основано на постоянном творческом сотрудничестве мастеров разных профессий.

Особый интерес вызывает макет. Для рисунков оставлено много места, так что даже иногда приходится жертвовать условными полями. Иллюстрации подогнаны к тексту, с которым они связаны, и часто рисунки использованы не только для того, чтобы дополнить текст — они могут и заменять его. Так текст и изображение взаимодействуют друг с другом. Композиция меняется от разворота к развороту. Нет строгих правил. Главное — отвечать интересам маленького читателя, так что допустимы различные комбинации текста и иллюстраций, при условии, что они соответствуют требованиям хорошего вкуса и здравого смысла. Автор, художник, печатник и вальцовщик работают в тесном сотрудничестве [Binder 1934, p. 26].

Как на еще одно важное достоинство советских детских книг Байндер указывает на их дешевизну: «Бумажные обложки, огромные тиражи, быстрый оборот, отсутствие накруток от торговых

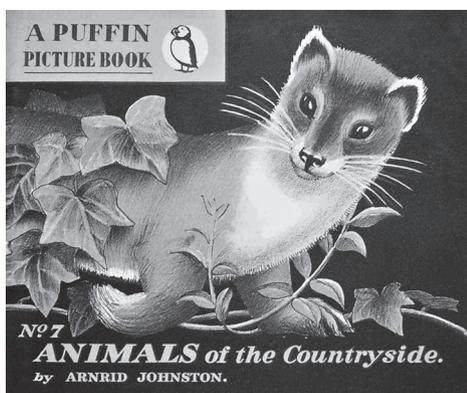
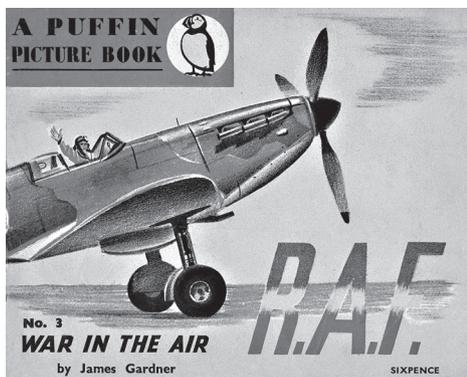
агентов — все это позволяет продавать книги по невероятно низким ценам. Хотя по качеству бумаги и технике печати мы обгоняем русских, все же содержание их книг, несмотря на технологическое отставание, решительно лучше нашего» [Binder 1934, p. 26].

Очевидные успехи советского книгоиздания, столь привлекательно преподнесенные в статье, не могли не вызвать интереса у британских издателей, находившихся в поиске способов обновления отрасли, переживавшей не лучшие времена. В начале 1930-х гг. Ноэль Каррингтон предпринимает первые попытки издавать цветные детские книги. Он сотрудничает с различными издательствами, в том числе с «Кантри Лайф». Однако эти издания получались еще слишком дорогими.

К середине 1930-х гг. Каррингтон разработал идею серии дешевых детских книжек в тонкой обложке на скрепке. Он предложил ее издательству «Пингвин», которое уже выпускало карманные издания в мягких обложках для взрослых. Издательство заинтересовалось проектом, однако возможность воплотить идею на практике появилась лишь в самом конце 1930-х гг., так родилась знаменитая ныне серия «Паффин».

Ноэль Каррингтон привлек в «Паффин» молодых талантливых художников, которые воспринимали эти заказы как возможность творческого эксперимента. Они учились технике автолитографии, которая впервые была использована советскими иллюстраторами школы Лебедева в 1920-е гг. и была перенята художниками альбомов «Папаши Бобра». Эта техника позволяла создавать более близкие к авторскому замыслу репродукции. В то же время английские художники-иллюстраторы не стремились к формалистическим модернистским экспериментам, предпочитая оставаться в русле реалистического искусства. Книжный макет новых книжек-картинок «Паффин» выглядел более традиционным и сдержанным в плане художественного решения.

Каррингтон экспериментировал не только со стилем оформления и художественной техникой, но и с тематикой своих книг. Его серию также можно отнести к жанру «здесь и сейчас». Книги «Паффин» рассказывали детям о мире вокруг: о деревьях и цветах родного края; горах и долинах далеких колоний, где разводят чай и выращивают экзотические растения; о высотных зданиях больших городов и коттеджах маленьких поселков. Были в серии и «индустриальные» книги: о поездах и кораблях, производстве угля и строительстве.

Первые книжки-картинки из серии «Паффин», выпущенные в годы войны

Выпуск первых книжек-картинок «Паффин» совпал с началом Второй мировой войны, и это внесло коррективы в первоначальные планы издателей: необходимо было не только учитывать возникший интерес к военной тематике, но и вызванный военным временем дефицит бумаги, а также перемены в жизни самих детей, которые в массовом порядке были эвакуированы из крупных городов и не только оказывались оторваны от семьи и дома, но и попадали в совершенно незнакомую им сельскую среду. Помочь справиться с вызовами войны должна была дешевая и доступная познавательная детская книжка. И здесь «Паффин» проявил свою жизнестойкость — тонкие дешевые книжки небольшого формата стали популярны именно в годы военного лихолетья: родители могли легко посылать их детям по почте, а маленькие читатели радовались ярким цветным книгам, вселявшим в них веру в победу и раскрывавшим красоту окружающего мира. Не забыта была и патриотическая

составляющая — в выпусках «Паффин» исподволь внушалась мысль о том, что прекрасный родной край нуждается в защите. Серия «Паффин» оказалась долгожительницей: книжки-картинки продолжают выходить и в наши дни и, став классикой, они не кажутся устаревшими, но служат образцами подлинно «высокой печати».

Подытоживая, стоит указать на то, что интерес к советской детской книге возник на стыке новаторских педагогических идей и модернистских художественных исканий. Интерес к оформлению, конструкции и полиграфии советских детских книг был шире, чем интерес к собственно детской литературе, которая из-за ограниченности переводов оставалась почти не известна на Западе — зарубежная публика больше рассматривала советские книжки, чем читала их. Именно советская книжка-картинка, созданная в 1920-е гг., стала всемирно знаменитой в 1930-е гг. В период сложных творческих исканий, которыми отмечена в истории детской книги эта эпоха, устремленная в утопическое коммунистическое будущее, советская книжка-картинка демонстрировала реальные пути обновления как в части содержания, так и художественной формы. «Воздействие русских детских книг было огромно. Они были современны не только по тематике и содержанию, предлагая новые идеи, но и стали первопроходцами в использовании типографики и дизайна» [Pearson 2010, p. 33]. Результатом советского влияния стало рождение массовой демократической высокохудожественной детской книги в разных странах.

Примечания

¹ Автору пришлось сознательно исключить из обзора Германию, ограничившись лишь упоминанием проходивших там выставок. Вопрос о культурных взаимосвязях Германии и Советской России в области детской книги в межвоенный период пока еще очень мало изучен, как и новаторские тенденции в немецкой детской книге того времени в целом. Так, немецкая исследовательница Беттина Кюммерлинг-Майбауер считает, что «немецкая детская литература авангарда до сих пор остается белым пятном» [Kümmerling-Meibauer 2016, p. 119–140]. Следует учитывать, что ситуацию определял сложный клубок не только художественных, но и в большой степени политических противоречий, в том числе и усиление на протяжении 1920-х гг. в Германии политической реакции, завершившееся приходом к власти национал-социалистов. По причинам малоизученности и недостаточности фактографического материала, доступного автору, в статью не включены сведения о ситуации в Голландии, Бельгии и ряде других стран — исследования в этой области еще только начинаются.

² О детской литературе 1920–1930-х гг. см. также: *Crouch Marcus* The Nesbit Tradition: The Children's Novel 1945–1970. Lnd.: Ernest Benn Ltd., 1972. P.17.; *Peter Hunt* Retreatism and Advance (1914-1945) // *Children's Literature: An Illustrated History*. Oxford-N. Y.: Oxford University Press, 1995. P. 192–224; *Trease Geoffrey* Tales out

of School. Lnd.: Heinemann Educational Books, 1964. В то же время следует отметить, что именно в эти годы творили такие классики детской литературы, как А. А. Милн, Памела Трэверс, Жан Брюнофф, Хью Лофтинг, Эрих Кестнер и многие другие талантливые авторы, так что назвать этот период «застойным» никак нельзя, скорее, речь идет о том, что детская литература часто не поспевала за стремительно меняющейся современностью.

³ Это направление, возможно, в силу своей откровенной политизированности, долгое время не привлекало внимания литературоведов и историков искусства и не получило еще достаточного научного осмысления. Однако в последние годы начинают появляться исследования, представляющие «радикальную литературу» как важное звено в истории детской литературы. См. например: *Reynolds Kimberley Left out: The forgotten Tradition of Radical Publishing for Children in Britain 1910–1949*, 2016; *Mickenberg Julia The New Generation and the New Russia: Modern Childhood as Collective Fantasy // American Quarterly*. 2010. Vol. 62. p. 103–134.

⁴ *Ognyov Nikolay The Diary of a Communist Undergraduate*. Transl. Alexander Werth. London: Victor Gollancz, 1929. С. 9.

⁵ Полный список зарубежных книжных выставок, где были представлены советские детские книги, составить непросто. В монографии Ю. Молока «Владимир Михайлович Конашевич» (1969) в указателе выставок, в которых участвовал художник (с. 326–327), упоминается множество международных книжных проектов. Молок приводит как русские названия выставок, так и, в случае, если ему были известны зарубежные каталоги — оригинальные, на иностранных языках. Взяв за основу этот список и дополнив его, получаем следующее:

- Русское искусство оформления книги. Берлин, 1923;
- The Russian Art Exhibition, N.Y., 1924 — L.A., 1925;
- Выставка советской книги. Прага, 1924;
- Exposition Internationale des Arts Decoratifs et Industriels Modernes. Paris, 1925;
- Выставка искусства новой России. Токио-Осака-Нагоя, 1927;
- Internationale Buchkunst-Ausstellung. Лейпциг, 1927;
- Terza Mostra Internazionale delle Arti Decorative. Монца-Милан, 1927;
- Выставка русской детской книги. Берлин-Лейпциг, 1927;
- XVI-a Esposizione Internazionale d'Arte della citta di Venezia. Венеция, 1928;
- Russische Ausstellung. (Buchgewerbe, Graphik, Theatre, Photographie). Цюрих-Винтертур, 1929;
- Grafiek en Boekkunst uit de Sovjet-Unie. Амстердам-Роттердам, 1929;
- Exposition "Le Livre d'Enfant en U. S. S. R". Париж, 1929;
- Utställning av Sovjetkonst. Стокгольм-Осло, 1930;
- Exhibition of Soviet Art. Лондон-Оксфорд, 1930;
- Выставка советского искусства. Берлин, 1930;
- Передвижная выставка советской детской книги. Ревель-Рига-Берлин-Гамбург-Прага-Вена, 1930–1931;
- Salon International du Livre d'art. Париж, 1931;
- Osteuropäische Kunstausstellung. Кенигсберг, 1932;
- Выставка советской детской книги в Копенгагене, 1932.
- Выставка советской графики, книги, плаката, фото. Мадрид-Марсель, 1933;
- Выставка советской графики. Марсель, 1933;
- International Children's Book Exhibition. Прага, 1934;
- Utstilling av barneboker, tidsskrifter og plakater fra Sovietunionen. Осло, 1936;
- Exhibition of books printed in the U. S. S. R in the period 1930–1936. Лондон, 1936;
- Exposition Internationales Arts et des Techniques. Париж, 1937;

Exhibition of Soviet Graphic Art. Лондон, 1938.

⁶Международный успех не только не поддержал репутацию «Радуги» в Советской России, но вызвал обратную реакцию, подстегнув кампанию гонений, которая, в конечном итоге, привела к закрытию издательства. В исследовании Д. Фомина указывается, что после парижской ярмарки «из разных стран поступали многочисленные заказы на «книжки-картинки» «Радуги», предложения об их переизданиях на европейских языках. Такого Госиздат потерпеть, конечно, не мог и постоянно устраивал Клячко обструкции <...> в 1927 г. начали яростное наступление на издания Л. М. Клячко. Им приклеивали ярлыки «аполитичных, далеких от насущных вопросов современности», приписывали «злостный антисоветский характер»!» [Фомин 2015, с. 612–613].

⁷Deutsche Allgemeine Zeitung. 1927. Oktober 28.

⁸Deutsche Tageszeitung. 1927. Oktober 28.

⁹В конце 1920-х гг. в издательстве Verlag Der Jugendinternationale вышли: Ognjew N. Kostja Rjabzew auf der Universität. 1929. Ognjew, N. Das Tagebuch des Schülers Kostja Rjabzew. Aufzeichnungen eines Fünfzehnjährigen. 1928. Bjelych G., Pantelejew L. Schkid. Die Republik der Strolche. 1929. Pantelejew L. Die Uhr. 1929. Подробная библиография издательства см.: URL: <https://www.booklooker.de/Bücher/Angebote/verlag=Verlag+der+Jugendinternationale+?page=1> (дата обращения: 28.10.2017).

¹⁰Wiener Allgemeine Zeitung. 1931. Februar 3.

¹¹Der Wiener Tag 1931. Februar 1.

¹²Monde 1931. Mars 31.

¹³В настоящее время коллекция перемещена в Библиотеку имени Франсуазы Саган (Париж).

¹⁴По приведенным в статье описаниям можно определить, что восхищение М. Цветаевой вызывают следующие книги: *Полонская Е. Город и деревня* / Рис. Н. Лапшина. М.-Л.: ГИЗ, 1927; *Дилакторская Н. Хлеб* / Рис. М. Штерн. М.-Л.: ГИЗ, 1927; *Шварц Евг. Кто быстрее* / Рис. Е. Эвенбах М. Л. ГИЗ, 1928; *Самохвалов А. Водолазная база* / Рис. Автора. М.-Л.: ГИЗ, 1928; *Полонская Е. Часы* / Рис. Н. Лапшина М.-Л.: ГИЗ, 1929; *Маршак С. Приключения стола и стула* / Рисунки Б. Кустодиева. Л.: Изд. Брокгауз-Ефрон, 1924; *Пастернак Б. Зверинец* / Рис. Н. Куприянова. М.: ГИЗ, 1929.

¹⁵В 1913 г., когда С. Я. Маршак учился в Лондоне, он посетил одну из прогрессивных школ и заинтересовался этим реформаторским направлением в педагогике. Вернувшись в Россию, работал летом 1918 г. в Петрозаводской детской колонии, а в 1920 г. возглавил в Екатеринодаре «Детский городок», представлявший собой комплекс из школы, библиотеки и детских кружков.

¹⁶В статье «О большой литературе для маленьких» Маршак пишет: «...лучшая часть нашей детской литературы, возникшей после революции, рассчитана на ребят, растущих не в теплице, а на вольном воздухе. Эти ребята живут, а не только готовятся жить. Поэтому их нельзя кормить сухой дидактикой. <...> Ребятам нужна художественно-научная, географическая, историческая, биологическая, техническая книжка, дающая не разрозненные сведения, а художественный комплекс фактов. Такая художественно-научная литература для детей у нас уже создается. Ее читают не только у нас, но и за рубежом, переводят и в Америке, и во Франции, и в Японии, и в Индии, и даже в маленькой Исландии. Книжкам Ильина, Паустовского и других выпала на долю почетная задача рассказать нашей и зарубежной молодежи о пятилетке, о социалистическом строительстве. Написанные для детей, эти книги оказались увлекательным чтением и для взрослых. В этом одна из типичных черт нашей литературы для школьников. Ее читают и дети и взрослые» [Маршак 1971, с. 200].

¹⁷ В тоже время необходимо отметить, что детские книги в Советской России подвергались в 1920-е гг. значительной критике именно со стороны советских педагогов, отрицавших, в том числе и дореволюционные новаторские педагогические практики. «Бурные дискуссии 1920-х — начала 1930-х гг. о том, как надо рисовать и писать для детей, со всей очевидностью выявили прежде всего ужасающий консерватизм вкусов тех, кто должны были стать посредниками между ребенком и книгой, проводниками нового поколения в мир изобразительного искусства и словесности. Полнейшую неспособность «шкрабов» понять и оценить открытия графиков. Огромную пропасть между убогими схоластическими теориями и интереснейшей творческой практикой» отмечает Д. Фомин [Фомин 2015, с. 461].

¹⁸ Об этом подробно см. [Mickenberg 2010].

¹⁹ В этой связи особый интерес представляют иллюстрации к английскому изданию 1931 г., выполненные австралийским художником Уильямом Кермодом (William Kermode). Его линогравюры, выполненные в выразительной модернистской манере, прекрасно передают динамику и размах описываемых в книге событий.

²⁰ Нина Кристенсен в качестве примера приводит следующие книги: *Kirk Hans Jørgens Hjul. En moderne Billedbog for Børn / ill. Arne Ungermann and Edvard Heiberg, 1932; Scherfig Hans Hvad lærer vi i Skolen? 1933; Gelsted Otto Kai og Anne i den store By / ill. Karen Lis Jacobsen, 1933; Gregersen Torben Pers første Bog / ill. Karen Lis Jacobsen, 1943.*

²¹ *Beucler André Mon chat. P.: Gallimar, 1930; Бекле Андре (1898–1985) — французский писатель, сценарист, журналист. Родился в Санкт-Петербурге. Известна его книга «Русские пейзажи и города» (Париж, 1928).*

²² Позднее книгу перевели на английский, она была издана в 1935 в Нью-Йорке Гильдией художников и писателей — *Baba Yaga: Popular Russian Tale / retold by Rose Cell. NY: Artists & Writers Gld, 1935.*

²³ Например: *Зонненштраль Е., Кузнецов К. Я — печатник. М.: ОГИЗ, 1932; Коршунов И. Детмашстрой. Самодельные игрушки машины. Ленинград: ОГИЗ-Молодая гвардия, 1931; Лантев А. Строим из картона. М.: ОГИЗ, 1932 и др.*

²⁴ *Лисицкий Эль Сказ про два квадрата. Берлин: Скифы, 1922.*

²⁵ Возможно, за образец были взяты подобные детские книги, издававшиеся в СССР. «В издательской практике начала 1930-х гг. получили широкое распространение жанр «книжки-игрушки», — пишет Д. Фомин, — Издания такого рода строились по-разному, но в любом случае от ребенка требовались некие активные действия, он должен был проявить инициативу, а не просто читать текст и рассматривать иллюстрации. Например, для того, чтобы понять зашифрованный смысл книг Б. Татарнинова и Е. Дорфман «Где кот? Волшебные картинки» (1929) и «Синие загадки — красные разгадки» (1929) следовало вооружиться цветочными фильтрами и поочередно накладывать их на страницы» [Детская иллюстрированная книга в истории России 2009, с. 337].

²⁶ «Стиль книг Рожанковского, выполненных для серии «Альбомы папаши Касстора», несомненно, многим обязан необыкновенным книгам Чарушина», — отмечает Джо Пирсон [Pearson 2010, p. 17]. Подробно о работе Ф. Рожанковского над «Альбомами Папаши Бобра» см.: Allen I., Allen P., Rojankovsky Koly T. Feodor Rojankovsky: The Children's Books and Other Illustration Art. Englewood: Wood Stork Press, 2014.

²⁷ Книги Федора Рожанковского, выпущенные изд-вом «Домино-пресс» в 1930-е гг. на английском языке: *Averill E. H., Stanley L. Daniel Boone: Historic Adventures of an American Hunter among the Indians. Domino Press, 1931. Averill E. H. Hass R. Powder: The Story of a Colt, a Duchess and the Circus, 1933. Averill E. H. Flash: The Story of a Horse, a Coach-Dog and the Gypsies, 1934.*

²⁸ Первая детская книга с иллюстрациями Э. Слободкиной «Маленький пожарник» вышла в 1938 г.: *Brown W. M. The Little Fireman*.

²⁹ В русском переводе изначально переведено как «здесь и теперь», именно так называлась изданная в 1925 г. хрестоматия: *Митчелл Люси Спрэг* Книга рассказов про здесь и теперь [Для детей от 2-х до 7 лет. М.: Госиздат, 1925], включавшая короткие рассказы на бытовые темы, рассчитанные на разный читательский возраст.

Исследования

Глухов А. Маленький шедевр о великой стройке // Альманах библиофила. Вып. 3. М.: Книга, 1976. С.48–53.

Горький М. Предисловие к американскому изданию книги М. Ильина «Горы и люди» // М. Горький о детской литературе. М.: Гос. издат. детской литературы, 1958.

Детская иллюстрированная книга в истории России 1881–1939. Из коллекции Александра Лурье. Т. 1–2. М.: Дизайн-студия САМОЛЕТ, 2009.

Ляпунов Б. М. Ильин. М.: Детгиз, 1955.

Маршак С. О большой литературе для маленьких // Маршак С. Собрание сочинений. Т. 6. М.: Художественная литература, 1971. С. 195–243.

Мексин Я. Из опыта музейно-выставочной работы с детьми (По материалам базы пропаганды детской книги при Музее по народному образованию) // Советский музей. 1932. №2. С. 38–57.

Мексин Я. Иллюстрация в советской детской книге // Книга детям. 1928. №5–6. С. 39–44.

Сеславинский М. Рандеву: русские художники во французском книгоиздании первой половины XX века. М.: Астрель, 2009.

Советская детская книга в Германии // Книга детям. 1928. №1. С. 41–47.

100 книг твоему ребенку. М.-Л.: Госиздат, 1931.

Фомин Д. В. Искусство книги в контексте культуры 1920-х гг. М.: Пашков дом, 2015.

Цветаева М. О новой русской детской книге // Цветаева М. «Сочинения». Т. 2. М.: Художественная литература, 1988. С. 352–356.

Штейнер Е. С. Левизна художественная и политическая в детской книге Европы и Америки 1920–1930-х гг. Часть 1 // Культурологический журнал. 2012. №2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/levizna-hudozhestvennaya-i-politicheskaya-v-detskoj-knige-evropy-i-ameriki-1920-30-h-gg-chast-1> (дата обращения: 08.05.2017).

Штейнер Е. С. Левизна художественная и политическая в детской книге Европы и Америки 1920–1930-х гг. Часть 2 // Культурологический журнал. 2012. №3. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/kulturologicheskiy-zhurnal/ku3-2012/22943-levizna-hudozhestvennaya-i-politicheskaya-v-detskoj-knige-evropy-i-ameriki-192030-gg-chast-2.html> (дата обращения: 08.05.2017)

Штейнер Е. С. Авангард и построение нового: Искусство советской детской книги 1920-х. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Allen I., Allen P., Rojankovsky Koly T. Feodor Rojankovsky: The Children's Books and Other Illustration Art. Englewood: Wood Stork Press, 2014.

Bader B. American Picturebooks from Noah's Ark to the Beats Within. N.-Y.-Lnd.: Macmillan, 1976.

Binder P. Children's Books in Russia // Design for To-Day. January. 1934. P. 23–26.

Christensen N. Rupture. Ideological, aesthetic, and educational transformations in Danish picturebooks around 1933 // Children's Literature and the Avant-Garde. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2016. P. 171–188.

- Dupuy R.-L.* Fedor Rojankovsky // *Gebrauchsgraphik*. 1932. IX. № 12. P. 41.
- Hunt P.* Retreatism and Advance 1914–1945 // *Children's Literature: An Illustrated History*. Oxford-N. Y.: Oxford University Press, 1995. P. 192–224.
- Illustrators of Children's Books 1744–1945. Boston: Horn Book Inc., 1947.
- Inside the Rainbow. Russian Children's Literature 1920–1935: Beautiful Books, Terrible Times. Lnd.: Redstone Press, 2013.
- Lehmann-Haupt H.* Books about Bookmaking // *Publishers' Weekly*, CXXII (August 6). 1932. P. 432.
- Livres d'Enfants Russes et Sovietiques (1917–1945). Dans les Collections de L'Heure Joyeuse et dans les Bibliothèques Françaises Catalogue en Forme de Dictionnaire des Illustateurs. Paris: Agence culturelle de Paris, 1997.
- Livres Illustres Russes et Sovietiques pour Enfants 1917–1945. Paris: Paris bibliothèques, 1999.
- Mickenberg J.* The New Generation and the New Russia: Modern Childhood as Collective Fantasy // *American Quarterly*, Vol. 62. № 1. March. 2010. P. 103–134.
- Pearson J.* Drawn Direct to the Plate: Noel Carrington and the Puffin Picture Books. Lnd.: Penguin Collectors Society, 2010.
- Reynolds K.* Left Out: The Forgotten Tradition of Radical Publishing for Children in Britain 1910–1949. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Trease G.* A Whiff of Burnt Boats. Lnd.: Macmillan, 1971.
- Townsend John Rowe Written for Children. An Outline of English-language Children's Literature. Harmondsworth: Penguin, 1965.

Дорота Михулка

NADWIŚLAŃSKI SOCREALIZM¹. ЛЕНИН И РЕВОЛЮЦИЯ В УЧЕБНИКАХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

В статье представлены образы Ленина и революции во включенных в школьные учебники рассказах для детей в контексте польского социалистического реализма. Литературные тексты в школьных учебниках, особенно те, что создают образцы для подражания, помогли властям в борьбе за умы и души молодого поколения, став наиболее эффективным инструментом идеологического убеждения и формирования «нового человека» в духе новой системы. В тенденциозных текстах о Ленине, чтобы очертить идеал совершенного человека, выбрали стратегию стереотипизации. Авторы рассказов ориентировались на конвенции черно-белых противопоставлений, «художественную социологию», понятную тематику, мимезис, банальные мотивы и приемы, но наиболее эффективным средством манипуляции являлся помпезный, успокоительный и убеждающий язык, воздействующий на эмоции юного читателя, формирующий, таким образом, позитивное отношение ребенка к социалистической идеологии.

Ключевые слова: польский социалистический реализм, революция, история, Ленин, социология искусства, мимезис, цензура, стереотип, идеология.

На протяжении всего периода существования социалистического реализма Ленин присутствовал в искусстве не только как поклонник литературы и ее теоретик (например, социалистического реализма), но и как персонаж в произведениях, посвященных «гению революции» и созданных в ознаменование его последовательно отмечаемых юбилеев: 25-летия со дня смерти (1949), 30-летия со дня смерти (1954) и 85-летия со дня рождения (1955). Собрание цитат из произведений Ленина играло важную роль в обсуждении социалистического реализма; в качестве литературного персонажа он стал одним из элементов художественного мира, созданного в рамках этого «метода» [Łapiński, Tomasik, 2004, p. 118]. Ленин-персонаж был особенно важен в школьном образовании, в частности, в педагогике начальной школы².

«Отличительной чертой сталинской педагогики, как и других аспектов жизни, была ее политизация. “Никто ни при каких обстоя-

тельстввах не должен отделять педагогику от политики», необходимо было подключать социалистическую мораль, которая становилась классовой моралью», — писал Александр Левин, польский исследователь теории советского педагога Антона Макаренко [Lewin 1955, p. 10; Brodala, Lisiecka, Rudzikowski 2001, p. 25–29]³. Кроме того, одной из «особенностей сталинской системы образования было единство мира детей и мира взрослых»⁴, их исправление таким же образом, как взрослых, в соответствии с моральными представлениями, которые дети усваивали в школе и дома. В образовании детей школа играла важнейшую роль, не в последнюю очередь, потому, что, являлась государственным учреждением, восприимчивым к государственному контролю. В 1950-х гг. пропаганда, идеологическая литература, вошедшая в школьные учебники, чаще всего использовала рассказы для детей⁵. Также в эпоху соцреализма одной из самых популярных педагогических и образовательных стратегий на уроках в польской начальной школе было формирование позитивных моделей для подражания. Общеобразовательный идеал, разработанный в то время, включал в себя изображение безупречного героя, биография которого показана с ранних лет, чтобы можно было увидеть, как закладывались основы его будущего величия⁶.

Самыми желанными были персонажи из внелитературной реальности: их подлинность имела преимущество правдивости (в популярном понимании) более жизнеподобной, чем художественная литература. Одним из формальных признаков этой правдивости стало слово «рассказ» в названии или подзаголовке литературного произведения [Skotnicka 2008, p. 72].

Феномен литературной биографии и генеалогии в контексте термина «рассказ» убедительно рассматривается Марией Ясиньской: «В отличие от существительного “роман” слово “рассказ” используется в повседневной речи, когда говорят о реальной жизни, так что он включает в себя связь с действием повествования и его субъектом» [Jasińska 1970, p. 35].

Как отмечает Гертуда Скотница, именно этот факт имеет большое значение в случае детской литературы. «Рассказ» соотносится с повседневным нарративом — повествованием о различных событиях, знакомых нам с раннего детства; мы предполагаем, что тема рассказа не будет сложной, а повествование не будет таким длинным, как в случае романа, что важно в случае выбора текста для детского чтения. Скотница отмечает, что «подобным образом была создана “новая агиография” из мифологизированных образов

революционеров» (курсив автора), организаторов социальных восстаний и политических активистов. Помимо Ленина, в ее состав вошли Сталин, Берут⁷ и Дзержинский [Skotnicka 2008, p. 72–73]. Агиографические элементы в литературных и учебных биографиях вождя представляют собой назидательные примеры (в частности, напоминают поэтику средневековых проповедей), а также фрагменты панегирических, апологетических повествований и исторических анекдотов служат для ознакомления с деятельностью и посмертным культом того или иного человека (*vita poshuma*).

Многие отрывки из литературных произведений, опубликованных в школьных учебниках того периода, посвященных жизни Ленина, служили нравоучительным, образовательным и пропагандистским целям [Dobek-Ostrowska, Frasz, Osiecka 1997, p. 18]. Согласно теории и практике пропаганды, важную роль в стратегии создания образцовой модели (в том числе образа Ленина) играет формирование специфического отношения к ней и ее значимость в социальной (здесь, социалистической) системе. В детской литературе ключевую роль в пропаганде формирования образовательного идеала сыграл образ революции как эпохального события в истории советского народа, переступившего порог в прекрасный мир и «светлое настоящее», и, конечно же, память об этом событии.

Тем самым, наша статья посвящена обсуждению «основных типов трансформации памяти, таких, как ложь, сокрытие фактов, различные варианты реинтерпретации событий или исторических достижений отдельных лиц» [Malczewska-Pawelec, Pawelec 2011, p. 31], и способов искажения коллективной памяти, используемых в школьном образовании, как то: 1) значимые пропуски; 2) фальсификация; 3) преувеличение и приукрашивание; 4) связывание/разделение, то есть манипуляции отношениями; 5) обвинение врагов; 6) определяющая роль обстоятельств; 7) конструирование контекста [Malczewska-Pawelec, Pawelec 2011, p. 31; Szacka 2003, p. 12]⁸. Также здесь стоит упомянуть, что «в это время дети составляли сегмент общества, чьими представлениями о прошлом манипулировать легче всего, поскольку дети менее всего ограничены уже существующими “социальными рамками памяти”. Сфера социального опыта ребенка ограничена масштабом размышлений о событиях прошлого» [Malczewska-Pawelec, Pawelec 2011, p. 31], но также текущей историей и ее героями.

Отличительной особенностью рассказов в школьных учебниках периода социалистического реализма (в основном в 1950-х гг.)

был выбор образцов для подражания. В этой области преобладали стереотипы, идеализация и идеологизация образа героя, использовалось схематическое изображение его поступков, всегда этически безупречных с точки зрения принципов идеологии социалистического реализма, демонстрирующих трудолюбие, упорство, усердие, сознательность, надежность, товарищество и сотрудничество в интересах правого дела, борьбу за свободу, равенство, братство и справедливость [Lippmann 1960]⁹. Выдержки из литературных и квазилитературных произведений Анны Ульяновой-Елизаровой, Александра Кононова, Алексея Толстого, Владимира Маяковского и т. д. были выбраны для изучения в польской школе в соответствии с предпочтениями авторов школьного учебника, а также педагогическими и идеологическими тенденциями того времени. Отбор текстов также определялся наличием польских переводов русских произведений и, конечно же, размером их тиража в Польше. Более того, назидательная функция этих текстов, то есть наставление и призыв читателей следовать определенной ролевой модели (в нашем случае, образцовому характеру Ленина), нормам социального поведения и ценностным ориентациям связана с принципом школьной педагогики того периода — способствовать распространению социально-образовательного идеала, связанного с государственной идеологией.

Здесь следует также подчеркнуть, что изображение жизни великого вождя — Ленина — носило эпизодический или фрагментарный характер, освещались только те эпизоды из его жизни, которые могли быть особенно значимы для патриотического и гражданского воспитания молодого поколения.

Важным этапом в жизни героя было детство, которое подготовило его к взрослой деятельности, посвященной Родине, борьбе за свободу, равенство, справедливость и т. п. [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 213, 237, 241]¹⁰. Образцовое и безупречное детство Володи Ульянова описано, в частности, во фрагменте текста «Детство и школьные годы Ильича» его сестры — Анны Ульяновой-Елизаровой. Автор изображает молодого Владимира как идеального школьника, а также человека чуткого и самостоятельного в общении со старшим братом Сашей, серьезным и усердным учеником, и младшей сестрой Ольгой, трудолюбивой пианисткой. Спокойный и собранный Саша становится образцом для подражания у быстро вспыхивающего импульсивного Володи, который «борется с собой». Живой, подвижный и, казалось бы, опрометчивый Володя подражает своему брату во всем и, упорно работая над собой, постепенно

развивает положительные черты характера. Володя также формирует в себе трудолюбие, наблюдая за тем, как его сестра учится играть на фортепиано. Процесс личностного роста человека, который в будущем станет великим, наблюдают гордые родители [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 237–241].

Таким образом, автор биографии Ленина, создавая для юных читателей рассказ о великом вожде революции, рисует идеальный образ подростка, показывая его преимущественно в повседневном мире семьи и школы:

Вернувшись домой из школы, Володя, как правило, шел к отцу и рассказывал, что было на уроках и как он отвечал <...>; отец работал <...>, а он, идя по проходной комнате мимо кабинета отца, докладывал скороговоркой «из греческого пять, из немецкого пять» <...>, предметы, конечно, менялись, иногда звучало «из латыни и из алгебры». Но обычно повторялось одно и то же, в классе он неизменно был лучшим учеником. Иногда отец говорил матери, что обеспокоен тем, что Володе все слишком легко дается, поэтому у него может не выработаться работоспособность. Как известно, эти опасения оказались необоснованными — Володе удалось ее развить. В то же время он любил смеяться и шутить. Была ли то игра с друзьями или с младшими сестрой и братом — Олей и Митей — он везде был лидером. Каждый день можно было слышать Володино пение, и у него был бесконечный запас шуток. Поскольку комната Володи была рядом с комнатой Саши, Володя всегда был рядом со старшим братом. Он перенял от него серьезное отношение к учебе, помогал с естественно-научными опытами, интересовался книгами, прочитанными Сашей, и обращался к брату за советом. <... > Поскольку Саша отличался исключительной серьезностью, вдумчивостью и добросовестностью, это подражание было очень полезно Володе. Брат служил для него постоянным образцом концентрации на своем деле, аккуратности, внимательного отношения к своим обязанностям и большого трудолюбия. <...> Даже когда Володя еще был ребенком, в нем было заметно критическое отношение к окружающим. Этот живой шаловливый мальчик, который часто замечал забавные особенности и поступки других и любил смеяться и шутить, на самом деле глубоко воспринимал многие важные вещи [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 237–238].

Биография В. И. Ленина и ее чтение вслух были главным событием празднования годовщин Октябрьской революции в советских школах (текст под названием «Подготовка к празднику в советской школе»). Торжества предполагали тенденциозную реконструкцию событий 1917 г.: огромный зал, наполненный людьми, украшают красные флаги и лозунг «Да здравствует годовщина Октябрьской

революции!»; фрагменты биографии вождя зачитывает пионерка Валя: «Как он прятался в шалаше, как он работал. Обо всем» [Derwiszówna, Parnowski 1952, p. 50].

В школе читали также отрывок из еще одного назидательного произведения о Ленине — рассказа А. Кононова «Субботник» [Dembowska, Рудницка, Wojeński 1950, p. 227–229]. В этом рассказе Ленин — участник «субботника», на который он пришел по собственной инициативе. Он работает быстро и продуктивно, беседует с рабочими во время короткого отдыха — подает хороший пример для тех «новых миллионов советских граждан», которые выйдут на работу на следующий «субботник» [Dembowska, Рудницка, Wojeński 1950, p. 212]. Этот агитпроповский рассказ служил важной цели: создать образ идеального героя социалистического труда:

Теперь с Владимиром Ильичем работали три курсанта и двое рабочих. Один рабочий глядел, глядел на Ленина и, наконец, сказал:

— Владимир Ильич! Мы без вас тут управимся, у вас есть дела поважней.

Владимир Ильич ответил:

— Сейчас это дело самое важное.

И от яркого солнца, от того, что рядом работает товарищ Ленин, все чувствовали: сегодняшняя трудная работа — это радостный праздник.

Каждый хотел отличиться в работе перед Владимиром Ильичем; слышны были шутки, смех, песни. Все старались не отстать от Ленина.

У Ленина была очень быстрая походка. Даже когда он обдумывал дома книгу, которую писал, или речь, которую ему надо было сказать, он очень быстро при этом ходил по комнате из угла в угол, — не ходил, а почти бегал.

Так же быстро он носил и бревна на субботнике [Dembowska, Рудницка, Wojeński 1950, p. 227–229]¹¹.

Педагогические попытки представить юной аудитории «обыкновенного героя» особенно очевидны в сценах, где великий вождь общается с детьми. Такие сцены — наиболее убедительный способ дидактически уверить ребенка в «подлинности» ситуаций, описанных в учебниках, то есть отослать читателя к опыту собственной жизни, узнаваемым ролевым моделям. Литературные отрывки, используемые в учебниках, изображают сцены встреч и разговоры Ленина с ребенком или группой детей. Попытка общения и установления контактов между этими персонажами может рассматриваться в более широком смысле как конкретный случай

дидактического диалога между, с одной стороны, взрослым авторитетным человеком, наставником и, с другой стороны, ребенком.

Большинство произведений на эту тему — перепечатка и адаптация советских изданий. Польские авторы выбирают события в советской школе, семье, на работе или на фронте, поэтому главными героями этих историй являются дети, живущие на Волге: Иванка, Гриша, Валя, Саша и Вероника (например, «Письмо Ильичу» П. ЗамоЙского или «Мальчик и Ленин» А. Кононова) [Aleksandrzak, Koszutska 1952].

В рассказе А. Кононова разговор маленького Миши с Лениным — «обычным человеком» — представлен следующим образом:

Шел мальчик из села Ям. Он нес пустую корзину. Дорога была ему знакома: поле, речка, мост через речку. А за мостом тропинка вела в гору. На горе за большими деревьями стоял белый дом с колоннами.

Недалеко от этого дома мальчик догнал человека в синей рубашке и тапочках.

Мальчик сказал ему:

— Тут Ленин живет.

Человек сдвинул с большого лба кепку на затылок и, сощурившись от солнца, поглядел на мальчика.

«Городской», — подумал мальчик и добавил:

— Место наше знаменитое. Сюда из города часто приезжают.

— Место хорошее, — согласился человек в синей рубашке.

Они пошли рядом.

Мальчик сказал:

— Охота мне поглядеть на Ленина.

— Зачем?

— Ну, как это такое «зачем»? Чтобы знать, какой он из себя.

— Обыкновенный. На меня, говорят, похож. Ну прямо не отличишь.

— Ну да, как же, «не отличишь»!

Человек весело захохотал, закинув голову:

— Так, значит, не похож?

Мальчик поглядел на его рубашку, на тапочки:

— Разве Ленин ходит в синей рубашке? Он — в черном пиджаке.

Или во френче. <...>

— А тебя как зовут, мальчик? — спросил он. — Ты куда идешь-то?

— Мишей зовут. А иду я в совхоз за капустой [Aleksandrzak, Koszutska 1952, p. 60]¹².

По контрасту, рассказ А. Кононова «Встреча», где описывается подготовка к ожидаемому визиту Ленина в Петроград, полон пафоса, напряжения и эмоций. Выразительный образ социалистического лидера подчеркивает всеобщее обожание

толпы, которая молча ожидает его приезда. Ленин показан в луче света, будто герой-святой:

И вдруг негромкий гул прошел по площади.

Потом сразу наступила такая тишина, что стало слышно, как потрескивают, дымя, факелы.

На броневике, видный всем, стоял Ленин. Несколько секунд он молчал, слегка наклонившись вперед. Казалось, он вглядывается в надписи знамен и плакатов; их неровно освещали факелы, и прочесть надписи было нелегко. Лиц прожектора упал на дальнюю сторону ситца и стали отовсюду видны написанные на ней крупные буквы:

«К нам едет Ленин. Идем встречать!»

Надпись держали на шестах две швеи в красных платочках.

И Ленин увидел их.

Он видел матросов, рабочих, солдат, студентов.

Он видел море голов — народ, пришедший встречать его.

И, волнуясь, он высоко поднял над головой фуражку. Потом быстро сунул фуражку в карман, протянул вперед руку и начал свою речь, никем в тот вечер не записанную... И никем не забытую [Dembowska, Rudnicka 1950, p. 104–108]¹³.

Образ Ленина должен был быть тесно связан с темами революции и борьбы. Они появляются, в частности, в рассказе “Wielkie dni” (Великие дни) З. Квечинской и включены в учебник “*Na szerokiej drodze. Czytanki dla kl. IV*” [Aleksandrzak, Kwiecińska, Przyrowski 1951, p. 245–250].

Главные герои, отец и его маленький сын Гриша, находятся на улице во время уличных протестов. Представлена яркая динамичная сцена уличной демонстрации:

Впереди рабочих-демонстрантов стоит молодой человек и держит в руках знамя, вдалеке слышно, как протестующие поют «Интернационал» и скандируют: «Хлеба! Долой войну! Долой царя!» Люди терпеливо, но с энтузиазмом и большой надеждой ждут приезд Ленина.

Толпа людей, ожидающих на станции, высыпала на улицу. Рабочие, солдаты, матросы стояли вместе. Все молча ждали, глядя в ту сторону, откуда прибудет поезд. Вдруг вдалеке раздался свисток паровоза. Отец схватил Гришу, поднял его высоко в воздух и сказал: «Смотри!»

Поезд медленно подъехал к платформе. Тогда тысяча голосов громко закричала «Ура!» Мужчина в круглой меховой шляпе сошел с поезда. Они подняли его и отнесли на станцию. Отец с Гришей на плечах шел вместе с ними. Он только повторял время от времени: «Смотри, сынок. Хорошо смотри. Он борется за твоё счастье, за твоё будущее. Он научит вас бороться».

Ленин говорил, стоя на броневике, и Гриша старался не пропустить ни одного слова этой речи. Ленин призвал бороться за победу социализма. «Да здравствует Социалистическая революция!» — закончил он. И Гриша повеселел и захолопал в ладоши.

Вдруг отец его очень крепко обнял, поцеловал и сказал: «Это для тебя, сын мой, для твоего будущего. Чтобы вы могли жить достойно и не работать так изнурительно, как мы» [Alexandrzak, Kwiecińska, Przyrowski 1951, p. 250].

Воспроизведение достоверной социалистической реальности для школьников связано с проблемами, обусловленными несовершенством пропагандируемой социальной системы, с которым приходится сталкиваться вождю и строителю нового государства — Ленину. В учебник для восьмого класса был включен отрывок «Ленин» из повести Алексея Толстого «Хлеб», выдержанный в пропагандистски-агитационном стиле [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Żmigrodzka 1951, p. 128–132]. Речь в нем идет о голоде и встрече Ленина с делегатами Петроградских заводов. С тоской и отчаянием говорят рабочие о ситуации в стране, упоминная, среди прочего, и случаи воровства хлеба.

— Плохо, Владимир Ильич. Голодуем. Держимся, крепимся, пролетарскую свободу не продадим. Но тревожимся: до урожая ждать три месяца, а есть нечего, детишки по весне начали помирать. Жалко, Владимир Ильич. У женщины шатается воображение. Еду только во сне видим. [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Żmigrodzka 1951, p. 128].

Ленин умело выстраивает убедительно страстную речь, манипулирует сознанием слушателей, повторяя лозунг «Кто не работает, тот не ест»; он перечисляет длинный список классовых врагов, используя знакомые его слушателям выражения и разговорные идиомы, говорит, что надо делать. В его речи преобладают метафоры коллективной борьбы за правду, в нее также включены слова, семантически относящиеся к социально-экономической области:

Надо организовать великий «крестовый поход» против спекулянтов хлебом, кулаков, мироедов, дезорганизаторов, взяточников. <...> Нужны закаленные пролетарии... Настолько твердые и преданные революции, чтобы вынести все тяжести «крестового похода». <...> Революция идет вперед, развивается и растет... Правильное распределение хлеба и топлива, усиление добычи их, строжайший учет и контроль над этим со стороны *рабочих* и в общегосударственном масштабе — это настоящее и главное преддверие социализма <...> одно из величай-

ших, неискоренимых дел октябрьского — советского — переворота в том, что *передовой рабочий* пошел в «народ», — пошел как руководитель бедноты, как *вождь деревенской трудящейся массы, как строитель государства...* (Курсив наш. — Д. М.) [Lenin 1972, p. 391–398].

Помимо тягот повседневной жизни рабочих (таких, как тяжелый труд), юный читатель также знакомится с примерами тяжелой борьбы коммунистов с буржуазией. Так, образ Ленина возникает в несколько ином контексте в отрывке из поэмы Владимира Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Из-за скопления глаголов доминирующей особенностью отрывка оказывается изображение постоянства и символики войны, к которой призывают вожди партии: «Штыками/тычется/чирканье молний,/матросы/в бомбы/играют, как в мячики» [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Źmigrodzka 1951, p. 213]. Фигурируют во фрагменте также символический залп крейсера «Аврора», который задает направление, зовет и объединяет митингующих, и мощь ленинского ума, объединяющая человечество, так как Ленин «в черепе/согней губерний/ворочал,/людей/носил/до миллиардов/полутора,/Он/Взвешивал/Мир/в течение ночи,/а утром...» [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Źmigrodzka 1951, p. 216].

Другой пример из учебного материала можно найти в отрывке из «Доклада о революции 1905 года» В. И. Ленина, адресованного рабочей молодежи в Цюрихе в 1917 г. [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Źmigrodzka 1951, p. 68–71]. В докладе говорится о революции, двенадцатой годовщине Кровавого воскресенья, о петиции рабочих, призывающей государя к согласию с народом, просьбе о помощи, которую православный священник Георгий Гапон должен представить царю. В примечания учебника включены следующие сведения о Гапоне — пресловутом враге рабочего класса, предателе-священнике:

Гапон Г. А. (1870–1906). С 1902 организовывал рабочие кружки вместе с полковником жандармов Зубатовым якобы для удовлетворения религиозных и нравственных, а также культурных и образовательных потребностей трудящихся. Реальная цель его деятельности — отговорить рабочих от участия в революционном движении. В конце 1904 он агитировал рабочих подавать царю петицию. Петицию обсуждали на массовых собраниях рабочих, и 9 января Гапон возглавил демонстрацию к Зимнему дворцу. В 1906 году он был разоблачен как агент охраны и убит [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Źmigrodzka 1951, p. 68].

В учебнике в качестве источника приведен и эмоциональный фрагмент прошения царю, в котором нищие, униженные и отчаявшиеся рабочие объясняют, почему они не вышли на работу; их слова — это последняя драматическая попытка наладить сотрудничество с царем:

Мы, рабочие, жители Петербурга, пришли к Тебе. Мы — несчастные, поруганные рабы, мы задавлены деспотизмом и произволом. Когда переполнилась чаша терпения, мы прекратили работу и просили наших хозяев дать нам лишь только то, без чего жизнь является мучением. «Государь! Не откажи в помощи Твоему народу! Разрушь стену между Тобой и Твоим народом! Повели и поклянись, чтобы исполнились наши просьбы, и Ты сделаешь Россию счастливой [Lenin 1964, p. 236–253].

Ленин — выдающийся оратор, стратег, педагог подробно рассматривает в своем докладе последовательность этапов революции, объясняет ее глубокое значение, подчеркивает важность просвещения пролетариата и ярко описывает растущее влияние революции. Он утверждает, что революция распространяется с невероятной скоростью: «Сотни революционных социал-демократов “внезапно” выросли в тысячи, тысячи стали вождями от двух до трех миллионов пролетариев». Он также характеризует происхождение и характер массовых забастовок: «Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию *буржуазно-демократической*, но по средствам борьбы была *пролетарской*». В своем подборе положительных примеров он подчеркивает роль сознательного рабочего класса в городах Санкт-Петербурге, Риге и Варшаве, говорит о том, каким «своеобразным было сплетение экономических и политических забастовок во время революций».

В заключении своего доклада российский вождь вновь использует оптимистические метафоры полета, коллективизма и победы:

Действительное воспитание масс никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковыливает его волю. И потому даже реакционеры должны были признать, что 1905 год, год борьбы, «сумасшедший год», окончательно похоронил патриархальную Россию [Dembowska, Klingerowa, Sawrymowicz, Żmigrodzka 1951, p. 71].

Таким образом, как отмечалось выше, отношение героя к его слушателям — это, скорее, отношение боевого вождя, но оно отличается порядочностью, простотой, искренностью, настойчивостью и готовностью трудиться самому.

Наша интерпретация рассказов из учебников основана, среди прочего, на материале исследования «*Inżynieria dusz. Literatura realizmu socjalistycznego w planie „propagandy monumentalnej”*» Войцеха Томасика, который дает ряд портретов образцовых коммунистических руководителей, начиная с Железного Феликса (Дзержинского), которые объединяли в себе лучшие качества человека. Томасик выделяет следующие особенности подобных литературных героев: любовь к детям (!), подчинение строгой дисциплине, аскетизм (отказ от материальных благ), внутреннее согласие между противоположными качествами зрелости и юности («старость в детстве» и «детство в старости»), мужественность и женскую чувствительность, человеческие и сверхчеловеческие черты (нищешанство) [Tomasik 1999, p. 124, 126].

Подобными личностными качествами наделен и школьный вариант образа Ленина для малышей.

Язык литературы для детей и молодежи, воспроизводимый в школьных учебниках 1946–1953 гг., включает в себя такое распространенное явление, как новояз, хорошо заметное в вышеприведенных отрывках доклада Ленина в Цюрихе. Понятие новояза как лингвистического феномена, идущего от Дж. Оруэлла, введено в польскую литературную культуру Михаилом Гловиньским, который отметил в нем, среди прочего, частое использование простых противопоставлений (их отчуждение от нашего чувства общности; их ограниченный кругозор по сравнению с нашей смелостью мысли), навязывание однозначных оценок (например, в «ленинских» рассказах из учебников говорится об уникальном значении «совместной» борьбы), синтез прагматических и ритуальных элементов (например, переплетение экономических и политических забастовок и постулирование эффективности борьбы, которая формирует настоящего мужчину: проясняет его ум и укрепляет волю), магическая функция, когда реальность создается в языке (например, «выдающийся рост революционного движения»), и произвольное толкование смыслов (например, слов «бороться и только бороться») [Głowiński 1990, p. 8–9]¹⁴.

Как показывает и последний пример нашей статьи «Ленин в Мансфельде», культ вождя длится вечно и воспроизводится

даже спустя много лет после его смерти, так как с ним связывается надежда на светлое будущее. Упомянутый рассказ Мариуша Квятковского [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 126–130] посвящен тому, как в Мансфельд во время фашистской оккупации привезли бронзовую статую Ленина: «скульптор изобразил Ленина, говорящего с народом». Один из рабочих завода, выполняющего заказы нацистов, Бартке, хранит этот памятник до освобождения в 1945 г. Тогда, как бы чудом, статуя вождя поднимается в центре города. Когда первые советские танки вошли в Мансфельд, российские солдаты стали свидетелями следующей сцены:

На площади стоял памятник, окруженный людьми со знаменами и красными флагами. [Лейтенант] Космов поднял полевой бинокль к глазам. Он посмотрел, протер глаза и посмотрел еще раз: «Эй, ребята, взгляните! Кажется, это Ленин?»

Собравшиеся люди что-то кричали, а женщины махали платочками. <... > Космов с удивлением прочитал надпись на пьедестале «Владимир Ильич Ленин». Как случилось, что здесь, в городе, только вчера оккупированном нацистами, оказался этот памятник? Советские солдаты прыгивали со своих танков и подбегали к памятнику. Некоторые из них даже трогали его, как будто пытались убедиться, что глаза их не обманывают [Pauszer-Klonowska, Lausz 1952, p. 126–130].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тон рассказов из школьных учебников, содержащих эпизоды биографий великих революционных деятелей, таких, как Владимир Ильич Ленин, и образы революции (ради благого дела), связанные с жизнью ее вождя, были на самом деле весьма оптимистичными, особенно в тех фрагментах, которые в соответствии с конвенцией максимально простого и ясного стиля опирались на агитацию и пропаганду [Tomasiak 1999, p. 280]¹⁵.

Гертруда Скотница отмечает, что, «как свидетельствуют учебные программы и комплекты текстов, “социализм в школьной форме” колебался между инфантилизмом и политической зрелостью, даже серьезные его предположения включали в себя немало нелепого». Тем не менее, как показывают произведения, проанализированные в нашей статье, юная аудитория повсеместно являлась объектом манипуляции [Skotnicka 2008, p. 65].

Литературные тексты в школьных учебниках, особенно те, что создавали образцы для подражания, помогали властям в их борьбе за умы и души молодого поколения, став наиболее эффективным

инструментом идеологического убеждения и формирования «нового человека» в духе новой системы. Тенденциозные тексты о Ленине, основанные на идеологически заряженной литературе, опирались на стратегию стереотипизированного формирования четкого идеала совершенного человека. Авторы этих рассказов использовали конвенцию черно-белых противопоставлений, понятную тематику, мимезис, банальные мотивы и приемы, но наиболее важным средством манипулирования следует назвать помпезный, успокоительный и убеждающий язык — чрезвычайно эффективный метод воздействия на эмоции молодого читателя, формирующий позитивное отношение ребенка к социалистической идеологии.

Перевод с английского Марии Rogовой

Примечания

¹ Название статьи подсказала книга *Nadwiślański socrealizm* (буквально: Социалистический реализм над Вислой) [Jarosiński 1999].

² Так, Марта Бродала анализирует журналы для детей, изданные в 1950-х гг. (например, *Plomyczek* и *Świerszczyk*), в которых Ленин показан «скромным и добрым человеком, который всегда заботится о детях», например, в: *Lenin wśród dzieci* [Krzemieńska 1952]. Текст Кременецкой основан на рассказе Александра Кононова «Елка в Сокольниках». По словам героев романа *Na Karolewskiej* (На королевской) Ханны Озоговской, «добросердечный Ленин был лидером первого социалистического государства, самым знаменитым человеком в мире» [Ozogowska 1953]. Образ Ленина в детской литературе также связывался с темой дружелюбного отношения великого вождя революции к Польше и полякам, к истории его пребывания в Поронине: «Сегодня мы гордимся тем, что наша страна тоже имела честь принимать у себя этого великого человека и предоставила ему возможность заниматься таким важным делом, как подготовка партии к началу пролетарской революции» [Barszczewska 1950, цит. по Brodala, Lisiecka, Rudzikowski 2001, p. 171].

³ См. также: [Lewin 1962; Lewin 1952]. Каждый класс основывался на своих собственных моральных стандартах: «Мораль есть результат характеристики собственного класса в данный исторический период» [Maślińska 1953, p. 70]. Понятие (или — шире — феномен) социалистической морали связано со специфически понимаемыми патриотизмом, интернационализмом и социалистическим гуманизмом (в этом случае речь идет о любви только к представителям рабочего класса).

⁴ «Демонстрация возрастных различий развития и применение образовательных методов, зависящих от возраста обучаемого, считалась буржуазным анахронизмом» [Radziwiłł 1996, цит. по: Brodala 2001, p. 22].

⁵ Небольшие выдержки из текста нашей книги *Ad usum Delphini. O szkolnej edukacji literackiej — dawniej i dziś* [Michułka 2013] (см. главу «Kowale lepszego jutra» и статью [Michułka 2015]); см. также: [Dynak 1992], [Morawska 2004].

⁶ См. главу «Socrealizm dla dzieci» (Соцреализм для детей) [Jarosiński 1999, p. 277–299], также: [Dobek-Ostrowska, Frasz, Osiecka 1997].

⁷ Болеслав Берут (настоящее имя Болеслав Бернацкий, 1892–1956) занимал значительные политические должности, был видным деятелем коммунистического движения: в частности, до 1952 г. он премьер-министр Польской народной

республики, до 1947 — Президент ПНР, лидер Польской объединенной рабочей партии (до 1948 г. Генеральный секретарь, до 1954 — Первый секретарь Центрального комитета). Также являлся агентом НКВД. Следуя примеру И. Сталина, любил появляться на публике с детьми.

⁸ См. также “Fabricating Heritage” (Изготовление наследия) Дэвида Лоуэнтала [Lowenthal 1998], где использованы такие термины в обсуждении темы искажения памяти/манипуляции памятью, как «обновление», «смешивание», «выборочное забвение», «изобретенные генеалогии», «провозглашенные прецеденты». Алейда Ассман, со своей стороны, рассматривает в этом же контексте пять стратегий забывания («негативного» искажения памяти): компенсацию, воплощение, исключение, молчание и искажение [Ассман 2009].

⁹ В центре интересов Липпмана находятся стереотипы и их роль в процессе восприятия: «Он проанализировал феномены пропаганды через призму стереотипов, т. е. наложения упрощенных изображений мира на аудиторию. Он поднял стереотипы до статуса самого важного механизма восприятия» [Parsons 1972, p. 90; ср.: Ellul 1965].

¹⁰ Учебник *Dzieńdzisiejszy* (1952) включает несколько текстов, изображающих детство будущих героев: “Dzieciństwo i lata chłopięce J. Lelewela” (Детство Й. Лелевеля) А. Sliwiński, “Szkolne lata Lenina” (Школьные годы Ленина) Анны Ульяновой, “Dziecięce lata Stalina” (Детские годы Сталина) Н. Bobińska.

¹¹ Сверено с первоисточником [Кононов 1939, с. 30–31] (прим. ред.).

¹² Сверено с первоисточником [Кононов 1939, с. 42, 44] (прим. ред.).

¹³ Сверено с первоисточником [Кононов 1942, с. 35–36] (прим. ред.).

¹⁴ З. Ярославски утверждает, что новояз характеризуется использованием простого контраста: отчуждение противопоставит нашему чувству принадлежности к коллективу; литературный продукт противопоставлен реальному произведению искусства; ограниченные горизонты противопоставлены нашей смелости мысли; презренная действительность — в новоязе: действительность, достойная эпопеи. Социалистические программные заявления полны паралогизмов, устарелых клише и абстрактных деклараций. По сути, они характеризуются утомительной монотонностью, постоянно повторяют не только одни и те же мысли, лозунги и аргументы, но и метафоры. Уже были попытки описать социалистический реализм как монологическую поэтику, если понимать значение этого слова по М. Бахтину, но все же справедливости ради надо согласиться, что «в прошлом писатель писал только для небольшого количества читателей, теперь же он пишет для всей страны — этот доподлинный факт — естественное следствие социалистической культурной революции» [Jarosiński 1999, p. 172].

¹⁵ Есть еще несколько заслуживающих упоминания агиографических и биографических произведений, описывающих подобных героев: это Кароль Сверчевский (*O człowieku, który się kulom nie kłaniał* И. Броневской, 1948), Феликс Дзержинский (*Plomień gorejący* Х. Рудницкой), Иосиф Сталин (*Soso* Бобиньской, 1953). Рышард Ваксмут обращает внимание на феномен монументализма в лирической поэзии и биографических поэмах: см., например, *Krzemieńskie O wielkim Stalinie* (1949), J. Minkiewicz, *Lenin w Poroninie* (1951) [Waksmund 2000].

Источники

Aleksandrzak S., Koszutska H. Czytanki dla kl. III. Warsaw, 1952.

Aleksandrzak S., Kwiecińska Z., Przyrowski Z. Na szerokiej drodze. Czytanki dla kl. IV. Warsaw, 1951.

- Dembowska J., Klingerowa Z., Sawrymowicz E., Żmigrodzka M.* Wypisy polskie. Klasa VIII. Warsaw, 1951.
- Dembowska J., Rudnicka H.* Dom i świat. Czytanki dla kl. VI (2nd ed.). Warsaw, 1950.
- Dembowska J., Rudnicka H., Wojeński T.* Na drodze przemian. Wypisy dla klasy VII. Warsaw, 1950.
- Derwiszówna Z., Parnowski Z.* Czytanka dla kl. II. Warsaw, 1952.
- Dzierżyński F.* Listy do siostry Aldony. Warsaw, 1951.
- Krzemieńska L.* Lenin wśród dzieci. Kraków, 1952.
- Lenin V. I.* Collected Works. 4th English Edition. Vol. 23. Transl. by M. S. Levin, Joe Fineberg, et al. Moscow: Progress Publishers, 1964. URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1917/jan/09.htm>
- Lenin V. I.* Collected Works. 4th English Edition. Vol. 27. Transl. by Clemens Dutt, edited by Robert Daglish. Moscow: Progress Publishers, 1972. URL: <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1918/may/22b.htm>
- Ożogowska H.* Na Karolewskiej. Warsaw, 1953.
- Pauszer-Klonowska G., Lausz K.* Dzień dzisiejszy. Wypisy dla klasy V. Warsaw, 1952.
- Pytlakowski J.* Listy z MDM. Warsaw, 1952.
- Rudnicka H.* Płomień gorejący. 15. Warsaw, 1951.
- Кононов А. Т.* Рассказы о Ленине. Москва: ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ. 1939.
- Кононов А. Т.* Рассказы о Ленине. М.-Л.: Государственное издательство детской литературы. 1942.

Исследования

- Assmann A.* “Pięć strategii wypierania świadomości.” // Saryusz-Wolska M. Pamięć zbiorowa i kulturowa. Współczesna perspektywa niemiecka. Kraków, 2009.
- Barszczewska L.* “Lenin w Polsce” (talk material), Świetlice Dziecięce. 1950. № 1.
- Brodala M., Lisiecka A., Rudzikowski T.* Przebudować człowieka. Komunistyczne wysiłki zmiany mentalności. Warsaw, 2001.
- Dobek-Ostrowska B., Frasz J., Ociepka B.* Teoria i praktyka propagandy. Wrocław, 1997.
- Dynak W.* “Literatura współczesna w nauczaniu szkolnym po 1945 roku.” // Studia z dziejów edukacji literackiej w Polsce w XIX i XX wieku, ed. M. Inglot. Wrocław, 1992.
- Ellul J.* Propaganda. The Formations of Men's Attitudes. New York, 1965.
- Głowiński M.* “Nowomowa (Rekonosans).” // Nowomowa po polsku. Warsaw, 1990.
- Jarosiński Z.* Nadwiślański socrealizm. Warsaw, 1999.
- Jasińska M.* Zagadnienia biografii literackiej. Geneza i podstawowe gatunki dwudziestowiecznej beletrystyki biograficznej. Warsaw, 1970.
- Lewin A.* Makarenko w Polsce. Warsaw, 1962.
- Lewin A.* “Ogólne założenia systemu wychowawczego (Uwagi na marginesie analizy poglądów Korczaka i Makarenko).” // Wychowanie w Zespole. №2. February 1952.
- Lewin A.* Problemy wychowania kolektywnego. Refleksje pedagogiczne na tle doświadczeń polskiego domu dziecka i szkoły na Uralu. Warsaw, 1955.
- Lippmann W.* Public Opinion. New York, 1960.
- Lowenthal D.* “Fabricating Heritage.” // History and Memory. Vol. 10. № 1 (Spring 1998). P. 5–24. URL: <http://www.jstor.org/stable/25681018>.
- Łapiński Z., Tomasiak W.* Słownik realizmu socjalistycznego. Kraków, 2004.
- Malczewska-Pawelec D., Pawelec T.* Rewolucja w pamięci historycznej. Porównawcze studia nad praktykami manipulacji zbiorową pamięcią Polaków w czasach stalinowskich. Kraków, 2011.
- Maślińska H.* O moralności komunistycznej. Warsaw, 1953.

Michulka D. Ad usum Delphini. O szkolnej edukacji literackiej — dawniej i dziś. Wrocław, 2013.

Michulka D. “Czytankowy Lenin.” // (Przed) szkolne spotkania z literaturą, edited by B. Niesporek-Szamburska and M. Wójcik-Dudek. Katowice, 2015. P. 461–477.

Morawska I. Rola literatury w edukacji patriotycznej uczniów szkoły podstawowej (1944–1989). Lublin, 2004.

Parsons T. Szkice z teorii socjologicznej. Warsaw, 1972.

Radziwiłł A. “Model ideologii wychowawczej w latach 1948–1956. Próba rekonstrukcji i analizy.” // Polacy wobec przemocy 1944–1956, ed. by B. Otwinowska and J. Żaryn. Warsaw, 1996.

Skotnicka G. Barwy przeszłości. O powieściach historycznych dla dzieci i młodzieży w latach 1939–1989. Gdańsk, 2008.

Szacka B. “Historia i pamięć zbiorowa.” // Kultura i Społeczeństwo. Vol. 47. 2003. № 4.

Tomasiak W. Inżynieria dusz. Literatura realizmu socjalistycznego w planie „propagandy monumentalnej”. Wrocław, 1999.

Waksmund R. Od literatury dla dzieci do literatury dziecięcej. Wrocław, 2000.

Katherine Batchelor

THE RUSSIAN REVOLUTION: EVENTS AND CHARACTERS AS DEPICTED IN U. S. YOUNG ADULT LITERATURE

This article will examine a collection of 12 young adult novels centering on the Russian Revolution published within the last decade. I begin by defining historical fiction and young adult literature, noting the affordances both bring to exploring the Russian Revolution. Next, I describe reader response theory, which is the theoretical framework I used to analyze these novels. Then, I analyze how young adult authors in the United States portray Russian historical events leading up to the Russian Revolution as well as how adaptations are made for the young adult audience, especially regarding the Romanov family execution. I then analyze recurring characters that appear most frequently in the young adult literature plots, such as Rasputin, Anastasia, and Tsar Nicholas II, and end with implications for readers as well as history itself.

Key words: young adult literature, historical fiction, the Russian Revolution, reader response theory.

Rasputin. Anastasia. Tsar Nicholas II. Lenin. Trotsky. These are the names of the people who captured the imaginations of several authors of young adult literature who used the Russian Revolution as the backdrop for their novels. Young adult authors have recently taken an interest in Russia and the 1917 Russian Revolution for use as their plotlines and narratives. As the 100th anniversary approaches, more attention is being placed on Russia and the events leading up to the revolution. There is an interest in how revolutions begin, especially one so dramatized and romanticized in Western culture. The Romanov Dynasty is filled with real life characters and events to fill writers' pages: The mysticism surrounding Rasputin, the rise of Lenin and Trotsky, the luxurious lifestyle of the Romanov family in their palaces while the poor outside the palace gates starved, and the children alone can become fascinating characters for authors to fictionalize. Of course, nothing provokes more foreboding in this narrative than the execution of the Romanov family in the basement of the Ipatiev House. Countless rumors surround the disappearance and possible survival of the youngest child, Anastasia. And in the United States,

readers want to believe that she still lives today and want a happy ending.

This article will examine a collection of 12 young adult novels centering on the Russian Revolution published within the last decade. I begin by defining historical fiction and young adult literature, noting the affordances both bring to exploring the Russian Revolution. Next, I describe reader response theory, which is the theoretical framework I use to analyze these novels. Then, I analyze how young adult authors in the United States portray Russian historical events leading up to the Russian Revolution as well as how adaptations are made for the young adult audience, especially regarding the Romanov family execution. I then analyze recurring characters that appear most frequently in the young adult literature plots and end with implications for readers as well as history itself.

WHAT IS HISTORICAL FICTION?

Historical fiction is defined as a novel that is set in the past (a time preceding the readers' lived experience, at least one generation) in relation to when it was originally written [Bucher & Hinton 2009; Cross 2015]. According to Nilsen, Blasingame, Donelson, and Nilsen (2013), historical novels should "be historically accurate and steeped in time and place" [p. 258]. Nünning (2004) states that historical fiction represents history as a "group of facts, which exists extratextually and which can be represented as it 'really was'" [p. 362]. Furthermore, historical fiction writers use historical documents, letters, diaries and often refer to historians and academics for information on the selected historical time period or event [Cross 2015]. Regarding narrative structures, the historical fiction YA novel typically showcases the past as a way to understand the present via recorded history and often will include a coming-of-age trope to suggest linear growth not only for the individual, but also for humanity itself [Cross 2015].

During personal correspondence with award winning, YA author Candace Fleming, she discussed the difference between writing facts and writing the truth and shared the purpose of writing historical fiction. Below is her response:

The truth is what we make of those facts; what they show us; what they teach us. Stating facts is easy. But telling the truth? It means piecing together the threads of humanity that join the past to the present that make us one people even across centuries. It means taking what is unfamiliar, or difficult to grasp — like turn of the 20th century Russia — and making

it commonplace for 21st century readers. It means finding human themes in narratives, and writing stories — honest stories — from those themes: loss, grief, loneliness, joy, and anger, and love. Above all, it means searching for something greater; to telling a true story that not only connects with readers, but also strives to say something about the way we live today [Personal communication, March 3, 2017].

Historical fiction in young adult literature represents the human condition and explores universal themes in adolescence, such as friendship, maturation, and love. Young adult readers can serve as witnesses to the past, where the past becomes their present during reading moments. Readers can cheer on characters when they overcome obstacles and experience life through these characters' worlds, thus providing the lived-through experience Rosenblatt (1978) yearns for readers to experience. In YA historical fiction, characters' lives become visible within the pages of a novel rather than through research documents giving readers the affordance to make personal connections to historical events and settings. Readers can see themselves in the places and events they are unable to witness in present life. Furthermore, historical fiction can provide voices to those who may not have had a voice during their time period. Overall, YA historical fiction makes the context more authentic, more real for young adult readers, especially when YA literature strives for authentic teen voices in characters, a journey toward identity, and tackling adult issues (such as war) within teens' lives.

THE HISTORY AND DEFINITION OF YOUNG ADULT LITERATURE

Before there was *Harry Potter*, there was *The Outsiders* and before there was *The Hunger Games*, there was *The Catcher in the Rye*. These books, along with others, started a movement called “adolescent literature” in the 1960s in the United States. Students began discovering the pleasure of reading titles that depicted people their own age undergoing similar life experiences, which was in contrast to the dull, dry adult texts deemed required reading in secondary English classrooms across the country. In 1973, the Assembly on Literature for Adolescents (ALAN) was formed, which promoted the right for secondary English teachers to teach adolescent literature in their classrooms.

The publishing industry mirrored the response in curriculum changes over the next thirty years creating a surge in high quality young adult literature. Young adult titles that were popular in the 1990s, such as Walter Dean Myers's *Monster* or Mildred Taylor's *Roll of Thunder*,

Hear my Cry, have now become “canonical” literature typically reserved for in-school reading. Now, among teens’ favorite genres are science fiction, fantasy, gothic, and nonfiction. Furthermore, currently there is a surge in international young adult literature and LGBTQ-represented protagonists, and the industry has included more representation of diversity in characters as well as authors. It seems that genres rotate and topic interests change each year, and the publishing world continues to keep in step with what teens want.

Overall, however, educators will agree to define young adult literature (YA lit) by the intended reading audience age and common characteristics found across titles. To start, many would argue that the intended age for YA lit is between 12 to 18 years old. Roxburgh (2005) lists three elements found in the YA novel: an adolescent character, a plot of character (e.g., coming-of-age story), and first person point of view. Typically, the trope in a coming-of-age YA novel, according to Roxburgh, is a first person character who is innocent or ignorant, making them unreliable. They then experience a life-altering or traumatic moment, which makes the character grow and change, thus leading to a new self-awareness in order to become a reliable narrator at the end of the novel.

Stephens (2007) agrees with Roxburgh but includes additional criteria. He defines YA fiction as “a story that tackles the difficult, and oftentimes adult, issues that arise during an adolescent’s journey toward identity, a journey told through a distinctly teen voice that holds the same potential for literary value as its ‘Grownup’ peers” [p. 40–41]. These criteria shaped my decisions to include various books as part of a recent microtrend I have identified in young adult literature, centering on the Russian Revolution. A microtrend is a theme or topic that seems to suddenly appear in literature. For example, dystopian young adult literature is a theme that has been a huge success with titles like *The Hunger Games* and *Divergent*. However, microtrends can also become short-lived and decrease in popularity. The Russian Revolution microtrend has been around since the early 2000s and does not seem to be waning in interest, especially with the 100th anniversary quickly approaching.

CRITERIA IN SELECTING YOUNG ADULT LITERATURE BOOKS

Over the course of five months, I gathered and read young adult literature that centered the Russian Revolution as its plotline and setting. Specifically, I sought out books that met the following criteria: 1) published

in the United States between 2001 and 2017; 2) included the Russian Revolution (or events leading up to the Revolution) in some way; 3) include a protagonist dealing with identity formation; 4) the plot involves issues that are centered on/or around the teen's life (in many cases, the events leading up to WWI and the revolution); 5) include teen's voice (whether it's first or third person point of view); and 6) the author is from the United States (in order to study the interpretation of the Russian Revolution and Russia in general from an American perspective).

However, I have also chosen to include two YA titles that do not easily fit these criteria but nonetheless deserve to be on this list: *Blood Red, Snow White*, written by Marcus Sedgwick, a British author, highlights the life of famous children's writer (and possible spy for both England and the Bolsheviks), Arthur Ransome. Additionally, I included *The Family Romanov: Murder, Rebellion & the Fall of Imperial Russia* [Fleming 2014], a nonfiction title (and thus, could not include plot or characterization criteria mentioned above). However, it has won several awards, including the prestigious Boston Globe — Horn Book Award for Nonfiction as well as the Orbis Pictus Award for Outstanding Nonfiction.

There seems to be an interest in Russia, its history, and the land and its culture, making this microtrend possibly stretch to present-day Russia in the near future. The next section will discuss possible reasons for the surge in Russian history and culture in literature by American authors over the last two decades.

WHY THE RUSSIAN REVOLUTION AND WHY NOW?

To Americans, Russia is a distant, mysterious country just out of reach of easy travel and access to its historical cities. However, since the collapse of the Soviet Union in 1991, historical documents have been released and available to researchers. For example, the United Kingdom's National Archives released secret service files in 2005 regarding Arthur Ransome engaging in secret activities for the Secret Intelligence Service (SIS). In fact, Marcus Sedgwick includes memos and telegrams about Ransome in *Blood Red, Snow White's* appendix. An archeologist revealed a mass grave he discovered in the 1970s but kept secret until 1991 where DNA testing confirmed it contained five members of the Romanov family. In 2007, a second grave revealed two more Romanov children, most likely Anastasia and Alexei. This year, 2017, commemorates the 100th anniversary of the Russian Revolution. Mystery and romanticized notions of the Tsar's family, for example, are still portrayed in popular culture

and have been for decades, especially in the United States. There is a clear fascination with the Romanovs, especially Anastasia.

For example, in this collection, one-third of the books are told through Anastasia's point of view (e.g., *Anastasia's Secret*; *Anastasia and her Sisters*; and *Dreaming Anastasia*). Additionally, *The Lost Crown* (2011) by Sarah Miller includes chapters told from each of the Romanov daughters, including Anastasia. Each author stated in the "author's note" a desire to write about Anastasia. For example, Susanne Dunlap, author of *Anastasia's Secret* (2010), described how Anastasia called to her. She wrote, "The thought of what it might have been like to have the real emotions of an adolescent at such a turbulent time took hold of me and would not let go" [p. 331].

Fleming mentioned she initially wrote her historical nonfiction book about Anastasia. She stated, "I, too, believed in the bittersweet magic of Anastasia's story — the rich, spirited princess who should have lived happily-ever-after but who was unable to escape her fate. Doomed, her bloodline cursed, hers was a fairytale turned to tragedy" [Personal communication, March 3, 2017]. However, when she finished her draft, she realized many voices had gone unheard. "Peasants and factory workers. Shop girls and soldiers. Priests, office workers, and cleaning women" [Personal communication, March 3, 2017]. Fleming recognized that Anastasia needed to blend into the background, which is why her award-winning nonfiction book, *The Family Romanov* includes child workers, the rise of the Bolsheviks, living conditions for peasants, and the 300-year history of the Romanov empire.

Overall, with political conditions across the world feeling unsettled, perhaps American authors are intrigued to study the causes of the Russian Revolution and write cautionary tales to ensure that history need not repeat itself. As J. Nelle Patrick wrote in the author's note of *Tsarina* (2014), "My hope is that, factual or fabricated, every line in *Tsarina* leads to a single truth: that when you forget that those you disagree with are *people*, not just your faceless opposition, you don't end up proving who is right and who is wrong. You end up with a body count" [p. 331].

THEORETICAL FRAMEWORK OF READER RESPONSE THEORY

Louise Rosenblatt (1978), mentioned above, emphasized the influential role that the self plays in the meaning of a text. More specifically, she refers to readers' responses to a text as a transaction or a happening of a lived-through experience where the reader draws

on images, feelings, and ideas formulated from the words of a text [Rosenblatt 1938/1995; 1980]. A critical element of Rosenblatt's work is her transactional theory of reading. Here, Rosenblatt posits that every act of reading involves a transaction between a reader and a text, and occurs in a particular time and context. In this transaction, the reader adopts a stance (a conscious or unconscious adoption), which continually moves back and forth between an aesthetic stance — a reader's feelings, contemplations, sensations, and images at one end, and an efferent stance — where the reader focuses on the cognitive, logical, analytical aspects of meaning at the other end [Rosenblatt 1980]. As Rosenblatt (1938/1995) stated, "The reader must remain faithful to the author's text and must be alert to the potential clues concerning character and motive. But he must do more than that: he must seek to organize or interpret such clues. His own assumptions will provide the tentative framework for such an interpretation" [p. 11]. Reading historical fiction encourages a reader to get lost in the narrative (aesthetic stance) while also analyzing facts that appear in the plot (efferent stance).

Therefore, to practically and theoretically analyze these 12 texts (4,333 pages) (see the Appendix for a list and summary of the novels), I approached each reading as a transaction or a happening — "an active process lived through during the relationship between a reader and a text" [Rosenblatt 1978, p. 20–21]. Personal responses during readings of each text were recorded on a Word document. In order to not disturb my flow of reading, I "dog-eared" each page (meaning, I folded the top corner of a page down into a triangle) in order to go back to it after finishing a book. I then reread the marked page selections and recorded my feelings, contemplations, and sensations along with quotes. After finishing all 12 novels, I coded my Word document, noting similarities across titles regarding authors' intentional decisions (such as point of view), repeated characters, plot events (historical and fiction), settings, and primary sources cited. Themes emerged, and I compared them to young adult literature's genre criteria. These categories will be discussed in the next section.

THE RUSSIAN REVOLUTION'S EVENTS AND SETTINGS USED IN YA LITERATURE

When writing historical fiction, authors typically follow the timeline of events during the period of history they are studying. Throughout many of these 12 books, much of the plot is driven by events that happened to the Romanov family, especially when Anastasia

or people close to the family are narrating the story. And even when this is not the case, historical events are mentioned by characters, such as the infamous Bloody Sunday, or the Battleship Aurora used to fire on the palace, or the Romanov family execution. In fact, historical events are used as setting, such as at the 300-year-anniversary ball commemorating Romanov rule, as well as battles during WWI.

PROMINENT EVENTS

Tercentenary Celebration

Chapter 6 in *Anastasia and Her Sisters* is devoted to the tercentenary celebration, and Anastasia describes the ceremony at the Cathedral of Our Lady of Kazan, a visit to the Mariinsky Theatre to listen to the opera entitled, “A Life for the Tsar,” and the numerous formal balls, where Tatiana complained, “I’ve had enough balls. I’d rather have a party on the Standart... or a picnic on our special island” [p. 94]. In *Angel on the Square*, Katya and friend, Misha, notice the grandeur of the celebration, too. She narrates, “Imperial carriages and shiny black chauffeured automobiles rolled up to the cathedral’s entrance. Grand dukes in military uniform and grand duchesses in court gowns and diamond tiaras stepped onto the red carpet” [p. 2]. Anastasia in *Anastasia’s Secret* meets her future love, the soldier Sasha, after one of the parties, where she claims to have worn through three pairs of shoes.

World War I

The war also became a backdrop for plot and setting. In *Anastasia’s Secret*, the reader learns of events that affected Russian soldiers. She overhears her father state, “Thirty thousand brave Russians killed in a single battle. Tens of thousands taken prisoner. It tears at my heart to think of it” [p. 78]. Anastasia and the reader also learn about the uprisings of workers, and scarcity of food and supplies. The reader experiences the front lines of war in *Angel on the Square*, when Misha writes a letter to Katya. Below is an excerpt from the letter:

<...> the war is a disaster. <...> Recruits are sent to the front lines with no training. We have run out of ammunition. Soldiers have to wait unarmed until they can pick up the rifles of their fallen comrades. The German cannons cover thirteen kilometers, but ours cover only six. We go days without food. The generals have no idea what they are doing [p. 139].

Additionally, the execution of the Romanov family appeared in several titles. Although some chose to end their stories before

the actual execution, which will be discussed in the next section, the execution was either mentioned as an event that occurred for characters to respond to, or as part of the plot line itself. For example, in *Blood Red*, *Snow White*, Arthur overhears random crowd members comment, “They’re dead!”; “Good riddance... they deserved it.”; “Maybe he did ... but the whole family?”; and “Did they ever show any concern for you when you were starving? No!” [p. 167–168]. Arthur narrates that the rumor was that the White army was approaching Ekaterinburg to rescue the Tsar and family, when the order had been made to shoot them before they could be saved. With this news, Arthur then describes feeling ill at the thought of murdering the children.

Execution of the Romanov Family

In the historical nonfiction title, *The Family Romanov*, Fleming describes in realistic detail the specificity of the violent murders, since bullets bounced off the jewels the daughters had sewn into their clothing, thus injuring the children but not killing them. Calling the Reds murderers, Fleming writes, “They slashed at the ‘Little Pair’ with bayonets before silencing them both with gunshots” [p. 240]. In *Tsarina*, Natalya overhears soldiers describe the gruesome death, and how Alexei, her first boyfriend and first kiss, was the last one to die. In *The Fetch*, Calder overhears a conversation in a tavern about the disposal of the bodies: “‘All gone, even the children?’ one woman asked in horror. ‘Every one of them, torn open with bullets and thrown down the mineshaft’” [p. 128].

Furthermore, Whitcomb uses fiction to explain the initial disappearance of two bodies from the well: Alexei and Anastasia. In the story, Calder rescues them from the well since the power in a magic key helped them “survive” the execution, because they are in a moratorium of neither living nor dead. In *Angel on the Square*, when Katya is reunited with Misha, he brings news that Lenin has ordered the execution of the Tsar. When Katya inquires about the children, Misha confides, “No one has heard, and no one has seen them. I must tell you there is little doubt that they were executed as well. Lenin wants the Romanov family wiped out” [p. 282]. News of the execution or the act itself often resolves the plot and ends many of these novels, even though a civil war continued for years after 1918. However, it seems that American authors focus on the Romanov family as the epitome of the revolution, so when they’re gone, it appears so is the story.

Primary sources influenced writers’ decisions in their plots as well. In most of the novels, authors included back matter, such

as bibliographies, author's notes, resources, photos, acknowledgements, and epilogues, which discuss in great detail specific sources used to create their stories. Many authors note collaborating with professors in the field as well as using a website created by Bob Atchison called the Alexander Palace Time Machine (cf. <http://www.alexanderpalace.org/palace/>) which houses eyewitness accounts, biographies, palace archives, and a tour of the palace.

SETTINGS

Descriptive settings also frequented pages in these novels. Illustrious descriptions of cities, peasants' living and working conditions, and the harsh winters in Russia were woven into narration. For example, *Tsarina* describes the city of Saint Petersburg as a city of illusions:

Perhaps the biggest of these sorts of illusions was also the simplest — the illusion that we were a single city. Saint Petersburg was naturally divided, a series of islands and canals laced together into a capital by Peter the Great centuries ago. There were bridges from one to the next, and the canals were deep, maintained with stone walls that held the Neva River at bay. But we divided ourselves with harsher lines than the land did: the rich and the poor, the merchants and the nobles, the Whites and the Reds [p. 18].

Peasant's living conditions are described in *Anastasia's Secret*, and Anastasia, witnessing a scene like this for the first time in her life is in disbelief:

We were beyond the part of the town that I knew, and the houses became poorer and shabbier. Some looked as though they might fall down. Their wooden sides had been propped up with rough poles leaning against them. I thought at first that they must only be sheds for animals — they had no windows, and gaps that surely let the wind whistle through in the bitter winter.

“A family of ten lives in that one,” Sasha whispered.

Later, in the story, Anastasia approaches a campground. She describes their conditions:

People in rags slept on the open ground, curled up against the rain that fell steadily. A few had constructed lean-tos out of discarded blankets and old broom handles. I covered my mouth and retched. Even from this distance, the stench was abominable. Clearly there was no place for human waste other than among the people themselves [p. 25–26].

Working conditions were no better. *Angel on the Square* contains a scene where Katya is forced to witness children her age and younger working with the rags in filthy conditions in order to make paper

for the government. She seems confused to see they are not in school, and Misha explains that this factory is their school, and their life.

Additionally, Russian winters became the backdrops of many novels. For example, *Blood Red, Snow White* depicts Arthur thinking about snow in several scenes. Here are two:

Snow is always in his mind. So much of everything he can remember about his life in Russia is painted on a backdrop of snow, and a cold that's hard to imagine unless you've felt it yourself [p. 87].

The city founded by Peter the Great two hundred years before sat on the river Neva and froze, as if waiting. It was the coldest February anyone could remember; day after day the temperature rose no higher than fifteen degrees below zero. Frost sparkled on the snow like the diamonds that sparkled on the Tsarina's breast [p. 58].

In *Anastasia and Her Sisters*, Anastasia describes the snow at Alexander Palace and how the Neva River was thick with ice, while in *Tsarina*, Natalya narrates stepping outside into the chill of the Russian winter:

I pulled my coat tighter, bowed my head into the wind. The people of the city were clever; their hats and scarves were tucked safely into their coats, their gloved hands lifted to shield their eyes from the sting of the air. It was a particularly enjoyable pastime, spotting the visitors — the people who didn't know just how to bow into the wind, who hadn't learned the slippery bits of the streets [p. 25].

Like in Tolstoy's *Anna Karenina*, trains travel through the pages of these books. From *The Lost Crown* describing the Tsar's two trains, one a decoy, to Baba Yaga's Dumb Doma hitching a ride on a freight train in *Egg & Spoon*, to Evgenia, Trotsky's secretary, and Arthur Ransome fleeing by train from Moscow to Reval in *Blood Red, Snow White*, trains transport characters and move the plot forward. The unpredictability of the train starting and stopping also adds suspense in some novels, such as *Tsarina*, when Natalya and Leo hide in a boxcar on the way to Moscow filled with caviar, afraid they will get caught if the train stops. Additionally, Natalya reminisces about the longest train ride she has taken in her life, which was to Siberia in a luxury car, containing a personal butler, tea, and coffee. It had only been nine days, but it felt like one day, she remembered.

In the spring of 1918, in *Angel on the Square*, Katya and her mother travel to St. Petersburg on a harrowing journey. Katya describes the train station as chaos, with people trying to push their way into the cars and small children camped out on the floor. When they were finally

able to board in the morning, they took a crowded, third-class car “with hardly enough room to breathe” [p. 254] and “filthy wooden benches. Smoke and soot blew in through the windows. There was no food” [p. 253]. Katya then compares the train ride she endured at the beginning of the novel in order to live with the Tsar: “Silk curtains at the windows, the comfortable overstuffed chairs, and the delicacies served to us by uniformed footmen” [p. 254]. This luxury is elaborated in *Anastasia and Her Sisters* when Anastasia describes their train as a “rolling palace in miniature” [p. 14]. She describes multiple cars containing bedrooms, bathrooms that included a bathtub, a sitting room, a study for the Tsar, a dining car ladies-in-waiting and one for servants.

In these novels, the train provides a metaphor of journey; in particular, a journey or quest many of the characters must endure in order to overcome naivety and innocence. The train also becomes a physical reminder of the disparity between the rich and the poor: The Reds and the Whites.

PROMINENT RUSSIAN REVOLUTION CHARACTERS’ APPEARANCES AND PORTRAYALS IN YA LITERATURE

In the United States, the “household names” most associated with the Russian Revolution are Rasputin, Anastasia, Alexei, and Tsar Nicholas II. Rasputin for his mysticism and defiance to death; Anastasia for her innocence and possible survival from execution; Alexei for his blood disorder; and the Tsar for his royalty and cruelty. These are the characters that readers in the United States will most likely recognize and have a desired interest to read more about during this time in history. Authors can fictionalize and even romanticize them in a way that fits readers’ expectations. In fact, Disney portrays Anastasia and Rasputin in the 1997 movie, *Anastasia*, as the last surviving child of the Romanov Empire who must now find her way in life as a teenager against the evil forces of the villain Rasputin. These characters and others are easy for authors to name as their protagonists and villains, and the historical context of the Russian Revolution surrounding them drives the plotline.

RASPUTIN

The most notable character in these YA novels is Rasputin, who appears in 10 out of the 12 novels studied. Born in Siberia, Grigory Efimovich Rasputin, a self-proclaimed “starets” (holy man/religious advisor) gained the trust of the Tsarina and became an advisor to not only the Tsarina, but also supposedly the Tsar. Rasputin convinced them he had

magical powers to prevent their son, Alexei (heir to the throne), from dying of his incurable disease of hemophilia (a blood disorder where blood does not clot, which can cause internal bleeding due to being bruised or bumped). Throughout the novels, Rasputin is noted as a wild, drunk, smelly, sexually aggressive, lewd, and illiterate man. Authors describe him as frightful: dressed in baggy peasant clothes, covered in filth down to his muddy, leather boots. He has a long, dark, greasy beard with flecks of food in it, long stringy hair, and piercing, hypnotic, blue eyes.

In *Blood Red, Snow White*, Sedgwick's prose reads, "He was said to be a great lover, and it was even rumored that he was having an affair with the Tsarina herself" [p. 44]. In *Anastasia's Secret*, Rasputin fondles Anastasia's breasts in front of the Tsarina. In one passage, Anastasia says, "He had a way of making me feel like the child I believed I had left behind, and yet at the same time very conscious of the woman inside me" [p. 87]. In *Dreaming Anastasia* (2009) by Joy Preble, Anastasia writes a letter to her mother claiming, "So you let that monster into our lives, thinking he was the only one who could save your son. That creature, Rasputin, who called himself Father Grigory and stood in our room for so long one night while we girls were already in our nightgowns that my cheeks grew hot from anger and embarrassment and the servants began to gossip about his intentions" [p. 130]. In *Anastasia and Her Sisters* (2015) by Carolyn Meyer, however, he is viewed through Anastasia's eyes as a saint and fatherly figure. In one passage, Anastasia comments, "When Father Grigory visited my parents, he usually came to our rooms and spent time with my sisters and me, talking quietly and praying with us in front of our holy icons" [p. 26].

In some of the books, he has a minor appearance, such as appearing to heal Alexei's bleeding, which is shown through first person account, usually a member of the Romanov family, usually Anastasia, or aristocracy, such as a childhood friend or lady-in-waiting to Anastasia. His death is also described in great detail in many of the books. In *The Family Romanov*, Fleming begins her section entitled "Death to the Starets" below:

It was just before midnight and snowing heavily when Rasputin arrived at Prince Yusupov's palace. The starets had been lured there by the promise of finally meeting the prince's wife, Irina, reportedly the most beautiful woman in Petrograd. <...> At first, everything went according to plan. Yusupov showed Rasputin into a basement room where he plied the starets with wine and cakes that Dr. Lazovert claimed to have been laced with cyanide [p. 151–152].

To continue the fateful evening, the main character in *Angel on the Square*, 12-year-old Katya, describes the numerous attempts to kill Rasputin in her own words:

They fed him poisoned petits fours. He ate them all up and did not die. They shot him. Still he did not die. Finally they hit him with a club and threw him into the river. I could not get the image of the murdered man out of my mind. I had nightmares of his bloody body rising out of the icy Neva and making its way back to the palace [p. 171].

Most notable, however, were the novels that involved Rasputin in much of the plotline and fictionally altered his life. For example, in *The Curse of the Romanovs* (2007) by Staton Rabin, Rasputin is revealed to be Alexei's father instead of the Tsar. In this story, Alexei witnesses Rasputin's sexual advances toward his mother and in turn, asks his cousin, Felix, to murder him. Rasputin avoids death with his mystical powers by time traveling to the future. He knows Alexei was behind his murder and seeks revenge on him. Alexei is aware of Rasputin's revenge and learns to time travel due to absorbing many of the spiritual, mystical powers used to cure him. Because of this newfound power, Alexei escapes death during the fateful night of the basement execution and time travels to New York City, in 2010, where Rasputin waits for him.

Another example of a twist in plot surrounding Rasputin's life is in *The Fetch* (2009) by Laura Whitcomb. In this story, Calder, a 19-year-old Fetch (a death escort), repeatedly shows up at Alexei's bedside when he is near the brink of death due to hemophilia. Anastasia and Alexei are the only people who can see him, since he is a shadow. He appears at Rasputin's side who one night drinks himself to death in his bathtub. Rasputin's soul makes a deal with Calder to experience eternity for three days, but this deal means Calder must then enter Rasputin's body as a mortal on Earth. During the infamous scene in Yusupov's basement, Rasputin has difficulty dying after a series of attempts were made on his life, i.e., poisoned cakes, stabbing, bludgeoning, three gunshots, because Calder was in his body rather than Rasputin, and therefore cannot die.

Even though Rasputin played little role in the events leading up to the Russian Revolution before his death, the mysticism surrounding him, especially during the events of his murder, makes for a great character in historical fiction. He can easily become a natural villain in YA lit plots, which in many of these books forces the protagonist to mature and confront "evil."

ANASTASIA

The second most popular character was Anastasia, as mentioned earlier. However, in many of the books, the reader watches as Anastasia matures into a beautiful “woman” (even though she was only 17 when she died). Most of the books begin with Anastasia as a foolish, naïve, innocent, 12-year-old. Anastasia describes herself in *Anastasia’s Secret* in this manner:

I am shorter and a little on the plump side compared to my sisters, and my hair persists in kinking into unruly curls. I’m just one of the grandduchesses, not usually singled out for any kind of comment. Even Mama, who makes an outward show of treating us all the same, scolds me for not being as graceful as Olga and Tatiana, or as sweet tempered as Mashka [p. 52].

In *Angel on the Square*, 12-year-old Katya comes to live with the Romanovs since her mother is training to be a lady-in-waiting to the Tsarina. Anastasia is also 12 and is depicted as “fun loving and more high spirited, but her practical jokes were sometimes cruel, and I winced when she played them on the servants, who could not complain” [p. 102–103]. She is also viewed as naïve in this novel due to her sheltered childhood. Here is an excerpt where Katya tried to tell Anastasia what she witnessed at a paper factory:

We seldom had conversations about what was going on in the country. I had not forgotten the children who were working in the government paper factory. I had not given up my idea of finding a way to let the Tsar know about the factory. One afternoon I tried to tell Stana about the children and about the strikes, but she wouldn’t listen.

“That is just propaganda,” she said. “It’s all lies told by the revolutionaries.”

“No, Stana,” I said, “I saw it with my own eyes.”

Stana grew angry. “You are our guest here, Katya. You have no right to say things against my papa” [p. 103].

Throughout many of the books where Anastasia is the protagonist, the reader senses her desire to grow up quickly. In *Anastasia and Her Sisters*, Anastasia says, “I wanted to wear a real ball gown, like Olga’s and Tatiana’s, but I was sure Mama would insist that Marie and I dress like ‘girlies’ and wear our usual white dresses” [p. 109]. In *Dreaming Anastasia*, Baba Yaga takes Anastasia “prisoner” during the family’s execution to protect her. Throughout the novel, Anastasia writes letters to her family during her captivity. As these letters progress, the reader senses maturity from Anastasia. Her character comes to terms with her

father, the Tsar, having an illegitimate son with his former lover, a ballerina, who becomes the antagonist in the novel. In *The Fetch*, Anastasia must be brave with her brother Alexei as they run from demons and Lost Souls and then accept their fate of death as souls in eternity. In *Anastasia's Secret*, Anastasia meets a soldier named Sasha and falls in love with him. Throughout the novel, as tensions rise between the Reds and the Whites, their love for each other also rises. On her 16th birthday, she and Sasha “consummate” their love, as shown in the following passage:

I, Anastasie, was loved by a man, a man I loved so much that I wanted to give myself to him completely. I wanted to be two people at once: the creature who had nothing but feelings and who was discovering her body in a way she never knew was possible, and my old self, standing aside and watching this love scene — so perfect, and yet real. But that feeling lasted only a moment. Soon I was lost in the sensations that welled up through my body in waves so powerful they made me forget who I was. I let all consciousness go and took that step off a high cliff, trusting that Sasha would keep me safe. Trusting that he cared enough for me to protect me against anything [p. 203].

Furthermore, Anastasia is depicted as witnessing war firsthand when she accompanies her mother and sisters to hospitals. In some books, she helps men write letters to their families, and in others, she reads to the wounded soldiers, which affected her. In *Anastasia and Her Sisters*, she reflects, “Every day I visited wounded soldiers who in the morning were murmuring their thanks for my reading them letters <...> and who in the afternoon were dead, a white sheet pulled over their faces, and I'd had no chance to say good-bye <...> Suffering and death were all around me, and I never did get used to it” [p. 156].

Anastasia is a figure in history shrouded in mystery. According to some of the authors mentioned above, little research is available about the four daughters and Alexei except for accounts from tutors and servants who lived with them. However, readers know her fate. She is and will be forever 17, and there is sadness with that reality. Authors of historical fiction have the ability to manipulate the circumstances surrounding her death and possibly even make it so that she lives. Indeed, she makes for the ideal teen protagonist.

TSAR NICHOLAS II

Another member of the Romanov family, and key character in the events leading up to the Russian Revolution is Tsar Nicholas himself. However, he is not a main character in any of the books in this

microtrend. If anything, he plays the role of the father, a distracted father, and a background character, as in most YA literature. His distraction, of course, is due to the imminent uprising and eventual abdication. In *The Lost Crown*, Maria notes, “Waking up every day and remembering Papa’s gone to the front is like biting into a bonbon with nothing in the center” [p. 33]. When referring to Alexei’s often spoiled behavior, Anastasia notes in *Anastasia and Her Sisters*, “The only one he obeyed without question was Papa, and often Papa was too engrossed in a conversation to notice his misbehavior” [p. 53]. But he is also portrayed as a loving father and doting husband, unabashedly in love with his wife, Alexandra. In *The Gathering Storm* by (2012) by Robin Bridges, the readers meet Nicky, a young Tsarevitch, and his courtship of Alexandra. This scene is just after the pair ice skate during a winter afternoon:

“You will get to wear your beautiful dress and hear the music. And you will see Alix in her lovely Worth gown.” Elizabeth looked at the tsarevitch over her cup of cocoa. “Alix looks lovely in lavender, don’t you think, Nicholas?”

“Oh, yes,” Nicholas said dreamily.
Alix blushed and smiled shyly [p. 108].

Throughout many of the novels, especially books where Anastasia is the protagonist, Nicholas and Alexandra’s marriage is portrayed as loyal and very loving. For example, in *The Lost Crown*, Anastasia notices how Papa consoles Mama after Aleksei (spelling used in the book) falls ill. They’re at the train station: “Papa steps out, and right then I want to run to him. But he goes straight to Mama’s side and hooks his arm around her waist. Tatiana steps back to join my sisters as he speaks softly in Mama’s ear” [p. 65].

Some books depict the Tsar as patriotic, concerned for his country as well as filled with anguish, as in *Angel on the Square*, when Katya observes the royal family eating a meager dinner while in exile in Tobolsk, Siberia. Below is the excerpt:

He looked about at his children, shabbily dressed and bundled against the cold. He looked at the table with its frugal meal. He sank down onto a chair. “I gave up everything because I thought I would save Russia. Now a third of our country is gone, given away by the Bolsheviks.” He bowed his head and covered his face with his hands [p. 242].

Similarly, he is portrayed as old and worn down after he abdicates from the throne in *The Lost Crown*. Through Tatiana’s eyes, the reader

sees how his oldest daughter, Olga, now sees him: “Strands of silver streak his red beard. I cannot remember whether they were there the last time I saw him. He seems sad, almost ashamed of himself at first, but not worried. How long has it been since Papa has not looked worried?” [p. 111].

Overall, the Tsar’s relationship with his family is viewed as his strength, while in many of these titles, he is described as a tyrant and unsympathetic character. For example, in *Blood Red, Snow White*, after news of Rasputin’s death, the omniscient narrator says, “They had thought that the Tsarina, freed from his tyranny, would in turn free the Tsar from his feeble decision making. Quite the reverse was true, and the Tsar imposed further strictures on his ministers and tried to clamp down even harder than he already had” [p. 56–57]. In *Anastasia’s Secret*, Anastasia realizes that her father might be unsympathetic to the casualties of war. She narrates, “He was disturbed. I could see that. But in a way that had more to do with the Germans being on his territory than about the thousands of men who had died” [p. 49].

Occasionally, the Tsar was viewed as a weak leader who was incapable of making any decisions. In *Dreaming Anastasia*, Ethan, who has vowed to restore power to Russia and save Anastasia and the girl, Anne, who dreams about Anastasia, states, “At the beginning, it was about restoring a Romanov to power. That was our mission. That’s what I believed when I pledged to do this thing — the Romanovs were the rightful rulers of Mother Russia, even if Nicholas was a poor excuse for a tsar” [p. 165–166]. In *Anastasia’s Secret*, Nicholas’s mother comes for a visit and warns her son, “Can you not see that Alexandra is ruining you? Everyone at court hates her. They think she has you wrapped around her finger, and that all the decisions you make are at her behest” [p. 110].

While many books show the Tsar’s abdication and impending execution, showing sympathy for him and his family, other titles portray sympathy toward the Bolsheviks. In *Tsarina*, there is a shift in thinking which progresses as the main character, Natalya, daughter of nobility, befriends a Bolshevik sympathizer, Leo. For example, early in the novel, Natalya tells the reader:

For a noble girl, I thought myself quite liberal; after all, I wanted many things the Reds wanted. I wanted the people to have food, money. I wanted people to be happy. But the Reds thought their happiness meant tearing down the nobility, destroying people like me. Like the other Whites, this

notion left me far more angry than piteous. I didn't make them poor, nor did I make my family wealthy. If we handed over our wealth, who would employ them? Who would give them work? [p. 21–22]

Later on, Natalya sees events from which her life in aristocracy has shielded her, such as children wearing open-toed shoes, selling matchsticks in the dead of winter. She tries to understand the Reds' position and their belief system, and Leo is eager to share his thoughts: "The Reds are about equality. About the people ruling themselves. About having votes and voice. Meanwhile, the Whites kill peasants, trample on factory worker — they even murdered Rasputin" [p. 119]. Still, toward the end of the novel, Natalya agrees to disagree with Leo, realizing that even though they both strongly believe in their side's cause, beneath it all, they were both Russian and wanted what was best for their beloved country.

BOLSHEVIK LEADERS

Blood Red, Snow White also portrayed this nationalism between two characters introduced early on to the reader as a Russian named Vladimir, and a Jew named Lev, who were "firm friends, though they spent much of their time arguing" [p. 48]. Since the beginning of the book is told with fairy tale motifs and in a fairy tale-style narrative, the friends come across a bear in the woods that wants to eat them. They convince the bear that it should "stand against the man who has taken the food from your mouth!" [p. 50]. The bear asks whom should he eat? Lev's response:

The Tsar, of course. He's the one responsible. He has starved the land, and you, the great Russian bear, for too long. He must be swept away! Wipe him from the face of the earth, and you will go hungry no more! <...> The Tsar, and the whole system he controls. A handful of people, unimaginably rich, who have taken everything this country has for themselves, and left you with nothing! Now you must fight to get it back! You must fight! [p. 50]

Later in the story, the metaphorical bear "had already become what it had been waiting to be, and the men who set it on its journey changed, too. Lev became Trotsky, Vladimir took the name Lenin, and they stepped into a bright and furious modern world — blood red, and snow white" [p. 71]. Woven through this novel is no definitive right and wrong regarding sides. Instead, the main character, an adult male (which is atypical in YA literature) named Arthur Ransome works for both the Bolsheviks and England to deliver messages

as a journalist. (He is also a famous children's author who wrote *Old Peter's Russian Tales*). Trotsky is portrayed as a charismatic, confident leader. Arthur noted that he "felt overawed. Why were there some people who seemed so sure of themselves that it made him feel small and ignorant by comparison, as if they had a script to life with all the answers on it? He felt he didn't even know the questions" [p. 105]. He even appears arrogant when he tells Arthur, "I can end the war between Germany and Russia by myself" [p. 108], and "I have to save this Revolution" [p. 108].

However, Trotsky also appears dangerous. In a meeting in Trotsky's office in the Smolny Institute in Petrograd, Arthur notices a small bullet hole in the wall. Trotsky's reply? "That?" he said, rubbing his ear. He grinned sheepishly. "I was ... holding my pistol ... trying it for size, and the next thing ... Bang!" [p. 106]. Later in the novel, Trotsky becomes wary of Arthur, and it is Lenin who tells Trotsky "not to be so suspicious of an old friend of the Bolsheviks" [p. 217].

Unfortunately, specific characters who shaped events leading up to and during the revolution were not prominent characters in most books. Instead, the books told the war from general sides, the Reds versus the Whites. And there were moments of sympathy toward the Reds, but overall, since most stories were told from the viewpoint of nobility and privilege, the revolution was seen through naïve eyes, sympathetic mostly toward the Romanov dynasty and nobility.

IMPLICATIONS AND IMPLIED MESSAGES

These historical fiction books are engaging, creative works surrounding a fascinating time period in Russian history, and a part of history that rarely gets taught in the United States. Because of this lack of experience with material, two events may occur for young adult readers; first, some readers might become enthralled with the Russian Revolution; wanting to read everything they can get their hands on, as I did. Making these fictional books "jumping off" points for readers to immerse themselves in other nonfiction accounts of the events they experienced as readers. Or, second, the opposite could occur; because some readers might not be familiar with the historical context of the Russian Revolution, this lack of background schema might interrupt the reading process, especially regarding reading comprehension. As Rosenblatt (1995) noted, "To share the author's insight, the reader need not have had identical experiences, but he must have experienced some needs, emotions, concepts, some

circumstances and relationships, from which he can construct the new situations, emotions, and understandings set forth in the literary work” [p. 77]. Therefore, the events in these plots may not be shared events for the readers, but the emotions due to adolescent themes, and some of the relationships formed with the protagonists can become co-constructions of knowledge and understanding for readers.

Overall, these novels would be a welcome addition to any curriculum centering on the Russian Revolution or even revolutions in general. However, a critical awareness must be addressed with young adult readers. Reading with a critical eye, for example, means noticing whose voices are missing from these texts. What message are we sending readers when most of the books highlight nobility and wealthy lifestyles? When the ethnic makeup is predominantly white? And when romantic relationships are formed based on heteronormativity?

Furthermore, in many of these books, the reader is made to feel sympathy toward the Tsar and the Romanov family. Some books depict the atrocities of war; however, these deaths are mentioned as casualties of war rather than the effect of the Tsar’s orders/commands to send thousands of unprepared soldiers into war, or the needless deaths of thousands of starving civilians, especially when an imbalance of wealth is displayed in most of these books.

Finally, is it okay to use Anastasia? Why not the other sisters? Is it because of her youth and innocence? Or was it because of the mysterious conspiracy that lingered long after her execution, and how people claimed to be the missing princess, Anastasia? What framework do we want the Russian Revolution to be remembered? In these novels, there is a definitive lens through which events and people are portrayed, but there are always two sides to every story.

HAPPILY EVER AFTER?

Historical young adult fiction opens windows to other time periods and people, oftentimes revealing events that should not be forgotten. History is filled with hidden secrets waiting to be discovered. Readers of historical fiction enjoy discovering historical truths embedded in fiction. This is why many educators in the United States now include historical fiction as supplementary texts in the curriculum in order for students to immerse themselves in the narrative of a particular time period in history. Through reading these books, students will immerse themselves in another time period and recognize events and prominent characters that led to one of the most important revolutions in world

history. However, they will also recognize inconsistencies. Here, educators can offer valuable lessons on what it means to write and read historical fiction and how authors can take certain liberties with characters and plot events in order to craft a good story.

Moreover, the themes in these books allow teens to connect to historical events on an emotional level, where statistics and artifacts become human events. The YA books in this microtrend were written for teens, using a teen voice (excluding *Blood Red*, *Snow White*), and readers witnessed protagonists maturing and solidifying their identity through crisis, which usually surrounded the Russian Revolution. Most importantly, historical young adult fiction connects young adult readers across all areas of the world together, thus forming a shared understanding of hidden truths revealed through the narrative comfort of fiction.

Sources

- Bridges R.* The gathering storm (Katerina). New York, NY: Delacorte Press, 2012.
- Dunlap S. E.* Anastasia's secret. New York, NY: Bloomsbury, 2010.
- Fleming C.* The family Romanov: Murder, rebellion & the fall of Imperial Russia. New York, NY: Schwartz & Wade Books, 2014.
- Maguire G.* Egg & spoon: A novel. Somerville, MA: Candlewick Press, 2014.
- Meyer C.* Anastasia and her sisters. New York, NY: Simon & Schuster Books for Young Readers, 2015.
- Miller S. E.* The lost crown. New York, NY: Atheneum Books for Young Readers, 2011.
- Patrick J. N.* Tsarina. New York, NY: Razorbill, an imprint of Penguin Group (USA), 2014.
- Preble J.* Dreaming Anastasia. Naperville, IL: Sourcebooks Jabberwocky, an imprint of Sourcebooks, Inc, 2009.
- Rabin S.* The curse of the Romanovs. New York, NY: Margaret K. McElderry Books, 2007.
- Sedgwick M.* Blood red, snow white. New York, NY: Roaring Brook Press, 2007.
- Smith L.* Sekret. New York, NY: Roaring Brook Press, 2014.
- Standiford N.* The boy on the bridge. New York, NY: Scholastic Press, 2013.
- Whelan G.* Angel on the square. New York, NY: Harper Collins, 2001.
- Whitcomb L.* The fetch. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2009.

Studies

- Bucher K. T., Hinton K.* Young adult literature: Exploration, evaluation, and appreciation. 2nd ed. Upper Saddle River, NJ: Allyn & Bacon, 2009.
- Cross A.* The (im) possibility of objectivity: Narrating the past in young adult historiographic metafiction // *The ALAN Review*. 42:3 (2015). P. 12–21.
- Dunlap S. E.* (2010). Anastasia's secret. New York, NY: Bloomsbury.
- Fleming, C.* (2014). The family Romanov: Murder, rebellion & the fall of Imperial Russia. New-York, NY: Schwartz & Wade Books.

- Maguire G.* (2014). *Egg & spoon: A novel*. Somerville, MA: Candlewick Press.
- Meyer C.* (2015). *Anastasia and her sisters*. New York, NY: Simon & Schuster Books for Young Readers.
- Miller S. E.* (2011). *The lost crown*. New York, NY: Atheneum Books for Young Readers.
- Nilsen A. P., Blasingame J., Donelson K. L., Nilsen D. L. F.* *Literature for today's young adults*. 9th ed. Boston, MA: Pearson, 2013.
- Ninning A.* Where historiographic metafiction and narratology meet: Towards an applied cultural narratology // *Style*. 38: 3 (2004). P. 352–378.
- Patrick J. N.* (2014). *Tsarina*. New York, NY: Razorbill, an imprint of Penguin Group (USA).
- Preble J.* (2009). *Dreaming Anastasia*. Naperville, IL: Sourcebooks Jabberwocky, an imprint of Sourcebooks, Inc.
- Rabin S.* (2007). *The curse of the Romanovs*. New York, NY: Margaret K. McElderry Books.
- Rosenblatt L. M.* *Literature as exploration*. New York, NY: The Modern Language Association, 1938/1995.
- Rosenblatt L. M.* *The Reader, the text, the poem*. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1978.
- Rosenblatt L. M.* "What fact does this poem teach you?" // *Language Arts*. 57: 4. (1980). P. 386–394.
- Roxburgh S.* *The art of the young adult novel* // *The Alan Review*, 32:2 (2005). P. 4–10.
- Sedgwick M.* (2007). *Blood red, snow white*. New York, NY: Roaring Brook Press.
- Smith L.* (2014). *Sekret*. New York, NY: Roaring Brook Press.
- Standiford N.* (2013). *The boy on the bridge*. New York, NY: Scholastic Press.
- Stephens J.* *Young adult: A book by any other name...: Defining the genre* // *The ALAN Review*. 35: 1 (2007). P. 34–42.
- Whelan G.* (2001). *Angel on the square*. New York, NY: HarperCollins.
- Whitcomb L.* (2009). *The fetch*. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt.

Appendix

List of Young Adult Titles Surrounding the Russian Revolution and Brief Summaries

Bridges, R. (2012). *The gathering storm (Katerina)*. New York, NY: Delacorte Press

Katerina, a royal debutante and duchess, discovers she can raise the dead, which she considers a curse. However, will this necromancer curse assist her in saving the Tsar? Faeries, vampires, and undead flesh eaters abound in this historical fiction-fantasy account of Saint Petersburg in the late 1800s.

Dunlap, S. E. (2010). *Anastasia's secret*. New York, NY: Bloomsbury

Anastasia tells the story of how her family members were removed from the imperial palace and exiled to Siberia, and while held captive, she begins a romance with a guard who could possibly save her life.

Fleming, C. (2014). *The family Romanov: Murder, rebellion & the fall of Imperial Russia*. New York, NY: Schwartz & Wade Books

An amazing historical account starting with Nicholas II's family lineage and early Russia continuing through 1920 with life under Lenin. Numerous primary sources are included, including documentation of peasant life.

Maguire, G. (2014). Egg & spoon: A novel. Somerville, MA: Candlewick Press

A train heading to visit the Tsar breaks down near Elena's poor village. Ekaterina, a girl of Elena's age, befriends her and the two switch lives due to a comedy of errors involving a Faberge egg. Only Baba Yaga can help correct the mix-up and save Russia from losing its magic.

Meyer, C. (2015). Anastasia and her sisters. New York, NY: Simon & Schuster Books for Young Readers

While Anastasia snoops through her older sisters' diary entries in the comfort of her palaces, Russia is changing outside. Told over the course of seven years, Anastasia shares her innermost thoughts about the war, her father (the Tsar), and the harsh living conditions for her and her family in exile.

Miller, S. E. (2011). The lost crown. New York, NY: Atheneum Books for Young Readers

Told through the four daughters of Nicholas II, Olga, Tatiana, Maria, and Anastasia, each chapter provides a different narrative and perception of events leading up to World War I. With the war, readers witness how each life changes due to political unrest and eventually the revolution.

Patrick, J. N. (2014). Tsarina. New York, NY: Razorbill, an imprint of Penguin Group (USA)

Natalya and the tsarevitch, Alexei, have a budding romance. He is protected by the power of a Faberge egg. The Reds are accused of stealing it after raiding the Winter Palace. Now Natalya must find the egg to save Alexei's life. She receives assistance from a Red supporter, Leo, who also wants the egg for his own purposes. Who will find the egg first, and will it save Alexei?

Preble, J. (2009). Dreaming Anastasia. Naperville, IL: Sourcebooks Jabberwocky, an imprint of Sourcebooks, Inc

Believed to be dead by the world, Anastasia is alive and well, kept in the house of Baba Yaga, who was summoned by an ancient brotherhood to protect the Romanov dynasty. Anne, a teenager living in present day Chicago can't stop dreaming about Anastasia. Ethan, a 100-year-old teenager, protected by the brotherhood, recognizes Anne's dreaming power and warns her that evil is near. However, who is evil? Who can be trusted? Baba Yaga? A page-turner told through chapters rotating points of view among Anastasia, Ethan, and Anne.

Rabin, S. (2007). The curse of the Romanovs. New York, NY: Margaret K. McElderry Books

It's 1916; Alexei Romanov is in danger, and only Rasputin can help. However, Rasputin has ulterior motives for helping Alexei, and Alexei knows this. He escapes Rasputin's grasp through time travel, only to find himself in New York City in 2010. He encounters a distant cousin named Varda who happens to be working on a cure for hemophilia. Will she be able to save him before that fateful night in 1918 when they both must travel back in time? Or will it be too late? Told through humorous dialogue and witty banter, this book is a riveting adventure.

Sedgwick, M. (2007). Blood red, snow white. New York, NY: Roaring Brook Press

Arthur Ransome, famous children's author, leaves his wife and daughter in England and begins a rousing adventure in Russia where he is accused of being a double agent by both England and Russia. He falls in love with Trotsky's secretary, and both flee for

freedom during the civil war. Told in three sections: as a fairy tale, one night in Arthur's life, and finally from Arthur's point of view, this book is a page-turner filled with mystery and suspense with Russia as an incredible backdrop.

Whelan, G. (2001). Angel on the square. New York, NY: HarperCollins

Katya's mother has been selected to be a lady-in-waiting for the Tsarina. Her family moves inside the palace walls where she befriends Anastasia. Katya witnesses the Tsar's erratic behavior and slowly begins to question her feelings for the Whites. When the Romanovs are sent to Ekaterinburg, Katya and her mother are no longer allowed to accompany them, so they make the long journey back to their old aristocratic lives, only to find that nothing remains and they must start over again, living as peasants. Will they survive this unaccustomed lifestyle?

The fetch. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt

Calder, a death escort, falls in love with a mortal girl, who happens to be the Tsarina. Only Alexei and Anastasia can see him each time he appears at Alexei's bedside. He encounters Rasputin, who is on the brink of death in a bathtub, and Rasputin bargains with him to trade places for three days so that he can experience eternity. Will Rasputin keep his end of the deal and exchange back, or will Calder be stuck in Rasputin's body forever? And more importantly, can Calder save Anastasia and Alexei from their impending deaths?

М. Литовская

КУРС МОЛОДОГО БОЙЦА: ЖАНР ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОВЕСТИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ В ЛИТЕРАТУРЕ 1930-х гг.

Прямо сформулированная идеологическая потребность в детской литературе, формирующей в сознании молодого поколения единые представления об отечественной истории и закономерностях ее развития, рассказывающей о предпосылках возникновения советской страны, породила к жизни множество текстов об истории революционного движения, адаптированных для подростков. В советской литературе на пересечении авантюрной повести и историко-революционного романа сложился жанр историко-революционной подростковой повести, специфика которого рассматривается на примере повести Б. С. Ицына «Подростки».

Ключевые слова: литература и идеология, советская детская литература 1930-х гг., жанр, историко-революционная повесть, Б. С. Ицын.

С первых лет своего возникновения советская власть регулярно объявляла конкурсы на создание «исторических» текстов, «которые, будучи полноценными творениями искусства, составили бы цепь “исторических чтений” для многомиллионного советского читателя, для подрастающей молодежи» [Создадим, с. 1]. В число «молодежи» включались, конечно, подростки, которым были адресованы свои тексты об истории Советской страны. Выбор текстов, наиболее соответствующих воспитательным и образовательным задачам, затем их широкое распространение через систему переизданий и библиотечные рекомендации призваны были формировать в сознании молодого поколения единые представления об отечественной истории и закономерностях ее развития.

Общепринятая советская хронология истории Советской власти начиналась с Октябрьской революции 1917 г., но предыстория установления нового строя также широко освещалась, в том числе и в художественных текстах для детей. Этому было немало причин. Во-первых, истории из дореволюционного прошлого могли служить

и служили наглядной иллюстрацией того, как протекала классовая борьба и вызревала революционная ситуация. Во-вторых, они позволяли так же наглядно показать преимущества нового строя для тех слоев населения, что ранее находились внизу социальной лестницы (дети рабочих, кухаркины дети и т. п.). В-третьих, они формировали набор значимых имен и фактов, с которыми связывался советский вариант истории (Кровавое воскресенье 9 января 1905 г., Николай Бауман, баррикады на Красной Пресне и т. п.). В-четвертых, они закрепляли основу популярного сюжета о росте самосознания и самовоспитания в процессе революционной работы, который, как предполагалось, мог служить образцом для читателя.

Жанры, предназначенные для повествования об истории, — исторические роман и повесть, были к тому времени в литературе хорошо разработаны, осмыслены и нуждались лишь в соответствующей адаптации¹. Поскольку центральным событием всемирной истории в ее советском варианте считалась Великая Октябрьская социалистическая революция, в СССР разрабатывается разновидность исторического романа (повести), отличительной чертой которой является вынесение в качестве сюжетной основы истории подготовки и проведения социальной революции. Эта разновидность получает в критике название историко-революционного романа (повести) и в дальнейшем воспринимается как неотъемлемая часть жанровой системы социалистического реализма [Оскоцкий 1980; Петров 1986].

Тема социалистической революции задавала не только материал текста, но и способы его изображения. Партийность литературы в тогдашнем смысле слова предписывала писателям транслировать знание, контуры которого были обозначены в Уставе Союза советских писателей как «правдивое, исторически конкретное изображение действительности в ее революционном развитии» [Первый Съезд, с. 712]. Центральные события историко-революционных романов и повестей связаны с разворачиванием революционной агитации и ростом классового революционного самосознания.

В основе фабулы — история нескольких людей на фоне развивающихся революционных событий. Персонажи, обычно связанные родством или местом жительства, размещаются таким образом, чтобы сделать наглядными социально-классовые противоречия дореволюционного мира, революционные преобразования представляются как жизненно необходимые, а свершение революции — как результат усилий положительных персонажей.

Являясь более, чем какие-либо другие, «государственными», и к тому же в известной степени обучающими жанрами, историко-революционные роман и повесть выполняли в обществе нормирующую функцию, показывали сходство процессов революционизации в разные времена и в разных точках социального пространства России. Главное достоинство этих жанров часть критики как раз видела в том, что авторов «не интересуют личные взаимоотношения героев, быт и нравы эпохи», а все внимание сосредоточивается «на передаче идейного содержания... движения» [Удонова 1961, с. 24]. Одним из направлений такого движения была идея символического выравнивания центра и периферии. Ее реализация, судя по всему, предполагала среди прочего создание единой для всего СССР истории нарастания революционных настроений в обществе, подчеркивающей общность процесса в центре и на местах. Для этого авторы соотносили жизнь вымышленных персонажей, живущих в разных регионах России, и события общероссийской истории, подчеркивая вовлеченность своих персонажей в общее политическое социал-демократическое движение.

Исторический материал, связанный с подготовкой и первыми этапами революции, начинают широко использовать в книгах для подростков, особенно в литературе 1930-х гг. после того, как на высшем писательском уровне резкой критике были подвергнуты «чудо-герои» и «красные дьяволята» периода Гражданской войны [Маршак 1990, с. 30], и героические поступки этого времени «закрепили» за взрослыми участниками. Время действия повестей сместилось, добавилось правдоподобных деталей в рассказы об участии молодых людей в значимых исторических событиях, но, поскольку у читателя-подростка сохраняется потребность в «фабульной книге», основанной на увлекательных «приключениях», в книгах сохраняется и элемент тайны, и большое количество опасных ситуаций, и неожиданность в развитии событий.

Писатели предлагают разные варианты подобных книг, и довольно быстро становится ясно, какие из них получают популярность у читателей. В ряд с «Белеет парус одинокий» В. Катаева (1936), «Марийкиным детством» Д. Бродской (1937), «Клашей Сапожковой» А. Голубевой (1938) и др. встала и книга уральского автора Б. С. Ицына² «Подростки» (1937).

Во всех подобных книгах есть общие черты. Это энергично развивающаяся фабула, созданная на пересечении традиционного романа воспитания, автобиографической и — в некоторых случа-

ях — школьной повести. Главными героями всегда являются молодые люди, биографически столкнувшиеся с революционными событиями и помимо своей воли вовлеченные в них. Постепенно они учатся понимать исторический смысл событий, которые наблюдают и в которых участвуют. Автобиографическая составляющая этих текстов «отвечает» за появление в них довольно развернутых картин жизни тех слоев населения дореволюционной России, которые хорошо известны автору. Подобные тексты встречали обычно благоприятный прием у подросткового читателя, удовлетворяя его потребности в увлекательном чтении. Пройдя цензуру и критику, эти повести также соответствовали официально предписанным представлениям о революционной предьстории.

Рассмотрим один из образцов этого жанра — повесть Б. Ицына «Подростки». Опубликованная в Челябинске в 1937 г., затем переизданная в 1939, она была популярна среди читателей и замечена современной критикой [Рахтанов 1938; Слепнев 1938]. По словам автора заметок о детской литературе Челябинска Н. А. Капитоновой, «пожилые люди сегодня вспоминают, как они любили эту книгу в детстве. Читателей притягивал яркий сюжет, подлинные события, живые характеры ребят, описания знакомых мест» [Капитонова 2007, с. 157]. Как это нередко происходит со многими популярными приключенческими книгами, читатели хотели узнать, что случится с героями дальше, и Б. С. Ицын стал писать продолжение — повесть «Совершеннолетние» с теми же, естественно, более взрослыми героями, но уже во время Гражданской войны на Урале [Ицын 1938; Ицын 1939]. Урал в повести рассматривается как один из российских регионов, где в соответствии с авторской (и государственной) концепцией истории происходит процесс революционализации населения.

Повесть рассказывает о «ватажке» из шести южноуральских подростков. Трое из них мальчики — дети рабочих из небольшого заводского поселка, трое — челябинские девочки-гимназистки. История их дружбы и совместной деятельности рассказана автором в соответствии с двойными правилами. С одной стороны, это типичная подростковая повесть о приключениях и отношениях группы сверстников: краткая предьстория героев, знакомство друг с другом, общие шалости и важные дела, испытания разного рода конфликтами, возникновение сердечных привязанностей и т. п. С другой — это повесть о росте революционного сознания на Южном Урале в период первой русской революции, развернутая по правилам социалистического реализма.

Мальчики из рабочих семей сперва случайно узнали о какой-то «сходке» (слово им неизвестно) и столкнулись с деятельностью таинственной «организации», постепенно выяснили, что это подпольная большевистская ячейка, узнали, кто входит в нее, завоевали их доверие, начали выполнять все более сложные поручения ячейки, привлекли к помощи своих приятельниц-гимназисток и после участия в стачке и столкновениях с полицией 1905 г. уже «чувствовали себя настоящими революционерами» [Ицын 1937, с. 170]. Завершается повесть (в соответствии с историческим фактом) поражением рабочего движения на заводе, вынужденным отъездом из поселка не только легализовавшихся лидеров подпольной революционной организации, но и одного из мальчиков — повзрослевшего Вальки Кошельникова. Но, хотя в последних строчках повести сообщается о подъезде к Челябинску «карательной экспедиции генерала Меллер-Закомельского» [Ицын 1937, с. 214], читатель, который знает о будущей победе большевиков, остается с надеждой, что дело, в котором принимали участие девочки и мальчики, будет успешно продолжено. Таким образом, важная для текста социалистического реализма опция — исторический оптимизм — оказывается учтенной.

Особенную напряженность рассказанной челябинским автором истории могло придать то обстоятельство, что мальчики и девочки принадлежат к разным социальным группам. Несколькими годами раньше вышел роман Н. Островского «Как закалялась сталь», где драматическая любовная история Павла Корчагина и Тони Тумановой играла в сюжете важную роль. Но, хотя в повести Б. Ицына немало говорится о межклассовых конфликтах «народа» и «хозяев», отношения между подростками омрачаются только мелкими недоразумениями. Девочки-гимназистки, хоть и ходят регулярно в школу, сытно едят, красиво одеваются, живут с прислугой и т. п., демократически настроены и охотно приходят на выручку своим приятелям-рабочим, когда надо расклеить листовки, покараулить маевку или перенести детали для взрывных устройств. Те же, в свою очередь, помогают им отомстить злой директрисе и нелюбимым учительницам, рисуя и распространяя листовки, разъясняющие истинное положение дел в женской гимназии.

Так же легко и позитивно решается потенциальный возрастной конфликт. Двенадцати-тринадцатилетние герои, которых в начале повести неоднократно именуют «несмышленишками» [Ицын 1937,

с. 13], «путаниками» [Ицын 1937, с. 9] и сначала очень осторожно, проверяя каждый шаг, большевики просят исполнять несложные курьерские поручения, необычайно быстро взрослеют, получают оружие, наряду со старшими товарищами участвуют в стачке и подобных протестных акциях. В повести это объясняется нехваткой людей в революционной организации и социальным положением мальчиков, которые один за другим вынуждены оставлять учебу в школе, чтобы помогать взрослым содержать семью, но в любом случае младшие под благотворным влиянием старших быстро и легко осваивают и науку конспирации, и азы политграмоты. Хотя на каждой новой ступени посвящения герои обязательно совершают какой-нибудь «мальчишеский», то есть неразумный, проступок (самостоятельно берутся расклеивать листовки, рассказывают своим приятельницам о деятельности подпольной организации, стреляют на кладбище, чтобы попробовать оружие»), за ним следует лишь очередное разъяснение старшего товарища («А вы понимаете да помалкивайте» [Ицын 1937, с. 16]; «Если хотите быть настоящими помощниками, исполняйте то, что поручит вам организация» [Ицын 1937, с. 115] и т. п.) и никакого наказания ни со стороны людей, которых они подводят, ни со стороны обстоятельств, которые автор неизменно делает благоприятными для юных героев.

В результате (остальные конфликты в повести решаются подобным же образом) в повести Б. Ицына на первый план выходит приключенческая составляющая: обаятельные умные энергичные предприимчивые подростки неоднократно ловко обводят вокруг пальца полицейских и провокаторов, выручают друг друга и успешно справляются с самыми сложными поручениями большевиков. Неземное знание автором жизни дореволюционных подростков (он детально описывает библиотеку одной из девочек, гимназические нравы и нравы «улицы», мальчишеские уличные игры и т. п.) помогает ему уравновесить «революционную» составляющую фабулы, снижая тем самым прямолинейную пропагандистскую направленность повести: неуклонное движение подростков в революцию время от времени замедляется то их желанием кататься с новыми подружками на коньках, то локальным скандалом из-за подделанной подписи в дневнике. Заметим, кстати, что включенные в текст элементы школьной повести (описание быта и нравов женской гимназии, а также история с дневником), судя по сохранившимся пометам (и вырванным страницам) в библиотечных экземплярах повести, пользовались особой благосклонностью читателей.

«Заказчики» подростковой литературы понимали, что воспитание предполагает фиксацию в сознании молодого читателя и многократную трансляцию базовых ценностей и знаний, но делать это надо так, чтобы они были понятны аудитории, обучали, развлекают. Художественная литература прекрасно подходит для подобных целей, но только та, что соответствует уровню читательской компетенции подростка, поэтому лучше создавать ее по проверенным образцам. «Жанровая» литература, которая в силу самой своей природы имеет дело с хорошо проверенными «моделями», очень удобна для усвоения. В подростковой литературе фабула обычно основана на истории нелегкого (из-за незнания правил этой жизни, страха перед неизвестностью, невозможности быстро приспособиться к новому уровню ответственности) вхождения молодого человека во взрослую жизнь. История вовлечения молодого человека в революционную деятельность при таком повороте оказывается еще одним сценарием становления подростка, которому — в долгосрочной перспективе, хорошо понятной советскому подростку, — удастся выйти победителем из схватки с жизнью.

Приключенческая основа предоставляет широкие возможности для комментирования, которое содержит идеологический «экстракт» подростковой книги. Политические комментарии в «Подростках», во-первых, связаны с ситуацией вовлечения мужской части «ватажки» в деятельность организации, когда молодые рабочие-большевики объясняют мальчикам азы классового устройства общества. Во-вторых, старый золотоискатель Федосеич рассказывает мальчикам легенду об атамане-мстителе Рыжко-Золотом, который схоронил в Азов-гору награбленное у приказчиков и бар. Федосеич объясняет причины недовольства рабочих своей жизнью на наглядном полуполюгендарном-полуисторическом примере: «Жизнь... сроду горька. Сейчас несладко, а в те поры и вовсе житья не было. Народ беда, как маялся, а хозяева на маете это богатство себе добывали» [Ицын 1937, с. 13]. Федосеич объясняет «несмышленишам», что такое сходка, задает подросткам параметры самоидентификации (атаман Золотой становится кумиром Вальки), дает им первый урок классово сориентированной истории³.

Условности приключенческой повести (подростков без особой необходимости отправляют на смертельно опасные задания, они сами изготавливают листовки, ночью проникают в здание гимназии и т. п.) приобретают правдоподобие за счет уже знакомого чита-

телю описания дореволюционной жизни и общего соответствия рассказанной истории той информации о революционном движении, что он получает из других источников. Таким образом, приключенческая историко-революционная повесть (при всех индивидуальных отклонениях от формулы) активно участвует в воспроизводстве общественных стереотипов, связанных с историей революционного движения.

Советским молодым людям постоянно объясняли, почему победа революции была неизбежной и, одновременно, как трудно эта победа доставалась. Люди, прошедшие полномасштабную социализацию в советское время, иногда шутят, что их старательно учили организовывать революции. Листовки в шляпных коробках и газеты в чемоданах с двойным дном, маевки в пригородных рощах, формы вербовки новых участников подполья и перехода от экономических требований к политическим, важность захвата банков, мостов и телеграфов — этим знанием с ними щедро делились с детства.

Книги о революции были своего рода курсом молодого бойца, который, тем не менее, практически не был востребован. Одной из причин, возможно, была «упаковка» знания об организации революции в жанр историко-революционной повести, придававшая включенному в нее материалу характер увлекательного приключения, не менее дистанцированного от повседневности советского подростка, чем схватки мушкетеров и гвардейцев, индейцев и колонистов или первобытного человека и природы в борьбе за огонь.

Примечания

¹ См. об этом, например: [Васильева 1998]. О специфике исторического романа более подробно см.: [Бахтин 1986, с.121–190; Малкина 2002; Петров 1986].

² О Борисе Семеновиче Ицыне известно немного. Родился в 1905 г. в селе Бейтоново Сковородинского района Амурской области в семье румынского подданного. Учился в Благовещенской гимназии. Переехал в Челябинск из Сибири, работал на заводе им. С. Орджоникидзе, сотрудничал как журналист с челябинскими газетами. С 1937 г. был редактором детской литературы в Челябингизе, с 1939 г. — уполномоченным Союза советских писателей по Челябинской области, перед войной назначен ответственным секретарем железнодорожной газеты «Призыв». В 1943 г. был арестован и осужден по 58 статье, все рукописи были изъяты. В 1946 г. оправдан «за недоказанность состава преступления», но не освобожден. Еще два года отработал при лагерном управлении. В 1948 г. был откомандирован на Север, работал в газетах Салехарда и Игарки, позже переехал в Ярославль. Умер в 1968 г. [Капитонова 2001; Капитонова 2007].

³ О скрытой полемике Б. Ицына и П. Бажова в связи с интерпретацией образа сказителя см.: [Литовская, Прохорова 2017].

Источники

Бажов П. П. Зеленая кобылка // Бажов П. П. Сочинения: В 3 тт. Т. 3. М.: ГИХЛ, 1952.

Ицын Б. Новый отряд // Челябинский рабочий. 1939. 23 февраля.

Ицын Б. Подростки. Челябинск: Челябингиз, 1937.

Ицын Б. Совершеннолетние: отрывок из повести // Стихи и проза: лит. альм. Челябинск, 1938. Кн. 4. С. 127–154.

Ицын Б. Совершеннолетние: отрывок из повести // Стихи и проза: лит. альм. Челябинск, 1939. Кн. 5. С. 54–104.

Создадим художественную историческую литературу // Литерат. газета. 1937. 10 сентября.

Исследования

Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 121–190.

Васильева О. В. Исторический роман: традиция и жанр // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1998. Сер. 2. Вып. 4. № 23. С. 24–32.

Капитонова Н. А. Зарождение детской литературы на Южном Урале // Исторические чтения. Вып. 10. 2007. С. 154–158.

Капитонова Н. А. Ицын Борис Семенович // Челябинск: энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 345.

Литовская М. А., Прохорова М. Поиск вариантов описания дореволюционного детства в детской литературе Урала 1930-х годов: «Подростки» Б. С. Ицына и «Зеленая кобылка» П. П. Бажова // Дергачевские чтения-2016. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017 (в печати).

Малкина В. Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра. Тверь, 2002.

Маршак С. Я. Содоклад С. Я. Маршака о детской литературе // Первый Всесоюзный Съезд советских писателей. 1934: Стенографический отчет. Репринтное издание 1934 года. М.: Советский писатель, 1990. С. 20–38.

Оскоцкий В. Роман и история. М.: Художественная литература, 1980.

Петров С. Русский советский исторический роман. М.: Современник, 1980.

Рахтанов И. «Подростки» (письмо автору) // Детская литература. 1938. № 14. С. 18–21.

Слепнев Н. Об овладении мастерством или несколько дружеских советов тов. Ицыну // Детская литература. 1938. № 14. С. 21–24.

Удонова З. Основные этапы развития советского исторического романа. М.: Б.и., 1961.

К. Абрамова

ЖУРНАЛ «ТОВАРИЩ» (1928–1931 гг., г. НОВОСИБИРСК): АВАНГАРДНЫЕ ЧЕРТЫ СИБИРСКОГО ПИОНЕРСКОГО ЖУРНАЛА*

В статье рассматривается детский журнал «Товарищ», выходивший в Новосибирске с 1928 по 1931 гг. В статье представлен анализ особенностей содержания и оформления журнала, характерных для авангардных периодических изданий 1920–1930-х гг. В центре исследования — проявленное редакцией стремление следовать установкам «литературы факта», которое сочеталось с регулярным смещением приемов, направленных на стирание границ между «реальностью» и «литературой», с ориентацией на литературную традицию.

Ключевые слова: авангард, сибирская периодика, пионерские журналы, «литература факта», монтаж, «Сибирский детский журнал», серийность, иллюстрации, журнал «Товарищ».

В 1920-е гг. в Сибири, как и во всем Советском Союзе, происходит перестраивание всех сфер общества, в том числе детской литературы и журналистики. В послереволюционные годы в сибирской периодике резко возрастает число изданий, нацеленных на молодежную и детскую аудиторию. Так, до 1917 г. на территории Сибири выпускался только один журнал — «Сибирский студент» (1914–1916, г. Томск), а после 1918 г. в Омске выходят журналы «Юность» (1918), «Юношеская правда» (1920), «Омский рабфаковец», «Юный пропагандист» (1922–1923; с № 5 за 1922 г. издавался в Новониколаевске), в Барнауле — «Юный алтаец» (1920), в Иркутске — журнал «Молодая жизнь» (1920) и газета «Комсомолия» (1924–1930, в 1930 г. изменила название и выходила под заголовком «Восточно-Сибирский комсомолец», с 1938 г. — «Советская молодежь»), в Новосибирске — «Сибирский детский журнал», позже переименованный в «Товарищ» (1928–1931).

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-04-00268 «Сибирский авангард 1920–1930-х годов: газета, журнал, альманах, сборник».

Всплеск интереса к детской и юношеской теме соответствовал общей тенденции 1920-х гг.: в Москве и Петрограде появлялось огромное количество детских книг и периодических изданий нового типа. Тогда же газеты и журналы, предназначенные для детей, начинают выпускаться во многих крупных городах Советского Союза: Тбилиси, Ереване, Чите, Симбирске, Баку, Саратове, Ташкенте, Киеве, Свердловске, Нижнем Новгороде, Пензе, Хабаровске, Ростове-на-Дону, Новосибирске [Ильина 1958, с. 25; Литовская 2013, с. 110–134].

Развитие детской литературы в эти годы связано с провозглашенным в статье Кормчего и выступлениях Ленина курсом на воспитание будущих жителей нового мира в духе коммунистических идеалов и морали [см. подробнее, например: Ильина 1958; Холмов 1983; Колесова 2009; Д'Арканджело 2013; Балина 2013; Хеллман 2016]. Но, как нам кажется, интерес к теме детства вырастает еще и из самой сути авангардного искусства, стремящегося к созданию нового мира на месте отвергнутого и разрушенного старого [об обращении авангардистов к примитивизму, архаике и детскому творчеству см. подробнее, например: Бобринская 2006]. Тесная взаимосвязь детских изданий 1920–1930-х гг. с идеями и установками авангарда обусловлена также тем, что многие писатели, поэты, художники вынуждены были искать способы существования и заработка в новых социальных, идеологических, экономических условиях. Одной из таких возможностей для них стала детская печать.

Указанные обстоятельства приводили к тому, что подходы к созданию произведений для детей менялись, и эти изменения были связаны не только с идеологическими установками новой детской и юношеской литературы, но и с новыми художественными приемами оформления и организации текстов в книгах и периодике для детей и молодежи.

В сибирских изданиях, упомянутых в начале статьи, также прослеживаются тенденции, характерные для искусства авангарда 1920–1930-х гг. Целью нашей статьи является анализ содержания журнала «Товарищ» (выходил в г. Новосибирске с января 1928 по декабрь 1931) в контексте русского (советского) авангардного искусства 1920–1930-х гг. На наш взгляд, именно в этом издании черты авангардизма проявились наиболее ярко и последовательно, но в то же время реализация этих черт, как мы покажем далее, была неполной и противоречивой. Последнее также становится своеобразной характеристикой, присущей, по замечанию Ю. Н. Гирина, всему искусству

авангарда в целом: «Будучи пограничным в историко-культурном смысле феноменом, авангард является моментом порождения новых противоречивых смыслов, соответствующих постклассической нелинейной картине мира» [Авангард в культуре XX века 2010, с. 45]. Исследователь говорит о непротиворечивом сочетании в авангарде утопизма, устремленности в будущее, отрицания прошлого и разрыва с «устарелым» бытом с «поистине онтологической интерпретацией самого отрицаемого “быта” и с активной интеграцией в новую систему якобы “бросаемых с корабля современности” форм классической культуры» [Там же с. 45]. Подобное проявление сочетаемости, казалось бы, противоречивых черт, сосуществование стремления передачи «реального», «настоящего» и таких произведений, против которых выступали идеологи «литературы факта», мы можем наблюдать и в первом сибирском журнале для детей.

Журнал «Товарищ» (первые шесть номеров издания выходили под названием «Сибирский детский журнал») выходил в издательстве «Сибкрайиздат» под руководством Сибкрайоно и крайкома ВКЛСМ, первый его номер был выпущен 6 февраля 1928 г. [Советская Сибирь 1928, с. 4]. С начала издания и до февраля 1929 г. ответственным редактором был А. Ансон, хотя в исследовательской и справочной литературе встречается информация, что эту позицию занимал Г. А. Вяткин [Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области 2007, с. 78–79; Евдокимова 2015, с. 23]. С февраля 1929 г. ответственным редактором стал Г. Солдатов, с января 1931 г. — Г. Марков.

Изначально журнал не провозглашал себя «пионерским журналом»: в первых номерах было указано, что он предназначен «для детей школьного возраста», т. е. для детей от 6 до 16 лет. С сентября 1929 г. на первой странице журнала появляется подпись «журнал школьников и пионеров Сибири», с января 1931 г. — «журнал пионеров и школьников Сибири» (в журнале встречается оговорка, что он предназначается для детей от 9 до 15 лет, т. е. для старших октябрят и пионеров [Зарипова]).

Нужно отметить, что с первых же номеров журнал ориентировался на такие издания, как «Пионер», «Барабан», «Мурзилка» и «Еж», иногда даже перепечатывал материалы из них. Например, в № 5 «Сибирского детского журнала» (на с. 1) напечатана песня Георгия Лаврова «Марш экскурсантов» с подписью «можно петь на мотив “Мы кузнецы, и дух наш молод”», а после текста приводились ноты, точно так же, как в журнале «Еж» была опубликована

«Майская песенка» В. Маяковского (в №4 за апрель 1928 г.) [Архив журнала «Еж» 2016, с. 118]. А в 1930 г. в «Товарище» появляются «комиксы», оформленные точно так же, как иллюстрации в журнале «Еж», либо очень похожие на них. В третьем номере «Товарища» за 1929 г. с помощью последовательной серии иллюстраций с подписями под ними детям рассказывается о Февральской революции 1917 г. (с. 16). А в седьмом номере за 1929 г. появляется серия картинок «Братишкин-турист» (с. 45), из подписей к которым складывается стихотворение, заканчивающееся следующим образом: «...И кончил так: — “Довольно братцы!/Я обо всем вам рассказал./Пора и вам уж подписаться/всем коллективом на журнал!”». Такой же прием «саморекламы» активно использовал журнал «Еж» (например, №6, 8, 9, 10 за 1928 г.) [Архив журнала «Еж» 2016, с. 203; 255; 289; 327].

С журналом сотрудничали многие сибирские писатели: Глеб Пушкарев, Г. Вяткин, К. Гайлит, Е. Кочеткова, Агния Сенч, П. Стрижков, А. Коптелов, Вл. Ошанин, К. Буревои, М. Кравков, В. Итин, Ник. Анов, М. Крапивин, Е. Едихин и др. Важной чертой публикуемых в «Товарище» материалов было то, что они во многом ориентировались на установки «литературы факта», хотя нужно отметить, что некоторые авторы детского издания, такие как В. Итин, Г. Вяткин, В. Зазубрин, были объектом критики в новосибирском журнале «Настоящее» за приверженность старой литературной традиции. Создатели «Настоящего» — члены одноименной литературной группы — выступали за «правду» жизни, документирование и передачу «быта» без его приукрашивания и «олигературивания». Но эти же критикуемые авторы, как отмечает Е. В. Капинос, также печатали свои произведения в «Настоящем» и во многом определили его облик [Капинос 2016, с. 139]. Отметим, что на страницах «Товарища» публиковались произведения не только сибирских писателей, например, рассказ Ильи Эренбурга «Сын коммунара» (№3, 1929 г.) и отрывки из произведений Максима Горького.

В «Сибирском детском журнале» уже при его возникновении сложилось противоречивое сочетание стремления к передаче «реальности», «настоящего» и публикация таких произведений, в которых как будто собрано то, против чего выступали идеологи «литературы факта». Например, беллетристические рассказы, в которых главный герой — ребенок, часто пионер, — переживает различные приключения: борется с бандитами, дикими зверями, отправляется в тайгу на поиски золота и т. п. В то же время «Товарищ» постоянно

призывает своих читателей присылать рассказы, очерки и заметки, причем редакция говорит: «нам нужна ваша жизнь, жизнь вашей школы, вашей пионерской организации, вашей деревни и города». Со временем в журнале все больше и больше становилось призывов к политической активности, отчетов о ней, очерков и воспоминаний о важных событиях.

Отметим наиболее яркие материалы, в которых проявилось стремление редакции к конструированию и передаче «фактов». Уже в первом номере «Сибирского детского журнала» в заметке «Наш журнал» подчеркивалось, что его созданию предшествовало анкетирование: «Нужен ли сибирский детский журнал? С этим вопросом мы обратились к самим ребятам и получили несколько тысяч ответов». А в статье Антонины Шнейдер «Что и как читать» отмечалось: «Судя по полученным от вас анкетам, разосланным по школам, вы все приветствуете создание нашего сибирского детского журнала» (с. 21). То есть уже в начале существования журнала подчеркивалось, что его необходимость вырастает из самой «жизни», сами дети заинтересованы в том, чтобы выходило издание.

В первом номере журнала за 1929 г. на первой странице размещен фотографический портрет Ленина в траурной рамке с подписью «Исполнилось 5 лет со дня смерти величайшего вождя трудящихся всего мира — Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Будем чтить его память, исполняя его заветы». На следующих страницах опубликована «пьеска в 1 действии» Н. Клеандрова «Ленин умер» (с. 2–4). Действие происходит в комнате, в которой находятся пионеры, из их разговора читатель понимает, что именно сейчас должны состояться похороны Ленина:

В о ж а т ы й. Очень грустно, что нашему звену пришлось как раз в день похорон Ильича дежурить по корпусу... (с. 2).

Вся пьеса превращается в своеобразный репортаж, сообщающий, с одной стороны, о том, как именно происходило прощание с Лениным:

П и о н е р к а. Мимо нашего дома движутся колонны профсоюзов, много, много;

В о ж а т ы й. Встаньте все!.. Сейчас опускают в могилу тело великого вождя рабочего класса Владимира Ильича Ульянова-Ленина (с. 4).

С другой стороны, пьеса показывает идеологически выверенную реакцию детей на смерть Ленина. Так, например, один из пионеров

на протяжении всего произведения сочиняет стихи, которые в конце исполняют все в качестве траурного марша:

В о ж а т ы й. <...> Миша где?

Пи о н е р. Миша пишет стихотворение к похоронам, говорит, кончу — приду на сбор звена и прочитаю.

В о ж а т ы й. Пусть пишет. Он у нас молодец (с. 2).

На наш взгляд, в этой публикации «реальность», «настоящее», «жизнь», которые для последователей «литературы факта» всегда противопоставлены «литературности», оказываются пронизанными ею, но и автор, и редакция это игнорируют.

Кроме того, пьеса «Ленин умер» состоит из нескольких частей, которые связаны между собой только темой смерти вождя: после сообщения о том, что действие происходит во время похорон Ленина, пионеры вспоминают о своих встречах с ним, затем герои пьесы произносят хором клятву, затем Миша читает сочиненное им стихотворение. Соединение трех стилистически разнородных «эпизодов»¹ может быть рассмотрено как использование в произведении приема монтажа — что, как отмечает И. В. Кукулин, всегда «осложняет и нарушает «реалистические» принципы изображения времени в произведении» [Кукулин 2015, с. 64]. Таким образом, в пьесе как будто воссоздается содержание журнала, условно изображенными оказываются очерк-воспоминание, статья с политическими призывами, поэтическое произведение (ср., например, с соображением И. В. Кукулина: «Простейшей и наиболее общеизвестной эстетической формой немотивированной «стыковки» сюжетов является газетная полоса. Различные тексты на ней сосуществуют симультанно и объединены только самой общей жанрово-тематической «рамкой» — все они относятся к новостям самого недавнего времени и, если полоса специализированная, к определенному типу новостей — культуры, спорта, иностранной политики или общественной жизни. В этих текстах представлены точки зрения самих журналистов и участников событий. Эстетика газетной полосы оказала существенное влияние на развитие монтажных принципов в литературе» [Кукулин 2015, с. 15]). С другой же стороны, именно такое соединение, «монтаж» элементов в пьесе нарушает соотношение ее с «реальностью».

В этом же номере опубликован рассказ Авенира Шнейдера «Митька и Ленька» (с. 17–18) о двух беспризорниках, которые вынуждены жить на улице, воровать, но спасаются от голодной жизни тем, что устраиваются работать в мастерскую игрушек:

Ленька с головой ушел в работу; в мастерской ему нравился запах клея и стружек в столярном отделении, где он работал уже пять месяцев. День работает, стругает плашечки, на которые потом устанавливаются игрушки, а вечером спит, имея теплый уголок при мастерской.

Раз Ленька встретил на улице Мишку, глаза его впали, лицо было бледно.

— Мишка, пойдем к нам, там так хорошо и не нужно воровать, — сказал Ленька.

— Ежели принимают — иду! — твердо сказал Мишка, и оба побежали в мастерскую.

Этот рассказ становится своеобразной «рекламой» мастерской по изготовлению игрушек, которая действительно существовала в то время в Новосибирске и в которой работали дети-беспризорники. Причем, описывая историю и устройство мастерской, И. Е. Лощилов отмечает, что первостепенным для ее создателей была не художественная ценность ее продукции, а реабилитация беспризорников [Лощилов 2017, с. 91–92]. Еще одним фактом, который связывает это реально существующее предприятие с журналом «Товарищ» и о котором также пишет исследователь, является то, что среди произведенных детьми игрушек есть куклы, созданные по мотивам обложки первого номера «Сибирского детского журнала», на котором изображен хор детей — представителей разных сибирских народов в национальных костюмах [Лощилов 2017, с. 92].

В качестве следующего примера стремления отобразить действительность, а не «выдумку», можно привести рассказ М. К. Гришина «Партизан Поля», опубликованный в № 3–4 за 1930 г. (с. 10–24), который по своему сюжету близок к «пионерской беллетристике», о которой мы уже писали выше. Но к этому рассказу сделана авторская заметка: «Эта история не выдумана. Она произошла в гор. Боготоле. Поля Бурков — действительное лицо.

Обложка первого номера «Сибирского детского журнала», 1928 г. Художник — Н. А. Янова-Надольская

Прикрас нет. Немного неточно передан побег из Омской тюрьмы из-за отсутствия документальных материалов. Все написанное согласовано с очевидцами, в частности с братом Поли — Геннадием Бурковым» (с. 10).

Во втором номере 1931 г. как будто происходит обратный процесс — внешняя жизнь вторгается на страницы журнала: здесь открывается так называемый «митинг», озаглавленный «Счет писателю», который продолжался в каждом номере до закрытия журнала (и даже после — на обложке № 12 за 1931 г. напечатано объявление «Издание журнала “Товарищ” с настоящего номера прекращается. Митинг “Счет писателю” будет продолжаться газетой “Юный ленинец”»). Митинг представлял из себя список книг сибирских авторов и повторяющийся призыв к «каждому пионеру и школьнику, каждому деткору» прочитать их и написать статьи и заметки по двум вопросам: «Какие детские книги нам нужны? Что нам дали сибирские писатели и что они должны нам дать?» (с. 39). В читательских заметках, поступивших в ответ на этот призыв, критиковались книги М. Кравкова, рассказ «Ростки» А. Таежного, другие авторы, в том числе не сибирские и не советские: например, деткор Клешнин написал, что считает плохими книги Фенимора Купера, Вальтера Скотта и Майн Рида (№ 2, 1931 г., с. 40).

В каждом номере «Товарища» публиковались не только прозаические произведения, но и стихи известных сибирских поэтов (Юрия Феоктистова, Е. Стюарт, Ив. Ерошина, Ал. Оленич-Гнененко, Н. Титова, Агнии Сенч и др.), а также сочинения детей, присылаемые в редакцию. В некоторых случаях вместе с публикацией стихотворений (как в № 2 за 1929 г.) или в ответах на письма (как в № 1 «Сибирского детского журнала» за 1928 г.) разбирались их недостатки и достоинства.

Печатались в журнале и научно-популярные и познавательные тексты. Например, в № 2 за 1929 г. — статья «Мамонтова кость» (автор — Б. Митропольский), в № 11–12 за 1929 г. опубликована статья «Через 10 лет полетим на Луну» (автор — Г. Андреевич), в № 12 за 1930 г. — статья «Стальные птицы» (автор не указан). Но постепенно в журнале уменьшается количество таких статей, их место занимают сообщения о выполненных наказах, очерки о сибирских заводах и состоявшихся слетах и собраниях.

С начала издания в «Сибирском детском журнале» существовала развлекательная рубрика, где публиковались ребусы и шарады, в которых были зашифрованы лозунги (например, в № 1

за 1928 г. — ребус с зашифрованной фразой «Пионер, будь здоров и будь готов!») или рекламные призывы (в задании «Мудреные дощечки» в № 2 за 1928 г. читатель получал фразу «Каждый школьник в Сибири должен быть подписчиком первого “Сибирского Детского журнала”»). Отметим, что авангардное искусство в 1920-х — начала 1930-х гг. воспринималось всегда во взаимодействии с политическим авангардом и должно было быть социально и политически актуальным [см., например: Крусанов 2010, с. 13]. В дальнейшем тенденция использования в загадках фраз с общественно-политической окраской и самопрезентацией исчезла, в журнале публиковались шарады и задачи, характерные и для других, в том числе дореволюционных изданий для детей. Так, с 1929 г. в журнале появился раздел «Шашки и шахматы», в котором публиковались не только шахматные задачи, но и описание того, как можно самому сделать шахматные фигуры (в № 1 за 1929 г.), правила игр (в № 2 за 1929 г.). Кроме того, почти в каждом номере публиковались шарады, задачи, описания игр (например, игра в омонимы в № 1 за 1929 г.), фокусы и опыты (например, в № 3 за 1929 г.). В № 2 перед задачами с шарадами опубликовано объявление о двух полугодовых конкурсах на разгадывание шарад: «За правильные ответы будут насчитаны очки: чем труднее задача, тем больше очков за нее. Кто получит большее количество очков за полгода, тому будет выдан от редакции подарок: книги, игры и прочее» (с. 40).

Основной особенностью, отличавшей журнал «Товарищ» от других детских и молодежных изданий Сибири, было наличие в нем большого количества иллюстраций. В первый год издания цветной была только обложка, внутри журнала были только черно-белые изображения, причем, как отмечает П. Д. Муратов, качество их печати было крайне низким [Муратов 2009, с. 190]. В конце 1928 г. в журнале начались эксперименты с цветовой заливкой, характерные для авангардного искусства: в последнем номере (№ 12 за 1928 г.) в оформлении иллюстраций уже использовался зеленый цвет. Мартовский номер 1929 г. (№ 3) вышел в полном цветовом оформлении: текст печатался синим цветом, иллюстрации и заголовки синим, оранжевым, черным, зеленым. В № 4 добавился желтый цвет. Так журнал печатали до августа 1929 г. Всего полноцветных номеров — пять. После этого в журнале снова стали печатать тексты черной типографской краской, а иллюстрации делались с цветной заливкой. Иногда стихи печатались на зеленом, красном

или оранжевом фоне. В 1931 г. иллюстрации в журнале снова стали черно-белыми, цветом осталось только оформление обложки.

В № 10 (октябрь) 1929 г. на залитом зеленым фоне опубликовано стихотворение «Многополье» (с. 10), подписанное «ученик В. Мониц»:

Как я завел в многополье,
Многополье.
Погляжу я на него —
Ширь-раздолье.
Трактор тащит плуга
Вереницей.
Трактор режет легко
Всю землицу.
Я руками в земле
Не возился.
От машины урожай
Уродился.

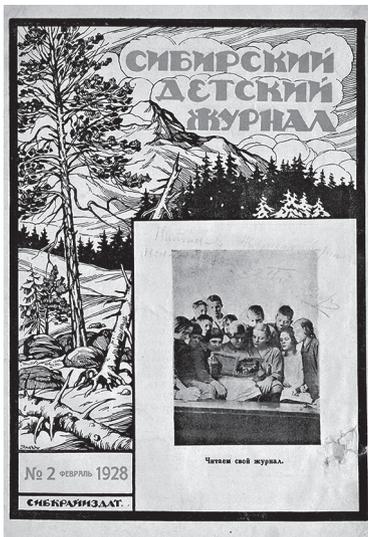
Семена все свои
Я провею.
Через год клевер я
В поле сею.
Клевер землю мою
Удобрят.
Земля пищи своей
Не теряет.
— Ох, какой урожай
Жнейкой сжали!
Клевер хлеба поднял
Урожай.

Интересно то, что в нижней части страницы, под стихотворением, изображена достаточно условная фигура крестьянина с лошадью, запряженной в плуг. Иллюстрация не соотносится с текстом, но под ней есть подпись «Один в поле не воин. А кто же воин? Посмотри эту страницу на свет». Если последовать предложенной инструкции, то на иллюстрации проступят отпечатанная черным на предыдущей странице вереница тракторов, над первым из которых развевается флаг с надписью «Коллектив» (причем изображение на предыдущей странице сделано так, что надпись на флаге видна в зеркальном отражении и прочитывается правильно только

при просмотре страницы со стихотворением на свет).

Описанный прием можно назвать одним из необычных вариантов монтажа, применение которого характерно для авангардной печати. Мы уже писали о том, что во втором номере «Сибирского детского журнала» использовался монтаж: фотография детей, читающих первый номер журнала, накладывалась на пейзажную картину на обложке журнала [Абрамова 2016, с. 173]. В 1930 г. в журнале «Товарищ» появился еще один вариант применения приема монтажа. В иллюстрации А. Заковряшина к рассказу Агнии Сенч «Как Илька школу продал», опубликованного в № 1 за 1930 г. (с. 7), совмещены рисунок и фотография: нарисованной оказывается фигура ребенка, расположенная в центре (довольно условная, с нарушенными пропорциями и непрорисованными чертами лица, создающая впечатление детского рисунка), и фон — классная комната с партией и окном. Фигура расположена так, что создается впечатление, что ребенок смотрит на портрет, висящий в правом углу иллюстрации, над партией, а на портрете изображен В. И. Ленин, причем это фотография, помещенная внутрь картины. Подобный коллаж не был открытием в журнальном оформлении, но именно в 1910–1920-е гг. в авангардистском искусстве коллаж и близкий к нему фотомонтаж становятся, как отмечает Е. Бобринская, приемами, в которых находят воплощение возможности «соединения и взаимодействия в пространстве коллажа реальности как таковой с “реальностью”, созданной воображением» [Бобринская 2006, с. 27–31].

Дважды в журнале в 1930 г., в № 5 (статья «С некультурностью и тьмой мы завяжем смертный бой!») и в № 9, появляются изображения множющихся уходящих вдаль фигур. В первом случае перед читателем предстают вереницы абсолютно одинаковых учеников, во втором — таким серийно-умноженным строем на фотографии изображены тракторы. Здесь, как нам кажется, проявляется

Обложка второго номера «Сибирского детского журнала», 1928 г.

одна из генеральных стратегий авангарда, которую Е. С. Штейнер характеризовал как серийность, то есть «отказ единичному и индивидуальному в самоценности, последовательный отказ от единичного в пользу массового», который проявлялся на самых разных уровнях, в том числе и в иллюстративных техниках [Штейнер 2002, с. 79–80].

В начале 1930-х гг. в СССР меняется отношение к печатным изданиям, ужесточается цензура, возрастает контроль партийных структур над средствами массовой информации [Жирков 2016, с. 27–29], происходит трансформация установок как в социальной и в политической жизни общества, так и в сфере искусства. Постепенно прекратили свое существование многие экспериментальные журналы, в том числе и рассчитанные на детско-юношескую аудиторию.

Журнал «Товарищ» был одним из ярких явлений в сибирской детской и юношеской периодике. В нем, как мы попытались показать, проявились многие черты, характерные для авангардного искусства 1920–1930-х гг., но дальнейшее его существование в новых условиях не было возможным: «литература факта», идея кардинального преобразования мира, даже эксперименты с визуальным оформлением не были совместимы с изменившейся действительностью. В журнале «Товарищ» названные тенденции сохранялись на протяжении всего времени его существования. В декабрьском номере за 1931 г. редакция объявила о прекращении выпуска журнала. Дальнейшая судьба издателей и авторов, сотрудничавших с журналом, была трагичной: большинство из них (например, А. Ансон, В. Итин, Г. Вяткин, М. Кравков и др.) в 1937–1938 гг. были арестованы и расстреляны.

Примечания

¹ Об эклектике и совмещении разных стилей, характерных для искусства авангарда, см. подробнее, например [Авангард в культуре XX века 2010; Бобринская 2006; Кукулин 2015].

Источники

- Архив журнала «Еж». Том 1, 1928. М.: ТриМаг, 2016. 392 с.
Советская Сибирь. № 32, 1928. URL: <http://elib.ngonb.ru/jspui/handle/NGONB/19739>.
Сибирский детский журнал: ежемес. журн. Краевого отд. нар. образования и Краевого ком. ВЛКСМ (для детей шк. возраста)/ред. А. Ансон. № 1–6, 1928.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. А. Ансон. № 10–12, 1928.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. А. Ансон. № 1, 1929.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. Г. Солдатов. № 2–12, 1929.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. Г. Солдатов. № 1–24, 1930.
Товарищ: ежемес. дет. журн./ред. Г. Марков. № 1–12, 1931.

Исследования

Абрамова К. В. Сибирский детский журнал: темы, мотивы, редакционная тактика // Сюжетология и сюжетография. 2016. №2. С. 166–176.

Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: в 2 кн./под ред. Ю. Н. Гирина. М.: ИМЛИ, 2010. Кн. 1.

Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.): сборник статей/сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетей, 2013. С. 7–19.

Бобринская Е. Русский авангард: границы искусства. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

Д'Аркинджело Р. М. «Барабан»: шагаем с пионерами! (Из истории детских журналов 1920-х гг.) // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920–1930-е гг.): сборник статей/сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетей, 2013. С. 96–109.

Евдокимова Е. В. Становление сибирской детской журналистики (печатные издания для детей г. Новосибирска в 1920–1930 гг.) // Журналистский ежегодник. 2015. №4. С. 77–80.

Жирков Г. П. Журналистика сталинской эпохи. 1928–1950-е годы. М.: Флинта, 2016.

Зарипова Д. М. Журнал «Товарищ» как источник изучения образа советского ребенка. URL: <http://mkonf.igiran.ru/papers.php?id=123>.

Ильина Н. Из истории детских журналов 20-х — 30-х годов // Вопросы детской литературы, 1957 г. М.: Детгиз, 1958. С. 24–61.

Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2008 год. Новосибирск: Новосиб. гос. обл. науч. б-ка, 2007.

Капинос Е. В. «Литература» и «факт» в новосибирском журнале «Настоящее» (1928–1930) // Сюжетология и сюжетография. 2016. №2. С. 138–165

Колесова Л. Н. Детские журналы в России. XX век. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009.

Крусанов А. В. Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор) В 3 тт. Т. 1. Боевое десятилетие. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Кукулин И. В. Машины зашумевшего времени: как советский монтаж стал методом неофициальной культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2015.

Литовская М. А. Региональный журнал для детей в контексте советской периодики 1920–1930-х гг.: динамика идеологических приоритетов // «Убить Чарскую...»: парадоксы советской литературы для детей (1920-е — 1930-е гг.): сборник статей/сост. и ред. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб.: Алетей, 2013. С. 110–134.

Лоцилов И. Е. «Культурная революция и авангард в Сибири 1920-х годов: «призрак коммунизма» // Вестник российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2017. №1 (86). С. 89–100.

Муратов П. Д. Художественная жизнь Новосибирска. Смутное время // Научный журнал. 2009. №2. С. 181–193.

Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы/пер. с англ. О. Бухиной. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Холмов М. И. Становление советской журналистики для детей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983.

Штейнер Е. С. Авангард и построение нового человека. Искусство детской книги 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

К. Захаров

РЕВОЛЮЦИЯ ИГРУШЕК. К ИСТОРИОГРАФИИ СКАЗОЧНЫХ ВОССТАНИЙ

В послереволюционных детских книгах нередко возникает сюжет, заимствованный из литературы предшествующего периода. Условно его можно обозначить как «революция игрушек» либо «бунт игрушек». Изучение этого сюжета видится важным для понимания тогдашнего устройства детской литературы и ее реакций на революцию. В статье прослеживаются обстоятельства преломления революционного опыта в литературе для детей, использования старого сюжета как повода объяснить юным читателям сущность революционных событий и оснований нового мира.

Ключевые слова: революция, Петрушка, трикстер, агитация, А. Блок, А. Неверов, С. Городецкий, Н. Агнивцев, К. Чуковский, Н. Евреинов, детский театр, Буратино.

Октябрьской революции в этом году исполняется сто лет. Общепринятым стало мнение, что изменение политической ситуации в России повлекло метаморфозы, причем радикальные, в литературе для детей. При этом вопрос, как отражалось в детских книгах, особенно в текстах для самых маленьких, ключевое событие — собственно революция, до сих пор не исследован подробно. Между тем, в детской литературе того времени нередко возникал сюжет, изучение которого видится важным для понимания ее тогдашнего устройства и ее реакций на революцию. Условно его можно обозначить как «революция игрушек» либо «бунт игрушек». Почти десять лет назад тема уже была затронута Мариной Костюхиной [Костюхина 2008, с. 130–137], и в теоретическом плане наша статья не добавляет ничего принципиально значимого к ее очерку. Однако я привлекаю больше материала и пытаюсь обозначить новые горизонты, угадываемые при рассмотрении этого материала.

«Игрушечный бунт» был заимствован из литературы предшествующего периода, революцией осужденного и отвергнутого. В былые годы игрушки возмущались почти исключительно с воспитательной целью. Возьмем хотя бы текст Александра Федорова-Давыдова

«Кукольный бунт» (1909), упоминаемый в книге Костюхиной [Костюхина 2008, с. 74]. Игрушки ставят цель научить жестокосердых и беспечных хозяев достойному поведению. Подобный же мотив, несмотря на свое критичное отношение к дореволюционным детским книгам, использовал в своих куда более поздних стихотворных сказках Корней Чуковский («Мойдодыр» и «Федорино горе»). Правда, вместо игрушек в его текстах фигурировали одежда и предметы быта.

Кроме того, существовали тексты, посвященные сходной теме, — «игрушечным войнам». Игрушки в таких историях тоже боролись против чего-то — пусть не капризов хозяев, но против чудовищ или даже друг друга. В генеалогию этих произведений можно поместить гофмановского «Щелкунчика...». Сами же они были многообразны, от строго «литературных» — к примеру, «Прожорливого башмака» Алексея Толстого (1911) — до книжек-картинок в духе «Войны деревянных солдатиков» (1916). В большинстве случаев в них возникал не только мотив борьбы, но и мотив восстановления справедливости, естественного порядка вещей, что еще больше сближало «войны» с «бунтами».

Свою воспитательную функцию «бунты» сохранили и после революции, однако, она приобрела особые черты, даже в некотором роде альтернативную направленность. Привычный сюжет взламывался, переиначивался в революционном ключе. То, что раньше служило способом научить детей хорошим манерам, теперь использовалось как повод объяснить сущность революционных событий и оснований нового мира.

Хотя не все книги, упоминаемые ниже, посвящены игрушкам, каждое из изданий демонстрирует, как переосмыслилась история для детей. Хорошей иллюстрацией (пусть и далекой от «игрушечной» темы) служит книга Льва Зилова «Глиняный болван». Традиционный сюжет перелицован для революционных нужд. Сначала читатель сталкивается с поэтическим переложением известной сказки о болване, проглотившем своих «родителей»-стариков и всех, кого встретил по пути. Однако в самом финале с уже уничтоженным болваном соотносится царская Россия: «Знавал я болвана почище/Всю Русь забил в животище...» [Зилов 1923, с. 12].

Неизвестно, сочинил ли автор переложения такой финал спонтанно, чтобы придать книжке агитационный оттенок, либо тщательно продумывал его. Так или иначе, текст может прочитываться как любопытное заявление о насильственной неестественности царской власти, во всем подобной искусственному болвану. В этом

Ю. Л. Оболенская. Обложка книги «Война королей», 1918 г.
(Эта и другие иллюстрации взяты из архива НЭДБ)

случае революция не переворачивает мир, но возвращает справедливое положение дел.

Однако книга Зилова вышла в 1923 г., в то время как сочинения для детей, связанные с темой социального бунта, появлялись уже в период революции. Книга художницы Юлии Оболенской «Война королей» была создана «по горячим следам», приурочена к первому юбилею Октября и откликалась на острые темы современности, критикуя войну и приветствуя перемены.

Строго говоря, эта книга вновь не про игрушки, она про игру. Герои здесь — карты. Кроме того, отсутствует четкая адресация: сочинение представляет собой сценарий кукольного спектакля и проникнуто духом народного балагана, оно в известной мере открыто всем возрастам. Примечательно, что на пьесу откликнулся Александр Блок, и в данном контексте стоит упомянуть его произведения «Балаганчик» и «Двенадцать». О них напоминают следующие слова поэта: «Немного неприятна сейчас такая легкомысленная трактовка этой темы перед зрелищем Европы наших дней <...> в пьеске заметны народные влияния. Если б они были еще заметнее! <...> сказывается характерная, все та же интеллигентская изнуренность, выпитость, немзыкальность <...> Зачем так тихо, так скромно? Надо громче, надо живее, не надо бояться крепких слов...» Тем не менее, венчает отклик вывод, скорее благосклонный: «Несмотря на следы дамского рукоделья, пьеса веселая и местами живая, и детям играть ее можно» [Блок 1962, с. 324–325].

Стихи, действительно, не очень сильны. Однако, если брать именно «детское» измерение, отдельные находки трудно считать неудачными. Так, младшие карты мечтают «иметь лица», то есть революция представлена как событие, способствующее обретению личности. Это приводит к тому, что младшие карты — «люди невежлики» — решают изгнать карточных королей, увлекшихся войной: «Хоть будет неполная колода — /Да зато будет полная свобода» [Оболенская 1918, с. 11]. В итоге короли, фактически лишённые войска, оказываются в плачевном положении: «Проиграли ведь мы игру <...> Свои козыри были в руках,/А остались мы в дураках» [Оболенская 1918, с. 12].

Указано, что издание входит в серию «Петрушка». Именно Петрушка, давний балаганный возмутитель спокойствия, «закидывает на черное крыльцо красное словцо», выступает в тексте как трикстер-агитатор (разглядывая иллюстрации, его можно соотнести с картой «джокер»), побуждающий безликие карты к восстанию. Рисунки сигнализируют о продолжении лубочных традиций. В то же время это не лубок футуристов: несмотря на фактически агитационную направленность, книга Оболенской во многом «мирискусническая», революция эстетезирована в ней в карнавальном ключе.

Следующая книжка вновь не про игрушки, но «игрушечная» в том смысле, что эксплуатирует устоявшиеся сюжеты для детей, окрашивая их революционными красками. Начнем с того, что даже автор «Мышиного бунта» (1924) — как будто литературный персонаж. Некто, до сих пор не разгаданный, скрылся за псевдонимом Ол. Твист. Героями он выбрал животных (частые персонажи детских книг). Рассказ в целом — вполне традиционная история, восходящая чуть ли не к знаменитому лубку «Как мыши кота хоронили», но, разумеется, перелицованная. Здесь также есть агитатор — бесхвостый мышонок. Кот, который поначалу был «насмешливо настроен», вынужден бежать, уstraшенный слаженностью действий мышей, атакующих его «взвод за взводом». Рисунки же, во-первых, напоминают о недавней на тот момент книге Зилова (кот изображен как разбойник с ножом, то есть как нарушитель естественного хода вещей), во-вторых, обращаются непосредственно к опыту революции (мышь-агитатор изображена с транспарантом «Долой кота» в лапках).

В том же году выходит достаточно глубокая книга Александра Неверова «Как жили куклы и что сделал оловянный солдатик». Несправедливость в отношении угнетенных игрушек здесь описана

А. С. Неверов. Обложка 2-го изд. книги «Как жили куклы...», 1926 г.

«классовой» принадлежности игрушек. Так, фарфоровые куклы — игрушки буржуазные. Самодельная же кукла и оловянный солдатик — пролетарии.

Беседы Кларочки и Зиночки, во-первых, выявляют их себялюбие и неразумность. Во-вторых, героини, по-видимому, сами того не понимая, указывают, на чем держится их существование:

— Да, тут ничего не поделаешь, — улыбнулась Кларочка, протягивая фарфоровые ножки. — Солдаты нужны для охраны. Я не хочу, чтобы меня искусала какая-нибудь крыса, но не могу же я сама защищаться! Все-таки спасибо игрушечным магазинам: они делают не только хорошеньких кукол вроде нас с тобой, но и глупых оловянных солдатиков, которые ходят с ружьями на плече [Неверов 1924, с. 10].

Разговоры же Панфилова с Марфой представляют иной взгляд на мироустройство и вторят революционным лозунгам и программам:

А разве баба — не такой же человек? <...> Какие же это порядки? Одна — барыня, другая — кухарка? Одна батрачит, другие готовенькое едят <...> А неграмотному хуже всего на свете жить, каждый тебя дураком называет и старается смеяться над тобой... [Неверов 1924, с. 13–14]

ярко, в повествовании появляется нерв, выгодно отличающий сочинение от других «бунтарских» переделок. На стороне кукол Кларочки и Зиночки выступает их хозяйка Ниночка. Поначалу, учитывая сходство имен, ее можно принять даже за их двойника. Самодельная же кукла Марфа («кукольная работница») и оловянные солдатики (почти всегдашние участники сюжетов, связанных с «бунтом» и «войной» игрушек) служат барыням. Один из главных героев — солдатик Панфилов «вместо благодарности за верную службу» получает увечье. Книга дает хороший материал для размышлений относительно

Солдатик подговаривает Марфу связать Кларочку и Зиночку и занять их место. Разгневанной хозяйке Панфилов заявляет: «Все куклы должны быть равными, одеваться в хорошее платье, есть хорошую пищу, учиться грамоте и вместе на бульвар ходить в теплые дни...» [Неверов 1924, с. 23]

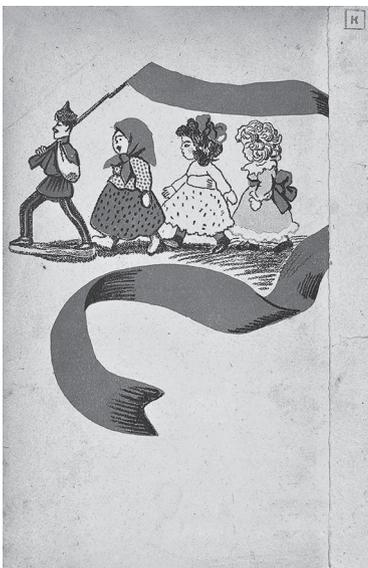
Завершается история тем, что Кларочка и Зиночка «обещались ходить за водой, бегать за дровами, по очереди мести полы и признали Марфу с оловянным солдатиком своими товарищами» [Неверов 1924, с. 24]. Ярким весенним полднем игрушки шествуют по бульвару и поют «Смело, товарищи, в ногу!»

Сила книги в том, что ней есть характеры и рельефные образы.

Кукла Марфа в ужасе от собственного лица, появившегося в зеркале; Панфилову с трудом даются речи: в конце самой прочувствованной из них он даже утирает пот. Подобная деталь, а также то, что Панфилов страдает «с народом», превращает его из персонажа-функции в живого героя. Это же позволяет деконструировать привычный сюжет таким образом, что он становится самостоятельной историей с очень осмысленной «агитацией».

Любопытно рассмотреть имена игрушек. Значения имен кукол Кларочка («светлая»), Зиночка («принадлежащая Зевсу») подчеркивают их буржуазность. Имя Марфы, с одной стороны, простонародное, с другой, учитывая его значение («госпожа»), уравнивает ее с другими куклами. Почему же солдатик был наречен Панфиловым, выяснить не удалось.

Еще одна кукла («со стеклянными глазами») присутствует в другой книге Неверова того же года — «Большевики». Как и прочие герои рассказа, она «настоящий большевик». Впрочем, появляется кукла совсем ненадолго и подобна «пролетарской» Марфе из предыдущего текста, а не Кларочке и Зиночке. Дети затевают почти что ролевою игру, представляя себя «большевиками».

А. С. Неверов. Обратная сторона обложки 2-го изд. книги «Как жили куклы...», 1926 г.

— Ну, уселись? — спрашивает Женька, отставляя вперед левую ногу в подсученной штанине.

Но тут перебивает Борька.

— Постой, Женька, ты нынче кто? Троцкий?

— Нет, я буду Луначарским.

— А я кто?

— Хочешь Троцким?

— Ну, давай! [Неверов 1924, с. 8]

Неверов предлагает исследование взаимопроникновения игры и действительности, после чего подытоживает: игра не сводится к праздному времяпрепровождению. В ней есть место и для подлинных чувств, и для ответственности. Завершается книга инсценировкой «Первого мая». Подобно игрушкам из предыдущего текста, дети «в жаркий июльский полдень» шествуют по «вымершей окраинной улице» и поют «Смело мы в бой пойдём...»

В литературном плане «Бунт кукол» Сергея Городецкого на фоне книг Неверова выглядит шагом назад, даже при условии, что сравнивать поэтический и прозаический тексты не вполне корректно. И это при том, что Городецкий имел солидный опыт: он начал сочинять и рисовать для детей задолго до революции, обращаясь непосредственно к их стихам и картинкам. То же, к слову, делали и авторы русского авангарда, в частности, Алексей Крученых.

В качестве отрицательного персонажа Городецкий вновь выводит «буржуазную» куклу, которой прочие игрушки (деревянный шелкун, оловянный солдатик, ванька-встанька, кукла Матрена и кучер Николка) прислуживают. Любопытна «служба» игрушечных медведя и волка — судя по всему, в их обязанности входит пугать куклу, чтобы оловянный солдатик ее защищал. Так или иначе, у каждого есть дело, и лишь «жадная дама» кукла не умеет работать. Появляется очередной агитатор — на этот раз Степка-Растрепка в красной рубашке, размахивающий красным же знаменем. «Уж давно повсеместно/Была революция,/Но у кукол — известно! — /Головы куцые:/На митинг не ходят/Не знают о свободе...» [Городецкий 1925, с. 6]

На картинках Степка-Растрепка светловолос, ясноглаз и совсем не похож на героя книги Генриха Гофмана с отросшими ногтями и нечесаной шевелюрой. Однако связанные с этим именем маргинальные свойства (нарушитель конвенций, отвергаемый «порядочным» обществом) делают героя Городецкого подобным Петрушке и прочнее привязывают его к «пролетарской» среде. Игрушки устраивают забастовку, и вчерашняя хозяйка к собственному

неудовольствию принуждена трудиться. В качестве прогнозируемого в финале книги результата — мировая революция: «Китаец бумажный/Живет неважно./Черный арап/На борьбу еще слаб» [Городецкий 1925, с. 14].

Бойкие, местами смешные строчки дополнены иллюстрациями, сделанными самим автором. Они вновь напоминают о лубке или футуристической графике, хотя к этому движению поэт никогда не примыкал. Грубоватые картинки привели бы в замешательство последователя мирискуснической линии, но в «лубочной» книжке выглядят более чем уместно.

Еще более ходульной выглядит «Война игрушек» Н. Агнивцева. Николай Агнивцев — поэт с интересной судьбой: уехал после революции, вскорости вернулся в Россию, начал активно писать для детей. Именно его, не называя фамилии, Чуковский спустя годы вывел в книге «От двух до пяти», называя одним из «подхалимов-халтурщиков», что «усердно посрамляли в своих писаниях сказку и всячески глумились над ее чудесами», приводя строчки из книги Агнивцева «Октябренок-постреленок» [Чуковский 1966, с. 288–289].

Тем не менее, из-под пера Агнивцева нередко выходили советские сказки, отмеченные несомненной «полезностью», перекликавшиеся с производственной книгой. Это могли быть истории о спорящих

Н. Я. Агнивцев. Обложка книги «Война игрушек», 1925 г.

домах или бастующем Винтике-шпунтике. Одной из таких историй была «Война игрушек», включавшая шаблонный, но все же фантазийный элемент, преломлявшая события Гражданской войны и вновь рассказывавшая об игрушечной «классовой борьбе». Солдатики, «Ваньки-Встаньки» и «Матрешки» («пролетарии», представленные и в книге Городецкого) озадачены появлением роскошных иностранных игрушек. Последние не описаны в тексте подробно, но на иллюстрациях настойчиво изображаются «буржуи» и интервенты, будто бы сошедшие с агитплакатов. Гости запикивают законных хозяев детской под стол, но оскорбленные выдвигают лозунги «Все равны! Долой господ!» и начинают революцию.

Следуют перестрелки и стычки, в ходе которых «белые игрушки» оказываются побеждены. Незамысловатая книжка (почти половина ее — описания упомянутых стычек) интересна, пожалуй, лишь тем, что революция, пусть она и слита здесь с Гражданской войной, вновь представлена не как переворот, изменение сложившегося порядка вещей, но как возвращение естественной ситуации, искаженной игрушками-чужаками.

Напротив, пьеса Александра Бардовского «Бунт игрушек» (первоначально называлась «Ночные приключения игрушек») очень любопытна, но по большей части не как самостоятельное произведение, а в контексте идей и взглядов ее автора. К сожалению, о самом Бардовском известно немного, однако текст открывается вступительным словом, предлагающим нетривиальный авторский взгляд на детский театр.

Само слово «пьеса» по отношению к «Бунту игрушек» не вполне уместно, больше оснований называть сочинение «игрой». Собственно, автор так его и озаглавил: «театрализованная игра». Как и в книге «Война королей», действие предполагало импровизацию: указано, что «весь текст является только примерным». Эти особенности связаны с новым ощущением театральности, которое Бардовский предполагал внедрить в детские инсценировки и массовые зрелища, размывая границу между зрителями и актерами, побуждая последних к большей активности.

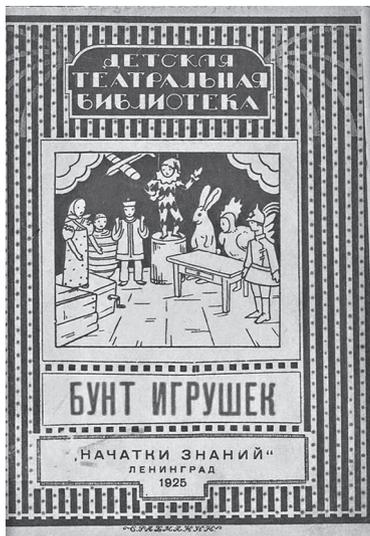
Отчасти это базировалось на достижениях Николая Евреинова, которому Бардовский отдает должное, хоть и называет его догадки «индивидуалистически-буржуазными». При этом автор говорит, что в концепции «театрализованной игры» он отталкивается и от детского творчества: «Надо заметить, что весьма часто ключ к раскрытию новых культурных форм находится в сфере детского

творчества, — у детей все творческие возможности почти не затуманены экономическими и историческими факторами, хотя они часто и очень просты по форме, а потому с трудом замечаемы» [Бардовский 1927, с. 1].

Для энергичной игры подойдет и незамысловатый сюжет. Восстание, бунт игрушек — что может быть эффективней? Однако бунт у Бардовского получился не слишком энергичным и даже милым, хотя и не лишенным заостренной социальности. Игрушки под предводительством Куклы, когда-то брошенной хозяйкой, сбегают из магазина, чтобы осчастливить обитателей

Детского Дома. Побег и ночное шествие составляют основное содержание пьесы, а история в целом парадоксально напоминает написанную спустя десятилетия сказку Дж. Родари «Путешествие “Голубой стрелы”».

Интересен текст Бардовского и тем, что в нем представлена настоящая галерея персонажей. Предполагалось, что это будут целые группы игрушек, роли которых исполнят дети. Есть солдаты, паяцы, зайки, петухи, волчки, кубики, матрешки, китайцы. У всех свои характеры и функции: паяцы прыгучи, петухи голосисты («будьте вечно начеку»), кубики серьезные (ведь они часто учат детей читать и считать), мудреные китайцы из страны «церемоний» и «антимоний» желают быть похожими на другие игрушки (вероятно, намек на мировую революцию). Есть и герои-люди: воспитатель Детского Дома, который спорит с хозяином магазина Карлом Ивановичем, отрицая его монополию на производство игрушек и утверждая, что ребята могут делать их сами. Есть подневольные персонажи — сторож, награжденный типичным русским именем Иван, и его жена Голендуха. Они исполняют волю того же Карла Ивановича, стремясь помешать побегу. Игрушки, в сущности, выступают в роли некоего «капитала», оберегаемого хозяином магазина. Не случайно, познакомившись с детьми, они говорят:

А. А. Бардовский. Обложка книги «Бунт игрушек»

«просим вас поиграть с нами, а то нам в магазине да на складах очень скучно» [Бардовский 1927, с. 36]. В самом же конце сообщается, что отныне можно покупать игрушки, сделанные уже детьми Детского Дома, а доход пойдет «в пользу беспризорного ребенка». Таким образом, «капитал» уходит из рук монополиста, а самому ему сторож Иван сообщает: «Карл Иванович! Вы что в затмении? Революция — ничего не поделаешь!» [Бардовский 1927, с. 46]

Книжка с точно таким же названием, как у театрализованной игры Бардовского, — «Бунт игрушек» Александра Гурина — была в своем роде очаровательным, но довольно безалаберным курьезом эпохи. При том противоречивая абсурдность сообщает тексту некоторый игровой шарм. Нонконформизм игрушек-зверей совершенно инфантилен, они не желают умываться и одеваться, в этом и заключается их «бунт». Хозяйка — девочка Зоя — отправляется в Африку, чтобы заручиться поддержкой Льва, но по прибытии выясняется, что у зверей давно «Нет князей,/Нет царей <...> А жираф/Глупый граф — /Служит где-то в Откомхозе/Старшим конюхом в обозе» [Гурин 1927, с. 11–12]. Впрочем, председатель-Крокодил предписывает игрушкам-бунтовщикам больше не безобразничать.

Рассмотренные издания свидетельствуют, что книги, живописующие красоты игрушечных бунтов, часто строились по единому образцу, и даже названия их нередко бывали однотипными. Да и сама перелицовка дореволюционных сюжетов (особенно поначалу, в ситуации «безвременья», пока новая литература искала пути развития) могла оказаться неизобретательной. Лишь немногие авторы, подобные тому же Неверову, по-настоящему оживляли такие «переложения».

С другой стороны, в некоторых книжках ярко выразилась не самая очевидная сегодня мысль: революция не сотрясает основы, а восстанавливает естественное положение дел. Это хорошо видно на примерах текстов Зилова и Агнивцева, пусть первый и не строго «игрушечный», а во втором революция слита с Гражданской войной. Кроме того, даже самые простые из книжек-переделок оказались увязанными с очень многими культурными и социальными явлениями того времени — от возвращения эмигрантов до попыток внедрить в детский контекст новейшие сценические практики.

К самому концу 1920-х гг. такие книжки-переделки фактически перестали выходить: в библиотеках не удалось обнаружить какие-либо «бунтарско-игрушечные» сказки данного периода. По-видимому, сказывалось влияние борьбы со сказкой.

Тем не менее, революция продолжала бытовать в книгах конструктивистского толка. К ним стоит отнести «научно-популярные» сочинения, иллюстрированные Алисой Порет, к примеру, «Как победила революция» и «Тринадцать октябрей». Обе книги вышли в 1930 г. и увлекали не фантазиями, а попыткой почти документального воспроизведения реальных событий. Еще один пример «полезной» книги — «Как мы делали Аврору» (1931), где детям предлагалось самостоятельно реконструировать революцию. Она перекликается не только с изданиями, рассказывавшими, как создавать игрушки-самоделки. При некоторых допущениях ее можно считать отголоском, своеобразным детским вариантом художественной реконструкции взятия Зимнего дворца, устроенной Николаем Евреиновым в 1920 г.

Позже сказки вернулись. Многочисленные же бунты игрушек переродились в советскую сказочно-революционную историю — «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936). На долгое время она стала канонической (в сущности, остается таковой и сейчас), а деревянный человечек стал главным игрушечным бунтовщиком и трикстером, потеснив традиционный образ Петрушки.

Герои других новейших фантастических историй часто были нацелены не на тотальный бунт и осознание его как активного, почти повседневного опыта, а, скорее, на исправление отдельных огрехов действительности. Так, в сказке Евгения Шварца «Новые приключения Кота в сапогах», публиковавшейся в журнале «Чиж» в 1937 г., герой борется с наследием дореволюционного режима, воплощенным в образе гигантской жабы, совращающей детей.

Революция и восстание постепенно отходили к опыту историческому, даже, вернее сказать, романтико-мифологическому. Журналы регулярно встречали юных читателей известием о главном празднике страны — годовщине Октябрьской революции, но бунт, происходящий сегодня, даже сказочный, мог расцениваться как несогласие с установившимся, состоявшимся порядком вещей. Подобное, разумеется, было недопустимо.

Источники

Аглицев Н. Война игрушек. Картинки С. Мальта. Москва: Б. и., 1925.

Бардовский А. А. Бунт игрушек. Ленинград: Начатки знаний, 1925.

Блок А. А. Кукольный театр Оболенской и Кандаурова. Из серии «Петрушка» — «Война королей» // Блок А. А. Собрание сочинений в 8 тт. Т. 6. Москва, 1962.

Городецкий С. М. Бунт кукол/Сказка и рисунки С. Городецкого. Москва: Новая Москва, Б.г. (В книге М. Костюхиной указан год издания — 1925).

Гурин А. Бунт игрушек. Рисунки С. Городисской. Ростов-на-Дону: Хоз. изд. отд. С.-К. край ОДН, 1927.

Зилов Л. Глиняный болван/Сказка Льва Зилова. Рисунки Л. М. Чернова-Плесского. Иваново-Вознесенск: Основа, 1923.

Миллер Я. Как победила революция. Рис. А. Порет. 2-е изд. Москва: Государственное изд-во, 1930.

Неверов А. С. Большевики. Рисунки Б. Иогансона. Москва: Издание Г. Ф. Мириманова, 1924.

Неверов А. С. Как жили куклы и что сделал оловянный солдатик. Детская сказка. Москва: Издание Г. Ф. Мириманова, 1924.

Оболенская Ю. Война королей. Худож. Ю. Л. Оболенская, К. В. Кандауров. Москва: Театр. отд. Нар. Ком. прос., 1918.

Твист Ол. Мышиный бунт. Рис. Л. Дубровского. Ростов-на-Дону: Отделение Государственного изд-ва, [1924].

Чуковский К. От двух до пяти. Живой как жизнь. Москва: Детская литература, 1968.

Шварц Е. Новые приключения Кота в сапогах // ЧИЖ. № 10–11, 1937.

Исследования

Костюхина М. Игрушка в детской литературе. Санкт-Петербург: Алетейя, 2008.

М. Костюхина

ОКТЯБРЬСКИЙ СЦЕНАРИЙ В ДЕТСКОМ САДУ

Праздник 7 ноября был главным мероприятием, проводимым в детских садах советского времени. Сценарные тексты базировались на концептах советской государственности, образах природного мира и элементах календарной обрядности. Рецедивы ноябрьской обрядности сохраняются в современных Праздниках осени.

Ключевые слова: праздники в детском саду, сценарии праздника 7 ноября, праздничные практики в дошкольных учреждениях.

Педагогические практики призваны сформировать у ребенка представление о социальной и исторической действительности. Важное место в этих практиках занимают организованные праздники. Российские и зарубежные исследователи последних лет много занимаются изучением типологии и семантики праздников советского времени. Праздники рассматриваются как специфическая форма досуга, средство управления массами и объект мифологизирования [Мальшева 2005; Рольф 2009]. В работах по праздничной культуре собственно детские праздники представлены мало. Между тем именно в дошкольных учреждениях реализовались типовые модели государственных праздников.

Организованным праздникам в системе советского дошкольного воспитания отводилась важная роль. Праздники основательно готовились воспитателями и музыкальными руководителями, на праздники приглашались гости в лице родителей и родственников (ради этого утренники переносились на вечернее время). В методических рекомендациях подчеркивалось: «Хорошо проведенный праздник — гордость детского сада. Это — хорошая традиция, ее надо ценить и беречь» [Праздник в детском саду 1947, с. 3]. На повестке дня 1920-х гг. стояла задача создания советских праздничных традиций, и начинать эту работу следовало с детского сада.

Система праздников в детском саду стала складываться в 1930-е гг. и редактировалась от десятилетия к десятилетию. Характер изменений детских утренников повторял, как в зеркале,

общий ход формирования советской праздничной обрядности — от идейно-художественного авангарда 1920-х гг. к сталинскому канону 1930–1950-х гг., затем к праздничной системе 1960–1980-х гг. Утренниками отмечались праздники, связанные с красными днями календаря, и собственно детские праздники. К памятным датам относились День празднования годовщины Октябрьской революции (7 ноября), День памяти Ленина (22 января), День рождения Ленина (22 апреля), День Красной Армии (23 февраля), Женский день (День работницы, 8 марта). В 1960-е гг. к ним добавилось празднование Дня победы (9 мая), зато ушел День физкультурника, который отмечался в детском саду как праздник. Основным событием в детской жизни считался праздник прощания с детским садом для будущих первоклассников. Универсальным праздником был новогодний утренник (елка), который отмечался в детских садах с конца 1930-х гг.¹

Из объемного праздничного списка в детском саду реализовывалось далеко не все. Практика подсказывала, что подготовка и проведение праздника — это дело трудоемкое для воспитателей и утомительное для детей. Поэтому праздничные даты в детских садах отмечались выборочно. Больше всего праздничных мероприятий проводилось в детских садах 1920–1930-е гг. В 1950–1960-е гг. обязательными оставались четыре праздника: «октябрьский» (7 ноября), «майский» (1 мая), «новогодний» (1 января) и «летний» (проводы детей в школу) [Праздничные утренники в детском саду 1963, с. 5]. Главным в системе праздничных мероприятий считался День годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции (праздник Великого Октября). Детский сад соблюдал официальную иерархию советских праздников, что всячески подчеркивалось: «Здравствуй, праздник наш советский, // День великий, славный, // Ты и взрослый, ты и детский, // Праздник самый главный» [Утренники 1963, с. 88].

В помощь организаторам октябрьских мероприятий выпускались разработки с рекомендациями и сценариями. Основу сценариев составляли подборки из стихов и песен советских детских писателей (среди авторов О. Высотская, З. Александрова, С. Михалков, Е. Благинина), составленные методистами дошкольного воспитания для декламации и инсценирования.

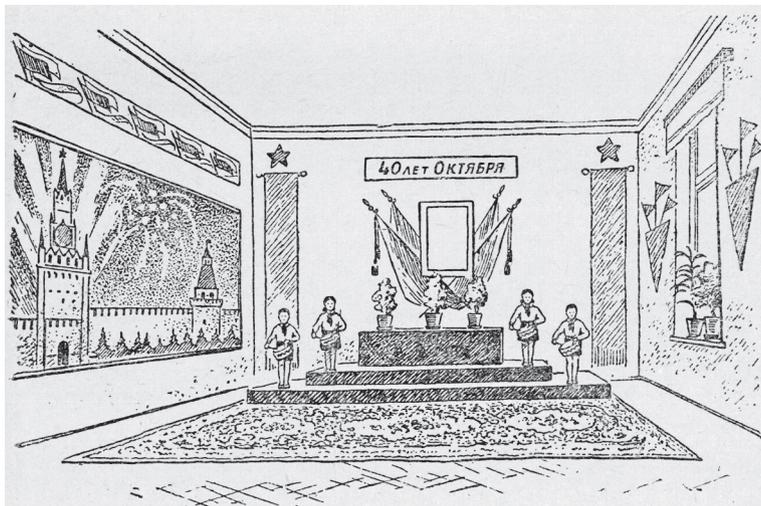
Назначение сценариев не исчерпывалось прагматикой их использования для подготовки детского праздника. Методический текст формировал картину мира самих воспитателей, воздействуя на них

риторикой в духе советских газет. Ссылки на практический опыт передовых педагогов (отчеты, фотографии) также служили задачам риторического дискурса: единично проведенный праздник подавался как массовый и реально осуществимый. Анализ отдельных мотивов в сценарных текстах к празднику Великого Октября (1937, 1947, 1957, 1963) — цель данной статьи.

В первое десятилетие советской системы дошкольного воспитания приветствовалась практика прямого участия детей в ноябрьских демонстрациях под присмотром воспитателей. «Обязательной частью праздника нужно считать — организованный выход ребят на улицу, шествие или катание, наблюдение праздничной толпы...» [Флерина 1929, с. 29]. По мнению методиста, впечатления от праздника вызовут в детях чувства, аналогичные тем, что испытывают взрослые. Со временем от участия детского сада в демонстрациях отказались, переведя празднование в закрытые помещения. Сценарные тексты предназначались для организации праздника в просторстве детского учреждения.

Праздник 7 ноября включал в себя оформление помещения и сценарно-постановочную часть с участием детей. В праздничном оформлении широко использовалась советская символика (портреты, флажки, гирлянды). Портреты Сталина украшались цветами и листьями, портреты Ленина отмечались черной лентой. С середины 1950-х гг. до конца 1980-х гг. в детских садах выставлялись портреты Ленина-ребенка, украшенные флажками и листьями. В зале, где проходило мероприятие, сооружались трибуны на фоне изображения Кремля и праздничного салюта. Подобное оформление должно было напоминать детям Красную площадь, где проходили ноябрьский парад и главная демонстрация страны. «Трибуна, одетая в кумач, овитая цветами, красные флаги, знамена и на фоне их — большие портреты вождей» [Праздник Великого Октября в детском саду 1939, с. 39].

С начала 1930-х гг. утвердился канон изображения годовщины Великого Октября как торжества советского строя и социалистического образа жизни. Все действия, совершаемые детьми, призваны были донести эту идею «в доступных конкретных образах». В педагогических директивах она артикулировалась по-разному. Методисты 1920-х гг. с прямолинейной простотой утверждали, что октябрьский «праздник нужен для пропаганды и агитации» [Шер 1925, с. 7]. Педагоги 1930-х гг. призывали воспитывать «любовь к родине и ее вождям» [Праздник Великого Октября в детском саду 1939,

Торжественное оформление помещения в детском саду к празднику 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции. [Праздник в детском саду 1957]

с. 41]. В эпоху 1960-х гг. акцент делался на детях и заботе о них. «На октябрьском утреннике раскрывается основная идея — в нашей стране заботятся о детях, они живут счастливо, радостно» [Праздничные утренники в детском саду 1963, с. 6]. Смена риторики не отменяла сути. Детский праздник, как и взрослый, призван был служить «задаче советизации, для того чтобы подрастающее поколение могло через праздник познакомиться с официальным культурным стандартом» [Рольф 2009, с. 133].

Сценарий каждого октябрьского праздника состоял из официальной и неофициальной частей. Обе части имели музыкальное сопровождение, призванное эмоционально влиять на участников праздника:

Торжественное звучание праздничных маршей, светлые, радостные песни, стихи, выражающие счастье, любовь к родине, веселые звуки плясовой народной музыки — все это вызывает в детях радостное, праздничное волнение [Праздник в детском саду 1957, с. 3].

Идея торжества советского строя воплощалась в звуках военного марша, а счастливая жизнь при социализме в игровых и плясовых мелодиях. Праздник начинался с того, что дети (младшие и старшие группы), маршируя, входили в зал и строились ровными рядами: «... начало праздника приобретает особую выразительность

благодаря торжественному звучанию праздничного марша, красоте построения детей, стоящих на фоне красочно и строго оформленной стены, благодаря звонким переключкам, приветствиям, крикам «ура!» [Там же] Построения и марши воспринимались как репетиция будущих военных парадов. «Пока еще не можем/Идти мы на парад,/Но мы приходим тоже/На праздник в детский сад» [Там же, с. 102].

После маршей на «трибуну» поднимается заведующая детского сада со словами приветствия:

Сегодня вы, дети, будете петь веселые песни, играть, плясать, веселиться, покажете, что вы приготовили к празднику, а ваши родители и все наши гости будут радоваться и веселиться вместе с вами. Да здравствует Октябрь! Ура! [Праздничные утренники в детском саду 1963, с. 54]

Веселье и радость обязательны для всех участников праздника, независимо от возраста. Взрослые будут веселиться как дети, а дети выкрикивать лозунги как взрослые. Ведущий говорит: «Ленину слава!» Дети отвечают: «Слава! Слава!» Ведущий восклицает: «Да здравствует наша родина!» Все вместе скандируют: «Ура!» [Там же]

Несмотря на то что соблюдение праздничного канона нелегко давалось детям, педагоги рапортовали об успешном проведении праздника при сознательном участии всех детей:

Под дробь барабана, выставив вперед фанфаристов и знаменосцев, легко и стройно выходят средние и старшие ребята.

Шествие это торжественно и красочно, детские лица серьезные и вместе с тем радостны.

— Поздравляем с двадцать первой годовщиной октября, — торжественно приветствует «демонстрантов» заведующая детским садом т. Тищенко, ведущая праздник.

Громкое и дружное «ура» детей и родителей разнеслось по всему детскому саду [Праздник Великого Октября в детском саду 1939, с. 40].

Стиль репортажа призван был создать ощущение достоверности происходящего, но обилие газетных клише в методическом отчете свидетельствовало об обратном: воспитатели старались подменить реальное поведение детей на празднике «взрослым» стандартом (так, драку, возникшую между детьми на одном из праздников, педагог объяснила идейным стремлением зачинщика «отомстить врагам революции»).

Праздничную атмосферу мероприятия создавали песни и танцы, проводимые в неофициальной части праздника. Но и здесь не обошлось без идейно-политической риторики. В методических пособиях писалось, что веселые хороводы символизируют «радостную трудовую жизнь». Праздник должен был убедить детей в том, что советский человек идет на фабрику, танцуя, а в колхоз, распевая песни. «Мы в родном колхозе нашем/Дружно, весело живем — /Вместе сеем, вместе пашем,/Вместе пляшем и поем» [Праздничные утренники в детском саду 1963, с. 57].

В завершение праздника Великого Октября детям обязательно дарили подарки. Дарение подарков и сытное угощение символизировали заботу государства о своих гражданах. Поэтому преподнесение даров описывалось с максимальной зрелищностью:

Блюда и корзины задрапированы легкой тканью и украшены лентами, цветами, зеленью. На самой верхушке блюд с гостинцами укреплена крупная цифра 30 (праздник посвящен 30-летию Октября. — М. К.). Игрушки расположены живописными, забавными группами. Если детям дарятся велосипеды или автомобили, на них могут выехать школьники, держа в руках большие цифры 30.

Обойдя зал кругом, несущие подарки останавливаются по середине.

В е д у щ и й . Да здравствует тридцатилетие Октября! Да здравствует наш дорогой вождь товарищ Сталин! Ура!

Присутствующие дружным «ура» отвечают на возгласы ведущего [Сборник художественных материалов для детских садов 1947, с. 15].

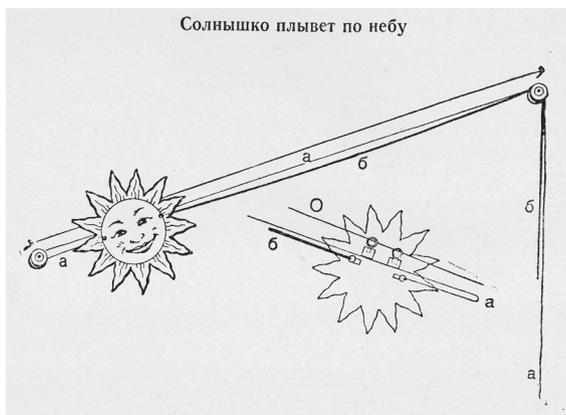
Одаривание подарками описывается в методическом отчете со сказочным размахом. Невиданная роскошь даров в послевоенном детском саду не берется под сомнение, ведь чудо заложено в самой природе праздника, и педагоги, подобно детям, оказываются в его власти. Гипнотической силой обладала сама риторика методических отчетов, основанная на лозунге «жить стало лучше, жить стало веселее». Постановочные фотографии групп детей, выстроенных в форме пятиконечных звезд, завершали эффект ожившей сказки.

Картина счастливой жизни, разыгранная детьми, повторяла изображения на мозаичных панно и полотнищах соцреализма, изображавших изобилие, радость, довольство и благодарность. Весь этот идеологический набор необходимо было вписать в сознание реальных детей, ведь дети не читают газет и методических отчетов. Это хорошо понимали те, кто стоял у истоков создания советской праздничной обрядности. «Обряды наших праздников

еще в зачаточном состоянии. <...> Наша задача — прощупать формы детского обряда как предварительного — в быту, так и в самом празднике, обряда, который сделал бы этот праздник доступным и значительным» [Шер 1925, с. 73].

Специфика раннего детства (до 6 лет) диктовала необходимость сочетания актуальной тематики с элементами детской культуры. Опыт дошкольного воспитания подсказывал педагогам, что доступные ребенку образы надо искать в природной тематике и народной календарной обрядности. Ознакомление детей с временами года входило в педагогические практики со времен эпохи Просвещения. Педагоги раннего советского времени заменили «природный антропоморфизм» мифологизированными персонажами революционных плакатов (рабочего, крестьянина, буржуя). «Танцы снежинок» и «песенки цветов» были отнесены к старорежимным педагогическим приемам. В середине 1930-х гг. природа вновь вернулась в дошкольное воспитание, но уже в союзе с идеологией. В таком союзе она царила на октябрьских праздниках до конца советской эпохи: «Ленина оденем/В ярко-красный клен,/Обовьем листвою/Мы со всех сторон» [Утренники в детском саду 1963, с. 146].

Параллелизм природного и социального в октябрьских сценариях базировался на приоритете последнего, что противоречило традициям дошкольного обучения. «Старорежимному» ребенку объяснялось, что смена времен года — это основа мироздания, не зависящая от воли людей (классикой дошкольного воспитания считался рассказ К. Ушинского «Четыре желания»).

Механические приспособления для передвижения небесных светил [Праздник в детском саду 1957]

Инсценировка сказки «Репка». [Праздник в детском саду 1957]

Став частью советского контекста, времена года подчинились общественно-политической календарности. Анализ сценария детского праздника, посвященного 40-летию Октября (1957 г.), это показывает. Праздник начался с убранства зала флажками и желтыми листьями. Дети маршируют под музыку и выстраиваются на линейку. На праздничной линейке читается стихотворение, первая строчка которого отсылает к природной тематике, а все остальные к социальной. «Горит осенняя заря/Над башнями Кремля./Встречает праздник Октября/Советская земля» [Праздник в детском саду 1957, с. 15].

Затем следует танец «Праздничный букет» и чтение стихов, образы которых основаны на параллелизме социального и природного мира. «Флажки огоньками/Сверкают над нами./Листву золотую/Украшим флажками» [Праздник в детском саду 1957, с. 19].

Привязанность к определенному времени года суживала идейные возможности главного праздника страны, ведь советскому человеку хорошо жить не только осенью. Поэтому методисты старались уйти от сезонной локализации, допуская смещения во все времена года. Вопреки законам природы в ноябре появляются бесчисленные букеты цветов: «Пусть в роще осенней/Цветов больше нету./Стране в день рождения/Мы дарим букеты» [Праздник в детском саду 1957, с. 23]. В честь великого праздника журавли улетают не в конце лета, а в начале ноября, как раз к праздничному парад. «Журавли на юг летят.../Здравствуй, здравствуй, осень!/Мы выходим на парад,/Мы флажки выносим» [Праздник в детском саду 1957, с. 101]. Несмотря на выпавший снег, маковым цветом расцветает флажок: «На крыльечке снежок/Падает — не тает./А в руке цветет флажок,/Маком расцветает» [Праздник в детском саду 1957, с. 101].

Октябрьские стихи в исполнении детей звучали как актуальный идеологический лозунг, сохраняя при этом связь с традиционной закличкой. «Пролетайте мимо, тучи,/Вы нам не нужны,/Ведь сегодня самый лучший/День для всей страны» [Праздник в детском саду 1957, с. 101]. Под воздействием заклички начинается не ноябрьское увядание, а летнее цветение растительного мира: «Ну тогда зовите в круг/Всех друзей и всех подруг/Мы споем, как у села/Калинушка зацвела» [Праздник в детском саду 1957, с. 27].

Сказка «Репка» и игра «Арбузик» воплощают идею изобилия и торжества коллективного труда. [Праздник в детском саду 1957]

Пышное цветение завершается обильным созреванием. Тема урожая — ведущая на октябрьских праздниках 1950-х гг. В «урожайном» контексте разыгрывалась народная сказка «Репка» — зримый пример колхозного изобилия и результат коллективного труда. Использование на празднике элементов традиционного фольклора (сказочного, календарного, детского) придавало советской риторике понятный ребенку-дошкольнику смысл.

Проведение организованного праздника в детском саду требовало серьезной подготовки от детей и педагогов. В связи с этим методисты призывали воспитателей не перегружать детей заучиванием материала, избегать формальности в ущерб естественности. При этом никто не освобождал детей и педагогов от соблюдения всех идеологических требований. Официальные схемы приводили к неизбежной автоматизации в проведении праздничного мероприятия. Исследователи отмечают: «Отношение к государственным праздникам заметно менялось, прежде всего у детей. В 1930-е и 1940-е гг. дети осознавали торжество и ритуальное значение «красных дней календаря»; в 1960-е, 1970-е и 1980-е гг. их, наоборот, скорее впечатляли развлекательные элементы» [Келли, Сиротина 2008, с. 295].

В новой российской действительности Великий Октябрь (7 ноября) был заменен Днем народного единства (4 ноября). Директивное введение (или отмена) праздника сталкивается с уже существующей

традицией, и первой социальной площадкой для реализации новых праздников становится детский сад. День народного единства оказался неравноценной заменой празднику 7 ноября, социальная значимость которого была закреплена в сознании многих поколений. В сценариях Дня народного единства то и дело реанимируются тексты, воспевающие советское государство, только теперь оно называется российским. Анонимность литературного материала (имена советских авторов не упоминаются) позволяет делать любые замены, перемежая детскую классику с собственным творчеством. До официального введения Дня народного единства в 2004 г. педагоги отмечали в детском саду Праздник осени, заполняя образовавшуюся после отмены 7 ноября пустоту. Акцент в Празднике осени делается не на государственной, а на природной тематике, но советская традиция подчинять природные явления неумолимой силе государства сохраняется по сей день. «Осень разноцветная» (типичное название детских праздников) в методических текстах то сверкает по-зимнему, то наливается соком по-летнему, то сыплет листьями по-осеннему.

С неба чудный месяц
Чуду удивляется —
Все вокруг искрится,
Все переливается.
Листья соком налились,
Листья соком пропитались,
Налились, отяжелели,
Потекли и полетели [Аксенова 2003, с. 6].

Вечно живыми оказываются и такие концепты ноябрьских праздников, как «труд колхозников» и «богатый урожай». Только теперь колхозники изображаются похожими на древних славян: они почитают осень и соблюдают календарную обрядность, за что награждаются изобилием и весельем («Осень — самое лучшее время года. Колхозники собрали богатый урожай. Издавна на Руси чествовали осень — играли свадьбы, гуляли, веселились» [Там же, с. 8]). Колхозников давно нет, осень славяне никогда не чествовали, а все вместе напоминает советскую сказку про одаривание дошкольников плодами и велосипедами. Такой мешаниной из разнородных идей российский детский сад встречает столетие Великого Октября.

Примечания

¹ Изучению новогодней обрядности советского детства посвящены работы российских исследователей: Веселова И. С. Детские новогодние карнавалы: реестр образов // Антропология советской школы: Культурные универсалии и провинциальные практики: сб.ст. Пермь, 2010. С. 193–214; Душечкина Е. В. Русская елка. История, мифология, литература. СПб., 2002; Сальникова А. А. «Блестящий воспитатель»: елочная игрушка как инструмент наделения «советскостью» // Ребенок в истории и культуре. Труды семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики». Вып. 4. М., 2010. С. 370–403; Хромова А. В. Тексты для детей в новогоднем ритуале // Детский сборник. Статьи по детской литературе и антропологии детства. М., ОГИ, 2003. С. 41–51.

Источники

Аксенова З. Ф. Традиционные праздники и развлечения в детском саду. Сценарии. М.: ТЦ Сфера, 2003.

Праздник в детском саду. Метод. статьи и худ. материал. М.: Институт худ. воспитания Академии пед. наук РСФСР. 1947.

Праздник в детском саду. Сост. Н. А. Ветлугина. М.: Гос. Уч.-пед. Изд. Министерства Просвещения РСФСР, 1957.

Праздник Великого Октября в детском саду // Дошкольное воспитание. 1939. № 8–9. С. 32–42.

Праздничные утренники в детском саду // Л. И. Михайлова, Н. А. Метлов. Москва: Музгиз, 1963. Вып. 1: Утренники, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции.

Сборник художественных материалов для детских садов. К тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Сост. М. А. Буш. М.: Ин-т худ. воспитания, 1947.

Утренники, посвященные Великой Октябрьской социалистической революции. Вып. 1. М.: Госуд. музык. изд., 1963.

Флерина Е. Праздник в дошкольных учреждениях // Дошкольное воспитание. 1929. № 6. С. 25–34.

Шер Н. С. Детские праздники. М.: Знание, 1925.

Исследования

Келли К., Сиротинина С. «Было непонятно и смешно»: праздники последних десятилетий советской власти и восприятие их детьми // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 258–299.

Лейн К. Ритуал военно-патриотической традиции // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. С. 44–56.

Мальшиева С. Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917–1927). Казань: Рутен, 2005.

Рольф М. Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009.

Дж. Де Флорио

«И ТОЧНО МНОГО ЛЕТ ОН МНЕ ЗНАКОМ». МАКСИМ ГОРЬКИЙ И САМУИЛ МАРШАК НА ФОНЕ ЭПОХИ

В статье рассматривается история взаимоотношений М. Горького и С. Я. Маршака с первых дореволюционных встреч и до последнего разговора в Крыму весной 1936 г., за несколько месяцев до смерти Горького. Концепция детской литературы, поступательно озвученная Горьким-Маршаком на рубеже 1920–1930-х гг. и окончательно оформившаяся в речах на первом Съезде советских писателей 1934 г., прослеживается через детальное изучение высказываний обоих авторов. Устойчивая творческая связь между двумя литераторами показывает сходство их художественных и идейных принципов. Несмотря на мифологический образ «пророка», созданный Маршаком (и другими литераторами) после ухода Горького, в статье демонстрируется симбиоз теоретических идей двух организаторов советской детской литературы.

Ключевые слова: Максим Горький, Самуил Маршак, Первый съезд советских писателей, большая литература для маленьких, Детиздат, критика детской литературы.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Встреча юного Маршака с Горьким, который в последние годы XIX в. был воплощением новой эпохи и кумиром молодежи, в том числе и поколения Маршака, происходит в начале века: в августе 1904 г. Стасов устраивает у себя на даче в Старожиловке, рядом с Парголово, очередной частный концерт и, как обычно, готовит для гостей шуточное приветствие. Он просит, чтобы Сам, как он называл своего молодого друга, дополнил небольшим приветственным стихотворением рисунок, который сделал по случаю скульптор И. Я. Гинцбург (1859–1939). Среди гостей — Илья Репин, Федор Шаляпин, Александр Глазунов и Максим Горький. Вечер произвел глубокое впечатление как на Маршака, так и, по всей вероятности, на Горького¹. Как известно, после знакомства писатель предлагает Маршаку переехать в Ялту для лечения легочной

болезни, которой молодой человек страдал к этому моменту несколько лет. Горький его устраивает в ялтинскую гимназию и поселяет к себе на дачу. 11 января 1905 г. Горький был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Маршак подолгу живет один, в это время он существенно расширяет собственный круг чтения и начинает работать с детьми: организует помощь детям из бедных еврейских семей. С Горьким Маршак общается мало и редко, хотя, возможно, это общение все же влияет на молодого человека². Во время пребывания в Ялте важной фигурой для Маршака становится Екатерина Павловна, жена Горького, с которой у него складываются более доверительные отношения и к которой он на всю жизнь сохраняет глубокое уважение и привязанность. Их общение прерывается, когда Маршак оказывается вынужден покинуть Крым из-за усилившихся гонений на евреев, а Горький уезжает на Капри, где проживет семь лет, с 1906 по 1913 гг.

Они возвращаются в Россию почти одновременно — Горький из Италии, а Маршак из Великобритании, однако встречи не происходит. В эти годы они общаются лишь от случая к случаю³ — с 1916 по 1918 гг. Горький погружен в организационную работу, а Маршак постоянно переезжает с места на место: сначала в Воронеж, затем в Петрозаводск и, наконец, после революции, в Екатеринодар. Он увлекается еврейской тематикой, переводит с иврита и интересуется сионизмом⁴.

В конце Гражданской войны, когда победа большевиков стала очевидна, Маршак возвращается в Петербург. Теперь это уже не прежний гимназист из Ялты — он учился в Англии и путешествовал по Ирландии, отверг — хоть публично — свое еврейство⁵, начал писать и переводить с английского для множества газет и журналов, стал известен читателям как сатирик и уже написал свою первую детскую книгу, «Театр для детей» (1922), сборник театральных пьес, написанных и поставленных в Екатеринодаре при содействии Е. Васильевой (известной под псевдонимом Черубина де Габриак).

Как свидетельствует Корней Чуковский, в те годы много общавшийся с Горьким⁶, Маршак и Горький не сразу приходят к взаимопониманию: «Когда Маршак вернулся с Кавказа в 1920 или 1921 г., Горький долго не хотел его принять. — Конечно, я хорошо его помню, но сейчас я занят, не могу, — отвечал он мне» [Чуковский 2013г, с. 494]. Маршак относит свои переводы из Блейка⁷ в редакцию «Всемирной литературы»⁸, задуманного Горьким колоссального

издательского проекта, но получает отказ: «Во время этого разговора я вспомнил, что, когда Маршак начинал свою карьеру и приехал в Пбг. из Краснодара, Горький был еще в Питере. Маршак предложил во “Всемирную” свои переводы из Блейка, и Горький забраковал их (из-за мистики)» [Чуковский 2013а, с. 371].

Еще одно подтверждение находим в гораздо более поздней записи из дневника Чуковского: «Не успел я сесть, как он [Маршак] стал говорить о себе со страшной силой самовосхищения, которое совершенно оправданно, так как он в самом деле феноменально одухотворен, творчество так и пышет из него. Рассказывал о Блэйке. Как Горький говорил ему и даже писал: “Не стоит ваш Блэйк, что бы Вы переводили его”» [Чуковский 2013в, с. 380].

16 октября 1921 г. Горький уезжает из России. До того, как общение с Маршаком возобновится и перейдет на новый уровень, остается почти десять лет.

ЗАЩИТА ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«Вы один наш заступник, вы всегда помогали нам» [Барахов 1994, с. 113] — вспоминает Чуковский в письме Горькому в 1921 г. Горький нередко выступает в роли защитника (писателей и даже таких издателей, как Сытин). С революционных лет он обращает все больше внимания к детям, завтрашним творцам жизни; не забывает о них в своей работе писателя и публициста⁹, прилагая много усилий к проектам детского образования и защиты детей¹⁰.

Параллельно, особенно во второй половине двадцатых годов, правительство все настойчивее вмешивается в процесс создания детской литературы. На выдающихся авторов, уже привлечших к себе внимание цензуры¹¹, обрушивается поток критики и клеветы, их открыто атакуют в прессе.

Один из ярчайших примеров — борьба с «чуковщиной», начавшаяся после публикации 1 февраля 1928 г. в газете «Правда» статьи Надежды Крупской «О “Крокодиле” Чуковского»¹², которая привела к жестокой травле Чуковского. Узнав о происходящем от дочери Чуковского, Лидии Корнеевны, Горький выступает еще раз в роли защитника и пишет из Сорренто «Письмо в редакцию», опубликованное 25 февраля 1928 г. в газете «Правда» [Горький 1968, с. 181]. Это письмо — первое в ряду выступлений Горького. Чуть позднее, в статье «Еще о грамотности» («Известия», 1928, № 93; «Читатель и писатель», 1928, № 16), он яростно критикует действия современной ему педагогики и критики. Затем

следует статья «О сказках», которая была опубликована в виде вступительной статьи к книге «Сказки 1001 ночи» (Академия 1929, т. 1), за ней «Человек, уши которого заткнуты ватой» («Правда», 1930, № 19) и «О безответственных людях и о детской книге наших дней» («Правда», 1930, № 68). В этих статьях уточняется концепция детской литературы, которую писатель развивал более десяти лет, пользуясь поддержкой народного комиссара просвещения А. В. Луначарского¹³.

Горький утверждает, что в Государственном Ученом Совете¹⁴ «сидят люди, суждения которых о литературе совершенно необоснованы и безответственны, а огонь, воду люди эти считают “абстрактными понятиями”» [Горький 1949а], указывая в то же время на тех, кто является истинными создателями советской детской литературы: «Та детская литература, которую создают люди, подобные С. Маршаку, отлично удовлетворяет важную потребность, и нельзя позволять безграмотным Кальмам¹⁵ травить талантливых Маршаков» [Горький 1930]¹⁶. Упоминание о Маршаке не случайно. В 1927 г. Маршак и Горький снова вступали в переписку. «По-настоящему наши отношения возобновились в 1927 г., когда наша ленинградская редакционная работница Старк привезла мне из Италии от него привет и упрек в том, что я забыл его, не посылаю ему своих книжек и т. д. Я сейчас же написал ему в Сорренто...» [Маршак 1972б, с. 421].

В письме Маршака от 9 марта 1927 г. содержится подробное описание его «пути к детской литературе», которое Горький, по всей вероятности, находит полностью созвучным собственным целям и принципам: борьба с шаблонами, как старыми, так и новыми; отказ от сюсюканья в разговоре с ребенком; обращение к народной культуре: к прибауткам, считалкам, песенкам, дразнилкам и т. д.; четкость и пословичность как важные составляющие любого текста для детей; роль иллюстраций и картинок в детской книге; стремление привлечь в детскую литературу профессионалов — путешественников и ученых, которые могли бы, уступив настойчивым просьбам Маршака¹⁷, вложить в детские книги свой жизненный опыт.

Маршак, впрочем, не ограничивается перечислением успехов и достигнутых результатов, он также намечает направления, в которых еще предстоит работа — в частности, он указывает на отсутствие повестей и романов, предназначенных для ребят постарше, созданных специально для них. В конце письма автор, словно предчувствуя бурю, которая вскоре обрушится на его единомышленников¹⁸

и на сотрудников Детиздата, признается, как мешает работе постоянный конфликт с педагогами, которые являются почти единственными рецензентами и критиками детской литературы.

Отметим, что до этого письма Маршак никогда не излагал на бумаге теоретические свои мысли о детской литературе. В 1920-е гг. он сочиняет самые знаменитые из своих детских произведений и занимается редакторской деятельностью¹⁹, но, только начиная с возобновления общения с Горьким, и особенно с 1930-х гг., он вкладывает свой опыт в теоретическое структурированное изложение — в форме заметок, статей и очерков.

30 августа 1928 г. Маршак и Горький встречаются после двадцатидвухлетнего перерыва, «но теперь он (Горький. — *Дж. Д. Ф.*) встретил Маршака как долгожданного друга и очень оживленно стал рассказывать, как он, Горький, ловко надул всех — и приехал в Пб. так, что его не узнали» [Чуковский 2013а, с. 371–372].

Восстановление сначала переписки и потом дружеских связей с Горьким обнадеживает Маршака, который обращается к нему за помощью²⁰. В начале 1930 г. он без колебаний пишет Горькому о давлении, оказываемом на ленинградский Детиздат и о недопустимом характере нападок на талантливых детских писателей со стороны критики и педагогов. В конце письма говорится, что необходима «серьезная операция» [Маршак 1972а, с. 116], которая при этом не убила бы больного, то есть не лишила бы детскую книгу «жизненных соков» [Там же]. «Патриарх» и «защитник» детской литературы [Балина 2014, с. 14] быстро понимает, что недостаточно отстаивать в печати и оберегать от нападок хорошие детские книги; необходимо провести всестороннюю программу развития и обновления детской литературы. Он доверяет эту непростую задачу Маршаку: начиная с 1930 г. Маршак, уже показавший себя незаменимым человеком в детском отделе ленинградской редакции Госиздата²¹, все чаще фигурирует в письмах и в проектах Горького, всегда с самыми лестными характеристиками, которые впоследствии во многом способствовали его официальному признанию²².

Кроме того, в 1931 г. Горький встретился с младшим братом Маршака, Ильей Яковлевичем (1895/1896–1953). Они быстро приходят к взаимопониманию: Горький с большим вниманием относится к научно-популярному направлению в детской литературе, в котором Ильин добился больших успехов. Рукопись его «Рассказа о великом

плане» Горький прочел, еще будучи в Италии, и был в восторге от нее. В статье, опубликованной 3 ноября 1935 г. в «Правде», он пишет: «Исключительный успех “Рассказа” объясняется редчайшей способностью Ильина говорить просто и ясно о явлениях сложных и вещах мудрых» [Горький 1953]. Выработанный Ильиным язык и жанр Горький искренне хвалит, так как они входят, вместе с другими элементами, в новую концепцию детской литературы, которую он формулирует на два голоса, вместе с Самуилом Маршаком.

НОВАЯ ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Вскоре защита от нападений критиков и официальных органов превращается в полноценную программу, противопоставленную официальной концепции детской литературы, сформулированной Крупской и ее соратниками. В докладной записке «О детской литературе» (1932) Горький начинает контратаку на педантичную критику: «Детскую книгу засушили. Установили трафареты и схемы. <...> От автора требовали изложения в каждой книжке всех азов политграмоты» [Горький 1968, с. 110]. Для Горького принципиально важно переработать установившийся канон художественных приемов и жанров детской литературы. Он надеется на создание полноценного критического журнала, на коренные преобразования в библиотечной системе и на привлечение новых талантливых писателей в детскую литературу. Горький призывает пересмотреть отношение к ряду детских книг, а также к их авторам и иллюстраторам (к Житкову, Чуковскому, Лебедеву и т. д.), защищает, при определенных условиях, антропоморфизм и фантазию.

Докладная записка произвела большой эффект и обратила на себя внимание специалистов. 17 июля 1932 г. Крупская лично отвечает на нее Горькому [Горький 1968, с. 365–366]. 21 августа того же года Чуковский пишет в дневнике: «Бумага Горького — Маршака (вчера мне дали ее прочитать) о детской литературе робка — и об ошибочной литературной политике говорит вскользь. О сказке вообще не говорит полным голосом, а только о “развитии фантазии”» [Чуковский 2013б, с. 490]. Можно предположить, что «бумага», о которой идет речь у Чуковского — это рассмотренная выше докладная записка. Оставляя в стороне некоторую резкость суждения, подчеркнем, что докладная записка была итогом совместной работы Горького и Маршака, первой в целом ряде статей и очерков, задуманных, созревших и написанных в результате разговоров, в которых можно проследить динамику их отношений.

В этот период все выступления Горького и Маршака в прессе, касающиеся вопросов детской литературы, кажутся чередованием тем и вариаций, в которых переплетаются общие мотивы, идеи и предложения: статья Горького «Литературу — детям» от 11 июня 1933 г. подхватывает название и содержание разбитой на две части статьи Маршака — «Литература — детям!», опубликованной в газете «Известия» 23 и 27 мая, которая, в свою очередь, вырастает из долгих разговоров с Горьким в Сорренто весной того же года: «В “Известиях” от 23 и 27 мая была напечатана статья “Литература — детям!”. Автор этой статьи С. Маршак, талантливый и опытный работник в области литературы для детей, совершенно правильно придал заголовку и теме своей статьи характер требования, характер боевого лозунга» [Горький 1968, с. 112].

Очерк Маршака «О наследстве и наследственности в детской литературе» (1933) является развитием той же статьи. Тут уже можно увидеть почти дословные совпадения: «Старой детской литературе было, по крайней мере, 150 лет, а нашей послереволюционной — всего 15–16 лет. Она в десять раз моложе» [Маршак 1971е, с. 283]; «Русской дореволюционной литературе было около 150 лет. Советская книга для детей ровно в десять раз моложе — ей всего 15 лет» [Горький 1968, с. 115].

Кроме того, эти размышления в обобщенном виде будут включены по просьбе Горького в новую версию докладной записки о детской литературе. Записка же, в свою очередь, войдет в окончательный доклад, который Горький сделает в ЦК. Подтверждение этому мы находим в письме Маршака своей жене 20 мая 1933 г.:

В последние дни перед отъездом Горького мне пришлось немного поработать. Он высказал мне разные свои соображения о детской литературе (очень ценные) и попросил изложить на бумаге то, о чем мы говорили. Я просидел за этим делом дня два, а потом после нового разговора с Горьким все заново переработал. Он взял эту записку с собой и хотел еще дополнить ее по дороге и в Москве. Не знаю, что он с ней будет делать. Зато после отъезда А<лексея> М<аксимовича> я погрузился в полное безделье и только теперь опять принимаюсь понемногу за книги. Но больше гуляю и лежу (20 мая 1933 г.) [Маршак 1972в, с. 131].

В докладе Горький предлагает срочную замену дореволюционных детских произведений: «В первую очередь нам нужны повести из жизни детей и взрослых, повести, которые заменили бы нашим читателям и “Маленького лорда Фаунтлероя” и “Дневник школьника” Де Амичиса» [Горький 1968, с. 111]. Они уже

подверглись в статье Маршака суровому осуждению: «Это был сплошной второй сорт, сплошное чтение, без литературных задач, без стиля, без *языка* (курсив мой. — Дж. Д. Ф.)» [Маршак 1971д, с. 285].

Дальше Горький упоминает «Республику Шкид» Белых и Пантелеева, «Часы» Пантелеева, повести и рассказы Житкова и Григорьева и другие произведения, которые «по своей малочисленности могут только отчасти удовлетворить нашу нужду в детской беллетристике» [Горький 1968, с. 112]. Это высказывание прямо относится к положительной оценке этих же произведений и писателей Маршаком:

Прочтите книги Бориса Житкова, <...> — и вы найдете в них не описание технических процессов, а напряженное действие. <...> Интересный замысел положен в основу повести Л. Пантелеева «Часы». <...> Среди детских книг о перевоспитании малолетних правонарушителей повесть Пантелеева редкое и счастливое исключение. <...> Детская литература настойчивее, чем всякая другая, требует от писателя подлинного материала, вынесенного из жизни. Недаром в нее вошли именно те писатели из общей литературы, у которых такой материал имеется в избытке (Новиков-Прибой, Неверов, Фадеев, А. Толстой, Н. Тихонов, Сергей Григорьев и др.) [Маршак 1971д, с. 305, 308, 310].

Наконец, Горький призывает правильно толковать роль детской литературы в жизни ребенка-читателя, — в частности, в развитии его воображения: «Она должна научить читателя воображать, предвидеть и создавать. Поэтому мы придаем огромное значение тем видам литературы, которые способствуют развитию воображения, — сказке, романтической повести, научной фантастике, книге о завтрашнем дне» [Горький 1968, с. 112]. «Дети должны учиться не только считать и измерять, но и воображать и предвидеть» [Горький 1968, с. 126]. Опять же его требование полностью соотносится с постулатами Маршака: «...нет никакого разрыва между нашей познавательной и художественной книгой. Та и другая обращены к воображению читателя. <...> Наша детская литература взяла на себя задачу заменить суррогаты повестями, насыщенными жизненным опытом, основанными на подлинном знании и талантливом воображении» [Маршак 1971д, с. 306, 310].

При внимательном рассмотрении такие соответствия прослеживаются на всех уровнях — от прямого или непрямого цитирования и совместных размышлений до глубокого внутреннего созвучия позиций обоих писателей. Приведем некоторые примеры.

В статье «Растущий счет», опубликованной в «Литературном Ленинграде» 20 апреля 1935 г. и посвященной первой годовщине ликвидации РАППа, Маршак пишет: «Школа служила чем-то вроде опытного поля для всевозможных псевдометодов. Эти “человеки в футляре” забыли в азарте отвлеченного прожектерства самые главные задачи воспитания, забывали и самого ребенка» [Маршак 1935]. Автор статьи подхватывает любимую Горьким чеховскую формулировку, которую тот нередко употреблял, в особенности, в полемике о проблемах детской литературы — например, в статье «Человек, уши которого заткнуты ватой», где Горький атакует Е. Флериу, автора статьи «С ребенком надо говорить всерьез» (опубликована 30 декабря 1929 г. в «Литературной газете»): «Флериу решает его (вопрос о приемах воспитания детей. — *Дж. Д. Ф.*) категорически, но это решение чеховского “человека в футляре”, человека, уши которого заткнуты ватой» [Горький 1968, с. 101].

Оба писателя уделяют особенное внимание разделению читателей на возрастные подгруппы, для каждой из которых требуется особая детская литература. В статье «О наследстве и наследственности в детской литературе» (1933) Маршак замечает: «Эти книги не могут — да и не должны — работать на все читательские возрасты» [Маршак 1971д, с. 280]; он находит подтверждение своей мысли в статье Горького «О темах» («Правда», 1933, № 287; «Известия», 1933, № 255; «Литературная газета», 1933, № 48), опубликованной 17 октября того же года: «Автор, идущий в детскую литературу, должен учесть все особенности читательского возраста» [Горький 1968, с. 127].

Писатели готовят рекомендации для каждого жанра детской литературы — будь он школьной повестью, научно-популярной книгой, книжкой-картинкой или поэзией: они внимательно анализируют литературную традицию²³ и указывают на существующие недостатки. Горький замечает: «Детскую книгу засушили. Установили трафареты и схемы. <...> От автора требовали изложения в каждой книжке всех азов политграмоты. <...> Надо отказаться от примитивного утилитаризма, от грубой дидактики и тенденциозности» [Горький 1968, с. 110] («Из докладной записки», 1932); «Наша книга должна быть не дидактической, не грубо тенденциозной» [Горький 1968, с. 115] («Литературу — детям», 1933). Детская литература грешит схематизмом и по мнению Маршака: «Схема и тенденциозность — губительны для детской книги. <...> Есть

авторы, готовые в любую минуту проиллюстрировать в стихах или в прозе любой циркуляр Наркомпроса» [Маршак 1971д, с. 309].

Одно из направлений, для развития которого Маршак и Горький прилагают особенные усилия, — это создание научно-популярной книги. Какова должна быть новая научно-популярная книга? «Прежде всего наша книга о достижениях науки и техники должна не только давать конечные результаты человеческой мысли и опыта, но вводить читателя в самый процесс исследовательской работы, показывая постепенное преодоление трудностей и поиски верного метода». Это предложение находится в статье Горького «Литературу — детям», опубликованной одновременно в «Правде» (1933, № 159) и «Известиях» (1933, № 147) и в «Повести об одном открытии», предисловии Маршака к книге М. Бронштейна «Солнечное вещество» (Маршак прямо цитирует статью Горького, см.: [Маршак 1971д, с. 258]). Оно же повторяется в горьковской статье «О темах» 17 октября 1933 г., где автор добавляет: «Науку и технику надо изображать не как склад готовых открытий и изобретений, а как арену борьбы, где конкретный живой человек преодолевает сопротивление материала и традиций» [Горький 1968, с. 127].

Кроме того, по мнению обоих писателей, в этом жанре, и вообще в хорошей детской литературе, художественность не уступает педагогическому элементу. Одновременно книга с познавательным материалом должна быть таким же увлекательным чтением, как любой роман или повесть. Поэтому Горький считает, что «в нашей литературе не должно быть резкого различия между художественной и научно-популярной книгой» [Горький 1968, с. 127], в то время как Маршак напоминает, что «педагогическая роль не умаляет ее художественного значения. Лучшие писатели понимают высокие воспитательные задачи литературы в стране, где все строится заново» [Маршак 1971д, с. 303].

Стремление Горького и Маршака мобилизовать писателей, способных рассказать детям об устройстве окружающего мира и новой советской действительности, объясняется расширенным пониманием знаний, которые взрослые должны передать детям и подросткам. Тем не менее таких писателей, с их точки зрения, было мало. Остается потребность привлекать к работе над детскими книгами «талантливых писателей, которые пишут просто, интересно и содержательно» [Горький 1968, с. 121], а также ученых, художников, географов, моряков, летчиков — новых людей, способных облечь свой немалый жизненный опыт в художественную форму,

как это сделали Бианки, Чарушин, Паустовский, Ильин или Житков. Для каждого из них можно найти лестные оценки в статьях и в письмах Горького и Маршака. В 1926 г. Горький пишет Пришвину: «Я думаю, что такого природолюбца, такого пронизательного знатока природы и чистейшего поэта ее, как Вы, М. М., в нашей литературе — не было» [Горький 1968, с. 333]. Пришвин для Горького — писатель, способный создать «совершенно новое мироощущение» [Там же, с. 335]. Маршак разделяет его мнение: «Нечто свое, особенное, неповторимое внес в детскую литературу Михаил Пришвин, великий знаток русской природы, охотник, землепроходец, который с полным правом может называться “бывалым человеком”» [Маршак 1971д, с. 310].

Наконец, еще одна важная для обоих писателей тема, которой каждый из них посвящал отдельные очерки и статьи, — богатство языка и необходимость использовать все его безграничные возможности. Что касается, в частности, детской литературы, оба писателя считают, что она должна быть написана простым и ясным языком: «Простота и ясность стиля достигаются не путем снижения литературного качества, а в результате подлинного мастерства» [Горький 1968, с. 112]²⁴. В 1940 г. Маршак вспоминает о письме, полученном Горьким несколькими годами ранее:

Когда-то один из юных корреспондентов Горького обратился к писателям с такой просьбой: «Пишите для нас покороче, пояснее, попроще, посложнее». «Проще, посложнее» — это следовало бы сделать лозунгом нашей детской беллетристики. <...> надо, чтобы повести наши были сложны по материалу; ясность же и простота их зависят от умения писателя соединить множество разнообразных нитей в единую, плотную ткань [Маршак 1971г, с. 526–527].

Кроме того, язык детских книг должен быть образным: «Наша книга должна быть не дидактической, не грубо тенденциозной. Она должна говорить языком образов, должна быть художественной» [Горький 1968, с. 115], поскольку, пишет Маршак, именно так устроено детское мышление: «Мы исходили из того, что читатель-ребенок мыслит образами, а не отвлеченными понятиями, и книга должна обращаться к его воображению, вместо того чтобы быть дидактической» [Маршак 1971в, с. 577].

Первые программные статьи Горького о детской литературе были вызваны необходимостью защиты детских писателей от враждебно настроенных критиков. Именно отсутствию профессионализма со стороны критики посвящено множество выска-

званий обоих писателей: «Вот только критики детской литературы у нас почти нет» [Маршак 1971д, с. 311]. «Почти ни на одну рецензию нельзя положиться. <...> Общее положение в области критики у нас еще очень неблагополучно» [Маршак 1971б, с. 349]. Горький подтверждает маршаковское наблюдение: «Критика должна заниматься разработкой творческих вопросов детской литературы на основе конкретного и вдумчивого анализа, а не действовать наскоком и окриком» [Горький 1968, с. 111].

Рассмотрев приведенные примеры, мы не можем не согласиться с Лидией Чуковской:

Мысли Маршака о литературе для детей, исходные положения его редакторской практики были Горькому близки и родственны. Всякий, кто даст себе труд внимательно сопоставить высказывания о детской литературе Маршака с высказываниями Горького, не может не заметить этой близости, этой идейной родственности, и не только в общетеологическом смысле. <...> Единство взглядов на советскую литературу, на ее воспитательные цели, на ее художественные средства — вот что роднило М. Горького и С. Маршака [Чуковская 2011, с. 375].

Единство взглядов и идеологическая близость помогли двум писателям выработать общую концепцию детской литературы, основанную на собственном опыте в этой области. Создание детского издательства и доклад о необходимости «большой литературы для маленьких» на Первом съезде советских писателей является последним этапом как выработки новой литературы, так и динамики отношений между двумя писателями.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТГИЗ» И ПЕРВЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Проделанная Горьким и Маршаком огромная работа по выработке новой детской литературы заканчивается постановлением ЦК от 9 сентября 1933 г., одобряющим создание нового детского издательства:

Недостатки детской книги, отмеченные в ряде решений ЦК ВКП (б), остаются до сих пор неустранимыми. Основными недостатками детской книги продолжают оставаться игнорирование специфических запросов детей, графярность и схематизм изложения, отсутствие переизданий классической детской литературы, упрощенчество, а часто халтура и невежество в литературном изложении и художественном оформлении детских книг. Лучшие книги, созданные за последнее время, еще не стали ведущими во всей детской литературе. В целях

объединения сил (писателей, художников, педагогов) и ликвидации существующих недостатков в работе по созданию, распространению и использованию детской книги ЦК ВКП (б) постановляет. <...> создать ряд книг, которые, соединяя увлекательность и доступность изложения с принципиальной выдержанностью и высоким идейным уровнем, прививали бы детям интерес к борьбе и строительству рабочего класса и партии, в частности, создать серию книг для пионеров, переиздать лучшие книги мировой детской литературы (Робинзон Крузо, Путешествия Гулливера, Жюль Верна и др.), в особенности имеющие общеобразовательное значение. Создать ряд книг развлекательных, в первую очередь для младшего возраста (сказки, игры, шарady и т. п.). При этом решительно улучшить оформление книги, искореняя халтуру и формалистические выкрутасы. К изданию детской литературы Детгиз должен привлечь лучших писателей (и не только детских), художников, педагогов, работников пионердвижения. Не гоняясь за количеством названий, отказаться от издания детской книги тиражом менее 20.000, стараясь давать только проверенную книгу в подлинно массовом тираже [Антропов 1941, с. 158–159].

Несмотря на особенности партийного дискурса и присутствующие элементы конструирования в нем мифологических догматов, главным образом документ включает многочисленные вопросы, поднятые Горьким и Маршаком.

Заметим еще, что к совместному обсуждению принципов новой детской литературы писатели подключили также детей, непосредственно вовлеченных в работу через обращение Горького, опубликованное в газете «Правда» от 21 августа 1933 г.: «Я обращаюсь к вам от газеты “Пионерская правда” и лично от себя. Решено организовать специальное издательство книг для детей. Нужно знать: что вы читаете? Какие книги нравятся вам? Какие книжки вы желали бы прочитать?» [Горький 1968, с. 229].

Ответы не заставили себя ждать. Маршак вспоминает: «Мы разбирали с Алексеем Максимовичем груды детских писем — сотни листков, вырванных из школьных тетрадей... Побольше книг о путешествиях, побольше книг про войну, революцию, про звезды и про все страны света, — писали ребята» [Горький 1968, с. 406]²⁵.

Результатом этого эксперимента стала статья Маршака «Дети отвечают Горькому», опубликованная в 1934 г. [Маршак 1934]. Маршак уже не первый раз занимался подобной работой; изучение детских писем, стихотворений, важных для ребенка тем увлекает его²⁶, поскольку помогает ему составить представление о детском мировоззрении. Возможно, образцом ему служат проведенные

К. И. Чуковским исследования детской речи. Неудивительно, что и Горький время от времени занят тем же делом. «Я уверен, что когда-нибудь соберут и выпустят отдельной книгой переписку Горького с детьми на протяжении десятков лет. <...> Он сосредоточенно и внимательно читал эти странички, будто вглядываясь в черты нового племени, идущего за нами вслед» [Маршак 1971а, с. 311].

Статья «Дети отвечают Горькому» легла в основу доклада, сделанного Маршаком в качестве содоклада к докладу Горького о советской литературе на Первом съезде советских писателей 19 августа 1934 г. Все вопросы и темы, поднятые обоими писателями в процитированных выше статьях и выступлениях, в докладе Горького представлены в сжатом виде и структурированно. Вместе писатели доказывают, что детская литература не должна рассматриваться отдельно от литературы в целом, что с ней должны считаться все писатели, а не только те, что пишут в основном для детей²⁷. Маршак и Горький перечисляют успехи и достижения и намечают цели которых еще предстоит достигнуть. Со всей очевидностью проявляется сходство их мыслей, касающихся разных вопросов детской литературы:

А) Внимание к фольклорным источникам, в особенности, к сказке, которая для них представляет собой неотъемлемую часть воспитания и образования ребенка²⁸, как уже замечено обоими авторами в предыдущих статьях:

Запасы народного эпоса, русского и иностранного, неисчерпаемы. В нем отразились и различные мировоззрения, и разные времена, и разные события. Мы должны брать из эпоса то, что нам интересно и нужно, но брать без педантизма, без трусости, не пытаюсь мелко расшифровать богатый смысл, доверяя качеству материала и уважая читателя. <...> Сказки бояться нечего, сказка — большое богатство [Маршак 1971д, с. 299–300].

«В сказках прежде всего поучительная выдумка — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта», — замечает Горький в статье «О сказках» [Горький 1968, с. 95]. Это мнение Горький подробно развивает в первой части своего доклада на Съезде советских писателей: «Можно привести еще десятки доказательств целесообразности древних сказок и мифов, десятки доказательств дальнорзости образного, гипотетического, но уже технологического мышления первобытных людей» [Луппол, Розенталь, Третьяков 1934, с. 6]. В содокладе Маршака звучат аналогичные рассуждения: «У сказки есть замечательная

возможность охватывать сразу большие пространства, перелетать из края в край, сталкивать различные времена, сочетать самые крупные вещи с вещами самыми маленькими, преодолевать непреодолимые препятствия» [Там же, с. 27]. И еще: «Мы должны широко использовать фольклор — от прибаутки до сказки. И не только русский фольклор, но и творчество других народов Союза советских республик и всего мира» [Там же, с. 38].

Б) Мотив труда²⁹, который особенно заметен в произведениях Маршака 1930-х гг., должен присутствовать в новой детской литературе: «Конечно, труд должен играть важную роль в советской книжке для маленьких, но от этого книжка не должна становиться трудной и скучной» [Там же, с. 37]. Маршак уточняет высказывание Горького: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда <...> человека, в свою очередь делающего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства» [Там же, с. 13].

В) Прямые обвинения педагогам, критикам и учителям, озвученные в тот же период в других статьях: «Критика уступает слишком много места полуграмотным рецензентам, которые вызывают только недоумение и обиды авторов, но не способны чему-нибудь научить» [Там же, с. 16], она «не талантливая, схоластична и малограмотна по отношению к текущей действительности» [Там же], — протестует Горький, и, вслед за ним, Маршак: «Но не одни педагоги, а рецензенты и редакторы тоже виноваты в производстве литературного брака для дошкольника» [Там же, с. 37].

Г) Юмор, как значимая составляющая книг для детей, которые, по мнению Маршака, «умеют смеяться и прекрасно знают, какая сила и какая помощь смех» [Там же, с. 24], был уже отмечен Горьким и в статье «Человек, уши которого заткнуты ватой»: «“Тенденция позабавить ребенка” <...> педагогически необходима как средство, как гарантия против опасности засушить ребенка “серьезным”, вызвать в нем враждебное отношение к “серьезному”» [Горький 1968, с. 100] и в статье «О безответственных людях и о детской книге наших дней»: «Я утверждаю — с ребенком нужно говорить “забавно”» [Горький 1968, с. 102].

Из этих и других примеров видно, как в конце 1920-х — начале 1930-х гг. призыв к формированию новой детской литературы звучит на два голоса, и результатом многолетних обсуждений Горького и Маршака становится своего рода «манифест», противостоящий концепции Кормчего³⁰ и Крупской.

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА

Общие интересы Горького и Маршака не сводятся к одним книгам. Оба увлечены картами и глобусами, играми и книжками-игрушками — всем, что помогает развивать фантазию и мелкую моторику детей. Когда Маршак приезжал в Крым ранней весной 1936 г. — это была их последняя встреча — Горький поделился с ним своим новым замыслом:

Алексей Максимович рассказывал, как представляет он себе большой, «толстый» литературный журнал — с беллетристической и публицистической, — всецело посвященный воспитанию. <...> Такой журнал прежде всего надо сделать *увлекательным* (курсив мой. — Дж. Д. Ф.), чтобы его и в самом деле читали, а не прорабатывали где-нибудь в методических кабинетах. Только тогда он мог бы влиять на взрослых — и на детей. Талантливейшие наши писатели, лучшие педагоги должны быть привлечены к делу. А кроме них, надо призвать еще одну категорию людей. Эту категорию Алексей Максимович чрезвычайно ценил. Она состоит не из педагогов, не из литераторов, а просто из людей, умеющих дружить с детьми [Маршак 1971а, с. 305].

Несмотря на энтузиазм, далеко не все планы и надежды Горького и Маршака осуществляются. Совещание по детской литературе 15–19 января 1936 г. показывает, что в этой сфере по-прежнему преобладали педанты, претендующие на экспертное знание детской психологии, и чиновники (как, например, секретарь Центрального Комитета Партии А. Андреев³¹), единственная цель которых состояла в том, чтобы загнать искусство в продиктованные политикой рамки. Последствия этого хорошо известны: прямая атака на иллюстраторов детской книги в статьях «О художниках-пачкунах» в «Правде» от 1 марта 1936 г. и «Против формализма и штампа в иллюстрациях к детской книге», а также в сборнике статей «Против формализма и натурализма в искусстве», разгром Детгиздата в Ленинграде³², бегство Маршака в Москву и начало, пожалуй, двух самых мрачных лет в истории Советского Союза.

Со смертью Горького 18 июня 1936 г. детские писатели теряют одного из главных их защитников. С того момента Маршак посвящает памяти Горького более пятнадцати статей³³, его имя упоминается во многих письмах, выступлениях и публичных речах детского писателя и переводчика. Этим Маршак выражает, кроме уважения и тесной привязанности, свою верность принципам, выработанным вместе с Горьким, и сознательно добавляет к его образу некий мифологический флер, который мог бы служить дополнительной защитой

ему самому. Ссылаясь на «великого пролетарского писателя», он может рассчитывать на надежную защиту и в то же время продолжать начатую с Горьким теоретическую работу, оставившую значительный след в истории детской послереволюционной литературы.

Перевод с итальянского М. В. Гойхман

Примечания

¹ «Перед отъездом Алексей Максимович и Федор Иванович [Шалапин] говорили мне с восторгом о том впечатлении, которое Вы на них произвели», — пишет барон В. Стюарт Самуилу Маршаку 2 сентября 1904 г. [Галанов, Маршак, Петровский 1975, с. 385].

² «По поручению В. И. Ленина из-за границы приехал В. Д. Бонч-Бруевич переговорить с А. М. Горьким об издательских делах, и, не застав его в Петербурге, поехал в Ялту. Встреча состоялась, и вскоре после нее за границей было организовано издательство “Демос”, в котором стали издаваться произведения Горького, Скитальца и других писателей. Несомненно, что юноша Маршак много вынес из общения с Горьким, в орбиту жизни которого он так неожиданно попал» [Разова. URL: <http://s-marshak.ru/articles/razova.htm#24a> (дата обращения: 10.08.17)].

³ Маршак вспоминает: «Мы обменялись с ним как-то письмами, когда я жил в Англии (в 1912–1914 гг.)» [Маршак 1972б, с. 421].

⁴ В начале своего творческого пути Маршак сильно увлечен еврейской темой; его первое опубликованное стихотворение — *20 Таммуза* — появилось в шестой книжке журнала «Еврейская жизнь» 1904 г. Оно связано с кончиной общественного и политического деятеля Теодора Герцля, основателя Всемирной сионистской организации [Гейзер 2006, с. 72–74].

⁵ Когда, много лет спустя, поэт Арон Вергелис приносит Маршаку копию Сиониды, Маршак взволнован и удивлен: «Неужели я не все уничтожил?» — говорит своему собеседнику [Гейзер 2006, с. 73].

⁶ Об отношениях Горького с Чуковским в годы революции см. напр.: [Иванова 2013, с. 561–565].

⁷ Маршак начинает переводить Блейка в 1913 г. и продолжает эту работу до конца жизни. См.: [Майзельс, с. 788–801].

⁸ Об истории и деятельности «Всемирной Литературы» см. *Чуковский К. И.* Горький во «Всемирной» // Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком. М.-Л., 1928; *Шомакова И. А.* Книгоиздательство «Всемирная литература». 1918–1924 // Книга: Исследования и материалы. М., 1967. Сб. 14. С. 175–193. См. также: *Хлебников Л. М.* Из истории горьковских издательств «Всемирная литература» и «Издательство З. И. Гржебина». Литературное наследство. Т. 80: В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Неизданная переписка. М., 1971. С. 668–699.; *Даманская А.* Горький и «Всемирная Литература» // Последние новости (Париж). № 5511. 1936. 25 июня. С. 3.

⁹ «Впоследствии я заметил, что внезапные приливы влюбленности бывают у Горького чаще всего, когда говорит он о детях, о замечательных людях и книгах» [Чуковский 2012а, с. 39]. Среди начинаний Горького, посвященных детям, можно назвать издательство «Парус» (1915–1918), куда он приглашает Чуковского в качестве заведующего отделом детской литературы, альманах «Радуга»/«Елка» (1918), замысел «Библиотеки Всемирной Литературы» (1919–1924), в которую предполагалось включить шедевры мировой литературы для детей и подростков, а также журнал «Северное сияние» (1919–1920).

¹⁰ В 1910 г. Горький был приглашен на Третий международный конгресс по семейному воспитанию в Брюсселе. В 1917 г. в Петрограде по его инициативе была создана «Лига Социального воспитания», перед которой была поставлена задача разработать основы новой системы воспитания. В речи на заседании «Лиги» Горький призывает отдать все лучшее детям. В период работы временного организационного комитета, в состав которого входил Горький, была создана опытная школа для детей рабочих табачных фабрик. Горький писал о ней в статье «Помогите!» («Новая жизнь», 1917, № 50) [Горький 1968, с. 356]. Кроме того, активно работал в различных просветительных обществах, помогал учителям, заботился о снабжении школ наглядными пособиями, участвовал в детских утрениках, организовывал елки для детей бедняков.

¹¹ Уже с 1924–1925 гг. ходят секретные доносы о деятельности детских писателей. См. напр.: [ГАРФ Ф. 5446, Оп. 55, Д. 535, Л. 25].

¹² Для подробного обзора борьбы с «чуковщиной» и критики других произведений Корнея Чуковского см., напр.: URL: <http://chukovskiy.lit-info.ru/chukovskiy/kritika-pro-chukovskogo/pro-et-contra/index.htm>.

¹³ «Нужно ли говорить, что Луначарский наряду с Горьким не раз восставал против скудоумных ханжей, прикрывавших высокими лозунгами свое стремление отнять у советских ребят даже народные песни, былины, пословицы, не давая взамен ничего, кроме бездарных самодельковых виршей, до глубины души возмущавших Анатолия Васильевича» [Чуковский 2012б, с. 320]. Луначарский принимает активное участие в дискуссии о детской литературе, развернувшейся в конце 1920-х гг. В 1930 г. он издает интересный сборник статей, целью которого является обзор детской литературы в первое десятилетие после Октябрьской Революции. В предисловии народный комиссар просвещения подчеркивает некоторые важные понятия, которые уже вошли в практику детских писателей. Он высоко оценивает работы Маршак и Чуковского, сделавшие «художественное воспитание» одним из важных пунктов социального развития ребенка [Детская литература 1931].

¹⁴ Задача Государственного Ученого Совета — осуществлять «общее и методическое руководство научным и художественным образованием и специальным воспитанием» [Блюм 1994, с. 244].

¹⁵ Д. Кальм в статье «Против халтуры в детской литературе. Куда она нас ведет?» открыто нападает на Маршак. См.: [Кальм 1929, с. 2].

¹⁶ О роли Маршак в дискуссиях конца 1920-х гг. и начала 1930-х гг. см.: [Кулешов 2012, с. 76–86].

¹⁷ «Про меня говорят, что я стремлюсь всех превратить в детских писателей. Ну что ж, попробуем» [Маршак 1972г, с. 95].

¹⁸ Например, атака на журналы «Еж» (1928–1935) и «Чиж» (1930–1941).

¹⁹ В 1920-х гг. Маршак немало времени посвящает изданию журналов и работе в редакции, сначала в Петроградском педагогическом институте дошкольного образования, где образуется так называемый «кружок Маршак», первое общество писателей и художников, связанных с созданием детской книги. Писатель под наблюдением О. Капицы выступает в качестве консультанта и руководителя студии [Галанов, Маршак, Паперный 1988, с. 207–212]. Вскоре у этого общества возникает собственный журнал — «Воробей», переименованный позднее в «Новый Робинзон», работа в котором многому научила Маршак: «Я числился в редакции литературным консультантом, то есть должен был поучать, инструктировать других — редакторов и авторов книг, — а на самом деле многому научился сам» [Маршак 1971е, с. 555]. Наконец, самый большой опыт в редакционной деятельности Маршак приобретает в качестве консультанта в ленинградском отделе Детгиздата См.: [Шкловский 1966, с. 13; см. также: Чуковская 2011, с. 188–392; Шварц 1990].

²⁰ Возвращение Горького в мае 1928 г. дает многим писателям надежду на то, что отношение официальной критики к литературе, в том числе и детской, изменится.

²¹ Вероятно, не без доли зависти Чуковский записывает в дневнике (2 февраля 1929 г.): «Мне легче. Температура 36,9. Маршак и Лебедеко прямо с поезда. Маршак пополнил, новая шапка, колеблется, принимать ли ему должность главы московско-ленинградской детской литературы, требует, чтобы согласились и Лебедева назначить таким же диктатором по художественной части; в чемодане у него Блэйк (Горький обещал ему, что издаст)» [Чуковский 2013д, с. 388].

²² См. Письмо Р. Роллану от 9 апреля 1932 г.: «Оба они [братья Маршаки] люди очень талантливые» [Горький 1955а, с. 250]; см. также: письмо Ф. П. Хитровскому от 19 февраля 1933 г.: «Маршак — отличный человек и детолоб — поставлен во главе дет<ской> литер<атуры>, и мы с ним мечтаем о создании хорошей детской игрушки» [Горький 1955б, с. 288]; см. также: письмо Н. Н. Горскому от 18 ноября 1935 г.: «Маршак — Вы его знаете — основоположник и знаток детлитературы у нас» [Горький 1968, с. 201]; см. также: «Письмо двум тысячам пионеров заполярного города Игарки» от 13 января 1936 г.: «Когда рукопись будет готова — пришлите ее мне, а я и Маршак, прочитав ее, возвратим вам, указав, что — ладно и что — неладно и требует исправления» [Горький 1968, с. 238].

²³ «Надо внимательно взглянуть в дореволюционную литературу, понять, что в ней может послужить для нас традицией, культурным наследством и чего мы должны бояться, как рутины, как вредных реакционных пережитков» [Маршак 1971д, с. 288].

²⁴ Такие же слова употребляет Горький в статье «О темах» [Горький 1968, с. 127].

²⁵ Статья Маршака опубликована вместе с письмом Горького, в котором он благодарит своих маленьких помощников: «Ребята! В прошлом году я спросил вас: какие книги хотите вы читать? На вопрос этот ответили тысячи пионеров, и теперь “Детиздат” знает, что надобно делать для вас» [Горький 1953а, с. 281].

²⁶ Кроме «Дети отвечают Горькому», см. также: «Дела Геринга о поджоге», «Дети о будущем», «Дети — поэты».

²⁷ Это пожелание Маршака остается без внимания, поэтому год спустя он возвращается к этой мысли в статье «Кролик еще ждет своего писателя» (1935): «Детская книга ни в коем случае не может быть монополией детских писателей. Вся советская литература должна считать ее своим делом. А у нас один только Алексей Максимович не боится уронить свое писательское достоинство статьями о детской литературе. Если бы и другие писатели последовали его примеру, можно было бы создать полноценный критический журнал, посвященный детской художественной литературе» [Маршак 1971б, с. 350].

²⁸ В течение многих лет Маршак и Горький говорят о сказке и народном эпосе в многочисленных работах. См., напр.: «Заметки о сказке Пушкина» (1949), «Мастер снов и сказок» (1955), «Сказка, возбуждающая народное чувство» (1958), «Сколько лет сказке?» (1961) Маршака; «О сказках» (1929; 1935), «Литература и кино» (1935), «О религиозно-мифологическом моменте в эпосе древних (Письмо А. А. Суркову)» (1936) Горького.

²⁹ «Я люблю работающих людей — тех, кто делает свое дело мастерски, весело, щедро» — объясняет Маршак И. М. Дольникову [Маршак 1972д, с. 280]. В письме Н. Т. Ковачевой он уточняет: «Вы, вероятно, заметили, что движение и труд — главные герои моих детских книжек» [Маршак 1972е, с. 336].

³⁰ «Кормчий — первый, кто настаивает на классовом подходе в детской литературе, на прикладной функции этой литературы в системе образования будущих советских граждан, требует цензуры при пересмотре дореволюционного наследия» [Балина 2008, с. 13].

³¹ Первое совещание о детской литературе при ЦК ВЛКСМ // Правда 1936. 29 января. С. 3. См. также: Андреев А. О детской литературе // Правда 1936. 29 января. С. 4.

³² В 1937–1938 гг. почти все сотрудники Детгиздата арестованы или расстреляны. См.: Блюм 1996.

³³ См., напр.: «Издали и вблизи» (1928), «Горький — писатель и человек» (1936), «Горький и дети» (1939), «Уважаемые дети» (1939), «Разговор за письменным столом» (1952), «Живой Горький» (1961).

Источники

Антропов Т. И. Решения партии о печати. М.: Политиздат, 1941.

Барахов В. С. Новый взгляд на М. Горького. Неизвестный Горький // Наследие. Вып. 4, 1994.

Галанов Б. Е., Маришак А. И., Паперный З. С. Я думал, чувствовал, я жил. М.: Советский писатель, 1988.

Маришак С. Я. «Дети отвечают Горькому» // Год семнадцатый. Альманах 4. Советская литература. М., 1934.

Горький М. О детской литературе: Статьи, высказывания, письма/Сост., вступ. статья, коммент. Н. Б. Медведевой; Дом детской книги. М.: Детская литература, 1968, 432 с.

Горький М. Еще о грамотности // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 24. 1949а. С. 328–331.

Горький М. <Пионерам Московской области> // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 27. 1953а. С. 281.

Горький М. Письмо Ромэну Роллану. 9 апреля 1932 // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 30. 1955а. С. 249–250.

Горький М. Письмо Ф. П. Хитровскому от 19 февраля 1933 // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 30. 1955б. С. 288–289.

Горький М. Предисловие к американскому изданию книги М. Ильина «Горы и люди» // Собрание сочинений в 30 тт. М.: Гослитиздат. Т. 27. 1953. С. 478–480.

Горький М. Человек, уши которого заткнуты ватой // Правда, 1930, № 19, 19 января.

Кальм Д. Против халтуры в детской литературе. Куда она нас ведет? // Литературная газета, 1929, 16 декабря. С. 2.

Крупская Н. К. О «Крокодиле» Чуковского // Правда, 1928, 1 февраля. С. 5. Детская литература. Критический сборник. Под редакцией А. В. Луначарского, М.-Л.: ГИХЛ, 1931.

Луппол И. К., Розенталь М. М., Третьяков С. М. Первый всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стенографический отчет. М.: Художественная литература, 1934.

Маришак С. Я. Письмо А. М. Горькому. 9 марта 1927 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972г. С. 128–132.

Маришак С. Я. Письмо И. М. Дольникову 27 апреля 1955 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972д. С. 280–282.

Маришак С. Я. Письмо Н. Т. Ковачевой. 20 декабря 1958 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972е. С. 335–337.

Маришак С. Я. <Дом, увенчанный глобусом. Заметки и воспоминания> // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971е. С. 554–574.

Маришак С. Я. Уважаемые дети // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 6. 1971а. С. 304–313.

- Маршак С. Я.* Кролик еще ждет своего писателя // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971б. С. 342–352.
- Маршак С. Я.* Две беседы Маршака с Л. К. Чуковской // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971в. С. 575–595.
- Маршак С. Я.* Мир в картинах // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971г. С. 526–527.
- Маршак С. Я.* О наследстве и наследственности в детской литературе // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 7. 1971е. С. 279–312.
- Маршак С. Я.* Письмо А. М. Горькому. 30 января 1930 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972а. С. 114–117.
- Маршак С. Я.* Письмо В. Д. Разовой. 26 апреля 1962 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972б. С. 421–423.
- Маршак С. Я.* Письмо С. М., И. С. и Я. С. Маршак. 20 мая 1933 // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 8. 1972в. С. 128–132.
- Маршак С. Я.* Повесть об одном открытии // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 6. 1971д. С. 255–259.
- Маршак С. Я.* Растущий счет // Литературный Ленинград. 1935. 20 апреля. О художниках-пачкунах // Детская книга. № 3–4, 1936. С. 40–42.
- Пантелеев Л.* Избранное. М.: Художественная литература, 1967.
- Против формализма и штампа в иллюстрациях к детской книге // Детская книга. № 3–4, 1936. С. 43–45.
- Против формализма и натурализма в искусстве: Сборник статей. М.: ОГИЗ — ИЗОГИЗ, 1937.
- Флерина Е.* С ребенком надо говорить всерьез // Литературная газета. 1929. 30 декабря. С. 2.
- Чуковский К. И.* 1928 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 12. 2013а. С. 348–387.
- Чуковский К. И.* 1932 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 12. 2013б. С. 453–497.
- Чуковский К. И.* 1964 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 13. 2013в. С. 376–401.
- Чуковский К. И.* 1968 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 13. 2013г. С. 454–527.
- Чуковский К. И.* Горький // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 5. 2012а. С. 38–76.
- Чуковский К. И.* Луначарский // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 5. 2012б. С. 296–320.
- Чуковский К. И.* 1929 г. Дневник // Собрание сочинений в 15 тт. Т. 13. 2013д. С. 388–399.
- Чуковский К. И.* Новые произведения Горького. Заметки читателя // Театральная Россия. 1902. № 12. 19 января.
- Шварц Е. Л.* Живу беспокойно... Из дневников. Л.: Советский писатель, 1990.

Исследования

- Алексеева М.* Наши первые журналы для детей // Детская литература. 1967. № 1. С. 13–15.
- Бална М. Р.* У истоков детской советской литературы: иллюзии и факты // В измерении детства: Статьи о детской литературе; отв. ред. М. П. Абашева. Пермь: Пермский гос. пед. ун-т., 2008. С. 11–25.

Балина М. Р. Советская детская литература: несколько слов о предмете исследования // «Убить Чарскую...». Парадоксы советской литературы для детей: Сборник статей/Сост. М. Р. Балина, В. Ю. Вьюгин. СПб: Алетейя, 2014. С. 7–19.

Блюм А. В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб: Академический проект, 1994.

Блюм А. В. Как громили «вредительскую группу» Маршак: доносы цензора Чевычелова // Мир образования. 1996. № 1. С. 70–73.

Гейзер М. Маршак. М.: Молодая Гвардия, 2006.

Иванова Е. Комментарии // Чуковский К. Собрание сочинений в 15 тт. Т. 6. 2013. С. 557–612.

Кулешов Е. Самуил Маршак (1887–1964) // Детские чтения. 2012. № 2. С. 76–86.

Майзель С. Р. Примечания // Маршак С. Я. Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература. Т. 3. 1972. С. 749–812.

Чуковская Л. К. В лаборатории редактора. М.: Время, 2011.

Шкловский В. Старое и новое. Книга статей о детской литературе. М.: Детская литература, 1966.

С. Гарциано

**«МЫ С ВРЕМЕНЕМ РАССОРИЛИСЬ
В ПРОШЛОМ МАРТОБРЕ...»:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ
АНАХРОНИЗМЫ В ПЕРЕВОДЕ
В. В. НАБОКОВА «АНЯ В СТРАНЕ
ЧУДЕС» (1923)**

Предметом настоящей статьи является изучение лингвистических и культурологических анахронизмов, встречающихся в набоковском переводе кэрролловской сказки «Алиса в стране чудес» (1865) под названием «Аня в стране чудес» (1923). Автор статьи останавливается на трех аспектах: текстологический анализ анахронизмов в переводе В. В. Набокова, семантическая интерпретация перевода синтагмы «Мы с Временем рассорились в прошлом Мартобре...» и реминисценции из сказки Льюиса Кэрролла в произведениях В. В. Набокова. Анализ анахронизмов в набоковском переводе приводит к изучению темпоральности оригинального текста.

Ключевые слова: В. В. Набоков, «Аня в стране чудес», «Алиса в стране чудес», Льюис Кэрролл, перевод, лингвистические анахронизмы, культурологические анахронизмы, темпоральность.

В истории мировой литературы русско-американский писатель В. В. Набоков (1899–1977), конечно, не может быть причислен к авторам для детей, но в его обширном творчестве детская тема несомненно присутствует: в его автобиографиях «Другие берега» (1954) и «Память, говори!» (1966), в его поэзии (например, стихотворение «Детство» [Набоков 2000б]), однако центральным произведением для этой темы является его перевод кэрролловской сказки, переведенной под названием «Аня в стране чудес» (1923). В данной статье мы остановимся на изучении лингвистических и культурологических анахронизмов в этой книге. Анализ анахронизмов в набоковском переводе приведет нас также к изучению темпоральности оригинального текста. Следует заметить,

Обложка «Алиса в стране чудес», 1923. Перевод В. В. Набокова. Рисунки С. А. Залшупина

что уникальность перевода Набокова давно интригует исследователей, являясь примером полнейшей «доместикации» выбранных текстов. Заранее оговоримся, что анализ набоковского подхода к «Алисе в стране чудес» с точки зрения современных теорий перевода не входит в рамки заявленной в статье темы.

Летом 1922 г. выпускнику Кембриджского Университета В. В. Набокову берлинское издательство «Гамаюн» предложило перевести «Алису в стране чудес» (“Alice in Wonderland”, 1865) [Кэрролл 2014]. До этого молодой автор писал стихи и написал несколько рассказов. «Аня в стране чудес» выходит в свет в 1923 г. в издательстве «Гамаюн» с рисунками С. А. Залшупина. На эту книгу вышла отрицательная рецензия Е. А. Елачича в пражском педагогическом журнале «Русская школа за рубежом» [Елачич 1923, с. 216].

Перевод был переиздан репринтным способом в 1982 г. американским издательством «Ардис» с рисунками Джона Тенниела. В Советском Союзе книга была опубликована в 1989 г. В своей автобиографии «Другие берега» Набоков пишет нижеследующее о раннем периоде эмиграции: «Много переводил — начиная с “Alice in Wonderland” (за русскую версию которой получил пять долларов)

и кончая всем, чем угодно, вплоть до коммерческих описаний каких-то кранов» [Набоков 2003б, с. 316]. А в американской автобиографии «Память, говори!» он дает другую версию событий, уточняя, что во время учебы в Кембридже «перевел на русский язык два десятка стихотворений Руперта Брука, “Alice in Wonderland” и “Colas Breugnon” Ромена Роллана» [Набоков 2002б, с. 547–548]. В четырнадцатой главе, посвященной годам русской эмиграции, он добавляет, что в эпоху инфляции в Германии пять долларов было достаточной суммой [Набоков 2002б, с. 561]. А в «Юбилейных заметках» писатель вспоминает следующее, отталкиваясь от анализа статьи Карлинского:

Критик слишком добр к моей «Ане в стране чудес». Насколько бы лучше удался мне этот перевод пятнадцатью годами позднее! Хороши только стихотворения и игра слов. Я нашел странный ляп в «Черепашковом супе»: орфографическую ошибку в слове «*лохань*» (разновидность ведра), которую я к тому же снабдил неверным родом. Кстати сказать, я ни разу (и по сей день) не видел других русских переводов этой книги (вопреки предположению г-на Карлинского, а потому использование мной и Поликсеной Соловьевой идентичной модели для переложения одной из пародий — совпадение. С удовольствием вспоминаю, что одним из обстоятельств, побудившим Уэлсли-колледж предложить мне должность лектора в начале 40-х годов, было присутствие моей редкой «Ани» в Уэлслийском собрании изданий Льюиса Кэрролла [Набоков 2002в, с. 589–590].

Переводческая практика В. Набокова разнообразна: он переводил с английского Кэрролла, Брука, О’Салливана, Байрона, Шекспира, Теннисона, Йейтса, с французского — Верлена, Сюпервьеля, Бодлера, Рембо, Мюссе, с немецкого — Гёте. Теория буквального перевода была сформулирована Набоковым в 1950–1960-е гг., когда он работал над комментированным переводом на английский язык «Евгения Онегина» (1964) [Набоков 1957]. В своем раннем переводе «*Аня в стране чудес*», принадлежащем к традиции поэтических переложений, Набоков использует транспозиционный метод перевода, заменяя реалии, встречающиеся в тексте, русскими эквивалентами, что мы и обозначили в нашей статье лингвистическими и культурологическими анахронизмами, так как русские реалии привносятся Набоковым в англоязычную среду кэрролловской сказки. Напомним, что книга вышла в эмиграции, когда многие русские реалии уже хронологически и топографически не имели личного значения для детей-изгнанников, разбросанных по разным странам мира.

До Набокова сказка Кэрролла была переведена на русский язык анонимным автором в 1879 г. («Соня в царстве Дива»), М. Д. Гранстрем — в 1908 г., П. С. Соловьевой — в 1909 г., А. Н. Рождественской — в 1912 г., М. П. Чеховым — в 1913 г. В 1923 г. в Советской России вышел перевод д'Актиля (псевдоним А. А. Френкеля).

«Аня в стране чудес» изучалась Н. М. Демуровой, С. Швабриным, У. Уивером, С. Карлинским, Г. Глушанок и др. Современная переводчица Кэрролла Н. М. Демурова говорит о «соприродности двух авторов» [Демурова 1992, с. 27]: мотив «зазеркалия» соотносится у Набокова с двоумирием и двойничеством, любовь Кэрролла к детям и фотографии обыгрывается в «Лолите». Н. М. Демурова так анализирует кэрролловские переводы на русский язык: «перед переводчиками того времени и той культурно-исторической ситуации были лишь два пути: либо бездумный буквализм — но тогда пропал бы весь юмор! — либо замена английских “оригиналов” для пародий на русские — и сохранение главного, игрового приема и смеха!» [Демурова 1992, с. 22] «Аня в стране чудес» также упоминается и интерпретируется в книге И. Н. Арзамасцевой «Детская литература» [Арзамасцева 2011]. Сборник «Аня в стране чудес. Детская и юношеская литература русской эмиграции», посвященный детской литературе в изгнании, назван в честь одноименного набоковского перевода, потому что это название несет в себе, по мнению М. Д. Филина, двойной смысл: «Девочка Аня-Алиса очутилась в Стране Чудес — а русские дети попали после революции в неведомые страны, которые ранее, издали, тоже зачастую казались им чудесными. <...> Читая и анализируя произведения писателей Зарубежной России, можно гипотетически представлять себе и тех юных изгнанников, для которых и создавались повести и рассказы, стихи и сказки» [Филин 2004, с. 10].

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ АНАХРОНИЗМЫ В НАБОКОВСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Перейдем к изучению анахронизмов в самом тексте. Напомним значение этого термина, так как это нам поможет проанализировать определенные игровые приемы, связанные с темой времени в набоковском переводе. Термин «анахронизм» ведет свою этимологию от греческого «ана», что значит обратно, против, и от “chronos”, означающее время. Таким образом, анахронизмы представляют собой ошибку против хронологии, отнесение какого-либо события, феномена, явления к другой исторической эпохе, а также внесение

в изображение какого-то исторического периода несвойственных ему черт. Изучение данного перевода также приведет нас к лучшему пониманию взаимоотношений между оригиналом и копией текстов.

«Алиса в стране чудес» была придумана летом 1862 г., опубликована в 1865 г. и опирается на культуру-исторический контекст викторианской эпохи. В своем переводе Набоков изменяет не только номинации, но и историко-культурный пласт произведения: например, пародии Кэрролла на нравоучительные викторианские стихотворения систематически изложены у него перифразами из Пушкина и Лермонтова.

Н. М. Демурова полагает, что в этом переводе чувствуется личная «набоковская тема» [Демурова 1992, с. 27]. Автобиографический дискурс проявляется в семантических заменах: например, «патока» заменяется «сиропом» в главе «Сумасшедшие пьют чай», и это отсылает читателя к детским чаепитиям самого Набокова, описанным в автобиографии «Другие берега» [Набоков 2003б, с. 188]. “Orange marmalade” трансформируется в клубничное варенье, “tarts” — в пирожки, “brandy” — в воду для оживления ящерицы Билля (Яшку Ящерицу в набоковском переводе). Обозначение мер длины, высоты, скорости Набоков пересчитывает в русских эквивалентах. Однако, в одном случае, он оставляет английскую меру дюймы (inch): «она теперь была не выше десяти дюймов росту» [Набоков 2000а, с. 365]¹. Английские деньги меняются на русские: “shillings and pence”/«44 копейки», “sixpence”/«полтинник». В тексте Набокова мы встречаем также много уменьшительных форм. В перевод вставляются русские поговорки: «И разговор таким образом обратился в сказку про белого бычка» [с. 384], «Не всегда коту масленица» [с. 392]. В одном примере переводчик даже дописывает текст Кэрролла: “she found her way into a tidy little room with a table in the window”/«она пробралась в пустую комнату, светлую, с голубенькими обоями» [Shvabrin 2007, с. 231]. Напомним по этому поводу, что одним из вопросов в курсе русской литературы, которые Набоков задавал своим американским студентам, было описание обоев в комнате Анны Карениной.

В переводе первой главы «Нырок в кроличью норку» сразу же появляются лингвистические анахронизмы, Алиса переименована на русскоязычный лад в Аню: «Ане становилось скучно сидеть без дела рядом с сестрой на травяном скате» [с. 361]. Авторская игра с темпоральностью появляется в самом начале текста: Аня видит кролика с часами в жилетном кармане, который куда-то опаздывает:

Обложка «Али в стране чудес»,
1923. Перевод В. В. Набокова.
Рисунки С. А. Залшупина

«Когда же Кролик так-таки и вытащил часы из жилетного кармана и, взглянув на них, поспешил дальше, тогда только у Али блеснула мысль, что ей никогда не приходилось видеть, чтобы у кролика были часы и карман, куда бы их совать» [с. 361]. Каждый английский город жил по собственным часам в середине XX в., вплоть до 1880 г., и опаздывающий кролик иллюстрирует этот исторический факт. Заметим, что на рисунке, выполненном С. Залшупиным к началу первой главы, Кролик представлен в пиджаке с элементами шахматной доски и с карманными часами в левой лапке, тем самым визуально вводя игровой принцип в нарративную текстуру сказки. Далее в тексте, во время падения героини, Набоков заменяет мили на версты: «Должно быть, я уже приближаюсь к центру земли. Это, значит, будет приблизительно шесть тысяч верст» [с. 362].

Во второй главе «Продолжение», в момент, когда Алиса быстро растёт от принятой бутылочки, Набоков русифицирует «адрес» ее ног:

Госпоже Правой Ноге Аниной
Город Коврик
ПАРКЕТНАЯ ГУБЕРНИЯ [с. 366].

Алисины подружка Мейбл превращается в Асю. Имя другой подружки Алисы — «Ада» — сохранено Набоковым. Мы можем сделать предположение, что имя девочки Ады в кэрролловском тексте повлияет на написание одного из последних англоязычных романов Набокова «Ада, или радости страсти». Мы приводим здесь набоковский перевод: «— Я наверно знаю, что я не Ада, — рассуждала она. — У Ады волосы кончаются длинными кольчиками, а у меня кольчиков вовсе нет...» [с. 367]. Г. Глушанок считает,

что Набоков «позаимствовал» у Кэрролла два женских имени: «Это, конечно, *Лолита*, где второй ударный слог с мягкой сонорной согласной в точности повторяет имя Алисы, и *Ада*, упомянутая во второй главе сказки» [Глушанок]. А в седьмой главе «Сумасшедшие пьют чай» три сестренки из рассказа Сони становятся Масей, Пасей и Дасей.

Культурологическая отсылка к Вильгельму Завоевателю трансформируется у Набокова в наполеоновскую войну с Россией 1812 г. В оригинале произведения мышь не понимает по-английски, а в переводе Набокова она не понимает по-русски. Для детей-изгнанников, читающих сказку за рубежом, все эти лингвистические и культурологические анахронизмы, введенные в текст, не осознаются таковыми, так как эмигранты были рассеяны по всему свету и их дети повседневно слышали русскую речь в иностранном контексте:

— Может быть, она не понимает по-русски, — подумала Аня. — Вероятно, это французская мышь, оставшаяся при отступлении Наполеона. (Аня хоть знала историю хорошо, но не совсем была тверда насчет давности разных происшествий.) “Où est ma chatte”, — заговорила она опять, вспомнив предлоденье, которым начинался ее учебник французского языка. Мышь так и выпрыгнула из воды и, казалось, вся задрожала от страха [с. 370].

В третьей главе «Игра в куралесы и повесть в виде хвоста» текст также переписывается в соответствии с русской историей: история, относящаяся к периоду Вильгельма Завоевателя, превращается у Набокова в историю Киевской Руси. Приведем несколько примеров:

Мышь деловито прокашлялась: «Вот самая сухая вещь, которую я знаю. Прошу внимания! Утверждение в Киеве Владимира Мономаха мимо его старших родичей повело к падению родового единства в среде киевских князей. После смерти Мономаха Киев достался не братьям его, а сыновьям и обратился, таким образом, в семейную собственность Мономаховичей. После старшего сына Мономаха, очень способного князя Мстислава»... [с. 372]

— Мне, значит, показалось, — сказала Мышь. — Итак, я продолжаю: — очень способного князя Мстислава, в Киеве один за другим княжили его родные братья. Пока они жили дружно, их власть была крепка; когда же их отношения обострились... [с. 372]

Мышь на вопрос этот не ответила и поспешно продолжала: «...обострились, то против них поднялись князья Ольговичи и не раз

силою завладевали Киевом. Но Мономаховичи в свою очередь... Как вы себя чувствуете, моя милая?» — обратилась она к Ане [с. 372].

В переводе Орленок прерывает речь Мыши, прося ее говорить по-русски: «— Говорите по-русски, — крикнул Орленок. — Я не знаю и половины всех этих длинных слов, а главное, я убежден, что и вы их не понимаете!» [с. 373]

В четвертой главе «Кто-то летит в трубу» Набоков русифицирует и другие имена, заменяя Мэри-Энн на Машу, Пэта на Петьку, ящерицу Билля на Яшку Ящерицу. Дадим несколько примеров, иллюстрирующих такие лингвистические замены:

Вскоре Кролик заметил хлопчущую Аню и сердито ей крикнул: — «Маша, что ты тут делаешь? Сию же минуту сбегай домой и принеси мне пару белых перчаток и веер! Живо!» [с. 377]

Затем послышался гневный окрик Кролика: «Петька, Петька! Где ты?» [с. 379]

— «Где другая лестница?» — «Не лезь, мне было велено одну принести, Яшка прет с другой». — «Яшка! Тащи ее сюда, малый!» [с. 380]

Английское просторечие в последней процитированной сцене заменяется у Набокова на просторечие русское, и в переводе появляются такие слова, как «ваше благородие», «барин», «деликатничать». А надпись на дощечке перед домом Белого Кролика трансформируется у Набокова в надпись «Дворянин Кролик Трусиков»: «В эту минуту она увидела перед собой веселый чистенький домик, на двери которого была блестящая медная дощечка со словами: Дворянин Кролик Трусиков» [с. 377].

В пятой главе «Совет гусеницы» переводчик прибегает к реминисценциям из русской литературы, в тексте появляются пушкинские «Цыганы» («Птичка божия не знает ни заботы, ни труда»). Кэрролловская пародия на стихотворение Р. Саути

Иллюстрация к четвертой главе «Кто-то летит в трубу»

«Радости старика, и Как он заслужил их», в котором юноша обращается к старику, заменяется в переводе пародированием поэмы «Бородино» М. Ю. Лермонтова.

— Вот, например, я попробовала прочесть наизусть: «Птичка божия не знает», а вышло совсем не то, — с грустью сказала Аня.

— Прочитай-ка «Скажи-ка, дядя, ведь не даром», — приказала Гусеница.

Аня сложила руки на коленях и начала:

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром

Тебя считают очень старым:

Ведь, право же, ты сед

И располнел ты несказанно.

Зачем же ходишь постоянно

На голове? Ведь, право ж, странно

Шалить на склоне лет! [с. 384–385]

В шестой же главе «Поросенок и перец» колыбельная песня Герцогини «Вой, младенец мой прекрасный...» [с. 393] в набоковском переводе воспроизводит размер и рифмы «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова («Спи, младенец мой прекрасный»).

В седьмой главе «Сумасшедшие пьют чай» происходит постепенная персонификация времени за счет использования семантической серии каламбуров. Таким образом, Время становится действующим персонажем сказки. Напомним, что математик Чарльз Лютвидж Доджсон интересовался проблемами времени, и в одной из его логических задач из «Истории с узелками» говорится о том, что остановившиеся часы показывают точное время два раза в сутки, а часы, отстающие на минуту в день, — лишь раз в два года. Мы позволим себе привести длинную цитату из сцены чаепития, чтобы проанализировать стилистические приемы, персонифицирующие время. Заметим, что темпоральность играет очень важную роль в творчестве Набокова, размышления о природе времени находятся почти что во всех его произведениях, самыми яркими примерами которых являются автобиография «Другие берега», а также романы «Ада, или радости страсти» и «Смотри на арлекинов!» Часы Шляпника у Кэрролла показывают дни, а не часы, «взвешивая» тем самым нарративную темпоральность сказки.

— Какое сегодня число? — спросил он, обращаясь к Ане. При этом он вынул часы и тревожно на них глядел, то встряхивая их, то прикладывая их к уху.

Аня подумала и сказала:

— Четвертое.

— На два дня отстают, — вздохнул Шляпник. — Я говорил тебе, что твое масло не подойдет к механизму, — добавил он, недовольно глядя на Мартовского Зайца [с. 398].

Замена вокабулы «час» на вокабулу «день» создает игровой эффект в тексте, дополненный каламбурами о времени года. Эти стилистические приемы приводят к персонификации времени: «Если бы вы знали Время так, как я его знаю». Употребленная героиней синтагма «сесть на время» понимается дословно Шляпником («Время не любит, чтобы на него садились»). Далее Шляпник признается: «Мы с Временем рассорились в прошлом Мартовбре». Употребление заглавной буквы также является одним из элементов персонификации времени. Месяц март в набоковском переводе превращается в мартовбрь. В комментариях к набоковским произведениям этот литературный факт отсылается к «Записках сумасшедшего» Н. В. Гоголя: «Мартовбря 86 числа. Между днем и ночью» [Маликова 2000, с. 775]. Появление этого лингвистического и культурологического анахронизма в переводе мы обговорим особо в следующем параграфе статьи:

Аня с любопытством смотрела через его плечо.

— Какие забавные часы! — воскликнула она. — По ним можно узнать, которое сегодня число, а который час — нельзя.

— Ну и что же, — пробормотал Шляпник. — Или по вашим часам можно узнать время года?

— Разумеется, нет, — бойко ответила Аня. — Ведь один и тот же год держится так долго [с. 398].

— Если бы вы знали Время так, как я его знаю, — заметил Шляпник, — вы бы не посмели сказать, что его провозжать скучно. Оно самолюбиво.

— Я вас не понимаю, — сказала Аня.

— Конечно, нет! — воскликнул Шляпник, презрительно мотнув головой. — Иначе вы бы так не расселись.

— Я только села на время, — коротко ответила Аня.

— То-то и есть, — продолжал Шляпник. — Время не любит, чтобы на него садились. Видите ли, если бы вы его не обижали, оно делало бы с часами все, что хотите. Предположим, было бы десять часов утра, вас зовут на урок. А тут вы бы ему, Времени-то, намекнули — и мигом закружились бы стрелки: два часа, пора обедать.

— Ах, пора! — шепнул про себя Мартовский Заяц.

— Это было бы великолепно, — задумчиво проговорила Аня. — Но только, знаете, мне, пожалуй, не хотелось бы есть.

— Сначала, может быть, и не хотелось бы, — сказал Шляпник, — но ведь вы бы могли подержать стрелку на двух часах до тех пор, пока не проголодались бы.

— И вы так делаете? — спросила Аня.

Шляпник уныло покачал головой.

— Куда мне? — ответил он. — Мы с Временем рассорились в прошлом Мартобре, когда этот, знаете, начинал сходить с ума (он указал чайной ложкой на Мартовского Зайца), а случилось это так: Королева давала большой музыкальный вечер, и я должен был петь:

Рыжик, рыжик, где ты был?

На полянке дождик пил?

— Вы, может быть, эту песню знаете?

— Я слышала нечто подобное, — ответила Аня.

— Не думаю, — сказал Шляпник. — Дальше идет так:

Выпил каплю, выпил две,

Стало сыро в голове!

Тут Соня встряхнулся и стал петь во сне: «сыро, сыро, сыро...» — и пел так долго, что остальным пришлось его щипать, чтобы он перестал.

— Ну так вот, — продолжал Шляпник, — только начал я второй куплет, вдруг Королева как вскочит да гаркнет: «Он губит время! Отрубить ему голову!»

— Как ужасно жестоко! — воскликнула Аня.

— И с этой поры, — уныло добавил Шляпник, — Время отказывается мне служить: теперь всегда пять часов [с. 399–400].

Пародия Кэрролла на стихотворение Дианы Тейлор «Звезда» переписывается переводчиком с стиле «Чижика-пыжика»: «Рыжик, рыжик, где ты был?» Напомним, что в кэрролловском тексте у Шляпника 6 часов, так как во время написания сказки еще не существовало английской традиции пятичасового чая. В разных семьях чай подавали в разное время, в семье Лидделлов (Алисы) был принят шестичасовой чай. Конец этой цитаты, в которой метафорически представляется, что Шляпник губит время, может быть соотнесен с началом пятой главы автобиографии Набокова «Другие берега»: «В холодной комнате на руках у беллетриста умирает Мнемозина» [Набоков 2003б, с. 201]. В конце разговора между Аней и Шляпником темпоральность «подвешивается» с помощью градации стилистических приемов: метафор, персонификаций, каламбуров («Время отказывается мне служить: теперь всегда пять часов»). Заметим, что на переднем плане иллюстрации С. Залшупина к главе «Сумасшедшие пьют чай» в английском контексте появляется очевидный

Сумасшедшие пить чай.

Иллюстрация к седьмой главе
«Сумасшедшие пьют чай»

культурологический анахронизм, а именно традиционно русский самовар, который сразу же бросается в глаза читателю и отсылает к традиции русских чаепитий.

В десятой главе «Омаровая кадриль» кэрролловская песня Чепухахи — это пародия на детское стихотворение Мэри Хауитт (1799–1888) «Паук и муха». Набоковский перевод же включает в себя литературные аллюзии на стихотворения «Вновь я посетил» (1835) и «Для берегов отчизны дальной» (1830) А. С. Пушкина, а также на его роман в стихах «Евгений Онегин». Образ других берегов, присутствующий в одном из стихотворных переводов к кэрролловской сказке и являющийся одной из своеобразных метафор Зарубежной России, появится в 1954 г. в русской версии его автобиографии, озаглавленной «Другие берега»:

Но чешуйчатый друг возражает:
Отчего ж не предаться волне?
Этот берег ты любишь, я знаю,
Но другой есть — на той стороне.
Чем от берега этого дальше,
Тем мы ближе к тому, так сказать... [с. 417]

Многочисленные литературные пародии в «Алисе в стране чудес» и их методичное русифицирование в набоковском тексте создают эффект остранения у читателя, все более и более преломляя обыденный ход событий и перенося его в выдуманный мир: «Слушатели ее сидели совершенно безмолвно, и только когда она дошла

до того, как Гусеница заставила ее прочитать “Скажи-ка, дядя”, и как вышло совсем не то, только тогда Чепуха со свистом втянула воздух и проговорила: “Как это странно!”» [с. 419].

В той же самой главе у Кэрролла Грифон просит прочитать Алису стихотворение Исаака Уоттса «Лентяй». Набоков нашел эквивалент в пушкинской «Песни о вещем Олеге»: «— Встаньте и прочитайте “Как ныне собирается”, — сказал Гриф» [с. 419]. Аня декламирует следующие стихи:

Как дыня, вздувается вещей Омар:
 «Меня, — говорит он, — ты бросила в жар;
 Ты кудри мои вырываешь и ешь,
 Осыплю я перцем багровую плешь».
 Омар! Ты порою смеешься, как еж,
 Акулу акулькой с презреньем зовешь;
 Когда же и вправду завидишь акул,
 Ложишься ничком под коралловый стул [с. 419].

В одиннадцатой главе «Кто украл пирожки?» Шляпник, Мартовский Заяц и Соня дают показания в суде. Набоков снова замечает месяц март на выдуманный месяц «мартобрь», тем самым еще больше перенося нарративную темпоральность сказки в выдуманный мир рассказчика. Шиллинги и пенсы трансформируются в переводе в копейки:

— Пора было кончить, — сказал Король. — Когда ты начал?
 Тот посмотрел на Мартовского Зайца, который под руку с Соней тоже вошел в зал.
 — Четырнадцатого Мартобря, кажется, — ответил он.
 — Четырнадцатого, — подтвердил Мартовский Заяц.
 — Шестнадцатого, — пробормотал Соня.
 — Отметьте, — обратился Король к присяжникам, и те с радостью записали все три ответа один под другим, потом сложили их и вышло: 44 копейки [с. 423].

В двенадцатой главе «Показание Ани» набоковского перевода мили русифицируются в версты: «В эту минуту Король, который только что торопливо занес что-то в свою записную книжку, крикнул: “Молчанье!” — и прочел из этой же книжки следующее: “Закон сорок четвертый. Все лица, чей рост превышает одну версту, обязаны удалиться из зала суда”» [с. 428].

АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА СИНТАГМЫ «МЫ С ВРЕМЕНЕМ РАССОРИЛИСЬ В ПРОШЛОМ МАРТОБРЕ...»

Проанализировав присутствие лингвистических и культурологических анахронизмов в «Ане в стране чудес», мы бы хотели остановиться на цитате, выведенной в подзаголовок статьи, и понять, почему переводчик дважды заменяет кэрролловский март на мартобрь². Конечно, введение Набоковым «мартобря» в текст перевода, в первую очередь, отсылает читателя к вымышленному названию месяца у Н. В. Гоголя (а также проспективно к стихотворению «Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря», написанного И. А. Бродским в 1976 г. [Бродский 2009, с. 146]). Как нам кажется, предложение «Мы с Временем рассорились в прошлом Мартобре...» может являться у Набокова своеобразной отсылкой к революционному году, к мартовской (февральской) и октябрьской революциям. Русский писатель использует уже заданный месяц действия, имеющийся в оригинале, к чему добавляются семантические коннотации, связанные с признаками сумасшествия во время сцены чаепития и с персонажем Мартовского Зайца, и прибавляет сему, связанную с Октябрьской революцией. Это неологическое словообразование показывает отношение переводчика к важному историческому явлению, произошедшему на его родине. Набоков за всю свою жизнь не смирился с установлением в России советского режима, и этот факт прямым или косвенным образом проявляется в его творчестве. Вот что он, например, пишет в предисловии к английскому изданию «Дара»: «Грандиозный отлив интеллигенции, составлявшей такую значительную часть общего исхода из Советской России в первые годы большевистской революции, кажется ныне скитанием какого-то баснословного племени, следы гаданий которого по птицам и по луне я теперь высвобождаю из песка пустыни» [Набоков 1987, с. 8]. Предложение, начинаясь с объективного описания конкретного исторического события, постепенно переходит к субъективному видению автора: «кажется ныне скитанием какого-то баснословного племени». Такие выражения, как «следы гаданий», «по птицам и по луне», «из песка пустыни», а также употребление местоимения первого лица увеличивают субъективное восприятие текста и вводят читателя в фантастический мир романа.

Данное предположение о включении Набоковым революционных аллегорий в перевод может быть подкреплено и использованием

«мартобря» М. А. Волошиным в пятой части поэмы «Россия», написанной в 1924 г., где этот месяц прямо указывает на революционные события:

До Мартобря (его предвидел Гоголь!)
В России не было ни буржуа,
Ни классового пролетариата...
Была земля, купцы да голытьба,
Чиновники, дворяне, да крестьяне...
Да выли ветры, да орал сохой
Поля доисторический Микула...
Один поверил в то, что он буржуй,
Другой себя сознал, как пролетарий,
И почалась кровавая игра [Волошин 1991, с. 197].

Дополнительным аргументом в подтверждение высказанной гипотезы служит и стихотворение «Революция» — автограф, оставленный Набоковым в рукописном альманахе «Чуккокала» К. И. Чуковского. Этот текст не входил в официальную публикацию книги и опубликован Е. Ц. Чуковской в журнале «Наше наследие» (1989, №4, с. 71). В конце 1917 г. Чуковский принес с собой к В. Д. Набокову свой рукописный журнал, в котором последний с сыном оставили записи. К. И. Чуковский упоминается в набоковской автобиографии «Другие берега», потому что он ездил в 1916 г. в Англию вместе с его отцом в составе делегации видных деятелей печати³. Приведем текст данного стихотворения:

РЕВОЛЮЦИЯ

Я слово длинное с нерусским окончанием
нашел нечаянно в рассказе для детей,
и отвернулся я со странным содроганьем.

В том слове был извив неведомых страстей:
рычанье, вопли, свист, нелепые виденья,
стеклянные глаза убитых лошадей,

кривые улицы, злоешие строенья,
кровавый человек, лежащий на земле,
и чьих-то жадных рук звериные движенья...

А некогда читать так сладко было мне
о зайчиках смешных со свинками морскими,
танцующих на пнях весною, при луне!

Но слово грозное над сказками моими
как пронеслось! Нет прежней простоты;
и мысли страшные ночами роковыми

шуршат, как старые газетные листы!
[Набоков 2000в, с. 570-571]

В 1966 г. в интервью А. Аппелю Набоков уточняет: «Как и все английские дети (а я был английским ребенком), Кэрролла всегда обожал» [Набоков 2002в, с. 197]. Смешные зайчики могут нас ото-слать к Белому Кролику с часами и к Мартовскому Зайцу, морские свинки также являются действующими персонажами в кэрролловской сказке (например, Яшка Ящерица поддерживается двумя морскими свинками в главе «Кто-то летит в трубу»).

В главе «Поросенок и перец» младенец, похожий на морскую звезду, оказывается поросенком: «Аня схватила ребенка с некоторым трудом: это было несуразное маленькое существо, у которого ручки и ножки торчали во все стороны (“Как у морской звезды”, — подумала Аня)» [с. 393]. Тем самым происходит семантическая ассоциация между существительным «поросенок» и прилагательным «морской».

В главе «Кто украл пирожки?» снова появляются морские свинки, восстание которых подавляется королевскими стражниками: «Тут одна из морских свинок восторженно зашумела и тотчас была подавлена стражниками. (Делалось это так: у стражников были большие холщевые мешки, отверстия которых стягивались веревкой. В один из них они и сунули вниз головой морскую свинку, а затем на нее сели)» [с. 425]; «Тут заликовала вторая морская свинка и была подавлена./ — Ну вот, с морскими свинками покончено, теперь дело пойдет глаже» [с. 426]. В конце сказки также говорится, что Аня будет вспоминать впоследствии «кряхтенье подавляемых Морских Свинок» [с. 432]. Прилагательное «морской» может быть аллегорически прочтено как скрытый намек на балтийских матросов, активных деятелей русской революции 1917 г., восстание которых было подавлено в 1921 г.

Таким образом, это стихотворение позволяет прочесть сказку как аллерию на революционные действия в России. Английский подтекст в этом стихотворении может также объясняться тем, что К. Чуковский ездил в Англию с отцом будущего писателя, который красочно описывал сыну свое путешествие.

РЕМИНИСЦЕНЦИИ ИЗ Л. КЭРРОЛЛА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. НАБОКОВА

В статье «След сказки Л. Кэрролла в довоенной прозе В. В. Набокова» Е. В. Антошина выявляет реминисценции из кэрролловской сказки на уровне построения сюжета в романах «Подвиг» и «Соглядатай». В рассказе «Совершенство» исследователь также находит скрытую аллюзию в сцене кажущегося вытягивания героя, происходящую в лифте [Антошина 2011, с. 224]. Реминисценции из Л. Кэрролла появляются и в более поздних произведениях Набокова, таких, как «Приглашение на казнь», «Волшебник», «Лолита», «Другие берега», «Память, говори!» и «Ада, или радости страсти». В своей английской автобиографии Набоков упоминает миниатюрные страны чудес: “pocket wonderlands” [Набоков 1999, с. 128]. В «Даре» и в русской версии автобиографии «Другие берега» он вводит мотив ключа/ключика и закрытой двери, которую рассказчик пытается открыть. Этот мотив нас отсылает к золотому ключику, которым Алиса открывает дверь в прекрасный сад, в страну чудес. Напомним, как происходит действие в кэрролловском тексте, переведенном Набоковым:

Вокруг всей залы были многочисленные двери, но все оказались запертыми! И после того как Аня прошла вдоль одной стороны и вернулась вдоль другой, пробуя каждую дверь, она вышла на середину залы, с грустью спрашивая себя, как же ей выбраться наружу. Внезапно она заметила перед собой столик на трех ножках, весь сделанный из толстого стекла. На нем ничего не было, кроме крошечного золотого ключика, и первой мыслью Ани было, что ключик этот подходит к одной из дверей, только что испробованных ею. Не тут-то было! Замки были слишком велики, ключик не отпирал. Но, обойдя залу во второй раз, она нашла низкую занавеску, которой не заметила раньше, а за этой занавеской оказалась крошечная дверь. Она всунула золотой ключик в замок — он как раз подходил! Аня отворила дверцу и увидела, что она ведет в узкий проход величиной с крысиную норку. Она встала на колени и, взглянув в глубину прохода, увидела в круглом просвете уголок чудеснейшего сада. Как потянуло ее туда из сумрачной залы, как захотелось ей там побродить между высоких нежных цветов и прохладных светлых фонтанов! — но и головы она не могла просунуть в дверь [с. 363–364].

В «Других берегах» вводится образ ненужного ключика, который помогает автобиографу попасть в выдуманный мир: «какой-то ключик, отделенный навеки от всеми забытого, может быть

и тогда уже несуществовавшего замка» [Набоков 2003б, с. 186]. В конце романа «Дар» появляется образ ключей от России, которые Федор увозит с собой в эмиграцию. В этом контексте ключи обозначают русский язык и литературу, сохраненные писателем в изгнании: «Мне-то, конечно, легче, чем другому, жить вне России, потому что я наверняка знаю, что вернусь, — во-первых, потому что увез с собой от нее ключи, а во-вторых, потому что все равно когда, через сто, через двести лет, — буду жить там в своих книгах или хотя бы в подстрочном примечании исследователя» [Набоков 2002а, с. 526].

В «Постскрипту к русскому изданию» романа «Лолита» появляется образ ненужного ключа, которым американский беллетрист тщетно пытается открыть дверь в русское прошлое. Здесь ключ является также метафорой русского языка и русской литературы:

Американскому читателю я так страстно твержу о превосходстве моего русского слога над моим слогом английским, что иной славист может и впрямь подумать, что мой перевод «Лолиты» во сто раз лучше оригинала. Меня же только мутит ныне от дребезжания моих ржавых русских струн. История этого перевода — история разочарования. Увы, тот «дивный русский язык», который, сдавалось мне, все ждет меня где-то, цветет, как верная весна за наглухо запертыми воротами, от которых столько лет хранился у меня ключ, оказался несуществующим, и за воротами нет ничего, кроме обугленных пней и осенней безнадежной дали, а ключ в руке скорее похож на отмычку [Набоков 2003в, с. 386].

Отзвуки кэрролловских чаепитий мы обнаруживаем и в «Других берегах», и в «Аде, или радости страсти» («— Так, — сказала Ада. — Истребить и забыть. Но у нас еще целый час до чая») [Набоков 2003а, с. 19]. В романе «Ада, или радости страсти», похожем по своему названию на заголовок набоковского перевода сказки, присутствуют многочисленные аллюзии на кэрролловский текст:

— Похоже, — сказал Ван, — с тобой в самый раз играть в крокет ежами и фламинго.

— Мы читаем разные книжки, — ответила Ада. — Мне столько твердили, в какой восторг приведет меня эта «Калипсо в Стране Чудес», что я обзавелась против нее неодолимым предубеждением [Набоков 2003а, с. 59].

Ни он, ни она не смогли впоследствии, да, собственно, и не стремились установить, как, когда и где он «растлил» ее — вульгаризм, на который Ада из Страны Чудес случайно наткнулась в «Энциклопедии Вроди»... [Набоков 2003а, с. 127]

Иллюстрация к восьмой главе
«Королева играет в крокет»

В этом же романе упоминается, что «безумные шляпники» (madhatters) возрождают к жизни словесную игру с каламбурами в девятнадцатом веке [Набоков 2003а, с. 214]. Доктор Кролик также часто упоминается в тексте главными персонажами произведения, Адой и Ваном. Например, вот как Ван комментирует Аде альбом ее фотографий детства: «О, новый персонаж, и даже с подписью: доктор Кролик. <...> Сказать по правде, милочка, он выглядит крупным, сильным, симпатичным и матерым Мартовским Зайцем!» [Набоков 2003а, с. 390]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В. В. Набоков, как он сам уточняет в интервью Полю Суфрэнэ, особенно ценил эстетическую сторону кэрроловского текста: «“Алиса в стране чудес” — особая книга особого автора со своими каламбурами, каверзами и капризами. Если внимательно ее читать, то вскоре обнаружится — как юмористическое противостояние — наличие вполне прочного и довольно сентиментального мира, скрывающегося за полуотстраненной мечтой. К тому же Льюис Кэрролл любил маленьких девочек, а я нет» [Набоков 2002в, с. 321–323]. В набоковском переводе «Аня в стране чудес» встречается немало каламбуров и языковых игр с концепцией времени, присущих оригиналу текста, сказке Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес». Перевод В. В. Набокова с намеренными лингвистическими и культурно-историческими анахронизмами переносит читателя текста на «другие берега», в иной, выдуманный мир, тем самым уменьшая у эмигрантского ребенка-читателя разрыв

со своей Родиной. Быть может, изгнание и нехватка русской реальности в эмиграции подсказали В. В. Набокову и иллюстратору книги С. А. Залшупину ввести в викторианский контекст «Алисы в стране чудес» русскоязычные подтексты.

Примечания

¹ Далее страницы по данному источнику указываются в основном тексте в квадратных скобках после цитаты.

² Мы благодарим И. Н. Арзамасцеву за это ценное замечание во время научной конференции, организованной Е. Сеннэ в Клермон-Ферранском Университете 30 ноября 2016 г. и посвященной анахронизмам в русской детской литературе. Эта идея подверглась тщательной дискуссии во время конференции; в частности, интересными были ремарки В. В. Головина.

³ Приведем описание К. И. Чуковского в набоковской автобиографии: «Летом 1919 г. мы поселились в Лондоне. Отец и раньше бывал в Англии, а в феврале 1916 г. приезжал туда с пятью другими видными деятелями печати (среди них были Алексей Толстой, Немирович-Данченко, Чуковский), по приглашению британского правительства, желавшего показать им свою военную деятельность, которая недостаточно оценивалась русским общественным мнением. Были обеды и речи. Во время аудиенции у Георга Пятого Чуковский, как многие русские преувеличивающий литературное значение автора “Дориана Грея”, внезапно, на невероятном своем английском языке, стал добиваться у короля, нравятся ли ему произведения — “дзи воркс” — Оскара Уайльда. Застенчивый и туповатый король, который Уайльда не читал, да и не понимал, какие слова Чуковский так старательно и мучительно выговаривает, вежливо выслушал его и спросил на французском языке, не намного лучше английского языка собеседника, как ему нравится лондонский туман — “бруар”? Чуковский только понял, что король меняет разговор, и впоследствии с большим торжеством приводил это как пример английского ханжества, — замалчивания гения писателя из-за безнравственности его личной жизни» [Набоков 2003б, с. 299–300].

Источники

Аня в стране чудес. Детская и юношеская литература русской эмиграции. Т. 1. Под ред. М. Д. Филина. М.: МГПУ, 2004.

Бродский И. А. Ниоткуда с любовью, надцатого мартабрю // Северная почта. М.: Ломоносовская библиотека, 2009.

Волошин М. А. Россия // Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М.: Правда, 1991.

Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес. М.: Лабиринт, 2014. Перевод Н. М. Демуровой. 111 с.

Набоков В. В. Ада, или радости страсти // Собрание сочинений американского периода в 5 тт. Т. 4. СПб: Симпозиум, 2003а. С. 10–588.

Набоков В. В. Аня в стране чудес. Рисунки С. А. Залшупина. Берлин: Гамаюн, 1923.

Набоков В. В. Аня в стране чудес // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода в 5 тт. Т. 1. СПб: Симпозиум, 2000а. С. 361–433.

Набоков В. В. Дар // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода в 5 тт. Т. 4. СПб: Симпозиум, 2002а. С. 191–541.

Набоков В. В. Детство // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода в 5 тт. Т. 1. СПб: Симпозиум, 2000б. С. 512–516.

Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода в 5 тт. Т. 5. СПб: Симпозиум, 2003б. С. 143–335.

Набоков В. В. Память, говори! // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода в 5 тт. Т. 5. СПб: Симпозиум, 2002б. С. 317–594.

Набоков В. В. Постскрипtum к русскому изданию // Собрание сочинений американского периода в 5 тт. Т. 2. СПб: Симпозиум, 2003 в. С. 386–390.

Набоков В. В. Предисловие к английскому изданию «Дара» // Собрание сочинений. Т. 6. Ann Arbor: Ardis, 1987. С. 7–9.

Набоков В. В. Революция // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода в 5 тт. Т. 1. СПб: Симпозиум, 2000 в. С. 570–571.

Nabokov V. Speak, Memory. An Autobiography Revisited. London: Everyman's Library, 1999.

Исследования

Антошина Е. В. След сказки Л. Кэрролла в довоенной прозе В. В. Набокова // От Бунина до Пастернака. Русская литература в зарубежном восприятии. К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям. М.: Русский путь, 2011. 574 с. С. 218–228.

Арзамасцева И. Н. Детская литература. М.: Издательский центр «Академия», 2011.

Глушанок Г. Б. Неизвестная рецензия на перевод В. Сирина «Алисы в стране чудес» // Звезда. № 11, 2016. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/11/neizvestnaya-recenziya-na-perevod-v-sirina-alisy-v-strane-chude.html> (дата обращения: 12.05.2017)

Демурова Н. М. Алиса на других берегах // Кэрролл Л. Приключения Алисы в стране чудес; Набоков В. Аня в стране чудес. М.: Радуга, 1992. С. 7–28.

Елачич Е. А. Л. Кэрролл. Аня в стране чудес. Перев. с англ. В. Сирина, с рисунками худ. С. А. Залшупина, 114 с. Изд. «Гамаюн». Берлин, 1923 // Русская школа за рубежом. Прага. № 5–6, 1923. С. 216.

Маликова М. Э. Примечания // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода в 5 тт. Т. 1. СПб: Симпозиум, 2000. С. 772–776.

Набоков В. В. Заметки переводчика // Новый журнал. Кн. 49. Нью-Йорк, 1957. С. 130–144.

Набоков о Набокове и прочем. М.: Независимая газета, 2002.

Филин М. Д. Об этой книге читателям от мала до велика // Аня в стране чудес. Детская и юношеская литература русской эмиграции. Т. 1. М.: МГПУ, 2004. С. 5–12.

Karlinsky Simon. Anya in Wonderland: Nabokov's Russified Lewis Carroll // Nabokov. Criticism, reminiscences, translations and tributes, edited by Alfred Appel, Jr. and Charles Newman. New York: Northwestern University Press, 1970. P. 310–315.

Shvabrin Stanislav. Vladimir Nabokov as Translator: The Multilingual Works of the Russian Period. Los Angeles: University of California, 2007.

Weaver Warren. Alice in Many Tongues: The Translations of Alice in Wonderland. Wiscolin: Madison UP, 1964.

Катя Сенне

СТАРАЯ НОВАЯ СКАЗКА: МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ ПЬЕСЫ-СКАЗКИ С. МАРШАКА «ДВЕНАДЦАТЬ МЕСЯЦЕВ»

В статье на примере анализа сказки Самуила Маршака рассматривается авторская позиция писателя в отношении народной сказки. В задачи данной статьи входит анализ структурной морфологии переработки Маршаком чешской сказки, а также анализ системы построения «новой» сказки, которая, как считает Маршак, должна свободно располагать богатейшим наследием русского фольклора, одновременно вписываясь в новую историческую действительность.

Ключевые слова: сказка, детская литература, мифопоэтика, фольклор, сирота, волшебный лес, анахронизм, С. Маршак, «Двенадцать месяцев».

Вопрос о характере и статусе детской литературы является центральной темой дискуссий советских писателей и критиков 1920–1930-х гг. Сопоставление «малой» и «большой» литературы, вопрос о специфике детского текста (или же отсутствие таковой), его преемственном или же новаторском характере, разграничение литературы, и в особенности детской, на «до» и «после» революции, а также роль сказки в литературе — таковы основные темы литературных дискуссий постреволюционного периода.

Самуил Маршак, возглавивший в 1920-х гг. борьбу за эмансипацию и повышение качества советской детской литературы, является одним из главных акторов литературной полемики и одновременно ее объектом — излюбленной мишенью номенклатурной критики, наравне, впрочем, с Чуковским. Светлана Маслинская в своей статье «Нужен ли детский писатель? (К истории становления советской детской литературы)» указывает 1928 г. и публикацию статьи Н. Крупской о Чуковском как новую веху в истории критики детской литературы: «С этого момента детская литература вышла из тени. Ее снова заметили “взрослые” литераторы и критики. <...> И на протяжении всего “реконструктивного периода” детская литература продолжала находиться в зоне пристального

внимания *общего* писательского сообщества и *общей* критики» [Маслинская 2014, с. 386].

Литературная борьба за место детского писателя включает в себя полемику о сказке и общем влиянии фольклора на детские тексты — то есть вопросы о национальном наследии и наследственности детской литературы. Среди тех писателей и критиков, кто высказывался в защиту сказки и фантастического, игрового начала, Маршак занимает одну из самых активных позиций. В своих статьях, посвященных детскому тексту и детским писателям, Маршак постоянно возвращается к сказке, к необходимости переработки фольклорного материала, подробно высказывается о литературных задачах, стоящих перед новым поколением писателей. Характерно, что, несмотря на активную защиту волшебной сказки, приравниваемой номенклатурной критикой к нереалистической и изжившей себя литературе XIX в., Маршак не менее темпераментно атакует «корифеев» дореволюционной детской традиции: «В текстах Маршака общим местом становятся критические выпады в адрес дореволюционной детской литературы, образцом которой становятся имя Лидии Чарской и название журнала “Задушевное слово”. “Задушевное слово” и производное от этого названия “задушевность” становится эмблемой “старой” литературы, неприемлемой и эстетически, и идеологически» [Кулешов 2012, с. 79–80].

«Старая» литература «в цветных глянцевиных обложках или в тисненых золотом переплетах» [Маршак 1971а, с. 208] под пером Маршака подвергается жесткой критике. Тем не менее он не может не осознавать всю важность и необходимость поддержания «истинных» литературных традиций, восходящих к народному творчеству. Маршак как бы перекидывает мост в глубину веков через «сусальную» и «назойливо назидательную» [Там же] дореволюционную литературу, потерявшую, как ему кажется, свои связи с народным, традиционным началом. Так писатель решает взять на себя рискованную задачу по восстановлению доброго имени волшебной сказки, а также русского фольклора (с его мифопоэтическим мышлением), — через создание *новой* сказки, жизнеспособной (по его мнению) в силу своей привязанности к действительности, современной советскому народу:

Мы не собираемся возрождать в Советской стране старую сказку. Нам ни к чему воскрешать гномов и эльфов, даже тех гномов и эльфов, которые еще были рудокопами и пастухами. Мы знаем, что напрасно и наивно было бы ожидать возрождения тех художественных форм,

которые были когда-то целиком основаны на мифологическом отношении к природе [Маршак 1971г, с. 215].

Рассуждая о вопросе преемственности, Маршак говорит о создании новой формы сказки, которая должна «черпать из фольклора то, что в нем живо и в самой сущности своей *современно* (курсив автора. — К. С.), как это делали, создавая сказки, Пушкин, Лев Толстой, Андресен» [Там же]. Однако Маршак так упорно и настойчиво оперирует понятиями нового и старого, с такой навязчивостью возвращается к идее реновации старой сказки, что поневоле возникает сомнение в целесообразности подобного дискурса. Кого же именно клятвенно обещает *не* воскрешать Маршак? Писатель призывает нас «разгримировать братьев Гримм» [Маршак 1971б, с. 300], но не Пушкина или Толстого, которым и вовсе не приходило в голову размышлять, насколько нова их очередная литературная сказка.

Подобное смещение акцента с содержания и формы сказки (их как раз Маршак и хочет сберечь любой ценой) на весьма демагогическое понятие «новизны» дает писателю возможность искусно замаскировать свою работу с фольклорным материалом под реставрацию священного принципа народности¹, что в свою очередь позволяет ему «брать из народного эпоса то, что нам *интересно и нужно, но брать без педантизма, без трусости*» (курсив автора. — К. С.) [Там же].

В свете вышеизложенной литературной полемики мы предлагаем рассмотреть историю переработки Маршаком славянского фольклорного материала в драматическую сказку, а потом и в пьесу-сказку «Двенадцать месяцев». Эта работа над «новой» литературной сказкой является ярчайшим примером того, что Маршак действительно внимательнейшим образом изучает не только русские народные сказки, но и славянскую мифологию, при этом прекрасно владея фольклорным материалом.

Первая задача, которая встает перед нами, — определение жанра подобного текста, совмещающего в себе фольклорную поэтику и авторский замысел. Современная наука неоднократно предлагала определение жанра литературной сказки и отличие ее от фольклорной. Обратимся к статье Е. А. Сухорукова, в которой предлагается сравнительный анализ двух типов сказки, на наш взгляд являющийся достаточно убедительным:

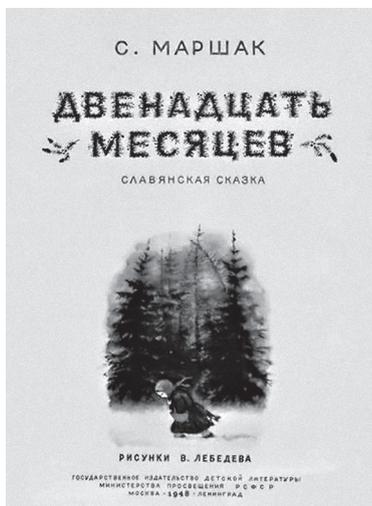
Определим основные различия и сходства между фольклорной и литературной сказкой. Литературная сказка характеризуется

двойственностью (устное сказание фиксируется письменно). Она опирается на древнейшие архетипы, ориентирована не только на жанры народной сказки, но и на ассимиляцию элементов предшествующей культурной традиции (литературные сказки предшественников и «классиков» жанра) <...>.

Литературная сказка свободна в совмещении мифологических элементов, традиций фольклорных сказок, а также легенд, преданий и т. п., поскольку авторы нового времени имеют возможность творчески опираться на все достижения прошлого. Разные исследователи выделяют различные признаки в жанре литературной сказки. Литературная сказка может быть основана на фольклорных, мифологических, эпических источниках. Она может являться плодом воображения писателя и в любом случае подчинена его воле. Чудеса и волшебство помогают выстроить в сказке сюжет, охарактеризовать персонажей, воплотить их идеи и мечты [Сухоруков 2014, с. 146].

В случае переработки народной сказки Маршаком определяющим фактором и точкой отсчета для нас является авторский подход. Маршак не просто пишет «новую сказку», адресованную «новому», советскому читателю-ребенку. Он перерабатывает определенную фольклорную сказку с сюжетом, который в тот момент со всей очевидностью казался ему особенно важным. Подобному типу литературной сказки, опирающейся на фольклорный материал, присущи подражательный характер, использование сюжетных мотивов сказки, воспроизведение основных характеристик времени и пространства сказки. Именно установка Маршака на фольклорную поэтику позволяет нам включить текст «Двенадцати месяцев» в категорию фольклорно-литературной сказки и проанализировать как *литературную переработку* фольклорного материала, а не как авторскую сказку, где авторский замысел превалирует над традицией. В данной статье мы рассмотрим, какие именно элементы народной сказки использует Маршак в своей пьесе и каким образом достигается заданная актуализация фольклорного материала.

Итак, в декабре 1942 г. Маршак пишет сыну о продвигающейся работе над сказкой, в основе которой лежит позаимствованный им из чешского фольклора сюжет о «братьях-месяцах, встречающихся у костра новогодней ночью»². Сам Маршак предпочел отрицать свое знакомство с переводом Николая Лескова сказки, записанной чешской писательницей Боженой Немцовой³, утверждая позже, что ознакомился с сюжетом в чьей-то устной передаче⁴. Первым издается

«Двенадцать месяцев», иллюстрации В. Лебедева, 1952 г. Титульный лист (слева), полосная иллюстрация (справа)

в 1943 г. в Детгизе прозаический вариант сказки с подзаголовком «Славянская сказка». В тот же период Маршак перерабатывает сказку, превращая ее в театральную пьесу, в ней исчезает географическое уточнение места действия прозаического варианта. По всей видимости, привязанность сюжета к определенному географическому пространству не отвечала замыслу автора. Маршак перерабатывает материал славянских преданий о встрече девочки с месяцами в канун Нового года, дополняя его рядом фольклорных сказочных мотивов, воспроизводящих архаическое, мифологическое видение мира, в котором человек вступает в контакт с фантастическими силами природы.

Здесь нас интересует именно драматургический вариант славянской сказки, как наиболее развернутый. В ходе исследования мы рассмотрим структурные изменения, вносимые Маршаком в чешский вариант сказки (его мы будем называть «базовым») о мачехе и нелюбимой падчерице, чтобы посмотреть, как они формируют определенные сказочные мотивы.

Итак, по сюжету (сюжетный тип «Морозко») в разгар зимней стужи мачеха посылает нелюбимую падчерицу в лес за цветами (фиалками в варианте Немцовой и подснежниками на именины родной дочери — у Маршака), то есть дает ей невыполнимое задание,

традиционно являющееся исходной точкой волшебного путешествия героя сказки.

Такое, казалось бы, незначительное изменение, как замена фиалок подснежниками, на самом деле является смысловым сдвигом, который подчиняется всему структурному замыслу сказки. Как мы уже сказали, Маршак обращается здесь к традиционному сказочному сюжету о падчерице, перенося акцент на смысловое поле сироты. Традиционно в народной сказке чаще встречается потерявшая мать полусирота, чей отец женится, приводит в дом мачеху и новую дочь (или дочерей), враждебных падчерице. Маршак в своей сказке упраздняет фигуру отца, оставляя своей героине лишь статус падчерицы-сироты, что соответствует его изначальной директиве брать из народного эпоса только то, «что нам интересно и нужно». Таким образом, в повествование вводится традиционная для фольклора тема родового конфликта, где один род выступает против другого, чуждого ему рода, символизируемого падчерицей. Далее Маршак дополняет тему целым рядом элементов, образующих единое центральное смысловое поле — поле сиротства. Нам важно рассмотреть, как архаические мотивы славянского фольклора получают новое звучание.

Прежде всего интересен сам выбор цветов, за которыми отправляется по наказанию мачехи и сестры падчерица. Подснежник (на украинском *сиротень*) окончательно связывает получение падчерицей невыполнимого задания с ее собственным статусом сироты. Эти растения являются первоцветами, что и послужило причиной появления таких названий:

Можно предположить, что растения, согласно традиционным представлениям, порождают друг друга, то есть растения, появляющиеся и цветущие в августе, «порождены» июльскими, последние, в свою очередь, июньскими и так все, кроме первоцветов, которые воспринимаются как происходящие не от растений, а от иных сил [Трофимов 1999].

Так и в архаических представлениях древних народов, в том числе и славян, сирота обретает статус «нерожденной» или «перворожденной» (отсюда и необходимость выдать замуж сироту, чтобы «ввести ее в род»). Сирота в общеславянском фольклоре имеет особый статус социально обездоленного человека. Сироте, не имеющей родителей, в фольклоре часто покровительствует природа, представленная в сказке Маршака целым рядом персонажей-зверей, или духов, во-

площенных в двенадцати календарных месяцах. То, что замещение цветов у Маршака не случайно, подтверждается и тем фактом, что писатель и далее расширяет смысловое поле сиротства другими второстепенными персонажами. Все персонажи, входящие в это поле, имеют разные структурные функции: Старый солдат выполняет функцию помощника, Апрель и месяцы — дарителей, Королева — дающего задание и, наконец, Падчерица — испытуемого.

Рассмотрим пример Старого солдата, введенного в повествование в качестве персонажа-помощника и покровителя сироты, то есть в качестве заместителя умершего родителя. В русском фольклоре персонаж «солдат» входит в ту же смысловую категорию потерянности, оторванности от семьи, что и сирота. Так, «применение слова “сирота” к детям солдат связано с тем, что рекруты и солдаты воспринимаются как социальная группа, занимающая пограничное положение между миром людей и миром мертвых, поскольку они отдалены от семьи. Об этом, например, свидетельствуют обряды проводов рекрута, во многом схожие с погребальным обрядом: по рекрутам причитают и т.п. Соответственно, дети солдата считаются сиротами» [Там же]. Солдат, наделенный субститутивной родительской функцией, как и нареченный Падчерицы Апрель (именуемый также «младшим братом», чья социальная позиция схожа с позицией сироты), структурно соответствует функции сироты в данном типе волшебной сказки. Таким образом, Маршак очерчивает границы поля действий главной героини, отправляя ту собирать подснежники с помощью Солдата и Апреля, младшего брата.

Мелетинский в своем исследовании о героях волшебных сказок говорит следующее:

Активность чудесных сил, оборотной стороной которой является относительная пассивность героя-человека, легла в основу художественной

«Двенадцать месяцев», фото-иллюстрация, оформление Б. В. Шварца, фотография артиста МХАТа В. С. Давыдова. Издательство «Искусство», Москва, 1950

формы волшебной сказки. Первобытная сказка сосредоточивает внимание на мифологизированной природе, и образ человека играет в ней подчиненную, второстепенную роль. Герой художественной сказки — не мифическое очеловеченное божество, как до сих пор считают многие фольклористы и филологи. Он порожден конкретной социальной действительностью. Это не бог, не шаман, а социально обездоленный член первобытной общины, лицо, исторически обездоленное в результате распада первобытнообщинного строя, отказа от первобытного материального и духовного равенства. Сказка называет своего героя сироткой, падчерицей, младшим сыном потому, что именно эти фигуры были исторически обездолены в процессе разложения первобытного общинно-родового строя, перехода от рода к семье [Мелетинский 2005, с. 214–215].

То, что Маршак объединяет в своей сказке такие категории, как сирота и младший сын, свидетельствует, по нашему мнению, о степени интереса и осведомленности писателя в поэтике и структурной системе славянского фольклорного материала.

Автор вводит еще одного персонажа, не фигурирующего ни в чешском базовом варианте сказки, ни в его собственном прозаическом переложении. Речь идет о Королеве, также принадлежащей к смысловому полю сиротства. Между Королевой и Падчерицей устанавливается некая тождественность, ибо первая, как и последняя, является круглой сиротой. Персонажей объединяет и один возраст («лет 14-ти»), и тема покинутости-обездоленности, которая как бы уравнивает социально несопоставимых Королеву и нищую Падчерицу.

П а д ч е р и ц а. Жалко ее.

С о л д а т. Как не жалко! Некому поучить ее уму-разуму
[Маршак 1946, с. 10].

Это означает, что, казалось бы, центральный социально маркированный конфликт Королевы и Падчерицы аннулируется тождественностью их внутрисюжетного статуса. Заметим, что образ капризной Королевы заметно смягчен ее положением ребенка-сироты, вызывающим у читателя чувство эмпатии. Сама Королева зачастую демонстрирует присутствие самоиронии и критического отношения к своему королевскому статусу. Да и Падчерица сразу же идентифицирует королеву как помощника: «Сирота сироту пожалеет» [Маршак 1946, с. 39]. Таким образом, социальный мотив конфликта упраздняется, а центральное противостояние выносится за пределы девичьего дуэта принцессы-нищенки

в традиционный фольклорный конфликт дочери с мачехой и падчерицей.

Итак, Падчерица по наказу Мачехи отправляется в лес, чтобы в январе собрать подснежники. Приказ соответствует центральному хронологическому сдвигу сказки, вокруг которого организуется фабульная линия сказки. Особый статус Падчерицы, чей нравственный облик традиционно ставит ее выше чуждой ей семьи, подчеркивается ее «посвященностью», знанием некоего сакрального этикета, как в эпизоде, в котором она оказывается в лесном, чудесном пространстве. Так, обнаруживается, что Падчерица способна видеть игры зверей, тогда как те даже и не замечают ее. Также и двенадцать месяцев «узнают» девушку, она «в лесу своя» [Маршак 1946, с. 10]. В образе Падчерицы Маршак опять-таки следует фольклорному принципу непсихологического построения персонажей.

Поведение девушки остается традиционно пассивным, как того требует схема сказки, она беспрекословно следует всем наказам помощников и дарителей, а речь ее характеризуется ритуальными речевыми оборотами. Так, например, в тексте присутствует мотив ритуальной лжи, указывающий на то, что герой обладает сакральным, тайным знанием. Как указывает Е. В. Лутовинова в комментарии к «Морозко», в русской народной сказке существует три варианта ответа: правдивый, уклончивый и ложный, причем ритуальная ложь замещается «вежливым ответом» в наиболее поздних вариантах записи сказки⁵. Применение *ритуального* обмана позволяет героине сказки пройти испытание и доказать свою посвященность:

Ф е в р а л ь. Мудрено ли, прямо с мороза да к такому огню! У нас и мороз и огонь жгучие — один другого горячее, *не всякий вытерпит.*

П а д ч е р и ц а. Ничего, я люблю, когда огонь жарко горит!

Я н а р ь. Это-то мы знаем. *Потому и пустили тебя к нашему костру* (Курсив автора. — К.С.) [Маршак 1946, с. 76–77].

Двенадцать месяцев, выполняющие функцию дарителей, подвергают героиню традиционному испытанию. Падчерица же, обладающая тайным знанием, не смеет просить о запретном и пассивно полагается на волю духов, вверяя им свою судьбу. Сначала месяцы, опять-таки следуя ритуальной схеме, отказывают ей в несформулированной просьбе нарушить порядок вещей, то есть вербально оформляют запрет вмешаться в *ход времени*. Через ритуальный первый отказ месяцы напоминают о законе всего сущего.

Январь. Плохо твое дело, голубушка! Не время теперь для подснежников, — *надо Апреля-месяца ждать* [Маршак 1946, с. 29].

Январь, указывающий на трансгрессивный характер хотя бы даже и подневольной просьбы падчерицы, дает ей опять-таки невербальную подсказку: надо дождаться Апреля (с большой буквы в тексте), то есть разрешения младшего брата. Подсказка, прячущаяся за ложно поучительной формулой «всему свое время», адресована посвященному, коей является здесь героиня, которая отвечает согласно ритуалу, то есть «принимает» волю духов:

П а д ч е р и ц а. Я и сама знаю, дедушка. Да деваться мне некуда. Ну, спасибо вам за тепло и за привет. Если помешала, не гневайтесь... (Берет свою корзинку и *медленно* идет к деревьям).

А п р е л ь. *Погоди, девушка, не спеши* (Курсив автора. — К. С.) [Маршак 1946, с. 29].

Таким образом сирота-героиня, пройдя испытание, доказывает свою посвященность и оказывается достойной получить в дар искомую помощь духов. Напомним, что в фольклорных текстах сирота призывает на помощь силы Природы, дабы те определили ее предназначение. В базовом чешском варианте падчерица трижды возвращается по велению мачехи: за фиалками, за ягодами и за яблоками. Маршак ограничивается одним эпизодом, как бы подчеркивая трансгрессивность, запретный и беспрецедентный характер полученного дара. Духи-дарители соглашаются помочь прошедшей испытание героине, ибо та просит:

а) не по своей воле;

б) полученное в лесу знание признается тайным, неразглашаемым;

в) желание загадывается в момент смены года, когда чудеса становятся возможными, — то есть вводятся святочные обрядовые мотивы.

Из всего вышесказанного становится ясен и основной мотив пьесы-сказки «Двенадцать месяцев», которая повествует о целесообразности, закономерности временного порядка. О чем нам рассказывает народная сказка? О том, чего делать нельзя, о знании сакральном и о закономерности бытия. Сказка, выбранная Маршаком, говорит о том, что нельзя вмешиваться в ход времени. Но здесь вскрывается и другая, заветная идея писателя об анахроничной природе сказки:

Сказка помнит прошлое, но живет не в прошлом, а в настоящем — с нами, живыми. <...> Сказочным образам Ольховому, Сосновому и Мусаилу-Лесу приданы живые черты, а их речам — естественные интонации. В сущности, такими видел эти мифические существа, олицетворяющие природу, создатель мифов и сказок — народ [Маршак 1971в, с. 34–38].

Таким образом, актуализируется опять-таки не форма, и даже не содержание народной сказки, а сама суть ее, то знание о мире, которое несет в себе коллективное архетипическое сознание. Именно его и собирается «реабилитировать» Маршак, говоря о необходимости переработки фольклорно-сказочного материала.

Вернемся теперь к другому важному структурному изменению базового варианта сказки. У Боженовой Декабрь, дав Падчерице согласие на смену сезонов, уступает место непосредственно Марту-месяцу, тогда как в пьесе Маршака последовательность месяцев неуклонно соблюдается (причем в обоих эпизодах). Месяцы Декабрь, Январь, Февраль, Март и Апрель один за другим стучат посохом оземь, как бы ускоряя, перематывая время, а вовсе не нарушая его неумолимый, сакральный порядок.

Я н в а р ь. Ты к нам по самой короткой дорожке пришла, а другие идут по длинной дороге — *день за днем, час за часом, минута за минутой*. Так оно и полагается. Ты этой короткой дорожки никому не отрывай, никому не указывай. Дорога эта *заповедная*.

П а д ч е р и ц а. *Умру, а не укажу!* (Курсив автора. — К. С.)

[Маршак 1946, с. 34]

Как было указано выше, Маршак считает, что сказка должна включать в себя обязательную мораль без «назойливой назидательности»: тот самый урок добрым молодцам, ибо «сказка — вымысел, и все же она учит правде. Правде и справедливости» [Маршак 1971в, с. 27–28]. Поэтому любой хронологический разрыв трактуется как нарушение равновесия, преступление заветного предела. Допущение становится возможно лишь в один определенный момент перемены года (когда время приходит к нулю, то есть *аннулируется*), и Падчерице придется заплатить за него должную плату. Этот нулевой момент в свою очередь вписывается в невремяе сказки, в святочный *хронотоп* заколдованного леса, пробел в бытии:

Только окончится один месяц, сразу же начинается другой. И *ни разу еще не бывало*, чтобы февраль наступил раньше, чем уйдет январь, а май обогнал бы апрель. Месяцы идут один за другим и *никогда не встречаются* [Маршак 1946, с. 17].

О том, что сказка в переложении Маршака — это сказка о времени, свидетельствуют и те календарные изменения, которые автор вносит в текст. Мы уже указывали на уточнение Маршаком времени действия пьесы — канун Нового года, время святочного волшебства. Далее Маршак заменяет Март Апрелем, превращая последнего в суженого падчерицы. Эти два элемента, календарно-святочный и брачный, отсылают нас к прелюбопытному персонажу — Королеве, — которую Маршак счел нужным ввести в сказку как некий связующий элемент. Посмотрим, кого, как и с кем он связывает.

Как мы уже сказали, Королева, как и падчерица, имеет статус сироты, то есть персонажи оказываются структурно связаны тематической тождественностью, но разделены социально, иерархически. Как указывает на то принадлежность персонажей к полю сиротства, обе девушки получают статус «нерожденных» или «перворожденных». В иерархии общества статус Королевы является самым высоким, тогда как статус падчерицы — самым низким. Персонаж Королевы помещается в центр завязки конфликта, ибо именно из-за ее каприза мачеха отправляет Падчерицу в лес за подснежниками.

Структурная позиция этого персонажа — внешнее противостояние. Именно этот персонаж дает герою невыполнимое задание. Но такой персонаж является и *подспудным* содейственным, катализатором фабульного действия: он также подвергает испытанию лжегероя. Все эти функции присутствуют в сказке Маршака: задание — подснежники, встреча с лжегероинями мачехой и ее дочерью, испытание их и разоблачение. Королева функционирует в тексте как двойник Падчерицы, и именно с ней связана традиционная брачная линия сюжета о сироте. Вероятно, полярное соотношение двух сирот заставляет Маршака вывести персонаж двойника Падчерицы вне зоны действия последней с помощью «инородного» титула: «королева». Вполне возможно, что очевидная социальная полярность двух сирот была введена Маршаком еще и с целью услужить поборникам классовой борьбы: у него социально правильная сирота Падчерица (и ее спутник, тоже выходец из народа, Солдат) противопоставляется социально неправильной сироте Королеве (и ее наставника, Профессора). Однако социальный конфликт, если он и обозначен в тексте, отнюдь не является центральным, ибо в конечном счете не высокий социальный статус делает Королеву капризной и непоследовательной (и отнюдь не злой), а опять-таки ее сиротство и нерадивость профессоров.

Читая текст Маршака, нельзя не заметить предельную условность в именах персонажей, сведенных к отведенной каждому функции (Падчерица, Мачеха, Королева, Солдат и т. д.), а также в описании в пейзажа. Пространство двух сирот — дворец (зона действия Королевы) и лес (зона действия Падчерицы) — представлены весьма схематично, предоставляя воображению читателя наполнить их смыслом. И тем не менее, лесное заснеженное пространство воспринимается как русское, то есть *свое*, тогда как дворец *королевы* как бы прочерчивает между двумя пространствами четкую границу.

Посмотрим, что же именно делает Королева в канун Нового года: она призывает весну, причем делает это опять-таки через ритуальный призыв, который произносится в тексте трижды:

Травка зеленеет,
Солнышко блестит.
Ласточка с весною
В сени к нам летит [Маршак 1946, с. 14].

Королева приказывает найти *подснежники* в лесу и принести во дворец: то есть найти сиротеня, сироту-падчерицу. Далее Королева не просто призывает весну, она призывает определенный месяц, апрель. В базовом варианте речь велась о Марте, что связывало этот анахронический поворот интриги и со славянским календарем, в котором год начинался с марта. Маршак опять прибегает к смысловому сдвигу, превращая Апреля в *младшего* сына, в первый месяц года. Каприз принцессы привязывается к определенному дню, а именно к первому апреля. Таким образом, персонаж королевы отсылает нас к апрельской смеховой традиции. Первое апреля у славян — первый день весны, день пробуждения домового, когда всем нужно было дурачиться, обманывать друг друга, чтобы сбить с толку домового. «Говорят, апрель — месяц обманчивый». В тексте Королева постоянно смеется и заставляет смеяться своих подданных, она шутит, — не всегда удачно, шутки выходят «дурацкие».

Если Падчерица связана с мотивом посвящения и сакрального времени, то Королеву Маршак связывает с карнавальная народная традицией, с маргинальной культурой освобождающего, трансгрессивного смеха, позволяющего на один день в году освободиться от обыденной жизни, сбросить с себя обычную личину и позволить себе маргинальное, *дурацкое, перевернутое* поведение. Таким образом, святочные мотивы оказываются смешаны со смеховыми, апрельскими.

Оказавшись в лесу, посреди зимних сугробов, Королева вполне резонно заявляет Профессору (двойнику Старого солдата, то есть заместителю отца): «А вы чего всякого *дурацкого* указа слушаетесь?» (Курсив автора. — К. С.) [Маршак 1946, с. 72] Впрочем, на замечание Января, указывающего на непоследовательность каприза Королевы, на его анахроничность, Королева повторяет лейтмотив сказки («не время — в не-время») и вновь указывая на провал в сказку: «Я и сама вижу, что мы не во-время приехали сюда!» [Маршак 1946, с. 74]

В структуре сказки Маршака Королева выступает как персонаж неблагоприятный герою, которого она должна отослать с трудной задачей, чтобы найти царевну и жениться на ней. То есть это брачная, связующая функция. Главная задача архаического общества по отношению к сироте — это выдать ее замуж, то есть вернуть ее в род. С этим связана в фольклоре и тема приданого, которое сироте обычно дарят духи родителей, принявшие фантастический образ Природы. Волшебные дары, которые получает сирота — это и есть приданое. У Маршака каждый месяц «одаривает» девушку своим покровительством, а Апрель, являющийся здесь и дарителем, и нареченным, дарит своей невесте золотое колечко — волшебный амулет и обручальное кольцо.

Январь. А пока вот тебе этот сундук. Не с пустыми же руками возвращаться тебе домой от братьев-месяцев.

Падчерица поднимает крышку и перебирает подарки. В сундуке — шубы, платья, вышитые серебром, серебряные башмачки и еще целый ворох ярких, пышных нарядов [Маршак 1946, с. 77].

В пьесе-сказке именно благодаря королеве, призвавшей весну в канун Нового года, сирота-подснежник «расцветает» и обретает нареченного: «Под праздник новогодний/Издали мы приказ:/ Пускай цветут сегодня/Подснежники у нас!» [Маршак 1946, с. 19]. Поведение Королевы на первый взгляд противопоставляется поведению Падчерицы, ибо имеет целью «издать новый закон природы» [Маршак 1946, с. 18], то есть нарушить ход времени. Тем не менее во второй части пьесы поступки Королевы обретают иное толкование.

Очутившись в волшебном лесу, Королева, до этого не проявлявшая враждебности по отношению к Падчерице, вдруг делает намеренно «злой» жест: она бросает кольцо Апреля в прорубь. Ритуально пассивное поведение Падчерицы, связанной таинством,

не позволяет той призвать суженого, и тогда королева, персонаж-катализатор, вновь призывает Апрель:

К о р о л е в а. Прощайся же со своим колечком и с жизнью заодно!
Хватайте ее!.. (*С размаху бросает колечко в воду*)

П а д ч е р и ц а. (*рванувшись вперед — к проруби*)

Ты катись, катись, колечко,

На весеннее крылечко,

В летние сени,

В теремок осенний

Да по зимнему ковру

К новогоднему костру! (*Курсив автора. — К. С.*)

[Маршак 1946, с. 67]

Время восстанавливает свой ход посредством устранения сироты, Падчерицы, которая сливается со своим двойником⁶. Королева превращается в маленькую девочку-сироту, ищущую совета и защиты у Старого Солдата (заместителя отца), а Падчерица облачается в царские одежды. Солдат, в третий раз⁷ встречающий Падчерицу в заколдованном лесу, завершает ритуальное посвящение и «узнает», то есть нарекает, ее: «Добрый вечер, сударыня! Вот и опять довелось нам свидеться — *в третий раз*. Только теперь вас и *не узнаешь*. Чисто королева!» (*Курсив автора. — К. С.*) [Маршак 1946, с. 80] Падчерица проходит обряд инициации и получает свое обещанное вознаграждение. Она вновь оказывается на заповедной поляне у костра двенадцати месяцев, чтобы получить последний, *третий*, дар и заплатить положенную цену:

П а д ч е р и ц а. Ничего, я люблю, когда огонь жарко горит!

Я н в а р ь. Это-то мы знаем. *Потому и пустили тебя к нашему костру.*

П а д ч е р и ц а. Спасибо вам. *Два раза* вы меня от смерти спасли.

А мне вам и в глаза-то посмотреть совестно... Потеряла я ваш подарок.

А п р е л ь. Потеряла? А ну-ка, угадай, что у меня в руке!

(*Курсив автора. — К. С.*) [Маршак 1946, с. 77]

Сирота и суженая перворожденного месяца Апреля, Падчерица становится хранительницей тайного знания и жрицей календарного времени. «И был у нее, рассказывают, около дома сад — да такой чудесный, какого и свет не видывал. Раньше, чем у всех, расцветали в этом саду цветы, поспевали ягоды, наливались яблоки и груши. В жару было там прохладно, в метель тихо. — У этой хозяйки все двенадцать месяцев разом гостят! — говорили люди. Кто знает — может, так оно и было».

«Двенадцать месяцев», иллюстрация
В. Лебедева, 1952

Интересно, что после написания пьесы Маршак почувствовал себя вынужденным «нейтрализовать» волшебную сторону своей сказки, что напрямую противоречило его собственной принципиальной позиции, неоднократно высказываемой в статьях и письмах: писать сказки, «не пытаюсь мелко расшифровывать богатый смысл, доверяя качеству материала и уважая читателя» [Маршак 1971б, с. 300]. Тем не менее в комментариях к пьесе Маршаку пришлось «расшифровывать» поистине богатый смысл своей сказки в угоду партийному риторическому дискурсу.

Я долго думал над финалом. Нельзя же было оставить падчерицу в царстве месяцев и выдать ее замуж за Апреля-месяца. Я решил ее вернуть домой — из сказки в реальную жизнь <...> я всячески заботился о том, чтобы в характере каждого месяца была какая-то реальная основа. Они говорят друг с другом о своих делах так, как могли бы говорить люди, ответственные за крупные хозяйства («У тебя крепко лед стал?» — «Не мешает еще подморозить...») [Примечания, с. 588].

Языческие персонажи-месяцы, «ответственные за крупное хозяйство», — это уже явная уступка бывшего редактора детских журналов и опального детского писателя номенклатурной критике 1960-х гг. Ведь идея «вывернуть» сказку в реальную жизнь прямо противоположна сказочной поэтике, которая подразумевает как раз обратное: «заворачивает» реальность в сказку, что прекрасно осознавал сам автор. «Кто знает, может, так оно и было» — это традиционная концовка, обязательный намек на сказочную *правдивость*, на урок добрым молодцам.

О том, что Маршак осознавал всю беспочвенность и необосновательность попыток превратить свою яркую, самобытную и по-настоящему народную сказку в манифест социалистического реализма, свидетельствует уже тот факт, что все значительные правки, которые автор вносит в первоначальный вариант пьесы в издании 1962 г., не дают никаких оснований для подобной реалистической

трактовки. Как мы уже замечали раньше, пейзаж и внешний облик персонажей сказки вырисованы с максимальной условностью. Несмотря на то, что Маршак пишет пьесу во время войны, «в самые грозные ее дни» [Примечания, с. 587], его Солдат никак не привязан к реалиям военного времени. В знаменитой мультипликационной обработке Иванова-Вано 1956 г. Солдат носит форму русского солдата кутузовских времен, как, впрочем, и в фильме Анатолия Граника 1972 г., — что само по себе свидетельствует о явном сопротивлении сказки излишней реалистичности и еще в большей степени — привязанности к определенному историческому контексту.

Маршак в конечном счете остановится на драматургическом жанре сказки-пьесы, в которой авторское присутствие, характерное для литературной сказки, наименее очевидно. Конечно, за персонажем Солдата угадывается и философия автора, которую писатель может ненавязчиво предложить юным читателям. Однако авторская позиция здесь опять-таки сливается с общим «фоном» народной мудрости.

В своей статье «Театр для детей» Маршак прямо заявляет: «Характер постановок в театре для детей должен определяться одним принципом: поменьше связывать фантазию зрителя реалистическими подробностями» [Маршак 1971г, с. 187]. Все вышесказанное заставляет нас задуматься над целесообразностью исследовательского подхода к вопросу о советской литературной сказке, который бы основывался на полемике вокруг «новизны» или «старости» русского фольклора. Публицистический дискурс

«Двенадцать месяцев», кадр из мультфильма, Иванов-Вано, 1956

«Двенадцать месяцев», иллюстрация Л. Зусмана, 1967

Маршака, посвященный детской литературе, был продиктован прежде всего номенклатурной реальностью и, в частности, актуальной для 1920–1930-х гг. необходимостью реабилитации народного эпоса. Однако универсальный характер сказок Маршака, как и многих других советских авторов, таких как Е. Шварц, А. Платонов, Т. Габбе, заключается в их уникальной поэтике, сопрягающей неисчерпаемое богатство русского фольклора и игру воображения с безошибочным чувством действительности — залогом их актуальности.

Примечания

¹ «В те дни <речь идет о круге Маршака в середине 1920-х гг.> главной похвалой было: “Как народно!”» [Шварц]. Цит. по: [Кулешов 2012].

² «Двенадцать месяцев» — Впервые с подзаголовком «Славянская сказка». Пьеса в 3-х действиях и 6-ти картинах с прологом и эпилогом» на стеклографе Управлением по охране авторских прав, 1943, 40 с. (В 1943 г. в Детгизе вышла в свет сказка в прозе «Двенадцать месяцев» с подзаголовком «Славянская сказка», написанная на ту же тему). В том же году опубликовано отдельное книжное издание с подзаголовком «Славянская сказка. Пьеса в 4-х действиях» в изд-ве «Искусство», 67 с. Печатались также с подзаголовками «Пьеса-сказка» и «Драматическая сказка».

«Пьесу “Двенадцать месяцев”, — рассказывает Маршак в статье “Сказка на сцене”, — я написал во время войны — в самые грозные ее дни. Загруженный ежедневной спешной работой в газете, над листовкой и плакатом, я с трудом находил редкие часы для того, чтобы картину за картиной, действие за действием сочинять сказку для театра...» 23 декабря 1942 г. в письме к родным он сообщает: «Готов пролог и один акт». А через месяц пишет сыну, И. С. Маршаку: «Работаю... над большой сказочной пьесой “Двенадцать месяцев”. Две трети пьесы написано уже». 19 февраля 1943 г. в письме к семье есть такие строки: «Работаю по-прежнему много. Пьеса вчерне готова, — кажется, удалась, но, должно быть, потребуются еще переделки, исправления, дополнения». А из письма 8 июня 1943 г. узнаем: «14-го — 15-го буду читать пьесу труппе» (имеется в виду труппа Московского Академического Художественного театра). 18 июня 1943 г. он вновь сообщает семье: «Пьесу сегодня... читаю труппе МХАТ... всего только два дня тому назад режиссером моей пьесы был назначен Станицын, ставивший “Пиквика” и “Пушкина”... Был у меня позавчера вместе с худ. Вильямсом, которому поручены декорации и костюмы... Музыка будет писать Шостакович. Интересно, как встретит пьесу труппа» [Примечания, с. 588].

³ Сказка “O dvanácti měsíčkách” была записана известной чешской писательницей Божейой Немцовой и напечатана в 1863 г. в литературном сборнике «Северная пчела» под названием “Lada Nióla” [Русские писатели. Библиографический словарь / Под редакцией П. А. Николаева. М.: Просвещение, 1990. Том 1.

⁴ «Когда я писал сказку «12 месяцев» в прозе, еще не знал сказки Немцовой, а только задолго до того слышал чешскую или богемскую легенду о двенадцати месяцах в чьей-то устной передаче. Только впоследствии мне стало известно о существовании сказки Немцовой. Еще дальше отошел я от богемской (или чешской) легенды в пьесе “Двенадцать месяцев”» [Примечания, с. 588].

⁵ Ложь — сильнейший магический прием, используемый во множестве ритуалов и обрядов; С. М. Толстая пишет: «В народной культуре ритуальный обман

(как вербальный, так и акциональный) часто служит магическим приемом для защиты от нечистой силы, болезней и других опасностей» [Толстая 1995, с. 109].

⁶Зеркальное построение системы персонажей подчеркивалось самим Маршаком, который в письме к С. Б. Рассадину (1963) писал: «Основное заключается в том, что в дремучем лесу после разгугла стихий королевой оказывается скорей падчерица, чем сама королева, учителем — солдат с его житейским опытом, а не профессор, наделенный книжной премудростью...» [Примечания, с. 588].

⁷Присутствие в тексте повторяющейся цифры 3 также указывает на ритуальный характер поведения центральных персонажей: Королева трижды призывает весну, Солдат трижды встречает Падчерицу, Месяцы трижды помогают героине и т. д.

Источники

Маршак С. Я. О большой литературе для маленьких // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература, 1971а. Т. 6. С. 195–243.

Маршак С. Я. О наследстве и наследственности в детской литературе // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература, 1971б. Т. 7. С. 279–311.

Маршак С. Я. О сказках // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература, 1971 в. Т. 7. С. 7–42.

Маршак С. Я. Примечания // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература, 1968. Т. 2. С. 587.

Маршак С. Я. Театр для детей // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература, 1971 г. Т. 6. С. 183–188.

Маршак С. Я. Двенадцать месяцев (драматическая сказка) // Собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература, 1968. Т. 2. С. 307–376.

Маршак С. Я. Двенадцать месяцев: пьеса-сказка. Л.: Государственное издательство Детской литературы Наркомпроса РСФСР, 1946. 86 с.

Исследования

Кулешов Е. В. Самуил Маршак (1887–1964): Биография. Маршак в литературной полемике 1920–1930-х гг. // Детские чтения. 2012, № 2. С. 76–86.

Маслинская С. Г. Нужен ли детский писатель? (К истории становления советской детской литературы) // Детские чтения. 2014, № 2 (6). С. 381–398.

Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.; СПб: Академия исследований культуры, Традиция. 2005.

Сухоруков Е. А. Соотношение понятий «Фольклорная — литературная — авторская сказка» // Вестник московского государственного лингвистического университета. М., 2014. С. 144–151.

Толстая С. М. Магия обмана и чуда в народной культуре // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М., 1995. С. 109.

Трофимов А. А. Сирота в языке, верованиях и обрядах. 1999. URL <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/TROFIM1.htm> (дата обращения: 05.06.2017).

«Дневник Кости Рябцева»: три измерения АРХИВ ДЧ

ТРИ ИЗМЕРЕНИЯ: НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТОВ ИЗ АРХИВА Н. ОГНЕВА

Рубрика «Архив ДЧ» этого номера также посвящена Н. Огневу и его повести. Мы искали документы, которые помогли бы разносторонне показать контекст создания и бытования «Дневника Кости Рябцева». И остановились на трех: статье педагога экспериментальной школы (1922); стенгазетах, созданных учениками этой школы (1923); записях Н. Огнева о своей творческой работе (1935). Таким образом удалось создать своего рода треугольник, продемонстрировать «три измерения», взаимодействующие в любой школьной повести: педагогическая система, ребенок и собственно писатель.

Статья Е. Кирпичниковой (директора школы-колонии «Искра», в которой некоторое время преподавал Н. Огнев) позволяет взглянуть на «грандиозные и перманентные» педагогические эксперименты в советской школе 1920-х глазами педагога-практика, их реального организатора. В статье подробно описан механизм внедрения системы самоуправления: формы, которые эта система принимала при изобретении учениками («снизу»), и их последующая эволюция при участии педагогов.

Ученическая пресса показывает нам ту же школу, но немного с другой стороны. В стенных газетах находится место и актуальной политике, и критике бюрократизма школьной системы, и школьному фольклору, и просто шуткам. Повседневная школьная жизнь предстает в этих листках своего рода игрой, состоящей из мелких, но наполненных смыслом происшествий. Стенные газеты сохранились в личном архиве Н. Огнева (РГАЛИ). Писатель сберег их не случайно — некоторые заметки и истории он использовал в своей повести.

Последний текст в подборке написан в 1935 г., от первых двух документов его отделяет более десяти лет. Н. Огнев размышляет о своей творческой судьбе и текущей работе. Считая своими главными произведениями школьную повесть и повесть о студенчестве («Исход Никпетожа»), он утверждает, что именно молодежь —

его основная тема. Как «правильный» советский писатель, он «собирает материал» для новых книг (то есть исследует новые молодежные коллективы — красноармейцев, метростроевцев). Тем не менее, попытки превратить наблюдения в литературный текст «терпят крушения». Как и предписывает советская система, Огнев ищет корни своей неудачи не вовне, а внутри — в себе самом. Представленные в «Архиве ДЧ» «высказывания о творческой работе» — попытка писателя, не сумевшего стать соцреалистом в нужном советской власти смысле, объяснить себе и окружающим, как подобное могло произойти.

Источники

Кирпичникова Е. История одного самоуправления в загородной школе II-ой ступени // Вестник просвещения. 1922. № 8. С. 73–97.

РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Ед. хр. 215. «Антенна» и «Вестник» — стенные газеты школы-колонии «Искра» и другие материалы «Искрь».

РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 112. Высказывания Н. Огнева о своей творческой работе над романами «Костя Рябцев», «Три измерения», «Великая кривая» и др. Машинопись с авторской правкой и без правки. 1935 г.

I

Е. Кирпичникова

История одного самоуправления в загородной школе II-ой ступени

Как школа, наша «Искра № 3» существует с сентября 1919 г.; до этого она существовала целое лето, как колония, приглашенная помогать в сельско-хозяйственных работах латышской коммуне в имении Покровское-Рубцово, близ Никоновского монастыря (Новый Иерусалим).

Состав учащихся (в возрасте от 13 до 16 лет) был довольно трудным для создания единого коллектива, так как заключал в себе несколько плотно организованных и поэтому замкнутых групп, к которым отчасти приставали, а отчасти, не вливаясь в их, вели одинокое существование дети, которых МОНО присылало поодиночке. Группы были такие: 9 школа (б. Полянское женское городское училище повышенного типа), «институтки» (из Николаевского сиротского отделения), «кадеты» (дети, присланные из корпуса, но принятые туда уже после революции — элемент демократический). Кроме «институток» и некоторых детей из семей школьных работников уезда и Москвы, все остальные группы

представляли элемент весьма трудный для общественного воспитания — дети более или менее обнищавшего мещанства (напр., было много детей из Бахрушинского вдовьего дома). Настроение учащихся было почти сплошь контрреволюционным, и обращение «товарищи» вызывало бурю негодования. Кроме того, все эти подростки, пережившие двухлетнюю школьную разруху (в 1917–1918 гг. забастовка городских учителей, а в 1918–1919 гг. разрушительная школьная реформа), не только перезабыли то, что знали раньше, и отвыкли учиться, но очень огрубели, расхлябались и увлеклись духом «танцулек». Итак, материал для создания самоуправляющейся школьной общины был взят неблагоприятный, и успех, которого нам удалось достичь, указывает на одно — на жизненность самой идеи школьного самоуправления.

В первый год (1919–1920) нам не везло с приглашением школьных работников: на лицо было в течение зимы лишь 3 живущих школьных работника и один приходящий (но приходил он столь неаккуратно, что пришлось с ним расстаться) на 3 группы II ступени. Прежде, чем реорганизовать летнюю колонию в постоянную школу, был проведен ряд собраний всего коллектива для выяснения характера будущей школы. Большинство высказалось за школу «требовательности», т. е. за такую, которая, раз наметив свои задания, идет по своему пути, не делая уступок и не мирясь с нарушением правил, выработанных на школьных советах и на общих собраниях. Те, кому школа «требовательности» не показалась подходящей, покинули колонию (таких оказалось двое или трое из 23 летних колонистов). Школьные занятия начались с выяснения вопроса о хорошей школе. «Какую бы я устроил школу, если бы мне были даны все материальные возможности создать самую лучшую школу» — вот тема первого сочинения. Эти сочинения разбирались всем коллективом сообща, при чем горячо спорили по вопросам об обязательности или факультативности программы, о плюсах и минусах совместного воспитания, о наказаниях и пр.¹ Затронут был и вопрос о самоуправлении. Мы, воспитатели, воздерживались от предложения тех или иных школьных конституций, будучи убеждены, что формы самоуправления должны органически расти и развиваться вместе с самой школой. Но нашелся один мальчик, который предложил основать «дискон», т. е. дисциплинированный комитет учащихся, основываясь на опыте школы, где этот мальчик раньше учился. Предложение приняли, не вдаваясь в детальное обсуждение прав и обязанностей дискама.

Роль этого органа свелась к наблюдению за порядком в спальнях, при чем авторитетом диском не пользовался, а страданий претерпевал много, так как все-таки считался ответственным за беспорядок, шум и т. п. нарушения правил общежития. Более жизненными оказались хозяйственная комиссия, работавшая в кладовой и принимавшая участие в совещаниях хозяйственников, и клубная комиссия. Инертность учащихся делала работу клубной комиссии такой тягостной, что состав ее беспрестанно менялся, и клубная работа оживлялась на время лишь при вступлении в должность свежесобранной комиссии. Общие собрания проходили очень вяло. Оживление антиобщественного характера вносилось только разбором ссор между «полянками» и 9 школой, между кадетами и институтками. Мальчики как-то скорее организовались: старшие мальчики взяли на себя роль руководителей, а младшие признали это руководство не только в таких вопросах, как запрещение курить, необходимость, как следует, умываться, но вообще стали равняться по старшим, особенно в области закаливания, гимнастики, спорта. Ссоры девочек продолжались. Наконец, общее собрание, доведенное до отчаяния постоянными тяжбами из-за помех, творимых друг другу разными кланами, постановило переселить всех девочек так, чтобы в каждой спальне были девочки из разных кланов. Конечно, такое решение прошло только благодаря единению всех мальчиков, настаивавших на том, что надо разрубить гордые узел. Слезы, отчаяние... Но через 2 недели новые сожительницы уже сошлись друг с другом, и родовой быт в истории «Искры» отошел в область предания. С лета 1920 г. начались опять попытки отдельных лиц оживить на ладан дышащее самоуправление. Ввели должность старшин по работе, которые обычно давались не по часам, а как коллективный урок. Поручили дискомам, сообщая с внутренней хозяйственницей, распределять дежурства и домашние работы. Общие собрания стали гораздо дельнее; все как-то заинтересовалось организацией самой школы и возможностью внести в первоначальную схему разные улучшения. В этом активном настроении «Искра», в качестве странствующей труппы, поехала в экскурсию, чтобы дать спектакль («Сон в Иванову ночь») для других колоний. В той колонии, куда искровичи были приглашены, происходило нечто вроде борьбы между учащимися и школьными работниками, и это революционное настроение, а, главное, самостоятельность учкома, который всячески старался подчеркнуть, что хозяин школы он, а не школьные работники, увлекло наших старших мальчиков.

Не прошло и недели по возвращении из этой экскурсии, как наши учащиеся устроили свое собрание, без школьных работников, а затем второе собрание всего коллектива, где предложили школьным работникам принять выработанную кружком учащихся конституцию. Суть ее из немногих параграфов заключалась в том, что учреждается учком, который вместе со школьными работниками берет на себя поддержание порядка в школе. Учащиеся смотрели на нас с любопытством, ожидая отпора: побывав в гостях, они решили, что школьные работники будут цепляться за «власть» и отдадут часть ее лишь после упорного сопротивления. Чтобы не разочаровать их, мы скрыли наше удовольствие и, приняв конституцию в общем, высказались против товарищеского суда, учреждавшегося для поддержания дисциплины. Пришлось посвятить несколько общих собраний выяснению самой идеи товарищеского суда; когда все поняли, как серьезно это учреждение, то согласились отложить его введение. К этому времени политическое воспитание «Искры» настолько продвинулось вперед, что не только вся школа, разросшаяся до 75 человек, прослушала курс советской конституции, но заинтересовалась историей коммунизма и вообще беседами на политические темы, которые велись и своими силами и специально приглашавшимися лекторами. Интерес к государственному строительству усиливал желание усовершенствовать строй своей юношеской республики и, наоборот, знакомство с историей культуры, с развитием гражданственности в античных республиках, с борьбой политических партий тоже приобретал особый интерес, когда эти явления можно было сравнивать с жизнью своего микрокосма. В «Искре» есть своя Спарта, Фермопильское ущелье, счастливая Аркадия, комната софистов и т. д. Вместо прежних кланов явились партии, из которых в истории «Искры» особенно крупную роль играл так называемый «Олимп». «Олимпийцы» были сильны убеждением, что прогресс школьной общины зависит от водворения строгой дисциплины силами самих учащихся. В состав «Олимпа» входили самые старшие учащиеся, исключительно мальчики. Девочки и младшие мальчики долгое время подчинялись «Олимпу», опасаясь, что его отказ от власти будет крушением всей школы, так как «Олимп» пользовался громадным авторитетом. Но дух критики не был истреблен (об этом свидетельствует сама ядовитая кличка «Олимп»), и мало по малу оппозиция, подчеркивая промахи «Олимпа», стала не без успеха выступать на собраниях. Какими средствами могут выборные должностные

лица поддерживать необходимую для школы дисциплину? За уроками ее поддерживают школьные работники, имеющие от школьного совета полномочия, в крайнем случае, того, кто не желает заниматься, послать в распоряжение хозяйственного аппарата, так как учить насильно нельзя, а тунеядцев в колонии быть не может. Учкомы сильных составов пробовали разные меры: вызовы в собрание учкомов, порицание на общественном собрании, вынесение дела на школьный совет и, как последняя мера, исключение из самоуправления и передачу «под шкрабов». Но самым действительным средством все-таки оказывалась запись в штрафной журнал на какую-нибудь мало популярную работу (воскресные дежурства, экстренную носку воды, отчистку какого-либо грязного угла и т. п.) При этой записи дело велось не всегда беспристрастно, и многих учкомов на общем собрании обвиняли в склонности «держать лавочку», т. е. мирволить своим друзьям и быть нарочито строгими к недругам. Средством борьбы с этим злом была полная свобода слова в собраниях: самый влиятельный олимпиец знал, что любой гражданин, как бы мал он ни был, свободно коснется на общем собрании любого щекотливого вопроса или немедленно, после совершенной несправедливости, или в конце месяца, когда уходящий в отставку учком будет отчитываться перед общим собранием в своей работе за истекший срок. Поэтому, надо сказать к чести «Икры», что, хотя обвинения в поблажках и придириках возникали часто, но почти всегда оказывались неосновательными.

1920–1921 г. ознаменовался двумя мятежами. Мятежниками оба раза, как это ни странно, были школьные работники. В первый раз школьные работники сочли себя обиженными тем, что их отстранили от тех событий, которые должны были разбирать поступки учащихся. Основательно обсудив положение дел в педагогической комиссии, 12 декабря 1920 г. школьные работники выступили с декларацией, в которой определенно размежевывались сферы воздействия школьных работников и самоуправления. Себе школьные работники оставили учебу и здоровье, а все остальное сдали самоуправляющейся общине. С каким энтузиазмом искровичи решили постоять за себя и доказать, что они сами могут держать себя в руках. Все внешние знаки власти (звонок, разрешение вставать из-за стола, осмотр рук и лица по утрам и т. д.) перешли от дежурного школьного работника к дежурному учкому. Дежурный школьный работник остался в роли советника в трудных случаях и внимательного наблюдателя всего дня, события которого он отмечал в своем дневнике. Учкомы

приглашались в собрания школьных работников, если надо было обратить их внимание на какие-нибудь ненормальности школьной жизни и посоветоваться сообща относительно их устранения. Теперь школу по утрам будит дежурный учком; он же, вместе с товарищем по дежурству, наблюдает за умыванием, за приготовлениями к чаю; делает смотр по рукам и физиономиям всех учащихся перед чаем и блюдет порядок в столовой. И весь день учкомы начеку: к ним обращаются за разрешениями, к ним идут с жалобами. Их передышка во время «физички». На эти часы школа передается в ведение дискомов, которые еще за обедом сообщили каждому гражданину, какую работу он будет нынче исполнять: мытье полов, топка печей, колка и носка дров, мелкая стирка, починка белья, сшивание библиотечных книг, работа в канцелярии и т. д. Дискомы следят за исполнением этих разнообразных работ, которые занимают у всей школы не менее 1½–2 часов. От «физички» освобождаются лишь дежурные учкомы и дежурные по кухне и столовой. За плохо исполненную работу дискомы тоже записывают в штрафной журнал. После «физички» идут самостоятельные занятия (2 часа). С младшими группами, работающими в столовой, сидит дежурный школьный работник; за поведение старших отвечает учком, который может особенно бурно настроенных граждан послать заниматься в столовую.

Самый трудный практический вопрос этой конституции был вопрос о взаимоотношениях дежурных учкомов и дежурного школьного работника. Школьный работник не мог быть лишь пассивным наблюдателем, так как он отвечает за здоровье и за ученье школы; если то или другое подвергается опасности, школьный работник берет бразды правления в руки и распоряжается единолично или по совещанию с товарищами. Разграничить тесно переплетающиеся области внешнего порядка, физического труда, ученья и пр. — дело очень трудное и щекотливое. Только долговременная практика могла научить учкомов работать совместно со школьными работниками и чувствовать облегчение от того, что их громадная ответственность за порядок в школе разделяется со старшим товарищем. Но в первый год активного учкомства у учащихся был на первом месте страх за «власть». Действительно ли им эта «власть» предоставлена? Не покушаются ли школьные работники снова вернуть ее себе? Поэтому в педагогическую комиссию часто вносились на рассмотрение дела о распоряжениях дежурного школьного работника: законно или незаконно было такое-то его действие? На этой почве опья-

нения претензиями на власть весной 1921 г. разыгрался второй мятеж школьных работников. Несколько человек из старших мальчиков позволили себе крайне грубую выходку по адресу одного из школьных работников, которого они считали человеком очень кротким. К их негодованию, обсуждение этой выходки было вынесено на школьный совет, который разъяснил все безобразие и недопустимость таких «шутков» в уважающей себя общине. Тем не менее, виновники «шутки» остались при своем убеждении, что раз у них серьезных намерений оскорбить человека не было, то виноват оскорбившийся их выходкой человек, а не они. Трудность положения усугублялась тем, что шутниками были «олимпийцы», и пример, ими поданный, мог принести в среде их младших товарищей обильную жатву. Школьные работники решили в такой критический момент пожертвовать на время обучением ради воспитания и заявили, что они не приступят к занятиям, пока общее собрание не даст гарантий, что ни один из граждан «Искры», будь то школьный работник или учащийся, не может безнаказанно подвергаться оскорблениям; уважение к личности каждого гражданина должно быть обеспечено конституцией. Зная, как мы дорожим каждым часом занятий для наших отсталых в науках учеников, искровичи и помыслить не могли, что после весенних каникул занятия не начнутся своевременно. Однако, это случилось. Ссылаясь на положение: «кто не работает, да не ест», школьный совет постановил, что часы, посвящавшиеся на занятия, пойдут на физический труд. Время было для работы подходящее: надо было готовиться к посеву картошки. И вот больше недели искровичи трудились по 6 часов в день, перебирая картошку, помогая при пахоте и работая в доме, а науки отдыхали. Несколько раз делались попытки пойти на мировую, путем частных объяснений; но школьные работники решили, что такая тяжелая жертва, как нарушение школьной жизни, будет принесена не даром, и требовали принципиального выяснения вопроса на общем собрании. Наконец, собрание было назначено и, не касаясь случая, вызвавшего забастовку школьных работников, постановило, что всякое проявление грубости и неуважения к личности должно караться самым строгим образом. Был создан особый орган «Комобс» (комитет общественного спасения), который собирался в любой день и час по требованию дежурных учкомов или дежурного школьного работника, или группы граждан для рассмотрения дел о нарушении дисциплины и проявлениях грубости. «Комобсу»

были даны большие полномочия, но решения его могли пересматриваться на школьном совете, если кто-нибудь не был удовлетворен ими. Собирался «Комобс» под председательством дежурного школьного работника, а в состав его входили все школьные работники, бывшие в школе на лицо в данный момент, председатель учкома и по одному представителю от каждой из 4 групп. Этот орган пользовался с самого начала большим почтением в глазах всей школы. Никто не тревожил «Комобс» по пустякам; его не тревожили также и в тех случаях, когда вина была очевидна: «лучше я сам наложу на себя серьезный штраф, но не надо «Комобса». И лишь в тех случаях, когда обе стороны (и предъявлявшая требование, и отказывавшаяся его исполнить) были убеждены, что они правы, собирался «Комобс». Идея «Комобса» заставила искровичей критически отнестись к вопросам о тех основах, на которых покоится всякая благоустроенная община; а вся весенняя история окончательно подорвала авторитет Олимпа, который для спасения своего самолюбия мог рисковать благом всей школы. С этого момента началось идейное раскрепощение девочек и младших мальчиков. Сконфуженный Олимп не заявлял более претензий на «власть», а, пережив увлечение гражданским строительством и пылкой партийной борьбой, увлекся науками (в частности, математикой и естествоведением), готовясь к поступлению через год в высшие учебные заведения. Поэтому олимпийцы не противились новому лозунгу, выдвинутому летом 1921 г.: «власть местам», т. е. развитию самоуправления в пределах каждой из четырех возрастных групп. Каждая группа должна была посылать своих представителей в учком, при чем младшие группы давали меньшее число учкомов, чем старшие. Летний режим с экскурсиями и работами, которые проводились по группам в виду разницы в физическом и умственном развитии старших, средних и младших учащихся, благоприятствовал этой новой системе. Отсутствие плотной партийной организации в среде самого учкома и наличие младших учкомов облегчило совместную работу дежурных учкомов с дежурными школьными работниками, и общественная жизнь школы протекала довольно гладко. Осенью, когда пришла пора уборки картофеля и надвинулись ответственные работы, в виде очистки собственными силами канализационных ям, постройки новых уборных, заготовки дров, — школа почувствовала потребность в спеццах, которые посвятили бы свои часы «физички» разумному руководству при исполнении этих важных для школы дел. Бывшим

олимпийцам, как самым практичным и сильным мальчикам, было вручено руководство этими работами; кстати были выбраны спецы из девочек, которым было поручено наблюдение за чистотой внутри дома, за починкой белья и т. п. Спецы устраивали свои совещания, выясняли, чья работа в настоящее время должна стоять на первом плане, и каждый день заявляли дискомам, сколько рабочих рук нужно дать в распоряжение таких-то спецов на такой-то день. Это сильно разгружало диском и обеспечивало благополучное состояние разных отраслей хозяйства. С созданием должностей спецов, конституция «Искры», очевидно, доросла до потребностей общины в данный момент ее развития, и зима 1921–1922 гг. не внесла никаких новых усовершенствований в аппарат. Работал он, конечно, не всегда ровно; бывали перебои в зависимости от переменчивого настроения общины и от личных свойств учкомов; но в общем традиция самоуправления укоренилась, и чувство ответственности заставляло быть бдительным и сдержанным всякого гражданина, выбранного в учкомы. Некоторые группы даже пытались использовать такое отношение к общественной работе для исправления своих шаловливых и буйных товарищей: «попробуешь на себе, каково быть учкомом». Но такие опыты не всегда увенчивались успехом, и группе приходилось «отзывать» учкома, если он не стоял при исполнении своих обязанностей на должной высоте. В журналах появились статьи, комментирующие всякое явление общественной жизни, но даже и авторы этих статей предлагают пока лишь мелкие поправки, а не серьезные реформы.

Старшие мальчики, оказавшие самоуправлению столько важных услуг своим пылким отношением к вопросу, пробившие кору апатии других членов общины, в марте 1922 г. дали «Искре» случай испытать прочность созданного при их содействии аппарата.

Из-за мелочи «спецы» обиделись на дежурного учкома (кстати, девочку) и потребовали, чтобы она извинилась перед ними и оштрафовала себя. Учком отказался, созвал общее собрание, и собрание признало, что учком действовал на законном основании. Тогда спецы отказались от работы, ссылаясь на то, что общее собрание, не поддержавшее их, очевидно, не доверяет им, а при таких условиях они не могут работать. Общее собрание снова пересмотрело вопрос, признало, что учком был несколько резок в выражениях, но по существу прав, и поэтому вновь отказалось оштрафовать учкома, несмотря на пламенную речь защитника спецов, перечислившего все их великие заслуги перед школой.

Вместо забастовавших спецов, выбрали дискомов со специальными задачами (помимо общих). Эти дискомы мужественно боролись с трудностями своего положения и с саботажем бывших спецов; было ясно, что в работе нет той планомерности, какая была раньше, что материально школа от этого страдает. Нет главного — и дрова тратятся слишком щедро; нет главного — и за ведра никто не отвечает и т. д. На школьный совет председатель учкома вынес вопрос, может ли кто — нибудь без законного основания отказываться от исполнения общественной должности. Председатель школьного совета сказал, что этот вопрос не подлежит обсуждению школьного совета, ибо касается самоуправления. Общее собрание голосовало за обязательное подчинение его воле; но тут же, по предложению одного из граждан, освободило учащихся 4 группы (не только мальчиков, просивших об этом, но и девочек) от несения общественных обязанностей, кроме дежурств, в последние недели их пребывания в школе. Весной текущего года были произведены выборы новых спецов. Из этого последнего испытания школа вышла с честью, хотя не без материального ущерба: прошлогодний урок об уважении к личности не прошел даром, а, главное, было доказано, что активное отношение к самоуправлению распространилось на всю школу. Со времени этих выборов формы самоуправления в школе не изменились; они окрепли и из «обычного права» превратились в закон. Комиссия по составлению конституции, приступив к работе в августе текущего года, основательно проштудировала план Конституции Р.С.Ф.С.Р. и, согласуясь с ним, выявила основные законы «Юношеской республики Искры № 3».

Основные законы нашей «Юной республики» состоят из «Декларации прав» гражданина, входящего в коллектив «Искры», и собственно «Конституции», определяющей внутренний порядок жизни школы. Вот содержание «Основных законов» коллектива «Искры».

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ

Члены коллектива «Искра» пользуются правом делать все, что не приносит вреда ни обществу, ни отдельному лицу. Они должны употреблять все усилия, чтобы годы, проводимые в школе, содействовали их умственному и общественному развитию. Каждый гражданин «Искры» старается сделать жизнь в колонии как можно приятнее проявлением внимания ко всем членам коллектива. Поэтому, грубость, издевательство, неопрятность, являются

у нас элементами недопустимыми. Для развития общественности школьный совет предоставляет учащимся право самоуправления, с тем условием, чтобы, пользуясь этим правом, они не причиняли вреда ни своему здоровью, ни умственному развитию. Школьный коллектив подчиняется всем правилам, издаваемым МОНО и УОНО.

КОНСТИТУЦИЯ

I. Школьный совет.

1. Во главе «Искры» стоит Школьный совет, состоящий из педагогов, врача, заведующей хозяйством и представителей от учащихся.

2. Школьный совет ведает следующие вопросы: а) разработку планов и программ занятий различных групп в пределах общих указаний МОНО и УОНО; б) рассмотрение смет, докладов и годовых отчетов о педагогической и административно — хозяйственной жизни учреждения; в) прием учащихся и перевод их в высшую и низшую группы; г) принятие мер к поднятию успешности учащихся; д) перевод в профессиональные школы воспитанников, не усваивающих полного курса II ступени и имеющих склонность к изучению ремесла.

II. Общее собрание.

1. Внутренний строй коллектива регулируется общим собранием и указаниями врача; он утверждается Школьным советом.

2. Членами общего собрания с правом решающего голоса являются все учащиеся и школьные работники. Гости, посещающие «Искру», могут присутствовать на собраниях с правом совещательного голоса.

Примечание: Явка учащихся на собрания обязательна.

3. Председатель учкома открывает собрание и ведет его, если члены не предлагают другого.

4. Ведению общего собрания подлежат: 1) выборы всех должностных лиц, кроме учкомов и представителей власти на местах, т. е. в спальнях и группах; 2) суждение о работе должностных лиц; 3) издание постановлений, регулирующих отдельные стороны жизни школы.

III. Учком и Дискком.

1. Главнейший исполнительный орган общего собрания — ученический комитет. Если в школе нормально работают 4 группы, то они дают 8 членов учкома.

2. Заседание учкома происходит не реже одного раза в неделю.

3. Исполнительная власть и наблюдение за порядком жизни вручены дежурным членам учкома, работающим в контакте с дежурным школьным работником.

4. Распределение физического труда и наблюдение за исполнением работ возложено на дискомов (дисциплинарную комиссию). Дискком состоит из 4 учащихся; его правильнее было бы назвать «комтруд». Ответственность за отдельные отрасли труда лежат на спецах (главремонт, главтоп, главвод, внешсанком, главэлектро и т. д.)

IV. Хозяйственная комиссия.

В работе хозяйственной комиссии принимают участие три выборных представителя от учащихся, а в работе бельевой комиссии — два.

V. Комобс.

1. Судебная власть в случае нарушения дисциплины, проявления грубости и неопрятности принадлежит комобсу, т. е. комитету общественного спасения.

2. Заседание комобса ведется под председательством дежурного школьного работника. Присутствуют: школьные работники, председатель учкома, дежурные учкомы и четыре представителя от четырех групп.

VI. Власть на местах.

1. Власть на местах: каждая группа пользуется правом представительства в учкоме.

2. Для поддержания порядка в классе выбирается старшина группы, под председательством которого ведется групповое собрание.

3. По спальням для поддержания порядка и правильного распределения дежурств выбираются старшины спален.

VII. Лозунг и эмблема.

Лозунг «Искры»: «С верой в грядущую жизнь — смело борись за свободу!»

Эмблема: искры, молот и книга.

Составлен также и «Свод законов Искры № 3», но он еще не обсуждался на общем собрании и не получил его санкции. Ответ, который дают должностные лица по окончании срока своего избрания, из двух — трех общих фраз, каким он был прежде, превратился в деловой анализ работы той или иной коллегии. Он обсуждается на очередном собрании, которое, приняв отчет, разбирает работу каждого должностного лица в отдельности. Выделяющиеся своей общественной работой лица могут быть помещены на красную доску, а халатно

относящиеся к своим обязанностям рискуют попасть на черную. На красную попадают очень редко, а на черную за 3 месяца ее существования попал один дискон, небрежно записывавший распределение дежурств и не умевший, благодаря халатности, сдать точного отчета в своей работе общему собранию. Доски эти введены по тем же соображениям, как они введены на фабриках. Вопрос, не влияют ли они на самолюбие граждан в плохую сторону, встает перед каждым педагогом. Мы не замечаем этого. Суждение о работе должностных лиц производится сознательно и с приведением фактов в пользу или в осуждение данного учкома или дискон. Общее собрание всегда останавливается на вопросе, делало ли это должностное лицо все, что было в его силах, и ровно ли работало в течение всего месяца, и от решения этого вопроса зависит возможность попасть на какую-нибудь из досок. Это отчетное собрание, которое маячит перед каждым учкомом, дискомом или спецком, заставляет их проявлять в общественной работе ту выдержку, отсутствие которой является обычным славянским недостатком; выйти с честью из этого обсуждения — вот что является горячим желанием каждого общественного работника, а доска, — красная или черная, — это лишь символ того уважения к общественному мнению, которое мы стремимся воспитать в наших гражданах путем самоуправления.

Практика самоуправления создает прочные традиции, что нам очень помогает при воспитании новичков, попадающих к нам из детских домов I ступени.

В настоящее время наше самоуправление проявляет особую активность в области кружковой работы. Из кружков выделяется ячейка комсомола, организовавшаяся летом и завербовавшая в свои ряды большинство старших учащихся (более 35 человек). Ячейка ведет политико-просветительную работу среди колонистов и сильно поднимает их интерес к общественной жизни страны. Кроме того, она сносится с общественными организациями вне стен колонии и тем вносит необходимый корректив в жизнь закрытого учреждения. Захватить в свои руки «власть» ячейка не стремится, ибо всегда несколько ее членов бывают «у власти» и чувствуют слишком хорошо всю ответственность ее. Но в области общественного мнения ячейка большой авторитет: во-первых, потому что туда вошел весь энергичный и более развитый элемент из числа учащихся старше 14 лет; во-вторых, потому что в настоящее время работа комсомола направилась как раз на фронт самовоспитания и самообразования. В связи с этим направлением

организовался у нас и кружок «юных пионеров». Из других кружков особенно активны: литературно-журнальный, два театральные, естественно-исторический, электронно-технический, политико-экономический и художественный. Трудно выбрать время для заседаний и работы в этих кружках, так как школьные занятия и подготовка к ним, а особенно практические работы по математике и физике, берут много часов. Выходим из затруднения, уменьшив «физичку» до 1½ часов, благо теперь рабочих рук у нас много (в «Искре» более 80 учащихся). Еще спасает электрическое освещение, проведенное своими силами и позволяющее использовать долгие вечера. При таких условиях органы самоуправления очень экономно тратят время коллектива на общие собрания, носящие исключительно деловой характер: их собирают для заслушивания отчетов и для выборов, для обсуждения серьезных вопросов, а не для разбора каких-либо неурядиц, как то бывало раньше. Все это говорит за то, что общественная жизнь нашего коллектива окрепла, хотя и нельзя еще сказать, что организация самоуправления школы отлилась в окончательные формы.

Примечание

¹ См. нашу статью: Загородная школа «Искра» в Бюллетенях МОНО «Трудовая школа» № 7–8, 1919 г.

II

Стенная газета «Антенна» № 12 от 9 февраля 1923 г.

Бодрость, радость к жизни и к труду

НОВЫЕ ОРУДИЯ ИСТРЕБЛЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Не так давно на морском берегу недалеко от Нью-Йорка было установлено орудие береговой обороны — пушка, которая была на триста верст вдаль.

Теперь, по сообщениям газет, изобретены еще более страшные орудия истребления людей. В той же Америке сделана электрическая пушка, стреляющая на 500–600 верст вдаль; ее снаряд весит 300 пудов. Если установить такую пушку в Петербурге, то из нее можно будет обстреливать окрестности Нового Иерусалима.

Большие усовершенствования введены в области передвижения артиллерии.

этого бесчеловечного способа ведения войны. Спешно были изобретены «противогазы», маски, не пропускающие газов. Тем не менее, в результате употребления газов масса людей сделалась калеками и ослепло навсегда.

Теперь газы признаны оружием, равноправным ружьям, пушкам, аэропланам. И теперь газы уже не душат человека, а убивают его наповал. Во Франции изобретен смертоносный газ, который, пропитав почву, ядовито испаряется в течение недели и убивает любое живое существо, вдохнувшее эти испарения. В американскую армию уже введен газ «дофениклерсин», который сводит от ума и не может быть задержен ни одной из известных в настоящее время противогазных масок.

Так английские, американские и французские капиталисты готовятся к войне.

ДВЕ МЕРТВЫХ ДЕВОЧКИ

Один московский доктор, Снигирев, — сидел в своем кабинете, когда к нему вошла девочка лет двенадцати и сказала:

— Ради бога, поезжайте по такому адресу: Селивановская улица, дом двадцать три, квартира шесть. Там нужно доктора.

— Но ведь, это страшно далеко от меня, — возразил Снигирев, — а я сильно занят, мне некогда.

— Пожалуйста, я вас очень прошу поехать, это необходимо.

— Почему вы не обратитесь к другому доктору, живущему недалеко от Селивановской?

— Нет, нужно, чтобы ехали вы.

— Странно, — сказал Снигирев и записал адрес. Девочка ушла.

Доктор позвонил, пришла горничная.

— Почему вы пропустили ко мне девочку когда нет приема, — спросил Снигирев. — Это беспорядок.

— Я никакой девочки не пропускала, — возразила горничная.

Снигирев вызвал лакея, лакей сказал тоже, что девочки не видел. Тогда доктор решил поехать по адресу, который он записал, чтобы проверить, в чем дело.

На Селивановской, в указанной квартире лежала больная одинокая женщина.

— Почему вы вызвали именно меня, — спросил доктор.

— Ох, доктор, — сказала больная. — Не то, что вас, а и никакого доктора я не вызывала, — денег нет на это.

— Зачем же в таком случае приходила ко мне ваша дочь?

— Что вы, доктор, — заплакала женщина, — моя дочка уже три дня, как умерла и лежит в соседней комнате: похоронить не на что.

Снигирев вошел в соседнюю комнату и увидел на столе ту самую девочку, что приходила к нему утром.

Эту историю с серьезным видом рассказывают друг другу москвичи.

Другая история произошла в Рурской области, в занятом французами Дюссельдорфе. Один французский капрал «нечаянно» убил выстрелом немецкую девочку. Французские власти отдали винного капрала под военный суд, а родителям девочки распорядились выплатить в вознаграждение сто тысяч немецких марок, то есть, шестьдесят миллионов рублей на наши деньги.

Предлагается подумать:

— Правдоподобна ли первая история и если неправдоподобна, то в чем именно.

— Что для нас, современников, важнее знать: описание прогулок мертвецов или стоимость человеческой жизни?

РЕПКА

Посадил Зав репку сорта «самоуправление». Выросла большая-пребольшая. Ухватился Зав за репку, тянет-потянет, вытянуть не может.

Позвал Зав на помощь Дискома. Диском за Зава, Зав за репку, тянут-потянут, вытянуть не могут.

Подумал Диском и позвал Учкома: — Учком за Дискома, Диском за Зава, Зав за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

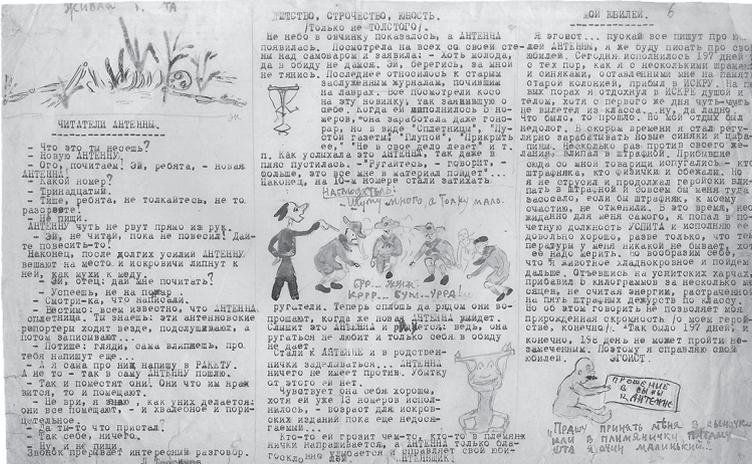
Кликнул Учком на помощь Хозкома: Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, Зав за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Позвали Санкома. Санком за Хозкома, Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, Зав за репку, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Санком позвал Комобс. Комобс за Санкома, Санком за Хозкома, Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, — тянут-потянут, вытянуть не могут. Не выдержал Комобс, заорал благим матом:

— Мил-ли-ци-о-нер!

А милиционер тут как тут, исправный. Милиционер за Комобса, Комобс за Санкома, Санком за Хозкома, Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, Зав за репку — тянут-потянут, вытянуть не могут.

«Живая газета» (дата не указана)

Миллионер позвал на помощь проект из центра (3-х месячный). Проект, за миллионера, миллионер за Комбса, Комбс за Санкома, Санком за Хозкома, Хозком за Учкома, Учком за Дискома, Диском за Зава, — тянут-потянут, вытянуть не могут.

Стоят, обливаются потом, а репка все в земле торчит.

Может, новый Учком выгащит репку?

Личность и класс на уроке

Один из утренних уроков. Только что прочтенный доклад задел всех.

— Товарищи! Литература от истории неотделима! В данном случае Борис...

— Подождите; вам дано литературное произведение; становитесь на точку зрения автора...

— Да; но у Пушкина не было марксистской точки зрения и нам нужно проверить правильность его взглядов на данную эпоху.

— А я считаю, что знатность для бояр значение имела...

— Нет, не имела!

— Тихе! Просите слова!

— То, что Борис отменил Юрьев день, доказывает, что он заботился о благе государства.

— Нет, Борис поступал так в интересах определенного класса. Это не доказательство его личных качеств.

- Да оставьте вы в стороне историю!
- А все-таки, Борис поступил так потому, что он добрый.
- Ничего подобного. Значение личности в истории...
- Тише! Я не даю больше слова!

Звонок. Урок кончился. Роль звонка в истории Искры не подлежит сомнению.

М. Хмара

Роль грубости в искре

Истерический период благополучно миновал. Нервы поправились. Можно было только радоваться. Но увы счастье продолжалось так недолго. Немедленно примчалась легкокрылая грубость, верхом на дураке, свиньей подгоняя. Вместо: Хмы-хмы, буль-буль теперь раздается: — «Эх, губа-губа, ничего ты не можешь сделать. — Сам губошлеп. — Убирайся, нахал. — Эй, Сенька, мерзавец, поедем на лыжах кататься. — Ах ты, скотина, чужие лыжи взял. Идиот. А сколько раз в день искрович вспомянет милое существо с хвостиком и рожками. Зачем скрывать, я тоже приобретаю эту привычку. Пример заразителен. Что же получится, в конце-концов. Сам наш баловень с рожками ужаснется. И в знак благодарности за то, что мы его не забываем, надоумит шкрабов принять решительные меры.

А-Ъ.

Керосиновый двигатель

В зданьи полутемно; мало ламп горят.
 Ничего не видно, в зданьи говорят.
 Зало же окутал густой ночи мрак,
 Ничего не видно даже в двух шагах.
 Но зато все слышно: крики, вопли, стон.
 То сердца прохожих изливают боль.
 Тот затылок треснул, тот глядишь, упал
 Берегись же глав-электро, а не то — пропал.

-X-

Вопросы и ответы

С следующего номера Антенна вводит новый отдел вопросы и ответы на все интересующие искровичей темы. Вопросы можно подавать без подписи любому сотруднику Антенны.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

В виду того, что со стороны были слышны вопросы: почему не выдают масло к вечернему чаю, Хозком считает долгом разъяснить, что это постановление было в декабре, когда было мясо и ма<сло>. На январь получены вместо мяса селе<...> и приходится суп варить с маслом. Декабрьское постановление Хозком отменяет.

Секретарь Соколова

Стенная газета «Антенна» № 15
март 1923 г.

Бодрость, радость к жизни и к труду

<Редак>торы:

<...>ярский

<М.> Г. Розанов.

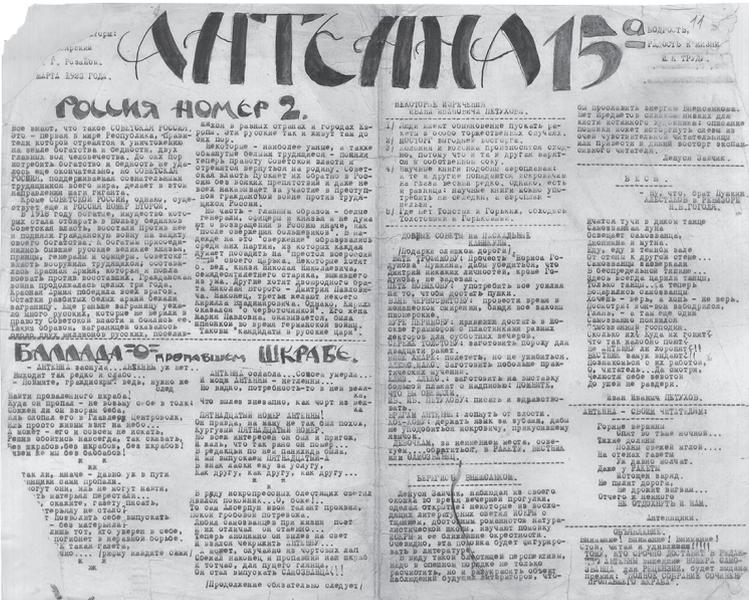
<...> марта 1923 года

РОССИЯ НОМЕР 2

Все знают, что такое Советская Россия. Это – первая в мире Республика, правители которой стремятся к уничтожению на земле богатства и бедности, двух главных зол человечества. До сих пор истребить богатство и бедность не удалось еще окончательно, но Советская Россия, поддерживаемая сознательными трудящимися всего мира, делает в этом направлении шаги гиганта.

Кроме Советской России, однако, существует еще и Россия Номер Второй. В 1918 г. богатые, имущество которых стала отбирать в пользу бедняков Советская власть, восстали против нее и подняли гражданскую войну на защиту своего богатства. К богатым присоединились бывшие русские великие князья, принцы, генералы и офицеры. Советская власть вооружила трудящихся; составила Красная Армия, которая и пошла воевать против восставших. Гражданская война продолжалась целых три года. Красная Армия победила всех своих врагов. Остатки разбитых белых армий бежали за границу. Еще раньше за границу уехало много русских, которые не верили в правоту Советской власти и боялись ее. Таким образом, за границей оказалось около двух миллионов русских, поселившихся в разных странах и городах Европы. Эти русские так и живут там до сих пор.

Некоторые — наиболее умные, а также обманутые белыми трудящиеся — поняли теперь правоту Советской власти и стремятся вернуться на родину. Советская власть пускает их обратно

Стенная газета «Антенна» № 15 март 1923 г.

в Россию без всяких препятствий и даже не всех наказывает за участие в преступной гражданской войне против трудящихся России. Но часть — главным образом — белые генералы, офицеры и князья и не думают о возвращении в Россию иначе, как «после свержения большевиков». В надежде на это «свержение» образовались среди них партии, из которых каждая думает посадить на «престол всероссийский» своего царька. Некоторые хотят б. вел. князя Николая Николаевича, семидесятилетнего старика, выжившего из ума. Другие хотят двоюродного брата Николая Второго — Дмитрия Павловича. Наконец, третьи желают некоего Кирилла Владимировича. Однако, Кирилл оказался «с червоточинкой». Его жена Мария Павловна, оказывается, была шпионкой во время германской войны. Таковы «кандидаты в русские цари».

БАЛЛАДА ПРО ПРОВАЛЕННОМ ШКРАБЕ

— Антенна заснула... Антенны уж нет...
 Выходит так редко и слабо...
 — Поймите, граждистры: ведь, нужно же след
 Найти проваленного шкраба!
 Куда он пропал — не возьму себе в толк:

Прозвучавшие «белоглазые» окриды!!

Сожжен ли он взорам Феба,
 Иль слопал его в Главлесу Центроволк,
 Иль просто живым взят на небо...
 А может — его и совсем не искать,
 Решив обойтись навсегда, так сказать,
 Без шкрабов, без шкрабов, без шкрабов!
 Живем же мы без баобабов!

<Но> так ли, иначе — давно уж в пути
 <Анте>нники сами пропали.
 <...>могут они, иль не могут найти,
 <...>ть матерьял перестали...
 <...>, скажите, газету писать,
 <...> матерьялу не стало?
 <...>т позволить себе выпускать
 <...> — без матерьяла?
 <...> лишь тот, кто уверен в себе,
 <...> погибнет в неравной борьбе.
 <...> <Иск>ре такая газета,
 <...>чно..../рифму найдите сами/

АНТЕННА ослабла... Совсем умерла...
 И мощи АНТЕННА — нетленны...
 Но видно, потребность-то в ней велика,
 Что вылез внезапно, как чорт из мешка
 Пятнадцатый номер Антенны!
 Он правда, на маму не так был похож,
 Кургузый Пятнадцатый номер.
 Но всеж интересен он был и пригож,
 И жаль, что так рано он помер...
 В редакции по нем панихида была,
 И мы впускаем Пятнадцатый-А
 В знак ласки ему за услугу,
 Как другу, как другу, как другу...

В ряду искропрессных блестящих светил
 Явился покойник... О, боже!..
 То сам Алсерпуш свой талант проявил,
 Покой гробовой потревожа.
 Любил самозванцев при жизни поэт
 И их отмечал он отменно...

Теперь анонимно он вылез на свет
 И взялся чекрыжить Антенну...
 А может, случайно из чортовых лап
 Сбежал наконец и пропавший наш шкраб
 И тотчас, для пущего глянца,
 Он стал выпускать САМОЗВАНЦА?!!

(Продолжение обязательно следует)

НЕКОТОРЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ
 ИВАНА ИВАНОВИЧА ПЕТУХОВА

1. Люди имеют обыкновение пускать ракеты в особо торжественных случаях.
2. Мосторг выгодней восторга.
3. Колония и колонка произносятся сходно, потому что и та и другая варятся в собственном соку.
4. Научные книги подобны аэропланам: и те и другие попадают искровичам весьма редко. Однако, есть и разница: научные книги можно употребить на селедки, а аэроплан — нельзя.
5. Где нет Толстых и Горьких, обходились Толстовыми и Горьковыми.

ДОБРЫЕ СОВЕТЫ НА ПАСХАЛЬНЫЕ КАНИКУЛЫ
 (ПОДАРКИ СЛИШКОМ ДОРОГИ)

ВИТЕ ТРОФИМОВУ: Прочсть «Бориса Годунова» Пушкина, дабы убедиться, что Дмитрий никаких личностей, кроме Годунова, не задевал.

ПЕТЕ НОВИКОВУ: употребить все усилия на то, чтобы достать пушки.

ВАНЕ ЧЕРНОСВИТОВУ: провести время в монашеском смирении, блюдя все законы пионерские.

ШУРЕ ПЕРИМОВУ: привезти достать в Москве граммофон с пластинками разных лекторов для субботних вечеров.

СЕРЕЖЕ ТОЛСТОВУ: заготовить пороху для двадцати ракет.

МИШЕ ХМАРЕ: полететь, но не ушибиться.

АЛЕКС. МАКС.: Заготовить побольше практических мучений.

ЕЛИЗ. АЛЕКС.: заготовить на выставку большой плакат с надписью: помните, что вы обещали.

ИВ. ИВ. ПЕТУХОВУ: писать и здравствовать.

ВРАГАМ АНТЕННЫ: лопнуть от злости.

Кое-кому: держать язык за зубами, дабы не уподобиться искровичу, прикусившему язычок.

Девочкам, за неимением места, советуем... обратиться, в РАКЕТУ, Вестник или САМОЗВАНЦ.

БЕРЕГИСЬ, ВНЕШСАМКОМ

Ленуся Зайчик, наблюдая из своего окошка во время вечерней прогулки, сделал открытие: некоторые из восходящих литературных светил Искры с тщанием, достойным романистов натуралистической школы, изучают помойку Искры и ее ближайшие окрестности. Очевидно, эта помойка будет фигурировать в литературе.

В виду такой блестящей перспективы, надо в спешном порядке не только расчистить, но и разукрасить объект наблюдений будущих литераторов, чтобы прославить энергию Внешсамкома. Нет предметов слишком низких для кисти истинного художника: описание помойки поможет исторгнуть слезы из очей чувствительной читательницы или привести в дикий восторг экспансивного читателя.

Ленуся Зайчик

БЕСЫ

— Ну, что, брат Пушкин.

Хлестаков в Ревизоре Н. В. Гоголя

Мчатся тучи в диком танце
 Самозванная луна
 Освещает самозванца,
 Анонимна и мутна.
 Еду, еду в темном зале
 От стены к другой стене...
 Самозванцы засверкали
 В беспредельной тишине...
 Здесь всегда царили танцы,
 Только танцы... а теперь
 Воцарились самозванцы
 Хочешь — верь, а хошь — не верь.
 Посмотри: вон-вон взбодрился,
 Глянь, — а там еще один
 Самозванно появился
 Самозванный господин.
 Сколько их? Куда их гонит?
 Что так жалобно поют?
 Не Антенну ли хоронят?!!
 Вестник замуж выдают?!!

Познакомься с их работой,
 О, читатель... Да смотри,
 Челюстя себе зевотой
 До ушей не раздери.

Иван Иванович Петухов

АНТЕННА — СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ:

Горные вершины
 Спят во тьме ночной...
 Тихие долины
 Полны свежей мглой...
 На стенах газеты
 Уж давно молчат.
 Даже у РАКЕТЫ
 Истощен заряд.
 Не пылит дорога,
 Не дрожит вивгам...
 Отчего ж немного
 НЕ ОТДОХНУТЬ И НАМ.

Антенщики

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Внимание! Внимание! Внимание!

Стой, читай и удивляйся!!!!!!

Тому, кто срочно доставит в редакцию Антенны вышедшие номера САМОЗВАНЦА для рецензии, будет выдана премия: «ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ПРОПАВШЕГО ШКРАБА».

III

Высказывания о своей творческой работе
 над романами «Костя Рябцев»,
 «Три измерения», «Великая кривая» и др.

Машинопись с авторской правкой и без правки. 1935 г.

Первая из моих книг, появившаяся за рубежом, — «Дневник Кости Рябцева» была переведена в Берлине М. Эйнштейн-Шефер, и сразу встретила исключительный прием. Целый ряд немецких газет перепечатал «Дневник» полностью в фельетонах с продолжениями.

«Роте Фане» воспользовалась «Дневником» для того, чтобы отменить волновавший умы процесс Поля Кранца — шестнадцатилетнего

паренька, обвинявшегося в убийстве товарища. На одной полосе газеты появлялись отчеты о процессе, а на обратной стороне — перевод «Дневника». Само собой разумеется, в этом сопоставлении было явное политическое звучание. Издательство «Югендинтернационале» выпускало «Дневник» издание за изданием.

Пресса расценивала «Дневник» по разному. В то время, как передовая печать со злорадством выискивала в «Дневнике» негативные моменты и на их основании констатировала якобы «полное неблагополучие в советской школе», — левая, и особенно коммунистическая печать, приветствовала книгу, как первый роман о новом поколении в Советской России».

«Книга — подлинный вклад в пролетарскую литературу», — писал например комм. орган Форвертс в Райханберге.

Вещей такого рода насчитывается пока очень немного, и поэтому она вдвойне ценна. Педагоги буржуазно-капиталистического мира, конечно, схватятся за голову от таких революционных методов воспитания, какие господствуют в советской школе...»

«Роте Фане» помимо перепечатки всей книги, посвятило ей ряд статей и заметок.

«Фоссише Цейтунг» особо отметила книгу в статье «Духовная жизнь в Советской России».

Вслед за Германией перевод «Дневника» появился в Дании и Швеции. Не знаю отзывов прессы, но стоит отметить обложку книги датского перевода книги.

Костя Рябцев изображен на этой обложке в виде преждевременно облысевшего тонкошеего юнца в громадных очках, поднявшего вверх поучающий палец. Здоровенная девка в деревенском платке обозначена подписью «Сильва». Рисунок заключается изображением мужика с бородой, в коем читателю предоставляется право угадывать учителя Ожегова (Никтепожа).

В Англии и Америке книга вышла одновременно в изд-стве «Пайсон-Кларк». В Англии появился отзыв в «Таймсе», а в Америке книга произвела сенсацию, которая тотчас приняла американские масштабы. В большом количестве газет появилась моя автобиография, написанная для книги «Писатели», и портрет, напоминающий скорее учащегося бурято-монгольского юношу...

В 1929 г. книга вышла в Испании — сразу и в Мадриде и в Барселоне. По словам одного из книжных обозревателей, «книги Гладкова («Цемент») и Огнева вытеснили из местных библиотек спрос на бульварную литературу».

В Китае «Дневник» появился в шанхайском издании в 1930 г. (сообщение Эми Сяо).

О книге «Исход Никпетожа» (или, как она называется по-немецки, «Костя Рябцев в университете»), писать, мне, автору, очень трудно.

Дело в том, что книга эта — не окончательная: она не исчерпывает не только темы, но и просто — своего заглавия. Эта книга — одна из частей задуманного и постепенно выполняемого мной целого. А целое это — картина отмирания одного российского поколения и возникновение другого: молодого, решительного, героического, но вместе с тем — трезвого и рассудочного.

Я не могу сейчас сказать, будет ли это целое трилогией, тетралогией или пенталогией: возможно, что в процессе создания некоторые части отпадут, как ненужные. Поэтому я воздержусь от подчеркивания формальных моментов моего труда. Отмечу только, что сейчас я заканчиваю очерк некоторых моментов детства Кости Рябцева; этот очерк входит фрагментами в книгу «Три измерения».

Но зато уже сейчас для меня ясно, что внутреннее содержание моей работы будет посвящено грандиозной схватке двух систем мышления. Эта схватка происходит на моих глазах; я — участник; результаты не предрешены. Поэтому не смотря на свое желание быть наиболее объективным, я не могу сказать, удастся ли мне соблюсти завет одного из величайших учителей человечества, Гёте, — о художнической страсти и художническом беспристрастии.

Генетическая линия российского идеализма привела от Чаадаева к Достоевскому и Льву Толстому. Но в Льве Толстом и его непротивлении идеализм нашел свое распыление. Логическое распыление дает пустоту. Душевная пустота и отметила предреволюционных героев Чехова. Казалось, что дальше идеализму и его адептам идти некуда.

Но тут произошла революция. Ее совершил победоносный пролетариат; духовным оружием пролетариата был научный марксизм, отточенный и примененный гением Ленина — к необозримым российским просторам. И тогда идеалисты нашли, чем заполнить свою душевную пустоту, решительно встали на защиту свергаемых принципов. И в этом случае принципы идеализма, деление мира на доброе и злое, пришли на помощь к своим поборникам хотя бы потому, что они веками въелись в быт, в нравы, в сознание рядового человека.

Новое поколение воспитывается уже на иных принципах. Параллельно борьбе классов происходит борьба идеологий, борьба индивидуализма с коллективизмом.

Вот это я и хочу отразить (*вписано сверху*: образами) в своей большой работе. Удастся ли мне это — я не знаю. Но судя по успеху отдельных частей моей работы в Западной Европе и Америке, я вижу, что разрабатываемая мной тема интересует не только меня, а еще очень многих людей не только моей расы, моего воспитания, моего образа мыслей.

Эта поддержка дает мне новые силы к выполнению большого и тяжелого труда.

Издательство вправе упрекать писателей, — в частности, меня лично, — в систематической просрочке договоров. К счастью, издательство «Художественная литература» в лице своего руководства смотрит на такое положение не с формально юридической позиции. И это дает мне возможность принять участие в обсуждении этого явления.

На днях при встрече в коридоре Гихла Н. Н. Накоряков отечески мне попенял за долгое молчание. Он даже спросил меня, как это я могу смотреть ему в глаза. В мимолетной коридорной встрече я, разумеется, не мог привести никаких путных доводов в защиту своего долгого молчания и попытаюсь сделать это теперь.

Прежде всего, установим сроки. Два года назад я дописал, а издательство выпустило мой роман «Три измерения». После этого в разных журналах я поместил несколько рассказов. Роман прошел незамеченным критикой, и я думаю, что это было справедливо. В романе оказывался несостоятельным мещанский индивидуализм. Думаю, что в данный момент такая идея романа может быть смело названа тривиальной.

После «Трех измерений» я написал роман и пьесу, которые так и не увидели света. Это показывает, что я не только работаю, но и критически отношусь к своей работе.

В материале мы, советские писатели, не можем ощущать недостатка. А вот критическое отношение к своей работе становится мало-помалу законом советского писателя. Идет длительный, глубокий, но медленный процесс перевооружения советской литературы. Если совсем недавно советскому писателю предъявлялось требование перестройки мировоззрения, то теперь этого недостаточно. Теперь может идти речь об отказе от старых заржавленных литературных доспехов! То, что казалось для каждого из нас давно

разрешенным — вопросы композиции, жанра, стиля, сюжета, — встало сейчас по-новому, так как изменилось отношение к материалу. И оно изменилось закономерно, так как изменилась ведь основа-основ — экономические отношения в стране.

Отношение к материалу (*рукой подписано*: я понимаю под этим проникновение в атмосферу материала) — главный рычаг литературной работы. Этот рычаг создается из мировоззрения. Двойственен тот писатель, которому кажется, что мировоззрение он перестроил, а отношение к материалу у него остается прежним. И этот разлад, мне кажется, был присущ большинству писателей-интеллигентов, известных в свое время под ярлыком «попутчиков». Теперь отношение к материалу меняется. Медленно? Слишком медленно? Верно, не быстро. Но ведь мы живем при небывалом в истории прорыве в будущее, и человеческое сознание не в силах охватить и отразить его быстро.

С 1930 г. я пытаюсь овладеть материалом Красной армии периода мирного строительства. Одновременно изучаю советскую школу, советских школьников реконструктивного периода, преимущественно подростков. В этом отношении, как известно, на мне лежат особые обязательства. В текущем году я познакомился с ребятами из метро, бывал у них и они бывали у меня. И наконец, осенью мне пришлось принять участие в работе над кинофильмом. Получилось четыре объекта изучения. Красная армия, школа, метро, киносреда. И вот, совсем недавно, в начале декабря, в шахте метро на площади Дзержинского мной овладело такое ощущение, что я нашел давно искомый рычаг. Под землей — тесно, балки и крепления только намечают контуры будущей станции и тоннеля. И не в обстановке строительства, а в отношениях метростроевцев нужно искать отправной точки для литературного произведения высокого дыхания. И не только в отношениях именно метростроевцев. Такое же отношение к труду и учебе я видел и в Красной армии, и в современной советской школе, и у кино-работников. Всюду не только упорно работают, но не менее упорно и дружески помогают товарищу. Помогают не только в работе, но и в культурном росте. Недавно команда советских писателей выезжала на завод имени Сталина для состязания в шахматы. **Нас поколотили Мы** проиграли. Это чувствительно. И поделом. Плохо работаем над собой и неважно помогаем друг другу.

Так вот, товарищи. Я хочу написать книгу. Я хочу найти такое выражение тому, что мной владеет, чтобы книга эта волновала

и вдохновляла, трогала и смешила, открывала новые горизонты и вместе с тем отражала новые человеческие отношения, в первую очередь социалистическое отношение к труду и к товарищу по труду. Несмотря на большой литературный стаж, мое старое писательское вооружение оказалось непригодным для такой книги. За последние два года я ~~пробовал это вооружение~~ искал и ищу. Я, как уже сказал, написал роман и пьесу, но забраковал их сам.

Маленькие рассказы и кино-сценарий — это та работа, которая чрезвычайно помогает мне на подступах к большой теме. И то и другое учит отжимать все лишнее, недейственное. Для меня нет сомнения, что в 1935 г. я закончу книгу маленьких рассказов и сдам ее Николаю Никандровичу. (*рукой сверху*: Это по плану). Но у меня уже и теперь нет причин прятаться. Я открыто смотрю ему в глаза. Я имею право на перевооружение, и этот процесс касается не меня одного. Неудача «Трех измерений» объясняется именно спешкой. Для того, чтобы заполнить план, я мог бы в пулеметном порядке написать исторический роман; у меня есть тема, основанная на громадном материале, — это 1906 и 1907 гг., — но во-первых, я хочу штурмовать линию наибольшего сопротивления, то-есть современный материал, во-вторых, нахожу, что мне рано братья за литературу мемуарного ряда. А отнять творческих сил исторический мемуарный роман может много.

Я хочу активно биться за создание социалистического общества, и постепенно создаю себе для этой цели новое вооружение. Атмосфера социалистического труда, которую я вдыхаю, поможет мне создать новые книги, достойные названия хороших советских книг. *Рукой*: И тогда я предъявлю Николаю Никандровичу сверхплановую нагрузку.

Перед каждым советским писателем стоит сейчас вопрос:

О чем писать? Как реагировать на современность? Какой избрать жанр? В чем очередная задача?

Каждый из писателей отвечает по-разному: иной, порхнув по колхозу или заводу, отписывается парой очерков, другой — и имя ему легион — разыскивает ударников и спешно предает печати их биографии; третий отмалчивается, потихоньку «творя» большое полотно; четвертый гнусно халтурит, забыв о своем назначении. Но каждый, по-разному, отвечает действием, в громадном большинстве случаев не пытаясь сформулировать свое отношение к современности и к современным писательским задачам.

Между тем, такие формулировки совершенно необходимы. Необходим и спор о формулировках. Мне, например, известно, что ряд писателей продолжает смотреть на свое искусство, как на нечто самодовлеющее, расположенное над современностью, стирающее границы, времена, пространства и сроки. Этот взгляд в корне ложен, и с ним необходима борьба.

Как я отвечаю на волнующие меня вопросы? Попробую наметить генезис своего творчества.

К началу революции я был уже ложившимся писателем, профессия журналиста осталась где-то позади — но не писал.

Однако, как писать, знал твердо.

И первые мои вещи, появившиеся в печати в начале 1923 г., — «Евразия» и «ЩИ республики» — были синтетичны. В «Евразии» я пытался синтезировать настроения пред-сменовеховской интеллигенции (упершейся в революцию лбом, как баран в новые ворота, — третья глава повести так и называлась «Новые ворота»); «ЩИ республики» ставили неправильно, но все же ставили вопрос о взаимоотношениях рабочего и крестьянина. Дальнейший мой писательский путь проходил все под тем же знаком синтеза: рассказ «Темная вода» (1924), написанный за год до известной исповеди Савинкова на суде, изображал полный распад и гниение эсерства. Рассказ «Гибель культуры» (1925) бил по приспособившейся интеллигенции.

Но на этом же пути я потерпел ряд крушений. Еще задолго до «Дневника К. Рябцева» (1926–1927) я начал работать над большой повестью «Знак Сатурна», которой так и не суждено было увидеть света. Семнадцать планов этой повести и около двух печатных листов «подмалевок» до сих пор погребены на дне моего чемодана с рукописями.

Повесть была посвящена настроениям молодежи 1924–1925 гг. и проводила резкую разграничительную черту между рабочей и интеллигентской молодежью.

В чем же дело? Что случилось?

Я и раньше работал медленно — всякий синтез требует основательного упора и долгой подготовки.

Случилось то, что молодежь — как рабочая, так и интеллигентская переросла мою повесть, и повесть оказалась ненужной. Внутренне не нужной для меня, а значит, и для читателя. Повесть рассыпалась. А «Дневник Рябцева» пророс сквозь распавшуюся повесть.

Это первое крушение я встретил с недоумением, и далеко не сразу его осознал. Но на меня надвигалось второе крушение.

С 1923 г. я задумал и постепенно осуществлял роман в трех частях «Великая кривая». В этом романе интеллигент, снабженный по воле автора двойным зрением, из 1919 г., из голода, холода и разрухи (*вписано сверху*: из героической гражданской войны), возвращается чудесным образом в 1907 г., в год постепенного угасания революции и разгула российской буржуазии. В 1907 г. он вновь переживает свои анархно-мистические настроения, но сквозь призму 1919 г., эти настроения даже ему кажутся мелкими и ненужными, герой гибнет во время экспроприации, но чудеснейшим образом переносится в 1940 г., в год последней битвы капитализма с коммунизмом.

План романа был задуман широко, ряд отрывков был напечатан, но к началу реконструктивного периода я прозрел. Я понял, что мой герой — в достаточной мере дряблый интеллентишко — просто-напросто никому не нужен. Тратить краски на этого героя — значило создавать еще один образ лишнего человека, образ лишний, никчемный, никого ни к чему не зовущий; но с устранением героя — устранялся весь роман! Проблема отношений личности к обществу, а значит и интеллигента к революции не то, что отошла на задний план, а скрылась за задним занавесом! Это — для меня так. Поэтому и Елена Гончарова в пьесе Олеси кажется мне ненужной; она отпала, она прошла; и незачем было ее воскрешать.

Параллельно моя тема вылилась в не вполне удачную книгу «Исход Никпетожа».

Но тема молодежи продолжала (и продолжает) меня волновать. И здесь меня коварно подстерегало третье мое крушение.

Оно меня ждало на драматургическом пути. Существует несколько вариантов пьесы «Дом юношества» — одни лежат в МХАТ-е 1-м, другие в театре Вахтангова... Но им так и суждено лежать в архиве!

Вся беда в том, что я опять работал на устаревшем материале. И молодежь 1926–1927 гг. никак не могла действовать в пьесе 1930 г.! Я понял это в процессе работы, поэтому и недоделал для вахтанговцев последний вариант.

В данный момент я эти три своих крушения пережил настолько, что они стали для меня историей, и я могу рассматривать их вполне объективно.

Но погребение моих неоконченных работ ставит, передо мной, тем не менее, со всей резкостью вопрос:

— Что же делать?

Продолжать медленно работать, собирая материал, упорно обдумывая, синтезируя факты? Или немедленно прекратить такую работу, всего себя бросив на регистрацию фактов, т. е., перейти исключительно на газетную работу?

Ответ сложен.

Прежде всего, существуют темы, которые действуют на продолжительный срок, даже в нашу стремительно развертывающуюся эпоху.

Такова, напр., тема о реконструкции человеческого материала, над которой я работаю уже три года («Три измерения Калерии Липской»).

Далее — любая тема, в основе которой лежит диалектический материализм, как познание жизни. Только робкие попытки были применить диалектический материализм к художественной литературе. Перед советскими писателями развернута вся его ширина и глубина.

Следовательно, для меня работа над большими полотнами никак не отпадает. Но в такой работе — только одна сторона моей деятельности как советского писателя.

Существует совершенно необходимая работа, без которой каждый из нас будет неизбежно отставать.

*Материал подготовлен к публикации
Ольгой Виноградовой*

О. Виноградова

ОГНЕВ, РОЗАНОВ И НИКПЕТОЖ: ОБ ИМЕНАХ И ПСЕВДОНИМАХ АВТОРА «ДНЕВНИКА КОСТИ РЯБЦЕВА»

Биографический очерк, посвященный Н. Огневу (1888–1938), автору школьной повести «Дневник Кости Рябцева» (1927). В очерке содержатся сведения о семье и детстве писателя, о его литературной и педагогической деятельности вплоть до 1929 г., когда в свет выходит вторая часть «Дневника...» — повесть «Исход Никпетожа». Очерк составлен на основе собственного архива Н. Огнева и архива его брата С. Г. Розанова, хранящихся в РГАЛИ. Анализ документов, собранных Огневым во время работы в школе, позволяет уточнить соотношение художественного и документального в произведении, по-новому оценить его художественные особенности. Кроме того, становится возможным проследить в повести автобиографические мотивы и утверждать, что в образах персонажей и строении сюжета отражены изменения в отношении писателя к формирующемуся советскому обществу 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Н. Огнев, М. Г. Розанов, «Дневник Кости Рябцева», детская литература 1920-х гг., школьная повесть, Дальтон-план.

В 1920-х гг. авторство школьной повести «Дневник Кости Рябцева», написанной в форме дневника пятнадцатилетнего подростка, то и дело вызывало сомнения — книгу не раз принимали за настоящие откровения школьника. Даже первая публикация произведения не обошлась без казуса. Редакторы журнала «Красная Новь», в котором «Дневник...» выходил частями в 1926 — начале 1927 г., напечатали отрывок повести в разделе «От земли и городов», куда обычно помещали письма и документальные рассказы [Красная новь 1926, № 8, с. 167–193]. Писателя Н. Огнева, приславшего «дневник», лишь похвалили за прекрасную редактуру [РГАЛИ Ф. 1408. Оп. 1. Д. 158. Л. 9]. Не доверяли имени автора на обложке и неискушенные читатели: на молодежных литературных диспутах Костю Рябцева не раз призывали высказаться о спорных местах его записок.

Н. Огнев сначала воспринимал эту путаницу с юмором: она вполне совпадала с его собственными склонностями к мистификации. Не зря же писатель пользовался псевдонимом, да еще и загадоч-

В некоторых из многочисленных писем, полученных редакцией библиотеки "Огонек" по поводу книжки Л. Огнева "ГИБЕЛЬ ЛОРДА ДАЛЬТОНА" (Дневник Кости Рябцева) — выразилось сомнение в подлинности дневника; написано оно будто бы, якобы кем-то чужим, а вовсе не мальчиком, учеником 5-ой ступени.

Такое мнение обстоятельно опровергается письмом, полученным редакцией от самого автора дневника. Само собой разумеется, что редакция не считает нужным открывать настоящие имя подростка, написавшего приведенное письмо и оставившего за ним давший ему Н. Огневым повязанник. Вот это письмо.

Уважаемая библиотека "Огонек".

Выпущенная вами книжка под заглавием "ГИБЕЛЬ ЛОРДА ДАЛЬТОНА" есть не что иное, как мой собственный дневник, потерянный мной еще в середине 1924 года. Это были три тетрадки, озаглавленные между собой веревкой, и я ездил на трамвае и на уронии. Кто их нашел — не знаю, а подписался какой-то Н. Огнев.

Я еще тогда, в 24-м, записался в вечеры и, конечно, мог бы сам вам привезти или прислать вам этот дневник, но я тогда не хотел извещать никого, потому что не думаю, что какой-нибудь из этого может выйти книжка. Но когда она вышла, я даже не под своим именем и должен сказать, что Н. Огнев много перепутал и добавил от себя. Я не знаю, есть ли такое авторское право, только, например, такого понятия нет, что меня можно обманывать, а в самом деле в не надо. Потом, все, что касается моих отношений с Зинаидой Зин-Галовой, все перепутано.

Мы читали все это вместе с Сильвой Д. / Мы теперь разлучились и живем вместе, ведь нам по 13 лет / И она тоже говорит, что много наврали. Мне хочется задать вопрос, имеет ли право Н. Огнев приврать от себя. А потому мне хотелось бы спросить у Н. Огнева! — А что дальше в нашей школе было. И он, наверно, ответит в ту минуту, потому что не знает. А я не только знаю, а даже знаю дневник за год до меня есть, в виде четырех тетрадок, которые я велалити и послал. Если хотите, можете тоже выпустить книжку под названием "Вашим какому хотите называйте. Только, если вы опять оставите редактировать Н. Огневу, то скажите ему, чтобы он ничего не окраивал и не прибавлял от себя, потому что я уже опытный писатель и могу даже и печатать на своем шрифте.

Кроме того, послал редакции четыреста тридцать пять / (435) написанных мной стихотворений для издания. Некоторое можно исключать, если в одну книжку не войдет, то можно в две или в три. Как я и Сильва сейчас живем в Харьковке, то лично в редакцию и прийти не могу, а то только так стихи, по 1 рублю за строчку прозу высылать мне в Харьков. За дневники я думаю, вы товарищи не платите, потому что это вопрос общественной и это надо осветить.

Наша школа сейчас реорганизована в семилетку, и все уже по-другому, и не интересно.

С товарищеским приветом —
Константин Рябцев.

Харьков, 1926.

Черновик предисловия к публикации 2-й части «Дневника Кости Рябцева» «Разгром капустника»

ным — со всего одним нерасшифрованным инициалом. И не случайно он дал учителю Кости Рябцева, Николаю Петровичу Ожигову, имя столь схожее со своим, прозрачно намекнув, в ком из персонажей на самом деле стоит искать черты автора. В 1926 г. Н. Огнев думал предвратить одну из частей «Дневника» письмом от имени «нашедшегося» Кости¹: «Выпущенная вами книжка «Гибель лорда Дальтона» есть не что иное, как мой собственный дневник, потерянный мной еще в середине 1924 г. ... я должен сказать, что Огнев много перепутал и добавил от себя... Наша школа сейчас реорганизована в семилетку, и все уже по-другому, не интересно...» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 4. Л. 9].

Однако всего год спустя Огнев уже не желал недоразумений. В предисловии ко второй книге о Косте, теперь поступившем в вуз, он собирался указать четко: «Костя Рябцев, его товарищи, его учителя — с начала до конца суть художнически выдуманные, созданные мною люди. <...> Никаких дневников у меня в руках не было и нет» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 4. Л. 7]².

Как показывает исследование архива Н. Огнева, это и так, и не так: дневников не было, повесть — полностью художественный текст, но в ее основу положен реальный опыт учителя школы II ступени. В 1923–1924 гг. Огнев действительно был «школьным работником»

в подмосковной школе-колонии. Подростковая манера речи и школьный сленг позаимствованы им у настоящих детей, школьный быт описан по мотивам реальных впечатлений. Более того, многие сюжеты и даже тексты (писем, стенгазет, школьных документов), появляющиеся в повести, взяты им из жизни, вставлены в произведение почти без обработки. А учитель литературы Никпетож во многом — alter ego самого автора.

Единственную опубликованную автобиографию Н. Огнев начинает словами: «В течение жизни мне пришлось носить много имен» [Писатели 1926, с. 215]. Это и правда так: Огнев успел побывать и юным революционером-подпольщиком с поддельными документами, и журналистом-многостаночником, публикующимся под разными псевдонимами, и педагогом-воспитателем, которому подопечные дают прозвища. Но главных имен в его жизни было все-таки два: настоящее — Михаил Григорьевич Розанов; и то, которым писатель стал регулярно подписывать произведения после революции, — Н. Огнев.

В течение жизни мне пришлось носить много имен; мне кажется, по этим именам можно судить о ходе моей жизни.

В детстве звали меня Антихристом, сокращенно — Антом; мальчишки на улице прозвали четвероглазым, за очки.

В 1907 г., когда я бежал из тюрьмы, товарищ отдал мне свой паспорт, и я стал Александром Куприяновым. В дальнейшем этот паспорт пришлось переменить, и в Петрозаводске, на нелегальной работе, я числился уже Константином Тепловым; заводские парни, узнав мою кличку «Николай», приделали к ней «второй» (у них уже был пропагандист Николай); так я стал Николаем Вторым. Задержан я был на Финляндской границе под именем Петра Ланипевича; перед арестом проживал в Ваммельярве, у скульптора Иннокентия Жукова, и он звал меня Игнатом, так как в паспорте значилось: Игнат Якубайтис.

На детской площадке в Москве ребяташки звали меня «Игоричем». В газетах работал я под разными псевдонимами, из которых «Н. Огнев» появился в 1912 г., кроме него были: Конквистадор, М. Дорогомилев и др.

В 1917 г. на фронте наборщики фронтовой газеты звали меня «Григорь Иваныч» по названию фельетона, который им понравился; а солдаты 55 дивизии именовали меня так; — «который лектор... не большевик, а вроде».

Во время грандиозных детских праздников в Москве 1918–1921 гг. ребяташки накрепко прилепили мне кличку: — Дядя Миша. В школе-колонии II степени я стал «Михгригом».

В 1922 г. воскрес, как писатель Н. Огнев.

По настоящему зовут меня так: Михаил Григорьевич Розанов. Мне 36 лет [Писатели 1926, с. 215–216].

Михаил Григорьевич Розанов родился в семье присяжного поверенного округа Московской судебной палаты³ Григория Ивановича Розанова. Михаил был вторым ребенком из десяти, у него было четверо родных братьев, и еще пятеро единокровных братьев и сестер.

Отец ревностно занимался воспитанием отпрысков: следил, чтобы дети делали гимнастику, обучал пению, заставлял осваивать столярные инструменты и печатать на пишущей машинке. Он приглашал в дом своих коллег, чтобы те учили детей фотографировать и переплетать книги. Но самой масштабной и эффектной затеей отца было издание семейного журнала. Название придумал сам Григорий Иванович: «Успех семьи Розановых», или, сокращенно, просто «Успех». Дети писали про школьные дела и повседневные игры, заполняли графу «Календарных и атмосферных сведений», составляли отчеты о том «Что мы ели, в течение недели». Существовали и серьезные разделы: художественно-литературный, куда помещались первые поэтические и прозаические опыты, и «официальный», посвященный политической и общественной жизни страны.

Н. Огнев. 1933 г. (РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Ед. 243. Л. 7)

Все пять старших братьев Розановых⁴ закончили Поливановскую гимназию — на тот момент одну из лучших гуманитарных школ Москвы. Она была известна высоким уровнем преподавания, творческой атмосферой и необычной личностью директора — Льва Ивановича Поливанова. Андрей Белый, также выпускник гимназии, писал про него: «не человек, а какая-то двуногая, воплощенная идея: гениального педагога» [Белый 1989, с. 260]. Страстный филолог и театрал, Поливанов не только заботился об уроках, но и старался побудить учеников к проведению «изящного досуга». Так, по воспоминаниям того же А. Белого, славу гимназии составлял шекспировский кружок. Под руководством директора гимназисты и выпускники изучали творчество Шекспира и ставили отрывки из его трагедий. Делалось это с такой страстью, что вскоре кружок стал известен и за стенами гимназии, превратился в «очаг шекспировского культа» [Белый 1989, с. 284] в Москве. Никпетож, который «любит Шекспира и уже куда его только не сует» [Огнев 1927, с. 245], явно идет по стопам знаменитого дореволюционного педагога.

Семья Розановых жила в Бутырской слободе — рабочей окраине, известной, прежде всего, зловещим исправительным учреждением — Бутырской тюрьмой. Именно в ней 19-летний Михаил Розанов, осужденный за издание подпольного социалистического журнала, провел год в одиночной камере. По иронии, этот же район в начале XX в. стал своеобразным «полигоном» для экспериментальной педагогики и внешкольной работы с уличными детьми. В 1907 г. в Вадковском переулке был открыт детский клуб общества «Сетлемент»⁵ — образовательный и досуговый центр, работавший на принципах детского самоуправления. В 1910 г. к заботам о детях подключилась и городская управа, создав Общество попечения об учащихся детях Бутырского района. В Бутырской слободе появились площадки для подвижных игр, детские театральные клубы, регулярные экскурсии. В этих инициативах добровольно участвовала районная молодежь, в том числе все старшие братья Розановы. Вышедший к тому времени из тюрьмы Михаил тоже не остался в стороне: он обучал детей новой заграничной игре — футболу, а позднее стал штатным «руководителем детских игр». Об этом цветисто вспоминает его младший брат Сергей Розанов:

Через всю Москву потянулись бесконечные колонны ребят — зрелище для того времени невиданное. Трамваи и извозчики пережидали, пока пройдут ребята. Недоуменные обыватели спрашивали у детей, куда их «гонят». Дети впервые выговаривали гордое слово «экскурсия».

Городовой поднимал руку в грязной перчатке и быстро опускал ее, — нечто среднее, не то брал под козырек, не то отмахивался: «наплевать, идите уж!» Вдоль детских рядов носился человек в черном плаще, а на плаще металлическая лента с надписью «руководитель детских игр» и герб Московской Городской Управы [РГАЛИ Ф. 1408. Оп. 1. Д. 158. Л. 5].

Правда, из-за недавней судимости Михаила с этой должности вскоре сняли, и он на несколько лет целиком ушел в газетную и журнальную работу. К детям он «возвратился» только с началом Первой мировой войны: работал в очагах для беженцев, писал и ставил пьесы в детском самодеятельном театре. Так продолжалось до 1916 г., когда, несмотря на сильную близорукость, Розанова все-таки призывали в действующую армию в качестве писаря.

Печататься Михаил Розанов начал рано. В 1906 г. ему, 17-летнему юноше, удалось пристроить в газету «Правда Божия» цикл стихотворений «Из песен о правде. Норвежская легенда» — стихи с социальным подтекстом, которые он выдал за перевод скандинавского фольклора. Потом он на некоторое время ушел «в подполье»: стал выпускать нелегальный журнал «Красное знамя», который в одиночку наполнял «политическими стихами и фельетончиками» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 6]⁶. За это, как уже упоминалось выше, он попал в тюрьму, но и там регулярно выпускал самопальные сатирические журналы для товарищей по неволе⁷.

После освобождения в 1909 г. Розанову удалось опубликовать написанный в бутырских застенках цикл стихов «Тюремные звоны». Стихи появились в журнале «Весна». Девиз «В политике — вне партий; в литературе — вне кружков; в искусстве — вне направлений» позволял главному редактору журнала Николаю Шебуеву публиковать самых разных авторов, в том числе и никому не известных⁸. Вопреки завету издания, в редакции «Веснь» Розанов ненадолго объединился в одноименный кружок с прозаиком В. Лидиным и поэтами-футуристами Н. Асеевым, С. Бобровым. «Все мы были пасынками символистов. Каждый пошел своей дорогой» [Огнев 1933, с. 245], — напишет об этом Розанов в 1925 г.

В начале 1910-х Михаил Григорьевич покинул Москву и некоторое время работал главным редактором литературного журнала в Иркутске, а после возвращения начал печататься в крупных

Сцена из спектакля «Гайавата — вождь ирокезов» Н. Огнева. 1923. Художник спектакля — Н. Шифрин

московских газетах: «Столичная молва» и «Утро России». Для них он регулярно писал очерки или небольшие рассказы.

Именно в эти годы впервые появился псевдоним «Николай Огнев». В 1913 г. в «Столичной молве» им подписаны два рассказа: этюд «Костя воюет» [Огнев 1913а] (sic!) — о боевитом мальчике, разыгрывающем с друзьями Первую Балканскую войну, и обижаемым за свою активность нянькиным ухажером, и сатирический очерк «Курсиане» [Огнев 1913б] об учителях, уезжающих в заграничные экскурсии, чтобы потом в неустроенных сельских школах рассказывать бедствующим ученикам про виденные чудеса.

В 1914 г. именем Огнева подписана «зарисовка» о возвращении политзаключенного в Москву в тюремном вагоне.

На время Первой мировой войны и революции Михаил Розанов практически перестал писать («С начала империалистической бойни, я бросил писать: казалось бессмысленным» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 9], «этой родине я не захотел отдавать своего творчества» [Огнев 1933, с. 246]), а после 1917 г. печатался уже исключительно под псевдонимом «Н. Огнев», таким образом разделив две своих ипостаси — педагога и литератора.

Первый, Михаил Григорьевич, вернувшись из армии в пореволюционную Москву, снова стал воспитателем: работал районным инструктором по народному образованию, вел литературный кружок в комсомольском клубе, наконец, получил должность учителя литературы в одной из подмосковных школ. Второй, Н. Огнев, писал детские пьесы для театра Натальи Сац, публиковался в «Красной нови», «Огоньке», «Прожекторе», издал первую книгу рассказов в издательстве «Круг». Соединить опыт педагога и мастерство писателя, Огневу-Розанову удалось в самом успешном своем произведении — «Дневник Кости Рябцева».

О школе-колонии II ступени «Искра №3», в которой в 1920-х преподавал Михаил Григорьевич Розанов, мы знаем довольно много: ее директор Е. А. Кирпичникова⁹ с 1919 по 1924 гг. регулярно посылала статьи о жизни школы в бюллетень МОНО «Вестник просвещения»; кроме того, некоторые школьные документы сохранились в архиве Огнева.

«Искра» находилась в Воскресенском (сейчас Истринском) районе Подмоскovie, недалеко от Ново-Иерусалимского монастыря. Она занимала одну из построек в бывшей усадьбе Саввы Морозова Покровское-Рубцово, кроме нее, в усадьбе проживала латышская сельскохозяйственная коммуна и располагались учебные ремесленные мастерские [Истринская земля 2004, с. 562–563]¹⁰.

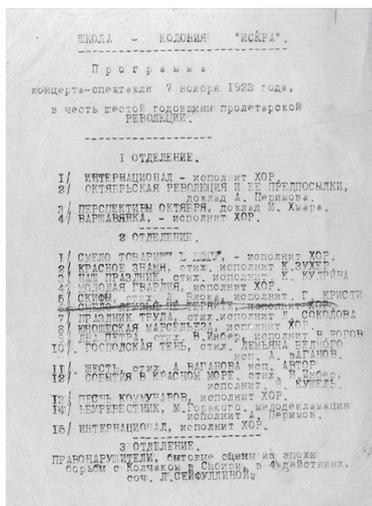
Основана школа-колония была в 1919 г. по образцу немецких «сельских воспитательных общин» (Landerziehungsheim, или LSH), дополнявших общеобразовательный план ремесленным и сельскохозяйственным трудом. Вот как описывает рождение «Искры» ее директор Е. Кирпичникова:

Зимой 1919 г. в Моно было принято решение устроить под Москвой 10–12 LSH для детей в возрасте школ второй ступени. Инструктора Моно объездили окрестности Москвы, отыскивая подходящие имения. Весною в закрепленные за Отделом имения стали выезжать группы школьников с руководителями. <...> разрушенные хозяйства, разграбленные дома требовали колоссальной затраты энергии для создания в них школ нового типа. Но те, кого не отпугнули трудности Робинзоновской работы, щедро вознаграждены результатами своего строительства. <...>

«Искра» расположена в живописной, холмистой местности близ станции Новоиерусалимская. Большой белый дом, светлый и уютный¹¹, несмотря на почти полное отсутствие какой-либо обстановки, стоит среди обширного парка, спускающегося террасами к реке Малой Истре, мелкой, но быстрой» [Кирпичникова 1919, с. 62].

Школа была устроена по принципу интерната, ученики (и юноши, и девушки) жили там всю неделю, многие — круглый год. При этом «Искра» не была детским домом в прямом смысле слова — не все ее воспитанники были сиротами или беспризорниками. Основной «костяк» составляли учащиеся расформированных городских училищ, дети учительства и мещанских семей. Всем воспитанникам было от 13 до 16 лет.

Учащиеся сами поддерживали порядок в доме: убирались в спальнях, стирали, кололи дрова, носили воду. Летом, вместо учебы,

Черновик программы концерта-спектакля школы-колонии «Искра» в честь шестой годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1923 г. (РГАЛМ Ф. 370. Оп. 1. Ед. 219. Л. 1)

вых форм, а ждали, пока решения «вырастут» естественным путем. Школа прошла через период «партийной системы» с диктатом одной из партий, и через несколько преподавательских бунтов, поднятых против заведенных учениками порядков. К 1922/1923 учебному году Е. А. Кирпичникова уже называет «Искру» «самоуправляющейся школьной общиной», у которой есть свои «Декларация прав» и «Конституция». Лозунг «Искры», указанный в этих документах: «С верой в грядущую жизнь — смело борись за свободу». Эмблема — искры, молот и книга [Кирпичникова 1922, с. 73–97].

Эксперименты в «Искре» проводились, естественно, не только в области школьного управления, но и с системой обучения. У колонистов, переживших революцию и пришедших в старшие группы из разных школ и с перерывом в занятиях, знания были разнородны и зияли большими пробелами. На подготовку домашнего задания у них уходило много сил и времени. Сначала учителя предложили «интенсивный метод»: несколько недель подряд посвящались наукам одного направления (например, только гуманитарным). Число часов по другим предметам уменьшалось, и по ним не задавали домашнего задания. Таким образом, ученики готовили не пять-

колонисты помогали в сельскохозяйственных работах коммуне, проживавшей в имении. С 1919 по 1924 гг. состояние дома и материальная база школы-колонии сильно улучшились (например, у школы появилась своя лошадь), физической нагрузки стало гораздо меньше, свободного времени и времени на учебу больше.

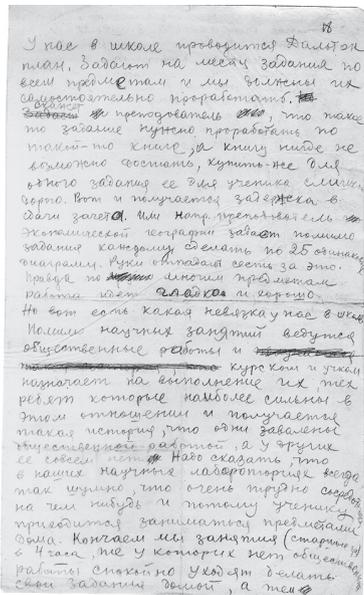
По словам Кирпичниковой, педагоги с самого начала обсуждали с воспитанниками, как будет строиться система школьного обучения, выясняли, какой ученики видят «идеальную школу». Самоуправление было одобрено сразу, но на практике реализовывалось медленно — педагоги не навязывали ученикам гото-

шесть предметов за раз, а два-три; меньше переключались, могли углубиться в одну тему, и в итоге лучше и быстрее справлялись с заданиями.

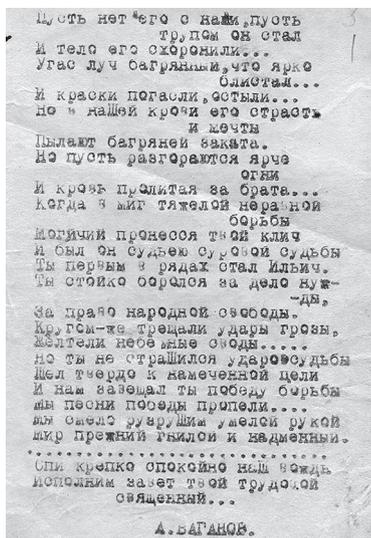
С 1923 г. к «интенсивному методу» добавился Дальтон-план. Нет нужды описывать его еще раз: все особенности и трудности, с которыми столкнулись ученики и школьные работники «Искры», описаны в «Дневнике...» более-менее точно. Но стоит отметить те мотивы, которые были у преподавателей, при введении этой системы. «Дальтон-план» позволил разделить группы на «максималистов» (тех, кто проходит предмет углубленно) и «минималистов» (изучающих предмет лишь до уровня минимальных требований, установленных МОНО) — то есть, по сути, дал возможность ученикам выбрать себе специализацию. У учителей не было иллюзий по поводу того, сколько выпускников школы начала 1920-х гг. смогут продолжить обучение в вузе:

Из II ступени туда попадает лишь незначительный процент; это либо платные студенты, либо единичные командировки профсоюзов. <...> Если мы, преподаватели II ступени, признаем, что дело обстоит так, то мы нравственно обязаны дать нашим ученикам, большинство которых заканчивает свое образование курсом второй ступени, не только запас знаний, большая часть которых скоро выветрится без дальнейшего углубления, а умение самостоятельно работать — раз, и увлечение той или иной отраслью знания — два [Кирпичникова 1923, с. 98–110].

Порядки, подобные тем, что были заведены в загородной школе «Искра № 3», были типичны для многих экспериментальных школ начала 1920-х гг. Тем не менее, можно утверждать, что прототипом школы Кости Рябцева была именно «Искра». Среди ее персонала

Жалоба на Дальтон-план, написанная учеником школы-колонии «Искра» (РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Ед. 215. Л. 18)

Стихотворение на смерть В. И. Ленина, написанное учеником второй группы школы-колонии «Искра» Алешей Вагановым

(Костя, как мы помним, тоже такие писал, но зачеркнул) [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Ед. 206. Л. 1].

Многоуровневая, оригинальная система школьной прессы, описанная в «Дневнике...», полностью совпадает с «искровской». В сохранившихся стенгазетах «Искры» легко найти и опрос о цели жизни, и заметку про самоуправление-«Репку», и школьный фольклор о мертвой девочке, явившейся доктору.

Многие происшествия (бунт против Дальтон-плана, возникновение «Союза», приступ массовой истерии, капустники) либо упоминаются в записях Кирпичниковой, либо находятся в документах из архива Огнева.

Однако, в точности взяв из жизни школы многие сюжеты, Огнев опустил слишком специфические ее черты: интернат превратился в обычную общеобразовательную школу на полдня, пропали работы на земле и по дому, ушла романтика необычного местоположения колонии — в старинной разрушенной усадьбе на берегу реки вблизи большого монастыря. Писатель сделал упор на особенностях времени, а не места — и частная история со множеством реальных деталей превратилась для читателя в документ,

и учеников находятся прообразы персонажей «Дневника...». Е. А. Кирпичникова подходит на роль Зинаидиши — жестокого, но справедливого и любящего детей педагога и администратора. Учитель математики Алмакфиш напоминает Александра Максимовича Зайцева, учителя физики в «Искре», которого учащиеся называли Алмакзаем [Огнев 1924, с. 162]. Характеристика, в которой учителя называют Костю Рябцева «типичным подростком по Стэнли Холлу» [Огнев 1927, с. 65], почти дословно повторяет подлинный отзыв на ученика «Искры» Алешу Ваганова. Алеше принадлежат и хранящиеся в архиве Огнева стихи на смерть В. И. Ленина

изображающий всю молодежь и все советские школы реформенного периода.

«Н. Огнев, не сгущая ни черных, ни красных красок, сумел показать современную школу — в ее росте, в движении», — писал Г. Фиш в журнале «Звезда» в 1927 г. [Фиш 1927, с. 167]. «Произведение Н. Огнева — выдающийся художественно-общественный документ революционной эпохи, по которому можно составить ясное представление о жизни, быте и тенденциях развития советской молодежи в эпоху перелома», — поддерживал его Н. Замошкин в «Новом мире» [Замошкин 1927, с. 180], хотя там же и упрекал автора, что тот отчасти остался «в плену фактов, правдоподобных лишь в единичном, а не во всеобщем, смысле». Советским критикам вторили американские: «Книга Огнева не только произведение искусства, но, главное, социальный документ, Костя — это дитя зарождающейся советской культуры, он, словно в зеркале, отражает все противоречия новой эпохи» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 4].

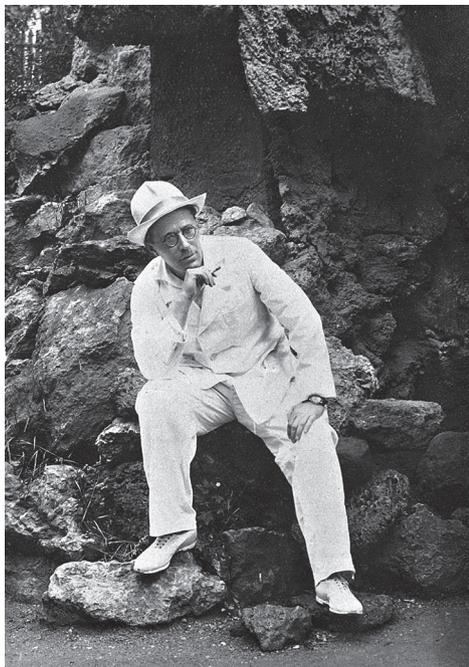
«Дневник Кости Рябцева» — не первое произведение Огнева о школе. Существует несколько более ранних рассказов 1920-х гг. Например, «Дело о мертвебе» [Огнев 1925], в котором школьное собрание разбирает случай с найденным на дворе мертвым недоношенным младенцем. В рассказе «Крушение антенны» [Огнев 1925] учитель устанавливает на высокой сосне антенну, и принимаемые ею радиоволны сражаются с мистическими силами, которые притягивает в соседние леса и деревни высокий крест ближней церкви¹². По стилистике эти рассказы напоминают фрагментированную, «фонетическую» прозу Б. Пильняка, с которым Огнев дружил в 1910-х гг., и отчасти заимствуют синтетический метод Е. Замятина, призывавшего изображать современную реальность в сшибке с фантастическими элементами. В обоих произведениях показана растерянность и истеричность взрослых, потерявших ориентиры в послереволюционной действительности, и — на контрасте — собранность и рациональность детей, готовых спокойно справляться с непростыми ситуациями.

Когда в 1925 г., уже бросив преподавание в школе, Огнев взялся за «Дневник Кости Рябцева», он усложнил эту схему. Расстановка сил между взрослыми и детьми стала более сбалансированной: косность взрослых теперь компенсировалась наличием опыта, а молодости, кроме твердых убеждений, оказывались присущи еще и нелепые заблуждения.

Довольно резко Огнев поменял и художественные приемы. Будучи с начала 1920-х гг. близким к литературной группе «Перевал» и А. Воронскому, он тяжело переживал номенклатурные перипетии 1925 г. (образование РАППа, постановление Политбюро «О политике партии в области художественной литературы», раскол литобъединения «Кузница»), которые укрепили политическое положение литературных оппонентов «Перевала»¹³. Обеспокоило его и все более агрессивное и уже официально закрепленное использование ярлыка «писатель-попутчик», которое сразу же досталось многим близким Огневу литераторам и, очевидно, легко могло быть применено и к нему.

Осознанно или нет, но принявшись за повесть, Огнев отказался от прошлой орнаментальной манеры и решил целиком построить новое произведение на имитации подростковой речи. Взяв за основу жанр дневника, Огнев будто прислушался к советам самого авангардного литературного крыла — ЛЕФа. Именно представители Левого фронта искусств предлагали обратить внимание на биографии, переписку, репортажи, дневники; поменьше выдумывать и обобщать, но развивать «литературу факта» — представлять события не образами, а документами. И те же ЛЕФовцы широко использовали метод монтажа: превращали произведения в «огромную мозаику, состоящую из отдельных фактов, которые, собранные воедино, отображают *истинную* (курсив автора. — О. В.) картину реальности» [Заламбани 2006, с. 11]. «Дневник...» тоже вышел своего рода коллажем. Представим себе, как выглядели бы тетрадки с записями Кости Рябцева, существуя они на самом деле: раздувшиеся от всевозможных вклеек и вкладок, среди которых и школьные справки, и письмо в СПОН, и странички с журнальными рассказами¹⁴, и кусочки статей из стенгазет. Ту самую правдоподобность «Дневника...», которая смущала его читателей и заставляла искать «настоящего» автора, обеспечивали не только (и не столько) описания реальных характеров и происшествий, но выхваченные прямо из школьной жизни и смонтированные в единое целое обрывки устной и письменной речи.

А что же Никпетож? Является ли он сам «литературным фактом»? Задокументировал ли Н. Огнев сам себя или смонтировал для сюжета другую личность? Сочиняя текст от лица Кости Рябцева, писатель мог создать свой идеализированный образ, или всерьез

Н. Огнев. 1933 г. Кисловодск.
Военный санаторий (РГАЛИ
Ф. 370. Оп. 1. Ед. 243. Л. 8)

посмотреть на собственную персону чужими глазами. Он, с очевидной иронией, сделал и то, и другое. Николай Петрович Ожигов — образец для подражания, идеальный учитель: демократичный, спокойный, к нему можно прийти с любым вопросом. Он не выбирает себе любимчиков, не придирается и всегда занимает сторону учеников. Костя Рябцев не раз повторяет: «Никпетож оказался, как всегда, умней всех», а первая часть повести заканчивается тем, что Никпетож «летит в воздух» — его дружно славят и качают.

Однако постепенно ситуация меняется: в течение летнего триместра Никпетож совершает неэтичный поступок и вынужден уйти из школы. Его подозревают в любовной связи с ученицей, и даже Костю Рябцева он непедагогично делает поверенным своей тайны. У этого сюжета, как и у многих других в книге, есть фактическая подоплека: в архиве Огнева находятся письма от учеников [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 159. Л. 2–3], по которым вполне можно предположить, что причина скорого ухода М. Г. Розанова с поприща преподавателя II ступени была та же, что и у Никпетожа. Когда учитель Ожигов признает перед Костей свои ошибки — «Я на некоторое

время поставил личное выше общественного...» [Огнев 1927, с. 249], можно подумать, что автор и сам объясняется с молодым поколением.

В «Дневнике Кости Рябцева» это щекотливое отражение автора в персонаже похоже на игру: можно заподозрить, что автор наделил Никпетожа собственными чертами и недостатками, а можно не придавать этому особого значения. Эта деталь тонет среди выпукло-правдоподобных и не менее интригующих приключений подростка пубертатного возраста. То, что Огнев вкрапляет в «Дневник...» человеческие слабости наравне с другим фактическим материалом, одна из самых обаятельных черт книги и, на самом деле, один из секретов ее успеха у читателей.

Однако чуть позже двусмысленные отношения автора и персонажа разрастутся до отдельного сюжета. На волне успеха «Дневника...» Огнев пишет продолжение «приключений» своего героя, теперь уже поступившего в вуз. Хотя рассказчиком и формальным главным героем в них остается Костя Рябцев, в центре оказывается фигура «мятущегося интеллигента» Никпетожа. Вопрос о том, как выжить в обществе, требующем от своих членов не просто вовлеченности в строительство нового мира, но абсолютной верности все более жестоким идеалам и нормам, затмевает для писателя вопрос о том, каким вырастает в этом обществе юный человек¹⁵.

При этом во второй части Никпетож теряет черты Огнева, жизнь персонажа перестает (даже в мелочах) совпадать с тем, что происходит с самим писателем. В советском обществе автор находит для своего alter ego роль, которая точно не подошла бы ему самому. К политической ситуации 1930-х они приспосабливаются оба, но очень разными способами.

Это, впрочем, уже другая история.

Примечания

¹ Письмо готовилось как предисловие редакции для книжной серии «Библиотека «Огонек»». В 1926 г. в этой серии вышла первая часть «Дневника...» (то есть первый триместр Кости Рябцева в школе) под заглавием «Гибель лорда Дальтона». Цитируемое письмо Кости должно было появиться при публикации в той же серии второй части — «Разгром капустника». Но она вышла в «Огоньке» лишь в 1928 г. и без предисловия.

² Это вступление также не было опубликовано.

³ Если перевести на современный язык, — адвокатом, которому разрешено вести практику в 11 центральных губерниях России.

⁴ Стоит сказать несколько слов про каждого из родных братьев Н. Огнева: их занятия часто пересекались, братья явно влияли друг на друга. Самый старший, Николай

Розанов (род. в 1886 г.) стал крупным советским ученым-ихтиологом. Брат Иван (1890–1975) — известным педагогом-экспериментатором. В 1910-х гг. он занимался теорией трудового воспитания и детского самоуправления вместе с С. Т. Шацким и обществом «Сетлемент». В 1920-х гг. он работал на 1-й опытной станции по народному образованию под началом того же Шацкого и заведовал детской колонией. Про брата Леонида (род. в 1892 г.) сведения обрывочные: судя по всему, он занимался примерно тем же, что и его братья, но с меньшим успехом: вращался в литературных кругах, близких к тем, к которым принадлежал Огнев, немного занимался педагогикой и детским театром. Наконец, самый младший (и самый известный) из родных братьев Огнева, Сергей Розанов, стал специалистом по эстетическому воспитанию детей, театральным режиссером (он был первым мужем Натальи Сац, Московский детский театр они создавали вместе) и детским писателем — автором популярной повести «Приключения Травки».

⁵ Общество «Сетлемент» было создано педагогом Станиславом Теофиловичем Шацким по образцу одноименного движения в Англии и США (русский вариант названия происходит от английского “settlement movement”). И на Западе, и в России задачами «Сетлемент» были обучение и организация досуга детей бедняков и рабочих; занимались этим обычно представители обеспеченных классов и интеллигенции на волонтерских началах. Основой движения были клубы — специально оборудованные помещения, в которых дети могли с пользой проводить время: общаться, учиться, развлекаться. Одной из особенностей «Сетлемент» была высокая самостоятельность детей: в клубах они пользовались большой свободой и за многое отвечали сами, в том числе вырабатывали правила клубной жизни, организовывали досуг, заботились друг о друге и о помещении.

Здание московского клуба «Детский труд и отдых», в котором поместился российский «Сетлемент», было специально спроектировано архитектором и педагогом А. У. Зеленко. Оно должно было отвечать потребностям и эстетическим вкусам самих детей. Внутри помещались детский сад, начальная школа, ремесленное училище. Всего клуб в Вадковском переулке (здание которого сохранилось до сих пор) принимал до 200 человек. В 1908 г. общество «Сетлемент» было закрыто полицией за «пропаганду социализма среди детей».

⁶ Точных сведений о политических взглядах М. Г. Розанова того времени не сохранилось. Сравн. с биографией из Литературной энциклопедии 1934 г.: «Участвовал в революционном движении, подвергался арестам, но к определенной политической партии не принадлежал» [Бочачер 1934, с. 233].

⁷ Михаила Розанова арестовывают в октябре 1906. Несколько месяцев он проводит в Мясницком полицейском доме, где сидят в основном политические заключенные и царят вольные порядки. Там он издает екустарные журналы «Решетка» и «Полицаймейстер». В 1907 г. он сбегает из тюрьмы в Финляндию «для подготовки к революционной деятельности», но по возвращению его снова арестовывают и приговаривают к году одиночного заключения в Бутырской тюрьме. Но и одиночная камера не становится преградой для занятий журналистикой: вместе с Н. С. Каржанским Розанов выпускает юмористический журнал «Гудок» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 6; Ф. 370. Оп. 1. Д. 115].

⁸ Одним из таких «никому не известных» был, например, будетлянин Велимир Хлебников, дебютировавший в печати именно в «Весне».

⁹ Точных подтверждений найти пока не удалось, но с большой долей вероятности можно предположить, что это педагог и детская писательница Елизавета Александровна Кирпичникова, дочь филолога и историка литературы А. И. Кирпичникова. В 1900-х гг. Елизавета Александровна содержала гимназию на улице Знаменка.

Это было одно из самых либеральных учебных заведений в стране, единственное в Москве, где практиковалось совместное обучение мальчиков и девочек.

¹⁰ Покровско-Рубцовская профтехтехническая школа давала профессию молодым людям, не достаточно способным для обучения в школе II ступени.

¹¹ Судя по описанию, имеется в виду главный дом усадьбы, отреставрированный в конце XIX в. Ф. Шехтелем.

¹² Этот рассказ, очевидно, написан об «Искре»: под церковью имеется в виду Ново-Иерусалимский храм, антенну в школе устанавливал упоминавшийся выше Александр Максимович Зайцев [Зайцев 1923, с. 122–132]. Одна из искровских стенгазет называлась «Антенна», явно в честь этого достижения.

¹³ В архивах Огнева можно найти черновики возмущенной поэмы-пасквиля о травле А. Воронского Л. Авербахом [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–6, 11–12]. В черновике автобиографии 1925 г. Огнев также порицает А. Безыменского: «Безыменский не классово, а литературно неграмотен, когда он нападает на Воронского. Это тоже самое, что ругать (лягать) Троцкого — только потому, что он в партийной опале» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 10].

¹⁴ Вставные рассказы «Испытание железом» и «Диалектика жизни» написаны самим Огневым и явно намеренно копируют журнальную беллетристику 1920-х гг. Тем не менее, Огнев издавал их и отдельными произведениями, например, в сборнике «Комсомольцы» 1933 г.

¹⁵ Интересно, что «борьба» персонажей за главенство в сюжете отразится в вариативности заглавия. В 1929 г. книга выходит дважды: в одном варианте под заглавием «Исход Никпетожа» [Огнев 1929а], в другом — «Костя Рябцев в вузе» [Огнев 1929б]. Впрочем, сам писатель придерживался первого, второе чаще появлялось в переводах.

Источники

Белый А. На рубеже двух столетий. М.: Художественная литература, 1989.

Зайцев А. Применение радио в школе // Вестник просвещения. 1923. № 5–6. С. 122–132.

Заламбани М. Литература факта. От авангарда к соцреализму. СПб.: Академический проект, 2006.

Замошкин Н. Изобилие эпохи // Новый мир. 1927. № 6. С. 174–180.

Истринская земля / А. А. Зилов [и др.]; ред. Л. В. Гладков. М.: Энциклопедия сел и деревень, 2004. С. 554–566.

Кирпичникова Е. Загородная школа «Искра» // Трудовая школа. Бюллетени отдела народного просвещения М. С. Р. Д. 1919. № 7–8. С. 62–65.

Кирпичникова Е. История одного самоуправления в загородной школе II-ой ступени // Вестник просвещения. 1922. № 8. С. 73–97.

Кирпичникова Е. Далтонский план и школа II-ой ступени // Вестник просвещения. 1923. № 7–8. С. 98–110.

Бочачер М. Огнев Николай // Литературная энциклопедия. Т. 8. М.: 1934. С. 233–236.

Огнев Н. Дело о мертведе // Советский рассказ 20–30-х годов. М.: Правда, 1990. С. 390–404.

Огнев Н. Дневник Кости Рябцева // Красная новь. 1926. № 8. С. 167–193.

Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. М.: Молодая гвардия, 1927.

Огнев Н. Из песен о правде. Норвежская легенда // Правда Божия. 1906. 26 января.

Огнев Н. Исход Никпетожа: Дневник Кости Рябцева. Книга вторая // Собрание сочинений. Т. 4. М.: Федерация, 1929а.

- Огнев Н.* Костя воюет // Столичная молва. 1913а. 13 августа.
- Огнев Н.* Костя Рябцев в вузе: Продолжение нашумевшей книги «Дневник Кости Рябцева». Рига: Грамату другс, 1929б.
- Огнев Н.* Курсиане // Столичная молва. 1913б. 30 сентября.
- Огнев Н.* Рассказы. М.-Л.: Круг, 1925.
- Огнев Н.* Три измерения. М: Государственное издательство художественной литературы, 1933.
- Огнев Н.* Только через массу // Писатели об искусстве и о себе: сборник статей № 1. М.-Л.: Круг, 1924. С. 149–164.
- Писатели: Автобиографии и портреты современных русских прозаиков/под ред. Вл. Лидина. М: «Соврем. проблемы» Н. А. Столляр, 1926. С. 215–216.
- Фиш Г. Н.* Огнев. Дневник Кости Рябцева // Звезда. 1927. № 7. С. 167.

Исследования

- Белая Г.* Дон Кихоты революции — опыт побед и поражений. М.: РГГУ, 2004.
- Бернштейн И., Дименштейн Р.* «...И над ними тенью бродит оголтелый лорд Дальтон». Педагогические эксперименты 1920-х годов // Огнев Н. «Дневник Кости Рябцева». М.: «Тервинф», 2012. С. 212–216.
- Добренко Е.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999.
- Заламбани М.* Литература факта. От авангарда к соцреализму. СПб.: Академический проект, 2006.
- Маллямова Э.* Формирование гуманистических ценностей воспитания у студентов на примере «сельских воспитательных общин» Г. Литца // Вестник Кузбасского государственного технического университета, 2006. С. 170–172.
- Рожков А.* В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Федорова Н.* Самоуправление в советской школе (20-е — 30-е годы XX века) // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2008. С. 109–116.
- Чудакова М.* Литература советского прошлого // Избранные работы. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Hellbeck J.* Revolution on My Mind. Writing a Diary Under Stalin. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006.

А. Рожков

ЧИТАЯ «ДНЕВНИК КОСТИ РЯБЦЕВА»: ШКОЛЬНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ 1920-х гг. ГЛАЗАМИ ИСТОРИКА

В статье дается научный комментарий историка к социально-историческому контексту послереволюционной эпохи и облике школы 1920-х гг., описанных в повести Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева». Рассмотрена концепция новой советской многоукладной школы, одной из задач которой было формирование «нового человека». Дана оценка классовому подходу при наборе в школу, «вычищении» из нее детей социально «чуждого» происхождения, оплате обучения. Исследован характер методических экспериментов (комплексный метод, программы ГУС, Дальтон-план, метод проектов и др.). Проведен анализ системы ученического самоуправления, роли и места пионерских и комсомольских организаций в жизни школы. Делается вывод о высокой степени достоверности литературного произведения Н. Огнева, которое с полным основанием следует рассматривать в качестве надежного исторического источника о школе и учащихся в 1920-е гг.

Ключевые слова: «Дневник Кости Рябцева», Николай Огнев, школа 1920-х гг., педагогические эксперименты, ученическое самоуправление, «новый человек».

Литературный персонаж Костя Рябцев вполне справедливо был назван в комсомольской прессе 1920-х гг. «новым и интересным» человеком, «думающим и сознательным существом», «эмбрионом интеллигента новой эпохи» [О Косте Рябцеве 1927, с. 179]. Коллективизм, самоотверженный труд на благо революции, отказ от всего дореволюционного и буржуазного, борьба с мешанством, непримиримость/ненависть к оппонентам/врагам — основные черты «нового человека», которые партия, комсомол и школа пытались привить детям и подросткам в раннем советском обществе. Многие из этих черт мы замечаем и у Кости Рябцева. Возникает закономерный вопрос: какую роль в формовке «нового человека» играла школа 1920-х — основное социальное пространство в повести Н. Огнева? Для полноценного ответа на этот вопрос нужно всесторонне реконструировать школьную действительность и жизненный мир школьника 1920-х гг., глубоко изучить несколько кейсов, что в рамках настоящей работы не представляется возможным.

В качестве исследовательской задачи статьи мною ставится описание и анализ школьной действительности 1920-х гг. в некоторых ее ключевых аспектах, отображенных в повести «Дневник Кости Рябцева» (далее ДКР). Взгляд исследователя-историка будет сфокусирован на обобщенной трактовке школы 1920-х как осуществленной реальности во всем ее многообразии (иными словами, какой школа была «на самом деле») на основе анализа документов, в том числе программных и директивных.

При этом я умышленно отхожу от искушения разобраться в механизме конструирования Н. Огневом школьной действительности, поскольку это потребовало бы скорее анализа текста литературного произведения, стиля и творческой «кухни» писателя, чем исторических документов. Вместе с тем вопрос о степени достоверности в изображении школьной действительности 1920-х гг. в ДКР является одним из основных. (Речь не идет о достоверности в описании конкретной школы, в которой «учился» Костя — прием репрезентации собирательного портрета в одном лице естественен для художественного произведения). В произведении Н. Огнева трудно найти черты школьной действительности той эпохи, которых писатель хотя бы кратко не коснулся: Дальтон-план, самоуправление, половой вопрос, стенгазеты, пионеры и комсомольцы, антирелигиозное воспитание, беспризорники, кражи в школах, перегруженность учащихся, самоубийства, танцы под запретом, новояз, популярность анкет и кинематографа, увлечение художественной самодеятельностью, футбол и т. д. Часть этих характерных, «знаковых» черт школы 1920-х гг. и станет предметом нашего анализа. Исследовательский фокус будет в основном сосредоточен на трех «китах» школьной действительности того времени — методических экспериментах, ученическом самоуправлении и языке школьника. Но вначале обзорно рассмотрим советскую школу 1920-х гг. как контекстное социальное пространство, в котором взаимодействовали реальные сверстники Кости Рябцева и их учителя.

ШКОЛА В СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ 1920-х гг.

Советская школа возникла не на пустом месте. Начиная с реформ Петра I, ей предшествовала двухвековая история становления и развития светского образования в Российской Империи [см. Алешинцев 1912; Каптерев 1915; Казанцев 1928; Медынский 1929; Золотарев 1922, 1926; Милоков 1994; Балашов 2003 и др.]. Тем не менее,

несмотря на определенные достижения в области школьного строительства и повышения уровня грамотности населения, Россия в этом направлении серьезно отставала от западных государств. По данным Б. Н. Миронова, в 1914 г. на 1 тыс. чел. в России приходилось 59 учащихся начальных и средних общеобразовательных школ, тогда как во Франции — 148, Великобритании — 152, Германии — 175, США — 231 чел. Грамотность среди мужчин в возрасте 9–15 лет в России составляла 54% (женщин — вдвое ниже) на фоне практически полной грамотности в развитых западных странах [Миронов 2000, с. 383–384]. Необходимость полноценной реформы школьного образования в России назревала еще на рубеже XIX–XX вв., что, в частности, наглядно показали школьные бунты 1905–1906 гг. [Балашов 2003, с. 42–55]. Революции, войны, эпидемии, голод и другие общественные потрясения начала XX в. не только катализировали процесс перемен в школе, но и сформировали новое поколение учащихся с активной гражданской позицией, с не по возрасту богатым жизненным опытом и высокими притязаниями.

Новая школа была востребована не только учащимися, но и советским государством. Большевики почерпнули немало ценных идей (особенно в сфере демократизации и школьных свобод) из законопроектов о школьной реформе, готовившейся в мае-июне 1917 г. Госкомитетом по народному образованию. Вместе с тем в ряде работ представителей революционного движения в России, написанных до Февральской революции [см. Ленин 1913, 1914; Крупская 1909, 1911, 1912, 1913; Блонский 1915, 1916, 1917], обозначены некоторые черты новой школы, сформулированные на основе изучения зарубежного опыта. В самом общем виде концепция новой советской школы изначально предусматривала три основополагающих элемента: политехническое обучение; единую трудовую школу (ЕТШ); комплексный дидактический метод. Центральным звеном реформы системы образования являлось создание единой (в понимании Пауля Наторпа — *«всеобщеравной»*) [Наторп 1910, с. 217–218]) трудовой школы со свободным, в отличие от буржуазных школьных систем, переходом учащихся из одной ступени в другую, «из самых низших ступеней... до университета». Единая трудовая школа была призвана не только обучать, но и готовить молодого человека к практической жизни в советском обществе. Наряду с идеологизацией и политизацией обучения выдвигалась задача воспитания всесторонне развитой личности [Из Программы... 1931, с. 11; Крупская 1917, с. 412–414; Крупская 1925, с. 208–210].

Контуры «идеальной модели» новой школы были намечены в Положении о ЕТШ от 16 октября 1918 г. и Программе РКП (б), принятой на VIII съезде партии. Программа партии декларировала введение «бесплатного и обязательного общего и политехнического... образования для всех детей обоего пола до 17 лет» [Из Программы... 1931, с. 11]. Основными формами ЕТШ определялись школы I и II ступеней, дающие соответственно начальное и среднее образование: I ступень (пятилетний курс) для детей 8–13 лет, II ступень (четырёхлетний курс) — для 13–17-летних. Вводилось совместное обучение мальчиков и девочек и школьное самоуправление. Аудиторные занятия рекомендовалось проводить с 1 сентября по 1 июня, далее в течение месяца предполагались занятия под открытым небом (экскурсии, летние площадки). Летние каникулы устанавливались с 1 июля по 1 сентября, зимние — с 23 декабря по 7 января (очевидно, для избегания проблем с празднованием Рождества Христова по обоим стилям), весенние — с 1 по 14 апреля. Школе предписывалось быть открытой для учащихся 7 дней в неделю, при этом один день в неделю полностью освобождался от классных занятий (кружки, экскурсии допускались), еще один день был «полурабочим» (для рефератов, собраний, клубных занятий). Обязательные домашние задания, как и наказания, не допускались, все виды экзаменов отменялись. Учебный день для учащихся первых групп I ступени был ограничен четырьмя (в 4–5 группах — пятью), во II ступени — шестью часами. Школа отделялась от церкви, преподавание вероучения и исполнение обрядов культа запрещалось. Для всех школ являлись обязательными бесплатные горячие завтраки [Декрет 1918].

Через несколько лет от многих намерений пришлось отойти. В скорректированном в 1923 г. Уставе ЕТШ уже не декларировались всеобщность, бесплатность обучения и свобода преподавания¹. Вместо прежней нормы *обязательности* школьного обучения появилась расплывчатая формулировка «доступ <...> открыт для всех детей школьного возраста от 8 до 17 лет». При этом статьи 26 и 27 Устава декларировали классовый приоритет детей трудящихся при наборе в школу: «В случаях, когда развитие школьной сети не позволяет принять в школу всех детей, преимущество при приеме отдается детям трудящихся». Не менее четко провозглашалась классовая направленность обучения и воспитания: «Вся работа в школе и весь строй жизни ее должны способствовать выработке в учащихся классового пролетарского самосознания

и инстинктов, осознанию солидарности всех трудящихся в борьбе с капиталом». В отличие от Положения о ЕТШ, Устав вносил изменения внутри каждой ступени обучения. Теперь школа I ступени становилась четырехлетней (для детей 8–12 лет), а школа II ступени, напротив, расширялась до пятилетнего курса обучения (для детей 12–17 лет). Продолжительность учебного года стала регламентироваться менее жестко: устанавливалась только его длительность в 10 месяцев, определение же начальных и конечных дат занятий перекладывалось на губернские отделы народного образования, сроки зимних и весенних каникул устанавливал наркомпрос. Существование частных школ не допускалось [Устав 1923, с. 3–10].

Кроме вышеназванных форм в многоукладную систему ЕТШ также входили школы-семилетки (включая фабрично-заводские — ФЗС), школы крестьянской молодежи (ШКМ), школы для переростков и девятилетки. Каждая из разнообразных форм ЕТШ предназначалась для определенного уровня профессионализации. Например, из I ступени можно было идти в низшие профессиональные школы (так назывались профтехшколы, учебно-производственные мастерские, школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и ШКМ). Семилетка давала право поступления в техникум с трехгодичным курсом обучения. Оба эти уровня обучения позволяли также поступать на рабфак. Девятилетка, помимо права поступления в вуз, давала профессиональную выучку.

С целью профессионализации ЕТШ с 1921 г. в школах II ступени был введен так называемый «профуклон» (культурно-просветительский, кооперативный, сельскохозяйственный, бухгалтерский, педагогический и т. д.), дававший старшеклассникам и выпускникам право работать в профессиональной сфере на низших должностях. Так, ученик старших классов школы-девятилетки с педуклоном мог официально считаться «шкрабом», проходя практику в школе I ступени [Крестная ноша... 1994, с. 30]. Тем не менее, занятия по «уклонам» зачастую негативно воспринимались школьниками, что наглядно иллюстрирует сатирическое стихотворение «Педуклон» выпускника 1-й сочинской школы (1928 г.) П. Лемана:

«Нас замучат поневоле» —
Отовсюду слышен стон —
«И зачем же в нашей школе
Введен мерзкий педуклон?
Надо нам давать уроки, —
Малышей еще учить...

А с конспектами мороки!
Лучше б в школу не ходить!»
<...>
Отсюда вам на удивленье
Я вывод сделаю такой.
«Даешь уклон, как развлеченье,
А, как занятие — долой!»²

Несмотря на декларации советских руководителей, школ для всех желающих катастрофически не хватало. В 1922 г. школ I ступени было достаточно только для половины детей школьного возраста; школ II ступени едва хватало для 5–6% нуждающихся в обучении. Примерно девять человек из десяти, окончив школу I ступени, не могли попасть в II ступень [Луначарский 1922, с. 6]. По итогам Всесоюзной школьной переписи 1927 г., в СССР всего насчитывалось 117 068 школ обеих ступеней, из них городских — свыше 10,8 тыс. (I ступени — 6 363, II ступени — 4 474), сельских — более 106,2 тыс. (I ступени — 102 363, II ступени — 3 868) [Красильников 1930, с. 62]. Тем не менее, в конце 1920-х гг. за порогом начальной школы находилось более 40% детей школьного возраста, в школе повышенного типа положение было и того хуже.

При этом центральная задача школы — формирование «нового человека» — не была забыта руководством страны [см., напр., Луначарский 1928а]. Программа партии 1919 г. содержала четкие положения о превращении школы «из орудия классового господства буржуазии <...> в орудие коммунистического перерождения общества» [Из Программы... 1931, с. 11]. Эта высокая задача порой трактовалась отдельными партийными функционерами весьма упрощенно:

Создавать не мещанского ублюдка, не собственника, а человека, преданного социализму, мыслящего и действующего в интересах трудящегося коллектива, всегда увязывающего теорию с практикой и отдающего себе полный отчет в своих действиях [Фетисов 1928, с. 53].

При всем своем несовершенстве школа 1920-х как социальный институт, один из важнейших институтов социализации исторически была теснее, чем родительская семья связана с государством, а потому оказалась более интегрированной в партийно-государственную систему формирования «нового человека». Она более, чем семья, была приспособлена и к бурной социально-политической действительности, окружавшей школьника.

Как справедливо отмечал А. Д. Сиявский (А. Терц), «“Новый человек” понимался и трактовался как живое следствие особой, классово-природы пролетариата и отчасти крестьянства. На этой социальной базе он и должен был возникнуть. Притом возникнуть не в виде каких-то отдельных личностей, но в массовом проявлении» [Сиявский 2001, с. 206]. Поэтому в школе, как и в других институтах государства, возобладали социальный отбор, классовое разделение школьного сообщества на «своих» и «чужих». Классовый подход по отношению к ученикам в школе осуществлялся несколько мягче, чем в ВУЗах, что обусловлено, прежде всего, возрастом учащихся. Наиболее зримо классовые различия проявлялись в таких вопросах, как комплектование школ учащимися и плата за обучение (на основании решения X Всероссийского съезда Советов с марта 1923 г. во всех школах страны было введено платное обучение).

Вопреки продекларированному свободному доступу в школу, на практике даже прием в школу I ступени регулировался специальным положением Наркомпроса, основанном на классовом принципе. Однако особое беспокойство в отношении классовой «чистоты» вызывали у большевиков школы II ступени по причине преобладания в них нелояльных к советской власти учителей и «неблагонадежного» социального состава учащихся. Для обеспечения «пролетаризации» этих школ предписывалось в состав школьных приемных комиссий обязательно включать представителей комсомола³. В этих целях была установлена так называемая норма ВЦИК, по которой число учащихся школ II ступени не должно превышать 12,5% от общего количества учащихся в школе I ступени. Одна новая школа повышенного типа могла открываться только при условии создания 11 новых школ I ступени. Однако на самом деле пропорция между численностью новых школ I и II ступеней обычно не превышала 7:1 [Луначарский 1928б, с. 18]. Между тем, на практике перспектива получить среднее образование была более реальной для непролетарских детей. По данным наркомпроса, в РСФСР к концу 1920-х гг. в школах II ступени, открывавших прямой путь в вузы, обучалось примерно 15% детей рабочих, 25% — крестьян, 44% — служащих и кустарей, 10% — нетрудового населения [Попов 1928, с. 57]. Стоит уточнить, что спектр «служащих» был очень широк — от машинистки и делопроизводителя до профессора и партийного функционера, а к категории «рабочих» относились не только рабочие от станка, но и дворники, истопники, сторожа и пр.

Параллельно с регулированием классового состава при приеме в школы шел процесс «очистки» от непролетарских детей среди учащихся. К концу 1920-х гг. «чистки» детей нетрудовых «элементов» приняли практически повсеместный характер и проводились в порядке специальных кампаний. В ряде школ создавались комиссии по выявлению «чуждых» среди учащихся (КВЧ)⁴. Стремление школьного руководства выполнить требования наркомпроса об увеличении рабоче-крестьянской прослойки среди учащихся приводило, по причине отсутствия свободных мест, к механическому исключению непролетарских детей (если они не прибегали к «социальной маскировке»). Учащиеся, оставшиеся «невычищенными» из школы, нередко становились изгоями — их не избирали в органы ученического самоуправления, запрещали участвовать в спортивных состязаниях и экскурсиях. Как вспоминает сын раскулаченных родителей С. Подлубный, детям «лишенцев» по окончании школы запрещалось даже выдавать свидетельство об образовании⁵. В повести Н. Огнева мы не наблюдаем отголосков этих процессов по двум причинам: дневник Кости описывает события 1923/24 учебного года, когда классовый подход еще не проник в школу глубоко; загородные школы-интернаты были предназначены в основном для детей пролетариев и ребят из необеспеченных семей.

Исходя из социального происхождения и заработка родителей учащегося, начислялась и сумма оплаты за обучение, обычно от 5 руб. до 30 руб. в полугодие. Самый большой взнос платили торговцы, владельцы промышленных предприятий (в период НЭПА мелкое, кустарное производство в значительной мере было в руках частного капитала), служители религиозного культа и представители прочих непролетарских профессий — им полагалось отдавать в казну от 50 до 100 руб. Льготная оплата устанавливалась для детей крестьян-хлеборобов, ремесленников, кустарей, рабочих. В каждой школе оставлялось 25–30% бесплатных ученических мест для детей учителей, красноармейцев, инвалидов, пенсионеров, зарегистрированных на бирже труда безработных и т. д.⁶ Партийные и советские чиновники не освобождались от платы за обучение, т. к. относились к слою «хорошо обеспеченных родителей». Стоит уточнить, что формально плата за обучение называлась «добровольной», ребенка нельзя было отчислить за неуплату. Начиная с 1927 г., с уменьшением численности непролетарских детей в школах (отказ в приеме детям «лишенцев», «чистки» их под разными предлогами из школы) и расширением перечня льготников, число плательщиков

сократилось до 27%, соответственно возросла сумма взносов с каждого (до 160–300 руб. в год) [Милуков 1994, с. 386]. Государственная система пыталась ограничить доступ детей «чуждых элементов» к среднему и высшему образованию, однако на практике от нее зачастую страдали дети пролетариев и крестьян.

Одной из характерных примет советской школы 1920-х гг. являлось совместное обучение мальчиков и девочек, переход к которому на значительной территории страны осуществился в 1918 г. Методы реализации этого перехода вызвали немало разногласий в обществе. Многие консерваторы упрекали большевиков в развращении учащейся молодежи. Другие, как доктор Л. М. Василевский, видели в совместном обучении общественную пользу, поскольку «дети с первых же шагов своей сознательной жизни начинают видеть друг в друге, без различия пола, равных себе товарищей в занятиях и играх» [Василевский 1924, с. 61–62]. Совместное обучение позволяло ребятам копировать семейную жизнь взрослых в своих играх, опробовать социальные роли будущих брачных партнеров.

Проблема взаимоотношения полов является одной из основных в подростковом возрасте, что наглядно отображают записи в дневнике Кости. Если в этических представлениях гимназической молодежи быстрая половая близость без любви расценивалась как разврат, а нравственной нормой считалось ухаживание за барышней, то нормы пролетарской нравственности мещанским развратом считали «слюнявое» ухаживание, но не свободный от всякой любовной «черемухи» физиологический половой акт. Достаточно красноречиво по этому поводу высказался один из персонажей рассказа П. Романова «Суд над пионером»:

Если она тебе нужна для физических сношений, ты мог честно, товарищески, заявить ей об этом, а не развращать подниманием платочков и мешки вместо нее не носить. <...> Любовью пусть занимаются и стихи пишут нэпманские сынки, а с нас довольно здоровой потребности, для удовлетворения которой мы не пойдем к проституткам, потому что у нас есть товарищи [Цит. по: Гусев 1927, с. 146–147].

Конечно, революции, войны начала XX в. и особенно сексуальная революция 1920-х гг. привнесли в советскую школу определенные черты полового раскрепощения по сравнению с дореволюционной гимназией. Однако это никоим образом не подтверждает «развращающую» роль совместного обучения. Школа 1920-х гг. в этом отношении заметно отличалась от других институтов

социализации — улицы, семьи и детского дома, в рамках которых подросток проводил больше времени, и где на него воздействовали более негативные факторы полового формирования (пресловутые «капустники» и «афинские ночи»). А. Б. Залкинд справедливо заметил, что «Судьбы детской сексуальности, как плохие, так и хорошие, решаются на внешкольном, послешкольном, каком угодно фронте (улица, семья, кино и т. д.), но не в самой школе» [Залкинд 2001, с. 190–195].

Более остро проблема сексуальных «шалостей» стояла в школах интернатного типа и в ШКМ, где дети проживали совместно. В одной из таких коммун примерно половина разнополых учащихся-пионеров жила активной половой жизнью⁷. Однако наблюдались и противоположные явления. Педологами отмечено разделение учащихся одной школы-интерната на два враждебных лагеря — мальчиков и девочек. При этом вторые жили автономно от всего коллектива, замкнувшись в свой микромир. Во время еды мальчики и девочки сидели за разными столами. Если у мальчиков в спальне на стенах висели портреты Ленина, Троцкого, Маркса, то у девочек над кроватями были развешаны иконки. Во многих школах мальчики и девочки сидели вместе за партами только в двух первых группах. Начиная с 4-й группы, школьники обоего пола сидели не только раздельно, но зачастую по разные стороны классных помещений.

Ф. Арьес полагал, что школьный класс должен олицетворять собой черты возрастного класса, превращаясь в решающий фактор «внутренней дифференциации детского и юношеского периода человеческой жизни» [Арьес 1999, с. 182]. Однако в раннесоветской модели школьного образования ученический возраст не сразу приобрел четкие границы. В действительности из-за смешения разновозрастных учащихся в одной учебной группе, а также невозможности учиться вообще или продолжать обучение для многих детей в Советской России 1920-х гг. границы школьного возраста оказались размыты, а детство вовсе не было «долгим» в арьесовском толковании.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ШКОЛЕ 1920-х гг.

Школу тех лет, буквально «дышавшую» жизнью, невозможно представить вне грандиозных и перманентных экспериментов — внедрения новых, передовых методов и методик преподавания, ученического самоуправления, а также широких педагогических дискуссий. При этом разнообразные педагогические опыты

в школе проводились по инициативе государства и были нацелены, прежде всего, на создание новой школы, не похожей на упраздненную гимназию. Но насколько мог быть гарантирован успех проекта, если понизить статус основной фигуры в школе — учителя? Вопреки замыслу тяжелобольного вождя пролетариата поставить народного учителя «на такую высоту, на которой он никогда не стоял» [Ленин 1923, с. 365], де-факто школьный педагог был опущен советской властью гораздо ниже дореволюционного уровня. В этом смысле презрительные словечки «шкраб», «шкрабиха» (школьные работники), которыми часто оперирует в своем дневнике Костя, действительно больше соответствовали учительскому социальному статусу, нежели классическое «учитель». В 1925 г. жалование городского учителя составляло 75% самой низкой ставки промышленного рабочего. Высококвалифицированный учитель в крупном городе зарабатывал в 1925 г. всего 45 руб. в месяц, тогда как школьный дворник получал 70 руб., а родители некоторых учеников (квалифицированные рабочие) — от 200 до 250 руб. [Пайпс 1997, с. 382].

Наряду с материальными лишениями многие учителя постоянно находились в стрессовом состоянии по причине притеснений на классовой почве (в школах тогда преподавало более 65% учителей с дореволюционным педстажем). В 1923 г. на вопрос анкеты среди слушателей учительских курсов «Не испытывали ли вы когда-либо чувство стыда при сознании, что вы школьный работник?», большая часть респондентов ответила:

Чувствовал, когда был голоден, раздет и разут; ...я — «шкраб», — раб, работник, то есть существо безличное, несамостоятельное, недостойное уважения [Познанский 1924, с. 86–87].

И вот эти «шкрабы» с университетским (нередко — европейским) дипломом и большим педагогическим опытом были вынуждены реализовывать многочисленные инновации Наркомпроса. Классическая классно-урочная система (как и многие другие знаковые черты дореволюционной гимназии) была отменена, буквально каждый год появлялись новые учебные программы. В поисках новых методов обучения реформаторы обращали основное внимание на зарубежный, а не на дореволюционный отечественный опыт. Кроме объяснимого желания по-революционному сломать старую систему обучения, в основе методических метаний нетрудно заметить стремление большевиков подменить образование социальным

воспитанием с его главной целью — формированием «нового человека». Рассмотрим эти методические эксперименты более подробно.

Первое методическое новшество — «комплексный метод» — оказалось довольно грубой попыткой соединения образования и воспитания. Он концентрировал внимание не на учебных предметах, а на «объяснительном чтении», на сообщении необходимых сведений путем свободного, непринужденного разговора учителя с детьми. Естествознание, история, география, арифметика, родной язык перестали быть предметами отдельного преподавания. Например, такая тема как «Наш город» в 3-й группе (классе) школы I ступени включала следующие направления: прошлое нашего города; географическое положение города; город как промышленный центр; торговля и транспорт города; население города; город как культурный центр; город как административный центр⁸.

Попыткой усовершенствования комплексного метода и преодоления имевшегося в старой школе отрыва теории от практики явились программы ГУС (1923). Они носили обязательный характер и также игнорировали традиционную предметную систему преподавания. В каждой комплексной теме (например, «Осенние работы в деревне», «Наша деревня» и т. д.) раскрывались связи между трудом, природой и общественной жизнью. Предусматривалось, что параллельно с этим учащиеся будут усваивать навыки чтения, письма и счета [Шацкий 1980, с. 381]. Программы ГУС были очень противоречивы. С одной стороны, они вели школу на сближение с жизнью, с другой, не обеспечивали систему знаний [История образования 2006, с. 373]. Дети, не усвоив элементарных знаний, были вынуждены изучать достаточно сложные и политизированные для своего возраста темы. В качестве примера приведу выдержку из плана учебного занятия по комплексному методу в 4-й группе школы I ступени (комплекс «СССР и мир»):

Педагоги (обществовед, словесник, математик и естествовед) совместно намечают общее содержание комплекса, затем каждый педагог в своей части идет самостоятельно (обособляясь иногда в отдельный предмет). Моя часть комплекса — физическая география и естествоведение. В то время, как обществовед разворачивает картины экономической географии, истории борьбы крестьян с помещиками, рабочих с капиталистами, мне следует развернуть тот ландшафт, те естественные богатства, на фоне которых эти события происходят. Затем обществовед переходит к Октябрьской революции, задачам социалистического строительства (Госплан, Интернационал, империализм). Мне надо дать ряд фактов, ведущих к пониманию возможностей

овладения человеком природой, увеличения ее производительных сил, поднятия техники... [Александровская 1927, с. 63]

Неудивительно, что со стороны части педагогов внедрению этих инноваций ГУС оказывалось осознанное сопротивление. Так, учитель-коммунист Болтенков был арестован за «крамольные» высказывания в адрес инспектора из наркомпроса:

Я программы ГУСа не признаю. Считаю программы никуда не годными, потому что они переполнены обществоведческим материалом, который не нужен малышам. Мое дело научить ребят читать, писать и считать⁹.

Очередным новаторством стал «лабораторный план» или «Дальтон-план» (от назв. города в штате Массачусетс, а не в честь «лорда», питавшегося гусиной печенкой, как считал Костя Рябцев). Этот метод был предложен в 1910 г. американским педагогом Хелен Паркхерст, а в 1918 г. применен в *public school* г. Долтон. План Паркхерст основывался на принципе индивидуального обучения, на убеждении, что наиболее эффективно дети учатся и развиваются в ситуации раскованности и свободы выбора. При организации работы по Дальтон-плану («лабдальмету» — как «окрестили» его в прототипе школы, описанной в повести Н. Огнева [Кирпичникова 1924, с. 87]) учащийся не связывался общей классной работой, ему предоставлялась свобода, как в выборе занятий, так и в использовании своего учебного времени. Вместо классных комнат были созданы предметные лаборатории, и каждый учащийся переходил из одной в другую по своей индивидуальной программе. Каждому учащемуся давалось задание на месяц, которое он брался выполнить в самостоятельно определяемом темпе. Однако Паркхерст подчеркивала, что «для осуществления плана нет необходимости ни уничтожать деления на классы (учебные. — А. Р.), ни отказываться от программы как таковой» [Равкин 1990, с. 33]. В России этот метод вскоре получил название бригадно-лабораторного, поскольку задание выдавалось на группу учащихся, и оценивалась работа всего коллектива.

Несомненно, этот метод, как и другие новаторские приемы, предназначенные для *экспериментальных* школ — метод проектов, интенсивный метод, Плэтон-план, Уиннетка-план — были прогрессивны и привлекательны. Однако нереальность их для массовой советской школы где преобладали учителя дореволюционной гимназии, и царила «косность “предметников”» [Кирпичникова 1923, с. 107], а многие школьники не имели базовых знаний, очевидна. В результате многие прогрессивные стороны Дальтон-плана

были редуцированы в примитивный уход от традиционных уроков и лидерской роли педагога, что не только скомпрометировало сам метод, но и превратило обучение в хаос. На дальнейшую судьбу этого метода в СССР негативно повлияла активность Н. И. Бухарина по внедрению его в систему партийной учебы. С обострением внутрипартийной борьбы и репрессированием Бухарина участь Дальтон-плана оказалась предрешенной.

Наркомпрос со временем попытался выправить положение. В 1927 г. появились «новые программы ГУС», делавшие упор на традиционные предметы. Начальная школа теперь была призвана обучать детей чтению, письму и счету, для первого концентратора средней школы предлагалось преподавание иностранного языка, химии, литературы, естественных наук и обществоведения. Эти программы были менее идеологизированы, в них ослаблялась борьба с религией, затушевывались проблемы классовой борьбы. Однако осенью 1928 г., в рамках «культурной революции», школы были призваны участвовать в антиалкогольных и антирелигиозных мероприятиях, в посевной кампании и уборке урожая, следить за трудовой дисциплиной на ближайшей фабрике или в колхозе. Вновь стал актуальным подогнанный под советскую действительность американский метод проектов [Пеньковских 2010, с. 307–318]. Учителям предписывалось в основном заниматься проектами, связанными с культурной революцией, индустриализацией и коллективизацией.

В 1929 г. правительством было принято решение о переходе к школе-десятилетке. В новом учебном плане повышалась роль обществоведения, русского языка и литературы, математики, физики — предметов, имевших решающее значение в подготовке учащихся к успешным занятиям в высшей школе. В 1930 г. наркомпрос утвердил программы для начальной школы и школы ФЗС, которые были построены на основе комплекс-проектов [Константинов 1982, с. 353–355]. В период с 1931 по 1936 гг. школьная система в СССР, включая методы преподавания, изменилась радикально. С новаторскими экспериментами и дискуссиями в школе 1920-х гг. было покончено.

УЧЕНИЧЕСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Характерной приметой советской школы 1920-х, подробно описанной в «Дневнике Кости Рябцева», стало ученическое самоуправление. Эта форма организации жизнедеятельности школьных коллективов основывалась на идеях Аристотеля, Платона, Демокрита,

Витторино де Фельтре, Томаса Мора, Валентина Тротцендрофа, Яна Коменского, Иоганна Песталоцци, Константина Ушинского и др. [Радомысльская 2011, с. 170–171]. В дореволюционной России был известен опыт С. Т. Шацкого по организации детских клубов, летних трудовых колоний и обществ, а также уникальная система воспитания Януша Корчака. Однако в Советской России 1920-х основной акцент был сделан на систему школьной самоорганизации Густава Винекена, основавшего «школьную общину» в Баварии, и систему «школьных общин» в Северной Америке Вильсона Джилла. Суть этих экспериментов заключалась в построении коммуникации между учителями и учащимися, взрослыми и детьми на основе «патриархальной демократии»: ученик и педагог признавались равными между собой. Однако ключевой особенностью этих общин было фактическое признание авторитета школы и учительства со стороны школьников. Ученическое самоуправление ведало только совместными предприятиями школьников, не выходя за пределы их компетенции. Задачей школьного самоуправления в этой модели являлось превращение распыленной ученической среды в целостный коллектив, внутри которого каждый ученик приучался бы к добросовестному выполнению определенной общественной функции [Гессен 1995, с. 165–176].

Западная идея самоуправления учащихся, привнесенная в российскую школу еще в дни Февральской революции, на протяжении 1920-х прошла заметную эволюцию. В первое время своего существования органы самоуправления учащихся находились в активном поиске организационных форм и содержательных идей. Дети нередко были буквально «заражены» идеей самоуправления, плохо представляя себе ее сущность. Вскоре во многих школах сложилась следующая структура самоуправления. Высшим органом ученического самоуправления являлось *общее собрание* школы. На собрании избирался исполнительный орган самоуправления — ученический комитет (*учком*; были и другие варианты названий — *бюро*, *исполком*, *орком* и т. д.). Порой учком обладал большей властью в школе, чем учителя. Конкретными направлениями работы ведали многочисленные комиссии. В учебных группах (классах) создавались комитеты (*группком*, *класском*). Представители от групп образовывали *старостат* [Дополнения к тезисам 1923, с. 169]. В школьный совет, осуществлявший общее руководство школой, входили ее заведующий, школьные работники, технический персонал и школьный врач, позднее в ранге обязательных членов

введены представители ученического самоуправления с 12 лет. За соблюдением дисциплины следили специальные структуры — «*дискон*» (дисциплинарный комитет), «*комобс*» (комитет общественного спасения) и т. д.

Важным элементом ученической самоорганизации была школьная стенная печать. Наряду с официальными, во многих школах периодически появлялись и альтернативные стенгазеты (как «*Катушка*» и «*Икс*» в ДКР). Как правило, они были анонимными, поскольку чаще всего являлись формой протеста против учительской цензуры в официальной стенной печати. Нередко случалось, что одновременно в школе вывешивались официальная, неформальная и пионерская стенгазеты, дублировавшие либо противоречившие друг другу.

Несомненно, что идея детского самоуправления культивировалась новой властью не только с целью развития демократических начал в жизни школы, но и как своеобразный противовес учителям старой школы, как средство идеологического контроля над ними. В первое время дети имели решающий голос в школьном совете и фактически «комиссарские» права (власть над учителями). Стремление детей к полной автономии своей самоорганизации (как партия «Союз» в ДКР — или «Олимп» в реальной школе-колонии [Кирпичникова 1922, с. 77]) встречалось тогда во многих учреждениях. Нередко учителя имели только право совещательного голоса на общих собраниях и на заседаниях учкома. На предложение предоставить педагогам право решающего голоса раздавались уже знакомые из повести Огнева возмущенные голоса учащихся: «*Какое же это самоуправление?*» [Крупенина 1923, с. 55]. В итоге в советской школе нередко наблюдалось именно то, о чем предупреждал С. И. Гессен еще в начале 1920-х: мятеж учащихся против установленных традиций и авторитетов никогда не станет действенным преобразованием культуры, пока авторитет будет упраздненным, а не преодоленным [Гессен 1995, с. 169, 176]. М. М. Рубинштейн также полагал, что свободу нельзя дать; она может быть рождена только «из себя», на почве общения с равными себе в организованном обществе [Рубинштейн 1925 с. 150].

Иногда даже высокий авторитет любимого учителя не являлся залогом ровного отношения к нему со стороны учеников. Наглядным примером этому служит конфликт учащегося Г. Синдаровского с заведующим краснодарской школой № 3 для взрослых И. К. Войтеховым:

В моде тогда были ссоры с преподавателями, с заведующими и Илье Кузьмичу тоже их не удалось избежать. Они происходили на почве разногласий по школьной работе. <...> у меня с ним произошел ряд столкновений и особенно сильное в [19] 23 году... я помню, что в разгаре ссоры я назвал его контрреволюционером по своим мыслям и наговорил тогда ему кучу всевозможных дерзостей <...> на третий день извинился в своей горячности и взял все свои слова назад. Он меня очень отечески принял и прочитал мне нотацию, которую я помню и по настоящий момент¹⁰.

Наиболее органично принцип самоуправления учащихся мог реализоваться только в учреждениях интернатного типа — школах-коммунах, детских домах при школах, трудовых колониях. Сам обиход общинной жизни располагал к широкой самоорганизации. В советской литературе (куда в один ряд с популярными произведениями Н. Огнева, Г. Белых, Л. Пантелеева, А. С. Макаренко можно поставить и малоизвестные мемуары М. Б. Бернштейна о «Еврабмоле»¹¹) в основном описывались именно такие школы, что породило миф о тотальном распространении ученического самоуправления в 1920-е гг. Однако в обычных школах, как правило, благоприятных для самоуправления условий не было. Некоторые школы не имели даже собственных помещений, ученики занимались в 2–3 смены. Нередко самоуправление там было пронизано духом бюрократизма. В начале 1930-х в общеобразовательную школу вернулись строгая дисциплина и единоначалие. Постановлением ЦК ВКП (б) «О начальной и средней школе» от 25.08.1931 г. деятельность органов ученического самоуправления направлялась в основном на повышение качества обучения и укрепление сознательной дисциплины¹².

Наряду с органами самоуправления учащихся заметной инновацией в школе 1920-х гг. стали пионерские и комсомольские структуры. Н. К. Крупская отмечала, что «школа и пионердвижение стремятся к одной и той же цели — воспитать из ребенка борца и строителя нового строя», однако «в то время как в школе центр тяжести кладется на учебу, в пионердвижении этот центр переносится на воспитание. <...> Цель пионердвижения — воспитать новую молодежь, которая бы довела дело строительства социализма, коммунизма до конца» [Крупская 1927, с. 204]. Однако ряды пионеров и особенно комсомольцев в школе тех лет были малочисленны, несмотря на быстрый рост организаций: если в 1924 г. в советской стране насчитывалось 161 тыс. пионеров, то к концу 1925 г.

пионерская организация охватила более полутора миллионов детей [Константинов 1982, с. 356]. При этом только 15% учеников школ I ступени и 23% учащихся II ступени (исключая ШКМ и ФЗУ) были пионерами [Fitzpatrick 1979, p. 28]. Комсомольские ячейки вначале создавались только в ШКМ, ФЗУ и профтехшколах, а в других начальных и средних учебных заведениях были образованы фракции комсомола под руководством ближайших территориальных ячеек или комитетов союза. Пионерских отрядов в то время в школе еще не было, они создавались при фабриках, заводах, в учреждениях, при рабочих клубах, избах-читальнях и т. д. Городские пионеры разных отрядов, обучавшиеся в одной школе, объединялись в «форпосты». В деревне форпосты не создавались, поскольку пионеры одного отряда обычно учились в одной школе.

Введение в школьную повседневность коммунистических общественных организаций вскоре привело к перераспределению влияния между ними и органами самоуправления учащихся, что в корне изменило всю школьную жизнь. Нередко наблюдались две крайности: пионеры или совсем не обращали внимания на ученическое самоуправление, или полностью подменяли его. Аналогичная ситуация сложилась с комсомольскими ячейками, которые были еще более идеологизированы и напрямую связаны с партийными органами. Стремясь к монопольному лидерству, фракции комсомола совместно с пионерскими форпостами все активнее влияли на самоуправление в школе, вводя в состав школьных советов и различных комиссий своих представителей. Инструкция ЦК РКСМ о работе комсомола в школах II ступени предписывала комсомольским ячейкам следить за распределением пищи, одежды и других предметов материального снабжения среди учащихся, что было прямым дублированием органов самоуправления, не говоря уже о школьной администрации¹³. В ряде школ функции учкомов стали постепенно переходить к ячейкам комсомола, что в целом совпадало с курсом партийного руководства на укрепление единоначалия и усиление коммунистического воспитания в школе.

ЯЗЫК ШКОЛЬНИКА РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЭПОХИ

«Дневник Кости Рябцева», несомненно, отличает особый язык. Революционная эпоха с изменением языковых стандартов открывает новые пространства для «языковых игр» (Л. Витгенштейн), которые рассматриваются здесь как «форма жизни», упрощенные, идеализированные модели употребления слов, последовательное

усложнение которых демонстрирует динамику языка [Марков 2010–2016]. Лингвисты уже в 1917–1920-е гг. подмечали некоторые характерные черты языковых изменений: аббревиацию, рост иностранных заимствований и имен собственных, нагнетание варваризмов и канцеляризм, совмещение русских и иностранных морфем, внедрение военных терминов, усиленную деривацию имен собственных, переименование городов и наименование новорожденных в честь вождей революции, советизмы [см. Селищев 1928; Винокур 1928].

В. И. Карасик отмечает, что «динамическое понимание личности в лингвистическом плане разрабатывается прежде всего применительно к изучению детской речи» [Карасик 2004, с. 7]. В нормально развивающемся языке, опирающемся на язык трех поколений, «стандарт» ориентируется на язык среднего поколения («отцов»). В периоды резких социальных изменений норма смещается в сторону инновационного языка молодых («детей»). В результате язык не просто претерпевает эволюцию, он становится совершенно другим [Вахтин, Головкин 2004, с. 77–78]. Очень точно описал черты языка молодого поколения конца 1920-х — начала 1930-х гг. Е. Замятин:

Пятилетние уже знают слово «*пятилетка*»; пятнадцатилетние будут говорить с вами о пятилетке неуклюжим языком официальных советских газет. Они не знают никаких сказок, никаких фей, никаких чудес: стихия детской фантазии введена в строго рационализированные, утилитарные каналы. Крылья — только аэропланые, превращения — только химические, святые — только революционные [Замятин 1988, с. 566].

Б. А. Зильберт справедливо полагает, что изменения в языке нового поколения проходили параллельно с образованием советского новояза — «демагогически-тарабарского» языка, приближенного к революционным условиям того времени. Выбор слов сводился к минимуму, «нежелательные» по семантике слова просто исключались [Мокиенко, Никитина 1998, с. 376]. В то же время наблюдается и противоположная тенденция — усложнение языка применением наукообразных, витиеватых слов и выражений, канцеляризм. Как вспоминает Ю. Юркевич,

в те годы слова, особенно новые и иностранные, подчас имели собственную, как бы шаманскую силу, пока к ним не привыкали [Юркевич 2000, с. 72].

По О. Есперсену, резкие языковые изменения могут быть детерминированы двумя факторами: уменьшением влияния родственников,

и вообще взрослых, связанным с социальными катаклизмами; воодушевлением всего общества острым чувством независимости, стремлением разорвать всякого рода социальные узы, налагаемые школой или литературной традицией [Фесенко 1955, с. 25]. Для Советской России 1920-х гг. оба фактора актуальны. Многих детей воспитывала «улица» и группы сверстников, что не могло не отразиться на языке молодого поколения — языке перелома, «перехода от одних культурно-бытовых форм к другим» [Горнфельд 1922, с. 51]. Отсюда быстро вошли в обиход слова, носившие «разгильдяйский характер»: *столовка*, *читалка*, *раздевалка*, *потребилка*, *танцулька*, *курилка* и т. д. [Карцевский 1922, с. 313–314; Горнфельд 1922, с. 57]. Из матросского жаргона пришли «*жоржики*», «*буза*», «*клеши*». К характерным чертам молодежного языка можно отнести распространенность воровского арго и нецензурной лексики, антропонимические новшества, сокращение слов (аббревиация).

Воровской жаргон являлся одним из потаенных языков, позволявших подросткам отгородиться от мира взрослых, замкнуться в рамки своей субкультуры. Педологи 1920-х определяют период повышенной склонности к тайным языкам возрастом 8–15 лет (пик приходится на 10–13-летних), что совпадает с возрастом Кости Рябцева и его друзей. Блатной язык являлся преимущественно городским, хотя в 1920-е гг. он частично проник и в деревню. При этом Г. С. Виноградов считает, что многие слова «тайного» воровского языка на самом деле употреблялись безотносительно какой-либо тайны; этот язык просто растворялся в обыденном языке [Виноградов 1998, с. 731–734]. Трансляция «блатной музыки» («фени») в молодежную среду, помимо прессы, литературы и кинематографа, осуществлялась в основном беспризорниками (вспомним язык Алеши Чикина в повести). Блатное арго распространяли торговцы на базарах и родители школьников — фабрично-заводские рабочие. По сравнению с корректной (нередко «старорежимной») лексикой школьных педагогов или с малопонятными политическими терминами, блатной жаргон был привлекателен для ученической среды. Часто, не зная истинного значения воровских арготизмов, школьники подхватывали их, вкладывая свой смысл: слово «*пахан*» на сленге подростков обозначало «отец», «*пацан*» — «ребенок», «*арелики*» — деньги, «*бог*» — рубль, «*зекать*» — смотреть, «*засыпаться*» — попасться, «*лягавый*» — милиционер, «*маруха*» — возлюбленная, «*стырить*» — украсть, «*стремить*» — караулить, «*фрайер*» — хорошо одетый молодой человек, «*шамовка*» — еда,

«шмара» — развратная женщина, проститутка, «шпана» — воры, хулиганы и др. Дневник Кости Рябцева переполнен подобной лексикой: *задрыга, губошлеп, ахмурыла, храпоедол, марафет, шкет, плашкет, прихрял, сучить, лягавый* и т. д. Этот язык настолько прочно вошел в ученическую повседневность, что некоторые школьники употребляли его даже в сочинениях:

Жили-были две шмары: Татьяна и Ольга. У их были два ухагеры Ленский и Онегин [Селищев 1928, с. 80].

Для того времени характерно размывание канонов цензурности выражений, что привело к пышному расцвету нецензурной брани среди детей и подростков. Причем зачастую основным каналом трансмиссии мата в детскую лексику были взрослые. Источники 1920-х гг. зафиксировали распространение сквернословия в школьной среде:

Ученики крайне грубы, грубят и матерно ругаются, кроме ругани ничего не услышишь; дети распушены страшно, даже шести-семилетние ругаются так, что хоть вон беги [Крестная ноша 1994, с. 66, 104].

Язык наш был так богат, что с детства мы перешибали стариков, надстраивая этажи из матовых предложений [Москвин 1933, с. 129–130].

Фаворитизация пролетарской культуры и образа жизни рабочих «низов» формировали у некоторых учащихся из интеллигентских семей устойчивую потребность в конструировании «пролетарской» идентичности. Одна девушка в письме к М. Зощенко признается, что сама с собой или дома говорит одним языком, а со своими товарищами из ФЗУ — совершенно другим. Дома она говорит о своих подругах — «*девочки*», а в школе — «*девчата*». На приставания к ней мальчиков дома она реагирует словами: «*Как не стыдно?*», а если те пристают в школе, она говорит: «*Уйди, а то съешь по морде!*» [Синявский 2001, с. 286].

Революционное время вызвало потребность в смене знаков, выражавшихся в именах собственных, образованных путем сокращения нескольких слов (Вилен, Виллор, Люблен и др.). Особенно часто такие изменения наблюдались во время болезни и после смерти Ленина. Причем Костя Рябцев мотивирует смену имени на Владлен просто: «*а то Костями очень многих зовут*». Пытаясь противопоставить «буржуазной» вычурности свой новый язык, революционная молодежь, вместо его упрощения, нередко создавала имена не менее замысловатые, но более понятные для представитель своей субкультуры и соответствующие духу времени.

Новое время требовало новых темпов, и сокращение слов значительно ускоряло их произношение и написание. Даже прозвища учителей в литературных произведениях 1920-х часто сконструированы аббревиатурно — *Никпетож, Алмакфиш, Елникитка, Викниксор*. Н. Огнев изящно обыграл эту тенденцию в стихах:

Мы все говорим телеграф-языком,
Наш лозунг — скорей и короче...
И стало так трудно изящным стихом
Описывать лунные ночи.
Придется примерно описывать так:
Лунночь вся была нежистома,
Когда два граждвора украли кухбак,
Презрев недремоко домкома... [Огнев 1989, с. 206]

Языковые инновации в школьной субкультуре, с одной стороны, были освобождением от культурных норм старших поколений. Новояз, блатное аргю, как и инвективная лексика, отрицающие нормы «приличного» языка, были своеобразными формами выхода учащихся из рамок добропорядочного повседневного «культурного поведения», подобными «карнавальной жизни» (по М. М. Бахтину). С другой стороны, языковые инновации постепенно создавали новые культурные нормы, которые в Советской России стали ориентироваться на языковые инновации молодых, в отличие от консервативного языка старших поколений в русской эмиграции [Грановская 1995].

* * *

Подводя итоги, начну с оценки степени достоверности повести. Разумеется, ДКР — не документальное, а художественное произведение со своим сюжетом, вымышленными героями, писательским воображением. С точки зрения источниковедения, любое литературное произведение изучаемой эпохи историк вправе рассматривать в качестве исторического источника, и в этом смысле значение повести Н. Огнева вроде как нивелируется в ряду других рассказов, повестей и романов 1920-х. Вместе с тем возьму на себя смелость утверждать, что ДКР с полным основанием можно рассматривать в качестве надежного исторического источника о единой трудовой школе и учащихся в 1920-е гг., учитывая высочайшую степень достоверности, которая вплотную приближена к документальному отображению школьной действительности. Главным индикатором

достоверности произведения считаю огромный поток корреспонденции юных читателей ДКР, направленный в 1920-е гг. в адрес Н. Огнева, из которой следует, что молодежь того времени поверила в существование реального Кости Рябцева и его школы. Со своей стороны, имея богатый опыт изучения десятков сотен документов о школе 1920-х в разных архивах, свидетельствую, что Огневым удивительно точно показаны ее «болевые точки» и «родимые пятна», отображены настроения и представления учащихся и школьных педагогов, дух, язык и колорит той эпохи.

Достоверность повести обеспечили несколько факторов: реальные школьные и ученические документы, которыми писатель пользовался при написании произведения; статьи в научно-педагогических журналах о загородной школе-колонии, послужившей прототипом школы, описанной в повести; профессиональное знание педагогом М. Г. Розановым (Н. Огневым) детской и школьной среды; удивительная наблюдательность автора и его талант в достижении «эффекта присутствия» на страницах «дневника» подростка Кости Рябцева.

Яркую, противоречивую школьную действительность 1920-х гг. невозможно отобразить в одних тонах, ее отличает чрезвычайная пестрота. С одной стороны, школа 1920-х гг. объективно являлась одним из институтов социального контроля, идеологической «муштры», формовки «нового человека». Школьное пространство в те годы функционировало «как механизм обучения, но также надзора, иерархизации и вознаграждения» [Фуко 1999, с. 215]. Этому способствовали оставшаяся в наследство от гимназии организация учебного пространства по рядам, предусматривавшая индивидуальные места учеников; школьное расписание с последовательностью преподаваемых дисциплин и ранговая система классов (групп); институт старост и дежурных по классу; различные дисциплинарные органы (от педсовета до учкома и форпоста); нормирование учебного времени и коллективного досуга учащихся.

С другой стороны, в школе ученики впервые приобретали навыки демократии и самоуправления, накапливали опыт коммуникации между мальчиками и девочками, осваивали гендерные роли, получали первые уроки имущественного неравенства, осуществляли ролевое экспериментирование, нивелировались социально. Несомненно, многие чиновники и педагоги были заинтересованы в воспитании безропотных учеников любыми средствами. Однако

не менее сильным было влияние других факторов (родительской семьи, общественно-политических событий, социального окружения, повседневного быта, религии и т. д.), воздействующих на молодого человека. Кроме того, учителя столкнулись с открытым протестом учащихся, которые почувствовали свободу, свою силу и вес в школе нового типа. Отчасти этот протест был вызван асимметричным распределением власти между школьниками и педагогами. Вместе с тем не стоит преувеличивать роль школы в социализации юного поколения, в формовке «нового человека». В 1920-е гг. существовали различные ученические субкультуры, как развивавшиеся в соответствии с прививаемыми школой ценностями, так и противоречившие им.

Школа 1920-х по сей день является самобытным «островком» свободы и творчества в истории начального и среднего образования в России. В ней формировались и активные, думающие, порой не умеющие «сдерживать своих инстинктов» жизнеспособные личности (в терминологии ДКР — «эмбрионы» и «личинки»), критически воспринимавшие окружавшую их действительность, но при этом остававшиеся в рамках коммунистических идеалов и морали — такие, как Костя Рябцев. На рубеже 1920–1930-х гг. педагогические эксперименты, кратковременный и относительный демократизм и плюрализм мнений 1920-х уходили в небытие. В стране наступала эпоха аскетизма и ригоризма. Для решения новых задач по невиданной переделке общества нужно было уже иное поколение молодежи и совершенно другие литературные произведения и их герои...

Примечания

¹ Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 13. Л. 59–60.

² Из неопубликованной рукописи литературного альбома «Сборник IX группы. 1928 г.». С. 26–29 // Личный архив А. А. Черкасова.

³ Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1998. Оп. 1. Д. 44. Л. 36–37.

⁴ ГАКК. Ф. Р-226. Оп. 1. Д. 366. Л. 34об.

⁵ Центр документации «Народный архив» (ЦДНА). Ф. 30. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–5.

⁶ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 13. Л. 84; Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-64. Оп. 1. Д. 268. Л. 3.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГА-СПИ). Ф. М-1. Оп. 23. Д. 495. Л. 106.

⁸ ГАКК. Ф. Р-890. Оп. 1. Д. 145. Л. 150.

⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 4. Д. 745а. Л. 91.

¹⁰ Архив Управления ФСБ по Краснодарскому краю (АУФСБКК). Д. П-71049. Л. 58–58 об.

¹¹ Бернштейн М. Б. На заре: Очерк об Еврабмоле. 1971 (копия рукописи) // Личный архив А. Ю. Рожкова.

¹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3 Д. 844. Л. 22–29.

¹³ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 23. Д. 274. Л. 11.

Источники

Александровская Е. Опыт планирования и организации работы с детьми по комплексу «СССР и мир» // Вестник просвещения. 1927. № 2. С. 63.

Алешинцев И. А. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб., 1912.

Блонский П. П. К реформе женской школы. Пг., 1915.

Блонский П. П. Задачи и методы народной школы // Вестник воспитания. 1916. № 1–2.

Блонский П. П. В чем должна состоять реформа начальной школы // Народное образование. 1917. № 1. С. 7–15.

Василевский Л. М. Проституция и рабочая молодежь: Социально-гигиенический очерк. М., 1924. С. 61–62.

Винокур Г. О. Культура языка. М., 1928.

Гессен С. И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию. М., 1995. С. 165–176.

Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова: Речь на съезде преподавателей рус. яз. и словесности в Петербурге 5 сент. 1921 г. Пб., 1922. С. 51, 57.

Гусев С. Суд пионеров над Романовым // Молодая гвардия. 1927. № 7. С. 146–147.
Декрет ВЦИК о Единой трудовой школе РСФСР (Положение) от 16 октября 1918 г. // Известия ВЦИК и Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1918. 16 окт.

Дополнения к тезисам ГУСа о самоуправлении, принятые сессией московского губернского совета социального воспитания // Вестник просвещения. 1923. № 5–6. С. 169.

Залкинд А. Б. Половое воспитание // Педология: утопия и реальность. М., 2001. С. 190–195.

Замятин Е. Советские дети // Сочинения. Т. 4. Мюнхен, 1988. С. 566.

Золотарев С. А. Очерки по истории педагогики на Западе и в России. 2-е изд. Вологда, 1922.

Золотарев С. А. Четыре смены молодежи (1905–1925). Из наблюдений педагога. Л., 1926.

Из Программы Российской коммунистической партии (большевиков) // Директивы ВКП (б) по вопросам просвещения. 3-е изд., пересм. и доп. М.; Л., 1931. С. 11–12.

Казанцев П. Н. Записки старого педагога. Тетради 1–4. 1928 // Научный архив Российской академии образования. Ф. 18. Оп. 2. Д. 425.

Кантерев П. Ф. История русской педагогики. 2-е изд., доп. и пер. Пг. 1915.

Карцевский С. О. Язык, война и революция: научно-популярный очерк // Современные записки. 1922. Кн. X. С. 313–314.

Киртичникова Е. Дальтонский план и школа II ступени // Вестник просвещения. 1923. № 7–8. С. 107.

Киртичникова Е. История одного самоуправления в загородной школе 2-ой ступени // Вестник просвещения. 1922. № 8. С. 77.

- Кирпичникова Е.* Итоги 2 ½-месячной работы по дальтонскому плану в доме юношества «Искра» // Вестник просвещения. 1924. № 1. С. 87.
- Красильников М.* Материальная база школ социального воспитания (Из итогов школьной переписи) // Статистическое обозрение. 1930. № 2. С. 62.
- Крестная ноша: Трагедия казачества.* Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934. Ростов н/Д., 1994. С. 30, 66, 104.
- Крупенина М.* Дети о самоуправлении // Вестник просвещения. 1923. № 2. С. 55.
- Крупская Н. К.* 1925. Советская система народного образования и РКСМ (Речь на V Всероссийском съезде РКСМ // Воспитание молодежи в ленинском духе. М., 1925. С. 208–213.
- Крупская Н. К.* 1917. Школьная муниципальная программа // Пед. соч. в 10 тт. Автобиографические статьи. Дореволюционные работы (1899–1917). М., 1957. Т. 1. С. 411–415.
- Крупская Н. К.* 1909. К вопросу о свободной школе // Пед. соч. в 10 тт. Автобиографические статьи. Дореволюционные работы (1899–1917). М., 1957. Т. 1. С. 111–117.
- Крупская Н. К.* 1911. О совместном обучении // Пед. соч. в 10 тт. М., 1957. Т. 1. С. 143–153.
- Крупская Н. К.* 1912. К обновлению народной школы // Крупская Н. К. Пед. соч. в 10 тт. Т. 1. М., 1957. С. 178–180.
- Крупская Н. К.* 1913. Семья и школа // Пед. соч. в 10 тт. М., 1957. Т. 1. С. 209–218.
- Крупская Н. К.* 1927. Пионердвижение как педагогическая проблема // Пед. соч. в 10 тт. М., 1959. Т. 5. С. 204–207.
- Ленин В. И.* 1913. Национализация еврейской школы // Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. С. 375–376.
- Ленин В. И.* 1914. Из проекта речи «К вопросу о национальной политике» // Полн. собр. соч. Т. 25. М.: Политиздат, 1969. С. 71–72.
- Ленин В. И.* 1923. Странички из дневника // Полн. собр. соч. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 365.
- Луначарский А. В.* Какая школа нужна пролетарскому государству? // Вестник просвещения. 1922. № 10. С. 6.
- Луначарский А. В.* Воспитание нового человека. Л., 1928а.
- Луначарский А. В.* Довоенный уровень в области просвещения // Революция и культура. 1928б. № 21. С. 18.
- Медынский Е. Н.* История педагогики в связи с экономическим развитием общества. Русская педагогика. М., 1929. Т. 3.
- Милоков П. Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 2. С. 386.
- Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 тт. СПб., 2000. Т. 2. С. 383–384.
- Наторп П.* Социальная педагогика. М., 1910. С. 217–218.
- Огнев Н.* Дневник Кости Рябцева. М., 1989. С. 206.
- О Косте Рябцеве и его дневнике* // Молодая гвардия. 1927. № 6. С. 179.
- Памятка юного пионера. Симферополь, 1925. С. 33.
- Познанский Н.* Новые побеги // Народный учитель. 1924. № 1. С. 86–87.
- Попов Г.* Кого мы обучаем // Революция и культура. 1928. № 20. С. 57.
- Рубинштейн М. М.* Социально-правовые представления и самоуправление у детей. М., 1925. С. 10.
- Селищев А. М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком (1917–1926). М., 1928. С. 80.

Устав Единой трудовой школы. Самара, 1923.

Фетисов М. Некоторые вопросы школьного быта // Революция и культура. 1928. № 5. С. 53.

Шацкий С. Т. Комментарии // Избр. пед. соч.: в 2 тт. М., 1980. Т. 2. С. 381.

Юные пионеры/под ред. В. Зорина. М.; Л., 1922. С. 16.

Исследования

Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке/пер. с фр. Екатеринбург, 1999. С. 182.

Балашов Е. М. Школа в российском обществе 1917–1927 гг.: Становление «нового человека». СПб., 2003.

Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социолингвистика и социология языка. СПб., 2004. С. 77–78.

Виноградов Г. С. Детские тайные языки: Краткий очерк // Русский школьный фольклор: От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов. М., 1998. С. 731–734.

Геллер М. Машина и винтики: История формирования советского человека. М., 1994.

Грановская Л. М. Русский язык в «рассеянии»: Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М., 1995.

История образования и педагогической мысли за рубежом и в России/под ред. З. И. Васильевой. М., 2006. С. 373.

Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. С. 7.

Константинов Н. А. и др. История педагогики. М., 1982. С. 353–356.

Марков Б. В. Языковые игры // Гуманитарная энциклопедия // Центр гуманитарных технологий, 2010–2016. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/6915> (дата обращения: 14.09.2017).

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998. С. 376.

Пайнс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 382.

Пеньковских Е. А. Метод проектов в отечественной и зарубежной педагогической теории и практике // Вопросы образования. 2010. № 4. С. 307–318.

Равкин З. И. Творцы и новаторы школы, рожденной Октябрем. М., 1990. С. 33.

Радомысльская Е. А. Формирование ученического самоуправления в детских объединениях: историко-педагогический аспект // Казанский педагогический журнал. 2011. № 2. С. 170–171.

Риттерспорн Г. Формы общественного обихода молодежи и установки советского режима в предвоенном десятилетии // Нормы и ценности повседневной жизни: становление социалистического образа жизни в России, 1920–1930-е гг./под общ. ред. Т. Вихавайнена. СПб., 2000. С. 347–348.

Синяевский А. Д. Основы советской цивилизации. М., 2001. С. 206, 286.

Фесенко Т., Фесенко А. Русский язык при Советах. Н.-Й., 1955. С. 25.

Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 215.

Fitzpatrick S. Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921–1934. Cambridge etc.: Cambridge University press, 1979. P. 28.

С. Маслинская

«ДНЕВНИК КОСТИ РЯБЦЕВА» Н. ОГНЕВА В АМЕРИКАНСКОЙ КРИТИКЕ КОНЦА 1920-х гг.*

В статье рассматривается реакция американской критики на выход «Дневника Кости Рябцева» Н. Огнева на английском языке в 1928 г. Книга была замечена прежде всего леворадикальной журналистикой, поэтому в фокусе ее внимания оказалось содержание повести с точки зрения отражения в ней образовательных экспериментов в Советской России, тем временем как литературное новаторство повести не привлекло к себе внимания.

Ключевые слова: Николай Огнев, Михаил Розанов, Александр Верт, «Дневник Кости Рябцева», детская литература 1920-х гг., критика детской литературы, эксперименты в школьном образовании, школьная повесть.

If you are interested in the new Russia in education, in life, you will find a good deal to think about in these pages.

Walter R. Brooks¹

В своей автобиографии от 17 сентября 1925 г. русский писатель Михаил Розанов написал: «Обо мне как беллетристе писали много, а будут писать еще больше»². В предлагаемом очерке я покажу, что слова писателя сбылись, но не на родине.

Первая публикация обсуждаемой повести в России появилась под названием «Гибель лорда Дальтона (Дневник Кости Рябцева)» в 1926 г., в следующем году вышло второе издание уже под названием «Дневник Кости Рябцева». Отозвались немногие: в летних номерах журнальной периодики Н. Замошкин, А. Риден, Г. Фиш и И. Рубановский опубликовали критические рецензии на вышедшую новинку³. Так же сдержанно было встречено и продолжение — «Исход Никпетожа».

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) «Воспитание нового читателя: литература для детей в педагогической критике и цензуре (1864–1934)» 15-06-10359.

В то же время реакция западных читателей была гораздо более оживленной. В архиве Н. Огнева (М. Розанова) сохранился документ, в котором писатель перечисляет страны, издавшие переводы его книги:

В Японии «Костя Рябцев» выдержал к 1930 г. шесть изданий. (Сообщение журнала «Ленинград»).

Далее, книга была переведена и издана в Чехо-словакии, Голландии, Греции, Франции, Южной Америке. В Южной Америке книга встретила особо восторженный прием (Сообщение журнала «Ленинград»).

Следующая книга «Исход Никпетожа» вышла за границей под заглавием «Костя Рябцев в университете», а в англо-саксонских странах — «Дневник коммунистического кандидата на ученые степени»⁴.

Далее Н. Огнев, отмечая большое количество критических публикаций⁵, высказывает недовольство характером критики его диалогий⁶. Не углубляясь в конъюнктурные причины этого недовольства, можно констатировать действительно оживленный интерес западных критиков к творчеству Н. Огнева. Американские рецензенты написали более десятка рецензий на новинку советского книгоиздания. Сам Огнев охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «В Америке книга произвела сенсацию, которая тотчас приняла американские масштабы» (1935)⁷. О причинах такой популярности и об особенностях американской рецепции и пойдет в речь в этой статье.

* * *

В конце XIX — начале XX вв. в Европе, Америке и России шли однородные процессы реформирования школьного образования. Наступивший «век ребенка» поменял педагогические приоритеты: в центр образовательного процесса был помещен ребенок, а не знание и воспитание; практическая польза, а не интеллектуализм.

Образовательные реформы в Америке и в России в первое тридцатилетие XX в. проводились во многом синхронно. Американский «прогрессивизм» и русское «свободное воспитание» восходили к сформулированному еще Ж. Ж. Руссо принципу педоцентризма и рассматривали практическую деятельность детей как основу педагогического процесса. Для обсуждаемой здесь книги, особенное значение имели эксперименты Хелен Паркхерст, получившие название “dalton-plan”. Это обучение основывалось на трех принципах: свобода, самостоятельность, сотрудничество — ученики самостоятельно занимаются в индивидуальном темпе,

учителя корректируют и направляют самостоятельное освоение того или иного материала, занятия проходят не в классе, а в лаборатории, где ученики представляют свои ученические проекты. Такие школы были популярны в Америке в 1920–1930-е гг., потом их распространение пошло на убыль. В России таких школ было совсем немного и их жизненный путь был значительно короче — 3–5 лет (середина 1920-х гг.). Именно в такой школе и учился главный герой «Дневника Кости Рябцева».

Тем не менее изображение школы в детской литературе — явление более раннее. Если говорить об англо-американской традиции, то ее родоначальниками стоит считать «Школьные годы Тома Брауна» Томаса Хьюза (Thomas Hughes *Tom Brown's School Days* (1857)) и «Эрик, или Шаг за шагом» Фредерика Вильяма Фаррара (F. W. Farrar *Eric, or Little by Little* (1858)). Так или иначе, школьная жизнь попадала на страницы англо-американской детской литературы, но не становилась значимым фокусом изображения, оставаясь одним из топов развития событий в литературе о хороших и плохих девочках и мальчиках. В британской литературной традиции переворотом в изображении школьной повседневности стал «Сталки и компания» Редьярда Киплинга (*Stalky & Co* (1899)), неоднократно выходивший в Америке в 1920-е гг. Киплинг показал школьную жизнь как школу жизни, школу формирования личности в условиях насилия. Другие условия — жизнь в экспериментальных школах начала XX в. — в литературе не попадали.

Во многом поэтому выход в 1928 г. на английском языке «Дневника Кости Рябцева» произвел столь впечатляющий эффект. Мало того, что это была книга о новой Советской России, она была еще и об экспериментальной советской школе, многими своими чертами напоминавшей американские эксперименты в области образования, а в чем-то (Дальтон-план) являвшейся ее наследницей.

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ

В 1928 г., то есть на следующий год после первого издания в России, в Лондоне в издательстве Victor Gollancz Ltd. вышел первый перевод книги на английский язык. Издательство, основанное незадолго до этого, специализировалось в том числе и на издании политически актуальной литературы. Основатель издательства Виктор Голланц придерживался левых взглядов, и «Дневник Кости Рябцева» была первой (и единственной переведенной с русского языка) «левой» книгой, выпущенной вновь открывшимся издательством⁸.

Перевод был сделан Александром Вертом. Он родился в России, его семья уехала из страны сразу после Русской революции, но он сохранил симпатии к России и ее языку. Через год после «Дневника Кости Рябцева» в 1929 г. в том же издательстве он опубликовал «Дневники жены Толстого, 1860–1891» (“The diary of Tolstoy’s wife, 1860–1891”)⁹. Затем переключился на эссеистику, работал в газете “The Sunday Times” и BBC, писал о предвоенной Франции, России во Второй мировой войне, в частности, Сталинградской битве и блокаде Ленинграда.

В предисловии к первому изданию «Дневника Кости Рябцева» Александр Верт приносит слова благодарности своей супруге Фреде Хелен Лендрум (Freda Helen Lendrum) и Михаилу Осоргину. Супругу он благодарит за «неоценимую помощь в подготовке перевода» [Oгnyov 1928, p. 5], а Осоргина за «помощь в обнаружении практически недоступного биографического материала об авторе «Дневника», который напечатан на суперобложке» [Oгnyov 1928, p. 6]. По-видимому, именно Михаил Осоргин сориентировал Александра Верта. Будучи в эмиграции, пассажир знаменитого сентябрьского «философского парохода» Осоргин симпатизировал России, интересовался литературным процессом в Советской России, следил за новинками и в парижской периодике, в частности, влиятельной газете «Последние новости», публиковал рецензии и отзывы на советские литературные журналы, новинки советского книгоиздания. В конце июня 1927 г. вышла его рецензия на «Дневник Кости Рябцева» [Осоргин 1927]. Александр Верт берет за перевод, и практически сразу после публикации в Англии книга перебралась через океан в нью-йоркское издательство Payson & Clarke Ltd. Трехсотстраничная повесть о новой России вызвала большой интерес у американской критики.

Первым отозвался Роберт Литтелл (Robert Littell)¹⁰, сторонник прогрессивистского движения, побывавший в Советской России в середине 1920-х. Его статья под названием “The Diary of a Communist Schoolboy (Review)” была опубликована в “The New Republic” 20 июня 1928 г. [Littell 1928]. Затем в течение лета-осени вышло еще несколько публикаций в левых или близких к левым изданиях: “The New Masses”, “The Outlook”, “The Nation”, “American Journal of Sociology”. Несколько рецензий было опубликовано в литературно-критических журналах “The American Mercury”, “The Bookman” и “The Saturday Review of Literature”. Еще через полгода появились рецензии на вторую часть книги

Н. Огнева “The Diary of a Communist Undergraduate”, вышедшей в самом начале 1929 г. [Russia from Within and Without 1929; Kunitz 1929; Littell 1929; Ruhl 1929].

Авторы статей были по большей части левых взглядов, симпатизирующие России и тому социальному эксперименту, который она развернула после 1917 г. Например, одним из авторов рецензий была Агнес де Лима (Agnes deLima (1887–1974)), известная журналистка в области проблем образования (публиковалась в журналах “The New Republic” и “Nation”), активный участник образовательных экспериментов в духе прогрессивизма в Америке в 1920-е гг. В 1924 г. у нее вышла книга под провокативным названием “Our Enemy the Child”¹¹. Другим рецензентом был Джошуа Куниц (Joshua Kunitz (1896–1980)), переводчик на английский язык трудов Маркса и Энгельса, писавший о Советском Союзе для журнала “New Masses”, автор книг о русской литературе и «еврейском вопросе», политической истории России XX в.¹² В этом же ряду может быть названо имя Норы Мид Коркоран (Norah Meade Corcoran (1888–1954)), журналистки, писавшей для периодических изданий Ирландии и США. Мид принимала участие в Американской администрации помощи (American Relief Administration, ARA), в частности, в начале 1920-х гг. сотрудничала с Гербертом Гувером в деле оказания помощи голодающим в России. В последующие годы заметно было ее участие в популяризации скаутского движения для девочек. Редким исключением из числа общественно активных рецензентов можно назвать Уолтера Роллина Брукса (Walter Rollin Brooks (1886–1958)), который был просто детским писателем, автором серии книг о свинье Фредди. Таким образом, среди авторов рецензий в основном были те, кто непосредственно занимался прогрессивным образованием в США. И педагоги, и журналисты в большинстве своем не скрывали своих левых убеждений и симпатий к политике большевиков.

Какова же оценка этой книги? На что обратили внимание американские рецензенты?

Практически все рецензенты уделяют несколько восторженных фраз большевистскому эксперименту в целом, и школьной реформе в частности¹³. Успешность образовательной реформы ставится в прямую зависимость от реформирования всего строя. Как утверждает Агнес де Лима:

Если вы хотите реформировать национальные школы, вы должны сначала реформировать само общество. Весьма наглядным

доказательством этого служат школьные реформы, которые были проведены в Европе после войны. Ибо именно в той стране, где социально-экономический переворот был наиболее полным — в Советской России, — реформа образования представляется наиболее динамичной и значительной [deLima 1928, p. 236]¹⁴.

И далее она ссылается на известную книгу Люси Вилсон «Новые школы новой России» [Wilson 1928]:

Впервые в современной истории новая школа выросла из народного этоса. Впервые в истории у народа появился новый культурный идеал, на основе которого можно строить. Впервые в истории просвещение народа расцветает из естественной жизни и опыта одного поколения [deLima 1928, p. 236].

Левые критики приветствовали ситуацию, в которой школьное реформирование зашло так далеко, что затронуло не только классно-урочную систему, но и способствовало трансформации самого нового советского гражданина. Так, не ссылаясь на аналогичные эксперименты Хелен Паркхерст и не особенно останавливаясь на обсуждении достоинств и недостатков Дальтон-системы в новой советской школе, рецензенты приводят замечательные цитаты о борьбе с «Лордом Дальтоном» и на этом ограничивают анализ собственно школьных реформ [Littell 1928, p. 119], [Mead 1928, p. 111]¹⁵. Кто-то вовсе отказывается видеть общность образовательных экспериментов в России и в Америке, как Вальтер Брукс [Brooks 1928, p. 397], или, напротив, Агнес де Лима, которая заявляет, что «в России образование в буквальном смысле избыточнее», чем в Америке [deLima 1928, p. 238]. А кто-то, как анонимный автор журнала “American Journal of Sociology”, видит их изоморфность: «В целом, русская школа, кажется, работает, как наша современная экспериментальная школа» [The Diary 1929, p. 343]. Более того, сам переводчик Александр Верт относит сленг советской школы на счет «американизации»: «Сокращение слов и широкое использование политехнического жаргона иллюстрируют новую русскую тенденцию к «американской» эффективности, с одной стороны, и мощное влияние на разговорный язык технической и промышленной пропаганды, с другой» [Werth 1928, p. 5].

Рецензенты обращаются с «Дневником Кости Рябцева» как достоверным источником знаний о жизни пореволюционной России. Литературные свойства жанра дневника игнорируются. Критиков настолько увлекает явленное Н. Огневым «изобилие эпохи»

(“the abundance of the epoch”) [Littell 1928, p. 120], что они обобщают новый культурный опыт Страны Советов за счет сюжетных и персонажных особенностей книги Огнева. Так, Артур Рул пишет:

По сути, школа — это почти микромир современной России. «Черная Зоя», с ее истерическими припадками и ее любовью к кладбищам и призракам, является своего рода детским изводом сохранившегося мракобесия старых времен. Лину, немного более «левую», возможно, можно отнести к представителям старомодного «сентиментального» либерализма, а Сильва с ее ясным взглядом и прямоотой представляет большевистское понимание женщины будущего. Сам Рябцев, с его нетерпением к тому, что он считает фальшивым, с его самоуверенностью и его настойчивым стремлением «вникнуть в суть вещей» (согласно истинному «Евангелию», под которым он понимает экономический детерминизм), представляет собой менее сообразительного, неловкого, но энергичного мужского двойника Сильвы [Ruhl 1928, p. 37].

Сходную типологию подростков середины 1920-х гг. выстраивали на основе содержания книги и советские критики (Н. Замошкин, А. Риден). И в то же время то, что советским критикам казалось слабым местом книги: «В поведении Кости громадную роль должна играть внешкольная обстановка: семья, улица, домашнее чтение и пр. Раскрыта же эта тема мимоходом, двумя-тремя намеками [Замошкин 1927, с. 180], американские эксперты оценивают иначе. С точки зрения рецензента “Public Ledger”, Н. Огнев «...убедительно правдив. Книга Огнева не замыкается в узкие рамки наряду со школьной жизнью, словно случайно автор дает понятие о семейных и бытовых взаимоотношениях школьников (семья Сильвы). Книга не только произведение искусства, но и социальный документ мирового значения»¹⁶.

Помимо откровенной заинтересованности в социальной репрезентативности «Дневника Кости Рябцева», американские рецензенты оценивают то, как Н. Огневу удалось изобразить становящийся характер подростка, рост его самосознания. Практически все рецензенты указывают на то, что книга Н. Огнева — это “a human document” [Littell 1928, p. 119]. И вот тут стоит еще раз подчеркнуть интересную черту американской рецепции книги: все рецензенты, действительно, отнесли к «Дневнику Кости Рябцева» как к документальному письму, проигнорировав его экспериментальную литературную природу. Если Н. Замошкин и О. Мандельшам пытались разобраться в экспериментальной художественной природе повести (и дали диаметрально противоположные оценки успешности этого эксперимента), то мало кто из американских экспертов высказывался

по поводу литературных свойств книги и ее места в литературном процессе России и Запада. Так, Джошуа Кунитц, обсуждая уже вторую книгу Н. Огнева о Косте Рябцеве, пытается выстроить типологию русских литературных героев. Перечисляя героев русской классики — Онегины, Печорины, Рудины, Обломовы, Карамазовы и Санины, — он утверждает, что эти герои «не находят полезного выхода своей энергии, погружены в бесплодные сексуальные размышления, вымороченный самоанализ и мистические измышления» [Kunitz 1929, pp. 172–173]. И далее он продолжает: «Жизнь изменилась и герои изменились. Герой современной России, безусловно, не интроверт» [Kunitz 1929, p. 173]. С его точки зрения, Костя Рябцев — это герой нового времени, и психологически, и социально далекий от героев русской классики. Мандельшам, проводя те же параллели (сравнивая Костю Рябцева с «героем и вечным именинником сборных гимназических книг» Карташевым Н. Гарина-Михайловского), напротив, отказал Н. Огневу в умении передать облик современного пролетарского юноши: «Ведь жизнь напирает на Рябцевых со всех сторон, а если вспомнить, что Костя сын кустаря и не оберегался никакими гувернантками, то читателя будет раздражать, а подчас и бесить его ангельская прямолинейность, чистота и наивность. Не таковы пролетарские дети — и беды в этом нет» [Мандельшам 1929]. То, что в глазах американской критики является типологическим единством (рефлектирующие герои), для отечественного писателя — неуместное сопряжение героев различного социального типа и, соответственно, дискурса.

Американские рецензенты сравнивали Костю Рябцева и со своими литературными героями, впрочем, только с Гекльберри Финном (“a sort communistic Huck Finn” [Littell 1929, p. 366]). Других аналогий не встречается, хотя, конечно, американская школьная повесть, в том числе в дневниковой форме, уже существовала¹⁷.

Как сам Огнев отнесся к эти рецензиям? Он был и польщен, и напуган одновременно. Как художнику ему было, конечно, приятно, что его заметили читатели других стран, что перевод его книги победоносно шествует по миру, а, с другой стороны, по его реакции видно, что он боялся:

Буржуазная пресса набросилась на книгу с еще большим сладострастием, вырывая и цитируя отдельные страницы книги, отмечавшие негативные стороны жизни советского студенчества¹⁸.

В условиях становления сталинского тоталитаризма, такая популярность на Западе могла обернуться против него, поэтому он писал, что его неправильно поняли. В то же время у себя на родине, как я писала выше, его книга не пользовалась таким оживленным интересом у критиков и читателей. Никакого ажиотажа, сопоставимого с реакцией американских критиков, никаких дискуссий «Дневник Кости Рябцева» в России не породил.

У такого замалчивания и невнимания могло быть несколько причин.

Изменилось отношение к школьным экспериментам 1920-х гг.: к концу 1920-х гг. эксперименты сворачивались, на место единой трудовой школы возвращалась дореволюционная модель образовательного процесса, а в начале 1930-х эта реставрация была узаконена хорошо известными партийными постановлениями¹⁹. И в этом свете кажется закономерным то, как Н. Огнев пишет о невозможности успеть за изменениями в советской «действительности»:

Отношение к материалу — главный рычаг литературной работы. Этот рычаг создается из мировоззрения. Двойственен тот писатель, которому кажется, что мировоззрение он перестроил, а отношение к материалу у него остается прежним. И этот разлад, мне кажется, был присущ большинству писателей-интеллигентов, известных в свое время под ярлыком «попутчиков». Теперь отношение к материалу меняется. Медленно? Слишком медленно? Верно, не быстро. Но ведь мы живем при небывалом в истории прорыве в будущее, и человеческое сознание не в силах охватить и отразить его быстро²⁰.

Творческий кризис Н. Огнев склонен объяснять своим собственным отставанием от «требований времени», тем не менее здесь проблема переходит в другую плоскость: писатель, следуя установке на документализм, действительно, будет неизбежно отставать, но меняется и идеологическая ситуация вокруг литературы. Психологическая и бытовая натуралистичность перестают быть востребованы. 1927–1932 гг. — это время отказа от формальных экспериментов в литературе, время гонений на любые поиски в области жанровых и стилистических форм, время введения титульного стиля — соцреализма, под определение которого «Дневник Кости Рябцева» не подходил: герой был слишком раскованным, выставляющим напоказ свое декадентско-мещанское нутро, а психологизм и натуралистические приемы изображения в целом были отвергнуты (ср.: [Надточий 2014, с. 88]).

Краткий очерк особенностей американской критики «Дневника Кости Рябцева» обнаруживает интересный эффект в межнациональных литературных контактах: книга у себя на родине остается в тени, а в другой стране в нее энергично «вчитывают» свои смыслы и вкладывают свою прагматику — это ознакомительное пособие с Советской Россией и ее молодежью. Но как заключил свою рецензию Роберт Литтелл: «Каждый, у кого есть дети, каждый, кто был ребенком, должен прочитать «Дневник Кости Рябцева» [Littell 1928, p. 120]. В такой адресной атрибуции Литтелл сходился и с отечественными критиками, которые считали, что книга адресована прежде всего взрослым: педагогам и родителям [Риден 1927, с. 141]. Однако обстоятельства истории советской литературы рубежа 1920–1930-х гг. привели к тому, что «Дневник Кости Рябцева» провалился в некую рецептивную яму, из которой его извлекли уже Лев Кассиль, написавший предисловие к изданию 1966 г., и избранные читатели 1960–1970-х гг., тем временем как в Америке выход переиздания в 1973 г. остался и вовсе незамеченным.

Примечания

¹ Уолтер Роллин Брукс [Walter Rollin Brooks] (1886–1958) американский писатель и редактор, автор серии повестей для детей «Фредди» («Фредди и космический корабль», «Фредди и человек с Марса», «Фредди и бейсбольная команда с Марса»), романа «Джимми берет уроки исчезновения».

² РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 117. Л. 10. Выражаю глубокую признательность Ольге Виноградовой за предоставленные в мое пользование материалы архива.

³ [Замошкин 1927; Риден 1927; Рубановский 1927; Фиш 1927]. Чуть позже, уже на вышедшее собрание сочинений Н. Огнева откликнулся Осип Мандельштам [Мандельштам 1929].

⁴ РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 7. В Советской России его книга не имела такого оглушительного успеха: она была переиздана семь раз в период с 1926 по 1932 гг., а потом надолго забыта. Следующее советское издание состоялось только в 1966 г. В Америке повесть была переиздана один раз — в 1973 г.

⁵ Из архива М. Розанова: «Буржуазная пресса набросилась на книгу с еще большим сладострастием, вырывая и цитируя отдельные страницы книги, отмечавшие негативные стороны жизни советского студенчества. Но выходка “Фоссише Цейтунг”, поместившей речь Никпетожа под заголовком “Трагикомедия русской интеллигенции” с соответствующим “ученым гарниром”, предпосланным отрывку, заставила меня послать в “Известия” и в “Роте Фане” письмо, разоблачавшее подобного рода подтасовки. Вторая книга имела не меньшее распространение и не меньшую прессу, чем первая» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 7].

⁶ Из архива М. Розанова: «В то время, как передовая печать со злорадством выискивала в “Дневнике” негативные моменты и на их основании констатировала якобы “полное неблагополучие в советской школе”, — левая, и особенно коммунистическая печать, приветствовала книгу, как первый роман о новом поколении в Советской России» [РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 112. Л. 1].

⁷РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

⁸Кимберли Рейнолдс приводит полный список «левых» изданий для детей, выпущенных издательством Виктора Голланца [Reynolds 2016, p. 13].

⁹The Diary of Tolstoy's wife: 1860–1891. Trans. Alexander Werth. London: Gollancz, 1928.

¹⁰Роберт Литтелл — сын Филиппа Литтелла, редактора журнала “The New Republic” (гл. ред. Герберт Кроули), платформы прогрессивизма (Подробнее о месте и роли журнала в истории политики прогрессивизма США см. [Levy 1984]). В 1922–1928 гг. Роберт Литтелл был помощником ред. журнала [Mott 1968, p. 191].

¹¹Эта книга посвящена школе прогрессивистского толка. Впоследствии Агнес Де Лима продолжала сотрудничать с «прогрессивными школами» и их преподавателями; результатам образовательных экспериментов, в которых она принимала участие, были посвящены ее книги 1940-х гг.: “A School for the World of Tomorrow” (1939), “Democracy's High School” (1941), “South of the Rio Grande: An Experiment in International Understanding” (1942), “The Little Red Schoolhouse” (1942). С 1940 по 1960 гг. Агнес де Лима была директором по связям с общественностью Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке (The New School for Social Research (NSSR)).

¹²Kunitz Joshua Russian Literature and the Jew: A Sociological Inquiry into the Nature and Origin of Literary Patterns. New York: Columbia University Press, 1929; Kunitz Joshua Russia, the giant that came last. New York: Dodd, Mead, 1947.

¹³Впрочем, нельзя забывать, что многое зависело от политической ангажированности журнала, в котором публиковались рецензии, и от изменений отношения американских публицистов к Советской России. Так, если в 1929 г. в журнале “American Journal of Sociology” мы видим дружелюбное отношение к школьным экспериментам, и они практически приравнены к американским экспериментам [The Diary 1929, p. 363], то уже в 1932 г. отношение журнала к советской школе как пропагандисту коммунистических идей куда более сдержанное и даже раздраженное [Woolston 1932].

¹⁴Здесь и далее цитаты из рецензий, опубликованных в американской прессе, приводятся в моем переводе.

¹⁵Из всех рецензентов наиболее развернуто характеризует новую образовательную систему Агнес де Лима в своей статье «Школы революции» [de Lima 1928].

¹⁶РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 1.

¹⁷В качестве наиболее близкого сопоставительного материала можно назвать произведения Джин Уэбстер (Jean Webster) «Когда Пэтти пошла в колледж» (*When Patty Went to College* (1903)) и в особенности эпистолярную повесть «Длинноногий дядюшка» (*Daddy-Long-Legs* (1912)), имевшую большую популярность в Америке 1910–1920-х гг.

¹⁸РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 221а. Л. 7.

¹⁹Постановление ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» (1931); Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебных программах и режиме в начальной и средней школе» (1932); Постановление ЦК ВКП(б) «Об учебниках для начальной и средней школы» (1933); Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О структуре начальной и средней школы в СССР» (1934); Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе» (1935) и др.

²⁰РГАЛИ Ф. 370. Оп. 1. Д. 112. Л. 4–5.

Источники

Ognyov N. The Diary of a Communist Schoolboy. Trans. Alexander Werth. London: Victor Gollancz. 1928.

Замошкин Н. Изобилие эпохи // Новый мир. 1927. № 6. С. 174–181.

Мандельштам О. Сквозь розовые очки. Рец.: Н. Огнев, собрание сочинений, том третий. Третья группа. Разбойничий форпост (Дневник Кости Рябцева). Книга первая. Изд-во «Федерация», 1929 г. // Московский комсомолец. 1929. 22 сент.

Николаев Н. Уместные диалоги об учителях-писателях и о писателях из учителей. [Р. Акульшин, С. Ауслендер, С. Розанов, А. Чумаченко, В. Смирнова] // Народный учитель. 1934. № 1. С. 122–129.

Осоргин М. Строители будущего. Рец.: Огнев Н. Дневник Кости Рябцева. Изд. «Молодая гвардия». Москва, 1927 // Последние новости. 1927. 30 июня. № 2290.

Риден А. Советский подросток и школа в художественной литературе [«Дело о трупе» Г. Алексеева и «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева] // Народный учитель. 1927. № 7–8. С. 139–142.

Рубановский И. О Косте Рябцеве и его дневнике // Молодая гвардия. 1927. № 6. С. 178–184.

Фиш Г. Н. Огнев. Дневник Кости Рябцева // Звезда. 1927. № 7. С. 167.

Brooks Walter R. The Diary of a Communist Schoolboy by N. Ogniyov // The Outlook. 1928. July 4. Pp. 397–400.

The Diary of a Communist Schoolboy by N. Ogniyov // American Journal of Sociology Volume 35, Number 2, 1929, Sep., p. 343.

Kunitz Joshua Russia Moves On (Review). The Diary of a Communist Undergraduate, by N. Ognev // The Nation. August 14. 1929. Pp. 172–173.

deLima Agnes The Schools of Revolution // The Bookman. October 1928. Pp. 236–238.

Littell Robert The Diary of a Communist Schoolboy, by Nikolai Ogniyov (Review) // The New Republic. 1928. June 20. Pp. 118–120.

Littell Robert The Sequel to «The Communist Schoolboy» (Review). The Diary of a Communist Undergraduate, by Nikolai Ogniyov (Review) // The New Republic. 1929. May 15. Pp. 366–367.

Mead Norah Schoolroom Chaos (Review) The Diary of a Communist Schoolboy, by Nikolai Ogniyov // The Nation, August. 1, 1928, pp. 111–112.

Ruhl Artur The Schoolboy of Russia. The Diary of a Communist Schoolboy by N. Ogniyov // The Saturday Review of Literature. 1928. Aug 11. P. 37.

Ruhl Artur Soviet Days (Review) by Arthur Ruhl The Diary of a Communist Undergraduate, by N. Ognev // The Saturday Review. August 3. 1929. P. 20.

Russia from Within and Without Diary of a Communist Undergraduate. N. Ogniyov // The Spectator. February 23. 1929. P. 36.

Werth Alexander Translator's note // The Diary of a Communist Schoolboy by N. Ogniyov. London: Gollancz, 1928. Pp. 5–6.

Woolston Howard Propaganda in Soviet Russia // The American Journal of Sociology, Vol. 38, No. 1. (Jul., 1932). Pp. 32–40.

Исследования

Levy David W. Herbert Croly of the New Republic The Life and Thought of an American Progressive. Princeton: Princeton University Press, 1984.

Mott Frank Luther A History of American Magazines, Volume V: 1905–1930. Harvard University Press, 1968.

Reynolds Kimberley Left Out: The Forgotten Tradition of Radical Publishing for Children in Britain 1910–1949. Oxford: Oxford University Press. 2016.

Wilson Lucy L. W. New Schools of New Russia. New-York: Vanguard Press, 1928.

Надточий Э. Тимур и его арсана: социально-антропологическое значение советской «революции детства» в 1920–30-е годы // Социология власти. 2014. № 3. С. 81–98.

ИНТЕРВЬЮ

«ДНЕВНИК КОСТИ РЯБЦЕВА» В ОТЗЫВАХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Первое полное книжное издание «Дневника Кости Рябцева» появилось в 1927 г. Его одновременно издали «Молодая гвардия» в Москве и «ГИЗ» в Ленинграде. До начала 1930-х гг. повесть переиздавалась регулярно. В 1932 г. она в последний раз вышла отдельной книгой, в 1933 г. появилась как часть трилогии о Косте Рябцеве в книге «Начало жизни: Литературная композиция».

После этого «Дневник...» исчез из издательских планов надолго. Следующее советское переиздание состоялось в 1966 г. Повесть предваряло предисловие Льва Кассиля. От ранних изданий книга отличалась наличием последней главы «Разбойничий форпост» (в 1920-х гг. она печаталась отдельно) и некоторыми цензурными купюрами (опущен текст бумаги из СПОНа, в которой говорится об онанизме).

Последний раз в Советском Союзе книга вышла в 1989 г. в издательстве «Советская Россия».

Именно поздним советским переизданиям посвящен приведенный ниже опрос. «Детские чтения» попытались узнать, как долгий, более чем тридцатилетний, разрыв с читателем сказался на восприятии повести. Н. Огнев писал «Дневник...» по горячим следам школьной и общественной жизни середины 1920-х гг. Нас интересовало, какие темы, проблемы и приемы, использованные в повести, сохранили свое значение, а какие потеряли или обрели новое. В фильме «Наше призвание» 1981 г., снятом по мотивам «Дневника...», режиссер Геннадий Полока представляет Костю Рябцева пенсионером, вспоминающим свою юность. Для поколения 1970–1980-х гг. Костя был уже «дедушкой». С поколением 1990–2000-х гг. разрыв усиливался — не только количеством прошедших лет, но и сменой общественной парадигмы.

«Детским чтениям» хотелось показать разницу в восприятии повести позднесоветским и постсоветским читателем.

Все респонденты читали «Дневник Кости Рябцева» в детском или юношеском возрасте. Мы просили их описать путь, которым к ним попадала книга, свои впечатления от повести и самые яркие, запомнившиеся моменты.

Константин Поливанов, филолог, PhD, профессор
(годы чтения: 1969–1973 гг.)

Первый раз эта книжка попала мне в руки примерно в 1969 г. Трудно сейчас отчетливо отделить первые чтения от последующих (думаю, что последнее чтение относится году к 1973). Я имел обыкновение читать книжки по несколько раз: так читал и «Трех мушкетеров», и «Давида Копперфильда», и «Войну и мир». Кажется, между тринадцатью и шестнадцатью я прочел «Сагу о Форсайтах» трижды. Соответственно первое чтение «Дневника...» было в девять-десять лет, последнее в двенадцать-тринадцать. Потом уже, не возвращаясь к книге, я стал считать, что она как-то уж чрезмерно «советская», при том, что у меня не было твердого понимания того, что такое — «советская». Мне сейчас кажется, что уже и при первом чтении мне были интересны вопросы отношений с противоположным полом, с одной стороны, и что-то совсем не похожее на привычное для меня тогда в описании отношений мальчика и взрослых, с другой.

Чем книжка меня привлекла? Мне нравились, видимо, истории о школьниках и о незнакомых эпохах (я не то чтобы отчетливо тогда соотносил, но мне было понятно, что это не совсем о том времени, о котором я читал «Республику ШКИД» Пантелева и Белых). Я спрашивал родителей о каких-то непонятных мне в книжке деталях, но спрашивал вполне «точно», получал ответы, а не подробный ответ, не пытался специально узнавать, что это была за эпоха и как там все было устроено. Мне был интересен язык школьников, деление школы на ступени, наверное, было интересно и ощущение, что чего-то я не понимаю совсем.

Елена Романичева, кандидат педагогических наук, доцент,
главный научный сотрудник Института системных проектов
МГПУ
(годы чтения: 1972–1973 гг.)

Я не помню, сколько мне было лет, когда я прочла «Дневник Кости Рябцева». Думаю, что лет одиннадцать-двенадцать, не больше. Детская библиотека, куда я в течение нескольких лет ходила,

закрывалась: в связи с реконструкцией Таганки и ее окрестностей сносили малоэтажные здания, в одном из таких и располагалась библиотека. Перед закрытием библиотекари «открыли фонд» для своих читателей: я нашла книжку и за вечер проглотила.

Читала с огромным интересом: в первую очередь заинтересовал не герой, а описанное в книге время и школьные события. Незадолго до этого мне, как проверенному читателю (книг не теряла, все возвращала во время), выдали распадающуюся на листочки «Республику ШКИД», и «Дневник...» пошел, что называется, в пандан.

Из книги мне запомнилось какое-то ощущение новизны и точного попадания. Но через два дня позвонили из библиотеки и попросили срочно сдать: она закрывалась окончательно, нужно было паковать фонд. Так что был просто промельк книжки.

Больше она мне не попадалась: у друзей не было, в библиотеке ЗИЛа тоже, в сельской внуковской библиотеке, куда я ходила летом, она была, по словам библиотекарши, зачитана «нерадивыми дачниками». Только помню разговор с подругой-одноклассницей, которой книжку дал кто-то из друзей, и ее реплику: «Ты что? Это же читается как собственный дневник!»

Ольга Фикс, медсестра, литератор
(год чтения: 1979 г.)

У нас дома было издание 1966 г. В библиотеку отца эта книга могла попасть от Льва Кассиля: они с отцом одновременно работали в Литинституте, и Кассиль, написавший к переизданию предисловие, скорее всего, ее подарил.

Книга мне точно понравилась, я любила читать про всякие школьные эксперименты: про школу-коммуну у Шарова («Маленькие становятся большими»), про «Кондуит и Швамбранию». Кроме того, это было редкое для тех лет произведение, где говорилось о подростковом сексе и упоминался онанизм. Важно, что не о любви, а именно о сексе.

Для меня это была одна из первых книг, где правдиво и честно пытались рассказать о подростковом смятении. Внутренний мир Кости мне запомнился больше внешних обстоятельств. Помню вечеринки, где ребята тайком выпивали и тискались с девчонками. И как Костя с изумлением узнал, что некоторые не только тискались.

Мне было лет четырнадцать-пятнадцать, но жизнь у меня была в чем-то уже довольно взрослая, как у многих в этом возрасте:

не в смысле реальной половой жизни, но всяких желаний, попыток разобраться во взрослых отношениях, периодически накатывающей тоски. Чувство, что в школе все это табуировано, мешало говорить об этом даже между собой. В те же годы вышла книжка Майи Фроловой «Современная девчонка» о послевоенном Львове. Она гораздо хуже написана, чем «Дневник...», но в ней тоже было о сексе. Других таких книг и не припомню. В литературе все школьники от первого до десятого класса были одинаково бесполое, и проблемы у них в любом возрасте были одинаковые: учеба, бедность-богатство соучеников, ссоры из-за места в классной иерархии, и, изредка, любовь — но тогда уж чистая и на всю жизнь. Ты на этом фоне чувствовал себя каким-то особенно грязным и неправильным. А Костя был живой. И такой лапоть немножко: вокруг жизнь, секреты, а он столько не знает, и не понимает.

Со школой годов застоя, довольно казенной и жесткой, школу Кости Рябцева и сравнивать было нечего. Правда, 1970–1980-е гг. в каком-то смысле тоже были переломными. Я помню, что в 1975–1976 гг. невозможно было прийти в школу без галстука, тем более не в форме. А уже в 1977–1978 гг. галстуки в седьмом-восьмом классе носили лишь в торжественные дни, и то по желанию. И все обряды — смотры строя, сборы металлолома — исчезли, рассосались, то есть вроде и были, но уже необязательны. Учителя, конечно, были сбиты с толку, но не настолько, чтобы перестать учить. Престиж образования и дипломов был еще очень высок. И именно здесь ощущалась разница с Костиной ситуацией: для Кости очевидно, что политика важнее учебы. Большинство людей вокруг него не имеет высшего образования. А вот политическое самоопределение принципиально важно. Мы же им где-то завидовали, этим революционерам 1920-х. Вокруг Кости и его сверстников мир так стремительно менялся, что верилось, что все возможно, надо только потрудиться и потерпеть. А мы ни во что, кроме самих себя не верили.

При всей неустойчивости и ранимости, Костя произвел на меня впечатление человека абсолютно уверенного в своем праве быть самим собой, и он действительно верил, что они с учителями в чем-то равны — ну хотя бы том смысле, что ученики тоже люди. Он их не боялся. В повести ощущалась его внутренняя свобода. У нас было не так. Учителям ничего не стоило испортить нам жизнь.

Илья Бернштейн, издатель
(год чтения: начало 1980-х гг.)

В нашей домашней библиотеке было одно из первых изданий, на обложке — Костя с сигаркой. Эту повесть я читал много раз, начиная лет с 12–13, она мне нравилась. Я вообще любил про школу и подростков: «Кондуит и Швамбранию» Кассиля, «Дорога уходит вдаль» Бруштейн... Помню, что слова «онанист» и «педераст» я впервые прочел именно в Косте, и удивился, что они так странно пишутся. Про онаниста, кстати, отпечаталось глубоко: сильно позже, читая издание 1960-х гг., я сразу заметил, что этот сюжет убрали. Хотя я не уверен, что в «Дневнике...» меня занимала сексуальная сторона. Скорее мне нравилось, в нем то, что он отличался формой: монтаж, стенгазеты и тому подобное. Я хорошо запомнил дневник Сильвы — он казался более настоящим, чем Костин.

Даже и в младшей школе, я был диссидент, антисоветчик, так что вся советская риторика и культура в моем кругу воспринималась полярным в сравнении с Костиным способом. Но его подростковые проблемы мне были понятны. Футбол, как и у Кости, занимал в моей жизни большое место — большее, чем чтение. И, как и в его школе, у нас были подпольные газеты, было и тайное общество ОЗУПТВСГЭПУ (Общество защиты ущемленных прав трудящихся в странах, где эти права ущемляются). Да, вот еще что: именно из «Дневника Кости Рябцева» я узнал сюжет Гамлета. Так до сих пор его и представляю: Гамлет шьется с Офелией и кричит как сумасшедший «Оленья ранили стрелой!!»

Татьяна Сигалова, писатель, переводчик, филолог
(год чтения: начало 1980-х гг.)

В первый раз я прочитала эту книгу, когда мне было лет тринадцать. Она была в нашей домашней библиотеке (издание 1966 г, в зеленой обложке). Мне ее посоветовал отец. Он сказал, что это очень остроумная книга и зачитал вслух кусочек о том, как Зинаидища в классе разбирает сочинения по «Евгению Онегину». Книга меня не разочаровала. Мне понравился яркий, неприглаженный язык повести, молодежный жаргон того времени; интересно было читать о реалиях, особенно о школьных нововведениях (Дальтон-план и пр.). Неожиданными были вставки — школьная газета, журнальные рассказы. И, конечно, то, как в повести смело описан «половой вопрос», в отличие от ханжеского замалчивания

этой темы или осуждения «разврата» в советской литературе более позднего времени.

Костя мной воспринимался как вполне актуальный герой, — в отличие, например, от Васька Трубачева, который казался жутко старомодным. Хотя по своим политическим взглядам Костя отличался от нас разительно: он искренне верил в коммунистическое будущее. А пионеры и комсомольцы 1980-х на сборах дружно рапортовали о перевыполнении плана по макулатуре, а в кулуарах рассказывали анекдоты о Брежневе и Андропове.

Потом в читальном зале библиотеки Тартуского университета я прочитала и вторую часть повести — ту, что была запрещена в СССР, «Костя Рябцев в вузе». Но она показалась мне бледнее.

Ирина Шостаковская, поэт
(годы чтения: 1990–1991 г.)

Я увидела «Дневник Кости Рябцева» в магазине, когда мне было лет 10. Просто заглянула в середину и поняла, что это интересно. Но бабушка испугалась и не купила книгу — «слишком взрослая». Может, она читала ее раньше. Потом я встретила «Дневник...» уже лет в двенадцать-тринадцать. Я переехала от бабушки к родителям, и оказалось, что у отца она есть. У меня осталось впечатление зависти ко времени, когда можно было так просто быть самостоятельным. На самом деле не самая главная книга оказалась, но ничего. У меня в голове осталась оттуда одна цитата на удобный случай: «По мнению “Икса” — никогда». Там школьное самоуправление сравнивается со сказкой про «Репку»: они его тянут-потянут и спрашивается, когда же уже вытянут? Так вот, «по мнению “Икса” — никогда». Еще помню стремный рассказ про аборт: запомнила его как какой-то серьезный конфликт, до которого я в свои 13 еще не выросла. То есть для меня там не в аборте было дело, а в напряженных отношениях.

Евгения Риц, поэт, литературный критик
(год чтения: 1992 г.)

Мне было лет пятнадцать, и эта книга мне приглянулась в магазине «Букинист». Имя Н. Огнев было совершенно незнакомым. Скорее всего, я поняла, что это хорошая повесть, просто открыв и начав читать. Меня очень удивило, что я ничего про эту книжку не слышала: с первой страницы было понятно, что она должна была быть культовой у советских школьников, примерно как «Витя

Малеев в школе и дома» (это чувствовалось, в том числе, и по оформлению книжки).

Сначала было ощущение, что я для нее уже слишком большая, но раз вовремя не попала, пусть так. И конечно, книжка воспринималась как «советская». При этом очень понравилась. Самым важным было не про мироощущение героев — моих ровесников, а весь этот историко-педагогический контекст, то, что она очень познавательная. Как ни странно, одно из самых ярких воспоминаний — что там было написано «буцы» вместо «бутсы». И, конечно, «шкрабы». Удивительным казался факт их существования в истории советской школы, где к учителям, казалось бы, такой пиетет.

Лариса Романовская, детская писательница

(год чтения: 1994 г.)

Книга попала ко мне лет в четырнадцать. Насколько я помню, зацепила словом «шкраб» и выражением про какой-то совет, что это организация «на шкрабьих костылях». Текст воспринимался как дополнение к «Республике ШКИД», «Двум капитанам» и «Кортику» — «Выстрелу» — «Бронзовой птице», то есть к более знакомым книгам, где действие происходило в те же годы. Но книгу я больше не перечитывала, видимо, Костя Рябцев был для меня «представителем своей эпохи», и не более.

Ольга Балытникова-Ракитянская, антрополог, переводчик

(год чтения: 1999 г.)

Книга попала мне в руки в мои пятнадцать, через библиотеку университета UNISA (University of South Africa), где работал мой папа. Он физик, но в университете была кафедра русистики, и в библиотеке имелось много книг на русском языке, в основном из СССР, 1940–1960-х гг. издания (когда были более-менее нормальные отношения между странами).

Книга, с одной стороны, понравилась, потому что написана интересно и без сюсюканья, про моего тогдашнего ровесника, который к тому же живет в совершенно ином мире, чем я. С другой — были вещи, которые вызвали настоящее отвращение. Во-первых, то, как грязно там говорится об отношениях мужчины и женщины. В моей семье никогда не было ханжества, все называлось своими именами открыто, в том числе и физиология между женщиной и женщиной, но с грязью это не имело ничего общего, наоборот, во всем была красота и чистота, любовь без деления на «духовную

возвышенность» и «физиологическую низость». Все было высоко и гармонично (во всяком случае, именно такое восприятие нам с сестрами прививалось). А тут... Видимо, это было свойство той эпохи, 1920-х гг. Во-вторых, многовато показалось коммунистической пропаганды — но это ладно, можно было просто пролистывать. В-третьих, поразило описание вполне легального медицинского аборта: мне кажется, автор хотел пропагандировать аборт, но получилось у него наоборот, антиабортная пропаганда, потому что все так страшно описано, что сразу возникает мысль «да лучше бы уж родила и отдала в детский дом, чем такая пытка». Понятно, что это снова реалии медицины 1920-х, но впечатление засело в мозгу прочно. Герою в целом я скорее сочувствовала, хотя местами он казался хамоватым. Зато видно, что неглупый, честный, пытается разобраться в себе, читает книги, защищает девушек. Очень раздражала при этом его подруга Сильва (так, кажется?): прямо Мальвина какая-то, так же задается и считает себя круче всех, хотя оснований вроде бы к тому и нет, презирает собственную мать, хотя за той нет никаких грехов, кроме недостаточной преданности идеалам революции. Замечу, книгу с тех пор не перечитывала, это все впечатления пятнадцатилетнего человека. Книга действительно казалась непохожей на другие — именно тем, что без сюсюканья и нравочений, как часто бывает в книгах для подростков.

Ксения Чарыева, поэт, свободный художник
(год чтения: 2003 г.)

Для меня это была особая книжка, в первую очередь, потому, что я как будто учила новый язык, пока ее читала (лет в 12), причем такой, о котором только самому можно догадаться. Ух как я ликовала, когда видела новое упоминание слова, в значении которого сомневалась. Помню, понимание слова «буза» у меня раз десять менялось и дополнялось. Конечно, очень важно было, что это дневник, я с детства обожала всякие дневники, и чем откровеннее тем лучше. Степень откровенности этого дневника мне очень нравилась, и очень захватывало, как на уровне языка передано ощущение постыдности связанных с половым созреванием вещей. Книга как бы всегда твой секрет, в каком-то смысле, а тут получалось, что и книга мой секрет, и у меня общий секрет с этой книгой, это была максимально, что ли, горизонтальная связь. Все вставки, которые там были — и про диалектику, и про аборт —

потрясли меня совершенно. Я сама постоянно читала газеты, особенно криминальную хронику. Такой красотищи там и близко не было. Поскольку мой любимый член семьи — дед — был коммунистом, и я много чего знала про марксизм-ленинизм и читала всякое про пионеров и комсомол, то тема идеологии меня тоже ужасно в этой книге волновала. В ней те принципы, которые мне было совершенно некуда приложить так, чтобы они не смотрелись как бубен в операционной, жили и двигали какие-то одновременно огромные и повседневные микропроцессы, внешне похожие отчасти на то, чем я сама жила. Ну и, безусловно, я этой книге верила, любила героев и разочаровывалась. И, соответственно, кучу всего пересматривала, сомневалась. Сейчас понимаю, что вот как раз уже с истории про язык начинается это сомнение, и это очень круто. Что все время надо разбираться дальше, и дальше, и дальше. Это, наверное, одна из самых событийно насыщенных, почти детективных книг о взрослении, что я читала.

*Материал подготовлен
Ольгой Виноградовой*

РУССКО-НЕМЕЦКИЕ КОНТАКТЫ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В. Головин, О. Николаев

И.-Г. КАМПЕ “WINTERLIED” — А. С. ШИШКОВ «НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМ УТЕХАМ»: ПЕРВЫЙ ДЕТСКИЙ ХРЕСТОМАТИЙНЫЙ ТЕКСТ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ*

В статье анализируется стихотворение «Николашина похвала зимним утехам» А. С. Шишкова, ставшее первым хрестоматийным текстом русской детской поэзии. Рассматриваются проблемы соотношения с источником, форм бытования и истории восприятия текста. Герменевтический комментарий к стихотворению позволяет выявить и описать принципы поэтики, обусловившие уникальный и новаторский характер произведения: явление «детской риторики», эффект «плавающего резонанса», создание поэтических версий детского праздничного и игрового дискурсов, стиховой строй, опирающийся на жанр фольклорной считалки.

Ключевые слова: Шишков А. С., «Николашина похвала зимним утехам», Kinderbibliothek I. N. Kampe, Kleine Kinderbibliothek, Овербек, Winterlied, хрестоматийность, «детская риторика», фольклоризм, топика народного праздника, детская игра, считалка, суффиксальная поэтика.

А. С. ШИШКОВ И «ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА»
И.-Г. КАМПЕ

Перевод А. С. Шишковым знаменитой книги “Kleine Kinderbibliothek” И.-Г. Кампе по праву считается одним из первых удачных примеров русской детской литературы европейского типа. При этом книгу Кампе относят как к литературным опытам, так и к педагогическим. Кампе создавал антологию для детей, которая должна совершенствовать ребенка через «приятное и увлекательное» чтение. Необходимость такой антологии Кампе объясняет сложностью выбора литературных текстов для чтения детям

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) «Педагогические идеи в детской литературе России и Германии» 17-06-00288.

родителями или самими детьми из уже известного свода детских произведений. Кампе устанавливает три критерия, которым должно отвечать литературное произведение для детей: оно должно быть понятно, увлекательно и поучительно. Категория «понятности» коррелирует с возрастом — Кампе делит читателей на три возрастные группы — до 7 лет, до 10 лет, до 12 лет и выше — и распределяет все произведения по этим группам. Произведения по возрастам разделяются картинками. Для того, чтобы вычленил довольно сложный критерий «увлекательности» Кампе проводит своего рода эксперимент: читает детям вслух, наблюдая за их реакцией, и если хоть один ребенок зевает или отвлекается, произведение в антологию не включается. Проверить достоверность и репрезентативность эксперимента сейчас не представляется возможным. Рассуждая о критерии «поучительности», Кампе полагается на свои представления о детях и постулирует принципы нравов, которые будут излагаться в книге: нравовучение должно быть понятным ребенку; соотноситься с возрастом (примеры из взрослой и сословной морали исключаются); в них должно показывать человека с положительной стороны. Если необходимо проиллюстрировать слишком печальные последствия человеческих пороков, то тогда надо предлагать сюжет с животными, перелагая на них пороки людей. Если речь пойдет о пороках взрослого человека, то демонстрировать их надо «постепенно» и лишь те, которые дети наблюдают у взрослых в своей повседневной жизни и, соответственно, могут у них перенять. Если герой нравовучительного рассказа — ребенок, то надо писать об опрометчивых, а не злых детях, которые могут вызвать ненависть у маленьких читателей. Писать надо о детях, которые имеют сначала мелкие, а потом крупные недостатки, при этом не допуская, чтобы они не исправились, «пока не уйдут со сцены».

Кампе объявляет, что книга составлена преимущественно из его произведений, но включает и произведения других авторов, которые сильно отредактированы в соответствии с читательским назначением антологии или самими авторами или Кампе, с разрешения последних. Некоторые произведения изданы анонимно, поскольку составитель не мог связаться с их авторами, но в тоже время внес в них изменения, с которыми авторы могли не согласиться. В заключение Кампе призвал литераторов способствовать своему проекту [Campe 1779, pp. 3–10]. “Kleine Kinderbibliothek” стала крайне популярной в Европе и России и успешно конкурировала с аналогичными изданиями, прежде всего с “Magasin des Enfants ou Dialogues

d'une sage gouvernante avec ses eleves de la premier distinction" Лепренс де Бомон (1756, русский перевод — 1761), "l'Ami des enfants" Арнольда Беркена (1782, русский перевод — 1799) и "Kinderfreund" Христиана Вейсе (1776–1782). Все эти книги и публикации из журналов переводились в Англии, Германии, Франции и России.

А. С. Шишков отобрал для своего первого издания 106 произведений¹ (51 — первая часть, 55 — вторая) из 4-х первых выпусков "Kleine Kinderbibliothek" Кампе (1 вып., 1779, 51 произведение; 2 вып. 1779, 53 произведения, 3 вып., 1780, 64 произведения, 4 ч. 1780, 72 произведения). Таким образом, через три года после первого издания антологии Кампе А. С. Шишков перевел почти половину произведений из 4-х первых выпусков². Следовал ли А. С. Шишков принципам Кампе, касающимся «понятности, увлекательности и нравочительности»? На этот вопрос можно ответить утвердительно, поскольку практически все его произведения, за считанными исключениями, — переводы-кальки из книги Кампе. Ключевая характеристика своей книги, высказанная Шишковым в предисловии: «простым и внятнм слогом учит детей благонравию» [Кампе 1783, с. 5], — близка к правилам, которые устанавливает Кампе для своей "Kleine Kinderbibliothek". В то же время, принципы отбора произведений Шишковым можно назвать произвольными. В первую часть его книги попали в большинстве произведения первой части "Kleine Kinderbibliothek" Кампе, меньшее количество из второй и четыре произведения из третьей части. Во второй части «Детской библиотеки» Шишкова представлены, в основном, произведения из третьей и четвертой части. Единственное, что можно отметить в содержательном отношении: из третьей и четвертой части выбираются произведения для младшего возраста, а так же то, что в книге Шишкова значительно меньше «нравочительных смертей детей», хотя таковые и присутствуют, иногда по две в одном тексте³. Кроме того, Шишков не делит произведения, включенные в книгу, по читательским возрастам и не указывает авторов, которых он переводит. Большинство изменений Шишкова следуют принципу Кампе — текст должен быть понятен детям. Имена детей и резонеров, меняются на русские, последние из имен собственных превращаются в «говорящие» (Рудольф-Добросерд). Происходит русификация немецкой бытовой и календарной культуры, впрочем, что не мешает похоронить дитя порочное и дитя страдающее (Нагашу и Петрушу) «от Лейпцига в пол мили». Шишков переводами из Кампе вводит в русскую литературу новые жанры и темы, которые впоследствии

получат в ней довольно широкое распространение: первые литературные колыбельные (причем, одна с изменением адресата), молитвы, тема умирающего ребенка и др.⁴

«ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА» КАМПЕ В РУССКИХ ИЗДАТЕЛЬСКИХ ПРАКТИКАХ: МЕХАНИЗМЫ ХРЕСТОМАТИЗАЦИИ

Нас в первую очередь интересуют новации Шишкова в русской детской литературе и самое главное — создание первого русского «хрестоматийного» (в плане популярности и узнаваемости) стихотворения — «Николашиной похвалы зимним утехам» — написанного ранее «Чижика» В. В. Капниста и басен И. А. Крылова.

А. В. Вдовин и Р. Г. Лейбов во вступительной статье «Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX в.» утверждают следующее: «Сам механизм селекции может быть описан либо как результат *институционального отбора*, либо как следствие *имманентных свойств текста*» [Вдовин, Лейбов 2013, с. 8]. Поддерживая саму идею авторов, нас несколько смущает союз «либо». Имманентные свойства текста мы считаем определяющими, что никоим образом не снижает значения «институционального отбора». «Институциональный» успех переводу Шишкова был заложен еще до появления книги в свет. Книга Кампе, под русским названием «Собрание разного рода сочинений или детская виблиофика Кампе», не позже 1780 г. была рекомендована «Комитетом, рассматривающим училища» «Собранию, старающемуся о переводе иностранных книг» [Семенников 1913, с. 79]⁵, и директор Академии наук и председатель указанного «Собрания» С. Г. Домашнев заказал офицеру Морского Шляхетного корпуса А. С. Шишкову ее перевод [Шишков 1806, с. 3]. Таким образом, еще до перевода книга Кампе рассматривалась как «массовое» издание для училищ. Издательская и книготорговая судьба первого издания перевода А. С. Шишкова была вполне успешна. Книга печаталась изданием Академии наук тиражом 1 200 экземпляров на «здешней лучшей комментарной бумаге» и постепенно заказывалась столичными кушцами⁶. До 1846 г. вышло 7 изданий. Причем популярность «Детской библиотеки» Шишкова поддерживалась издательским успехом, престижностью и репутацией в России самого первоисточника — “Kleine Kinderbibliothek” Кампе. Так, В. С. Подшивалов в «предуведомлении» к книге «Бесценный подарок...» (1789) объявляет, «что книга сия взята вся из одного сочинения, состоящего в нескольких томах, изданного на немецком

языке г. Кампе, автором известным всему свету по своим весьма многим и превосходным творениям» [Бесценный подарок 1797, с. III]. На самом деле это далеко не так, о чем убедительно написал В. Симанков: «Однако это утверждение противоречит действительности. На самом деле в “Бесценном подарке” было помещено только 11 переводов из “Детской Библиотеки” Кампе, то есть совсем незначительная часть... Не вызывает сомнений, что Подшивалов просто собрал под одну обложку все свои переводы из “Детского чтения для сердца и разума”» [Симанков 2015, с. 328–329]⁷. Тем не менее, Подшивалов использует репутацию Кампе, настойчиво рекомендуя свой перевод читателю⁸. Следует также допустить, что именно популярность шишковского перевода Кампе, заставила Подшивалова таким образом называть и рекламировать свои издания. Переводы из “Kleine Kinderbibliothek” появляются не только у Шишкова. И не только «Николашина похвала...» обретает черты хрестоматийности. В новиковском «Детском чтении для сердца и разума» печатаются «Три золотые рыбки», «Четыре времени года», «Лжец-теленок» [Бекетова 1927, с. 94], 11 произведений — в «Бесценном подарке...» В. С. Подшивалова (1797), в первом учебном пособии по словесности Н. И. Греча «Избранные места из русских сочинений...» («Великодушие и благодарность» — пер. Шишкова) [Избранные места 1812], в «Русской азбуке» Н. И. Греча («Три золотые рыбки», «Резвая коза» — пер. Шишкова). Активно использовали переводы Кампе и Л. Н. Толстой, и К. Д. Ушинский, которому в советской и современной педагогической прессе приписывают авторство рассказа «Четыре желания». Последний рассказ в 1779 г. публикует Кампе («Четыре времени года»), в 1783 г. его переводит Шишков, в 1785 г. он публикуется в первой части «Детского чтения для сердца и разума» Н. И. Новикова, в 1829 г. Б. Федоров переложил его на стихи («Всякое время приятно»), в 1846 г. в «Русской азбуке» его публикует Н. И. Греч, а в 1864 г. отредактированный рассказ попадает в «Родное слово» К. Д. Ушинского под названием «Всякое время приятно» (146 изданий до 1914 г.). Читательская жизнь рассказа Кампе продолжалась все советское время и продолжается сейчас благодаря многочисленным переизданиям сборников Ушинского, который включал из Кампе не только этот рассказ. Можно отметить и вариацию на эту тему в стихотворении Саши Черного «Когда веселей» [Привалова 1966, с. 258–259]. Борис Федоров перевел известную песню «Отсрочка» Христиана Феликса Вейсе (“Morgen! Morgen! Nur nicht heute! Sprechen immer träge Leute”),

также входившую в издание Кампе: «Завтра. Подражание немецкому» («Завтра, завтра, не сегодня, — так ленивцы говорят»). Возможно, есть и еще одна косвенная причина «институционального» продвижения Кампе в России и его перевода Шишковым. В конце XVIII в. в России зарождался культ Моцарта; композитор, имевший ряд томов Кампе у себя в библиотеке, положил несколько его произведений на музыку. В их числе «Вечерние думы», «Фиалка» (И. Кампе), «Детские игры», «Весенняя песня» (К. Овербека), которые Кампе включил в «Детскую библиотеку». Они узнаваемы и сейчас, а некоторые из них, благодаря Моцарту, «хрестоматийны», то есть включены в общую музыкальную подготовку.

Эти моцартовские песни были популярны и тогда, популярны и сейчас. Моцарт не писал музыку на источник «Николашиной похвалы» — “Winterlied” (“Jauchze, wenn der Frühling weckt!..”) Кристиана Адольфа Овербека (1755–1821)⁹, нет этого текста и у известного композитора Райхардта, главного капельмейстера Берлинской капеллы, который выпустил в 1781 г. сборник на тексты Кампе [Lieder 1781]. Но тем не менее, в начале XIX в. есть несколько изданий, где “Winterlied” опубликована как песня¹⁰. Уже с 1806 г. Шишков свои издания «Детской библиотеки» снабжает более пространством предисловием, в котором фиксирует успешность, популярность и полезность своей книги:

Книга сия на Российском языке давно уже известна под названием *детской библиотеки*. Она есть отчасти перевод, отчасти же подражание изданной от господина Кампе на немецком языке книги, называемой *kleinie kinder-bibliothek* <...> Между тем вышеупомянутая книжка моя простым слогом увеселяла детей и наставляя их в благонравии, они многие стишки наизусть читали, и родители оную принимали благосклонно, так что в течение шестнадцати или семнадцати лет была она троскратно издана, токмо не мною; ибо я о последних двух изданиях не имел уже никакого сведения. Также к двум моего перевода частям прибавлены в прозе еще две части, не знаю кем переведенные [Шишков 1806, с. 3–5].

Шишков отнюдь не занимался здесь саморекламой, книга действительно была популярной.

У книги Шишкова — в период частого появления зарубежных и отечественных антологий, сборников, хрестоматий для детского чтения (последняя четверть XVIII в. — первая четверть XIX в.) — было одно важное конкурентное преимущество, точно отмеченное в статье Елизаветы Олескиной: «Однако, несмотря на большую точность перевода в отдельности, Шишков все-таки

трансформирует оригинал. Дело здесь в отборе и композиции. “Детская библиотека” Шишкова гораздо компактнее, хотя и “Kleine”, но многотомной “Kinderbibliothek” Кампе» [Олескина 2009, с. 128]. Этот фактор стимулировал приобретение и использование книги: «компактное» издание нравоучительных примеров функционально удобнее для детского чтения и чтения детям и приветствовалось родителями и педагогами¹¹. Первая одобрительная рецензия вышла уже в 1786 г. В журнале «Зеркало света» о переводе Шишкова говорилось:

Сия книга одобренная в Немецкой земле многими учеными обществами и состоящая в нескольких частях, есть действительно из числа самых лучших творений, изданных в нынешнее время для наставления детей в благонравии как по хорошему выбору статей, так и простому, внятному и весьма приятному слогу. Прекрасное ее преложение на российский язык делает не менее чести трудившемуся в оном, как и самому сочинителю, в доказательство чего предлагаем мы здесь некоторые статьи.

Далее полностью перепечатаны переводы Шишкова: «К Маше на ея голубку», «Резвая коза», «Алексашина молитва», «Счастье благодетельства»¹². При всей композиционной простоте рецензии, состоящей из незамысловатого оценочного суждения, подкрепленного примерами из текста, следует отметить, что отзывы такого типа на детскую литературу (позитивная/негативная оценка + примеры) в критике детской литературы преобладают до сих пор. Хочется обратить внимание на тот факт, что по мнению авторов статьи, этот отзыв, возможно, является первой рецензией на отечественную детскую литературу (слово перевод, в отношении ряда опытов Шишкова в «Детской библиотеке», можно применять весьма условно). Следует также отметить, что в данной рецензии примерами выступали лишь поэтические тексты. Свидетельств о популярности издания «Детской библиотеки» множество. Во-первых, уже с первой четверти XIX в., она стала появляться в росписях и указателях для чтения, в разделах «для чтения малолетних детей»¹³. Во-вторых, имеется ряд восторженных воспоминаний об «упойтельном» чтении этой книги в детстве, например: «К упомянутым выше книгам, занимавшим меня в детстве, должен с благодарностью прибавить “Детскую библиотеку Кампе”, переведенную Шишковым: я выучил ее наизусть, но должен сказать, к чести моего детского чутья: я чувствовал неравенство слога в разных ее частях и заключал, что она написана

не одним, а многими» [Греч 1990, с. 70.] Аналогичное мнение оставил и Я. К. Грот¹⁴. В третьих, фиксируются факты не только популярности чтения книги Шишкова, но и обучения по ней грамоте: «...всякий русский, обучаясь грамоте, читал и твердил наизусть басни и стихи из Детской библиотеки» [Биография адмирала Шишкова 1842, с. 433–434], «Книжка эта до 30-х годов прошлого века была сильно распространена в русских семьях при обучении детей грамоте» [Троцкий 1913]. Она также обозначается как учебная книга: «...переведена так изящно, что она для обучения детей нравственности и начал словесности, принята, можно сказать классическим произведением» [Биография адмирала Шишкова 1842, с. 427]. И, наконец, в-четвертых, существует изрядное количество просто комплиментарных отзывов о книге Шишкова, например: «...безделки, написанные им для детей, могут служить образцами в сем роде» (А. А. Бестужев) [Бестужев 1823, с. 18–19], «...не было в России не одного образованного семейства, в которой не имели бы ее: вот почему она до сих пор не потеряла своей цены. Простота изложения и легкость рассказа, сохраняют все свое достоинство, и она даже теперь может быть дана ребенку» (П. Сухонин) [Сухонин 1861, с. 27–44]. Можно вспомнить аналогичные отзывы С. Н. Глинки, Б. М. Федорова¹⁵, К. С. Сербиновича [Сербинович 1874] и многих других.

«НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМ УТЕХАМ»:

ГРАНИ И КОЛЛИЗИИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Перейдем теперь собственно к «Николашиной похвале зимним утехам». Для начала надо сказать, что и сам источник ее “Winterlied” (“Jauchze, wenn der Frühling weckt!..”) Кристиана Адольфа Овербека, помещенный в “Kleine Kinderbibliothek” Кампе, стал обнаруживать свойства хрестоматизации в немецкой традиции. Во-первых, текст *начал* утрачивать свою целостность с точки зрения точности его передачи: во многих публикациях обнаруживаются, хоть и незначительные, расхождения, его начали сокращать, что свойственно популярным произведениям. Во-вторых, немцы уже в 1828 г. начали путать автора “Winterlied”, приписав стихотворение Маттиасу Клаудиусу (Matthias Claudius), стихи которого Кампе также использовал в “Kleine Kinderbibliothek”¹⁶. Это могло быть простой опечаткой, но могло быть и фактором хрестоматизации, когда авторство текста путается и забывается (ср.: «Дети, в школу собирайтесь», «Вот моя деревня», «В лесу родилась елочка» и пр.).

Факты огромной популярности шишковского перевода Кампе и шишковского стихотворения «Николашина похвала зимним утехам» рассмотрены в ряде статей, но наиболее обстоятельно они проиллюстрированы в статьях К. Г. Боленко и Е. А. Ляминой, здесь мы позволим себе напомнить их примеры.

В 1811 г. В. А. Жуковский включил четыре стихотворения из «Детской библиотеки» Шишкова, в том числе «Николашину похвалу...» в свое «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских», под названием «Похвала зиме. Детская песня» [Собрание русских стихотворений 1810, с. 244–246]. Хотя с этим включением был не согласен П. А. Вяземский¹⁷, следует признать, что публикацию в таком собрании можно считать важнейшим *институциональным* стимулом. Отметим, что, согласно нашим разысканиям, это первое отечественное литературное произведение, опубликованное с названием «Детская песня». Не исключаем, что переименование В. А. Жуковским «Николашиной похвалы зимним утехам» в «Похвалу зиме. Детскую песню», могло быть связано как с первоначальным названием оригинального стихотворения Овербека, так и с ее музыкальным исполнением. Характерно, что в одном из немецких учебных сборников, песня Овербека называлась «Похвала зимы», правда ее там приписали другому поэту¹⁸. В качестве первого критерия популярности и общего знания этого стихотворения А. С. Шишкова приведем свидетельства, где его называют «классическим». В. Г. Белинский, анализируя книгу «Азбука русская новейшая, или Букварь для обучения малолетних детей чтению...» (1844)¹⁹ назвал «Николашину похвалу...» «классическими стихами», процитировал первую строфу и нашел их похожими на «выходцев с того света» [Белинский 1955, с. 244]. П. В. Засодимский, отметил: «В “Библиотеке” есть одно классическое стихотвореньице, которое отцы наши заучивали, бывало, наизусть и передавали потомству. Это “Николашина похвала зимним утехам” <...>»²⁰. Таким образом, в 1844 г. уже, а в 1878 г. еще, стихотворение называли классическим. Фактов о чтении и знании «Николашиной похвалы...» в конце XVIII — начале XIX вв., подтверждающих ее «хрестоматийность», более чем достаточно. С. Т. Аксаков считал «Детскую библиотеку» «лучшею детскою книгою» (своего детства), называя ряд входящих туда стихотворений «истинными сокровищами для маленьких детей», а «лучше всех написанной» — «Николашину похвалу зимним утехам». С. Т. Аксаков сделал еще ряд важных замечаний о чтении и популярности «Детской библиотеки»,

в том числе процитировал стихотворение «Не в неге я родился», которое свидетельствует о специфической читательской рефлексии детей того времени [Аксаков 1955, с. 361–363]. С. П. Жихарев так фиксирует свои впечатления от первой встречи с Шишковым: «С большим любопытством рассматривал я почтенную фигуру этого человека, которого детские стихи получили такую народность, что, кажется, нет ни в одном русском грамотном семействе ребенка, которого не учили бы лепетать: “Хоть весною/И тепленько...”» [Жихарев 1989, с. 84]. В. Я. Стоюнин отмечает, что «В тридцатых годах, в своем детстве, я еще слышал от некоторых лиц не совсем пожилых, которые произносили стихи, заученные ими в детстве». Далее он цитирует несколько строк из «Николашиной похвалы» и «Петрушиного ответа». Заключается фраза словами: «Вероятно, и теперь во многих захолустьях Русской земли повторяются эти столетние детские песенки» [Стоюнин 1880, с. 30]²¹. Несколько с другим оттенком комментирует «Николашину похвалу» Н. В. Сушков: «Впрочем, что касается русско-простонародного направления, как ни странно покажется с первого взгляда, а нельзя не назвать в числе деятелей русско-простонародной школы и А. С. Шишкова: его, всю Русью затверженные стихи: “В зимний холод всякий молод” и т. д. доказывают, сколько сочувствовал ей наш строгий классик и почтенный родоначальник славянской школы» [Обоз к потомству 1854, с. 255]. В. Н. Майков, критически оценивая детскую библиотеку Шишкова издания 1846 г., однако замечает: «Перевернув несколько отменно серых страниц этой книжки, мы убедились, что дети, учившиеся читать по первому ее изданию, давно утешаются внуками» и приводит два отрывка из шишковских переводов, один — из «Николашиной похвалы...»²². Попала «Николашина похвала...» и в русскую литературу. В «Старых слугах» И. А. Гончарова описан случай, когда его слуга, любивший и распевавший Жуковского, на прочтение «Николашиной похвалы...» ответил: «Это каждый мальчишка поймет или деревенская баба». В изображенной Гончаровым коллизии значимы два момента. Во-первых, писатель, воспроизводя оценивающую реплику слуги Валентина, убедительно демонстрирует «простонародность» шишковского стихотворения. Во-вторых, информативна «ошибка» Гончарова: «Наконец я увидел какую-то хрестоматию без заглавия, кажется Греча, поискал что-нибудь понятное, и как раз подвернулось стихотворение Шишкова, и я стал читать» [Гончаров 1980, с. 134]. В хрестоматиях Н. И. Греча этого произведения нет, но популярность его хрестоматий была значительной. На протяжении

почти двух веков (!), с 1831 г. по 2005 г., «Николашина похвала...» попадает как образец хорея в разделы учебников и хрестоматий по «стопосложению» и стиховедению. Рецензент «Московского телеграфа» в 1831 г. критически отмечал, что в «Сокращенной русской грамматике» А. Х. Востокова «статья о Стопосложении нейдет к делу, и приклеена тут Бог знает для чего. Правда, всего четыре странички! Замечательно, что Автор нашел случай употребить два раза стихишки: “Хоть весною/И тепленько,/А зимою/ Холодненько”»²³. В современном литературоведческом словаре для школьников в разделе «Хорей» также цитируется и анализируется «Николашина похвала зимним утехам»²⁴. Ряд фактов свидетельствует об анекдотических случаях с «Николашиной похвалой», ее использовании в саркастических выпадах против А. С. Шишкова, литературной полемике, и даже ее переделках. Эти факты как нельзя лучше свидетельствуют, что стихотворение было «на слуху», то есть обладало качеством всеобщей узнаваемости. Прежде всего, следует отметить использование этого стихотворения в литературной полемике «Беседы русского слова» (которую возглавляли Г. Р. Державин и А. С. Шишков) и «Арзамаса». «Николашина похвала зимним утехам» была как бы поэтическим знаком «Беседы» для ее критиков. В 1812 г. П. А. Вяземский пишет:

Вы можете раз в месяц сидеть с важностью в «Беседе» и слушать, не платя ни гроша за вход, как Захаров доказывает превосходство женщин над мужчинами тем, что почтеннейшая наша прабабка Эва сотворена из ребра Адама Саваовича, а почтеннейший наш прадед Адам Саваович — только из персти; хотя, однако ж, где-то сказано, и, кажется, в Священном писании, что этот Саваович, каков ни был, а сделан, однако ж, на образ божий был, — но это безделица! А что всего приятнее, вы, как говорят, можете запивать подобные тому истины чаем с сухарями или клюквенным морсом, приготовленным кухаркою знаменитого творца «Песни на зиму», известной многими подобными стихами: «А как, матки, придут святки, тут-то грохот, смехи, хохот! О какие, тут дурные, есть личищи, на игрищи!» [Литературный архив 1994, с. 128]

На заседании «Арзамаса» 25 ноября 1815 г. С. С. Уваров («Старушка») произнес речь, где использовал «Николашину похвалу...» и попутно высмеял занятия Шишкова детской литературой:

У подошвы русского Пинда, посреди Беседы, цвела некогда нежная и скромная певица. С самой колыбели она почувствовала влияние гениев и *взраживала* при имени *Седого Деда*. В *зимний холод* согревалась она у пламенника его поэзии. Собравшись к *огонечку*, вся семья внимала с восхищением истинно ребяческим повестям *Седого Деда*; а когда

матки придут святки, то юная Сафо предавалась всем движениям пылкого воображения; но и тогда мысль о возлюбленном была с нею неразлучна; играя в *снежки*, или в *салазки*, младая певица твердила его неподражаемые стихи и, слава Богу, вкушала *радость многу* [Арзамас и арзамасские протоколы 1933, с. 119].

Как сообщал в III Отделение Ф. В. Булгарин, в конце апреля или в начале мая 1828 г.:

<...> на счет отставки Шишкова сочинена небольшая радостная песенка. Представлено, будто Шишков сидит в Российской академии и пародирует известную свою песенку для детей, сочиненную им в молодости.

Пародия.

Хоть в России и умненько,

В Академии глупенько,

Но и в луже

Нам не хуже,

Здесь Хвостовы, Соколовы и т. д.

Далее, для сравнения, представлено 6 стихов «настоящей песни» [Рейтблат 1993, 144].

Последний цитируемый и возможно малодостоверный факт, представляет анекдотический случай, отчасти свидетельствующий, что популярность шишковской песни дошла до «оскомины»:

Рунич оставался попечителем округа и в министерстве Шишкова, до открытия беспорядков по хозяйственной части, и всячески старался к нему подбиться. На экзамене гимназии Шишков, утомясь испытанием учеников в каких-то скучных предметах, вздумал посмотреть книги, разложенные на столе перед ним, для раздачи в награду ученикам. Взял одну и развернул: «О старом и новом слоге русского языка»; другую: «Разговор о словесности»; третью: «Детская библиотека» — все его собственные сочинения! Он видимо смутился. Шутники говорили, что потом, когда он, по приглашению попечителя, пришел к нему на завтрак, дети Рунича (а их была куча) запели хором из «Детской библиотеки»: «Хоть весной и тепленько, а зимой холодненько» и проч. [Греч 1990, с. 226]

«НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМ УТЕХАМ»: ОПЫТ ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ ХРЕСТОМАТИЙНОГО ТЕКСТА

Перечисление фактов популярности «Николашиной похвалы...» можно продолжать. Но ясно одно, стихотворение набрало весь регистр «хрестоматийных» признаков: оно активно читалось, было любимым, легко запоминалось в детстве и сохранялось в памяти.

Оно «участвовало» в обучении чтению. Его исполняли как песню. Оно попало в школы и училища. Его активно перепечатавали в разных детских сборниках. Есть факт его «перделки». Общее знание стихотворения включило его в литературную полемику и анекдотические истории²⁵. Институциональная ангажированность «Николашиной похвалы зимним утехам» и диапазон читательского восприятия убедительно доказывают ее «хрестоматийность». Осталось понять, насколько это обусловлено «имманентными свойствами» самого текста, которые, кстати, отчетливо проявляются в его бытовании в культурной памяти. Эти проблемы уже становились предметом исследования. Так, В. А. Кошелев выделяет «три поэтических открытия», которые Шишков представил «в этом нехитром тексте»: тема русской зимы, новаторство в области стиха (двухсложный хорей с женскими рифмами), первый в русской поэзии образ ребенка как ребенка, а не «маленького взрослого» [Кошелев 2010, с. 123–125]. Но это самое «нехитрое» устройство текста Шишкова никогда не подвергалось серьезному анализу. Внутренние секреты стихотворения, обеспечившие его невероятную популярность, так и остаются неразгаданными. Предпринимаемое нами своего рода герменевтическое комментирование «Николашиной похвалы...», возможно, позволит выявить те уникальные образно-смысловые свойства стихотворения, которые сделали его первым русским детским хрестоматийным текстом.

Апология зимы Х. А. Овербека

“Winterlied” («Зимняя песня») Овербека построена на модели апологии, хотя апологичность и замаскирована самим названием стихотворения — «песня». Апология зимы разворачивается при постоянном на протяжении текста сравнении ее с весной; лето и весна упомянуты в «Зимней песне» четыре раза, один раз даже в уничижительной форме: «май, вассал лета». Зачин задает императив весеннего ликования (что подчеркнуто и грамматической формой), отсылая к обычному и несомненному порядку вещей:

Ликуй, когда разбудит весна!

Люди, пробужденные весной, должны ликовать, и это непреложно и правильно. Союз «но» не опровергает весеннего императива, призывая не забыть о зиме, которую тоже есть за что похвалить:

Но дайте зиме
Тоже свою похвалу, ибо за этим
Действительно что-то кроется.

Далее Овербек приводит один за одним аргументы, почему необходимо хвалить и зиму. Они складываются в несколько типологических групп:

- бодрость организма («быстрые ноги», «горячая кровь»),
- душевное здоровье («Зимний воздух делает сердце и чувство весьма бодрыми и живыми»),
- гастрономические радости («хороший аппетит», «хорошее жаркое», «как обширен желудок»),
- красоты природы («Смотрите, как красива белая земля, / Как она в серебре сияет», «Но январь тоже знает, / Как добывать цветы / Они даже искусственно вырастают / На оконном стекле»),
- атмосфера веселья («каверзы», «проделки», «озорство», «шуточки», «задор», «потеха напрягает животы»).

Цепочка аргументов закономерно приводит Овербека к выводу:

Поэтому любите зиму тоже,
Как Бог дал ее!

Автор, естественно, не останавливается на одной зиме и «расширяет» назидательное заключение на все времена года:

Кто веселый, тот живет хорошо;
Все времени года
Могут доставить много радости сердечку.

Современный российский читатель сразу опознает здесь топос «У природы нет плохой погоды...», столь хорошо знакомый по песне на стихи Эльдара Рязанова из кинофильма «Служебный роман». Собственно говоря, эта песня безупречно достигла цели, которую ставили еще Овербек и опубликовавший его Кампе. В массовом метеорологическом дискурсе цитата из Эльдара Рязанова оказывается чуть ли не самой частотной «погодной» сентенцией.

«Николашина похвала зимним утехам»

Название шишковского стихотворения по сравнению с овербековским выглядит аналитически развернутым. Шишков вводит жанровое обозначение «похвала», на первый взгляд, в большей степени соответствующее аполлогическому пафосу стихотворения, чем овербековская «песня». Но риторический жанр приписан у Шишкова ребенку (у Овербека субъект высказывания безличен) — Николаше (форма имени здесь, естественно, указывает на детский возраст). В само название автор вводит понятие «детской риторики», в этом

заключена некоторая оксюморонность: риторика, по умолчанию, — дело взрослых, дети риторические тексты не производят, они риторике обучаются, они — лишь точка приложения педагогических риторических практик, но не их источник.

В антологии Шишкова-Кампе есть еще одна апология зимы: «Андрюшина похвала зиме». Стихотворение довольно точно следует традиционной апологической модели, построенной на сопоставлении весны и зимы. Хотя в нем и упоминаются и детские «утехи», и игры, но до художественной уникальности «детской риторики» «Николашиной похвалы...» ей далеко. Но «Николашина похвала» адресована не просто зиме, а конкретно — зимним утехам. Шишков точно следует за ребенком как субъектом высказывания: Николаша хвалит не зиму целиком и в общем, а именно «утехи», то есть то, что в зиме является главным для ребенка. Если ребенок упражняется в риторической похвале государственным свершениям или проявлениям добродетели и начинает размышлять о высоких вещих «по-взрослому», то старшие закономерно должны удивиться и улыбнуться детской наивности. Собственно говоря, неуклюжесть и очевидная художественная неудача «Андрюшиной похвалы зиме», в которой Шишкову явно не удалось убедительно изобразить детский взгляд на вещи, вполне подтверждают этот факт.

Детей-резонеров у Шишкова, как и у Кампе, достаточно. Но они наставляют и поучают, как взрослые, и затрагивают вневозрастные (универсальные?) вопросы человеческой морали. А если, согласно названию стихотворения, детская похвала адресована именно «детским вещам», то у читателя неизбежно возникают вопросы: «А что же это такое может быть и как это может выглядеть?» Ребенок, рассуждающий о добродетелях — это всегда смешно. А ребенок, восхваляющий детские утехы? Таким образом, на наш взгляд, само название шишковского стихотворения подогревает читательское ожидание, настойчиво зазывает его разобраться в «детской риторике» по поводу «детских вещей».

«В зимний холод всякий молод»

Шишков сохраняет общую «апологическую» рамку Овербека, «Николашина похвала...» тоже построена по кольцевой композиции, еще более очевидной, так как «весна» упоминается только в начале и в финале стихотворения. Вот только внутри «апологического» кольца господствует дискурс, принципиально отличный от назидательной цепочки аргументов Овербека. Он лишь самым

общим (таксономическим) образом отчасти перекликается с текстом «Зимней песни» — описание атмосферы радости с ее атрибутами («шуточки», «проделки» и т. д.) И у Шишкова нет ни «хорошего жаркого», ни цветов на стекле.

Шишков отказывается от какой-либо интродукции (весенний императив ликования выполнял у Овербека эту функцию), начиная стихотворение с синтаксической конструкции, редко используемой в инициальной (тем более для всего текста!) роли:

Хоть весною
И тепленько,
А зимою
Холодненько...

Конструкция «хоть а» обеспечивает моментальный вход в стихотворное рассуждение, как бы сходу, с середины разговора. Вполне убедительный прием для создания эффекта «детской риторики». Рифма «тепленько — холодненько» отсылает к русскому детскому фольклору (например, в прибаутке: «коростелько — на постельку»). Следует заметить, что наречия с суффиксом *-еньк-* довольно редко употребляются в русском литературном языке, и явно их бытование сдвинуто в сторону просторечной коммуникации, в том числе взрослых с детьми. Кстати, конструкции противопоставления обладают и мнемотехническим потенциалом, они обеспечивают связку фактов и смыслов в памяти. Думаем, что во многом такой зачин определял и легкое запоминание первых строк текста Шишкова. «Стуже-хуже», «холод-молод» — тоже рифмы мнемотехнического характера. Известность текста Шишкова во многом и определялась закреплением в памяти первых восьми стихов.

«Но и в стужу/Мне не хуже», «В зимний холод/Всякий молод», — два утверждения, связанные синтаксическим параллелизмом и задающие развертывание смысла от индивидуальной констатации к назидательному обобщению. При этом здесь совмещаются, по сути, два субъекта поэтического высказывания: «мне не хуже» явно относится к Николаше, а вот «В зимний холод всякий молод» — фраза, которую вряд ли может произнести ребенок, она очевидно отсылает к взрослому, да еще и откровенно резонерствующему. Просторечность, со стилистической шероховатостью и с оттенком детской наивности, первого утверждения явно противопоставлена четкой синтаксической выстроенности и почти

терминологичности второго: «зимний холод» — словосочетание чуть ли не из академического регистра, в отличие от «стужи».

Сыграл ли взрослый в ребенка или ребенок во взрослого — вопросы, не требующие разрешения. Важнее другое: возрастная двойственность субъекта у Шишкова создает уникальный эффект некоего «плавающего» резонерства, которое является значимым дискурсивным планом стихотворения в целом. Игра «голосами» взрослого и ребенка (скорее всего неосознанная), позволяет автору оттенить взрослое резонерство детской естественностью и наивностью, а оценочное высказывание ребенка из сиюминутного и спонтанного («мне не хуже») вывести на уровень обобщения. По сути, Шишков здесь вводит апологическую модель, но в отличие от Овербека без предварительной риторической подготовки («дайте зиме похвалу»), а прямо начиная с главного аргумента в защиту зимы: «В зимний холод всякий молод». А заданная «двухголосность» позволяет трактовать его в двух планах. С точки зрения взрослого, зимой человек «молодеет», то есть, почти по Овербеку, обретает физическую и душевную бодрость. А вот с позиции ребенка (Николаши) это утверждение может быть прочитано с другим смыслом: зимой взрослые приближаются к детям, то есть все оказываются детьми. В конце концов, и зима смешивает возрасты, и Шишков, который пишет о ней, смешивает восхваляющих ее ребенка и взрослого.

Разворачивая главный аргумент апологии, Шишков скорее следует за Николашей, чем за «академиком-резонером». «Всякому» придаются черты детей — «все игривы, все шутливы». «Игра» и «шутка» становятся взрослыми занятиями. Но констатации появления в зимнее время «детских» качеств у взрослых Шишкову мало, он вписывает их и в особое пространство-время: «В долгу ночьку к огонечку», — фактически создавая универсальную формулу зимнего уюта, опять же с детской точки зрения, о чем говорят уменьшительные суффиксы. (В переводе на академически-резонерский язык это может звучать как «В долгие зимние ночи к огню очага...»)

В этой универсальной точке зимнего уюта «все сберутся», то есть, по Николашиной логике, и дети, и те, кто — на зимнее время — стал детьми. Это подчеркивается и анафорическим «все», употребленным три раза: «Все шутливы, все игривы <...> Все сберутся». При этом «все сберутся» — формула, отсылающая к народной традиции и обладающая отчетливыми коннотациями праздника. «Все» собираются только в ритуальной ситуации. Совершенно уместно здесь и будущее время глагола, подчеркивающее ритуальную

вневременность: не «собирались», не «собираются», а именно «собираются». В крестьянских рассказах о праздниках, записывавшихся фольклористами в XX в., традиционен зачин: «Бывало, соберутся...»

Шишков разворачивает формулу «все соберутся» еще одной народной формулой: «стары, малы». Она указывает на полюса возрастной шкалы, по сути, обозначая «всех»: и «старых», и «малых» и тех, кто находится между ними. Правда, в контексте Николашиной похвалы возрастные оппозиции уже стали фиктивными, приближаясь к семантике другой народной формулы: «старый, что малый», — но присоединяя к этому тождеству и взрослых («старших»). Изобретает Шишков и общие занятия для «всех собравшихся»:

Точат балы
И смеются.

«Точить балы» — фразеологизм, довольно распространенный в литературных текстах XVIII в.: «говорить льстивые или обманчивые слова, болтать»²⁶. В XX в. фразеологизм более известен в формах «точить балясы» или «точить лясы». Во-первых, «смеются» относится к «балам», пустой болтовне. Во-вторых, «смех» замыкает праздничную ситуацию (что подчеркнуто и кольцевой рифмовкой): «Все соберутся... И смеются». В-третьих, все, ставшие, как дети, «игривыми» и «шутливыми», закономерно стали все время — опять же, как дети — смеяться. В целом характеристика атмосферы зимы как времени уюта, радости, смеха, игры выстроена исходя из детского (гиперболизирующего) модуса восприятия. Николаша своей «похвалой» всю зиму изображает как сплошной праздник, а всех взрослых превращает в детей, так как они ведут себя, как дети. Можно сказать, что Шишков создает литературную версию традиционного праздника с детской точки зрения. Точен Шишков и в модальности: праздник возникает не в зоне воспоминания, а в зоне ожиданий; еще раз подчеркнем употребление глагола в будущем времени: «сберутся». В традиционной культуре и взрослые ожидают праздник, но дети в особенности. Говоря с определенным упрощением, у традиционного ребенка время измеряется ожиданием праздника.

«А как матки/Придут святки...»

Если сама зима для Николаши уже праздник, то Святки несомненно вводятся как праздничный апогей, пик зимы как праздника, о чем красноречиво говорит стяжение союзов в зачине — «а как».

Наименование святок «матками» в русской традиции встречается нечасто; во всяком случае «матки-святки» не попали в национальную святочную топику. Кстати, о недопонимании формулы, возможно, свидетельствует и один эдиционный факт. В подготовленной В. А. Кошелевым публикации писем П. А. Вяземского к К. Н. Батюшкову слово «матки» заключено в запятые («А как, матки, придут святки...») [Литературный архив 1994, с. 128]²⁷, что грамматически переводит его в разряд обращений (к неким «матерям»?) и отделяет по смыслу от «святков». Кроме «Николашиной похвалы...» Шишкова через 130 лет формула «матки-святки» всплывет в русской литературе в названии цикла «святочных фарсов» А. М. Ремизова: заголовок «Матки-святки» впервые появился в авторском сборнике «Весеннее порошье» (СПб., 1915). Ремизовское название цикла, очевидно, связано с содержанием вошедших в цикл рассказов, имевших святочную — эротическую или загадочную — подоплеку. В ходе работы над статьей, по всей видимости, удалось выявить источник заголовка «Матки-святки». Он, скорее всего, восходит к ремизовской публикации в журнале «Заветы» (1914, № 3): «Россия в письмах. Круг жизни. Письма 1817–1826 гг.»; ранее формула «матки-святки» в текстах Ремизова не встречается.

Опубликованные письма Ремизов обнаружил в эпистолярном архиве дворянского рода Калечицких, когда летом 1912 г. гостил в имении Бобровке (Бельский уезд Смоленской губернии) у Анны Алексеевны Рачинской. В письме Михайлы Калечицкого от 26 ноября 1826 г. есть следующий «святочный» фрагмент:

А и мы к Вам бы явились *праздновать матки-святки*, жаль, что *Бардина нет для вертепов!* Но за то придут наши петербургские, наслушавшая там в театре, скажут нам какую-нибудь тираду, а можит, когда полгчели (что и несумненно нащот дениг), то сломают комедию, и я буду слуга двух гаспод, а Анастасия — субретачка, только бы прискать карсет, чтобы сделать ея субтильною... [Ремизов 1914, с. 154]

Характерно сгущение театральности вокруг «маток-святков» как в народной («вертепы»), так и в дворянской («комедия») версиях. Дворянское театральное костюмирование здесь явно выглядит как отражение народных игрищ ряженных.

Интересно, что в предисловие к публикации Ремизов, описывая «круг жизни», который представляют письма, увенчивает его именно «святками»:

В этих письмах видится мне некоторый круг жизни: письма поздравительные со вступлением в брак и сообщение о судьбе приятелей-товарищей холостой жизни, письма о разводе и благоприятной развязке дела, письмо деловое о делах по службе, письмо о смерти жены и о устройстве детей, письмо городское — о событиях петербургской жизни, и письма деревенские, семейные — на одном листе по трое пишут! — семейные, о детях, о приискании гувернантки, пожелания родственнице благоприятно разрешиться, *приглашения погостить и обещания провести вместе Святки* [Ремизов 1914, с. 137].

В фольклорной традиции нам известен пока только один текст с данной формулой — песня, записанная И. И. Земцовским в селе Усмынь Куньинского района Псковской области в 1964 г.:

Как подходят святки-матки,
Все святые вечера,
Ай ли, ай люли,
Все святые вечера
[Поэзия крестьянских праздников 1970, с. 233].

Интересно, что «матки-святки», упомянутые в письме М. Кале-чицкого, скорее всего, восходят к народной традиции той же этно-графической зоны — Псковско-Смоленского пограничья. И. И. Зем-цовский так комментирует текст:

Редкая запись святочной песни-баллады об инцесте (кровосмеси-тельный брак). Близка известной балладе «Иван-да-Марья», чаще всего бытующей в качестве купальской песни. <...> Приуроченность баллады к святочным игрищам может быть объяснена характерным для святок обрядовым эротизмом [Поэзия крестьянских праздников 1970, с. 573].

Следует уточнить, во-первых, что это балладный сюжет о несостоявшемся инцесте, в отличие от сюжета об «Иване-да-Марье» купальской песни. Познакомившиеся на святочной гулянке парень и девушка вовремя обнаруживают, что они брат и сестра, у них одинаковые отчества — Иван Карпович и Анастасья Кар-повна²⁸:

Спасибо, бог узнал,
Что с сестрой не пойграл <...>
Спасибо бог стерег,
Что с сестрою спать не лег
[Поэзия крестьянских праздников 1970, с. 234].

Во-вторых, для псковской традиции, к которой относится и данная песня, повышенный эротизм святочных игрищ ряженных объясняется контекстом годового ритуально-мифологического сценария: сразу за святками следует мясоед, единственный в году период свадеб. То есть игровой эротический разгул игрищ вполне объясним обрядовой функцией своего рода «наделения» — прежде всего девушек — эротической энергией вплотную перед брачным сезоном. В-третьих, святочное время обладало инициальной семантикой и в космическом (зимний солнцеворот, начало года), и в христианском (Рождество Христово) измерениях. Тогда и несостоявшийся инцест может трактоваться как первое прецедентное мифологическое событие, приуроченное именно к святочным гуляньям.

Конечно, все эти смыслы кажутся далекими от шишковского стихотворения. Но они поддерживаются наименованием святок «матками», которое использовал и Шишков. Один из пучков значений слова «матка», актуальный в данном контексте, отсылает к семантике изначального, корневого, срединного: «Источник чему-либо, место рожденья, происхожденья, корень; | середка, середина, средоточие, остие, центр, особенно центр тяжести. | Место под лесом, где ягод обильно»²⁹. Очевидно, формула «матки-святки» и может быть истолкована как «корневое» время, где все закладывается и откуда все берется. Прозвание «матка» используется в народной речи отнюдь не редко по отношению к пространству: «хлебная матка» (деревня, славящаяся по округе изобилием хлеба)³⁰, «малиновая матка» (о месте, где растет больше всего малины)³¹, «Вятка всему богатству матка»³², «Утка крикнет, берега звякнут: «Собирайтесь, ребятки, в деревянну матку!» (или: «Собирайтесь, детки, в одну клетку!») (церковь»³³ и т. д. «Временные матки» встречаются гораздо реже, и явно с наложением семантики материнского («матка» в значении «мать»): «Осень-то матка: кисель да блины; а весною-то сиди, сиди да гляди!», «Сердита матка, да прикрыла деток до красного дня пуховым одеяльцем. (Зима)»³⁴. На этом фоне «матки-святки», еще и с использованием множественного числа, выглядят в смысловом отношении довольно архаично, но в контексте Николашиной похвалы вполне логично: от зимы как общего времени веселья к святкам как «маткам» — временному стержню, источнику и корню как зимы, так и всего года. Правда, Шишков расчленяет формулу «матки-святки», руководствуясь откровенно считалочной природой своего стиха:

А как матки
Придут святки...

На святки зимняя атмосфера веселья нагнетается, доводится до предела: шум болтовни («точат балы») становится «грохотом», игривость превращается в «игры», смех («И смеются») — в «хот». Зимняя атмосфера радости здесь оборачивается звуковым ландшафтом святок, с блестящей аллитерацией, усиленной заимствованным из детской речи и трудно произносимым «тут-то»:

ТуТ-То ГРоХоТ,
ИГРы, ХоХоТ...

Кстати, доминанта звукового измерения также характерна для детских описаний.

У шишковских святок три смысловые грани: «корневое» время зимы («матки-святки»); время «предельного» веселья — шума, игры, смеха; время «дурных личиц»:

О, какие
Тут дурные
На игрищи
Есть личищи!

Ряженные — один из основных знаковых элементов святок. Но Николаша говорит не о ряженных как таковых, а передает тот сгусток эмоций, который характеризует детское восприятие игрищ. Уже в междометном зачине («О, какие...») заключены и удивление, и испуг, которые доводятся до предела в гиперболизирующей рифме: «игрищи — личищи». Шишков снова прибегает к излюбленной им технике игры с суффиксальной семантикой. При этом «игрище» — это народный термин, и он лишен гиперболизирующих и пугающих значений суффикса *-ищ-*. В «личищи» значение страха очевидно, особенно если учесть, что слово скорее всего образовано с помощью суффикса *-ищ-* не от «лицо (см. в словаре В. И. Даля: «Лицо, лице ср. личико, личишко, личище»), а от «личина» (там же: «Личина ж. накладная рожа, харя, маска. Святочные округники в личинах»).

Можно вполне говорить о шишковском неологизме, опять же явно ориентированном на детское восприятие: для ребенка «личины» ряженных естественно видятся «личищами», да еще и на «игрищи». Кстати, в «Словаре языка XVIII в.» «личина» в значении «святочная маска» не фиксируется. Распространенным

для литературных текстов было употребление слова «личина» в переносном значении: «Нынѣ почти весь свѣтъ в личинах, и по лицу ни чьего сердца не познаешь. Лук. Щепет. 204»³⁵. Явно «личищи», образованные по модели «игрищ», отбрасывают тень страха и на последние. А инверсия («...дурные/На игрищи/Есть личищи!») вкупе с подогнанными окончаниями («игрищи — личищи») и вовсе сближают понятия по их эмоциональному смыслу так, что эпитет «дурные» может относиться и к «личищам» и к «игрищам». По В. И. Далю: «Дурной, нехороший, во всех отношениях: нескладный, некрасивый, безобразный; негодный, плохой; неприятный или гадкий». У Шишкова в слове «дурные», скорее всего, заключены и удивление безобразным, и резонерская оценка, и семантика страха: дурное, которое поражает, дурное, которое этически неприемлемо, и дурное, которое пугает. К отдаленным коннотациям можно отнести «дурное» как отсылку к «дурачествам» или обозначение «нечистого» (ср. «дурной глаз»). Снова можно в этом случае говорить о «плавающей» резонерской позиции: «дурные личищи» на (дурных!) «игрищах» и оцениваются — с точки зрения резонерствующих взрослых, и страшат — с точки зрения детей. Ряженные на святках возникают в настоящем времени — «есть». Фактически снова создается эффект ритуальной вневременности. Ребенок знает, что всегда, при наступлении святок, он будет удивляться и бояться.

«Дурные личищи» — пик детских святочных эмоций, дальше уже двигаться некуда, поэтому снова «всплывает» взрослый, который, с одной стороны, пытается объяснить восторги детей «дурным» — тем, чем с резонерской точки зрения восторгаться не следовало бы, а, с другой, умиляется детским восприятием:

А плутишкам
Ребятишкам
Там и нравно,
Где забавно...

Снова Шишков играет суффиксальной семантикой. Ласково-умилительная форма «ребятишкам» усиливается «плутишками» — в отличие от «плутов» это несомненно, позитивная характеристика. Восхищение детской шалостью Шишков вводит в русскую поэзию, кажется, первым. Есть здесь, на наш взгляд, и педагогический подтекст, явно адресованный родителям: с одной стороны, «плутишкам» нравится то, что забавно; с другой стороны — то,

что превращено детским взглядом в «забавное», вряд ли может быть вредным. Можно сказать, что Шишков отстаивает детскую «оптику забавного» как способ защиты ребенка от вредных воздействий взрослого мира.

Далее Шишков приводит исчерпывающий реестр праздничной топики — по сути, взрослой, но данной сквозь призму детского восприятия — то есть то, что может быть «забавным» для детей.

Где пирушки,
Где игрушки,
И где смехи,
Скачки, пляски,
Песни, сказки,
Все утехи

«Реестровость» подчеркнута и сгущением наречия «где» (четыре раза подряд в четырех стихах) и замыкающей формулой «все утехи», которая может восприниматься и как порядковая позиция реестра, и как обобщение. Будучи, несомненно, выдающимся мастером суффиксальной поэтики, Шишков, рифмуя «пирушки» и «игрушки», превращает взрослые обрядовые застолья в «забаву» для детского восприятия. Понятно, что слово «игрушки» используется как обозначение всего того, что связано с игрой, игровым началом (ср. переключку со «все игривы» и «грохот, игры, хохот») ³⁶. Рифма «пирушка — игрушка» была знакома поэзии XVIII в.; например, в «Енеиде» Осипова: «Но не смотря на всю пирушку До пьяна не велѣл я пить, Чтоб с нами и опять игрушку Еол не вздумал подшутить. Оспв Енеида I 126» ³⁷. Но в заданном в «Николашиной похвале...» поле «детской риторики» «игрушки» все равно не становятся до конца «взрослым» словом; в нем в любом случае сохраняются детские коннотации (отсылка к игрушкам как предметам игры).

Употребление слова «смех» во множественном числе («И где смехи»), наверное, вполне допустимое в грамматике XVIII в., здесь создает убедительную иллюзию множественности, подробности смеховой атмосферы праздника. «Скачки, пляски» — народная формула праздничного разгула, которую «цитирует» Шишков; например: «Скачется, пляшется, вина-пива хочется». А «песни, сказки» — обобщающее обозначение фольклорной традиции, но, скорее всего, не изнутри (как «скачки, пляски»), а извне — с точки зрения профессиональной литературной культуры.

«Едем в Питер. /Я пусть кучер...»

Фрагмент стихотворения, посвященный зимним детским забавам, казалось бы, продолжает «реестр», но построен на других — нарративных, «ролевых» и динамических — принципах. Шишков рисует «живые картинки», основанные на детском игровом сознании. Лирическим героем окончательно становится ребенок, причем играющий, от имени которого конструируется игровое событие. Игра «разгоняется» введенными через анафорический союз «а» двумя вопросами с ответами-восклицаниями. Причем вопросы — сигналы, вызывающие к детскому игровому опыту («А снежки-то?», «А коньки-то?»), а ответы — формулы, которые и аккумулируют в себе всю забаву, и «магически» запускают ее: «Ком, свернися!», «Стань, катися!» Моментальное одушевление предмета и повелительное обращение к нему свойственно только детскому игровому поведению. «Игровое волшебство» повелевает предметами, а также всеми детьми и каждым из них (ср. с формулой «Стань передо мной...» волшебной сказке). «Разгон» продолжается вопросом «А салазки?», ответ на который — уже не «волшебная» формула, а особого типа нарратив, насыщенный императивными конструкциями и междометиями, — собственно игра, как бы стихийно конструируемая среди детей. Впервые в русской поэзии Шишков фактически создает детский игровой текст не описанием извне, а изнутри самой игры и по ее законам. Аналогом этому уникальному опыту почти через полтора столетия может быть разве что «Игра» Даниила Хармса:

Бегал Петька по дороге,
 по дороге, по панели,
 бегал Петька по панели
 и кричал он:
 — Га-ра-рар!
 Я теперь уже не Петька,
 разойдитесь!
 Разойдитесь!
 Я теперь уже не Петька,
 я теперь автомобиль.

Здесь текст равен игре, и, подобно реальным детским играм, начинается с клича-призыва («Эй, ребята!», продолжается игровой инструкцией (объяснением правил игры) и раздачей игровых ролей («По подвязке/Надо с брата») с явным самовывдвижением игрового лидера («командира»), от лица которого и ведется повествование.

Характерно, что игра требует новых игровых номинаций: те, кто только что назывался «ребятами», теперь — в ходе игры — «братья». В «Песенке на купание» «превращение» (по законам «игрового волшебства») бревна в коня тут же вызывает и обращение «брат»:

Смотрите, Петруша
Плывет на спине;
А там вон Андрюша
Верхом на бревне.
Эй брат! не свалился
С коня своего:
Держися, держися,
Приляг на него.

Собиранием подвязок для «санного поезда» «командир» обозначает свое лидерство, а потом, конструируя игру и осуществляя раздачу ролей, окончательно утверждает свою роль:

Привяжите, —
Ну! везите:
Едем в Питер.
Я пусть кучер...

Причем все его команды исключительно формульны в контексте детского игрового поведения. «Я пусть кучер» — формула, обладающая качествами игрового закона (ср. «Чур, я кучер» и т.п.) и абсолютно не обсуждаемая с точки зрения игрового права. Согласно природе игровой лексики, кто первый сказал — тот и стал лидером, я сказал — так и будет. «Едем в Питер» — игровое «повеление», отсылающее к фольклорной традиции. В народных лирических песнях: если «дорожка», то «питерская» и «московская», если привозят подарки, то обязательно из столичного города и т.д. Так и в игре: если ехать на игровых «братях», превращенных в лошадок, то в столицу. Интересно, что в тексте Шишкова очень четко выстроены пространственно-временные доминанты: как матки-святки — «корневое» время года, так и Питер — центр мира, «корневое» пространство. Конструирование игры с точки зрения игрового лидера закономерно строится на растущем самовосхищении и стремлении к предельной самореализации. «Кучер» вырвался как из горизонтальных связей игрового «братства», иронически и даже уничижительно превращенного в «лошадок резвоногих», так и из иерархии «взрослый-ребенок». Он осуществил свою мечту (хоть и в игре), он стал взрослым, он может произносить нарочито грубые фразы,

подражая настоящим ямщикам («Прочь с дороги!/Держи право!»)³⁸, и «едет в Питер» твердо управляя «резвоногими лошадаками». Кажется, впервые в русской поэзии Шишков изображает феномен игрового взросления, артикулированный самим ребенком.

Уникальность шишковского прецедента — в конструировании игры в сам момент игры, с очень точной передачей игрового сценария и игровых ролей. Можно предположить, что и детская читательская рефлексия была соответствующей — игровое переживание поддерживалось насыщенностью игровых формул, собственным (и всеобщим) опытом игр и подражательных практик. От поэтического слова оно вело не только в зону детских воспоминаний, но и в зону детских игровых желаний и ожиданий.

«От ученья/ За веселье...»

Погружение в игру сменяется завершающим восторженным восклицанием «Ай, ребятки!/Ну уж браво!», которое перекликается с призывом к игре («Эй, ребята!») и композиционно замыкает игровой нарратив. Шишков снова проявляет себя искусным мастером суффиксальной поэтики — он полностью выстраивает ряд форм номинации детей: «ребятишки-ребята-ребятки». И если «ребята» — «титульное» наименование из сферы игрового этикета, то «ребятки», как и «ребятишки», скорее относятся к взрослому лексикону, то есть к «всплывшему» резонеру. «Двоение» субъекта здесь наиболее очевидно: с одной стороны, он только что был внутри детей (и даже игровым лидером), а с другой, он оказывается восторженным взрослым наблюдателем, восхищающимся и умиляющимся детской игрой.

В формируемый Шишковым «словарь» детских позитивных эмоций добавляется еще радость усталости, а детская грамматика игровых ожиданий дополняется грамматикой игрового опыта — господство будущего и настоящего времен и императивных форм глаголов сменяется сгущением форм прошедшего времени:

Накатались,
Наигрались,
Вплоть до ночи;
Не видали,
Как часочки
Пролетали.

Собственно говоря, появляется и сам ход времени, который «отменялся» праздником и резко убыстрялся игрой. Такое счастливое

исчезновение времени в игре закономерно вызывает вопрос резонера, подразумевающий, что вся детская жизнь и сводится исключительно к катаниям:

Только ль дела,
Что катайся?
Чем изволишь
Забавляйся:

На вопрос сразу следует и ответ, на первый взгляд, явно подтверждающий верность вопроса — действительно, кажется, детская жизнь (по крайней мере, зимняя) целиком сводится к забавам:

Чем изволишь
Забавляйся:

Но это только на первый взгляд, так как понятие забав вдруг неожиданно расширяется, вбирая в себя не только праздник, но и работу:

От ученья
За веселье,
От веселья
За ученье.

Можно сказать, что Шишков создает некую утопическую формулу детства, где сама смена «ученья» «весельем» и оказывается высшей и правильной формой «забавы». Формула, конечно, возникает в зоне «голоса» взрослого резонера, но, очевидно, отчасти переродившегося под влиянием Николаши. С другой стороны, можно предположить, что Шишков здесь завершает свою педагогическую мысль о позитивности категории «забавного» для ребенка. Заряд «забавного», полученного ребенком зимой и в «корневое» время святок (здесь Шишков воспроизводит традиционный механизм святочного «наделения» на будущий год: богатством и благополучием в колядках, эротической энергией в игрищах ряженых, погодой в приметах и т. д.), позволяет и «ученье» превратить в «забаву», или, говоря другим языком, правильно выстроить свою жизнь как чередование «веселья» и «ученья».

«Всяко время / Мне не бремя...»

В финальном фрагменте стихотворения Шишков возвращается к апологической модели и к прототипическому тексту Овербека, с ходу формулируя идею сезонной равноправности:

Всяко время
Мне не бремя...

Правда, в отличие от нравоучительной безличной конструкции Овербека («Кто... тот»), Шишков использует форму личного высказывания, еще и опираясь на распространенную народную рифму «время — бремя». В «Толковом словаре...» В. И. Даля зафиксировано несколько пословиц с этой рифмой: «Иное время — иное бремя», «Было времечко — осталось одно беремечко», «Дело вовремя не бремя». Фактически Шишков снова или создает, или, возможно, цитирует достаточно универсальную формулу.

Возвращается в финале и противопоставление «весна — зима», замыкая композиционное кольцо стихотворения:

И зимою,
Как весной,
Слава богу,
Не скучаю...

Следует заметить, что заданные Шишковым системы координат («ученье — веселье», «зима — весна») отнюдь не дублируют друг друга, а существуют в сложных взаимоотношениях. Зима наделяет радостью, снимая оппозицию «ученье — веселье», ибо и первое способно приблизиться к «забаве». А что бы делала весна, если бы ее описание было создано Шишковым по дискурсивной модели «Николашиной похвалы...», можно только догадываться.

В последних двух стихах «Николашиной похвалы...» Шишков эффектно использует потенциал «детской риторики»: Николаша заговорил явно взрослым и, тем более, возвышенным языком, что, конечно, вызывает улыбку и умиление, но, не снисходительный смех, как бывает с детскими речами о высоких вещах, так как «детская риторика» по поводу «детских вещей» оказалась более чем убедительной:

Но вкушаю
Радость многу.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ, ИЛИ ПОХВАЛА СТИХОТВОРЕНИЮ А. С. ШИШКОВА

То, что А. С. Шишков почти по всем позициям детского поэтического дискурса оказывается первым в русской литературе, сказано много раз до нас и много раз нами в данной статье.

Но первенство — отнюдь не стопроцентный залог «хрестоматийности» и «классичности» (если вспомнить определение П. В. Засодимского «классическое стихотвореньице»). Позволим предположить, что и новации, и уникальность поэтического дискурса, и несомненный успех в восприятии читателей (они легко «запоминали» и легко «понимали» «Николашину похвалу...»); ср. слова слуги у И. А. Гончарова: «Это каждый мальчишка поймет или деревенская баба») во многом объясняются особой эпистемологической позицией автора. Он находится на границе культурных миров, совмещая в тексте фольклорное и литературное (европейского образца!) сознание. Насколько осознанно действует Шишков, не беремся судить, но, скорее всего, он оказывается в измерении «наивного письма»: в его тексте как бы «проговаривается» детский опыт проживания народной праздничной жизни. В «Детской библиотеке» Кампе лишь еще один текст может быть эпистемологически приближен к «Николашиной похвале...» — это «Песенка на купание», столь же далекая от прототипа.

Эта эпистемологическая «порубежность» обуславливает основные поэтические удачи Шишкова в «Николашиной похвале...». Во-первых, он создает поэтическую версию народного детского праздничного и игрового дискурсов в рамках литературы Нового времени, со «словарями» детских зимних эмоций и детских речевых формул и изысканной суффиксальной поэтикой. Хотя можно ситуацию представить и иначе — как трансплантацию народного дискурса в поэтическую речь русской поэзии XVIII в.

Во-вторых, Шишков доводит до совершенства стиховую технику двухсложного хоря, прививая к нему изошренные ритмы народных считалок. «Нехитрый», по словам В. А. Кошелева, текст изобилует множеством стихотворческих хитростей. Например, Шишков использует в стихотворении и парную, и перекрестную и кольцевую рифмовку. При этом каждая из них выполняет свои композиционную и семантическую функции. Для перекрестной рифмовки характерны случаи рассуждения и описания: «Хоть весною /И тепленько, / А зимою / Холодненько»; «Вплоть до ночи; / Не видали, / Как часочки / Пролетали» и др. Парная рифмовка сдвинута к семантике перечисления: «Где пирушки, / Где игрушки»; «Накатались, / Наигрались» и т. д. Кольцевая рифмовка возникает в стихотворении три раза, всегда в ситуации замыкания фрагмента и обобщения.

В-третьих, именно «пограничность» эпистемологической позиции позволяет Шишкову уйти от прямого резонерства, нейтрализовать его воспроизведением народной детской игровой и праздничной речи, создав в результате эффекты «плавающего резонерства», детско-взрослой «двухголосности» и «детской риторики» по поводу «детских вещей».

В 1840-е гг. меняется европейская эпистемологическая парадигма: резонерство, даже «плавающее», перестает быть востребованным, а «детская риторика» уже не вызывает умиления. Хотя топика зимних детских забав продолжает быть актуальной для литературного сознания. Совсем на иных эпистемологических моделях, других принципах поэтики и техниках стиха она, на наш взгляд, будет воссоздана в стихотворении, хрестоматийность которого осознается до сих пор — «Вот моя деревня...» И. З. Сурикова.

Впрочем, «Николашина похвала зимним утехам» как «классическое стихотвореньице» обладает всеми необходимыми качествами, чтобы возвращаться в читательский обиход — в те историко-культурные периоды, когда эти самые качества становятся актуальными.

Примечания

¹ Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе, а с онаго переведена г. *** [А. С. Шишковым]. В Санктпетербурге: Иждивением Императорской Академии наук, 1783–1785.

² В первой части своего 17-томного «Собрания сочинений и переводов адмирала Шишкова, Российской императорской академии президента и разных ученых обществ члена» (1818) автор представляет 148 переводов произведений Кампе. Объясняется это следующим: «сии две части с прибавлением новых басенок почти вдвое больше двух прежних частей» (С. 3, нenum.)

³ В качестве примера можно привести стихотворение «Наташа», где брат умоляет сестру не пить свежую воду во время игры. Заболев, Наташа отказывается пить горькое лекарство, прописанное доктором. Цитируем последние три строфы:

Болезнь меж тем усугублялась,
И ах, на утренней заре,
Наташа бедная скончалась
Лежала мертвая в одре!

Тогда Петруша вдруг вбегает;
Сестру зря бледну пред собой,
И тело с криком упадает,
И тут же век кончает свой.

Тела их вместе положили,
И над могилой сделан знак.

Сие от Лейпцига в пол мили;
Кто едет мимо, видит всяк
[2-я часть, № 47, с. 107–109].

⁴ См. о связи стихотворений «Умирающее дитя» А. С. Шишкова и «Смерть пионерки» Э. Багрицкого в: [Артемьева 1998, с. 66].

⁵ Подробно об этом: [Боленко 1996, с. 58].

⁶ Подробно об этом: [Там же].

⁷ Все переводы — прозаические.

⁸ «Книгу сию по всей справедливости нужно признать за нужную, полезную, и весьма достойную вниманию Публики, а особливо родителей, воспитателей, наставников. Во-первых, она писана столь простым и внятным слогом, что всякое дитя, какого бы рода, возраста и пола не было, едва научась разбирать буквы, может читать ее — без всякого понуждения — охотно, а чрез то и нечувствительно приобщаться к чтению, упражнению, которого необходимость и польза всякому довольно известны. Во-вторых, все пьесы столь хорошо приурочены к понятию детей, что самые малолетние могут snacksать смысл в них, не требуя никаких толкований. В третьих — главная цель оных пьес — вернейшим и легчайшим образом, то есть забавляя — научать малолетних детей с самой нежной весны их жизни благочестию и добронравию. В них они увидят прекрасные примеры добродетелей: как-то, редкое великодушие, отменную кротость, благодетельную сострадательность, с их приятнейшими плодами. В них усмотрит он пагубные следствия легкомыслия, гордости, лености, непослушания и других пороков. Из них займут он твердые и здравые понятия о многих важных предметах и истинах: на пример, о Боге, Его всемогуществе, премудрости, благости и правосудии; о душе, ее бессмертии и других свойствах; о неизъяснимой красоте вселенной, и пр. — что все, как вышепредложено так просто, ясно и понятно, что может быть вразумительным даже четырехлетнему благовоспитываемому младенцу... Остается пожелать, чтобы чадолюбивые родители приняли сию книгу благосклонно, чего она достойна, и какого бы они состояния не были, поставили бы себе долгом непременно занимать оную детей, как только начнут они хоть несколько уметь читать; ибо — для настольного чтения — верно лучше не найдут, и всеконечно получают сами и доставят детям такую пользу и удовольствие, каких усерднейше желает им всем вообще оныя [Беспенный подарок 1797, с. III–VI].

⁹ Источник перевода Шишкова указан в кн.: Drews P. Die Rezeption deutscher Belletristik in Russland, 1750–1850. München: Verlag Otto Sagner, 2007. S. 284–285 (№ 1101).

¹⁰ Der frohe singende Christ zu Hause und auf dem Felde: ein Volks-Liederbuch zur hauslichen Erbauung und zur unschuldigen, nützlichen Unterhaltung, zugleich ein Hausbuch für christliche Familien, und eine Mitgabe für austretende Feyertagsschüler/Von einem katholischen Seelensorger zunächst für seine Schule und Gemeinde bestimmt. 2. Teil. Augsburg: in Kommission bey Nicolaus Doll, 1817. 172. S. 116 (383. Der Winter); Mustersammlung aus deutschen Klassikern geordnet nach den Bedürfnissen unterer, mittlerer und oberer Klassen der verschiedenen Schulanstalten Deutschlands, in drei Cursus gestellt und herausgegeben von mehreren Lehrern der Bürgerschule zu Leipzig. Erster Kursus: Sammlung von Denksprüchen, Liedern, Fabeln, poetischen und prosaischen Erzählungen... Für Kinder von 5 bis 10 Jahren zur Förderung zweckmässiger Bildung des Gedächtnisses, Verstandes und Herzens. 2., vermehrte und durchaus verbesserte Auflage. Leipzig: Carl Heinrich Reclam, 1827. 320 + XCII S. 98 (26. Lob des Winters. (Похвала зимы). [ошибочно подписано "Claudius"]; Blumengärtchen: ein Geschenk für Knaben und Mädchen (von 8–12 Jahren)/Von Jochann Georg Wirth, Oberleiter der Kleinkinderbewahranstalten Augsburgs. Augsburg: Verlag von Lampart & Co,

1842. 95 S. 84: (13. Der Winter); Sonntagsschul-Gesangbuch der Reformirten Kirche in den Vereinigten Staaten. Cleveland, Oh.: Deutsches Verlagshaus der Reformirten Kirche in der Ver. Staaten, 1876. 374 S. 319 (303. Jauchze, wenn der Frühling weckt).

¹¹ Поддерживая очень точное наблюдение относительно «компактности» шишковского издания, мы не склонны соглашаться с другими выводами Е. Олескиной. Первое касается «точности перевода». Да, подавляющее большинство переводов Шишкова из Кампе — почти калька, с отдельными «вставками» русификации. Но редкий ряд знаковых примеров, хотя бы «Николашиной похвалы...» и «Песенки на купание», где Шишков только относительно следует оригиналу, позволяет сказать о значимой оригинальности Шишкова в отношении первоисточника. Второе несогласие связано с идеей большей концентрации «жесточкого нравоучения» у Шишкова, чем у Кампе. Примеров нравоучительной «детской смерти» у Шишкова меньше. Что касается «жесточкого нравоучения» на примере животного мира (чего у Шишкова достаточно, например «Злодействующий кот и невинно страдающая Шавка»), следует заметить, что детская читательская рефлексия XVIII в. была лишена «экологического» сопереживания.

¹² Зеркало света. 1876. Ч. I. № 8. 182–188.

¹³ Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина, систематическим порядком расположенная. СПб. 1818. № 1613, 1648.

¹⁴ См. [Боленко 1996, с. 62].

¹⁵ Цит. по: [Боленко, Лямина 1994, с. 227].

¹⁶ *Mustersammlung aus deutschen Klassikern geordnet nach den Bedürfnissen unterer, mittlerer und oberer Klassen der verschiedenen Schulanstalten Deutschlands, in drei Cursus gestellt und herausgegeben von mehrern Lehrern der Bürgerschule zu Leipzig: Sammlung von Denksprüchen, Liedern, Fabeln.* 2. Aufl. C. Heinrich, 1827 S. 98.

¹⁷ Московский Телеграф. 1831. № 9. С. 108.

¹⁸ *Mustersammlung aus deutschen Klassikern geordnet nach den Bedürfnissen unterer, mittlerer und oberer Klassen der verschiedenen Schulanstalten Deutschlands, in drei Cursus gestellt und herausgegeben von mehrern Lehrern der Bürgerschule zu Leipzig. Erster Kursus: Sammlung von Denksprüchen, Liedern, Fabeln, poetischen und prosaischen Erzählungen... Für Kinder von 5 bis 10 Jahren zur Förderung zweckmässiger Bildung des Gedächtnisses, Verstandes und Herzens.* 2., vermehrte und durchaus verbesserte Auflage. Leipzig: Carl Heinrich Reclam, 1827. 320 + XCII S. 98 (26). Lob des Winters. [ошибочно подписано "Claudius"].

¹⁹ «Азбука русская новейшая, или Букварь для обучения малолетних детей чтению, с молитвами, нравоучениями, с краткими для детей повестями, с показанием чисел и таблицею умножения». Изд. 6-е. 1844.

²⁰ Педагогический листок. 1878. № 3–4. С. 179.

²¹ Здесь также отмечено, что перед Шишковым стояла сложная задача: «выработать простой детский слог» «над которым едва ли кто прежде работал».

²² Отечественные записки. 1846. Том 50. Отд. 6. С. 114–115.

²³ Московский Телеграф. 1831. № 9. С. 108.

²⁴ Чернец Л. В., Семенов В. Б., Скиба В. А. Школьный словарь литературоведческих терминов: Иносказательность в художественной речи. Тropy. Стихование. М., Просвещение, 2005.

²⁵ Возвращающаяся популярность стихотворения А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам» (в том числе актерское чтение в сети), видимо связана с активными републикациями стихотворения после публикации его в антологии Е. О. Путиловой [Русская поэзия детям 1989, с. 103–105].

²⁶ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984–1991. Вып. 1–6; СПб., 1992–2015. Вып. 7–21. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> Далее по тексту статьи цитаты даются без сносок.

²⁷ Пунктуация ли это автора писем или их публикатора, нам не известно.

²⁸ На данный текст ссылается В. Н. Топоров в статье, посвященной реконструкции мифологической семантики имени «Сидор Карпович» как имени «первого покойника» — первого похороненного и первого поминаемого персонажа. См. в [Топоров 2007, с. 88–89].

²⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Режим доступа: <http://slovardalja.net/>. Далее по тексту статьи цитаты на словарь В. И. Даля даются без сносок.

³⁰ «Улин — хлебная матка» (записано О. Р. Николаевым в д. Улин Западнодвинского района Тверской области).

³¹ «Там, к Липовке — малиновая матка» (записано О. Р. Николаевым в д. Слепнево Торопецкого района Тверской области)..

³² Даль В. И. Пословицы русского народа. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/dal/

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ В этом контексте шишковские «личищи» на «игрищах» выглядят вполне оппозиционно как нарочитая демонстрация народной святочной топики.

³⁶ В «Словаре русского языка XVIII века» одно из значений слова «игрушка»: «Игра, забава, развлечение. Подшутить, сыграть игрушку».

³⁷ Цитируется по «Словарю русского языка XVIII века».

³⁸ Любовь детей к подражанию таким специальным профессиям, как ямщики, пожарники т. д., хорошо известна.

Источники

Campe J. H. Kleine Kinderbibliothek. Hamburg, 1779.

Lieder für Kinder aus Campes Kinderbibliothek mit Melodien, bey dem Klavier zu singen, von Johann Friedrich Reichardt, Königlich preußischer Capellmeister. Hamburg: Heroldsche Buchhandlung, 1781.

Аксаков С. Т. Собрание сочинений в 4 тт. Т. 1. М., 1955.

Арзамас и арзамасские протоколы. Л., 1933.

Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. 8. М., 1955.

Бестужев А. А. Взгляд на новую и старую словесность в России // Полярная звезда на 1823 год. СПб., 1823.

Бесценный подарок для благовоспитываемых детей, или Новая детская библиотека, заключающая в себе краткие, трогательные повести, нравоучительные сказочки, замысловатые басенки, занимательные разговоры и небольшие комедии, — которых герои большую частью малолетняя дети и их родители, воспитатели и наставники. Перевод с немецкого. М., 1797.

Биография адмирала Шишкова // Записки Ученого комитета Морского министерства 1842. Ч. XVI. С. 433–434.

Гончаров И. А. Слуги старого века // Гончаров И. А. Собр. соч. в 8 тт. Т. 7. 1980.

Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990.

Жихарев С. П. Записки современника. Т. 2. Л., 1989.

Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением Известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. / Изд. Н. Гречем. СПб., 1812.

Кампе И.-Г. Детская библиотека, издана на немецком языке г. Кампе, а с оного переведена г.***. СПб., 1783. Ч. 1. С. 5 нenum.

Литературный архив. Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. СПб, 1994.

Обоз к потомству с книгами и рукописями. (Из записок Н. В. Сушкова). Рауг. Кн. 3. М., 1854.

Поэзия крестьянских праздников/Вступ. ст., сост., подгот. текста и примечания И. И. Земцовского. Л., 1970.

Ремизов А. Россия в письмах. Круг жизни. Письма 1817–1826 гг. // Заветы. 1914. № 3.

Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной Второй. 1768–1783. СПб, 1913.

Сербинович К. С. Н. М. Карамзин // Русская старина. 1874. № 9. С. 44–75.

Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное Василием Жуковским: [ч. 2]. — Москва: в Университетской типографии. 1810.

Сухонин П. Александр Семенович Шишков в его литературной деятельности // Журнал министерства народного просвещения 1861. Т. 63. № 3. Отд. 5. С. 27–44.

Стоюнин В. Я. Исторические сочинения. Вып. 1. Александр Семенович Шишков. СПб., 1880.

Троцкий В. Шишков Александр Семенович // Русский биографический словарь. СПб., 1911. Т. 23: Шебанов-Шютц. С. 316–320.

Шишков А. С. Собрание детских повестей. Ч.1. СПб. 1806.

Исследования

Артёмьева Т. В. Загадка русской души, или Нужна ли нам вечная игла для прируса? // Альманах «Фигуры Танатоса». Искусство умирания. Выпуск 4. СПб, 1998. С. 66–76.

Бекетова Н. А. Очерк русской детской журналистики (1785–1855) // Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855)/Под ред. А. К. Покровской и Н. В. Чехова. М., 1927. Т. 1. Вып. 1.

Боленко К. Г. “Kleine Kinderbibliothek” И.-Г. Кампе в переводе А. С. Шишкова // Вестник Моск. у-та. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 57–68.

Боленко К. Г., Лямина Е. Э. «Классические стихотвореньице»: [о детском стихотворении А. С. Шишкова «Николашина похвала зимним утехам»] // Новое лит. Обозрение. 1994. № 6. С. 222–227.

Вовин А. В., Лейбов П. Г. «Хрестоматийные тексты: русская поэзия и школьная практика XIX века» // Acta Slavica Estonica. Вып. IV. Хрестоматийные тексты: Русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Тарту: University of Tartu Press. 2013. С. 7–34.

Головин В. В. Детское обычное право // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре/Studies in Slavic Folklore and Folk Culture. Oakland, 1997. С. 7–26.

Кошелев В. А. «Николаша»: первый образ ребенка в русской поэзии // Детская литература и воспитание. Тверь, 2010. С. 123–125.

Олескина Е. Конфликт французской и немецкой традиции в русской детской литературе конца XVIII — начала XIX в. А. С. Шишков как переводчик Кампе //

Озерная школа. Тр. Пятой Межд. летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Пос. Поляны (Уусикирйо) Лен. Обл., 2009. С. 122–131.

Привалова Е. П. «Детское чтение для сердца и разума» в оценке читателей и критики // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. XVIII век. Сб. 7. М., Л. 1966. С. 254–260.

Рейтблат А. И. Булгарин и III Отделение в 1826–1831 гг. Публ. А. И. Рейтבלата // Новое лит.обозрение. 1993. №2.

Русская поэзия детям. Вступ. ст., сост., подгот. текста, биогр. справки и примеч. Е. О. Путиловой. Л. 1989.

Симанков В. И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век. Сб. 28. М., СПб. 2015. С. 323–374.

Топоров В. Н. Об одном архаичном переживании: похороны Сидора Карповича // Имя: Семантическая аура. М., 2007.

И. Сергиенко

НЕМЕЦКИЕ АВТОРЫ — РУССКИМ ДЕТЯМ: ОПЫТ БИБЛИОГРАФИИ ДЕТСКОЙ КНИГИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.*

В статье рассматривается корпус детских книг, написанных немецкими авторами или переведенных с немецкого языка, и изданных в России во второй половине XVIII в. Основное внимание уделяется отражению этого корпуса в источниках ретроспективной национальной библиографии. Анализируется вклад немецких авторов в развитие детской книги второй половины XVIII в., прилагается сводный список книг, иллюстрирующий немецкое культурное влияние в этой области.

Ключевые слова: детская книга XVIII в., библиография детской литературы, ретроспективная национальная библиография, немецкая педагогика XVIII в., филантропизм.

Несмотря на растущий интерес исследователей к истории детской литературы и детской книги, многие вопросы в этой области еще остаются открытыми, и даже сама постановка вопроса о том, возможно ли их окончательное решение, является дискуссионной. К числу таких исследовательских проблем относится составление национальной ретроспективной библиографии детской литературы. И если советский период отражен в библиографических источниках с достаточной полнотой², то детская книга XVIII в., XIX в. и начала XX в. (равно как и постсоветская детская книга) представлена в ретроспективной библиографии с существенными лакунами.

Детская книга XVIII в. привлекает устойчивое внимание исследователей как феномен начального этапа существования и развития детской литературы в целом. В качестве библиографического объекта массив детской книги, изданной в XVIII в., обладает рядом специфических черт: количество изданий для детей по современным

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) «Педагогические идеи в детской литературе России и Германии» 17-06-00288.

масштабам невелико — исследователи называют цифры от 227 наименований [Чехов 1927, с. 27] до 800 наименований [Антипова 2003, с. 147]; какой бы то ни было систематический учет изданий для детей практически отсутствует; не всегда можно с точностью атрибутировать книгу как обращенную к читателю-ребенку, не всегда возможно установить кому принадлежит авторство текста, перевода, иллюстраций и т. д. Специфика детской книги, которая, по замечанию Н. В. Чехова, «менее всего ценилась в свое время и никем, включая государственные книгохранилища, не собиралась» [Чехов 1927, с. 22], во многом обусловила тот факт, что в фондах крупных библиотек издания для детей XVIII в. представлены собраниями, не дающими представление о реальном количестве и репертуаре детских книг этого периода. Впрочем, это относится и к изданиям XVIII в. в целом. Обращаясь к этому периоду истории отечественной книги, приходится иметь дело с относительными величинами в позиции количественных показателей. Собственно, в любом случае применимо к книге XVIII в. следовало бы говорить не о количестве изданных книг, а о количестве известных нам книг. Так, например, ряд книг известен только по описаниям, сохранившимся титульным листам или переизданиям, в то время как какие-либо сведения о первом издании отсутствуют².

Тем не менее, существующие библиотечные коллекции детской книги XVIII в. (в том числе и электронные) и библиографические источники вполне позволяют исследователям увидеть картину в целом и рассмотреть издания для детей, вышедшие в России за этот период, как единый массив. Одним из традиционно вызывающих спор вопросов относительно детской книги XVIII в. является атрибуция читательского адреса. В этот период книга для детей находилась в стадии своего становления, ее читательский адрес понимался подчас весьма своеобразно: в категорию «благовоспитываемого российского юношества», которой чаще всего адресовались детские книги, включались не только маленькие дети и подростки, но и читатели студенческой возрастной страты³. В данном исследовании отбор изданий проводился по формальному признаку: в объект изучения включались книги, маркированные автором или издателем «к пользе юношества»/«для использования малолетних детей» и пр.⁴ Вычленение по этому принципу не свободно от недостатков, но его существенное преимущество заключается в том, что мы видим тот массив детской книги, каким

его видели авторы и издатели той эпохи. На основе этого критерия выделено 800 изданий, адресованных детям — в их числе книги различной тематики, как оригинальные, так и переведенные с иностранных языков.

Одной из особенностей этого массива, которая буквально бросается в глаза, является значительность немецкого влияния: свыше четверти книг (220 изданий) написано авторами-немцами или переведено с немецкого языка (см. Приложение «Сводный список книг...»). Эти показатели нуждаются в комментариях, связанных с критериями отбора, атрибутированием изданий, установлением авторства, определением принадлежности автора к немецкой культуре и пр.

Например, одним из формальных критериев отбора издания для включения в сводный список, было указание на то, что книга переведена с немецкого языка. В данном массиве насчитывается 154 таких издания. Но не все из этих книг являются сочинениями немецких авторов. Так, небольшая группа изданий (20 книг) представляет собой книги, написанные на английском, французском, латыни или древнегреческом языках, но переведенные на русский язык с немецкого перевода⁵.

История издания некоторых из них достаточно прозрачна и не требует углубленных исследовательских штудий: например, универсальное учебное пособие “The Preceptor: containing a general course of education”, выпущенное в 1758 г. в Лондоне английским просветителем Робертом Додсли (1703–1764), в 1789 г. переведено на русский язык с «третьего немецкого издания», что указано в выходных данных⁶. В этом случае, можно предполагать, что немецкое издание является «языковым посредником» между английским оригиналом и русскими переводчиками, для которых немецкий язык, наряду с французским (и уже существенно уступающей свои позиции латынью), был одним из основных рабочих языков по сравнению с еще мало распространенным английским языком⁷. Так же обстоят дела и с переводом на русский язык самого популярного романа XVIII в. «Робинзона Крузо» Даниэля Дефо. Взрослый читатель знакомится с этим произведением на русском языке в переводе с французского языка, выполненном в 1762–1763 гг.⁸ (или читает роман на французском языке), для детей «Робинзона Крузо» пересказывает немецкий педагог и литератор И.-Г. Кампе (1747–1818). Книга Кампе “Robinson der Jüngere”, вышедшая в двух частях в Гамбурге в 1779–1780 гг., в 1792 г. появляется на русском языке в переводе учащегося

Титульный лист «Нового Робинзона» И.-Г. Кампе (М., 1819)

Московского университета Ф. П. Печерина (1773–1836)⁹ и, по замечанию историка детской литературы Е. П. Приваловой, «на долгие десятилетия становится основной в детской литературе» [Привалова 2012, с. 49]. Однако нужно отметить, что в случае с «Робинзоном Крузо» перевод книги с немецкого языка связан не столько с неосвоенностью на тот момент английского языка русской культурой, сколько с влиянием на детскую литературу и — шире детскую книгу — передовых идей немецкой педагогики (филантропизма, неогуманизма), на практике воплощавшихся в создании детской книги нового образца. В частности, Иоахим Генрих Кампе, представитель педагогической школы филантропизма, наряду с оригинальными сочинениями, активно перерабатывал и адаптировал к детскому чтению произведения для взрослой аудитории.

С немецкого издания осуществлялся перевод и одной из наиболее известных детских книг XVII–XVIII вв. — иллюстрированной энциклопедии “Orbis Sensualium Pictus”, написанной чешским педагогом Я.-А. Коменским на пяти языках и вышедшей в Нюрнберге в 1658 г. Перевод этого сочинения с латыни появился уже в советское время, до этого текст заимствовался из немецких переизданий.

Предпочтение немецких переводов, возможно, связано еще и с тем, что владельцы и сотрудники российских типографий, будучи немцами, получали книги для перевода из Германии, как, например, переплетчик и содержатель книжной лавки при типографии Московского университета Христиан Людвиг Вевер (?–1781), владельцы одной из первых частных типографий в России, Иоганн Карл Шнор (1738–1812) и Иоганн Якоб Вейтбрехт (1744–1803), управляющий Сенатской типографией и владелец частной типографии в Петербурге Бернгард Теодор Брейткопф (1749–1820) и другие. Специфической чертой русско-немецких связей в сфере книгоиздания в тот период было печатание книг на русском языке в Германии и других центрах немецкой книжной культуры по заказу немцев-книготорговцев и держателей типографий, живших в России. Так, например, в Лейпциге в издательстве Брейткопфа-старшего¹⁰ в 1773 г. вышла на русском языке нравоучительная книжка Г.-Ф. Платса «Домашние разговоры»; в Риге издавал детские книги на русском языке знаменитый книготорговец и посредник между русской и немецкой книжностью Иоганн Фридрих Гарткнох (1740–1789) и др.

Иногда в связи с предпочтениями, отдаваемыми по тем или иным причинам немецким оригиналам, возникают довольно запутанные коллизии, как это, например, произошло в случае с выпуском в России популярной научно-познавательной книжки “*Abrege de tous les scienses a l’usage des enfans six and jusqu’a douze*” Ж. А. С. Формея¹¹. Книга под заглавием «Краткое понятие о всех науках для употребления юношества...» была издана в 1764 г. в типографии Московского университета «на кошт книгопродавца Х.-Л. Вевера» в переводе с немецкого языка сразу в трех вариантах: на русском языке, с параллельным текстом на русском и немецком языках, с параллельным текстом на русском и французском языках¹². На всех из них указано, что они «переведены с немецкого языка по берлинскому оригиналу»¹³. Получается, что при наличии французского оригинала, русский переводчик выполнял перевод текста на французский язык для двуязычного издания с немецкого перевода. Книга Формея еще неоднократно издавалась на русском языке в 1760–1780-е гг., но ни в одном из изданий не указано с какого языка она была переведена, возможно, все эти книги являются дополненными переработками самого первого перевода.

В некоторых случаях книги немецких авторов приходят в Россию в переводах с французского языка, и, постепенно «теряют» свое авторство в библиографических и литературоведческих источни-

ках, как это произошло с повестями немецкой писательницы, ученого-естествоиспытателя и педагога Катарины Хелены Дёрриен (1717–1795). В 1758 г. в Херборне вышла ее книжка *“Joujou de nouvelle façon, ou contes amusans et instructifs à la portée des plus petits enfans”*¹⁴. В 1770-е гг. повести Дёрриен печатаются в России: «Времяпровождение веселое и нравоучительное в пользу малых детей» (СПб, 1770), переводчик которой обозначен инициалами «I. K.» и «Нового роду игрушка» (СПб, 1776), переводчик которой обозначен инициалами

Катарина-Хелена Дёрриен (1717–1795), естествоиспытатель, педагог, детская писательница

«П. К.». Эти книги представляют собой разные переводы одного и того же текста, состоящего из 40 коротких нравоучительных повестей, героями которых являются дети¹⁵. В 1779 г. повести Дёрриен, позаимствованные из перевода 1770 г., издает в Риге переводчик и автор ряда учебных книг Яков Матвеевич Родде (1725–1789), дополнив сборник анекдотами и занимательными историями из античной и европейской истории и не указывая, является ли данное издание переводом¹⁶. В 1788 г. повести К.-Х. Дёрриен вновь выходят в свет под заглавием «Детской магазин...», состав сборника идентичен сборникам 1770 г. и 1776 г., указано, что перевод выполнен с французского языка, однако ни в одном из библиографических источников эта книга с именем Х.-К. Дёрриен уже не соотносится. Определенную путаницу в вопрос об авторстве Дёрриен вносит и авторитетное заявление М. С. Костюхиной о том, что книга «Нового роду игрушка...» «была первым изданием Кампе в России» [Костюхина 2008, с.11]. Несмотря на популярность своего сочинения, имя Х.-К. Дёрриен в отечественных работах по истории детской книги и детской литературы упоминается редко¹⁷.

Проблема атрибуции оригинала усложняется, когда речь заходит о сборниках нравоучительной беллетристики, таких «Детское чтение или Отборные небольшие повести» (СПб., 1779); «Золотое зеркало для детей» (СПб., 1787); «Детской магазин» (М., 1788); «Детские

забавы или Собрание кратких повестей и разговоров» (М., 1792); «Небольшие сказочки для малолетних детей...» (М., 1792); «Бесценный подарок для благовоспитываемых детей или Новая детская библиотека» (М., 1797); «Детской магнит» (М., 1800) и пр. Как отмечает большинство исследователей, состав этих сборников весьма эклектичен и до сих пор недостаточно атрибутирован. Компилятивный характер этих книг нередко подчеркивается и самими их составителями, указывающими, что тексты в них «собраны в пользу детей из разных авторов», но отсылки к оригинальным источникам практически отсутствуют. Общим местом работ, посвященных этому вопросу, стало утверждение о том, что большинство текстов в этих сборниках заимствовано из книг «Друг детей» Ф.-Э. Рохова (1776), «Маленькая детская библиотека» И.-Г. Кампе (1779–1784), «Друг детей» А. Беркена (1782–1783), и что сами эти книги так же, в определенной степени, являются компиляциями [Костюхина 2008, с. 10–11]; [Сергиенко 2015, с. 115] и др.

Однако при ближайшем рассмотрении вопрос об источниках начинает рассыпаться на множество частных вопросов, на фоне которых утверждение, приведенное выше, превращается в преувеличенное обобщение. Рассмотрим, например, состав сборника «Золотое зеркало для детей...» (СПб., 1787).

Иллюстрации к нравоучительным повестям Х.-К. Дёрриен, помещенным в книге «Золотое зеркало для детей, содержащее в себе сто небольших повестей для образования разума и сердца юношества» (СПб, 1787)

Книговед С. А. Карачейнцева приписывает его авторство немецкому педагогу И.-З. Штоу [Карайченцова 2015, с. 52], Б. Хелман полагает, что «Золотое зеркало» «включает в себя тексты, позаимствованные у Кампе и <...> Арно Беркена» [Хеллман 2016, с. 17], а М. С. Костюхина вполне справедливо называет сборник «антологией европейских писателей для детей» [Костюхина 2008, с.11]. В. И. Симанков, анализируя состав 2-го издания «Золотого зеркала» (СПб., 1830), аналогичный изданию 1787 г., указывает, что авторами оригинальных источников являются Х.-К. Дёрриен, Х.-Г. Зальцман, Ф.-Э. Рохов, И.-Б. Базедов, И.-Г. Кампе, Ле Пренс до Бомон, Х.-Ф. Вейссе и др. [Симанков 2017, с. 25]. Он же убедительно демонстрирует, что в сборнике «Бесценный подарок для благовоспитываемых детей...» (1797), чье авторство библиографы традиционно приписывают Кампе¹⁸, лишь 11 произведений действительно принадлежат перу Кампе, остальные 25 текстов позаимствованы из других источников [Симанков 2015, с. 329]. Отметим, что эту гипотезу высказывали ранее Е. П. Привалова [Привалова 1964, с. 266–267], и ссылаясь на это исследование М. С. Костюхина [Костюхина 2008, с. 12], однако оригинальные источники сборника так и не были выявлены. Статья Е. П. Приваловой, изыскания В. Д. Рака, проанализировавшего состав нескольких сборников нравоучительной литературы для детей, вышедших в 1770–1790-х гг.¹⁹ и работы В. И. Симанкова выдвигают на первый план наряду с именами Кампе, Рохова и Беркена фигуры Х.-Г. Зальцмана (1744–1811), Х.-Ф. Вейссе (1726–1804), Х.-Ф. Геллерта (1715–1769), И.-Г. Кейля и пр. и свидетельствуют о необходимости уточнения библиографических источников по детской книге XVIII в.

В этой связи выделение корпуса текстов на основе указания на то, что книга переведена с немецкого языка, позволяет не столько составить представление о круге авторов и оригинальных произведений, сколько обращает внимание на значительность немецкого культурного влияния на формирование репертуара русскоязычной детской книги в последней трети XVIII в. Включение в данный корпус книг немецких авторов, переведенных на русский язык с других языков, а так же сборников, содержащих наряду с текстами немецких авторов, тексты авторов французских, английских, оригинальные русские сочинения и пр., с этой точки зрения представляется целесообразным.

Особое место в данном корпусе занимают книги, написанные авторами-немцами, находящимися в России: их насчитывается

свыше 50 изданий. Эти книги, связанные, как правило, с профессиональной деятельностью их авторов — педагогов, воспитателей, профессоров, священнослужителей и пр., и написанные как на немецком, так на русском и французском языках, свидетельствуют об интенсивности русско-немецких культурных связей, что было характерной чертой русского Просвещения. Как отмечают историки, на специфический запрос «импорта» культуры и просвещения в Россию активнее всего — в силу ряда обстоятельств — откликнулись именно немцы. Выходцы из германских княжеств и прибалтийских земель, начиная с петровской эпохи массово приезжали в Россию, где становились учителями, книгоиздателями, книготорговцами, библиотекарями и пр. Важное значение для развития книгоиздания для юношества сыграло приглашение И. И. Шуваловым (при посредничестве академика Г. Ф. Миллера) в Россию немецких профессоров и ученых в связи с началом деятельности Московского университета в 1750-е гг.: так прибыли в Россию будущие авторы многих учебных книг и пособий Ф.-Г. Дильтей (1723–1781), И.-М. Шаден (1731–1797), Ф. Гельтергоф (1711–1805), а в более поздние годы — Х.-Ф. Маттей (1744–1811), И. Ф. Гакман (1756–1812), И. А. Гейм (1759–1821) и проч. В 1760–1770 гг. немецкая «научно-педагогическая и книгоиздательская» диаспора в России существенно расширилась, чему способствовала политика Екатерины II в сфере привлечения иностранцев в Россию²⁰ и особенно изданный в 1783 г. «Указ о вольных типографиях», согласно которому книгопечатанием могли заниматься частные лица. Как писал содержатель книжной лавки в Петербурге И. Д. Герстенберг (1758–1841) в документе известном как «Письмо влюбленного книготорговца»: «Россия является страной, где каждый иностранец, какого бы состояния он не был и если он не оставил голову у себя дома, может сделать свое счастье в десять раз быстрее, чем у себя дома...» [Федорова 1989, с. 24]

В крупнейших в России учебных заведениях екатерининской эпохи — Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, Морском кадетском шляхетном корпусе, в гимназии при Академии наук и в гимназии Московском Университете преподавало много выходцев из Германии, которые создавали книги — главным образом, учебные — для своих воспитанников: сочиняли их сами, переводили, перерабатывали, компилировали... К этому кругу авторов относятся: учителя и преподаватели Сухопутного шляхетного кадетского корпуса Х. Г. Вольке (1741–1825); Л. Бетге (1717–1767); И. М. Греч

(1709–1760); К. фон Людевих (?–1759); И. Э. Ф. Шалль (1742–1790); учителя университетской гимназии М. Шванвиц (?– 1740), М. И. Агентов (1740–1769), М. Блемер и др. Особого внимания на наш взгляд здесь заслуживает фигура Христиана Генриха Вольке, приехавшего в Россию в 1785 г. и сперва преподававшего в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе немецкий язык, этику, философию и прочие дисциплины, а затем открывшего частный «филантропический» пансион. Вольке был одним из тех ярких представителей немецкой филантропической педагогической школы, «которые не только

Христиан-Генрих Вольке (1741–1825), педагог, автор книг для детей, живший и работавший в России с 1784 по 1801 гг.

рефлектировали интеллектуальные устремления своего времени, но и занимались непосредственным претворением многих из них в жизнь — в практику образования и воспитания просвещенного человека» [Койтен, Земскова 2013, с. 228]. Его книги «Сто шестьдесят эстампов с описанием оных к удовольствию и пользе юношества» (СПб., 1785) и «Сто эстампов господином Даниилом Ходовицким начертанных к облегчению и приятному упражнению в языках и в науках...» (СПб., 1789), написанные и изданные в период преподавания в Сухопутном кадетском корпусе, интересны по замыслу, оригинальны по исполнению и на фоне детской книги последней трети XVIII в. носят новаторский характер.

Несмотря на активные биографические разыскания в области русско-немецких культурных связей XVIII в.²¹, некоторые деятели культуры (подобно Х. Г. Вольке) оказываются, по выражению исследователей А. А. Койтен и Е. Е. Земсковой «между двумя национальными историографиями» [Койтен, Земскова 2013, с. 229], когда их деятельность исследуется изолировано российскими и немецкими учеными или не исследуется вовсе. Особо щепетильным и дискуссионным остается вопрос про культурную принадлежность того или иного деятеля культуры, что более чем актуально для вопроса

определения круга «немецких авторов», чьи книги вошли в круг чтения русских детей во второй половине XVIII в. Нет и, скорее всего, не может быть универсального ответа на какой ступени ассимиляции и натурализации исследователь перестает считать автора «немцем» и начинает относить его к русским авторам. Правомерно ли отнесение к кругу немецких авторов, например, Михаила Агентова (Михаэля Агента), уроженца Германии, воспитанника Московского университета, писавшего свои учебные книги на русском языке? Можно ли считать «немецким автором» эпохи Просвещения легендарного архимандрита Иннокентия Гизеля (1600–1683), уроженца Пруссии, принявшего православие, чей монументальный «Синописис Киевский» (1674), несмотря на всю его архаичность неоднократно продолжал переиздаваться для юношества в XVIII в. и даже в XIX в. И, наконец, правомерно ли отнести к этому кругу и саму императрицу Екатерину II в качестве автора учебных и нравоучительных книг? Эти и многие вопросы еще ждут своего исследовательского решения.

В сводный список, публикуемый в качестве приложения к данной статье, решено было включить:

— книги для детей и юношества, переведенные с немецкого языка;

— книги для детей и юношества, написанные немецкими авторами и переведенные на русский язык с других языков;

«Свет зримый в лицах» Г. А. Вилля — одна из самых популярных книг в детском чтении последней трети XVIII в. Иллюстрации Ивана Хмельницкого к изданию 1789 г.

— книги немецких авторов, живших в России и писавших для детей и юношества на русском или других языках;

— сборники нравоучительной литературы для детей и юношества, где большая часть текстов заимствованы из сочинений немецких авторов.

В сводный список не вошли книги, где произведения немецких авторов составляют незначительное число, как, например, сборник нравоучительной прозы «Детское чтение или Собрание повестей» (СПб, 1783) или те сочинения российских авторов, где немецкий оригинал подвергся существенной переработке, как, например, в книге К. Я. Дамского «Любопытный словарь удивительных естеств и свойств животных» (СПб, 1795), где он использует фрагменты из «Естественной истории» Г.-К. Раффа [Безрогов, Тендрякова 2017, с. 60].

Сводный список составлен на основе отбора книг из источников ретроспективной национальной библиографии, таких как «Материалы по истории русской детской литературы (1750–1855)» (1927) под редакцией А. К. Покровской и Н. В. Чехова и «Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII в: 1727–1800» в пяти томах (1962–1969), а так же на основе просмотра фонов детской книги Российской национальной библиотеки и Национальной электронной детской библиотеки. Данный список не претендует на полноту и носит предварительный характер, но при этом отражает основные специфические черты русско-немецких связей в сфере детской книги во второй половине XVIII в.

Примечания

¹ См. библиографические указатели И. И. Старцева, В. П. Завьяловой, Т. Б. Каминской, В. И. Латышевой, Б. Я. Шиперовича и др. по детской литературе советского периода. Сведения об издании детской литературы в постсоветский период отражены в государственном книжном указателе «Книжная летопись».

² См. напр. Коменский А. Я. Орбис пиктус. Orbis pictus. М.: Тип. Моск. ун-та, 1757 г. — сохранился лишь титульный лист издания, в то время как остается неизвестным, была ли напечатана вся книга целиком. См. Пенчко Н. А. К 200-летию первого русского издания «Мира в картинках» Яна Амоса Коменского // Доклады АПН СССР. 1957. № 3. С. 29–31; Красновский А. А. «Орбис пиктус» в России // Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения. М., 1939. Т. 2. С. 3–16.

³ Так, например, в проекте И. И. Бецкого «О воспитании юношества обоего пола» (1764) под «юношеством» подразумеваются дети от 5–6 до 18–20 лет [Бецкой 1789, с. 5].

⁴ В этой связи в корпус текстов не попала часть книг, входящая в детское чтение: отдельные издания романа Фенелона о Телемаке; романы Г.-Ф. Дюкре-Дюмениля, пьесы С.-Ф. Жанлис из сборника «Детский театр», изданные отдельными книжками;

сказки Ш. Перро, издания фрагментов из сочинений Плутарха; сборники произведений из журнала «Детское чтение для сердца и разума», пьесы детского писателя Х.-Ф. Вейсе, обработки русских фольклорных сказок и др.

⁵ См. напр. Краткая грамматика латинская в пользу учащегося латинскому языку российского юношества прежде сего переведенная, ныне вновь пересмотренная и справленная Академии наук переводчиком Вас. Лебедевым. СПб.: При Имп. Акад. наук. 1762, 335 с.; Уоттс И. Умственная наука или Прямое употребление разума... В пользу юношества в Благородном пансионе при Императорском Московском университете / Пер. с нем. яз. П. Сохацкий. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у В. Огорокова, 1789, 227 с. и др.

⁶ См. Додсли Р. Наставник или Всеобщая система воспитания преподающая первые основания учености. Сочинение англинское в двенадцати частях. С немецкого языка на российский переложено 1788–1791 г. [М. И. Верекиным]. В 12-ти частях. СПб.: Тип. Горного училища, 1789–1791; Додсли Р. Учитель или Всеобщая система воспитания, в которой предложены первые основания наук особенно нужных молодым людям. В 12-ти отд./Перевод с 3-го немецкого издания, исправленного и умноженного профессора Иоганном Маттиасом Шреком и Иоаганном Иакобом Эбертом. [Перевел А. А. Петров]. М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1789.

⁷ См. характеристику, которую дает русской культуре XVIII в. Ю. Д. Левин: «... основными иностранными языками, распространенными тогда здесь, были французский и немецкий; лишь немногие наиболее просвещенные русские деятели владели тогда английским языком. Поэтому английская лит. переводилась на русский язык преимущественно с французского, немецкого...» [Русско-европейские культурные связи, с. 16].

⁸ Жизнь и приключения Робинзона Круза природного агличанина. Ч. 1 и 2/Даниэль Дефо; переведена с французского Яковом Трусовым. Санкт-Петербург: Тип. при Имп. Акад. наук, 1762–1763.

⁹ См. историю перевода Ф. П. Печериным «Робинзона Крузо» И.-Г. Кампе в публикации «Записки Федора Пантелеймоновича Печерина. Записки о моих предках и о себе, на память детям в 1816 году сделанные» // «Русская Старина». СПб., 1891. Т. 72. Кн. 12. С. 587–618.

¹⁰ Издательство “В. С. Breitkopf und Sohn” было основано в Лейпциге 1719 г. Б. К. Брейткопфом (1695–1777). В 1770-е гг. работу в издательстве возглавлял его сын Иоганн Готлоб Иммануэль Брейткопф (1719–1794), чей сын Бернаград Теодор Брейткопф (позднее известный под именем «Федора Иванович») уехал в Россию и в 1782 г. основал в Петербурге одну из первых частных типографий. Б. Т. Брейткопф поддерживал тесные связи с издательством отца и был одним из основных частных книгоиздателей, печатавших в России переводную литературу для детей и юношества.

¹¹ Формей Жан Анри Самуэль (1711–1797) — немецкий ученый французского происхождения, писавший свои труды на французском языке. Профессор философии Берлинской Академии наук, почетный член Российской академии наук

¹² Формей Ж. А. С. Краткое понятие о всех науках для употребления юношества, переведенное с немецкого языка по берлинскому оригиналу. М.: Печатано при Имп. Моск. ун-те на кошт книгодержателя Христиана Людвига Вевера, 1764. 134 с.

¹³ Первое из известных берлинских изданий “*Abrege de tous les scienses a l’usage des enfans six and jusqu’a douze*” на немецком языке датируется 1765 г. — *Formey, Jean Henri Samuel Entwurf aller Wissenschaften: Zum Gebrauche der Jünglinge, und aller*

die sich belehren wollen. 1. Berlin: Pauli, 1765. Издание, с которого в 1764 г. осуществлялся перевод на русский язык, не установлено.

¹⁴ Как отмечает В. И. Симанков, часть текстов Дёрриен переведил на немецкий язык известный детский писатель и издатель детских журналов Х. Ф. Вейссе (1726–1804) [Симанков 2017, с. 20].

¹⁵ Авторство Х.-К. Дёрриен установлено создателями «Сводного каталога книг русской гражданской печати...» [Сводный каталог...1962, с. 283]; [Сводный каталог...1966, с. 467].

¹⁶ Родде Я. М. Разные истории и нравоучения в пользу обучающегося российскому языку юношества. Рига: У И. Ф. Гарткноха, 1779. 128 с.

¹⁷ См. Н. В. Чехов «Очерки истории русской детской литературы (1750–1855)», В. И. Симанков «Детское Чтение» (1785–1789) и «Детския Забавы» (1792): Рецепция немецкого протестантизма в детских изданиях XVIII в.

¹⁸ См. [Алексеева 1929, с. 38]; [Сводный каталог...1964, с. 8]; каталоги Российской национальной библиотеки.

¹⁹ Детское чтение или Отборные небольшие повести (СПб, 1779); Детское чтение или Собрание повестей (СПб. 1783); Детская книга или собрание нравоучительных повестей (СПб., 1796) и др. [Рак 1995, с. 197–200] [Рак 2015, с. 307, 309].

²⁰ В 1762 г. Екатерина II подписала манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу».

²¹ См. например, книжную серию «Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект», выпускаемую МАЭ РАН (Кунсткамера) с 2003 г. по текущий момент и пр.

Источники

Бецкой И. И. Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества. Т. 1. СПб.: Тип. И. К. Шнора, 1789. 479 с.

Материалы по истории русской детской литературы: (1750–1855)/под ред. А. К. Покровской и Н. В. Чехова. Вып. II. М.: Изд. ИМВР, 1929. 195 с.

Сводный каталог русских книг гражданской печати XVIII в.: 1727–1800. В 5 тт. М.: Книга, 1962–1969.

Исследования

Алексеева О. В. Библиография русской детской книги (1717–1854) // Материалы по истории русской детской литературы: (1750–1855). Вып. II. М.: ИМВР, 1929. С. 7–191

Антипова И. А. Картина мира в образовательных текстах XVIII в. для детей // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. М.: ОГИ, 2003. С. 147–156

Безрогов В. Г., Тендрякова М. В. Что немцу диалог, то русскому учитель: от «Естественной истории» Г. К. Раффа к «Детскому миру» К. Д. Ушинского // Психолого-педагогический поиск. 2017. №3 (43). С. 58–70.

Карайченцова С. А. Нравоучительные книги в Российском детском книжном репертуаре конца XVIII века // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2015. №4. С. 44–52.

Койтен А. А., Земскова Е. Е. Филантропист и «Фелица» (Историческое пояснение к неизвестному немецкому переводу державинской оды в учебной книге К. Г. Вольке,

1785 // XVIII век: Пути развития русской литературы XVIII века. Сб. 27. СПб.: Наука, 2013. С. 220–262.

Костюхина М. С. Золотое зеркало: Русская литература для детей XVIII–XIX века. М.: ОГИ, 2008.

Левин Ю. Д. Англо-русские литературные связи // Русско-европейские культурные связи XVIII век: Энциклопедический словарь. СПб., 2008. С. 16–26.

Привалова Е. П. О сотрудниках журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век. Сб. 6. Л.: Наука, 1964. С. 258–268.

Привалова Е. П. «Робинзон Крузо» в детской и педагогической литературе // Детские чтения. 2012. №2. С. 41–54.

Рак В. Д. Библиографические заметки // XVIII век. Сб. 19. СПб.: Наука, 1995. С. 187–222.

Рак В. Д. Библиографические заметки // XVIII век. Сб. 28. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 304–322.

Сергиенко И. А. «Смерть героя: сюжет о гибели ребенка в детской литературе XVIII века // Детские чтения. 2015. №1 (007). С. 112–127.

Симанков В. И. «Детское Чтение» (1785–1789) и «Детския Забавы» (1792): Рецепция немецкого протестантизма в детских изданиях XVIII в. // ВИВЛЮИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. 2017. Vol. 5. (forthcoming).

Симанков В. И. Источники журнала «Детское чтение для сердца и разума» (1785–1789) // XVIII век. Сб. 28. М.-СПб.: Альянс-Архео, 2015. С. 323–374.

Федоровская Л. А. И. Д. Герстенберг и план его издательской деятельности в России в XVIII в. // Книга в России в XVII — начале XIX в.: Проблемы создания и распространения: Сб. науч. трудов. Л., 1989. С. 23–25.

Хеллман Б. Сказка и быль: История русской детской литературы. М.: НЛЮ, 2016.

Чехов Н. В. Очерки истории русской детской литературы (1750–1855) // Материалы по истории русской детской литературы. М.: ИМБП, 1927. С. 17–89.

Приложение

Сводный список русских книг для детей и юношества, написанных немецкими авторами или переведенных с немецкого языка: 1750–1800 гг.

1750

1. *Курас Г.* Введение в генеральную историю. Пер. с немецкого. 2-ое изд. СПб.: При Имп. Акад. наук. 242 с.

1757

2. *Коменский А. Я.* Орбис пиктус. Orbis pictus. М.: Тип. Моск. ун-та. Разыскиваемое издание.

1758

3. *Греч И. М., Наковальнин С. Ф.* Политическая география, сочиненная в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе для употребления учащегося в оном Корпусе юношества. СПб.: [Типография оного]. В 4-х частях.

4. *Людевих К.* Краткое руководство в арифметике, сочиненное в пользу в Сухопутном шляхетном кадетском корпусе учащихся капитаном оного Карлом фон Людевихом. СПб.: При Сухопутном шляхетном кадетском корпусе. 142 с.

1760

5. *Бетге Л.* Немецкая азбука с вокабулами. СПб.: Тип. Сухопутного шляхетного кадетского корпуса. Разыскиваемое издание.

6. *Греч И. М.* Новая немецкая грамматика, сочиненная в пользу и употребление юношества при Сухопутном шляхетном кадетском корпусе обучающегося. СПб.: Печатано в типографии онаго же корпуса. 394 с.

7. *Эйлер Л.* Руководство к арифметике для употребления в гимназии при Имп. Академии / Переведно с немецкого языка студентом Васильем Кузнецовым. 2-ая часть. СПб.: Тип Акад. наук 260 с.

1761

8. *Рот Э. Р.* Достопамятное в Европе описание всего, что для любопытного смотра света также за нужду или по случаю путешествующему; в знатнейших местах Европы знать и видеть надлежит. Сию от ректора Ульмского университета Рудольфа Рота по латинскому алфавиту сочиненную книгу; вместо ведомственного лексикона употреблять можно. Надворный советник Сергей Волчков к пользе юношества к пользе юношества, также читающих Санкт-Петербургския и Московския ведомости оную книгу с немецкаго на российский перевел в 1747 г. СПб.: Тип. при Сенате. 278 с.

1762

9. *Агентов М. И.* Краткая немецкая грамматика, собранная из разных авторов в пользу российского юношества переводчиком Михайлом Агентовым, обучающимся в Гимназии Имп. Московского ун-та немецкой синтаксической класс. М.: Унив. тип. через фактора Гонера. 206 с.

10. *Дильтей Ф. Г.* Первые основания универсальной истории... в пользу обучающегося российского дворянства. В 3-х частях: М.: При Имп. Моск. ун-те, 1762–1768.

11. Краткая грамматика латинская в пользу учащегося латинскому языку российского юношества прежде сего переведенная, ныне вновь пересмотренная и справленная Академии наук переводчиком Вас. Лебедевым. СПб.: При Имп. Акад. наук. 335 с.

12. *Крафт В. Г.* Краткое руководство к теоретической геометрии в пользу учащегося в гимназии при Императорской Академии наук юношества сочинено той же Академии наук членом Георгом Волфгангом Крафтом и переведено с немецкаго языка Иваном Голубцовым. 2-ое изд. СПб.: при Имп. Акад. Наук. 268 с.

13. *Курас Г.* Гильмара Кураса Сокращенная универсальная история, содержащая все достопамятные в свете случаи от сотворения мира по нынешнее время со многим пополнением вновь переведенная и с приобщением Краткой российской истории вопросами и ответами в пользу учащегося юношества. 370 с.

14. [*Иннокентий Гизель*] Синописис. 5-ое тиснен. СПб.: При Имп. Акад. наук.

15. *Шванвиц М.* Немецкая грамматика, собранная прежде из разных авторов, а ныне для употребления в Санкт-Петербургских гимназиях вновь пересмотренная и во многих местах исправленная. СПб.: При Имп. Акад. наук. 447 с.

1763

16. *Ланге И.* Школьные разговоры. 3-е изд. СПб.: При Имп. Акад. наук. 215 с.

1764

17. *Формей Ж. А. С.* Краткое понятие о всех науках для Употребления Юношества и женщин / Переведенное с немецкаго языка, следуя берлинскому изданию. М.: Печатано при Имп. Моск. ун-те на кошт книгосодержателя Христиана Людвиг Вевера. 269 с. Текст параллельный на французском и русском языках.

18. *Формей Ж. А. С.* Краткое понятие о всех науках для употребления юношества, переведенное с немецкаго языка по берлинскому оригиналу. М.: Печатано

при Имп. Моск. ун-те на кошт книгосодержателя Христиана Людвиг Вевера. 273 с. Текст параллельный на немецком и русских языках.

19. *Формей Ж. А. С.* Краткое понятие о всех науках для употребления юношества, переведенное с немецкого языка по берлинскому оригиналу. М.: Печатано при Имп. Моск. ун-те на кошт книгосодержателя Христиана Людвиг Вевера. 134 с.

1765

20. Краткая грамматика латинская в пользу учащегося латинскому языку российского юношества прежде сего переведенная, а ныне вновь пересмотренная и исправленная Академии наук переводчиком Василием Лебедевым. СПб.: При Имп. Акад. Наук. Разыскиваемое издание.

1766

21. Немецкая азбука для самых младших... [Пер. с нем. языка] СПб.: Тип. Сухопутного шляхетн. кад. корпуса. Разыскиваемое издание.

1767

22. *Сигизбек Я. А.* Наставление как по-французски исправно читать и произносить. СПб.: При Морском корпусе.

1768

23. *Дильтей Ф. Г.* Азбука греческая в пользу российского юношества. М.: Печатано при Моск. ун-те. 56 с.

24. *Дильтей Ф. Г.* Детской атлас или Новой удобной и доказательный способ к учению географии, исправленный и умноженный Филиппом Генрихом Дильтеем, обоим прав доктором и профессором публичном юриспруденции и истории, переведен под руководством того же проф[ессора] с французского на российский язык... в 6 тт. [М.]: Печ. при Имп. Моск. ун-те. 1768–1778.

25. *Коменский Я. А.* Иоанна Амоса Комения Видимый свет на латинском, российском, немецком, италийском и французском языках представлен, или Краткое введение, которым изъясняется, что обучающемуся юношеству легким способом не только языку, разумным упражнением, но также и вещи достойные знания самонужнейшия должны быть вперены, изо ста пятидесяти одной главы состоящее, из которых каждая вместо надписи и содержания из священного писания взятым свидетельством означена, и с реестром самых нужнейших российских слов, которой вместо лексикона для употребления российского юношества служить имеет, место на пяти языках дополнить может, изданное/[Пер. с нем. И. М. Шадена] [М.]: Тип. Имп. Моск. ун-та. 528 с. Издано на средства Х. Л. Вевера.

26. *Сигизбек Я. А.* Новое наставление к немецкому чтению. СПб.: Тип. Морск. шляхетн. кад. корпуса. Разыскиваемое издание.

27. [*Иннокентий Гизель*] Синописис. 6-ое тиснен. СПб.: При Имп. Акад. наук.

1769

28. *Греч И. М.* Готшедова немецкая грамматика вновь исправленная и для пользы и употребления российского благородного юношества напечатанная 2-м тиснен. СПб.: При Морск. шляхетн. кад. корпусе. 241 с.

29. *Ранцау Л.* Грамматика французская с российским переводом, основанная на лучших авторах, сочинена для употребления российского юношества графом Ранцовым. М.: Печатано при Имп. Моск. ун-те. 272 с.

30. *Формей Ж. А. С.* Сокращение всех наук для детей от шести до двенадцати лет. СПб.: Тип. Сухопутного шляхетн. кад. корпуса. 280 с.

31. *Фрейр И.* Иеронима Фрейра краткая всеобщая история с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней российской истории для упо-

требления учащегося юношества с немецкого на российский язык переведенная [Харитоном Чеботаревым]. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та. 500 с.

1770

32. *Вольф Х.* Сокращение первых оснований математики, сочиненное в пользу учащегося юношества Христианом Вольфом, профессором математики и философии Гальския академии, Парижския и Лондонския соиетета и Берлинской академии. В 2-х частях. СПб.: При Морском шляхетн. кад. корпусе, 1770–1771.

33. *Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика в которой не токмо все части речи или произведение слов, но и синтаксис или сочинение слов надлежащими примерами объяснены в пользу российского юношества издана учителем немецкого языка в Московском Императорском университете. М.: Тип. при Имп. Моск. ун-те. 274 с.

34. *Гюбнер И.* Сто четыре священных истории Ветхаго и Новаго Завета, выбранныя из Священных книг и изряднейшими нравочениями снабденных, изданные г. Иоганном Гибнером/Пер. с лат. на рос. язык студеном Матвеем Соколовым. М.: При Имп. Моск. ун-те. 324 с.

35. [*Дёрриен Х.-К.*] Времяпровождение веселое и нравочительное или сказки новомышленные в пользу малых детей/Перевел с французского языка И. К. СПб.: Тип. Сухопутного шляхетного кад. Корпуса. 84 с. 1771.

36. *Дильтей Ф. Г.* Опыт Российской географии с толкованием гербов и с родословием царствующего дома собранное из разных авторов и манускриптов Ф. Г. Дильтеем/Переведено под его руководством с фр. языка П. П. Бибиковым и Н. М. Мазневым. Т. 4. М.: При Имп. Моск. ун-те. 436 с.

1773

37. [*Вилль Г.-А.*] Свет зримый в лицах или Величие и многообразность Зиждителей-важных намерений открывающиеся в природе и во нравах, объясненныя физическими и нравственными изображениями, украшенных достойных сих предметом словом: в пользу всякаго состояния людям, а наипаче молодым витиям, стихотворцам, живописцам и другим художникам./Перевел с немецкаго языка на Российский Иван Хмельницкий. СПб.: [При Имп. Акад. наук.] 400 с. Издание «Собрания, старающегося о переводе книг».

38. Нравочительный разговор, к пользе благороднаго юношества / перевел с немецкаго языка на российский Академии Киевския студент Александр Шумлянскою. М.: тип. Пономарева, 1773. 24 с. На тит. л. издат. марка Х. Л. Вевера.

39. *Платс Г. Ф.* Домашние разговоры. Leipzig: Gedruckt bey V. C. Breitkopf und Sohn. 168 с.

1774

40. *Зульцер И. Г.* О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение с немецкого на российский язык переведенное Дмитрием Семеновым. СПб.: Тип. Сухопутного шляхетн. кадетского корпуса. 46 с.

41. [*Иннокентий Гизель*] Синописис. 7-ое тиснен. СПб.: При Имп. Акад. Наук.

42. *Формей Ж. А. С.* Краткое понятие о всех науках для употребления юношества. 2-ое изд. с прибавлением главы о музыке и нотах. М.: Печатано при Имп. Моск. ун-те на кошт книгосодержателя Христиана Лудвига Вевера. 395 с. Текст параллельный на французском и русском языках.)

43. *Формей Ж. А. С.* Краткое понятие о всех науках для употребления юношества. 2-ое изд. с прибавлением главы о музыке и нотах. М.: Печатано при Имп. Моск. ун-те на кошт книгосодержателя Христиана Лудвига Вевера. 387 с. Текст параллельный на немецком и русском языках.

44. *Формей Ж. А. С.* Краткое понятие о всех науках для употребления юношества. 2-ое изд. с прибавлением главы о музыке и нотах. М.: Печатано при Имп. Моск. ун-те на кошт книгодержателя Христиана Лудвига Вевера. 194 с.

1775

45. *Бауманн Л. А.* Краткое начертание географии для начинающих Людвиг Адольфа Бауманна, проректора Академии в Нейштате Бранденбургском/Переведенное с немецкаго на российский язык Московского Императорского студентом Васильем Ивановым. Ижд. Х. Л. Вевера. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та. 159 с.

46. *Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика... 2-ое изд. М.: [Тип. Имп. Моск. ун-та]. 360 с.

47. *Гюбнер И., Вагнер И. М.* Двести восемь Священных историй Ветхаго и Новаго Завета, выбранныя из Священнаго писания и изряднейшими нравочениями снабжденные в двух томах сотоющия/[Переведено М. Соколовым и И. Харламовым]. На кошт книгодержателя Х.-Л. Вевера. Т. 1–2. М.: При Имп. Моск. ун-те.

1776

48. *Гельтергоф Ф.* Сокращенной четырьязычный словарь, а имянно на немецком, латинском, французском и российском языках в пользу юношества этимологического класса, с предисловием о кратком легком и приятном способе учения сочинил магистр Франциск Гелтергов, немецкаго языка лектор. [М.]: При Имп. Моск. ун-те. 97 с.

49. [*Дёрриен Х.-К.*] Нового роду игрушка или Забавные и нравочительныне сказки для употребления самых малых детей/Переведено П. К. СПб.: б/м, 74 с.

50. *Ланге И.* Школьные разговоры. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та. 319 с.

1777

51. *Зульцер И. Г.* Иоанна Георга Сулцера разговоры о красоте естества с его же нравственными разсуждениями о особенных предметах естественной науки с немецкаго на российский переведенныя Михайлом Протопоповым. [СПб.]: При Имп. Акад. наук. 307 с.

1778

52. *Генцкен Ф.* История философии, в которой описываются жизни славнейших философов, представляются главнейшия их положения [...] Сочиненная г. Генцкением, в пользу учащихя переведена с латинскаго на российский язык находящимся в Азовской губернии у статских дел поручиком Кириллом Быстрицким. СПб.: Тип. Военной коллегии. 353 с.

53. *Курас Г.* Сокращение универсальной истории. 2-ое тиснен./[Пер. Б. А. Волкова]. СПб.: При Имп. Акад. наук [1762].

1779

54. *Агентов М. И.* Краткая немецкая грамматика из разных авторов в пользу российского юношества, собранная переводчиком Михиалом Агентовым 2-ое изд. с прибавлением Синтаксиса. Иждивением университетского книгопродавца Хр. Ридигера. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та [у Н. Новикова].

55. *Ардт Б. Ф.* Трязычная книга в пользу российского и иностранного юношества, обучающегося российским, немецким и французским языкам. [СПб.]: Напечатано в Санктпетербургской типографии Вейтбрехта и Шнора. 136 с.

56. Достопамятности натуры/с немецкаго языка на российской перевод. Имп. Московскаго университета студентом Александром Лыжиным. М.: Унив. тип., у Н. Новикова. 190 с.

57. *Rodde Я. М.* Разные истории и нравоучения в пользу обучающегося русского языка юношества. Рига: У И. Ф. Гарткноха. 128 с.

1780

58. *Сапожников Ф. И.* Избранные места из лучших немецких писателей для употребления при Императорских московских гимназиях. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова 379 с.

1781

59. *Бауман Л. А.* Краткое начертание географии для начинающих обучаться сей науке с приобщением краткого описания России./Пер. с нем. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. 195 с.

60. *Гедерих В.* Руководство к мифологии. Переведено с немецкого на русский язык Михайлом Леоновым. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. 63 с.

61. *Генцкен Ф.* Фредерика Генцкения политики и физики профессора Истории философическая <...>. В пользу учащихся переведено с латинского на русский язык коллежским секретарем Кириллом Быстрицким. СПб.: [Тип. Воен. коллегий]. 353 с.

62. *Гюбнер И.* Сто четыре священных истории Ветхаго и Новаго Завета... 3-е тиснен. М.: Сенат. тип. у Ф. Гиппиуса. 384 с.

63. *Зебальд Г. Ф.* Энциклопедия или краткое начертание наук и всех частей учености. / Пер. И. Шувалова. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. 75 с.

64. *Зульцер И. Г.* Сокращение всех наук и других частей учености, в коем содержание, польза и совершенство каждая части сокращенно описываются/[Перевел Иван Морозов]. М.: Тип. Моск. Имп. ун-та у Н. Новикова. 359 с.

65. *Эбергарт И. П.* Первые основания естественной науки или физики на русском языке в 2-х частях для пользы учащихся./Для пользы учащихся перевел с немецкого языка Алексей Мартов. В 2-х частях. СПб.: Печатано при Горном училище.

1782

66. *Берни Г.-В.* Путешествие добродетели, или Странствование по свету юнаго китайского царевича с философом предводительствовавшим и научившим онаго/[перевел А. К.]. М.: Изданием Н. Новикова и Компании. 129 с.

67. *Краммер М.* Новые российские, французские и немецкие разговоры Матвея Крамера/Переведено на рус. язык в пользу русского юношества Иосифом Гандини. М.: [Сенатская типография]. 212 с.

68. Краткое описание образа жизни, нравов и обрядов в разных народах./Пер. с нем. Григорием Костровским. Ижд. Н. Новикова и Компании. М.: Тип. при Имп. Моск. ун-те. 175 с.

69. *Маттеи Х. Ф.* Грамматика латинская для употребления русского юношества с приобщением краткой хрестоматии для нижних классов/[Пер. Н. Е. Поповым]. Изданием Н. Новикова и Компании. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. Издание предпринято по инициативе Дружеского ученого общества.

70. *Рот Э. Р.* Достопамятное в Европе описание всего... 2-ое изд. М.: Унив. тип. У Н. Новикова. 448 с.

1783

71. *Баумейстер Ф. Х.* Христиана Бавмейстера правоучительная философия в пользу благородного юношества переведена с латинского Сухопутного шляхетнаго кадетскаго корпуса учителем Ив. Исаевым. [СПб.]: Тип. Морского шляхетн. кад. корпуса. 280 с.

72. *Вегелин Ж. Ф.* Собрание употребительных речений для желающих в короткое время обучиться говорить по-немецки, взятое из так называемой грамматики для дам и в пользу российскому юношеству, переведенная на российский язык старанием И. Ф. Вегелина. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Новикова. 140 с.

73. *Дильтей Ф. Г.* Азбука греческая... М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. 60 с.

74. *Кампе И.-Г.* Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе, а с оного переведена г. ***. В 2-х частях. СПб.: Иждивением Академии наук. 209 с.

75. *Фельбигер И. И.* О должностях человека и гражданина, книга к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второя. СПб.: [тип. Акад. наук]. 250 с.

1784

76. *Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика. 3-е изд. М.: [Тип. Имп. Моск. ун-та]. 360 с.

77. Зрелище природы и художеств. В 10 частях. СПб.: Иждивением Императорской Академии наук [Тип. Имп. Акад. Наук], 1784–1790.

78. Новая немецкая азбука купно с сокращенною немецкою этимологию... с помощью которых молодые люди могут в скором времени научиться говорить по-немецки чисто и правильно. М.: Тип. Мейера. 116 с.

1785

79. *Безак Х. Х.* Краткое введение в бытописание Всероссийской Империи. [СПб.]: Печ. в тип. Сухопут. шляхетнаго кад. корпуса, 195 с.

80. *Вольке Х. Г.* Сто шестьдесят эстампов с описанием оных к удовольствию и пользе юношества, охотно смотрящего на изображения и охотно читающего то, что понимать не трудно/С немецкаго переведено титулярным советником М. Костиным. [СПб.]: При Имп. Сухопутн. шляхетн. кадет. корпусе. 48 с.

81. *Ланге И.* Школьные разговоры. 2-ое изд. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. 216 с.

82. *Маттей Х. Ф.* Избранные места из греческих писателей, собранныя Христианом Фредериком Маттеем, а переведенные с греческаго на российский язык для обучающихся в Смольной семинарии, той же семинарии пиитического историко-географического и греческого классов учителем Борисом Филоновым. М.: Печ. в тип. Моск. Имп. Ун-та у Н. Новикова. 155 с.

83. *Рафф Г. Х.* Естественная история для малолетних детей с одиннадцатью таблицами г. Георга Христиана Раффа, учителя истории и географии в Геттингенском училище/Переведено с немецкого языка Василием Левшинным. В 2-х частях. Спб.: Ижд. Имп. Акад. наук.

84. *Феддерсен И. Ф.* Житие Иисуса Христа, сочиненное для детей Иаковом Фридрихом Феддерсеном./Пер. с нем Ив. Калязин. 169 с.

85. *Феддерсен И. Ф.* Нравоучительные повествования из библейских деяний для детей, изданные Иаковом Ф. Феддерсеном./Пер. с нем Петром Калязинным. СПб.: Иждив. Имп. Акад. Наук. 256 с.

86. *Эберт И. Я.* Краткое руководство к физике для употребления в народных училищах Российской империи, изданное по высочайшему повелению ныне царствующей императрицы Екатерины II/Перевели Толмачев и Зубков. СПб.: [Тип. Брейткопфа]. 142 с.

1786

87. *Ардт Б. Ф.* Трехязычная книга... Рига: у книгопродавца И. Гартноха. 130 с.

88. *Вольке Х. Г.* Книга для чтения и размышления, согласная с немецким подлинником и французским переводом. Сочиненная Х. Г. Волкем/[Пер. с нем. М. Костина и А. Цебрикова]. В 4-х частях. Во граде Св. Петра [СПб.]: Тип. Имп. Сухопутн. шляхетн. кадет. корпусе.

89. *Вольке Х. Г.* Собрание пятидесяти естампов в пользу и удовольствие юношества по большей части г. Даниилом Ходовицким начертанное, с описанием предметов изображающих понятия о домостроительстве, некоторых рукоделиях, о главнейших произведениях и эпохах... [Издано профессором Христианом Вольке]. СПб.: У Вогака. (текст параллельный на русском, французском и немецком языках).

90. *Фельбигер И. И.* О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Второя. СПб.: [у Брейткопфа]. 180 с.

91. *Шаль И. Э. Ф.* Новая немецкая грамматика в пользу обучающегося юношества. СПб.: При Имп. Акад. Наук. 394 с.

92. *Якоби И. Ф.* Детская богословия или первые наставления христианского вероисповедания./Переведено с немецкого языка Яковом Евдокимовым. М.: В вольной тип. Пономарева иждивением С. Петрова. 246 с.

1787

93. *Гакман И. Ф.* Краткое землеописание Российского государства, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины II. [В переработке Ф. И. Янковича де Мириево]. СПб.: Тип. Брейткопфа. 174 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ.

94. *Гакман И. Ф.* Пространное землеописание Российского государства, изданное в пользу учащихся по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины II. СПб.: [Тип. Брейткопфа]. 420 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ.

95. *Гюбнер И.* Сто четыре Священных истории Ветхаго и Новаго Завета, выбранные из Священного писания и изряднейшими правоучениями снабжденные.../Переведены с латинского на российский язык студентом Матвеем Соколовым. 5-ое тиснен. М.: Тип. Пономарева. 104 с.

96. Золотое зеркало для детей, содержащее в себе сто небольших повестей для обозования разума и сердца в юношества... В 4-х частях. СПб.: Имп. тип.

97. *Зульцер И. Г.* О полезном с юношеством чтении древних классических писателей мнение... 2-ое изд. М.: Тип. Компании типографической. 41 с.

98. *Кампе И.-Г.* Открытие Америки, приятное и полезное чтение для детей и молодых людей. Сочинение И. Г. Кампа./Перевод с немецкого языка. В 3-х частях. М.: Типография Компании типографической. 1787–1788.

99. Новая немецкая азбука купно с сокращенною немецкой этимологией, а также с прибавлением разных изречений. М.: [б/м] Разыскиваемое издание.

100. Новая немецкая азбука с приобщением нужнейших слов, легких стихотворений и приятных повестей для употребления благородного российского юношества. М.: Тип. Компании типографической. 71 с.

101. *Феддерсен И. Ф.* Примеры мудрости и добродетели, выбранные из Истории с наставлениями для детей... 2-ое изд. В 2-х частях. М.: Тип. Компании типографической.

102. *Феддерсен И. Ф.* Поучительные повествования из Библейской Истории. М.: Тип. Компании типографической. 275 с.

103. *Шеллер И. И. Г.* Сокращенное латинское языкоучение или Грамматика новейшая к обучению юношества удобнейшего признанная./Пер. с немецкого на российский язык М. А. Б. [магистром Андреем Брянцевым]. М.: Унив. тип. у Н. Новикова. 364 с.

104. *Шрекк И. М.* Шрекова Всемирная история для обучения юношества/Перевод с немецкого языка. Спб.: Тип. Вильковского и Галченкова. 266 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ

105. *Шрекк И. М.* Иоганна Маттиаса Шрекка Краткая всеобщая история для употребления учащегося юношества/Пер. с нем. Ч. 1. М.: Тип. Компании типографической. 240 с.

106. *Эберт И. Я.* Краткое руководство к физике.../Пер. с нем. СПб.: Тип. Брейткопфа. 141 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ

1788

107. *Бауман Л. А.* Краткое начертание географии для начинающих обучаться сей науке с приобщением краткого описания России/Пер. с нем. Васильем Ивановым. 3-е изд. М.: Унив. тип у Н. Новикова. 151 с.

108. *Бруккер И. Я.* Иакова Бруккера критическая история философии... издано в пользу обучающегося российского юношества [пер. М. Гаврилова]. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. Разыскиваемое издание.

109. *Гакман И. Ф., Яковкин И. Ф.* Всеобщее землеописание, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины II. В 2-х частях. 1788–1795. Издание Комиссии об учреждении народных училищ.

110. Детская учебная книга для юношества с присовокуплением разных повестей, в стихах и прозе на немецком и русском языках. М.: [б.м].

111. [*Дёрриен К. Х.*] Детской магазин, или Собрание полезных сочинений, соответствующих детскому возрасту: перевод с французского. М.: Тип. Комп. типографич. 196 с.

112. *Дильтей Ф. Г.* Азбука греческая... 3-е изд. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. 48 с.

113. *Коменский Я. А.* Иоанна Амоса Комения Видимый свет на латинском, русском, немецком, италийском и французском языках представлен, или Краткое введение, которым изъясняется, что обучающемуся юношеству легким способом не только языку, разумным упражнением, но также и вещи достойные знания самонужнейшая должны быть вперены, изо ста пятидесяти одной главы состоящее, из которых каждая вместо надписи и содержания из Священного писания взятым свидетельством означена, и с реестром самых нужнейших российских слов, которой российскому юношеству вместо словаря на пяти языках служить может/[Пер. И. М. Шадена]. [М.]: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. 576 с.

114. *Коменский Я. А.* Зрелище вселенная, на латинском, русском и немецком языках, изданное для народных училищ Российской империи по высочайшему повелению царствующия императрицы Екатерины Вторья. СПб.: [Тип. Брейткопфа]. 142 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ.

115. *Коменский Я. А.* Зрелище вселенная, на французском, русском и немецком языках. СПб.: [Тип. Брейткопфа]. 142 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ.

116. Краткая логика, или Умословие, служащее в пользу российскому юношеству/Переведена с немецкого языка [Сергеем Адриановским]. [М.]: Иждивением А. Светушкина, 106 с.

117. *Ленц И. Я.* Краткое понятие о мифологии или о древних языческих богах и баснях, сколь оныя необходимы для учащихся, к разумению греческих, а особливо латинских писателей, также новых стихотворцев, медалей, живописей и резных изображений, и сколь оныя нужно знать художникам, чтоб они могли делать такие изображения надлежащим образом. Сочинение г. И. И. Ленца. /Перевел с немецкаго Императорскаго Московскаго университета студент Степан Орлов. М.: Тип. при Театре у Х. Клаудия. 86 с.

118. Новая немецкая азбука, купно с сокращенною немецкою этимологиєю... М.: Тип. Пономарева Разыскиваемое издание.

119. *Сигизбек Я. А.* Наставление к немецкому чтению. 3-е изд. Спб.: Морской шляхетный кадетский корпус. Разыскиваемое издание.

120. Учебная книга для юношества, начинающего учиться немецкому языку. М.: Тип. Компании типографической. 147 с.

121. *Фельбигер И. И.* О должностях человека и гражданина, книга, к чтению определенная в народных городских училищах Российской империи, изданная по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья. 4-ое тиснен. СПб.: [Тип. Брейткопфа], 180 с. 122. *Формей Ж. А. С.* Краткое понятие о всех науках для употребления юношества. 3-е изд., исправлено и умножено с прибавлением главы о музыке и нотах. М.: В Тип. Компании типографической. 331 с. Текст параллельный на французском и русском языках.

123. *Формей Ж. А. С.* Краткое понятие о всех науках для употребления юношества. Изд. 3-е, исправлено и умножено с прибавлением главы о музыке и нотах. М.: В Тип. Компании типографической. 161 с.

124. *Шлецер А. Л.* Предуготовление к истории для детей. /Перевод с немецкого Дмитрия Риттерслебена. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова. 74 с.

1789

125. *Агентов М. И.* Краткая немецкая грамматика из разных авторов в пользу российского юношества ... 3-е изд. с прибавлением Синтаксиса. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Н. Новикова.

126. *Блемер М.* Новый способ обучать малолетних детей чтению играючи... Leipzig: Bey Johann Gottljb Immanuel Breitkopf. 16 с.

127. [*Вильль Г. А.*] Свет зримый в лицах... 2-ое тиснен. СПб.: [Тип. Акад. наук]. 400 с.

128. *Вегелин Ж. Ф.* Новые немецкие и российские разговоры, разделенные на 130 уроков для употребления юношеству и всем, начинающим учиться. М.: Тип. Комп. типографической. 357 с.

129. *Вольке Х. Г.* Сто естампов господином Даниилом Ходовицким начертанных к облегчению и приятному упражнению в языках и науках, с описанием французским, немецким и латинским. В 2-х частях. St. Petersburg: [Тип. Сухопутн. шляхетн. кад. Корпуса].

130. *Додсли Р.* Наставник или Всеобщая система воспитания преподающая первые основания учености. Сочинение англиское в дванадесяти частях. С немецкаго языка на российский переложено 1788–1791 года [М. И. Веревкиным]. В 12-ти частях. СПб.: Тип. Горнаго училища.

131. *Додсли Р.* Учитель или Всеобщая система воспитания, в которой предложены первыя основания наук особенно нужных молодым людям. В 12-ти отделениях. /Перевод с 3-го немецкаго изд., исправленнаго и умноженнаго профессорами Иоганном Маттиасом Шреком и Иоаганном Иакобом Эбертом. [Перевел А. А. Петров]. В 3-х частях. М.: В Университетской типографии у Н. Новикова.

132. Забавные вечера, или Собрание нравственно-увеселительных детских сказок, говоренных наизуст по вечерам/переведены с немецкого языка Санктпетербургскаго водоходнаго училища студентом Козмою Голубьянским. Во граде св. Петра: Печ. у Вильковскаго. 154 с.

133. Естественная история главнейших суших животных для детей от Друга детей./Перевод с немецкаго. Москва: Университетская типография у Н. Новикова. 171 с.

134. *Кампе И.-Г.* Краткая психология или Учение о душе для детей. Сочинение славнаго г. Кампе/Пер. В. С. Подшивалова. М.: Унив. тип. у [Н. Новикова]. 237 с.

135. *Крамер И. М.* Образ добродетели и благонравия или Жизнь и свойства Геллерта, славнаго немецкаго писателя, описанные Иоганом Андреем Крамером, с присовокуплением Наставления от отца к сыну, отъезжающему в университет <...> Переведено с французскаго языка сенатским секретарем Александром Андреевым. СПб.: Печ. У Брейткопфа. 320 с.

136. Краткое руководство к познанию природы для детей, в училищах немецких преподаваемое./Перевод с немецкаго. М.: Унив. тип. у В. Огорокова. 136 с.

137. *Ланге И.* Школьные разговоры... 3-е тиснен. СПб.: При Имп. Акад. наук. 175 с.

138. *Родде Я. М.* Разные истории и нравочения в пользу обучающагося российскому языку юношества. Рига: У И. Ф. Гарткноха. 128 с.

139. *Уоттс И.* Умственная наука или Прямое употребление разума... В пользу юношества в Благородном пансионе при Императорском Московском университете/[Пер. с нем. яз. П. Сохацкий]. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у В. Огорокова. 227 с.

140. *Шалль И. Э. Ф.* Новая немецкая грамматика в пользу обучающагося юношества. СПб.: Тип. Имп. Сухопутн. кадетск. корпуса. 264 с.

141. *Шлецер А. Л.* Детской повествователь, кратко уведомляющий о некоторых главных переменах, происходивших на земном шаре с присовокуплением нескольких примеров к нравочению служащих./Перевел с немецкаго Е. Хомяков. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у В. Огорокова. 98 с.

142. *Шлецер А. Л.* Корень всемирной истории для детей./Перевод Э. Энгельсона. СПб.: Иждивением переводчика. 115 с.

1790

143. *Геце И. А. Э.* Краткое описание путешествия в пользу и увеселение юношества. Сочинение Иоанна Августа Ефраима Гетце, пастора церкви Св. Власия в Кведлинбурге./Перевод с немецкаго. М.: Тип. Компании типографической. 158 с.

144. *Рафф Х. Г.* Краткое начертание всеобщаго землеописания./Пер. с нем. Никиты Рахманова. Ч. 1. СПб.: При Имп. Акад. наук. 469 с.

145. Руководство к механике, изданное для народных училищ по высочайшему повелению царствующей императрицы Екатерины Вторья/Пер. М. Головина. СПб.: Тип. Брейткопфа. 188 с.

146. Эвфемиион, или Юноша, образующий сердце свое похвальными и достойными подражания примерами, служащее к приятному и поучительному наставлению для юношества/перевод с немецкаго [Степана Барташевскаго]. М.: Тип. Комп. типогр. 115 с.

147. *Якоби А. Ф. Э.* Геометрия для детей от 8 до 12 лет, желающих изострить свой разум... М.: Унив. тип. у В. Огорокова. 71 с.

1791

148. *Вольф Х.* Сокращения первых оснований математики. В 2-х частях. СПб.: Тип. Морск. шляхетн. кадет. корпуса.

149. *Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика. 4-е изд. М.: [Тип. Имп. Моск. ун-та у В. Огорокова].

150. *Греч И. М.* Готшедова немецкая грамматика. 3-е тиснен. СПб.: При Морск. кадет. шляхетн. Корпусе. 421 с.

151. *Гроссе Г.* Бергманново Естественное землеописание, сокращенное Готфридом Гроссе, а на российский язык с немецкаго переложенное и изданное в пользу российского юношества от Комиссии по учреждению училищ. В 2-х частях/[Пер. Карандашова и В. Ф. Зуева]. СПб.: Тип. Вильковского, содержателя типографии Комиссии об учреждении училищ, 1791–1794.

152. *Шванвиц М.* Немецкая грамматика. СПб.: При Имп. Акад. наук. 415 с.

1792

153. *Вегелин Ж. Ф.* Новейшая детская география или Самые нужные и удобные способы, первого основания к познанию географии, изъясляющие краткие толкования вопросами и ответами учителя и ученика. О находящихся во всех четырех частях земного шара империях, королевствах, графствах, республиках, о морях, озерах, реках границах и проч./Пер. с нем. Василия Муратова. М.: Тип. Ф. Гиппиуса. 209 с.

154. *Вегелин Ж. Ф.* Новые немецкие и российские разговоры, разделенные на 130 уроков для употребления юношеству и всем, начинающим учиться. М.: Тип. Селивановского и товарищей. 357 с.

155. *Вегелин Ж. Ф.* Отрок-географ. М.: Тип. Ф. Гиппиуса. 209 с.

156. Детские забавы или Собрание кратких повестей, разговоров и правоучений, служащих к увеселению и наставлению детей. В 2-х частях. М.: В Унив. тип. у Огорокова.

157. *Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика. М.: [б/м].

158. [*Дёрриен Х.-К.*] Небольшие сказочки для малолетних детей от четырех до семи лет возраста, переведенные и собранные и сочиненные. М.: Унив. тип. у В. Огорокова. 142 с.

159. *Кампе И.-Г.* Новый Робинзон, служащий к увеселению и наставлению детей, сочиненный г-м Кампе./Переведенный с немецкого на российский. Ф. Печерным. В 2-х частях. М.: В Унив. тип. у Огорокова.

160. Краткое описание нравов и обычаев римлян, изданное для употребления обучающегося юношества от Комиссии об учреждении училищ/[Перевел с нем. Т. П. Кириак]. СПб.: [Тип. Вильковского]. 294 с.

161. *Эрман Т. Ф.* Абалфораддин мудрец, рассказывающий своим питомцам нравоучительныя повести/перевел с немецкаго М [аксим] Ш [лыкков]. М.: Тип. Ф. Гиппиуса, 126 с.

1793

162. *Гакман И. Ф.* Краткое землеописание. 2-ое изд. СПб.: [Тип. Вильковского]. 175 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ.

163. *Гейм И. А.* Новая немецкая азбука или Первые начала немецкаго языка для нижних немецких классов университетских гимназий и Вольнаго благороднаго пансиона. Иждивением Христиана Ридигера, сына с товарищами. М.: Тип. Хр. Клаудия. Разыскиваемое издание.

164. *Гибнер И., Вагнер М.* Двести восемь Священных историй Ветхаго и Новаго Завета/[Пер. с нем. Ивана Харламова и Матвея Соколова]. По дозволению Императорского Московского Университета в пользу учащихся. Т. 1–2. М.: Печ. в тип. У Хр. Клаудия.

165. *Кампе И.-Г.* Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе, а с оного переведена г.***. В 2-х частях. 2-ое тиснен. СПб.: Иждивением Академии наук.

166. *Кампе И.-Г.* Нравоучение для малолетних благородных детей. Сочинение славного г. Кампе./Пер. с нем. М. В вольной тип. А. Решетникова. 192 с.

167. *Коменский Я. А.* Зрелище вселенная, на латинском, российском и немецком языках... 2-ое тиснен. СПб.: [Тип. Вильковского]. 142 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ.

168. *Коменский Я. А.* Зрелище вселенная, на французском, российском и немецком языках. 2-м тиснен. СПб.: [Тип. Вильковского]. 142 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ

169. *Курас Г.* Сокращение универсальной истории 3-е изд. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук [издание подготовлено в 1763 г.].

170. Новые немецкие разговоры, разделенные на 130 уроков с присовокуплением употребительнейших немецких речений, половиц и поговорок. Для употребления юношеству, желающему скорее изучить немецкий язык. Избранное из лучших писателей. М.: Тип. при Театре у Хр. Клаудия. 260 с.

171. Чудеса мироздания, изъясненные в разговоре учителя с учеником. Приятное и полезное чтение для детей/Пер. с немецкого И. К. М.: Тип. Исаака Зедербана. 44 с.

172. *Шниц Ф. Б.* Детская физика или Разговоры отца с детьми своими касательно до первых понятий Естественной науки./Пер. с нем. Г. О. Спб.: Тип. Имп. Акад. Наук. 186 с.

173. *Штой И. З.* Начальное руководство к наставлению юношества, или первые понятия о вещах всякого рода, выбранные из Базедова, Перольта и других лучших сочинителей, писавших о воспитании детей, представленные в картинах и расположенные систематическим порядком./Перевод с Французского. В 4-х частях. М.: Тип. при Театре у Христофора Клаудия иждивением Якова Бибера.

174. Произведение разума, или нравственные, замысловатые и приятные сказки, избранные из разных лучших немецких писателей/Перевод с немецких подлинников Н. П. В 2-х частях. СПб.: Печ. У Ф. Мейера, 1793–1794.

1794

175. *Вегелин Ж. Ф.* Новые немецкие и российские разговоры, разделенные на 130 уроков для употребления юношеству и всем, начинающим учиться. М.: Тип. Селивановского и товарищей. 355 с.

176. *Кейль И. Э.* Зеркало добродетели и благонравия для детей. Сочинение г. Кейля. Перевод с немецкого [И. Д. Дмитревского]. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия. 335 с.

177. *Мейснер А. Г.* Новая басни, собранные и расположенные для наставления юношества г-ном Мейснером; переведенная с нового исправленного немецкого издания 1794 года Васильем Богородским. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия. 191 с.

178. Начертание всеобщей истории в пользу упражняющихся в ней особ же в пользу юношества в Благородном пансионе при Имп. Моск. ун-те/Перев. с нем. А. Ханенко. В 2-х частях. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Ридигера и Клаудия.

179. Нравоучительные разговоры, драммы и сказочки, служащая к просвещению благородного юношества обоюбого пола, с приобщением некоторой части натуральной истории. М.: Тип. Пономарева. 376 с. (Пересказ. рассказов разных немецких авторов из книги, составленной и переведенной М. Э. Б. де Ла Фит: *Entretiens, drames et contes moraux, a l'usage des enfans*).

180. *Фогельманн Г.* Краткие правила, необходимо нужные для юношества, обучающегося латинскому языку. М.: Тип. Селивановского и товарищей. 112 с.

1795

181. *Белемер М.* Новый легчайший способ самому без помощи учителя учиться правильно по-немецки, содержащий в себе изображение, произношение и выговор в целых предложениях всех немецких букв с показанием их употребления, также разные полезные разговоры, приятные повести, нравоучительные письма с приобщением довольно собрания употребительнейших в общежитии слов. В пользу российского юношества. М.: Сенатск. тип. у В. Огорокова. 297 с.

182. *Блемер М.* Новый способ обучать малолетних детей чтению играючи и в самое короткое время, выдуманый Матвеем Блемером. б. м.

183. *Гакман И. Ф., Яковкин И. Ф.* Всеобщее землеописание... 2-ое тиснен. В 2-х частях. СПб.: Тип. Вильковского, 1795–1798.

184. *Гейм И. А.* Словарь немецко-русский и русско-немецкий старанием Иоганна Гейма, коллежского ассесора и Императорского Московского университета профессора и подбиблиотекаря. В 2-х частях. Рига: у И. Ф. Гарткноха.

185. *Гибнер И.* Сто четыре священных истории... 4-е тиснен. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Ридигера и Клаудия. 408 с.

186. *Кампе И.-Г.* Путешествие господина Бридоне чрез Сицилию и Мальту в 1770 году, дополненное из разных новейших путешествий, как-то г. Ридезеля, Швинбурна, Бартелса и других, снабженное примечаниями и полезными наставлениями для юных детей господином Кампе, и изданное оригинально славным господином Дюмунье./Перевод с немецкаго Андрея Тихомирова. Иждивением М. Глазунова. В 2-х частях. М.: Тип. Селивановского и товарищей.

187. *Кампе И.-Г.* Собрание любопытных и соответственно юношескому возрасту сочиненных путешествий, изданное г. Кампе./Перевод с немецкаго языка. В 4-х частях. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Ридигера и Клаудия, 1795–1798.

188. *Карл Л.* Небольшая натуральная история и некторыя повести для детей, изданы Л. Карлом/Переведены с немецкаго на российский язык А. З. с 59 изображениями различных зверей и 12 картинками для повестей. Иждивением П. В. М.: Тип. И. Зеленникова. 68 с.

189. Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света, с присовокуплением самого древнего учения о сфере, так же и начального для малолетних детей учения о землеописании. Сочинено и почерпнуто из вернейших источников, новейших лучших писателей учеными россиянами./[Пер. с нем] Иждивением книгопродавца Глазунова. В 5-ти частях. СПб.: При Имп. Акад. наук. Издание «Общества друзей словесных наук».

190. Немецкая азбука с приобщением собрания существительных и прилагательных имен, также глаголов, легких стихотворений и приятных повестей <...> для употребления российского юношества. М.: Тип. Селивановского и товарищей.

191. *Феддерсен Я. Ф.* Библиейская нравоучительная книжка для взрослых детей./Пер. А. Тургенева. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Ридигера и Клаудия. 121 с.

192. *Шмальц М. В.* Историческая игра для детей или Новый и самый легчайший способ под видом забавы обучать детей истории/Перев с нем. на рос. язык Михайло Брешкова. М.: Тип. А. Решетникова.

1796

193. *Бертух Ф. Ю.* Собрание любопытства достойных предметов для юношества и любителей естественной истории, содержащее в себе вырезанные на меди и живо-раскрашенные изображения животных, растений, цветов, плодов, минералов, одежд

разных народов, древностей и других вещей из трех царств природы, наук и художеств, с приложением краткого описания. Сочинение Ф. И. Бертуха. [Пер. Ф. В. Каржавина]. Ижд. книгопрод. И. Д. Герстенберга с тов. Т. 1. СПб.: Тип. И. К. Шнора. 232 с.

194. *Вегелин Ж. Ф.* Дитя-географ или Краткое введение в математическую и историческую географию и геометрию, разделенное на уроки, вопросы и ответы. С фигурами на французском и российском языках. Иждивен. Книгопродавца С. Никифорова. Ч. 1–2. М.: Тип. А. Решетникова. 168 с.

195. *Гейм И. А.* Новый и полный словарь. Первое отделение, содержащее немецко-русско-французский словарь, изданный Иваном Геймом. В 2-х частях. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1796–1797.

196. *Кампе И.-Г.* Детская библиотека изданная на немецком языке г. Кампе. Иждивением Селивановского. Ч. 3 и 4. М.: Тип. Селивановского.

197. *Кампе И.-Г.* Путешествие господина Бридоне чрез Сицилию и Мальту... В 2-х частях. М.: Тип. Селивановского и товарищей.

198. Новая немецкая азбука... М.: [Тип. Решетникова].

199. *Рафф Г. Ф.* Естественная история... 2-ое изд. СПб.: Ижд. Имп. Акад наук, печатано там же.

1797

200. *Кампе И.-Г.* Бесценный подарок для благовоспитываемых детей или Новая детская библиотека, заключающая в себе краткие трогательные повести, нравучительные сказочки, замысловатые басенки, занимательные разговоры и небольшие комедии, которых герои большею частью малолетние дети и их родители, воспитатели и наставники. М.: Унив. тип. у Ридигера и Клаудия, 242. 201 с.

201. Новое зрелище вселенныя, представленное из царств природы, искусства, нравов и обыкновенной жизни для детей обоего пола./Перев. с немецкаго В. Б[огородским]. Книга 1–3. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Ридигера и Клаудия. 1797–1798.

202. *Эберт И. Я.* Краткое руководство к физике. 2-ое тиснен. СПб.: Тип. Брунова. 141 с. Издание Комиссии об учреждении народных училищ.

1798

203. *Вицман А.* Учения, правила и нравучительные изречения на немецком и российском языке в подарок малым и взрослым детям. СПб.: [б\м]. 36 с.

204. *Гибнер И.* Сто четыре священные истории, выбранныя из Ветхаго и Новаго завета в пользу юношества... М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Ридигера и Клаудия.

205. Картинная галерея для детей к распространению их познаний и к удовлетворению их любопытства. С раскрашенными картинами./[Пер. с нем.]. СПб.: У И. Х. Гевверты. 130 с. Разыскиваемое издание.

206. *Мейнерс К.* Способ читать, замечать и сочинять в пользу молодых людей, предложенный г. Мейнерсом/[Пер. с нем. Ив. Леонтовича]. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Ридигера и Клаудия. 79 с.

207. *Рафф Х. Г.* Краткое начертание всеобщего землеописания./Пер. Н. Рахманова. Ч. 1. СПб.: [б\м].

208. [*Гизель Иннокентий*] Синописис. 8-ое тиснен. СПб.: При Имп. Акад. наук.

1799

209. *Альбрехт Э. Г.* Книга, заключающая в себе Чудеса, Учения, Житие и Страдание Иисуса Христа и служащие руководством для детей, начинающих обучаться христианскому закону./Пер. с нем. И. Виноградова. СПб.: [б\м]. 188 с.

210. *Гейм И. А.* Новый российско-франко-немецкий словарь, составленный по Словарю российской Академии Иваном Геймом. Т. 1–3. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Ридигера и Клаудия.

211. Полезная детская забава, содержащая приятныя поучения, забавныя повести, басни и пословицы на четырех языках: российском, французском, немцком и английском. СПб.: Тип. Ф. Мейера. 355 с.

212. *Фабиан И. А.* Новая немецкая грамматика. Рекомендовано для всякого рода училищ. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у Ридигера и Клаудия. 218 с.

213. *Феддерсен И. Ф.* Житие Иисуса Христа, сочиненное для детей Иаковом Фридрихом Феддерсеном. /Пер. с нем. Ив. Калязин. 2 изд. 169 с.

214. *Шрекк И. М.* Всеобщая история Шреккова вновь переведенная... Ч. 1–2. Владимир: Тип. губернского правления. Ч. 1–2.

1800

215. *Гейм И. А.* Словарь немецко-российский и российско-немецкий старанием Иоганна Гейма <...> Рига: Тип. И. Ф. Гарткноха. 2308 с.

216. Карманная книжка для размышляющих юношей, служащая к приятному и полезному их упражнению с двадцатью одной гравированными картинками. /Перевод с немецкаго [В. Богородского]/Изданием К. С. Н. М.: Губ. тип. у А. Решетникова. 351 с.

217. *Ланге И.* Школьные разговоры. 3-е изд. М.: Губ. тип. у А. Г. Решетникова. 216 с.

Издания, вышедшие без указания года

218. *Гельтергоф Ф.* Немецкая грамматика. 2-ое изд. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та у В. Окорочкова. 360 с.

219. *Кампе И.-Г.* Детская библиотека, изданная на немецком языке господином Кампе, а с оного переведена г.***. В 2-х частях. 3-е тиснен. СПб.: Изданием Академии наук, не позднее 1799 г.

220. *Краммер М.* Новые французские, немецкие и российские разговоры Матвея Крамера. М.: [Сенатск. тип.]. 212 с.

С. Маслинская

ГЕНРИХ ВОЛЬГАСТ И РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 1910–1930-е гг.*

В статье изучается влияние идей Г. Вольгаста на отечественную теорию детской литературы. Реакция на книгу Г. Вольгаста продемонстрировала, что для общества критиков детской литературы в России 1910-е гг. стали десятилетием, в которое педагоги детского чтения самоопределились как профессиональная группа. Критики в заочных спорах с Г. Вольгастом устанавливали границы отечественной науки о детской литературе, вырабатывали понятийный аппарат и конструировали пантеон собственных авторитетных критиков. В 1920-е гг. концепция Г. Вольгаста не имела публичных сторонников, однако в начале 1930-х гг. в момент реставрации дореволюционных представлений о детской литературе идеи Вольгаста снова стали востребованы.

Ключевые слова: русско-немецкие связи в детской литературе, Генрих Вольгаст, теория детской литературы, Е. Елачич, В. Мурзаев, М. Горький, С. Маршак.

В первое тридцатилетие XX в. отечественная теория и критика детской литературы переживали, пожалуй, самый интересный этап своего развития. Именно в это тридцатилетие состоялись принципиальные дискуссии о содержании и функциях детской литературы. Если до конца 1890-х гг. дискуссии о детской литературе в основном располагались в педагогическом дискурсивном поле, то постепенно, и особенно в 1910-е гг., детская литература становится объектом осмысления в литературоведческих категориях. Заметным катализатором для развития категориального аппарата и стилистического арсенала теоретической мысли о детской литературе стало знакомство отечественных экспертов с трудами немецкого педагога Генриха Вольгаста (Heinrich Wolgast (1860–1920)).

Хорошо известно, что теоретические представления о детской литературе во второй половине XIX в., времени их появления, развивались на шкале «полезно/не полезно детям». В границах этих

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) «Педагогические идеи в детской литературе России и Германии» 17-06-00288.

категорий размышляли критики и педагоги, начиная с В. Белинского и заканчивая авторитетным критиком М. Цебриковой. Понятие «детской литературы» не рассматривалось в отрыве от понятия «детского чтения»: «Изначально критики, писавшие о детских книгах, видели свой предмет как неразделимое единство и тождество детской литературы и детского чтения. На первый план выходили проблемы формирования круга чтения, организации руководства чтением, педагогическая (воспитательная) функция детской литературы» [Сергиенко 2015, с. 77–78].

Как это ни парадоксально, такой подход задолго опережал достижения рецептивной эстетики в XX в. Эксперты в области детского чтения немало внимания уделяли тому, как именно воспринимает ребенок прочитанное, каким образом интериоризует воспринятое, и, что было наиболее важно для них, какие из этого можно извлечь воспитательные следствия. Впрочем, именно последняя линия (а не две первые), как хорошо известно, стала доминирующей при изучении детского чтения в России на рубеже XIX–XX вв.

В 1910-е гг. с появлением социологических методов изучения чтения к уже привычным возрастным типам читателя (наличие которых к этому моменту стало очевидно для экспертов), были добавлены другие критерии для выделения читательских групп: педагоги стали разрабатывать социальные и психологические аспекты в типологии читателей-детей. К сожалению, в 1920-е гг. эти аспекты советскими педагогами были вульгаризованы и сведены к классовым. Но вернемся немного назад: к моменту появления книги Генриха Вольгаста «Проблемы детского чтения», освоение которой в России не только способствовало самоопределению отечественной теории детской литературы в 1910-е гг., но и имело более дальние следствия в 1920–1930-х гг.

Знакомство с ней началось еще до переводов на русский язык. В Германии первое издание “*Das Elend unserer Jugendliteratur*” вышло в 1896 г. сразу в двух издательствах в Гамбурге и Лейпциге. До первого перевода в России книга выдержала три переиздания. С момента выхода в России в 1912 г. первого перевода [Вольгаст 1912] интерес к фигуре немецкого теоретика детской литературы стал еще более оживленным. Свидетельством тому вышедшее в 1919 г. второе издание книги (заметим, уже после революции) [Вольгаст 1919].

Если излагать пространные рассуждения школьного учителя Вольгаста (а на момент написания книги он работал в школе) тезисно, то их суть состояла в следующем: литература, которую читают

дети, должна быть высокого эстетического качества и по форме, и по содержанию, в то время как современная специально для детей написанная литература не соответствовала высоким стандартам, выдвигаемым Г. Вольгастом. На этом основании ей было отказано в существовании:

Однако, число детских книг, из которых молодежь могла бы извлечь пользу для своего знания и характера, ничтожно мало по сравнению с несметным множеством изданий, в несообразной форме осуществляющих цели научения и облагораживания. Для всякого ясно, какой нелепостью было бы развитие майского жука излагать в форме драмы или химический процесс в форме лирического стихотворения. <...> Поэтическое искусство не может и не должно служить вспомогательным для науки и нравственности орудием. Мы унижим его, если заставим его служить чуждым ему самому целям [Вольгаст 1919, 19].

Вольгаст выделяет основную функцию детской литературы — давать юному читателю наслаждение, «ибо наша задача — воспитать жизнерадостное поколение. <...> В этом случае большую помощь может оказать воспитание, конечная цель которого — содействовать личному счастью» [Вольгаст 1919, с. 29]. Такая позиция, с одной стороны, наследовала шиллеровскому представлению о назначении искусства, а с другой, опиралась на педагогический дискурс о принудительном приобщении человека к чтению (при игнорировании его социальных и психологических запросов). Как о теории Вольгаста пишет немецкий исследователь Карл Майер: «Сам процесс чтения в целом в его разнообразных основаниях остался вне предмета рассмотрения. Поэтому и ребенок в его психологических особенностях у Вольгаста занимает столь малое место, а социологические аспекты чтения и вовсе не принимаются в расчет» [Maier 1993, s. 247]. Действительно, основная критика концепции Вольгаста и его современниками, и историками теории чтения и искусства, сводилась к вопросу о пренебрежении фигурой ребенка-читателя.

Дидактичность позиции Вольгаста выглядела и анахронично, и в то же время парадоксальным образом демократично: немецкий теоретик между размышлениями о «высоком искусстве» предлагал сокрушить социальные перегородки между элитарным ребенком-читателем и ребенком-читателем из народа, надеясь на общем фундаменте высокохудожественной литературы возвести нового, эстетически развитого внесловного человека. Этот демократизм сочетался с идеей воспитать искусством каждого ребенка,

не особенно принимая во внимание его желания. При этом Вольгаст был против прямого воспитания сюжетным содержанием детской литературы (за что впоследствии был отторгнут в нацистской Германии, рассматривавшей детскую литературу как пропагандистское орудие). Воспитательная функция, но без воспитательного содержания — таков лозунг Генриха Вольгаста.

В России первые отзывы о книге Вольгаста были позитивными. Н. Тичер в своей статье с провокационным названием «Нужна ли специальная литература для детей?» [Тичер 1909] спустя 10 лет после выхода первого издания книги Вольгаста солидаризируется с ним и приводит несколько высказываний немецких литераторов в поддержку этой точки зрения.

Однако уже после выхода русского перевода спектр мнений о концепции Вольгаста расширяется, а оценка его теории становится более критической.

За последнее время разработка вопросов детского чтения особенно сильно продвинулась вперед если не в смысле ценности добытых результатов, то в смысле интенсивности работы. Перевод известной книги Г. Вольгаста «Проблемы детского чтения» и появление сразу двух библиографических журналов «Новости детской литературы» и «Что и как читать детям» красноречивее всего говорят об этом [Мурзаев 1913, с. 3].

Тем не менее, именно труд Вольгаста спровоцировал отечественных теоретиков высказаться по существу поставленных немецким учителем «коренных по своему значению вопросов. В чем сущность детской литературы? Имеет ли она право на существование и в каком виде?» [Мурзаев 1913, с. 4]. Наиболее категорично выступил Евгений Елачич, для которого, как и для многих его соратников, вопрос о специально детской литературе был весьма болезненным. Критик предпринимает попытку дискредитировать позицию Вольгаста и находит, с его точки зрения, убедительный аргумент: Вольгаст не придумал ничего нового. В своей статье с показательным названием «В защиту детской литературы» Елачич считает нужным указать, что идеи Вольгаста задолго до 1912 г. уже были высказаны в России:

При современном оживлении педагогической мысли и усилении интереса и внимания к вопросам детского чтения вполне естественно возникает переоценка критериумов, самих методов оценки детской книги, требований, к ней предъявляемых. Вспоминают воззрения старых авторов, сопоставляют с ними мнения авторов современных. И нередко

оказывается, что многое «новое» на самом деле совсем не ново. Стоит сопоставить некоторые из основных воззрений немецкого новатора, «революционера», Вольгаста с мыслями Белинского, чтобы убедиться, что многие из «новых» идей Вольгаста были лет за 50 до него высказаны и полнее и лучше Белинским [Елачич 1912–1913, с. 4].

Елачич с раздражением говорит далее о том, что следует различать рыночную (часто переводную) детскую литературу и хорошую собственно детскую литературу. В этом вопросе в 1910-е гг. у него найдется много сочувствующих критиков детской литературы. К этому моменту такое рассуждение было уже общим местом, переходящим на страницах педагогической периодики из статьи в статью. Конечно, были те, кто больше был ориентирован на высокохудожественную классику (Н. Саввин), но в большинстве своем эксперты сошлись на том, что «уже народилась новая книга, требующая к себе такого же уважения, как и всякое художественное произведение, потому что она — чистое искусство», как написал автор предисловия к русскому переводу Вольгаста, авторитетный педагог и психиатр Лев Оршанский [Вольгаст 1919, с. 5].

Интересно в рассуждении Елачича другое: он выдвигает в качестве предшественника Вольгаста не немецких педагогов и философов искусства (таких было предостаточно), а «нашего» Белинского. Тем самым он демонстрирует, что отечественная теория (детской) литературы уже давно задалась «коренными» вопросами и даже выработала ответы. Первенство, приписываемое Елачичем России, конечно, выглядит наивным. Но историк детской литературы в этом демарше Елачича может усмотреть заявку или претензию на национальную самостоятельность в разработке теории детской литературы.

И тут уже оказывается не существенным, что Белинский, размышляя о детской литературе, сам себе противоречил, что высказывал прямо противоположные суждения о том, какой должна быть детская литература (чем сильно запутал советских педагогов — толкователей его рецензий). Елачич и сам далее в своей статье исправляет Белинского, спорит с ним. Но это спор со своим классиком, который «все придумал раньше». Собственно в первые два десятилетия XX в. Белинский устами педагогической общественности будет сконструирован не только как главный критик всех времен и народов, но и как главный теоретик детской литературы. Для проходящей этап становления российской теории детской литературы нужен был свой отечественный авторитет, его место

заял Белинский, объем теоретических суждений которого несопоставим с трудами немецкого учителя Вольгаста.

Елачичу вторит В. Мурзаев: «...мы в сущности продолжаем держаться взглядов корифея русской критической литературы Белинского. Только требования, предъявляемые к детской книге, стали глубже и серьезнее» [Мурзаев 1913, с. 4]. За год до этого в другой своей статье, ссылаясь на «горячего защитника ребенка от вредной книги» Вольгаста, В. Мурзаев утверждал: «Хорошая детская книга не должна ни подделываться под вкусы юных читателей, ни снисходить к детям. Она не должна смотреть на вещи детскими глазами, ни говорить о ней детским языком. Худшее средство научить говорить иностранца по-русски — это говорить с ним *ломаным языком* (курсив автора. — С. М.)» [Мурзаев 1912, с. 254]. Действительно, Вольгаст в пересказе В. Мурзаева практически не отличим от Белинского, да и от многих критиков второй половины XIX в., писавших о детской литературе с менторских позиций.

Но в 1910-х гг. эта позиция была уже не столь популярной и далеко не всеми разделялась. Многие педагоги к концу второго десятилетия разводили детскую литературу и детское чтение и готовы были рассуждать о специфике адресата:

В детской литературе так же, как и во многом другом, можно идти одним из двух путей. Надо прежде всего установить, чем может быть предмет, т. е. в чем сущность специальной детской литературы, задачи ее, а потом уже говорить, нужна она или нет. Можно и наоборот, сначала установить сущность объекта, для которого нужен предмет, другими словами выяснить характерные особенности детского возраста, и потом установить, какими средствами может удовлетворить детская литература данный возраст, и наконец уже решать — нужна ли своя детская литература или нет. Противники поступают иначе. Они исходят из положения, какова детская литература в действительности, и, найдя ее плохой, отрицательно относятся к самому факту ее существования вообще [Бочкарев 1919, с. 11].

Очевидно, что в первые двадцать лет XX в. был проделан стремительный путь не только к признанию ребенка автономным самоценным субъектом чтения, но и интенсивно разрабатывались методики работы с юными читателями. Так, В. Мурзаев, продолжая осмыслять теорию Вольгаста, заметил: «Да и вообще всякое чтение должно быть, согласно новой точке зрения — творческим, сопровождаться более активным проявлением личного «я» ребенка — в виде

иллюстрирования, инсценирования и рассказывания прочитанного» [Мурзаев 1913, с. 6]. «Новая» точка зрения к 1923 г. уже была весьма серьезно подкреплена экспериментальной психологией, социологией чтения и новыми педагогическими методиками. Кружки рассказывания при библиотеках, детские театры, клубы и летние школы — в самых разных формах педагоги пытались понять специфику детского восприятия книжного (и не только) искусства.

Более того, книгоцентричность Вольгаста стремительно сдвигала позиции в пользу читателя: «В центре ставится не столько книга вообще, сколько отношение (активное) ребенка к книге, его восприятие, переработка, «вчувствование», говоря языком профессора Меймана» [Мурзаев 1913, с. 6]. В. Мурзаев ссылается на Э. Меймана, Н. Бочкарев на Ц. П. Балталона и В. Э. Фриденберга [Бочкарев 1919, с.11]. Если Эрнст Мейман, ассистент В. Вундта, соотечественник Вольгаста, был одним из заметных представителей экспериментальной педагогики Германии, то Ц. П. Балталон и В. Э. Фриденберг — отечественные педагоги, которые занимались изучением детской рецепции литературы, разрабатывали новые методики приобщения к чтению («воспитательное и творческое чтение»), иными словами были новаторами в области руководства детским чтением. И важнейшими категориями в их трудах являются эстетика и рецепция. Таким образом, разделяя озабоченность Вольгаста эстетическим воспитанием ребенка, отечественные педагоги продолжали экспериментально разрабатывать проблемы рецепции. Они не готовы были исключать ребенка из зоны своего пристального внимания и интереса.

Вольгаст отказал ребенку в праве на собственное чтение, ставя во главу угла эстетику, а не рецептивные особенности ребенка-читателя. На момент середины 1910-х гг. это было уже несовременно — спустя 20 лет после выхода книги на родине Вольгаста педагогический дискурс сильно изменился не только в Германии, но и в России. Тем самым немецкий теоретик «методом от противоположного» помог отечественным педагогам самоопределиться в отношении ребенка как самостоятельного читателя, обладающего правом на свою литературу.

Однако к концу 1920-х гг. ситуация поменяется вновь. Внимание к ребенку как объекту антропологического и психологического интереса будет заблокировано официальной советской педагогикой, так же как и запрос на эстетическое качество детской литературы¹. В исследовательской литературе многократно говорилось

о том, как чиновники Наркомпроса и Главолитпросвета во главе с Н. Крупской на протяжении 1920-х гг. последовательно формулировали новые педагогические задачи детской литературы, равно далекие и от эстетических идей Г. Вольгаста, и от экспериментов педологов. Если Л. Оршанский с почтением писал о педагогах 1910-х, прокладывающих «настоящие пути к чистому искусству» [Вольгаст 1919, с. 6], то советские чиновники образования шли в обратном направлении — детская литература снова становилась рупором воспитательных идей, поданных так же вульгарно, как и в нравоучительной прозе XIX в. или мещанской беллетристике первого двадцатилетия XX в., над которой потешались дореволюционные эксперты [см. об этом: Маслинская 2017].

Все 1920-е гг. продолжались модернистские и авангардные поиски. Поэты и писатели пробовали различные способы художественной выразительности: от стихотворного эпоса К. Чуковского до абсурдистской поэзии Д. Хармса, от фотографической прозы В. Бианки к документальному письму Н. Огнева. Мечта Белинского и Вольгаста сбылась: «то, что с удовольствием читает взрослый образованный человек, вообще есть художественное произведение» [Вольгаст 1919, с. 24]. Взрослые образованные люди 1920-х гг. с удовольствием читали и писали детскую литературу, протаптывали тропинку к «чистому искусству» помимо и поперек магистрали, вырубленной Н. Крупской. В 1928–1929 эти дороги пересеклись, на короткое время победила партийная точка зрения на литературу; но уже на I съезде писателей М. Горький и С. Маршак взяли реванш.

В битве за право детской литературы на эстетику, начиная с 1930-х гг., гибли лучшие — обэриуты. И одновременно М. Горький и С. Маршак заново открывали идеи Вольгаста для людей начала 1930-х гг., для которых примат эстетики уже не был столь очевиден, как для тех, кто читал первое издание Г. Вольгаста в русском переводе в 1912 г., и уж тем более для тех, кто прочли его в оригинале. В своих статьях и выступлениях начала 1930-х гг. оба организатора советской детской литературы (не отдавая себе отчета) не уставали цитировать Г. Вольгаста. Конечно, они на него не ссылались, и при этом их манифесты более всего были похожи на трактаты о главенстве красоты в культуре. Право на эстетику в условиях реставрации «культурности» в 1930-е гг. могло стать оберегом от репрессий, но не стало.

Примечание

¹ См. об этом: [Балина 2008; Хеллман 2013; Olich 2009].

Источники

Wolgast H. “Das Elend unserer Jugendliteratur” Ein Beitrag zur künstlerischen Erziehung der Jugend. Hamburg: Selbstverlag; Leipzig: Fernau in Komm. 1896.

Бочкарев Н. Основные вопросы детской литературы // Свободная трудовая школа. 1919. №3. С. 10–14.

Вольгаст Г. Проблемы детского чтения. Пер. с нем. К. Н. Д. и др.; С предисл. д-ра Л. Г. Оршанского. Санкт-Петербург: газ. «Школа и жизнь», 1912.

Вольгаст Г. Проблемы детского чтения. Пер. с нем. СПб.: Школа и жизнь, 1919.

Елачич Е. В защиту детской литературы // Что и как читать детям. 1912–1913. №1. С. 4–12.

Мурзаев В. Борьба с дурной книгой // Педагогический листок. 1912. №4. С. 251–260.

Мурзаев В. Народный учитель и детская книга // Народный учитель, 1913. №5. С. 3–6.

Тичер Н. Нужна ли специальная литература для детей? // Народное образование. 1909. №3. С. 293–300.

Исследования

Балина М. У истоков детской советской литературы: иллюзии и факты // В измерении детства: Статьи о детской литературе. Пермь, Пермский гос. пед. ун-т, 2008. С. 11–25.

Маслинская С. Наследство и наследственность: эволюция критики русской детской литературы 1910–1920-х годов // *Revue des études slaves*. 2017. Tome 88. Fascicule 1–2. P. 237–255.

Сергиенко И. Концепции педагогической критики XIX века в истории изучения детской литературы // *Детские чтения*. 2015. №8. С. 76–94.

Хеллман Б. Детская литература как оружие: творческий путь Л. Кормчего // Убить Чарскую...: парадоксы советской литературы для детей (1920-е — 1930-е гг.): сборник статей. СПб., Алетейя, 2013. С. 20–45.

Maier Karl Ernst. Jugendliteratur: Formen, Inhalte, pädagogische Bedeutung. Klinkhardt, 1993.

Olich J. Competing Ideologies and Children’s Literature in Russia, 1918–1935. How powerful actors attempted to establish cultural uniformity, how the process was contested, and how it failed. Saarbrücken: VDM Verlag Dr. Müller, 2009.

О. Симонова

ПОЛИТИКА ДЕТГИЗА В ИЗДАНИИ ПЕРЕВОДНОЙ КНИГИ ГДР В КОНЦЕ 1940-х — СЕРЕДИНЕ 1950-х гг.*

В статье рассматриваются механизмы отбора произведений литературы ГДР для перевода в Детгизе в конце 1940-х — середине 1950-х гг. В начале периода издательство публиковало немецких авторов, принятых во «взрослой» литературе СССР, а также классику и сказки. К середине 1950-х гг. в Детгизе стали выпускать современную немецкую детскую литературу. Важными критериями для перевода книги были: политическое лицо автора, правильное с идеологической точки зрения содержание произведения и его художественная ценность. Небольшие тиражи немецких книг и отсутствие переизданий определили их малую популярность в СССР в 1950-е гг.

Ключевые слова: Детгиз, политика издательства, редакция современной иностранной литературы, перевод художественной литературы, идеология, ГДР, немецкая литература.

Будучи центральным издательством, выпускающим литературу для детей в Советском Союзе, Детгиз обладал возможностями перевода и публикации современной иностранной детской литературы¹. В статье мы рассматриваем политику издательства при отборе произведений для перевода в самый начальный период становления стран народной демократии²: в конце 1940-х — середине 1950-х гг. Издательская деятельность Детгиза в области перевода детской литературы будет показана на примере литературы ГДР.

В настоящий момент русско-немецкие контакты в области книгоиздания для детей послевоенного времени практически не изучены. Единственным исключением можно считать диссертацию Д. А. Эльяшевича «Теория и типология книжных связей»: автор рассматривает книгоиздательские контакты СССР и ГДР на разных уровнях, но не ставит целью осветить политику Детгиза в сфере переводных изданий [Эльяшевич 1988]. Исследователь вводит

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) «Педагогические идеи в детской литературе России и Германии» 17-06-00288.

периодизацию связей СССР с ГДР в области издания и распространения книг для детей и юношества:

1) освобождение Германии от гитлеровского фашизма — до образования ГДР (1945–1949 гг.);

2) образование ГДР — до принятия итоговых документов Первого совещания издательств социалистических стран в Лейпциге (1950 г. — апрель 1957 г.);

3) совещание в Лейпциге — подписание в Москве межправительственного соглашения между СССР и ГДР о взаимной охране авторских прав (май 1957 г. — ноябрь 1973 г.);

4) дальнейшее развитие связей в большинстве сфер (декабрь 1973 г. — конец 1980-х гг.).

Сразу после войны в Лейпциге было создано издательство Советской Военной Администрации в Германии, которое печатало книги для Советского Союза в счет репараций [Камир 1988, с. 63]. Деятельность этого и других издательств ГДР, выпускавших детские книги, освещена в ряде статей Д. А. Эльяшевича и А. С. Тургаева [Тургаев, Эльяшевич 2016; Эльяшевич, Тургаев 2017]. Как показывают материалы редакционных совещаний в Детгизе, издательство отправляло для печати в ГДР лучшие издания: в апреле 1948 г. директор Детгиза К. Ф. Пискунов предложил скомпоновать список книг золотого фонда для печати в Германии [Симонова 2016, с. 178]. Хотя к 1949 г. связи достигли высокой степени интенсивности (по утверждению Эльяшевича), в этот период перевод современной немецкой литературы не осуществлялся.

Для второго периода, по мнению Эльяшевича, «характерно изменение структуры связей в области полиграфии»: советские издательства использовали полиграфическую базу ГДР, а в ГДР усваивали опыт советских художников. Импортированное из ГДР оборудование использовалось на советских полиграфических предприятиях, печатающих книги, в т. ч. издания Детгиза.

В третьем периоде получают развитие формы, рекомендованные лейпцигским совещанием 1957 г.: устанавливается прямая связь между Детгизом и Берлинским издательством детской книги (Der Kinderbuchverlag), развиваются контакты в области распространения книг, пропаганды и рекламы [Эльяшевич 1988, с. 14–15]. На совещании были утверждены документы о работе над совместными изданиями — положено начало новой практике в советском книгоиздании. Совещание стало действительно переломным этапом в отношении советских издательств к зарубежной книге: был

официально закреплён накопленный опыт в издании переводной книги и установлено более тесное взаимодействие. Нас прежде всего интересует время, когда начинают формироваться взаимоотношения Детгиза с зарубежными издательствами и в издательские планы Детгиза постепенно вводятся произведения переводной современной литературы — т. е. период до совещания.

ИЗДАНИЕ ПЕРЕВОДНОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В СССР: ПОДСТУПЫ

Сразу после войны в СССР на официальном уровне не проявляли внимания к переводу современной зарубежной литературы. Так, в издании «Советская печать в цифрах» фигурируют только переводы с русского на языки народов СССР, а переводы детских книг с иностранных языков, осуществленные в 1947 г., не упоминаются [Советская печать в цифрах 1948].

С 1949 г. тема жизни за рубежом становится одной из наиболее важных в детской литературе. Инициатива в навязывании темы детским авторам принадлежит министру просвещения А. А. Вознесенскому. Историк А. В. Фатеев пишет об обсуждении издательского плана Детгиза на 1949 г.:

Вознесенский расставил приоритеты, но после консультации с партийными работниками поменял их местами. <...> На третье место с девятого перескочила тема о жизни за рубежом. Вознесенский предусматривал воспитание молодежи на контрастах: одно дело — «социалистический строй», другое — «загнивающий капитализм». «Сейчас подростки часто не ценят величайших возможностей, которые дарит советская страна детям, — отмечал он. — Показ жизни трудящихся за границей имеет огромное образовательное и воспитательное значение» [Фатеев 2007, с. 140–141].

Итак, холодная война стала неотъемлемой частью пропаганды в детской литературе: «Школьники должны были осознать “преимущества социализма” и превосходство советских людей перед эксплуататорскими классами Запада, проникнуться уважением к борющимся за демократию и свободу народам. Классовая борьба “двух лагерей” была стержнем, на который нанизывались все остальные вопросы произведений» [Фатеев 2007, с. 271]. По мнению Е. А. Добренко, соцреалистическая культура существовала в пространстве насилия, в сверхполяризации (полюсы добра и зла) «формируется “семантическое” милитарное поле с образом врага, культом борьбы, войны и силы» [Добренко 2000а, с. 34].

Именно в области официальной идеологии возникла потребность в издании переводных произведений литературы стран народной демократии. Сугубо утилитарный подход к изданию переводных книг проявился в заявлениях руководителей Детгиза. К. Ф. Пискунов в докладе на Комиссии по детской литературе ССП говорил о работе Детгиза в 1949 г.: «Разоблачая мир капитализма, мы должны противопоставить ему в сознании наших школьников мир народной демократии и социализма, жизнь тех стран, которые ныне вырваны из плена империализма, и, учась на примере великого Советского Союза, строят новую свободную жизнь»³. Таким образом, после войны произошло четкое разделение зарубежных стран по принципу союзничества с СССР, который, географически расширив зону влияния в мире, получил широкие возможности распространения социалистических идей. Страны народной демократии представляли теперь верными учениками Советского Союза.

В декабре 1950 г. в Детгизе было издано Положение об экспериментальных работах в издательстве по созданию новых книг, согласно которому отныне с молодыми авторами и переводчиками заключались договоры на работу над книгами по первостепенным темам (книги о вождях, ученых, школе, пионерской и комсомольской организации, жизни стран народной демократии, фантастической и научно-художественной литературы)⁴. Одним из пунктов было создание пробных переводов и подстрочников произведений братских народов СССР и стран народной демократии. Таким образом, документ внутреннего пользования Детгиза закрепил издание переводной литературы как одну из приоритетных задач, но на выпуске книг это стало отражаться не сразу.

В 1951 г. Дом детской книги (ДДК) собирает предложения школьников, педагогов и библиотекарей к перспективному плану Детгиза. «Страны народной демократии и Китайская народная республика» выделены в отдельный пункт: читатели хотели бы прочитать о детских и молодежных организациях этих стран, о жизни детей, о том, «как они вместе с отцами и братьями боролись за свою свободу», о партизанском движении во время Второй мировой войны, о дружбе с советскими школьниками, «о Демократической и Западной зонах Германии (о школах)»⁵. Больше всего пожеланий касалось информации о жизни китайских детей (в связи с политическим сближением с Китаем в это время). Показательно, что одной из книг, удовлетворивших этот запрос, была немецкая повесть «Железный буйволенок» Алекс Веддинг — она вышла в Детгизе в 1955 г.

«БОРЬБА ЗА МИР» НА ПОЛЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

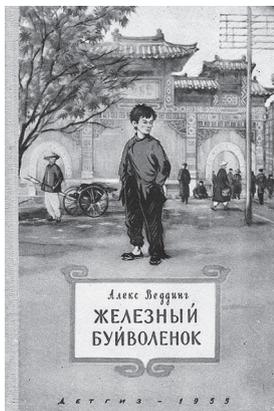
В русле холодной войны одной из ведущих тем, навязываемой писателям партийным начальством, становится тема борьбы за мир. Детгиз последовательно воплощает эту идею. В 1949 г. прервана издававшаяся с 1941 г. серия «Военная библиотека школьника». С середины 1951 г. отношения с капиталистическими странами начинают смягчаться, и «в силу изменения международной обстановки»⁶ дирекция Детгиза в 1951 г. при подготовке переиздания сборника рассказов Ю. В. Сотника «Невиданная птица» снимает рассказы «Важное донесение» и «Белая крыса», входившие в издание 1950 г., в которых описываются военные игры пионеров. С середины 1953 г. М. Маленков начинает сокращать военное производство, а 1954–1958 гг. «стали редким для советской истории периодом снижением военных расходов» [Быстрова 2009, с. 40].

В перспективном плане Детгиза на 1952–1956 гг. поставлена цель «максимального и ежегодного расширения издания классической литературы стран народной демократии»⁷. Современная литература продолжала способствовать созданию у детей «правильного взгляда» на мир, разделенный на два противоборствующих лагеря. Главный редактор Детгиза В. Г. Компаниец отмечал:

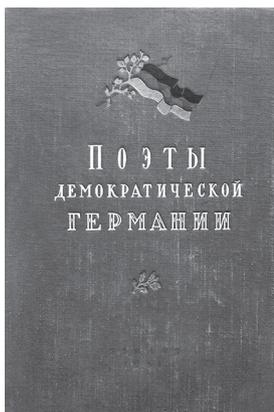
Большое место в плане издания современной литературы отводится литературе, знакомящей наших читателей с жизнью стран народной демократии, Народного Китая, демократической Германии, а также раскрывающей перед юным советским читателем черные стороны жизни капиталистического общества, положение трудящихся в странах империализма и борьбу передовых прогрессивных людей мира за светлое будущее человечества⁸.

В этой системе образов СССР предстал миролюбивой державой, несущей добро другим странам, а потому яростно борющейся против капиталистических стран. Как отмечает Е. А. Добренко, борьба за мир становится войной за мир, «“великая сталинская битва за мир” была прежде всего борьбой с “врагами мира” — “поджигателями войны”. Это действительно была битва» [Добренко 1993, с. 400]⁹.

Сражение разворачивалось в основном на поле словесности. «Борьба за мир, прежде всего, была дискурсом о борьбе за мир» [Орлова 2007, с. 76], поэтому художественные произведения становились наиболее естественным ее проявлением. В 1951 г. в Гослитиздате выходит сборник стихотворений с «эталонным» названием

Обложка книги «Железный буйволенок» Алекс Веддинг (Детгиз, 1955)

Обложка сборника стихов «Поэты демократической Германии» (Детгиз, 1951)

«Поэты мира в борьбе за мир» (под общ. ред. С. Я. Маршака).

Детгиз вносит свою лепту в дело борьбы за мир сборником «Поэты демократической Германии» (1951), представляющим стихотворения современных поэтов-антифашистов (И. Р. Бехера, Б. Брехта, К. Шнога, Г. Циннер, С. Хермлина, Х. Ломмера, Кубу (псевдоним Курта Бартеля), Ф. Вольфа, Э. Вайнерга, Э. Буша и др.), а также жертв фашизма: Э. Мюзамы, А. Кукхофа, Х. Шульце-Бойзена. Патетический тон сборника предопределен открывающим его Гимном Германской Демократической Республики. Созданные в разных жанрах стихи (колыбельные, кантаты и песни, листовки, призывы и разговоры в стихах, политические сонеты, баллады и пр.) проникнуты пафосом борьбы с прежним строем и славословиями Советскому Союзу и Сталину. В произведениях описывается, как пытали и расстреливали коммунистов, как вели себя гитлеровцы, как прогрессивные немцы жаждали победы СССР. Современное общество предстает разделенным на два лагеря: поэты разоблачают капиталистов и новых поджигателей войны, проклинают Америку. Стихи полны призывов к активному отстаиванию мира, борьбе против аполитичности, за которой скрывается приверженность старым порядкам: «Кому свобода дорога — /Сумей узнать лицо врага/в лице «аполитичном»! (Карл Шног), и даже порицания гуманизма: «И, тогу гуманности пышно влача, /За ней ты скрываешь топор палача» (Гедда Циннер) [Поэты... 1951, с. 188; 197]. Сборник критики одобрили и рекомендовали регулярно издавать подобные книги [Савицкий 1951]. В 1954 г. выходит издание такого же характера: сборник поэзии и прозы «Вот она, весна!», представляющий

в основном тех же немецких авторов и идеологически следующий задаче противопоставления прошлого немецкого народа и наступившей «весны» страны.

В проекте тематического плана Детгиза на 1953 г. «специальный раздел» отведен переводам книг писателей стран народной демократии¹⁰. Но из современной немецкой литературы в этом году выходит только сборник «Здравствуй, будущее!» А. Зегерс. В него вошли отрывки из антифашистских романов писательницы, публицистика и рассказы о детях борцов против фашизма. В СССР общий тираж произведений Зегерс, получившей в 1951 г. Международную сталинскую

Обложка книги «Здравствуй, будущее!» Анны Зегерс (Детгиз, 1953)

премию мира, к середине 1950-х гг. достиг миллиона экземпляров [Рудомино 1955, с. 30]. В Детгизе пока робко пытаются понять, какие из немецких книг можно издавать, предпочитая авторов, принятых во «взрослой» литературе СССР. При этом на словах все предстает гораздо грандиознее: в отчете об итогах 1953 г. подчеркнуто, что «все шире и шире становится выпуск литературы прогрессивных писателей мира, что имеет особую важную сторону»¹¹.

Итак, в послевоенный сталинский период Детгиз не выпускал современную немецкую литературу для детей. Печатались упомянутые выше острополитические, проникнутые социальным пафосом произведения писателей-антифашистов, пишущих для взрослого читателя. Кроме того, регулярно издавались большими тиражами классика (И.-В. Гёте, Ф. Шиллер) и сказки (братья Гримм, В. Гауф). В целом же отмечалось практически полное отсутствие переводов современной литературы ГДР [Рудомино 1955, с. 31].

РЕДАКЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДЕТГИЗА: НАЧАЛО РАБОТЫ

Заметная активность и изменения в книгоиздании начались после смерти Сталина. 3 апреля 1954 г. состоялось совещание заведующих редакциями Детгиза, посвященное «перестройке работе редакций с учетом высказанных пожеланий на совещаниях в Министерстве и критики на XII съезде комсомола»¹². Участники собрания рассказывали о том, что в плане изданий будет отвечать

новым задачам, поставленным перед издательством. Заведующий редакцией классической литературы Б. В. Лунин в своем выступлении обнажил подчиненность детской литературы политике: «Мы ставим перед собой задачу о решении каких-то политических моментов через издание классической литературы, выпустить ряд сборников и по странам народной демократии и суметь выделить отдельные яркие сказки. <...> К юбилеям Шиллера и Мицкевича мы должны дать книжки»¹³. Вместе с тем начинают выпускаться уже полюбившиеся детям книжки. Помимо юбилейных изданий в 1955 г. Детгиз планирует выпустить давно не переиздававшуюся классику зарубежной детской литературы («Щелкунчик и мышиный король» Э.-Т.-А. Гофмана, рассказы Э. Сетона-Томпсона, «Маугли» Р. Киплинга и др.). Планируются и произведения «прогрессивной литературы мира»¹⁴.

В начале 1955 г. проходило Всесоюзное совещание работников издательств и полиграфической промышленности. Известный редактор и книговед А. Э. Мильчин (1924–2014) вспоминал:

Совещание это прошло в Колонном зале Дома союзов 14–19 февраля 1955 г. Оно было большим событием в жизни отрасли. Поэтому Главиздат Министерства культуры, которому в то время подчинялась книгоиздательская отрасль, старался не ударить в грязь лицом. Ко всему прочему было известно, что в совещании должен принять участие В. М. Молотов, тогда заместитель Председателя Совета министров СССР, опекавший отрасли культуры. Это поднимало статус совещания. Можно было рассчитывать на укрепление материальной базы [Мильчин 2016, с. 154].

В Детгизе серьезно отнеслись к подготовке доклада: 28 декабря 1954 г. было проведено редакционное совещание, на котором заведующие редакций высказывали свои предложения по улучшению работы издательства. Относительно издания переводной литературы были высказаны следующие предложения.

1) Необходимость издания иностранной литературы для детей и получения книг на иностранных языках, для этой цели нужно использовать издательство, занимающееся изданием литературы для детей на иностранных языках.

2) Организация систематической информации о зарубежной литературе.

3) Организация в крупных издательствах специальных редакций иностранной литературы, требующая особых знаний, подготовки, изучения кадров переводчиков и консультантов.

4) Создание обменного книжного фонда для получения зарубежной литературы и литературы стран народной демократии.

5) Создание центра для осуществления связи с иностранными писателями и фирмами.

6) Дополнение перспективного плана Детгиза книгами западных писателей¹⁵.

Тогда же, после состоявшегося 15–26 декабря 1954 г. Второго съезда советских писателей, К. Ф. Пискунов оглашает идею необходимости создания в Детгизе самостоятельной редакции, которая бы искала и переводила произведения иностранной литературы¹⁶. Она была создана в середине 1955 г.. Заведующим был назначен квалифицированный работник Борис Тимофеевич Грибанов¹⁷. Он, будучи профессиональным знатоком литературы¹⁸, сумел наладить работу редакции. Материалы редакции позволяют проследить политику издательства в отборе зарубежной литературы для перевода.

Осенью 1955 г. Пискунов разослал письма в ряд учреждений (в/о «Международная книга», IV европейский отдел МИД, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС)) с просьбой о содействии «в получении информации о книгах зарубежных писателей, представляющих интерес для издания в Советском Союзе»¹⁹. ВОКС должен был выступить в качестве посредника, обратиться за информацией к Обществам дружбы с Советским Союзом за рубежом. Также Детгиз просил образцы книг для ознакомления и перевода. «Международная книга» обещала передавать Детгизу поступающие в Импортную контору объединения бесплатные каталоги, проспекты и пр. Каталоги готовых к поставке изданий зарубежных стран были предоставлены Детгизу сразу же. В списке писателей ГДР фигурировали авторы, переводившиеся в эти годы в СССР для взрослых читателей: Э. Клаудиус, С. Хермлин, Куба и др.²⁰

Детгиз последовательно осуществлял поставленную цель: издание переводной литературы. В 1956 г. был расширен раздел плана Детгиза по современной иностранной литературе²¹, а в проекте плана Детгиза на следующий, 1957, год значилось 64 новых книги по редакции иностранной литературы — больше, чем по любой другой²².

В феврале 1956 г. из Министерства просвещения в подведомственный Детгиз поступили данные о размере гонораров в зарубежных странах, в соответствии с которыми следовало рассчитывать выплаты иностранным писателям. В издательстве идет трудный

отбор книг для печати. В том же месяце ВОКС посылает в Детгиз книги, полученные от Общества германо-советской дружбы, существовавшего в Берлине с 1947 г. (советский аналог создан только 10 лет спустя): «Ганс Бехайм» А. Веддинг, «Трини» Л. Ренна и «SOS — летающие блюдца» Р. М. Валлисфурта (Wallisfurth)²³, писателя, который первым из западногерманских журналистов объехал СССР в 1950-е гг. Итак, вышедший в 1958 г. «Трини» Ренна был рекомендован Детгизу Обществом германо-советской дружбы. Видимо, роман, в котором описывалась борьба мексиканских крестьян за независимость, отвечал идеологическим соображениям редакции издательства.

ВОКС пересылает и книги западногерманского издательства Voje Verla²⁴: правда, из шести присланных книг (немецких писателей Эммы Гюндель (Emma Gündel), Гюго Кохера (Hugo Kocher) и австрийца Фридриха Фельда (Friedrich Feld)) ни одна не вышла на русском языке.

В 1956 г. Главиздат посылает Детгизу список из 9 книг, изданных издательством Der Kinderbuchverlag. Это были произведения немецких коммунистических писателей, некоторые из них посвящены лидерам немецких коммунистов (В. Бартель «Наш президент Вильгельм Пик», И. Вестер-Тельман «Эрнст Тельман»). Только одна книга из списка — роман «Тинко» Эрвина Штриттматтера (1954), удостоенный Национальной премии ГДР в 1955 г., — была издана в Детгизе в 1956 г. Таким образом, издательство не стало предлагать

Обложка книги «Тинко» Эрвина Штриттматтера (Детгиз, 1956)

детям произведения, посвященные немецким политическим деятелям²⁵. Как видим, редакцией был выбран наиболее подходящий к возрасту читателей и пользующийся огромной популярностью в ГДР роман. Несмотря на установленные с 13 сентября 1955 г. дипломатические отношения между СССР и ФРГ, западногерманские писатели пока оставались под негласным запретом.

Еще до подписания лейпцигских договоров Детгиз устанавливает горизонтальные связи с зарубежными издательствами: в 1956 г. они обменивались информацией, планами, книгами для перевода. Для ознакомления с работой

Детгиза приезжали работники ряда издательств, в т. ч. главный редактор издательства Kinderbuchverlag Ф. Родриан. В 1956 г. группа директоров советских издательств посетила Берлин и Лейпциг. Во время поездки они узнали, что многие советские издательства уклонялись от связей с издательствами ГДР, пренебрежительно относясь к письмам и просьбам, и только два издательства откликнулись на предложения обменяться планами — «Молодая гвардия» и Детгиз²⁶. Настороженное отношение в СССР к просьбам и предложениям дружбы, поступающим с немецкой стороны, вообще характерно для начала 1950-х гг. [Ватлин 2009, с. 185]. Детгиз одним из первых стал налаживать контакты с зарубежными партнерами.

РАБОТА ПЕРЕВОДЧИКОВ

Самым распространенным способом представления иностранных книг в Детгизе были предложения от переводчиков, которые помещались в специальную папку «Творческие заявки переводчиков и составителей». Механизм отбора произведений зарубежных авторов для перевода раскрывает редактор Детгиза Г. Языкова в письме М. Г. Ратовской в апреле 1957 г.:

Вы спрашиваете также, как производится отбор произведений. Произведения для перевода отбирает редакция с помощью квалифицированных специалистов-переводчиков (кстати, в области немецкой литературы таких переводчиков очень много), которые постоянно следят за литературой страны, хорошо ее знают.

Новинки детской литературы поступают из издательств Германии в библиотеки, а также в магазины иностранной книги, где их можно приобрести²⁷.

Действительно, некоторые книги, используемые для перевода, переводчики брали в Библиотеке им. Ленина, куда они попадали из-за рубежа по межбиблиотечному абонементу.

Статус переводчика определенным образом влиял на продвижение книги в печать. Так, сказка австрийского писателя Ф. Зальтена «Бэмби», по мотивам которой уже был снят мультфильм компанией Уолта Диснея, переводилась известным писателем Ю. М. Нагибиным. Он сделал пересказ произведения (вышел в 1957 г.), в связи с чем гонорарная ставка была повышена²⁸. Когда же не связанные с издательством переводчики предлагали свои услуги, сотрудники Детгиза отказывали им, объясняя, что на утвержденные в плане книги переводы уже заказаны. Так, в ноябре 1955 г. Н. и Ю. Федосюк послали в Детгиз перевод сказки

Ф. Вольфа «Зайчик кувыркальчик», в ответе редакции было сказано, что «сказки этого автора, в т. ч. присланная, уже включены редакцией в план изданий»²⁹. Но, хотя в рекомендациях автор не нуждался (его произведения выходили в СССР еще в 1930-е гг.), эти переводы так и не вышли в Детгизе; сказки впоследствии публиковались только на немецком языке³⁰.

Зачастую судьба книги зависела от того, кто ее переводил. Письма А. Ломана — яркий и единственный найденный нами пример того, как переводчик настойчиво пробивал свои переводы в издательстве. Александр Петрович Ломан (1909–1975), морской офицер, во время войны попавший в плен и организовавший там антифашистское сопротивление, в 1950-е гг. предлагал Детгизу свои переводы немецких книг об индейцах. Немало рвения автор потратил на убеждение редакции в необходимости издания этих произведений. В конце 1955 г. он обосновывал редакции Детгиза ценность переведенной им книги Анны Юрген “Blauvogel — Wahlsohn der Irokesen”. Повесть была написана в 1950 г. и в том же году получила первый приз на конкурсе книг для юношества Министерства народного образования ГДР. В 1955 г. повесть была переиздана в ГДР и, по словам переводчика, была не менее популярна, чем книги Купера и Майн Рида. Ломан прибегает и к необходимой для «прохождения» текста ссылке на классика марксизма: «О жизни ирокезов у нас за последнее время нет книг для юношества, а между тем этнографический материал об ирокезах был использован Энгельсом в “Происхождении семьи, частной собственности и государства”»³¹. Переводчик отметил богатый этнографический материал книги, присутствующий в ней показ высоких моральных качеств индейцев, что в целом определяет ценность повести «как в общепедагогическом, так и в познавательном плане»³². Ломан предложил прислать рукопись перевода для просмотра, интересуясь, «целесообразно ли это», т. е. стоит ли рассчитывать на публикацию. Переводчик инициировал изменение названия книги: «т. к. “Синяя Птица” — как-то уже обычно связано с Метерлинком М., я считал бы целесообразным назвать книгу “Георг — Синяя Птица, приемный сын ирокезов”»³³.

После принятия рукописи книги Юрген Ломан, ободренный успехом, предлагает редакции иностранной литературы Детгиза и другие книги об индейцах. В апреле 1956 г., представляя свои переводы, он пишет о том, что интерес к индейцам в ГДР, Франции, Англии и Западной Германии очень возрос (для примера приводились издания, вышедшие в последнее время в ГДР),

в то время как в СССР по этой теме практически ничего нет³⁴. Он предлагал издательству частично или начерно переведенные им книги об индейцах: «Сыновья Большой Медведицы» Л. Вельскопф-Генрих (1951) и роман Р. Дауманна «Татанка-Йотанка» (1955), так и не вышедший впоследствии на русском языке. Конечно, романы об индейцах имели познавательное значение для детей и пользовались у них спросом в качестве приключенческой литературы. Но прежде всего был важен политический аспект темы: в этих книгах индейцы обладали высокими моральными достоинствами, противоборствовали белым американцам, что было несомненно актуально для советского книгоиздания во времена холодной войны.

Ломан также сделал черновой перевод романа А. Веддинг «Необыкновенное приключение Каспара Шмека» (2-е изд. в ГДР под этим названием вышло в 1951 г.)³⁵. Переводчик считал, что он лучше повести писательницы о китайских детях «Железный буйволенок», хотя в Детгизе ответственно подходили к отбору переводной литературы: так, при утверждении последней книги на редакционном совещании издательства при положительных рецензиях редакторы потребовали собрать отзывы о книге в Китае³⁶. Ломан рекомендовал для перевода и рассказ А. Веддинг «Северное море зовет», позднее издававшийся в СССР только на немецком языке [Веддинг 1961]. Так, Ломан позволил себе дать характеристику изданиям Детгиза не в пользу последнего, что свидетельствовало об осознании переводчиком своего авторитета для издательства в оценке литературы. Показательно, что предлагаемая переводчиком литература не так давно вышла на языке оригинала, а значит, советские дети имели шанс познакомиться с новейшей книгой ГДР.

Как упоминалось, уже в 1956 г. Ломан начал переводить роман Лизелотты Вельскопф-Генрих «Сыновья Большой Медведицы» (1951), названный немецкими критиками пионерской работой в области соцреалистического приключенческого романа [Geschichte... 2002, с. 416]. Но в СССР «Сыновья Большой Медведицы» проходили в печать со скрипом. Видимо, тяготело укрепившееся насмотренное внимание к приключенческой литературе. В 1952 г. на Сессии Академии педагогических наук заместитель министра просвещения Л. В. Дубровина заявляла, что «книги приключенческого характера грешат против жизненной правды, нарушают принцип социалистического реализма»³⁷.

При этом именно в 1956 г. Детгиз приступает к изданию классики этого жанра в двадцатитомной серии «Библиотека приключений».

В 1963 г. А. П. Ломан с соавтором А. А. Девелем снова обращается в Детгиз с предложением издать книгу «Сыновья Большой Медведицы» Л. Вельскопф-Генрих. Они обосновывают необходимость издания этой книги политической ситуацией — обострением борьбы негров за свое положение. Это злободневная книга, «разоблачающая человеконенавистнические методы истребления целого народа». К этому времени книга была издана во всех странах социалистического лагеря³⁸. На русском языке только в 1970 г., уже после экранизации в ГДР, в Ленинградском отделении Детгиза выходит «Харка — сын вождя» — первый роман трилогии «Сыновья Большой Медведицы». Так, несмотря на активность и большое количество переводов, Ломану удалось выпустить в Детгизе только две книги.

ОТБОР КНИГ ДЛЯ ПЕРЕВОДА В ДЕТГИЗЕ

Итак, когда решался вопрос о публикации той или иной книги, прежде всего рассматривалась целесообразность перевода на русский язык и его издание в Советском Союзе. Отвергая книги, предложенные переводчиком с чешского, сотрудники Детгиза заявляют о том, что переводить их «нецелесообразно», так как издательство планирует издавать «более интересные и значимые произведения, рекомендованные нам Государственным издательством детской книги и Союзом писателей Чехословакии»³⁹. При этом указывалось, что издательство может издавать только 1–2 чешские книги в год, то же ограничение касалось и книг других стран. Экономически это было вызвано необходимостью расплачиваться с авторами в валюте, расход же валютных резервов страны строго контролировался.

Очевидно, что под термином «целесообразность» подразумевалось соответствие идейно-тематического состава произведения актуальной политической обстановке. Регулярно с высоких трибун раздавалась критика идеологических ошибок в отборе публикуемой литературы. Например, в докладе СССР на лейпцигской конференции 1957 г. было отмечено, что «советские издательства из-за недостатка информации иногда допускают ошибки при отборе литературы к переводу на русский язык и языки народов СССР» [Состояние... 1957, с. 14]. Поэтому выбор книг для перевода был ответственным и рискованным делом. Соответственно, рекомендованные переводчиками произведения априори вызывали больше сомнений, чем присланные организациями.

Другим ключевым термином, получившим распространение в официальных заявках редакторов Детгиза на издание книги, стал «безусловный интерес» книги для детей того или иного возраста. Так, казалось бы, акцент переносился с мнения партработника на мнение читателя, но на поверку термин оказывался простой отпиской: «безусловность» интереса подразумевала сложившееся решение редакции публиковать книгу.

Ответственным лицом, который мог рекомендовать к изданию иностранную книгу, являлся рецензент. Это утверждал министр культуры СССР Г. Ф. Александров в своем докладе на совещании 1955 г.: «Большая роль в правильной оценке рукописи принадлежит рецензентам и редакционным советам издательств» [Александров 1955, с. 37]. На практике мнение рецензента не всегда являлось определяющим. К концу 1950-х гг. книги для перевода с немецкого в Детгиз стало присылать Издательство иностранной литературы. В декабре 1957 г. Детгизом были отвергнуты повести Бенно Плудры «Хаим и Пауль» и «Перед большим плаванием» (премия Министерства культуры ГДР 1956 г.), Ганса Бухмана «Внимание! Сообщает...», сказки Анны Геельхаар «Надменная Гигака»⁴⁰. Книги были присланы с рецензиями: ст. н.с. К. Корецкая отметила высокие художественные особенности этих произведений и рекомендовала их к переводу, но в Детгизе приняли другое решение.

В издательстве был свой механизм проверки книги на соответствии. При отборе книги к печати прежде всего было важно политическое лицо ее автора. Так, разрешив редакции начать работу над рассказом английской писательницы Л. Берг «Приключения маленького Пита»⁴¹, дирекция Детгиза просила «заключить договор из экспериментальных средств на перевод, получив в ВОКСе подробные данные об авторе»⁴². Далее выдвигались требования правильного с идеологической точки зрения содержания. Само понятие «правильности» складывалось в эту эпоху из трех составляющих: партийность, народность, художественность [Добренко 2000б, с. 426]. «Правильность» с идейной точки зрения и художественность произведения были неразрывны и созависимы. Более того, как замечает Е. Добренко, именно художественность была в соцреалистической эстетике высшей степенью партийности, позволяла «узреть» в произведении партийность [Добренко 2000б, с. 427]. Поэтому стоящие для издательства в этой иерархии на третьем месте художественные достоинства произведения были все же важны. Так, отказываясь от публикации книги

А. М. Рейнгардт «Стрелка указывает путь», редакция иностранной литературы в лице Г. Языковой отмечала: «Книга эта в идейном отношении не вызывает возражений, но, к сожалению, ее художественная ценность незначительна»⁴³.

Итак, книги для перевода Детгизу предлагали: Общество германо-советской дружбы; дружественные немецкие издательства; переводчики; Издательство иностранной литературы. Можно выделить этапы прохождения книги: авторитетная организация (не во всех случаях) — переводчик — рецензент — редакционное совещание — печать.

Современная (написанная после войны) немецкая детская книга прокладывала свой путь к советскому читателю уже в новых «оттепельных» условиях. Но политическая составляющая произведения продолжала оставаться ключевой. Партийность была основополагающей в воспитании подрастающего поколения. Какие же педагогические критерии выдвигались к переводной книге? В начале оттепели переводятся антидидактичные, на первый взгляд, произведения. Герой их — свободный и независимый ребенок, иногда противостоящий взрослым, отстаивающий новую правду. Наиболее интересны романы, в которых повествование ведется от лица ребенка («Тинко» Э. Штриттматтера, «Девочка, с которой не разрешали водиться» Ирмгард Койн (1957)⁴⁴).

Увлекательно и с юмором написанный роман «Тинко» вместе с тем отвечает на актуальные политические вопросы, становится своего рода иллюстрацией взаимоотношений СССР и Германии. Ключевой для Германии вопрос о возврате немецких военнопленных [Отношения... 1974, с. 75–76; 322] решается в романе положительно: отец и дядя Тинко возвращаются из России, вдохновленные новым социальным и производственным опытом. Изменение взглядов героя на мир под влиянием пребывания в Советском Союзе становится одним из штампов литературы соцлагеря в эти годы (см., например, повесть «Митря Кокор» М. Садовяну). Деревенские дети с нетерпением ожидают доставки из СССР сельскохозяйственных машин, призванных облегчить их труд. В начале 1950-х гг. Советский Союз как раз осуществляет поставки такой техники [Отношения... 1974, с. 400].

Кажущийся антидидактичным роман, на самом деле, имеет другую цель — разоблачение предрассудков, буржуазной морали и обычаев старины. Тинко, его отец и дядя порывают с дедом, проникнутым частнособственническими интересами, сумевшим

во время войны сколотить небольшое состояние для своей семьи. Неоднократно порицается нежелание деда отдавать часть выращенных им овощей в качестве налога и недоверие к сельскохозяйственным машинам. Так, вполне еще в духе советской пореволюционной этики в романе провозглашается разрыв с семейной и общественной традицией. В СССР роман не переиздавался, хотя в ГДР популярность книги держалась в течение 35 лет.

ТИРАЖИ ПЕРЕВОДНЫХ ИЗДАНИЙ

Издание переводной литературы в СССР переживало в 1950-е гг. этап становления. Это очевидно по распространению ее среди русского читателя. В сравнении с оригинальными изданиями разрыв был сильно ощутим: средний тираж иностранной книги в СССР составлял 40 тыс. экземпляров, произведения русских писателей издавались тиражами 100–300 тыс. экземпляров [Состояние... 1957, с. 13–17]. В детской литературе разрыв был еще больше. Все переведенные с немецкого современные книги вышли в Детгизе в 1950-е гг. тиражом 30 тыс. экземпляров (за исключением «Ноби» Л. Ренна — 90 тыс. экз.). Такие тиражи были мизерными для массового распространения. Для сравнения, К. И. Чуковский писал в середине 1960-х гг. о своем сборнике сказок «Чудо-дерево»: «Тираж в 100 000 трагически мал», «От читателей я получаю жалобы, мольбы, проклятия по поводу ничтожного тиража “Чудо-дерева”»⁴⁵.

При этом официальная статистика показывала феерическую популярность немецких книг, но перевес классики был непропорционально большим. Так, к 1955 г. в СССР издали почти миллион экземпляров книг Ф. Шиллера, 1,5 млн экземпляров сказок В. Гауфа (на 24 языках народов СССР), 10 млн экземпляров сказок Я. и В. Гримм (на 42 языках народов СССР) [Рудомино 1955, с. 27]. В целом, с 1950 по 1959 г. издание зарубежной литературы выросло в 3,5 раза по названиям и в 5 раз по тиражам, заняв в 1959 г. 14% среди всей художественной (отечественной и зарубежной) литературы по названиям и 20% по тиражам. В конце 1950-х гг. в Детгизе осуществлялись переводные издания с 22–24 иностранных языков ежегодно. Большинство — с английского языка: 20–40 книг ежегодно, около 20 книг — с французского, 9–12 книг — с немецкого (наравне с китайским языком)⁴⁶.

В Советском Союзе переводы художественной литературы осуществлялись, как правило, с задержкой на 20 лет от издания оригинала [Гольцева 1991, с. 32]. В 1950-е гг. Детгиз шел в ногу

со временем, выпуская переводы только что вышедших в ГДР книг. Но в случае с некоторыми авторами и Детгиз проявлял медлительность. Например, популярный немецкий писатель Б. Плудра, книги которого регулярно присылались в издательство в 1950-е гг., стал известен советским детям годами позже (в том числе изданный в Берлине в 1959 г. рассказ «Боцман на льдине») [Плудра 1969].

Итак, художественные достоинства произведения и популярность его в стране оригинала не становились определяющими при издании. Внелитературные факторы (политические и педагогические) влияли на публикацию книги в СССР. Именно с позиции соответствия идейного содержания книги сегодняшней общественной обстановке рассматривали произведения в Детгизе. При этом, судя по тиражам и отсутствию переизданий, книги немецких авторов 1950-х гг. не достигли массового читателя, став литературой для избранных любителей чтения: они поступали в библиотеки СССР и читались посещавшими их детьми. Из немецкой литературы советским читателям предлагалось совсем немного, но это были качественные современные произведения, в т. ч. определяемые сегодня как «источники повествовательной детской литературы ГДР» книги А. Веддинг «Железный буйволенок», Л. Ренна «Трини» и Э. Штриттматтера «Тинко» [Geschichte... 2002, с. 416].

Примечания

¹ Другие московские издательства, выпускавшие литературу для детей (Учпедгиз, «Детский мир»), и республиканские издательства («Гянджлик», «Лиезма», «Веселка»), также инициировали переводы, но не в таких масштабах.

² Так в СССР после Второй мировой войны официально называли государства, провозгласившие социалистический путь развития.

³ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 26.

⁴ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 68.

⁵ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 4. Ед. хр. 51. Л. 21–22.

⁶ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 82. Л. 17.

⁷ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 5.

⁸ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 8.

⁹ Характерно, что многие названия статей этого времени выражают идею «борьбы за мир»: Николаев В. «Армия, утверждающая мир. Советские воины в литературе стран народной демократии» (Лит. газета. 1951, 8 мая), Фоменко Л. «Мира не ждут — мир завоевывают: О книгах зарубежных писателей — активных борцов за мир» (Молодой большевик. 1951, № 13) и др.

¹⁰ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 5.

¹¹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 4.

¹² На состоявшемся в марте съезде была подвергнута критике литература для молодежи, писатели обвинялись в отрыве от жизни и незнании жизни молодых людей [Сурков 1954].

- ¹³ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 95. Л. 5–6.
- ¹⁴ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 4–5.
- ¹⁵ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 96. Л. 1–16.
- ¹⁶ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 22.
- ¹⁷ Грибанов Б. Т. (1920–2005) — литературовед, прозаик, переводчик, выпускник Высшей дипломатической школы МИД СССР, в 1950–1953 гг. доцент кафедры редактирования Московского заочного полиграфического института, возглавлял редакцию современной иностранной литературы Детгиза.
- ¹⁸ 1955–1960 гг.
- ¹⁸ Впоследствии в издательстве «Художественная литература» Грибанов стал инициатором и издателем «Библиотеки Всемирной литературы» в 200 томах.
- ¹⁹ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1060. Л. 1.
- ²⁰ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1060. Л. 16.
- ²¹ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 1.
- ²² Следующие по убыванию: редакция научно-художественной литературы — 62 книги, современной художественной литературы для среднего и старшего возраста — 55. (ОР ИМЛИ РАН. Ф. 643. Оп. 1. Ед. хр. 99. Приложение Л. 1).
- ²³ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1060. Л. 75.
- ²⁴ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1060. Л. 76–78.
- ²⁵ Они вышли позже: Нет, Тельман не погиб!: Рассказы и воспоминания об Эрнсте Тельмане/Пер. с нем.; предисл. С. Злобина. М.: Детгиз, 1963. 114 с. (Школьная б-ка. Для средней школы).
- ²⁶ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 4. Ед. хр. 2. Л. 22–23.
- ²⁷ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1073. Л. 77.
- ²⁸ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1069.
- ²⁹ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1066.
- ³⁰ Вольф Ф. Сказки и рассказы о животных: Книга для чтения на нем. яз. в 7-х классах сред. школы/Обработка, пояснения и словарь Е. А. Шварц. М.: Учпедгиз, 1956. 110 с.; Вольф Ф. Сказки и рассказы о животных: Книга для чтения на нем. яз. в 7 классах сред. школы/Обработка, пояснения и словарь Е. А. Шварц. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1959. 111 с.; Вольф Ф. Сказки и рассказы о животных/Сост., коммент. и словарь Л. В. Ардамацкой. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1960. 152 с. (Учебная серия для начального чтения); Вольф Ф. Кики. (История одной собаки)/Пояснения и словарь В. Н. Бахрушиной. 2-е изд. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1959. 24 с. (Учебная серия для начального чтения).
- ³¹ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1068. Л. 70.
- ³² РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1068. Л. 70 (об.).
- ³³ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1061. Л. 58.
- ³⁴ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1066. Л. 119 (об.). Издательство прислушалось к этому мнению, впоследствии была переиздана повесть канадского писателя Серой Совы «Сажо и ее бобры» (М.: Детгиз, 1958), ранее выходявшая в 1940 г.
- ³⁵ Так и не был издан в СССР в русском переводе, только в украинском в 1982 г.
- ³⁶ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 96. Л. 156.
- ³⁷ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 92. Л. 34.
- ³⁸ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 2. Ед. хр. 67. Л. 1–3.
- ³⁹ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1067. Л. 79.
- ⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1071. Л. 3.
- ⁴¹ Вышла под названием «Маленькие рассказы про маленького Пята» (М.: Детгиз, 1956).
- ⁴² РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 96. Л. 17.

⁴³РГАЛИ. Ф. 630. Оп. 8. Ед. хр. 1074. Л. 26.

⁴⁴Во время публикации романа в СССР Ирмгард Койн проживала на территории ФРГ, в Кельне, а литературу ФРГ Детгиз пока еще не издавал. был издан еще в 1936 г. в Амстердаме, где писательница проживала в эмиграции после запрета ее книг нацистами, и был посвящен периоду Первой мировой войны, так что «политическое лицо» автора — жертвы нацизма — вполне удовлетворяло требованиям издательства.

⁴⁵ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 2. Ед. хр. 194. Л. 4.

⁴⁶ОР ИМЛИ РАН. Ф. 636. Оп. 4. Ед. хр. 80. Л. 21.

Источники

Александров Г. Состояние и перспективы развития книгоиздательского дела в СССР. М.: Госполитиздат, 1955. 45 с.

Веддинг А. Северное море зовет: По одноименному рассказу А. Веддинг/Адаптация, коммент. и словарь Н. Смирновой. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1961. 85 с. (Учебная серия для начального чтения).

Камир Б. Воля к жизни (К 80-летию со дня рождения Б. Полевого) // Детская литература 1988. Сб. ст. М.: Дет. лит., 1988. С. 63–75.

Мильчин А. Э. Человек книги: записки главного редактора. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 745 с.

Плудра Б. Боцман на льдине; Лют Матен и Белая ракушка; Путешествие на Зундевит: Три маленькие повести: Для младш. школьного возраста: Пер. с нем./Рис. Г. Мазурина. М.: Дет. лит., 1969.

Поэты демократической Германии / Ред. сост. и авт. вводных очерков И. Фрадкин; Предисл. А. Палладина; Примеч. Е. Елагиной. М.; Л.: Детгиз, 1951. 222 с.

Отношения СССР с ГДР. 1949–1955 гг.: Документы и материалы/Ред. коллегия: С. Дернберг [и др.]; М-во иностр. дел СССР. М-во иностр. дел ГДР. М.: Политиздат, 1974. 726 с.

Советская печать в цифрах. 1917–1947. М.: Изд-во Всесоюзной книжной палаты, 1948. 124 с.

Состояние и развитие книгоиздательского дела в СССР/Информационный доклад на Конференции издательств социалистических стран. М.: [б.и.], 1957. 165 с.

Савицкий В. «Поэты демократической Германии» [Рецензия] // Ленинградская правда. 1951, 29 мая. № 124. С. 3.

Сурков А. Молодому читателю — большую талантливую литературу // Литературная газета. 1954, 27 марта. № 37 (3221). С. 1.

Исследования

Быстрова И. В. Холодная война 1945–1960. Токио-Москва-Вашингтон. М.: Экономическая литература, 2009. 400 с.

Ватлин А. Ю. Формирование образа «новой» Германии в советской пропаганде начала 1950-х годов // Власть и общество в условиях советской диктатуры: Исторический опыт СССР и ГДР, 1945–1965: Мат. науч.-практ. конф. (Архангельск, 12–16 сентября 2007 г.)/Сост. Р. Ю. Болдырев (отв. ред.), Б. Бонвеч. Архангельск: Поморский ун-т, 2009. С. 172–187.

Гольцева Э. В. Многонациональный характер и международные связи советского книгоиздания // Книга. Исследования и материалы. М.: Книга, 1991. Сб. 63. С. 23–33.

Добренко Е. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении. München: Sagner, 1993. 405 с.

Добренко Е. Соцреализм как мир детства // Соцреалистический канон: Сборник статей/под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000а. С. 31–40.

Добренко Е. Функции и категории соцреалистической критики: поздний сталинизм // Соцреалистический канон: Сборник статей/под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000б. С. 390–433.

Орлова Г. «Трактор в поле дыр-дыр-дыр, / Все мы боремся за мир»: советское миролюбие в брежневскую эпоху // Неприкосновенный запас. 2007. № 4 (54). С. 70–88.

Рудомино М. И. Переводы немецкой художественной литературы в СССР // Советская библиография: Сборник статей и материалов. Вып. 41. М.: Изд. Всесоюзной книжной палаты, 1955. С. 25–32.

Симонова О. А. Детская книга в фокусе влияний (конец 1940-х — начало 1950-х гг.) // Детские чтения. 2016. № 2. Вып. 10. С. 170–189.

Тургаев А. С., Эльяшевич Д. А. Книгоиздание для детей и юношества в Германской Демократической Республике // Вестник СПбГУКИ. 2016, № 2 (27), июнь. С. 49–53.

Фатеев А. В. Сталинизм и детская литература в политике номенклатуры СССР. М.: МАКС Пресс, 2007. 352 с.

Эльяшевич Д. А. Теория и типология книжных связей. Автореф. ... дисс. канд. филол. н. Л.: Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской, 1988. 16 с.

Эльяшевич Д. А., Тургаев А. С. Советская военная администрация и книжное дело в Восточной Германии в 1945–1949 гг.: поддержка немецких издательств и выпуск школьных учебников // Вестник СПбГУКИ. 2017, № 1 (30), март. С. 26–28.

Geschichte der deutschen Kinder- und Jugendliteratur/Hrsg. von Reiner Wild. 3. vollständig überarbeitete und erweiterte Auflage. Stuttgart; Weimar: J. V. Metzler, 2002. 533 s.

МАТЕРИАЛЫ

В. Головин

«ЕСЛИ ЭТО ЗНАМЕНИЕ ВРЕМЕНИ, ТО ЭТО УЖАСНОЕ ЗНАМЕНИЕ»: НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ПРОТЕСТ Е. ЕЛАЧИЧА*

Публикуемый ниже документ (см. Приложение) вносит некоторые дополнения в историю, которая рассмотрена в нашей статье ««Голуби» С. Юшкевича 1914 г.: Случай запрета порнографии в детской книге» [Головин 2015]. Это хранящееся в РГАЛИ² письмо Е. Елачица в редакцию газеты «Новое время» с просьбой опубликовать его заметку «Протест против порнографии». В принципе, заметка повторяет мысли, высказанные Елачицем в редактируемом им журнале «Что и как читать детям» [От редакции 1915, с. 5]. Вместе с тем, нам показалась важной публикация обнаруженных письма и заметки по ряду причин.

Во-первых, это категорическое стремление предотвратить чтение детьми книги через ежедневную газету, выходящую утренним и вечерним выпусками. Представляет интерес сама позиция автора, содержащая резкую критику «детской» книги С. Юшкевича, но все-таки в последнем предложении допускающая, что это книга не детская.

Во-вторых, стилистика заметки позволяет судить, насколько легко критики детской литературы переходят грань между критикой и инвективой: «развращающее чтение», «пусть эта позорная в детской литературе книга стниет в кладовых издательств», «обогащение детской литературы небывалою грязью», «пусть заклеено будет имя автора». Возможно, здесь мы наблюдаем стилистическую тенденцию, которая будет вполне востребована в риторике советских критиков детской литературы уже после 1917 г.

* Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ (РГНФ) «Воспитание нового читателя: литература для детей в педагогической критике и цензуре (1864–1934)» 15-06-10359.

В-третьих, следует обратить внимание на выбор Е. Елачиным газеты для обнародования своего протеста. «Новое время» к 1914 г. имело среди русской интеллигенции отрицательную репутацию, обусловленную множеством антисемитских публикаций, а критикуемая книга принадлежала одному из известных авторов «еврейской прозы».

Протест Евгения Елачица остался неопубликованным.

Приложение

Редакция ежемесячного журнала «Что и как читать детям»
С-Петербург.

Пет.ст., Геслеровский пер., д.29/19. кв. 30
4 декабря 1914

Милостивый Государь Господин Редактор

Не откажитесь дать на страницах Вашей уважаемой газеты мною прилагаемому при сем протесту против внедрения в детскую литературу порнографии. Ввиду исключительного явления и приближения Рождественских праздников, когда резко повышается спрос на детские книги, мы придаем особое значение этому протесту и позволяем себе надеяться, что Вы не откажете нам в возможном с Вашей стороны содействии.

Прошу Вас принять уверения в совершенном уважении.

Редакция газеты «Новое Время». Редактор Елачич.

Протест против порнографии

Редакция журнала «Что и как читать детям» считает своим нравственным долгом придать возможно широкой огласке неслыханный доселе факт внедрения порнографии в детскую литературу. Приближаются Рождественские праздники — время усиленной покупки детских книг. Надо предостеречь родителей. Недавно вышла книга известного автора в издании одного из лучших издательств детских книг — книга Семена Юшкевича «Голуби. История красноголового голубя, его жизнь и приключения» в издании И. Кнебеля. Москва. Крупная печать, рисунки, парадный переплет — все это придает ей вместе с фирмой издательства характерную внешность детской и притом привлекательной книги. А вместе с тем, эта книга явно порнографического содержания. В ней много грязных эротических сцен из жизни людей и птиц (стр. 60, 70, 115–120, 146 и др.). В форме автобиографии голубя подробно описываются любовные похождения голубя. Но верхом цинизма является рассказ голубя (стр. 74 и 75) о том, как к нему

в клетку посадили голубку, «в которой я вскоре узнал свою мать. Мне предстояло с ней спароваться и, конечно, горю моему не было предела». Далее голубь передает, что он долго не поддавался, «потому, что мать моя мне совсем не нравилась». Он «жестоко колотил» свою мать, но постепенно усиленное питание, «теплое небо» и весна сделали то, что «уже с меньшим негодованием думал я о соединении со своею матерью, с меньшим ужасом представлял себе тот миг, когда она станет моей женой». И вскоре, «согретый солнцем, обезумев от любовного томления, вдруг стал кружиться, кивать головой и ворковать к моей матери. Она тотчас же простила мне грубость и сразу, точно я имел над нею власть, подставила мне клюв для поцелуя» и т. д.

Пусть взрослые читают, что им угодно, но пощадите детей. Подобного преступного внедрения порнографии в детскую литературу еще не бывало. Если это знамение времени, то это ужасное знамение. Но не хочется верить этому. Если наши законы о печати не могут оградить детей от развращающего их чтения, то общество само должно принять меры самозащиты. Пощадите детей, и пусть эта позорная в детской литературе книга сгниет в кладовых издательств. Не побоявшегося взять на свою совесть обогащение детской литературы небывалою грязью. Пусть заклеено будет имя автора, допустившего, чтобы его книге подобного содержания придали характерную внешность детской книги. Редактор журнала «Что и как читать детям» Евгений Елачич.

Примечание

¹ РГАЛИ. Ф. 419. Оп.1. Ед.хр. 787.

Источники

От редакции // Что и как читать детям. Критико-библиографический ежемесячный журнал. 1915. № 1. С. 2–8.

Исследования

Головин В. «Голуби» С. Юшкевича 1914 г.: случай запрета порнографии в детской книге // Детские чтения. 2015. №2 (008). С. 52–64.

ДЕТСКИЕ КНИГИ В КРУГЕ ЧТЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ

Е. Асонова

ЧЕТЫРЕ ОТКРЫТКИ О РЕВОЛЮЦИИ

Моя рубрика «Детские книги в круге чтения взрослых» этого номера — это четыре открытки с заданиями к современным детским и подростковым книгам, которые могут использовать учителя-словесники, историки, библиотекари, чтобы «учить читать» книги: видеть в них не только мастерски рассказанную жизненную историю, но и интересные образы, культурные пересечения, свободно ориентироваться в читательском пространстве, уметь высказываться о полученном эстетическом впечатлении, о заинтересовавшей проблеме. Материал посвящен произведениям, условно объединенным темой «Революция», к ним даны методические комментарии: описания заданий, идеи того, как эти тексты могут быть использованы на уроках или занятиях с подростками.

Задача найти современные произведения для детей, которые бы вписались в тему «100-летний юбилей Октябрьской революции» практически не имеет решения — таких книг в последнее время написано просто не было. Однако совсем не так думают подростки. На вопрос о том, что они читали о революции, читатели 11–16 лет предлагают довольно интересный список. И оказывается, что для понимания одной революции, можно читать ... о другой, а можно и о выдуманной. Но подросткам интереснее всего читать о том, что я для себя охарактеризовала как «революционная ситуация» в жанре “young adult” (именно так называют знающие читатели модный в молодежной среде жанр антиутопии). Среди названных книг юными читателями были выбраны — «Голодные игры» С. Коллинз и «Зимняя битва» Ж.-К. Мурлева. От себя я добавила выбранную взрослыми читателями «Революцию» Д. Доннелли и найденную совершенно случайно для этого очерка повесть Л. Румарчук «Зеленый велосипед на зеленой лужайке»¹.

ОТКРЫТКА 1. РЕВОЛЮЦИЯ

Начну с американской повести Дженнифер Доннелли с звучным названием «Революция», которая могла бы быть включена в эту статью, если бы мы были готовы к учебному разговору не только об Октябрьской революции, но и о понятии революции в истории вообще. Знаю, что отечественная образовательная традиция пока не предполагает такого тематического (а не хронологического) подхода: каждой революции — свое место в учебной программе. Повесть имеет предуведомление: *«Эта книга — художественный вымысел. Все события и диалоги, а также герои, за исключением известных исторических и публичных персонажей, — плоды воображения автора»*. Собственно, о Французской революции, которая дала название повести, узнать по тексту произведения вряд ли что-то получится. Это остросюжетная, замешанная на психологии, музыке, трагедии молодежная повесть, в которой читатель может быть захвачен практически детективным сюжетом, развивающимся в двух временных пластах — в настоящее время и в эпоху революции. С удовольствием эту повесть читают лет с двенадцати. Но композиция издания кое-что проясняет, а именно небольшой, но очень солидный сопроводительный материал в конце книги: «Об источниках», представляющий собой комментарии автора о том, как и с какими материалами она работала, когда писала художественное произведение: это и исторические документы, и поэма Данте Алигьери, и книги по истории, и материалы о музыке. Далее следует «Библиография» — список из 44 позиций, оформленных строго по ГОСТу, потом «Источники в интернете», а потом еще и список музыкальных композиций, которые слушают или исполняют герои книги. И, пожалуй, я рискну предложить это издание как пример современного исторического романа: с этой книгой стоит познакомиться с точки зрения того, из какого материала может быть рожден «исторический вымысел», какую работу предстоит проделать писателю, если он берется за такой жанр. Такая концепция книги может стать самостоятельным творческим заданием, например, в 9 классе можно предложить написать собственный «замысел» и сопроводительный материал для создания повести или романа об Октябрьской революции 1917 г.

ОТКРЫТКА 2. ПОЧЕМУ ПОДРОСТКИ ВЫХОДЯТ НА ПЛОЩАДЬ? — ПОТОМУ ЧТО СМОТРЯТ «ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ»

Как оказалось, они их не только смотрят, но и читают. В одном из сезонов читательского конкурса «Книжный эксперт XXI века»² эта антиутопия заняла лидирующие позиции в топе произведений, выбранных для создания отзыва. Второй раз книга обратила на себя внимание, когда на вопрос о том, какие книги о революции читают дети, в числе других антиутопий была названа и она тоже. Причем ее подростки называли гораздо чаще других. Не буду судить о том, какое впечатление производит фильм, а книга (речь идет о первой части трилогии «Голодные игры») показалась очень похожей на пособие для будущего революционера. Тут и школа выживания, и воспитание поколения, готового к сопротивлению, и динамика взросления героини, которая вдруг осознает себя способной победить. Опасная получается книга. Но ее нет в школьной программе, а потому запретить, ограничить ее чтение (или просмотр фильма) взрослые не в силах. И, на мой методический взгляд, ее можно активно использовать для решения учебных задач (6–9 класс).

Для уроков английского языка или для уроков литературы, на которых есть место для изучения произведений американской литературы, будет продуктивным обращение к такому важному для культуры XX и XXI вв. понятию, как интертекст. «Голодные игры» — прекрасный пример массовой литературы, которая создана даже не на основе, а в условиях глобального культурного контекста, когда получившееся произведение гораздо богаче на реминисценции из произведений разных культур и эпох, чем авторский замысел или потребность их расшифровать у большинства читателей.

На мой взгляд, антиутопия «Голодные игры» — хороший материал для самостоятельных исследовательских работ об интертекстуальности в литературе, тренажер для тренировки умений работать с текстом, сравнивать его с уже прочитанными. И чтобы показать, что это возможно, приведу лишь два примера источников, которыми могут воспользоваться ученики: в статье в Википедии о «Голодных играх» сообщается, что «в предисловии к первому роману Сьюзен Коллинз раскрывает несколько причин к созданию сюжета «Голодных игр». Во-первых, она упоминает древнегреческий миф о Тесее и Минотавре <...> и также ссылается на гладиаторские бои в древнем Риме». В статье приведены ссылки на статьи о мифах и гладиаторских боях, то есть собрать материал будет не сложно. В критериях

оценки такой самостоятельной работы можно обозначить, что материалы из Википедии оцениваются как зачет, если ... (далее учитель обозначает посильные для слабых учеников класса требования к защите найденного материала). Работа непосредственно с текстом предисловия романа может оцениваться иначе, так как показывает самостоятельность читателя: он понимает, что предисловие автора — это один из значимых компонентов произведения. Такая работа предполагает самостоятельный поиск информации об упоминаемых в Предисловии источниках, интерпретация которых может отличаться от той, что предложена в Википедии.

В качестве второго примера работы с аллюзиями расскажу о собственном читательском наблюдении, которое казалось мне более чем очевидным, однако служит примером того, как общий культурный контекст может влиять на автора, но не осознаваться им. Мотив сойки-пересмешницы мною был сразу опознан как отсылка к повести Харпер Ли «Убить пересмешника»: это и борьба за справедливость, и образ отца, который становится для героини источником не только знаний, но и свободного, отличного от принятого среди окружающих, отношения к миру. Однако в высказываниях Коллинз эта связь никак не обозначена, да и для массового читателя — подростка она не становится явной. Хотя бы потому, что, при всей популярности повести «Убить пересмешника», она не является сейчас актуальным подростковым чтением.

Не менее очевидным и тем более интересным для подростка может стать открытие, на какое произведение похож финал битвы «Голодных игр» (попытка совместного самоубийства влюбленных героев отсылает читателя к известному подросткам сюжету трагедии Шекспира).

Интересной для самостоятельных эссе или обсуждения в классе может стать одна из ключевых тем повести — знание как жизненная необходимость. Выживание Китнисс обусловлено ее знаниями о природе, людях, самой себе, умениями охотиться, договариваться, держать себя в руках и т. п. В первой части произведения Китнисс не раз описывает свое отношение к знаниям (ненужным школьным, полезным — полученным от Гейла), делающим ее сильнее, неуязвимее и ценящиеся ею поэтому гораздо выше вещей или пищи. Сведения о лекарственных травах, съедобных ягодах, повадках животных, способах охоты трактуются как сила, которая может быть противопоставлена бесправию, обреченности. Для Китнисс знания — это ключ к свободе. Сначала знания отца и матери конвертируются ею

в возможность выжить и быть чуть независимей, чем другие. Позже, по время турнира, знания оказываются главной разыгрываемой картой — Китнисс. Она оказывается сильнее не только соперников, но и устроителей игр, переиграв их на их же поле — она смогла развернуть сюжет игры в свою пользу. Для читателя, который уже привык к тому, что в антиутопии последовательно раскрывается ценность знаний по биологии, медицине, химии, естественным продолжением становится идея о том, что победу и спасение Китнисс и ее напарнику приносит верное понимание законов шоу. Иными словами, победит тот, кто может повернуть сюжет в свою сторону, что можно интерпретировать и как умение выстраивать сюжет шоу (им обладает ментор главной героини Хеймитч Эбернети), которые, как мне кажется приравниваются автором антиутопии к политехнологии. Управление государством — это умение видеть и создавать сюжет, который увлечет публику. С натяжкой, но эту мысль можно интерпретировать как ценность знаний, получаемых на уроках литературы. Заманчивый и непростой вывод о том, какую роль может сыграть школьный урок в подготовке будущего революционера.

ОТКРЫТКА 3. ЧЕСТЬ И ДОСТОИНСТВО

Если «Голодные игры» для учителя — это скорее попытка идти в некотором смысле вслед за интересами школьников, то «Зимняя битва» Жана Клода Мурлева — это шаг в сторону современной детской литературы, которую читают немногие. Эта сказка-антиутопия написана несколько сложнее, она минорнее, чем «Голодные игры», в чем-то мрачнее. Перед нами опять протест молодых, готовых на жертвы ради продолжения борьбы за свободу, которую проиграли их родители. Символика сказки может выступить хорошим материалом для самостоятельного эссе. Основной темой произведения я бы назвала тему чести и достоинства, а потому предлагаю ее в качестве своеобразной рифмы для чтения после или до повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Основной проблемой революционного протеста автор видит необходимость принять решение, которое поставит под удар других людей. Героика протеста представлена у Мурлева как то, что дается, увы, слишком дорогой ценой. Пожалуй, это то, что сильнее всего «цепляет» читателей — обреченность одних быть наказанными за побег других, гибель полюбившихся героев. И эта тональность, мне кажется, наиболее верной, точной в произведении

для подростков о протесте и революции. Романтика борьбы, стремление к свободе и справедливости не должны и не могут сопровождаться романтизацией гибели или страданий. Этим «Зимняя битва» принципиально отличается от привычных романтических произведений на ту же тему — потеря горька, скорбь о погибшем никак не уменьшится от того, что цель достигнута.

ОТКРЫТКА 4. К 7 НОЯБРЯ

Что можно рассказать об Октябрьской революции современным детям? О революционном настроении, на мой взгляд, точнее всего детям рассказывала сказка Юрия Олеши «Три толстяка», а о классовой ненависти, которая приводит к таким настроениям (в современной формулировке «разжигает рознь и ненависть к...») лучше всего написал Самуил Маршак в «Мистере Твистере». Но эта точность верна для тех, кому революция казалась верным решением, а пафос «до основания мы разрушим, а затем...» был не просто приемлемым, но и вдохновляющим. В этой тональности разумному взрослому сложно говорить о революции с современным подростком: чем отличается мистер Твистер от современных российских миллионеров? Почему современным власть имущим позволено быть «тремя толстяками»? И самый сложный вопрос: а как сейчас «правильно» относиться к тому, что произошло 100 лет тому назад? Как относиться к тому, что явилось следствием революции? Недавно в издательстве «Самокат» были переизданы рассказы-очерки о детстве Ларисы Румарчук «Зеленый велосипед на зеленой лужайке», один из которых начинается словами:

— Ты родилась перед рассветом, — сказала мне мама, — в ночь на Седьмое ноября, в самый канун праздника. И наш дедушка предложил назвать тебя Октябриной [Румарчук 2017, с. 41].

Этот десятистраничный рассказ «Ночь моего рождения» можно разделить на очерк о дедушке, который готов был правнучку, родившуюся в канун великого праздника «*воспитывать в революционных традициях*» и назвать Октябриной [Румарчук 2017, с. 41] и на лирическую зарисовку, посвященную ночным переживаниям самой героини в день ее рождения. Первая часть повести интересна тем, что в ней сталкиваются два нарратива: героини-повествовательницы и ее мамы. Речь мамы, как видно из приведенной цитаты, начинает рассказ и может оказаться препятствием для читателя, так как ее границы никак в тексте не обозначены. Мамины слова растянуты

на несколько абзацев и легко могут быть восприняты как повествование основного нарратора. Или, наоборот, описание прадеда может быть понято как продолжение материнской истории. Но это лишь предупреждение к тому, почему этот рассказ мне кажется уместным в материале о детской литературе, тематически связанной с юбилеем Октябрьской революции. В небольшом тексте соединились три позиции, так или иначе отражающие отношение героев к празднику Седьмого ноября: для деда-революционера, каторжанина — это его история, его вера, его традиции. Для матери — это обыденность, календарная дата, рядом с которой день рождения дочери ей кажется гораздо важнее. Об этом мы знаем по первой части. Вторая часть предлагает читателю описание одного конкретного дня из жизни героини, для которой Седьмое ноября — это совершенно особый день: *«Наверное, дедушка был прав: во мне все-таки живет частица Октябрины. Да и как же иначе! Родиться накануне такого дня, соединить в себе два праздника — и всенародный, и свой личный — не каждому такое везенье. Смотреть не цветные огоньки, на летящие по ветру флаги, на воздушные шары, рвущиеся в холодное, ясное сапфировое небо, и думать втайне, что это для тебя, ради тебя, в честь тебя...»* [Румарчук 2017, с. 46]. Этот пассаж можно предложить как тему сочинения о том, что такое история для конкретного человека. Отмечу особо, что очень эмоциональное описание праздничного (и потом ночного города, рассветного солнца, переживаний героини) достойно того, чтобы работать с ним на уроке русского языка как с образцом такого типа текстов-описаний.

Тема революции обсуждалась в этом году много, на разных площадках и в разных ракурсах. Свою лепту в обсуждение этой темы внес и семинар «Детские книги в кругу чтения взрослых»: говорили о переизданиях книг, описывающих Октябрьскую социалистическую революцию, говорили о том, как она могла бы быть представлена в современной книге. И, конечно, размышляли, почему таких книг практически нет. Попробую сформулировать, в чем, на мой взгляд, причина отсутствия таких исторических произведений для детей и подростков сегодня. Развитие этой темы может произойти в следующих направлениях: создание сюжетов об исторических личностях — динамичных, острых, захватывающих, реалистических или сказочных, эксплуатирующих известность имени, возможность создавать вокруг него легенды и бытовые сюжеты. Например, сказки о Троцком или сериал о неуловимых. Такой традиции в нашей стране

пока не сложилось. Или создание научно-популярных произведений, подобных книгам о философах из переводной серии «Платон и Ко» издательства «Ад Маргинем», рассказывающих коротко и понятно о той или иной исторической фигуре или теории. Но в ситуации с революцией 1917 г. трудно создать что-то беспристрастно, так как сначала должна быть дана оценка произошедшему. Попытки издавать такие книги есть у издательств «Арт Волхонка», «Пешком в историю» и др. И я думаю, что постепенно эта ниша стараниями российских историков и художников-комиксистов будет заполнена. Ну и самые долгожданные книги — это повести, романы для подростков, юношества, которые позволят эмоционально пережить время переломов, больших трагедий нашей истории. Популярность такого рода произведений подтверждается любовью молодых читателей к произведениям Ремарка и Булгакова. Однако появление такой литературы затруднено отсутствием хоть какой-то общей оценочной позиции, разделяемой обществом. Условного ответа на вопрос: кто победил? Для сравнения приведу в пример современную литературу о Второй мировой войне: победа в этой войне является абсолютной, признаваемой всеми ценностью. По отношению к гражданской войне, к Первой мировой и уж тем более к революции 1917 г. такой оценки нет.

Примечания

¹ Это произведение вошло в обзор как новое издание, а не произведение современной литературы. Впервые сборник «Зеленый велосипед на зеленой лужайке» был опубликован в 1979 г. в книге Ларисы Румарчук «Единственное лето» в издательстве «Советский писатель».

² Материалы трех сезонов этого конкурса можно посмотреть на сайте «Папмамбук» URL: <http://www.papmambook.ru>

Источники

Доннелли Д. Революция. М.: Розовый жираф: 4-я улица, 2014. 400 с. Пер. с англ. Марии Салтыковой.

Коллинз С. Голодные игры. М.: АСТ, 2017. 352 с. Пер. с англ. А. Шипулина.

Мурлева Ж.-К. Зимняя битва. М.: Самокат, 2007, 518 с. Пер. с фр. Наталии Шаховой.

Румарчук Л. Зеленый велосипед на зеленой лужайке / Л. Румарчук; илл. Марии Бойновой. М.: Самокат, 2017. 288 с.

SUMMARY

This current issue of “Children’s Readings” (issue #12) is dedicated to the centennial of the 1917 Russian Revolution. The articles that comprise this volume concern various questions of revolutionary history and provide highlights to the status and impact that the revolutionary events of 1917 made on the history of children’s literature in Russia. We have invited scholars to consider the following questions: Did a rupture in literary tradition occur in the year 1917? If it did occur, then how was it manifested and in what way did it proceed?; Is it possible to propose a model not based on conflict for the changes occurring in children’s literature in the 1910s and 1920s?; Did any forgotten experiments in children’s literature from the beginning of the 1910s reappear under new historical circumstances?; How did modernism and the avant-garde shape children’s literature of the 1910s–1920s?; Was the revolution a reason for the gradual crowding out of modernism in the 1920s?; What were the reasons for the fate of the avant-garde in Soviet children’s literature?; What were the historical trajectories of work by children’s writers and illustrators beginning in the pre-revolutionary period and then continuing “under the Soviets” or in the “emigration”?; How has children’s literature developed in other countries with similar historical situations of revolutionary upheaval?; Is it possible to identify some common patterns?

In the forward to this issue the editors provide a short overview of the materials published. The first set of articles in the volume is grouped under the rubric, “*Research*”. It opens with the article by Marina Balina entitled, “*A Proletarian Fairy Tale in Children’s Literature of the Weimar Republic: On the Specificity of the Genre.*” The article focuses on the history of a proletarian fairy tale in German children’s literature of the 1920s and 1930s. Analyzing the fairy tales written by one of the most popular socialist-democratic writers of the time period, Hermynia Zur Mühlen, Balina investigates common stylistic trends of this genre. The narrative centers around the discussion of tendentiousness as one of the leading devices of this new fairy tale form. While “the fairy tale war” in Russia prohibited the spread of the proletarian fairy tale in soviet children’s literature, the socialist and communist children’s writers in the Weimar Republic worked successfully in employing this genre to serve the ideals of the new socialist/communist education. The fairy tales written by Zur Mühlen were successfully adapted by the soviet children’s press. The primary texts that illustrate major points in the development of the proletarian tale are taken from German originals, as well as their Russian translations.

Key words: proletarian fairy tales, tendentiousness, “fairy tales war”, children's literature of the Weimar Republic, social democratic children's periodicals, Hermynia Zur Mühlen.

Erika Haber's article, “Яркие образы и прекрасный язык: *The Legacy of Futurism in Maiakovskii's Children's Verse*”, presents the idea that the Revolution was supposed to usher in new themes, styles, and authors to children's writing. However, the pre-revolutionary past exerted an enduring influence in the field during the twenties. To illustrate how change came only gradually to Soviet children's literature, this paper will trace the lingering stylistic influence of Futurism in Maiakovskii's early children's verses and contrast it with the waning impact of the movement in his later work as the poet tried to meet the changing demands in children's literature towards the end of the decade.

Key words: V. V. Maiakovskii, children's verse, Futurism, rhyme, alliteration, neologisms.

This section continues with Sara Pankenier Weld's article on “*Fir Trees and Samovars: Literature for Russian Children in the Post-Revolutionary Moment*”. The author discusses the very first children's books that were published after the revolutionary events of 1917; the *Christmas Tree* collection of January 1918 provided Russian children with reading materials in the post-revolutionary moment and preserves many elements of the unique times in which it was created. After examining the uneasy coexistence of discordant influences and times evident within the volume, as well as discussing revolutionary themes in the collection, this article focuses particularly on Maxim Gorky's *Samovar*, which reads as a revolutionary allegory that revisits pre- and post-revolutionary moments and their reverberations.

Key words: children's literature, Maxim Gorky, Samovar, revolution, 1917, *Christmas Tree*.

In her article, “*Soviet Children's Books in Europe and the USA in the 1920–1930s*”, Olga Maeots suggests that the 1920s is a period of avant-garde experiment in Soviet children's books, when both form and content had undergone a radical renovation. Modernistic experiments in illustration and book design and new social values incorporated into children's literature had drastically changed children's books in the USSR and in the world. Thin, bright-colored picture books on cheap paper were appreciated all around the world and served not only as “ambassadors of cultural diplomacy” that told about life in Soviet Russia, but also as “agents of artistic influence”. They gave impulse to the development of the modern picture book in Europe and the USA. The article examines how Soviet children's books distributed abroad and how the Soviet experiment had influenced children's book publishing in the 1920–1930s.

Key words: Children's books of 1920s–1930s; picture books; Soviet children's books of 1920s; Russian émigré artists.

In her work, "*Nadwiślański socrealizm (Polish socialist realism), The Character of Lenin and the Picture of Revolution in Textbook Stories for Young Children*", Dorota Michulka discusses literary texts in schoolbooks, especially those depicting role models that helped the authorities in their fight for the minds and souls, becoming the most effective tool of ideological persuasion and the formation of "a new man" in the spirit of the new system. Tendentious texts about Lenin and the revolution relied on the strategy of stereotyping to build a clear ideal of a perfect human being. The authors of those stories used the convention of black-and-white presentations, "artistic sociology", clear subject matter, mimesis, and trite motifs and devices, but arguably the most effective means of manipulation was the pompous, euphoric, and persuasive language, which was an extremely effective method of influencing the emotions of the young reader, thus shaping positive attitude of the child towards socialist ideology.

Key words: Polish socialist realism, revolution, history, Lenin, artistic sociology, mimesis, manipulation, censorship, stereotype, ideology.

In the article by Katherine Batchelor, "*The Russian Revolution: Events and Characters as Depicted in U. S. Young Adult Literature*", the author examines a collection of 12 young adult novels centering on the Russian Revolution published within the last decade. She begins by defining historical fiction and young adult literature, noting the affordances that both bring in exploring the Russian Revolution. The scholar describes reader response theory, the theoretical framework she uses to analyze these novels. She analyzes how young adult authors in the United States portray Russian historical events leading up to the Russian Revolution, as well as how adaptations are made for the young adult audience, especially regarding the Romanov family execution. Batchelor concludes her analyses by discussing recurring characters that appear most frequently in the young adult literature plots, such as Rasputin, Anastasia, and Tsar Nicholas II, and ends with implications for readers, as well as history itself.

Key words: Young adult literature, historical fiction, the Russian Revolution, reader response theory.

Maria Litovskaya's "*Young Fighter's 101: Stories of Revolutionary History for Adolescents in Children's Literature of the 1930s*" examines the ideological demands put on children's literature in order to develop in the consciousness of the young generation a uniformed knowledge about domestic history, its development, and preconditions to the establishment of the socialist state. This call for such homogeneity of historical knowledge stimulated the production of many works of literature about revolutionary struggles aimed at the young audience. In Soviet literature for the young, a special genre of "historical revolutionary novel" was established. The main features of this genre are analyzed in this article using the novella, *Adolescents*, by B. S. Itsyn as an example.

Key words: literature and ideology, soviet children's literature of the 1930s, historical revolutionary novel, B. S. Itsyn.

In her article, “*The Magazine Comrade (1928–1931, Novosibirsk, Russia): Avant-garde Features of the Siberian Pioneer Magazine*”, Ksenia Abramova describes the children's magazine *Comrade*, published in Novosibirsk from 1928 until 1931. It was originally intended for school-age children, but since September 1929, the editorial board noticed *Comrade* as “the magazine of students and pioneers of Siberia”. The author focuses on the analysis of the characteristics of the content and design of the magazine, in order to identify the traits of avant-garde periodicals of the 1920s–1930s. She analyzes manifestations of the desire of the editors to follow the settings of “literature of fact”, but claims that *Comrade* had some mixture of following literary tradition and methods that erase all borders between “reality” and “literature”.

Key words: avant-garde, Siberian journalism, pioneer magazines, the literature of fact, montage, Siberian children's magazine, seriation, illustration, magazine *Comrade*.

Kirill Zakharov explores in his article, “*Toy Revolution: Historiography of Rebellion in Fairy Tales*”, specific features popular in post-revolutionary children's books that would often contain a plot borrowed from the literature of the previous period. Conditionally, it can be defined as “toy revolution” or “toy rebellion”. The investigation of that issue seems to be important for children's literature of that time and for its reactions on the October Revolution. The article is based on various publications that demonstrate the conditions of revolutionary experience interpretation in children's literature, as well as the efforts to use an old plot to explain to the young readers the essence of the Revolution and the foundations of a new world.

Key words: October Revolution, Petrushka, trickster, agitation, Alexander Blok, Neverov, Gorodetsky, Agnivitsev, Chukovsky, Evreinov, children's theater, Buratino.

In her article, “*The October Script for Preschoolers*”, dedicated to the celebratory rituals of the October Revolution, Marina Kostukhina examines several scripts produced for those purposes. Since the Day of the Revolution, November 7th, was the main celebratory event, those scripts present a remarkable combination of main state ideological concepts, images taken from the world of nature, while also including elements of the seasonal rituals. Reoccurrences of these celebratory practices could be found today in contemporary “autumn celebrations” for preschoolers.

Key words: preschool celebrations, November 7th celebratory scripts, festive rituals in preschool institutions.

Julia de Florio investigates the relationship between Maxim Gorkii and Samuil Marshak in her article “*And I Know Him for a Long Time: Maksim*”

Gorky and Samuil Marshak in their Historical Context". The article focuses on the relationship between M. Gorky and S. Marshak, beginning from their first pre-Revolutionary encounters, until their last meeting in Crimea in 1936, some months before Gorky's death. A thorough analysis of stylistically similar statements and claims by both authors shows the new conception of children's literature, one that Marshak and Gorky carried out at the end of the 20s-beginning of the 30s, and that was finally announced during the First Congress of Soviet Writers in 1934. The tight artistic dialogue between the two writers demonstrates their ideological affinity and goes beyond the construction of Gorky's myth, which was fostered by many writers (including Marshak), in order to protect themselves from the harsh official critics.

Key words: Maksim Gorky, Samuil Marshak, First Congress of Soviet Writers, great literature for the little ones, Detizdat, critics on children's literature.

"*We Mattered with Time in Last Marchoctober...': Linguistic and Cultural Anachronisms in V. V. Nabokov's Translation, Anya in Wonderland (1923)*" by Svetlana Garziano presents the study of linguistic and cultural anachronisms that occurred in Vladimir Nabokov's translation of Lewis Carroll's fairy tale, *Alice in Wonderland* (1865), entitled, *Anya in Wonderland* (1923). Garziano proposes three topics in her analyses: the textual analysis of anachronisms in Nabokov's translation, the semantic interpretation of the translation of the sentence, "We Mattered with Time in Last Marchoctober...", and the search for reminiscences of Lewis Carroll's fairy tale in the works of Nabokov. An analysis of anachronisms in Nabokov's translation will also lead the reader into the study of original text's temporality.

Key words: V. V. Nabokov, Anya in Wonderland, Alice in Wonderland, Lewis Carroll, translation, linguistic anachronisms, cultural anachronisms, temporality.

In "*Old New Tale: The Mythopoetic Subtext of Samuil Marshak's play-tale, 'Twelve Months'*", Katia Cennet examines the structural morphology of Marshak's revision of the Czech tale that served as a basis for Marshak's creation. The author studies the creation process of this "new" tale that, in Marshak's idea, should have incorporated a rich heritage of Russian folklore and, at the same time, should have reflect upon new historical reality.

Key words: tale, children's literature, mythopoesis, folklore, orphan, Hundred Acre Wood, anachronism, Samuil Marshak, "Twelve Months".

The "*Archive*" rubric of this volume is built around the materials from the personal records by the Soviet era writer Nikolai Ognev (Mikhail Rozanov). The documents found in his personal records include materials that reflect on the author's process of creating his novella, *The Diary of a Communist Schoolboy*. His personal notes and reflections demonstrate the struggle of a creative individual to fit the ideological demands of the time into

a form suitable for children. Ognev's problems with the literature of "social order", and his attempts to fit his personal beliefs into the Procrustean bed of the socialist realist aesthetics are evident from these materials. An important context that assists in our contemporary understanding of this particular process of literary creation is provided through supplementary documents, such as the school's newspaper *Sparkle* that was published by the new type of school commune where the writer worked, and the reprint of E. Kirpichnikova's article in the professional journal *Messenger of Enlightenment* from 1922 with comment on school experimentations later described in Ognev's novel. The articles that follow these archival materials continue to address the impact of the novel, its plot, and main characters.

Ol'ga Vinogradova's article, "Ognev, Rozanov and Nikpetozh: On Personal Names and Pen Names of The Diary of a Communist Schoolboy's Author" introduces new biographical insights into Ognev's life and work. The biography of N. Ogniov (1888–1938) was never deeply explored. The present article contains information about the novelist's family background and childhood, as well as his literary and pedagogical career before and after the Russian Revolution of 1917. The biography is based on archival documents of N. Ogniov and his brother S. G. Rozanov (both archives are kept in Russian State Archive of Literature and Art). The article describes the life of the writer until 1929, the year when the second part of the novel (*The Diary of a Communist Undergraduate*) was published. The autobiographical details revealed in the novel and its sequel illustrate how the composition's and the characters' development reflects the author's changing attitude to the transforming Soviet society of 1920–1930s.

Key words: N. Ogniov, M. G. Rozanov, Kostya Ryabtsev, *The Diary of a Communist Schoolboy*, *The Diary of a Communist Undergraduate*, children's literature of 1920s, school novella, Dalton plan.

Alexander Rozhkov comments in his article, "Kostya Ryabtsev's Diary: 1920s School Reality from a Point of View of a Historian", on the socio-historical context of the post-revolutionary decade and the image of the 1920s school described in *Kostya Ryabtsev's Diary* by N. Ogniov. The article presents the concept of the modern Soviet multi-structural school that was designed to form a "new man/woman". The author studies the nature of methodological experiments (an integrated method, State Academic Council's program, Dalton Plan, the method of projects, etc.). This publication focuses on the analysis of the system of student self-government, as well as the role and place of Pioneer and Komsomol organizations in the school life. Such a comprehensive analysis helps to come to a conclusion that the literary work of N. Ognev is a reliable *historical* source of knowledge about the school and students in the 1920s.

Key words: Kostya Ryabtsev's Diary, Nikolay Ogniov, the 1920s school, pedagogical experiments, student self-government, "a new human".

Svetlana Maslinskaia's article on "*The Diary of a Communist Schoolboy* by N. Ogniov in American Criticism of the 1920s" examines critical approaches to the book that were published in the left-oriented press in the United States in 1928. She claims that the literary innovations of the novel were overshadowed by the critics' focus on the nature of Soviet era educational experimentations, thus making the main focus on realia, rather on literary form and new stylistics.

Key words: N. Ogniov, M. G. Rozanov, Kostya Ryabtsev, *The Diary of a Communist Schoolboy*, Alexander Werth, children's literature criticism, children's literature of 1920s, school novella, international literary contact, educational experiments.

The follow-up rubric, entitled "*Interviews*" reflects upon the recollections of readers who were introduced to the first post-WWII publication in Russia of *The Diary of a Communist School Boy* (1966). The question the editors tried to address was focused on the reception of the book after more than thirty years of being out of circulation. Ognev wrote his novel in the immediate proximity of the events of the 1920s described in the book. What themes, problems and literary devices remain of interest today? Which ones sound archaic and have disappeared, which ones remain acute and still provide evoke interest by the contemporary readers? Among the interviewees of this project are well-known literary specialists, publishers, translators and journalists, such as Konstantin Polivanov, Elena Romanicheva, Ilya bershein, Tatiana Sigalova and others. The volume concludes with selected articles from the Conference at the International Kinder-und Jugendbibliothek, "Checkpoint Kinderzimmer. Beziehungen zwischen der deutschen und der russischen Kinderliteratur" (Munich, 19–20 October 2017)¹.

Valentin Golovin, Oleg Nikolaev in "*Joachim Heinrich Campe's 'Winterlied' und A. S. Shishkov's 'Little Nikolai Praise for the Winter's Merry Time': First Canonical Poetic Text for Children*" analyze the formation of the poetic canon in works for children. They provide thorough analyses of various sources that have influenced Shishkov's work. Extensive historical and cultural commentary is offered in order to establish innovative techniques employed by A. Shishkov. Among them is the depiction of a mischievous boy as a positive character, the use of mnemonic experience, diverse forms in the depiction of the celebratory crowd, and many other novel features that come to the forefront in this poem.

Key words: ШИШКОВ А. С., «Николашина похвала зимним утехам», Kinderbibliothek I. H. Campe, Kleine Kinderbibliothek, Overbek, Winterlied, formation of the canon, A. Remizov, festive topoi, play, mnemonics.

¹ The full conference report will appear in the next issue of the journal.

In her article, "*German Authors for Russian Children: Children's Books in Russia at the End of the 18th Century*", Inna Sergienko considers the entire corpus of literary texts written for children in the late 18th century. The main focus of her investigation is devoted to the educational/instructional literature for the young: children's encyclopedias, dictionaries, readers, and primers. The author explores how those publications were reflected in the national bibliography and which of them made it into the list of required readings. Sergienko analyzes the impact of German authors on the development of educational/instructional literature for children in the 18th century.

Key words: 18th century, children's literature, educational/ instructional children's book, retrospective national bibliography, German pedagogy of the 18th century, philanthropism.

Svetlana Maslinskaia studies the impact of Heinrich Wolgast on the development of Russian theoretical discourse in children's literature in her article, "*Heinrich Wolgast and the Formation of Russian Theoretical Discourse in Children's Literature, 1910s–1930s*". The immediate reaction of Russian literary critics on the book by Wolgast has demonstrated that the 1910s became a groundbreaking period for the formation of professional critical circles that dedicated their attention to children's literature. A prolific group of pedagogues who occupied themselves with the issues of children's critics were able to develop a new language of critique that came to fruition through their external polemics with Heinrich Wolgast and his book. Such polemics assisted this group in creating their own theoretical apparatus, established a well-recognized pantheon of influential children's critics, and defined the parameters of national discourse on children's literature. Although the 1920s did not show any support for Wolgast's theory, his work was once again in high demand in the 1930s, which coincided with the time when the pre-revolutionary "restoration" and the discussion of what children's literature should have been.

Key words: Heinrich Wolgast, theoretical discourse, critique of children's literature, national critical discourse, pantheon of children's literary critics.

Ol'ga Simonova's article, "*Detgiz's Policy in the Publication of the Translated GDR Books in the Late 1940s — Mid 1950s*", focuses on the ways Detgiz has selected the books published in the German Democratic Republic for their translation into Russian in the late 1940s-mid-1950s. At the beginning of this period, Detgiz dealt only with the list of German authors approved for the translated "literature for adults" in the USSR. Besides those names, there were also selections of German classics and publication of German fairy tales. By the mid-1950s, Detgiz began to produce in translation the works of contemporary German children's authors. The important conditions for the selection were the political platform of an author, content of her/his literary work in accordance to the ideology, and artistic value of the book. The minimal circulation of German children's books written by contemporary

authors and the lack of reprints defined their modest popularity in the USSR in the 1950s.

Key words: *Detgiz*, the policy of the publishing house, the editorial board of contemporary foreign literature, translation, ideology, German Democratic Republic, German literature.

In the concluding rubric “*Materials*”, the commentary by *Valentin Golovin*, “*If These Are Signs of Change, Then These Are Horrific Signs: The Unrevealed Protest by E. Elachich*,” exposes the unpublished letter by Evgeny Elachich, the well-known literary critic of the beginning of the 20th century. In this letter of protest, the critic attacks the “pornographic content “of Sergei Iushkevich’s story, “Pigeons” (1914). Following is the permanent authorial rubric by *Ekaterina Asonova*, *Children’s Books in the Adults’ Reading Domain*. Her comments, entitled, “*Set of Postcards or Four Contemporary Books about the Russian Revolution*”, present her views on contemporary children’s literature.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова, Ксения Вадимовна (a-ks@yandex.ru), Новосибирский государственный педагогический университет.

Асонова, Екатерина Андреевна (asonova_ea@mail.ru), лаборатория социокультурных образовательных практик института системных проектов МГПУ.

Балина, Марина (Marina Balina) (mbalina@iwu.edu), Illinois Wesleyan University (USA).

Батчелор, Катерина (Katherine Batchelor) (batcheke@miamioh.edu), Miami University (USA).

Велд Панкеньер, Сара (Sara Pankenier Weld) (sara.weld@ucsb.edu), University of California, Santa Barbara.

Виноградова, Ольга Владимировна (didonica@gmail.com), Российская государственная детская библиотека.

Гарциано, Светлана (Svetlana Garziano) (svetlanagarziano@univ-lyon3.fr), Научно-исследовательский Центр французского и сравнительного литературоведения MARGE, Лионский Университет им. Жана Мулена.

Головин, Валентин Вадимович (valentin_golovin@mail.ru), Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Центр исследований детской литературы.

Захаров, Кирилл Алексеевич (grafbewaker@gmail.com), Российская государственная детская библиотека.

Костюхина, Марина Сергеевна (eakost@yandex.ru), Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт детства, кафедра языкового и литературного образования ребенка.

Литовская, Мария Аркадьевна (marialiter@gmail.com), университет Чжэнчжи, кафедра славистики, Тайбей, Тайвань; ИИИА УрО РАН, Екатеринбург.

Маслинская, Светлана Геннадьевна (braunknopf@gmail.com), Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Центр исследований детской литературы.

Михулка, Дорота (Dorota Michulka) (dorota.michulka@uwr.edu.pl), Instytut Filologii Polskiej/Institute of Polish Studies Uniwersytet Wrocławski/University of Wrocław (Polska/Poland).

Мязотс, Ольга Николаевна (omacots@gmail.com), отдел детской книги и детских программ Библиотеки иностранной литературы имени М. И. Рудомино, кафедра «Иллюстрация и эстамп» Института графики и искусства книги имени В. А. Фаворского Высшей школы печати и медиаиндустрии.

Николаев, Олег Рудольфович (ornikolaev@yandex.ru), бюро «Арт Терра» (г. Санкт-Петербург).

Рожков, Александр Юрьевич (avro14@mail.ru), Кубанский государственный университет (г. Краснодар).

Сенне, Катя (Katia Cennet) (katia.cennet@uca.fr) Университет Клермон Овернь, USA, Франция.

Сергиенко, Инна Анатольевна (inna_antipova@bk.ru), редколлегия «Детских чтений».

Симонова, Ольга Алексеевна (osimonova@yandex.ru), Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук.

Де Флорио, Джулия (Giulia De Florio) (julia.deflorio@gmail.com), Государственный университет в Парме, Государственный университет в Мачерате.

Хабер, Эрика (Erika Haber) (ehaber@syg.edu), Сиракюзский университет, США, кафедра языков, литературы и культуры.

Адрес редакции «Детских чтений»: detskie.chtenia@gmail.com
Странички в интернете: www.detskie-chtenia.ru
www.armchair-scientist.ru/detlit/

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:
Зав. редакцией *Ф. А. Еремеев*
Корректор *Е. Р. Филатова*
Обложка *Е. А. Язвенко*
Верстальщик *Е. Г. Жилина*

Почтовый адрес издательства: «Кабинетный ученый»
Россия, 620014, г. Екатеринбург, а/я 489

Postal address: Armchair Scientist
Russia, 620014, Ekaterinburg, P. O. Box 489

E-mail: fee1913@gmail.com

Подписано в печать 18.11.2017. Формат 60 × 84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 200 экз.